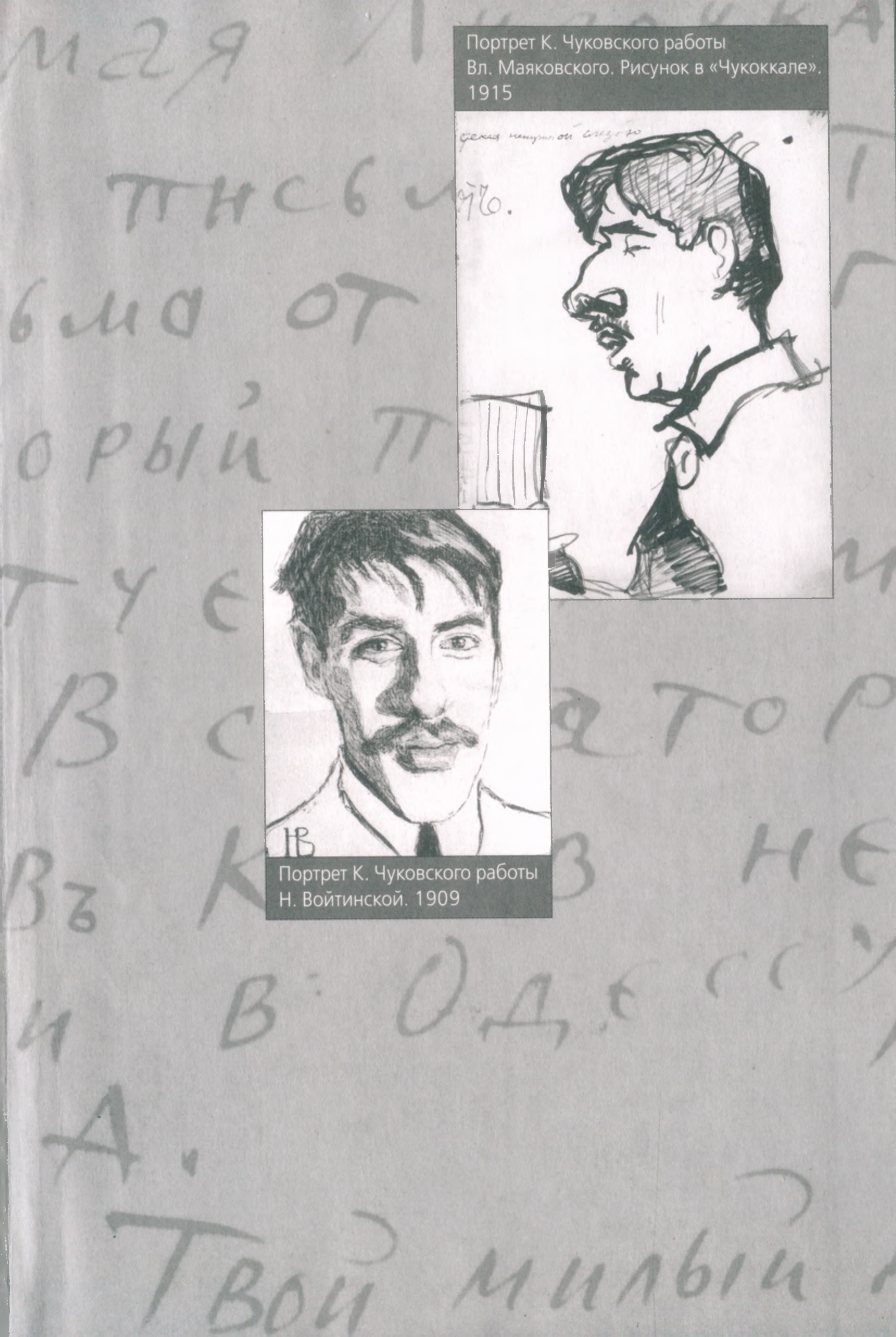
Корней Чуковский Переписка Лидия Чуковская

Лида Чуковская. Рис. Бориса Григорьева. 1915. Куоккала

Портрет К. Чуковского работы Вл. Маяковского. Рисунок в «Чукоккале». 1915

Портрет К. Чуковского работы Н. Войтинской. 1909

Корней Чуковский

Переписка

Лидия Чуковская

Корней Иванович и Лидия Корнеевна.
Переделкино. 1957. *Фрагмент фотографии*

Корней Чуковский

Переписка

Лидия Чуковская

1912–1969

МОСКВА / НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ / 2003

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Чуковский К.И.
УДК 821.161.1.09"19" Чуковский К.И.
Ч 88

Вступительная статья
С.А. Лурье

Подготовка текста, публикация и комментарии
Е.Ц. Чуковской и Ж.О. Хавкиной

Художник
Е. Поликашин

Чуковский Корней, Чуковская Лидия
Ч 88 Переписка: 1912—1969 / Вступ. статья С. А. Лурье, коммент. и подгот. текста Е.Ц. Чуковской, Ж.О. Хавкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 592 с., илл.

Переписка Корнея Чуковского (1882—1969) с дочерью — Лидией Чуковской (1907—1996) продолжалась более полувека. В переписке отразилась даже не эпоха, а многие эпохи XX века, преломленные в судьбах большой семьи. Но особенность этой переписки в том, что наряду с обстоятельствами семейными, бытовыми, письма изобилуют литературными событиями. Они принадлежат литераторам и поэтому содержат портреты многих современников и отзываются на литературные дискуссии тех лет. Большинство писем публикуются впервые.

Письма печатаются в современной орфографии и пунктуации, но с сохранением особенностей индивидуальной манеры авторов (отдельные искажения имен и фамилий, некоторые сокращения и др.). В соответствии с книжной культурой тех лет сохранено также написание названий книг и учреждений с прописных букв.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Чуковский К.И.
УДК 821.161.1.09"19" Чуковский К.И.

ISBN 5-86793-231-1

КТО БЫЛ ОН, И КТО БЫЛА ОНА

Чужие письма, совершенно как печаль минувших дней, воздействуют на человека с силой, пропорциональной квадрату расстояния. Так что книги вроде этой живут долго.

Ни в каких предисловиях она не нуждается — но это сейчас.

А лет, скажем, через двести понадобится — чтобы войти в обветшалый том — ключ не ключ, хотя бы лампочка на лестничной площадке.

Конечно, внутри есть примечания — там все необходимое сказано. А вдруг потомок окажется ленив и нелюбопытен, капризный верхогляд?

На этот случай прикрепим к дверям табличку — кто такие были эти Чуковские, отец и дочь.

Отец — автор «Мойдодыра», «Мухи-Цокотухи», еще полудюжины самых известных в двадцатом столетии русских стихотворений. В них содержится редчайший элемент — вдохновение невинного веселья. Несколько минут на целый век, — но этой неразменной дозой облучен в раннем детстве практически каждый из нас, так называемых советских людей; надо думать, это как-то сказалось на образе жизни.

Дочь — автор «Софьи Петровны» — повести об этом самом образе жизни: о том, как технология скотобойни втесняется в мораль мыслящего сырья. Повесть написана в 1939-м в Ленинграде — не антиутопия, но фотография с натуры, — не просто с риском для жизни, а с отвагой самоубийцы; что «Софья Петровна» не погубила Лидию Корнеевну и не погибла сама — что Лидия Корнеевна даже дожила до триумфа «Софьи Петровны» (1988) — парадоксальный сюжетный ход Провидения; впрочем, я полагаю, необходимый. Наверное, нельзя было бросать на произвол истории такой важный текст. Ведь без него Большой Террор — не урок человечеству, а и в самом деле только сказка, рассказанная кретином с шумом и яростью.

Статистика убийств, живопись истязаний выпячивают их жестокость, якобы бессмысленную. Один только Франц Кафка предчувствовал то, что

Лидии Чуковской открылось наяву: ад именно и есть диктатура абсурда, гнусный ужас глупости. Мир поступков, ничем не мотивированных, кроме злой воли (глупость не знает жалости — в этом ее материальная сила: злая воля подчиняется ей одной): театр беспощадных лунатиков.

Крохотная фабула повести «Софья Петровна» (дальней родственницы Акакия Акакиевича) протоколирует постыдную трагедию бессчетных миллионов: под тяжестью торжествующего абсурда хрустит бедный здравый смысл, — и совесть, как моллюск в раздавленной ракушке, гаснет, — и человек прилепляется к большинству, благонадежный предатель.

Дотянувшись до печатного станка, повесть Лидии Чуковской закрыла, так сказать, советскую литературу.

А Корней Чуковский был этой литературы основоположник и патриарх, незапятнанный долгожитель, живой пример: вот, и при социализме порядочный человек может выйти в классики. Только надо жить долго, работать не покладая рук и не обращать внимания на главное.

Одна читательница ему сказала: вот вы всё пишете, как плохо мы говорим; хоть бы кто написал, как плохо мы живем.

Но еще неизвестно, что важней. Книги Корнея Чуковского «Живой как жизнь», «От двух до пяти», «Высокое искусство», не говоря уже о мемуарной прозе, оставляя в стороне научную, — скрасили жизнь нескольким поколениям интеллигентов.

(А его эссеистика 1910 — 1920-х существовала словно за границей, вроде куоккальской дачи — заброшенная, нежилая, разграбленная владельцами советских диссертаций.)

Не то чтобы образованщина (термин А. И. Солженицына) поголовно увлекалась проблемами практической стилистики либо, скажем, теорией художественного перевода. Сочинения Чуковского были для бедных самоучители хорошего вкуса. Они развивали, в сущности, одну и ту же идею, идею «Мойдодыра»: опрятность (в частности, словесная; к примеру — профилактика *канцелярита*) — она и есть победа над Злом.

«Думаю, что в стране, где еще так недавно про всякого чистящего зубы говорили: «гы, гы, видать, что жид!» эта тенденция стоит всех остальных», — написал (конечно, не напечатал) Корней Иванович году так в двадцать девятом.

Это и был пафос его литературы — спасти, что осталось от культурных привычек; санитарно-гигиенический гуманизм.

Лет двадцать ушло у начальства на то, чтобы согласовать этот факультатив с официальным курсом прививаемых добродетелей (прежде всего — бдительность, но также умеренность и аккуратность).

И к началу шестидесятых Корней Чуковский был оценен по заслугам: рекордные тиражи, нимб добродетельного мудреца, нежная любовь читателей, ордена и лавры.

А Лидия Чуковская в легальной словесности существовала незаметно: скромные книжки с неповоротливыми названиями, как бы научные.

Она ими не гордилась — и если бы кто посмел сказать, что, например, про Герцена она написала не слабей, чем ее отец про Некрасова (подразумеваю не статьи двадцатых годов, а увенчанный Ленинской премией труд «Мастерство Некрасова»), — она испепелила бы такого человека. Правда, ее отец не скупился как раз на подобные похвалы, но тут — и только тут — она ему не доверяла.

Она-то знала (впрочем, и он видел), что в ее «надводных» сочинениях нет души, одна точность, да и та — в нестерпимых пределах дозволенного. Так и говорила: не все ли равно, о чем писать, если нельзя — про что хочется. Какая разница — хорошо или плохо написано то, что не нужно.

Бывали у нее часы и дни, когда воображался текст, по-настоящему необходимый. Эти видения прозы как правды, эти погружения описаны в повести «Спуск под воду» (начата в 1949-м, напечатана в 1989-м): жизнь глазами Уленшпигеля, мир горя и мести.

Верней, под девизом из Герцена: проклятье вам! — проклятье и, если возможно, месть.

До самого Тридцать Седьмого она принимала реальность как настоящую жизнь, в которой вполне возможны увлекательная работа, счастливая любовь и верная дружба. Но с увлекательной работы ее прогнали, друзей уволокли в тюрьму, причем любимого человека — навсегда. И ей осталась только верность.

Загляните в письмо от 12.10.38.— где о фильме «Профессор Мамлок». Вас поразит, как ожесточилась эта молодая женщина — до какой степени отрешилась от иллюзий. Вряд ли кто-нибудь еще в Советском Союзе (из находившихся на воле) столь же отчетливо понимал сущность родного государства. Собственно говоря, тут первый набросок «Софьи Петровны»:

«Да, фашизм — страшная вещь, гнусная вещь, с которой необходимо бороться. В фильме показана травля профессора-еврея <...> провокационный поджог рейхстага, который дал возможность Гитлеру расправиться со своими политическими врагами; пытки, применяемые к коммунистам на допросах; очереди матерей и жен к окошку Гестапо и ответы, которые они получают: «О вашем сыне ничего неизвестно», «сведений нет»; законы, печатаемые в газетах, о которых фашистские молодчики откровенно говорят, что это законы лишь для мирового общественного мнения»...»

Представляю, как неприятно было читать Корнею Ивановичу. Но он крепился, как бы ничего такого не замечая, и поддерживал диалог в рассеянно-бодрой манере Порфирия Головлева:

«Надеюсь, что до декабря ты можешь сопротивляться своеволию и насилию управдома. А в декабре мы приструним его окончательно».

(Сравните у Салтыкова: «А ты ключницу за бока! За бока ее, подлую!» — Я почти уверен, что К. И. под эту манеру подделывался нароч-

но: в его знаменитом — не так давно напечатанном — дневнике подобные стилистические гримасы не редкость)

Он как будто вообще не желал ничего знать про то, что и другим бывает больно, — чужое отчаяние его раздражало.

Дочь пишет (7.10.1939):

«Жить мне очень скучно. Каждое утро просыпаюсь и думаю: для чего мне вставать? В конце концов, воспитывать Люшку можно и лежа. Самые дурные часы: утром перед вставанием и вечером перед сном. Днем занят повседневностью, а утром и вечером думаешь о жизни. Ах, я прекрасно знаю, что человек должен трудиться. И тружусь. Но плохо, когда живешь только из чувства долга. Такая жизнь утомляет».

Отец — в ответ:

«Читаю Хэмингвэя, Колдвелла, получаю наслаждение. Здесь познакомился с замечательной личностью: с бывшей пулеметчицей Чапаевской дивизии Марией Поповой. Необычайно талантлива, самобытна, из неграмотной батрачки стала интеллигентной женщиной, знающей шведский и немецкий языки. В ней есть и величавость, и скромность. Говорит она чудесным русским языком — вкусным, богато окрашенным...»

Какая-то колкая точка пляшет в этом пассаже — лучезарном, бредовом.

Быть может — обычная презумпция перлюстрации.

Не исключаю, впрочем, что дочь наказана не за тоску, а за бестактную фразу про дневник Никитенко (в том же письме):

«Никитенко читаю с интересом и жалостью. Страшна судьба человека, который неправильно понял главное в своей эпохе. Как бы он ни был умен и порядочен — он обречен во всем наврать, натворить глупостей и подлостей».

Этот Никитенко был в девятнадцатом веке посредственный литератор, усердный цензор; пятьдесят лет подряд заносил в дневник факты и сплетни — теперь этим трем томам нет цены. Вошел в историю литературы — вообще прожил преблагополучно, пользуясь уважением самых выдающихся современников. Никому, кроме Лидии Корнеевны, жалок не казался, — тем легче заподозрить в ее словах некий намек. Положим, афоризм ничего не стоит опрокинуть: страшна судьба того, кто *правильно* понял главное. Но это смотря что считать главным.

В дневнике К. И. среди других поразительных сцен есть и такая (20.10.1953):

«Был у Федина. Говорит, что в литературе опять наступила весна. Во-первых, Эренбург напечатал в «Знамени» статью, где хвалит чуть не Андре Жида <...> Во-вторых, Ахматовой будут печатать целый томик <...>, Боря Пастернак кричал мне из-за забора <...>: «Начинается новая эра, хотят издавать меня!»...»

Кажется, язвительней нельзя — этот возглас войдет в пословицу — местоимение даже подчеркнуто: как близоруко себялюбивы наши литерато-

ры! Но тут же Корней Чуковский обозначает масштаб своих политических упований:

«О, если бы издали моего «Крокодила» и «Бибигона»!»

Лидия Чуковская, хоть и воспитывалась в этом же птичнике, свободу и справедливость представляла себе по-другому:

«Я хочу, чтобы винтик за винтиком была исследована машина, которая превращала полного жизни, цветущего деятельностью человека в холодный труп. Чтобы ей был вынесен приговор. Во весь голос. Не перечеркнуть надо счет, поставив на нем успокоительный штемпель «уплачено», а распутать клубок причин и следствий, серьезно, тщательно, петля за петлей, его разобрать...».

Это из статьи в Самиздате, год 1968, но мечта — всей жизни.

Корней Иванович, по его же словам, «несмотря ни на что, очень любил Сталина», — однако же и мнения Лидии Корнеевны, «единственного друга в литературе», вроде бы разделял; но с важными оговорками; под старость (тоже, кстати, в 1968-м) одну из них доверил дневнику:

«Теперь, когда происходит хунвейбинская расправа с интеллигенцией, когда слово интеллигент стало словом ругательным — важно оставаться в рядах интеллигенции, а не уходить из ее рядов — в тюрьму. Интеллигенция нужна нам здесь для повседневного интеллигентского дела. Неужели было бы лучше, если бы Чехова или Констанс Гарнетт посадили в тюрьму».

Он, конечно, боялся за дочь — и, я думаю, побаивался дочери, и страха этого ради нередко вел себя великодушно: чтобы она не переставала им гордиться. (На похороны Бориса Пастернака все же не пошел.) Но про себя, как страстный мизантроп, считал ее вечную борьбу с Глупостью занятием, не достойным ума.

Лидия Корнеевна, наоборот, верила в ценность правды. И за себя не боялась ничего и никого. Жила и писала, как свидетель обвинения на суде, так и не состоявшемся. Хотя много, много раз в ее сочинениях и письмах встречаются эти строчки Блока:

Человеческая глупость, безысходна, величава,
Бесконечна...

Не сомневаюсь, что эти стихи впервые прочитал ей отец.

Оба — отец и дочь — смотрели на жизнь из литературы. Верней — классические тексты составляли для них страну истинного бытия, откуда льется вечный свет на несчастную личную действительность — плоскость утрат и унижений. Оба убедились на собственном опыте: никакая человеческая беда, даже смерть близких, не отменяет слез восторга и наслаждения, неизменно доставляемых стихами Некрасова, Фета, Блока. Зато без стихов жить очень трудно, практически — невозможно, а кто на это спосо-

бен — в лучшем случае жалкий калека, в худшем — урод и как бы естественный враг. Корней Иванович всю жизнь не переставал удивляться: неужели эти существа воображают, что они тоже живут?

«Неужели никто им ни разу не сказал, что, напр., читать Фета — это слаще всякого вина?»

Записано с оттенком сочувствия: год 1926, народ еще не просвещен, а вот у новых поколений все впереди, на то и Детиздат.

(Кстати: в винах Корней Иванович вряд ли разбирался; в рот, говорят, не брал).

Но вот уже стали взрослыми чудные дети чудных советских детей: год 1959, больница — очередная встреча с «простыми людьми».

«Мед. «сестра» это типичная низовая интеллигенция, сплошной массовый продукт — все они знают историю партии, но не знают истории своей страны, знают Суркова, но не знают Тютчева — словом, не просто дикари, а недочеловеки...»

А ведь учили, несомненно, учили «Федорино горе» наизусть.

Впрочем, это жертвы сталинизма, ничего не поделаешь, — «это поколение будет оголтелым, обездушенным, темным».

Однако же и в 1969-м, современники выглядели более чем странно:

«...Разговаривать с ней одно удовольствие — живой, деятельный, скептический ум.

Но... она даже не предполагает, что в России были Мандельштам, Заболоцкий, Гумилев, Замятин, Сомов, Борис Григорьев, в ее жизни пастернаковское «Рождество» не было событием, она не подозревала, что «Мастер и Маргарита» и «Театральный роман» — наша национальная гордость. «Матренин двор», «В круге первом» — так и [не] дошли до ее сознания. Она свободно обходится без них.

Так как я давно подозревал, что такие люди существуют, я стал внимательно приглядываться к ней и понял, что это результат специальной обработки при помощи газет, радио, журналов...»

Получалось, что в его жизни — а может быть, и в целом мире — был один-единственный всамделишный человек — хотя и взрослый: дочь. Получалось, что все его сочинения создали одну-единственную реальную личность.

А он был ее главный герой — и не только в книге «Памяти детства». Вся проза Лидии Чуковской не свободна от мыслей о нем, втайне сравнивает с ним прочих персонажей: не выдерживает сравнения почти никто.

Шестилетняя Лида отца боготворила, боялась, ревновала, баловала — ночами, при свече, читала ему, безумному от бессонницы, баллады Жуковского, романы Диккенса, — он так боялся остаться один! — позволял ей охранять его, — едва ли не лучшие в ее жизни были те ночи.

Двадцатилетняя писала отцу из ссылки, из первой разлуки:

«Ты действительно не знаешь, что я по-прежнему, по-детски, по-трехлетнему, люблю тебя больше всех на свете, и по-прежнему живу Пушкиным, Блоком, Некрасовым, Достоевским? Не поверю я этому никогда, потому что ведь ты — ты».

Так любила его всю жизнь — и после его смерти — до самой своей.

Но он жалел себя еще сильней, чем она его любила.

И в дневнике писал (предвкушая: кто-кто, а она когда-нибудь прочтет):

*«Ровно 12 часов ночи на **1-ое апреля.** Мне LXX лет. На душе спокойно, как в могиле. Позади каторжная, очень неумелая, неудачливая жизнь, 50-летняя лямка, тысячи провалов, ошибок и промахов. Очень мало стяжал я любви: ни одного друга, ни одного близкого. Лида старается любить меня и даже думает, что любит, но не любит...»*

В одной книжке я прочитал, что Корней Чуковский был, очень вероятно, гений. Книжка трактовала о генетике — излагала теорию, в которой заветный эпитет приравнен к диагнозу. Оказывается, если гениальных людей (то есть тех, кого история признала таковыми, — это что-то около полутысячи особей) рассортировать по экстерьерно-конституциональным признакам: рост, телосложение, наследственные болезни, — получится сколько-то (не помню сколько) как бы пород. И вот одной из них как нельзя лучше соответствует фигура Корнея Чуковского: судя по форме конечностей, по каким-то еще приметам — гений, так сказать, чистокровный. (То есть как доберман — на добермана похож на какого-нибудь Ханса Кристиана Андерсена.)

Ученый автор воспользовался, насколько я понимаю, словарным значением: «человек, обладающий высшей степенью творческой одаренности».

В среде практикующих сочинителей сохранился и нелегальный смысл, антинаучный, антицерковный: гениальность в этом смысле подразумевает сотрудничество с неизвестным Соавтором, когда творчество — не волевой акт, а как бы слуховой: разобрать, запомнить, повторить подсказку издалека, заглушаемую всевозможными помехами. То есть гений — не тот, кто сильнее всех, а — кто сильней самого себя, пишет превыше способностей, поверх ума; по-советски выражаясь, у него блат в наивысших сферах, в неземных; он еще и похваляется трансцендентальным плагиатом: Муза ему, видите ли, диктует, согласно установке Завуча...

Профессиональное суеверие, пережиток романтизма, пародийный догмат: в литературе самое ценное не дается умственным трудом, а только — и буквально — даром; гениальность осеняет, как благодать. Откуда хоть бы и незваному знать, что он не избран?

Без этой отрицательной надежды русский литератор не живет. Назвав пишущего человека (тем более — поэта, от чего Боже вас сохрани) честным ремесленником, вы нанесете ему оскорбление смертельное; «графоман» — и то не так обидно.

Составитель той периодической таблицы гениев счел нужным подкрепить кандидатуру Корнея Чуковского специальным примечанием: а что, мол, такого? чем не гений? у кого еще столько читателей? и разве бывает без необычайных дарований столь чрезвычайный успех?

Действительно: 1479 названий книг на 87 языках, общий тираж — 316 миллионов экземпляров (это сведения Российской книжной палаты на первое января 1994)!

Положим, необходима поправка на некоторые особенности социализма, — и вообще критерий не безупречный.

А вот что у Корнея Чуковского была такая характерная наружность, — наводит на какие-то ненаучные мысли про его судьбу.

Про то, какой он был одинокий человек — неизъяснимо неискренний, ослепительно многоликий, — за всю жизнь не выговорил ни слова своим настоящим голосом и сам его, по-моему, не слышал.

Хотя нет, именно ведь слышал, и не раз. Особенно ясно — 29 августа 1923 года. Только это был не голос, а ритм:

«...в тот блаженный и вечно памятный день <...>, чувствуя себя человеком, который может творить чудеса, я не взбежал, а взлетел, как на крыльях, в нашу пустую квартиру на Кирочной <...> и, схватив какой-то запыленный бумажный клочок и с трудом отыскав карандаш, стал набрасывать строка за строкой (неожиданно для себя самого) веселую поэму о мухиной свадьбе, причем чувствовал себя на этой свадьбе женихом. <...> ...Я исписал без малейших усилий весь листок с двух сторон и, не найдя в комнате чистой бумаги, сорвал в коридоре большую полосу отставших обоев и с тем же чувством бездумного счастья писал безоглядно строку за строкой, словно под чью-то диктовку.

Когда же в моей сказке дело дошло до изображения танца, я, стыдно сказать, вскочил с места и стал носиться по коридору из комнаты в кухню, чувствуя большое неудобство, так как трудно танцевать и писать одновременно».

*Он давно уже был известный литературный критик — впеча*тлительный, проницательный, с эффектной манерой: разыгрывал чей-нибудь чужой стиль на разные голоса, как маскарад навязчивых идей. Изо всех сил притворялся взрослым, иногда — с удовольствием. Но той литературы, которую он любил, в одночасье не стало. Теперь только старость предстояла ему.

И вдруг — это блаженство: текст ходит ходуном, высвобождая пляшущий голос.

На пятом десятке судьба сказала Корнею Чуковскому, как некогда Некрасову — Белинский: вы — поэт, и поэт истинный.

Был еще «Крокодил» (первая часть — 1916); но он затеян был на случай, доделан на заказ, там в первой части повторяется одна и та же ритмическая фигура: шажок — прыжок, шажок — прыжок — и отскок с поворотом, — а вторая часть пародирует хрестоматию. Были «Мойдодыр»

(1921) и «Тараканище» (1922): там движение тоже создается остроумными механизмами, оно прерывисто, и скорость ограничена.

Муха же Цокотуха — вихрь, полет на Брокен, Вальпургиева — причем белая — ночь! В ней цирковой парад сенсационных номеров мчится как неразрывный сюжет, и феерия стиховых фокусов приводится к монотонной фразе колыбельного покоя.

Сколько бы ни рассказывал впоследствии Корней Чуковский, что годами готовился, изучая русский фольклор и психику детей (и вправду — изучал), — в этом его тексте (и в нескольких других) случилось что-то такое, чего не было в фольклоре, — вообще не бывало нигде и никогда, просто дремало в невидимой бездне возможностей русской речи. Из нее, как бы подземным толчком, выступил новый остров.

(Да, на острове водились демоны. Неспроста Корней Чуковский подбадривал себя гипотезой, будто все маленькие дети — сумасшедшие: избывая в этих стихах свой страх жизни и смерти, он создал, что называется, резонансные структуры для каких-то страшно древних импульсов младенческого интеллекта: иные стихи превращают его нервный тик — в клич свирепых дикарей, пропащих подданных Повелителя мух: *«Нам акула Каракула Нипочем, нипочем, Мы акулу Каракулу Кирпичом, кирпичом, Мы акулу Каракулу Кулаком, кулаком...» Отчего-то сразу вспоминаешь — вместе с Лидией Корнеевной: «А мучительства! Любимая наша игра. Уше-вывертывание. Голово-отрубание. Пополам-перепиливание (ребром руки поперек живота). Шлепс-по-попс. Волосо-выдергивание... Надежные руки, большие, полные затей...»*. Но это в скобках, в скобках.)

Такие удачи выпадают очень немногим, — он не мог этого не понимать. И сама обстановка этой удачи — ударившей, как молния восторга, — память об этом танце с клоком обоев (ему ли было не знать, *с кем* происходят — и то лишь изредка — такие вещи!) — не могла не обольстить его надеждой на новое — наконец-то желанное! — перевоплощение: в самого себя...

Впрочем, это все мои домыслы.

Как бы там ни было, приступы вдохновения (как еще назвать? нервный подъем?) скоро сошли на нет. Беспричинная радость (нечаянная, если угодно) посещала Корнея Ивановича и впоследствии, — но без музыки — не подсказывая интонаций. На беду себе он стал поэтом: с Корнеем Чуковским случилось, по-видимому, то, что им же рассказано про Александра Блока:

«Когда я спрашивал у него, почему он не пишет стихов, он постоянно отвечал одно и то же:

— Все звуки прекратились. Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?»

Они были почти ровесники. Корней Чуковский был на два года моложе Александра Блока, на четыре — старше Николая Гумилева. Жутко представить, как — и кем — дожил бы Блок до 1969 года.

Возможно, Лидия Корнеевна иногда думала об этом. Скажем, в «Записках об Анне Ахматовой».

Как Блок — или Гумилев — своей рукой выводит на бумаге или диктует, например:

«Уже самые заглавия этих произведений поэзии показывают, как расширился в последнее время диапазон интересов и вкусов ребенка.

«Песня о Ленине». — «Первомай». — «Мы — за мир!» — «Полет в космос». — «Мальчик и летчик». — «Праздник урожая». — «Мой папа — депутат» <...> *Так что вопрос о тематике стихов для детей можно считать (в общих чертах) решенным».*

Это из прославленной, всеми любимой книги «От двух до пяти». Читать совестно, — и ведь ни слова неправды, а интонации просто нет — можете вообразить любую — хоть отвращение и тоску.

Но если в Корнее Чуковском и впрямь обитал какое-то время гений, подобные тексты унизительно смешны, как чудо дрессировки. Выходит, проиграл пациента шестикрылый серафим.

Разумеется, все это метафоры. И предрассудки. А все же обида — за Корнея Чуковского и на него — царапает ум.

Обмакнули, предположим, волшебную дудочку в чернила — назначили орудием письма, — она и старается.

Вне текста — без читателей — он был обиженный король. Калиф-аист.

В его облике проступало — сквозь вздоры сенильные, инфантильные, сквозь шутовство и артистический блеск — неумолчное несчастье.

Корней Иванович бурно жаловался только на пустячные обиды и горести, но внутренняя жизнь его всегда была, наверное, очень тяжела.

И все же до двадцать девятого года совсем другой он был человек, — не такой, каким стал в тридцать первом. За эти три года с ним произошли три катастрофы — личная: Мурочка умерла, младшая дочь, в страданиях непредставимых; литературная: гений этот пресловутый кончился; и еще какая-то катастрофа чести, что-то наподобие сделки с дьяволом.

Нет доказательств, что такая сделка состоялась наяву, — разве только сам факт, что Корней Чуковский уцелел при тирании, репрессиям не подвергался, даже сподобился мелких милостей (его дочь в книге «Прочерк» задалась вопросом: почему? ответила: не знаю, — стало быть, у Корнея Ивановича спросить не решилась). Дневниковая запись, которую сейчас я приведу, очень похожа на конспект кошмара, — но не более, чем многие другие страницы дневника Корнея Чуковского, в том числе правдивые бесспорно. Был ли искуситель, была ли подпись, или все это Корнею Ивановичу просто привиделось в ночь на воскресенье 30 июня 1968, но ход судьбы он понимал так: он предал свои сказочные стихи — за это у него отняли Мурочку:

«Когда в тридцатых годах травили «Чуковщину» и запретили мои сказки — и сделали мое имя ругательным, и довели меня до крайней нужды и растерянности, тогда явился некий искуситель (кажется, его звали Ханин) —

и стал уговаривать, чтобы я публично покаялся, написал, так сказать, отречение от своих прежних ошибок и заявил бы, что отныне я буду писать правоверные книги — причем дал мне заглавие для них «Веселой Колхозии». У меня в семье были больные, я был разорен, одинок, доведен до отчаяния и подписал составленную этим подлецом бумагу. В этой бумаге было сказано, что я порицаю свои прежние книги: «Крокодила», «Мойдодыра», «Федорино горе», «Доктора Айболита», сожалею, что принес ими столько вреда, и даю обязательство: отныне писать в духе соцреализма и создам... «Веселую Колхозию». Казенная сволочь Ханин, торжествуя победу над истерзанным, больным литератором, напечатал мое отречение в газетах, мои истязатели окружили меня и стали требовать от меня «полновесных идейных произведений».

В голове у меня толпились чудесные сюжеты новых сказок, но эти изуверы убедили меня, что мои сказки действительно никому не нужны — и я не написал ни одной строки.

И что хуже всего: от меня отшатнулись мои прежние сторонники. Да и сам я чувствовал себя негодяем.

И тут меня постигло возмездие: заболела смертельно Мурочка. В моем отречении, написанном Ханиным, я чуть-чуть-чуть исправил слог стилистически и подписал своим именем...»

В печати никакого отречения, насколько я знаю, не было[1]. Ханин этот, говорят, был — и в 1937-м расстрелян. Отречения тогда никого не спасали, «веселые колхозии» — тоже. Впрочем, ведь и «колхозий» Корней Чуковский не сочинил ни одной — вообще не опускался до пошлостей, дальше наивностей не шел. Не стану гадать — к чему этот самооговор; там есть еще такая фраза: «И мне стало стыдно смотреть в глаза своим близким».

Вину он, скорей всего, придумал. Либо, наоборот, зашифровал, связав с инцидентом заведомо нелепым и незначительным. Катастрофа-то — была: стихи с тех пор сделались бездыханны.

Все это, в сущности, парафраза некрасовского стихотворения «Поэт и Гражданин» (месть возлюбленной классики, рыдавшей в мозгу, как совесть!):

И что ж?... мои послышав звуки, Сочли их черной клеветой; Пришлось сложить смиренно руки Иль поплатиться головой... <...> Ах! Песнею моей прощальной Та песня первая была! Склонила Муза лик печальной И, тихо зарыдав, ушла. <...> О, Муза! Гостьею случайной Являлась ты душе моей, Иль песен дар необычайной Судьба предназначала ей? Увы! Кто знает? Рок суровый Все скрыл в глубокой темноте...»

[1] Выяснилось, что внутри статьи А. Б. Халатова «К спорам о детской литературе» («Литературная газета», 1929, 30 дек.) было опубликовано «Заявление Чуковского в ГИЗ от 10 декабря 1929 г.». В «Заявлении...» говорилось о «Веселой колхозии». Однако обещанная «Колхозия» так и не была написана. Подробнее см.: «“Мне” эта возня не кажется чем-то серьезно литературным...» (Из дневника Вяч. Полонского. Март-апрель 1931 года) / Публ. И. И. Аброскиной // Встречи с прошлым. Вып. 9. М.: Русская книга, 2000, с. 294—295. — *Примеч. сост.*

Поразительно и ни с чем не сообразно: в томе лирики Некрасова под редакцией К. И. Чуковского (Гиз, М.— Л., 1930) этого стихотворения — самого знаменитого — нет как нет.

Ну вот. Надеюсь, все вышеизложенное разъяснит надменному потомку тональность этой переписки, особенно в послевоенной части: как бы два усталых робота извещают друг друга о ходе работ — и что отдельные узлы совсем проржавели.

Барбитураты
Виноваты,
Что мы с тобой дегенераты.

Закон литературной поденщины: вечно догоняешь самого себя — и все время отстаешь, как от черепахи — Ахилл.

И, главное, никто не заставляет: и бедность отпала, и со славой все решено (у каждого по-своему), а все равно из наслаждений жизни, кроме стихов, по-прежнему ничего не надо — разве только, если повезет, немного поспать: чтобы голова была свежа, чтобы в ней слова быстрей вращались.

Впрочем, Корней Иванович пристрастился еще к детективам и коллекционировал в уме способы убийства.

Но только в свободное время, в последней трети жизни, когда он уже перестал служить сам себе литагентом и охотиться за издательскими договорами; когда уже и договоры, и корректуры доставляли ему на дом, и он при помощи преданного секретаря тщательно, усердно, с душой и талантом, со вкусом вытравлял из сочинений первой трети несоветские слова — вставлял советские, — и выпрямлял прежние мысли — перековывал, так сказать, крючки на гвозди.

(Наиболее потрясающий памятник этого нечеловеческого труда — «Мастерство Некрасова»: незабываемо яркие давнишние догадки сделались невидимы «в свете работ товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания» — текст матовый, как потолок палаты в клинике ЦК КПСС.)

С изданиями тридцатых — сороковых годов приходилось поступать наоборот: поскольку тезис, например, о классовой сущности художественного перевода оказался уж слишком прям и груб. Корней Чуковский вычеркивал такие тезисы, вставлял все новые и новые другие, иллюстрировал их новыми цитатами.

А также правил и правил собственные бесчисленные переводы, и еще выводил мемуары из дневника. И все это прямо из-под рук рвали в печать, в печать, — ни минуты покоя.

Дочь выговаривала ему:

«Твой рабочий план меня ужасает. Зачем себя так терзать? Я твердо уверена, что работа создана не для того, чтобы ее «кончить», а чтобы извлекать из нее счастье. Всего все равно не напишешь — ни ты, ни кто...»

А сама торопилась, как будто и для нее найдется типография: «Записки об Анне Ахматовой», «Спуск под воду», «Прочерк» — авось хоть в каком-нибудь 2006-м прочтут и поймут все, чего она так и не поняла, например: зачем лгут, мучают, убивают?

Она заглядывала Злу в лицо, рассматривала в упор, запоминая мерзкие подробности, — но не понимала, и соблазна не было — понять; принцип Зла ей был чужд и скучен; как представить сознание тиранозавра? Столь же отвратительная задача, сколь безнадежная.

У нее были идеалы — кое в ком олицетворенные. Но и своих великих людей, при всем желании, она не постигала до конца: героизм не натягивался на гениальность, хоть плачь.

Недоумение придает прозе Лидии Чуковской завораживающую силу.

Бездарные безумцы сживают со света и сводят с ума друг друга и кого попало, но с особым сладострастием — поэтов и гениев, — и скрывают это — то есть Правду — от всех еще не погибших, от нормальных пока людей, от простых. Ей мерещилась целая страна таких людей — нормальных, значит — хороших. И что ее долг — во что бы то ни стало спасти для них Правду — собственным здравым рассудком и твердой памятью.

А для себя — для себя она сочиняла стихи:

Среди площадной и растленной —
Из всех рупоров, наизусть!..
Ты вправду бываешь надменной,
Лишенная голоса грусть...

В новом Собрании сочинений Корнея Чуковского — пятнадцать томов. Лидия Чуковская вряд ли написала намного меньше. Не знаю, сколько на двоих досталось им счастья. Но виденья, непостижные уму, были у обоих.

Отец построил игрушечный рай для голоса с детьми. Дочь растопила дыханием корку лжи на окошке в ад.

Этого достаточно, чтобы и через двести лет их не забыли, чтобы заглянули даже в переписку.

Вдруг, внезапно, посреди низких подробностей так называемого литературного быта (увлекательнейших! битва бактерий под микроскопом! какие жалкие примеры негодяйства!) — мелькнут несколько слов будто другого измерения:

«У нас был еж. Он умер. Мы похоронили его. А он ушел из могилы через два часа».

Самуил Лурье

От составителей

Эта переписка продолжалась более полувека. Первое письмо в 1912 году написал тридцатилетний отец, Корней Иванович Чуковский, своей пятилетней дочери Лиде. Последнее письмо Корнея Ивановича к дочери написано в октябре 1969 года, за несколько дней до его смерти. Более полувека, на протяжении которых развертывалась переписка, были богаты личными, общественными, литературными событиями в жизни обоих корреспондентов. К сожалению, характер этих событий был таков, что удалось сохранить не все письма.

В архиве Корнея Ивановича уцелели почти все письма дочери за редкими исключениями. А вот его письма до 1938 года почти не сохранились. Совсем нет писем в Холомки — в колонию «Дома Искусства» (1921), в Саратов, куда была сослана Лидия Корнеевна (1927), нет и многих писем начала 30-х годов. Это объясняется тем, что весь архив Лидии Корнеевны до 1938 года был уничтожен в результате обысков, арестов друзей, хранивших бумаги, и конфискации имущества у нее на квартире. Поэтому в 1921—1938 годах — это не переписка, а односторонний монолог Лидии Корнеевны.

Большинство писем Корнея Ивановича после 1938 года сохранилось, хотя также встречаются очевидные пробелы.

К сожалению, Чуковский почти никогда не ставил на своих письмах даты, поэтому датировка во многих случаях делалась по содержанию.

В начале 70-х годов Лидия Корнеевна сама начала готовить письма отца к публикации, и поэтому в некоторых случаях приводятся ее краткие комментарии. Однако эта работа была прервана и не завершена.

Одна из трудностей восприятия этой переписки заключается в том, что главные события часто остаются за пределами писем, они слишком известны авторам, живущим в одном городе и в одной квартире. А письма пишутся — о подробностях и деталях обстоятельств, оставшихся за пре-

делами письма. Другая трудность — необходимость высказываться по поводу многих важных событий намеками и недомолвками.

До 1938 года оба корреспондента живут в Ленинграде и пишут друг другу только во время отъездов на отдых или по делам. Поэтому переписка носит отрывочный, нерегулярный характер. В 1938 году, после переезда Корнея Ивановича в Москву, письма становятся более частыми. В это время они посвящены главным образом хлопотам за арестованного мужа Лидии Корнеевны. Оба корреспондента деятельно хлопочут о нем, не зная, что его уже нет в живых.

В переписке К. И. Чуковского с дочерью отразилась даже не эпоха, а многие эпохи XX века, преломленные в судьбах большой семьи. Но особенность этой переписки в том, что наряду с обстоятельствами семейными, бытовыми письма изобилуют литературными событиями. Они принадлежат литераторам и поэтому содержат портреты многих современников и отзываются на литературные дискуссии тех лет. Переписка много дает также для биографии обоих корреспондентов.

Письма печатаются по современной орфографии и пунктуации, но с сохранением особенностей индивидуальной манеры авторов (отдельные искажения имен и фамилий, некоторые слова и сокращения и др.). В соответствии с книжной культурой тех лет сохранено также написание названий книг и учреждений с прописных букв.

В ряде писем сделаны купюры, не затрагивающие основного содержания. Они касаются главным образом денежных расчетов и болезней (особенно много таких купюр после 1965 года); изъяты повторы, перечни опечаток в обсуждаемых статьях, а также приветы и поклоны в конце письма.

Письма пронумерованы и расположены в хронологическом порядке[1]. Купюры отмечены знаком <...>.

---

[1]Список сокращенных названий, используемых в примечаниях:

Разумов — А. Разумов. Памяти юности Лидии Чуковской // Звезда, 1999, № 9, с. 128.

«Записки» — Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие, 1997.

Соч.-2 — Лидия Чуковская. Соч.: В 2 т. М.: Гудьял-пресс, 2000.

Сб.-1 — Лидия Чуковская. Прочерк. Софья Петровна. Спуск под воду. М.: Арт-Флекс. Т. 1. 2001.

Сб.-2 — Лидия Чуковская. Дом поэта. Предсмертие. Отрывки из дневника. Открытые письма. Мои чужие мысли. М.: Арт-Флекс. Т. 2. 2001.

Чукоккала — Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Премьера, 2000.

Собр. соч. — К. Чуковский. Собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1965—1969.

Дн.-1 — К. Чуковский. Дневник. 1901—1929. М.: Советский писатель, 1991.

Дн.-2 — К. Чуковский. Дневник. 1930—1969. М.: Современный писатель, 1994.

1. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

27 марта 1912 ст[арый] ст[иль]. Киев[1]

Глубокоуважаемая Лидочка!

Вместе с этим письмом ты получишь письмо от одного офицера, который пьет со мной шоколад. Отчего ты мне не пишешь? В санаторию писала, а в Киев не пишешь. Пиши в Одессу, я еду туда.

Твой милый Папа

Адрес на открытке: Петербург. Суворовский 40а, кв. 4

[1]Почтовый штемпель: С.-Петербург. 27.3.12.

2. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Февраль 1916. Гельсингфорс[1]

Лидочка! Я сейчас сажусь на пароход — и 2 дня буду в море.

Погода чудесная — солнце. Напиши мне что-нибудь в Лондон[2]. Здесь у меня много знакомых девочек.

Папа

[На обороте открытки — рисунок с надписью]: Parti fra Piperviken[3]. Kristiania. [Рукою К. И. приписано]: Христиания[4]. Пусть Коля[5] тебе покажет, где это.

Адрес на открытке: Kuokkala. Russia. Rusland, Finland

[1]Почтовый штемпель частично поврежден. Дата установлена по времени поездки К. И. в Лондон.

[2]«Во время Первой мировой войны Англия была нашей союзницей, — вспоминал Чуковский спустя полвека. — В 1916 году группа русских литераторов по приглашению английского правительства поехала в Лондон... Ехать нам пришлось кружным путем через Финляндию, Швецию и Норвегию» (Чукоккала, с. 255).

[3]Вид на залив Пипервикен (*норвеж.*).

[4]*Христиания* — так называлась тогда столица Норвегии Осло.

[5]*Коля* — Николай Корнеевич Чуковский (1904—1965), старший сын К. Чуковского.

3. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец августа 1917[1]

Дорогая Лидочка!

Увы, твой бедный папа не может выдраться в Финляндию, потому что Посол не едет[2]. А посол не едет, потому что Корнилов дерется с Савинковым[3]. Ты, должно быть, слыхала об этом! Я не имею секундочки — написать Тебе длинное письмо — у меня куча работы. Скажи маме, что теперь многие мои знакомые собираются со страху в Финляндию, но я твердо намерен вывезти Вас в Петроград. Квартира в нашем доме наверняка за нами[4]. Посылаю маме пока 200 рублей — больше у меня нету, я надеюсь, что мама приедет скоро. Целую тебя крепко и — Вас всех! Я скучаю без Вас, — как Вы без меня, и очень жду той минуты, когда мы опять будем вместе. Пусть мама даст посланному всё, что она имеет для меня: «The Life»[5], матерьялы по Некрасову, мою головную щетку и проч. Посылаю Вам мел — ничего другого нет под рукой!

Твой папа!

[1]Датируется по содержанию. См. примеч. 2 к настоящему письму.

[2]*Посол* — Джордж Бьюкенен (George William Buchanan, 1854—1924), английский посол в России (1910—18). Летом 1917 года Репин работал над его портретом, который был заказан ему Московской городской думой по случаю избрания Бьюкенена в 1916 году почетным гражданином Москвы. 27 августа Репин писал Чуковскому: «У меня «вскружилась голова» от будущего посещения Сэр<а> Джорд<жа> Бьюкенена, и я уже страдаю за беспокойство, которое может испытать сей очаровательный великий гражданин Англии. Во вторник буду ждать. И очень хочу Вас видеть. О прочем писать долго: Коля и Лида ждут» (Архив К. Чуковского).

[3]Судя по упоминанию о Корниловском мятеже, это август 1917-го; К. И. — в Петрограде, а мы еще в Куоккале. —*Примеч. Л. Чуковской.*

[4]Не понимаю, о какой квартире в «нашем доме» в городе идет речь (переехали мы впоследствии в дом на угол Лештукова и Загородного). — *Примеч. Л. Чуковской.*

[5]«The Life» — жизнь (*англ.*). Название американского журнала.

4. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 июля 1921. Холомки[1]

Милый папа!

Я сейчас сижу с Мурой, так что письмо мое будет очень бессвязно[2]. Она требует, чтоб я рисовала, а я пишу.

У нас уже почти нет никаких вещей для меня, и те, что остались, мама выменивает только на хлеб. Пока у нас есть хлеб и картошка, но скоро и этого не будет. Моисеевич[3] привез нам тогда только 15 ф<унтов> муки, а вовсе не 3 пуда, как ты пишешь. Пришли, если можешь, ситец, но, конечно, лучше всего приезжай скорее сам. Лечи свою ногу вовсю, как можешь, лежи беспрерывно — это самое главное. (Мурка, пошла вон! Пойди поймай кису!)

Когда ты приедешь?

Привези чернил и бумаги. Я даже дневника не могу писать.

Погода гнуснейшая.

Боба[4] лежит и читает «Капитанскую дочку». У него бесчисленное количество нарывов, и он не может ходить. (Мурка вырвала карандаш и нарисовала посреди страницы гениальную картину.)

Мы уже кончили «Lost World»[5], но слов выписали очень мало, потому что их неоткуда взять. Постараюсь достать Диккенса, там, верно, много будет слов.

Как дела с «Д<омом> И<скусств>»?

Как ты думаешь, удастся нам когда-нибудь попасть «dahin»?[6]

Нога у тебя очень болит?

В Устье на другой стене дивные рисунки. В центре Нельдихен мчится на Пегасе; внизу крошечный мужичонка на него молится. Справа Дзиговский с лошадью и бедой увозит кровати; на одной из кроватей Радлов, еще не успевший встать. (Дзиговский, по требованью Давыдовны, отвез ей все вещи, причем вытаскивал кровати из-под несчастных Устинцев в 6 часов утра.) Тут же, на стене, Софья Андреевна, очень неудачная. Додя, М<стислав> В<алерианович>, В<ладимир> А<лексеевич>, Б<орис> П<етрович> и ты (за письменным столом пишешь о Блоке) — все эти в очень маленьком виде[7].

Мария Серг<еевна> переехала в Холомки в комнату Елиз<аветы> Осип<овны>, несмотря на бешеный протест Анны Густавны[8].

Бедный Нельдихен вчера заболел.

(Мура занялась куклой и оставила меня в покое.)

Как здоровье Алекс<андра> Алекс<андровича>?[9] Уже после твоего нам письма мы получили известие, что ему очень плохо. Ты написал нам письмо раньше, чем получил мое первое. Так?

Наша Мария была недавно выгнана мамой на целый день, теперь она опять у нас, но скоро уйдет совсем.

Неужели действительно дорога так ужасна? Как же мы поедем?

Пиши скорее обо всем.

Как мне хочется скорее в Питер! Я знаю, тебе трудно, но я совсем не могу больше здесь оставаться!

Лечи ногу! Пиши. Приезжай.

Зайцев[10] приехал и говорит, что нигде тебя не мог найти.

Лида

[1]Дата установлена из последней фразы следующего письма.

[2]*Мура* (1920—1931), младшая дочь К. Чуковского. Письмо послано из «Бельского Устья», где летом 1921 года Добужинский и Чуковский организовали колонию для художников и литераторов (подробнее см. «Чукоккала», 2000, с. 147).

[3]*Моисеевич* — Сергей Моисеевич — служащий колонии.

[4]*Боба* — Борис (1910—1941), младший сын К. Чуковского.

[5]«The lost World» — «Затерянный мир» (*англ.*), название повести Артура Конан-Дойла. Чуковский занимался с детьми английским, заставляя их выписывать непонятные слова и заучивать их.

[6]...туда (*нем.*) — подразумевается, в Петроград.

[7]Перечислены обитатели колонии: Сергей Евгеньевич *Нельдихен* (1891—1942), поэт; Николай Эрнестович *Радлов* (1889—1942), художник; *Софья Андреевна* — Гагарина, княжна, дочь владельца Холомков; *Додя* — Всеволод Мстиславович Добужинский (р. 1905), сын М. В Добужинского; *Мстислав Валерианович* — Добужинский (1875—1957), художник; *Владимир Алексеевич* — Милашевский (1893—1976), художник; *Борис Петрович* — Попов, художник, заведующий колонией «Холомки», зять А. Н. Бенуа.

...с лошадью и бедой увозит кровати — речь идет о неудобной телеге, которую, по словам Чуковского, «зовут только бедой, а не чумой, дыбой» (Дн.-1, с. 175).

[8]*Мария Сергеевна* — возможно, речь идет о Марии Сергеевне Алонкиной. В то время она была секретарем литературной студии Дома Искусств; *Елизавета Осиповна* — Добужинская (1876—1965), жена М. В. Добужинского; *Анна Густавовна*— бонна сыновей М. В. Добужинского.

[9]Речь идет об А. А. Блоке.

[10]*Зайцев* — плотник.

5. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 июля 1921. Холомки

Милый папа!

Эту записку я пишу гораздо позже, чем всё остальное письмо. Мне никак не удавалось его отправить — никто не ехал в Порхов. Завтра поедет в город княжна[1] и отправит.

Мама просит тебя непременно привезти Бобино зимнее пальто. Оно лежит в сундуке в большой комнате. Оно синее суконное с большими черными, деревянными пуговицами.

У меня 5 нарывов на ногах, и потому мне приходилось ходить босиком, несмотря на адский холод. Я простудилась и лежу сегодня. Ангина. Читаю Диккенса. Учу слова.

У нас нету хлеба.

Поправляйся и скорей приезжай.

Доктор умер. Ты это, верно, знаешь уже?[2]

То письмо было написано 23-го, а это 25-го.

Лида

[1] *княжна* — С. А. Гагарина.
[2] доктор Феголи. — *Примеч. Л. Чуковской.*

6. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 сентября 1921. Холомки[1]

Написано 14-го

Милый папа!

Как ты доехал? Мы знаем, что тебе удалось провезти все 7 пудов муки, но как ты их в городе вез?

Где ты живешь, на квартире или в «Д<оме> И<скусств>»? Что ты ешь?

Знаешь, тут в понедельник был праздник в Захоньи. Ну, я тебе скажу, вот мы наелись! Чего-чего там только не было. Мы были у Боговских (мама, я, Боба) — наелись; потом у Овсянкина — наелись; потом у Смирнова — наелись; потом у тети Луши — обожрались! Каждая изба как маленький ресторанчик — приходишь, тебя кормят, и ты уходишь. И это вовсе не по-свински, а так и полагается.

Приехали Лозинский и Янушкович-Яцына[2]. Единственные люди, приехавшие веселыми и довольными. Говорят, ехали отлично, весело, в вагоне в шахматы играли.

Сегодня Коля поедет в город за Нельдихеном. Посмотрим, что это за тип.

Читаем оба «Lost World». Не очень интересно.

У меня новый нарыв на ноге!!!!!

Петя[3] все еще не может ходить, но ему лучше. У него не вывих, а только сильный ушиб.

У нас уже кончилась вся мука, и мама сегодня пойдет на Бычок менять вещи.

Играем с Колей в шахматы. У нас матч — 6 партий. Покамест игра идет 2 — 1 в мою пользу.

Папа, скажи, пожалуйста, ты взял деревянный крест, который висел у тебя над кроватью в большом доме? Если не ты, то, значит, его украли.

Почему Серг<ей> Моисеич привез нам от Давыдовны не пуд муки, а только 15 ф<унтов>. Это очень существенная разница.

Не знаю, с кем отправлю это письмо. Коля уже уехал. Зина[4] еще не ушла, потому что очень холодно. Она пойдет в субботу.

Зина скандалит с нашей многоуважаемой Марией Яковлевной. Та ее ненавидит. Она ненавидит Зину и кошку. Всё то же: «счезла, кастрюлечка, лозечка, Зеня». Вчера пришла во время обеда в столовую и стала рассуждать о музыке. Спела песню:

Разнесчастные советы,
Хлеб невеяный едим;
Хлеб невеяный едим,
Без керосину мы сидим.

Я сказала: «глупая песня». Тогда она: «это не песня, а рассказ». Я сказала «это глупый рассказ». Она расхохоталась — знаешь, посвоему — и подрала в кухню, перевернув на пути стул. Сейчас я слышу из своей комнаты, как она на кухне громыхает кастрюлями и ругается с мамой. «Чем же я виновата, что кошка...» и т.д.

Когда ты приедешь? Меня этот вопрос двояко интересует: вопервых, я, конечно, страстно желаю тебя поскорее увидеть, а вовторых, страстно желаю поскорее увидеть Питер. Что в Питере? Получила от Лели Арнштама[5] письмо с подробностями о смерти Блока. Лозинский рассказывал подробности другой смерти. Напиши об этом все, что можно[6].

Правда, что в Питере сейчас так ужасно? Ты ешь сносно?

Коля ведет все тот же «развратный» образ жизни[7], но по-английски читает.

Здесь погода мерзкая. Дождь, холод, и Коля утверждает, что вчера шел снег. Но это, верно, ему показалось, потому что никто другой не видел.

Ты поедешь в Москву?

Приезжай скорей, мне так скучно. Так хочу в Питер. Ну, да ты сам знаешь.

Сахар привезешь?

Ходасевич[8] остается еще жить. Его Лозинский уговорил.

У нас уже нет яблок.

Приезжай. Напиши обо всем. Как твоя нога?

Лида

[1]Датируется по времени приезда Лозинского и Оношкович-Яцыны (см. примеч. 2).

[2]*Приехали Лозинский и Янушкович-Яцына* — речь идет о поэте и переводчике Михаиле Леонидовиче Лозинском (1886—1955) и переводчице Аде Ивановне Оношкович-Яцыне (1897—1935). Они приехали в Холомки в сентябре 1921 года. (См.: А. И. Оношкович-Яцына. Дневник 1919—1927 / Публ. Н. К. Телетовой // Минувшее. Историч. альманах. 13. М.; СПб., 1993, с. 358.)

[3]*Петя* — князь Петр Андреевич *Гагарин* (р. 1904), сын владельца Холомков, ровесник и приятель Николая Чуковского.

[4]*Зина* — прислуга в семье Чуковских.

[5]*Леля Арнштам* (Лео Оскарович Арнштам, 1905—1979), соученик Л. Чуковской по Тенишевскому училищу, впоследствии известный кинорежиссер.

[6]*Лозинский рассказывал подробности другой смерти. Напиши об этом все, что можно.* — Намек на известия о расстреле Н. С. Гумилева.

[7]*Коля ведет все тот же «развратный» образ жизни.* — В августе К. И. записывает в дневнике: «Коля на именинах... Здесь в деревне что ни день, то именины... Все это мне чуждо до слез, и меня иногда разъяряет, что Коля вот уже больше месяца ничего не делает, а только справляет именины полузнакомых людей» (Дн.-1, с. 178). К. И. даже написал сыну большое письмо, которое начиналось словами: «Мне хочется дружески, безо всякого задора, уверить тебя, что ты идешь по ложному пути...» (См. публикацию Марины Чуковской «Чудесное дело литература» (Переписка с сыном Николаем) в сб.: Жизнь и творчество Корнея Чуковского. М.: Детская литература, 1978, с. 183—186). См. также: Холомки // Николай Чуковский. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989, с. 92—99).

[8] *Ходасевич* — Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886—1939), поэт, автор воспоминаний о жизни в колонии — «Поездка в Порхов» (см. «Лит. обозрение», 1989, № 11, с. 104—112).

7. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Около 10 августа 1922. Петроград[1]

Воскресенье

Многоуважаемый папаша!

Мура больна. <...>

Боба не поехал в субботу к тебе из-за Муры.

Коля принят в университет.

Пожалуйста, напиши, что делать с переводчиком Горяниновым, кот<орый> просит переводов.

Дай мне какую-нибудь работу. С понедельника я почти свободна, так как приходит Аннушка и мама будет с Мурой.

Завтра в «Д<оме> Л<итераторов>» большой вечер памяти Блока, с участием Бекетовой, Ахматовой, Волынского, Бриан[2] и др.

Клячкины 100 мил<лионов> на исходе[3]. Но Коля скоро получит 12 миллионов.

Ты не приезжай.

Памбу[4] Коля еще не нашел. Рукопись отнес.

Лида

[1] Датируется по записи в дневнике К. И. 10 августа 1922 года: «Мура больна. Кровавый понос. Я еле узнал ее... Смотрел на нее и ревел» (Дн.-1, с. 214). В это время К. И. жил на даче в Ольгине под Петроградом, но часто приезжал в город.

[2] Мария Андреевна *Бекетова* (1862—1938), переводчица, сестра матери Александра Блока; Аким Львович *Волынский* (1863—1926), критик, искусствовед; Мария Исааковна *Бриан* (1886—1965), певица, профессор Петроградской консерватории.

Об этом вечере — в первую годовщину со дня смерти А. Блока — Л. К. вспомнила через десятилетия, открывая рассказом о нем свои «Записки»:

«...я видела ее [Анну Ахматову] в Доме литераторов на вечере памяти Блока. Она прочитала: «А Смоленская нынче именинница» — и сразу ушла. Меня поразила осанка, лазурная шаль, поступь, рассеянный взгляд, голос. Невозможно было поверить, что она такой же человек, как мы все. После ее ухода я очень остро испытала "тайную боль разлуки"» («Записки». Т. 1, с. 15).

[3] *Клячкины 100 мил<лионов> на исходе.* — Речь идет об авансе, который выдал Чуковскому издатель Лев Моисеевич *Клячко-Львов* (1873—1934). В дневнике Чуковского от 10 августа 1922 года читаем: «Деньги я достал у Клячко — милый, милый. Он дал Марье Борисовне 100 мил. И мне 100 миллионов. За это я организовываю для него детский журнал «Носорог» (Дн.-1, с. 214).

[4] *Памбэ* — Мария Никитична *Рыжкина* (псевд.: Памбэ, 1898—после 1982), поэтесса, переводчица, в 1921 году работала секретарем К. Чуковского, ушла в апреле 1922 года.

8. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 февраля 1923. Петроград[1]

Воскресенье, 25 февр.
11 ч. вечера

Mio giovane, dolce cognato!

На русском наречьи: Мой молодой, приятный (?) родственник!

По твоему велению завтра направлюсь в «Былое». Тогда и напишу всё о деле с Щеголевым[2], а пока вот тебе описание нашего житья.

Вчера было Муркино рождение. Ей никто из нас ничего не подарил, но она весь день ходила с праздничной, именинной физиономией. Подарок ей сделал только один Питука[3] — «Приключение мурзилок». Она была в восторге от картинок и целый день их смотрела.

Мура много говорит. Вчера приносит мне басни Крылова и заявляет: «Титать мне, де иба не отя вода икь, а ать-ать митя». (Читай мне, где рыба не хочет в воде жить, а ловит мышей.) А потом: «Кот и пова[р]».

Коля очень осунулся, слаб. Выступал в Институте Истории Искусств и имел успех. «Еванжелину» переводит[4]. Обещает написать тебе письмо. По моим наблюдениям, живет он так: утром переводит, днем лежит на кровати, читает Баратынского и Мандельштама и ждет обеда; после обеда исчезает с нашего горизонта.

Боба ходит в школу, занимается с учителем и играет с Шуриком в солдатики.

Мама здорова и потому в хорошем настроении. Сегодня у нее пробовала болеть голова, но теперь прошла, кажется.

Я занята. Школа, уроки и 3 кружка в школе вечером. Вторник — история [эти два слова зачеркнуты] театра; четверг — Шекспир; пятница — у Лёли[5]; воскресенье — итальянский. Кружки хорошие, пятницы тоже, но вообще в школе прегнусно. Мовчан[6] мовчанит ужасно. Недавно просидела у него в кабинете 50 м<инут>; он орал и обещал выгнать. Пока не выгнал. Но мне очень трудно, иногда в школе кажется, что сейчас разревусь. Я знаю, я часто бываю виновата, но все же они передо мной виноваты в 1000 раз больше. Ты понимаешь, я не могу все время такую злость вокруг себя чувствовать, а они спокойные, взрослые и сильные, и им все легко и понятно. А я ничего не знаю, только знаю, что так нельзя, что школа — гнуснейшее учреждение.

Тьфу! Написала ужасно бестолково. Ты не читай. Странное дело: я занята беспрерывно, сильно устаю, даже читать нету времени, а вот когда ложусь спать, всегда кажется, будто целый день ничего не делала.

Значит, ты совсем разочаровался в постановке «Playboy»?[7] Раньше ведь она тебе нравилась, а теперь ты ругаешь. «Буффонада, бестолочь!»

Mr. Keeny[8], вероятно, чего-нибудь от тебя надо, что он так к тебе подлизывается. И ведь верную струнку выбрал: родительскую

гордость. Я с ним почти не говорила; говорила премерзко, путалась, вместо «здравствуйте» сказала «до свидания». Одним словом, хуже нельзя! Он просто издевается.

Когда ты все-таки думаешь приехать? Напиши.

Привези побольше книг. И Муре, и нам.

Как ты спишь? Ты ложишься в 11, а встаешь когда? Хорошо спишь?

В Питере морозы и очень красиво. Наша церковь и сад — что-то сказочное.

Да, на дачу хорошо бы поехать.

Ну прощай, всего хорошего, приезжай скорей, пиши, прости за *очень* глупое письмо.

По-итальянски глупый — «sciocco», а как письмо — не знаю.

Л. Чуковская
L. Ciucovscaja

Peterburg é una buona citta[9].

Понедельник.

Сейчас была у Щеголева. Он был очень возмущен Госиздатом, но сказал, что все дело можно выяснить, только поговорив с теми госиздатскими господами, о которых ты пишешь. (Я забыла их фамилии.) Я ему сказала, что тебе надо спешно, и он обещал написать тебе. А скоро он и сам едет в Москву.

Мама спрашивает: можно ли расходовать на семью те 750 м<иллионов>, кот<орые> лежат для покупки книг? Денег у нее больше нету, только эти. Можно их тратить?

Очень тороплюсь.

Л. Ч.

Al padre della nipote della zia e dello zio; della sorella degli duo fratelli e una sorella, al cojgnato della sciocco, ma buono[10].

Lida

[Приписка Марии Борисовны]:

Уже и этих денег нет. 250 м<иллионов> я дала Давыдову на книги, а 500 еще истратила. Страшные холода стоят. За твое отсутствие я уже второй раз покупаю дрова. От Гржебина[11] есть тебе письмо, на которое следовало бы ответить. Не выслать ли тебе?

24 ф<евраля> не мешало поздравить старую родственницу — ведь она Муре несколько сродни. Я почти здорова.

Напиши, когда приедешь? Все спрашивают, и мне интересно знать.

[1]Датируется по дневнику К. Чуковского (с 14 февраля по 12 марта он ездил в Москву) и по дате дня рождения Мурочки — 24 февраля.

[2]Павел Елисеевич *Щеголев* (1877—1931), историк литературы, редактор журнала «Былое». Письма Чуковского к Щеголеву сохранились в архиве Института мировой литературы. Чуковский писал Щеголеву из Москвы: «...сегодня в Москве, в Госиздате, Калашников и Мещеряков заказали мне новое издание «Стихотворений» Некрасова. Я отправился в кассу получать деньги — и вдруг в последнюю минуту, после многих дневных мытарств, узнал, что такое же издание заказано Вам...» (Архив ИМЛИ, 28—3—496).

[3]*Питука* — так Мура называла Шуру Дрейдена, брата Гриши и Симы Дрейденов.

[4]*«Еванжелина»* — эпическая поэма Генри Лонгфелло «Evangeline» (1847), из жизни первых переселенцев в Америке. Перевод Н. К. Чуковского опубликован не был.

[5]*Лёля* — Арнштам. У него собирался кружок учеников, в котором участвовала и Лидия Чуковская.

[6]Юрий Андреевич *Мовчан*— директор 15-й единой трудовой школы, которая была организована на основе Тенишевского училища.

[7]*«Playboy»* — название пьесы ирландского драматурга Джона Синга (1871—1909). Чуковский перевел эту пьесу, и под названием «Герой» ее поставила Первая студия МХАТа.

[8]*Mr. Keeny* — (Sprudgion Milton Keeny, 1893—1988), американский филолог, сотрудник «ARA» (Herbert Hoover's American Relief Administration) — американской организации, которая помогала голодающим в России.

[9]Петербург — хороший город *(итал.)*.

[10]Отцу от племянницы тети и дяди, от сестры двух братьев и одной сестры, родственнику от глупой, но доброй *(итал.)*.

[11]Зиновий Исаевич *Гржебин* (1869—1929), художник, издатель.

9. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

9 марта 1923. Петроград

Папа. Повеления близкой родственницы:

не вздумай встать с повышенной температурой. О нас не беспокойся, ибо деньги у нас есть: Клячко дал миллиард триста, из коих мама еще ни копейки не трогала. Итак, не торопись и лежи. Инфлуэнца очень опасна, если рано встать, и т.д., и т.д., и т.д.

Коля ходил, и конфликтная комиссия согласилась отложить дело до твоего приезда. Но напрасно ты думаешь, что делу можно помочь какими-нибудь объяснениями и словами: *нужна* только *громкая бумага с десятью печатями*. Больше ничего не поможет. Никифоров хамит и не внемлет никаким увещаниям[1]. (К шуршащему металлу мама еще не прибегала.) Если сможешь (если

будешь *совсем* здоров), то попытайся достать необходимую бумагу, только посолиднее. Может быть, Госиздат устроит что-нибудь?

Посылка получена, и я за ней пойду в понедельник и попытаюсь достать ее у очаровательного м-ра Кини[2] без тебя: в посылке 16 ф<унтов>. Но чего? Мама умирает от нетерпения и любопытства.

Мама села тебе сама писать письмо, но по непостоянству характера и другим фамильным недостаткам — бросила и поручила это мне.

Письма твои мы получили все. Я же тебе не писала, ибо была занята до чертиков.

О Муре вряд ли могу написать тебе много, по той причине, что вижу ее лишь изредка и не имею, к сожалению, возможности подолгу пребывать под ее высокоинтеллектуальным влиянием. Вот все собранные мною сведения: говорит она массу, говорит всё. Когда попросишь заменить ее чрезвычайно выразительный глагол «а-а» чем-нибудь более удобопонятным, — она с легкостью заменяет. Скажи: «позвать». Она говорит. Она даже употребляет в разговоре такие неподходящие к ее нежному возрасту слова, как «король», «королева», «фунт», «пирог», «кулич» и т.д.

Конечно, она немного извращает «нашего великого русского языка», но все же понять ее можно.

— Боба, де мять? (где мяч) — спросила она раз Бобу. Он не ответил. Она повторила вопрос несколько раз, но он не отвечал. Тогда она гневно сказала:

— Я бде тви, пять иá, «де мять?», а ты мне не аá! (Я тебя три, пять раз спросила, где мяч, а ты мне не ответил!)

Мура называет Анюту «Анетой». Почему, неизвестно. Откуда такое французское влияние?

Мама говорит часто, что Анюта не ходит, а катится. Так Мура заявляет однажды:

— Анета, тем ты мне не мга-мга какаля? (Почему ты мне не везешь какао?)

Я прочла «Gates of Wrath»[3], и мне эта книжка очень понравилась. Главная ее прелесть — всё понятно. (Редкость.)

У нас в школе ко всем гнусностям прибавились еще спросы.

Вчера я на Шекспировском кружке читала реферат о Шейлоке.

Судя по твоим письмам, Москва большая дрянь. Я ее ненавижу! А Петербург чудесный, один Невский чего стоит. А вспомни нашу церковь, Неву, Троицкий мост! Погода хорошая.

Приезжай.

Передай мой привет Казику[4]. Скажи, что очень бы хотела его видеть. Я его помню хорошо, но какой он теперь, не представляю. Надеюсь, что лучше, чем был. Он милый или нет?

Написано в пятницу, 9 марта, 11 ч. 53 м.

Л. Ч.

P. S. Коля увлекается Библией и говорит, что она «сногсшибательна».

[Приписка М. Б.]:

Ну вот, Лида тебе все и написала, а мне и вправду лень. Да и отвыкла я писать. Где уж мне? Ты, пожалуйста, нас не провоцируй — «вам без меня хорошо. Только вот деньги...». А я видела одного человека, вернувшегося только что из Москвы, — он там кой-кого видел, который говорит: мне здесь хорошо, я в Питер не собираюсь. Так вот как.

Старая родственница

[1]Судя по дневнику К. И., речь идет о конфликте с домкомбедом. После возвращения из Москвы он пишет: *«27 марта.* Вчера был в Конфликтной комиссии в споре с домкомбедом, который требует с меня, как с лица свободной профессии, колоссальную сумму за квартиру. Я простоял в прихожей весь день — очень тоскуя... Мое дело было правильное — я действительно работаю во «Всемирной Литературе», но у меня не случилось какой-то бумажки, которую достать — раз плюнуть, и все провалилось. Притом я был в крахмальном воротничке. Портфель мой был тяжел, я очень устал, попросил позволения сесть, не позволили — два раза не позволяли — а среди них было две женщины, и то, что мне не позволили сесть, больше взволновало меня, чем два миллиарда, которые я должен заплатить. О, о! тоска!» (Дн.-1, с. 240).

[2]*Кини* — см. Keeny S.-M.

[3]«Ворота ярости» (*англ.*) — роман Арнольда Беннета, который в это время, судя по дневнику, читал и К. И. В своих записях он называет этот роман «глупейшим» (Дн.-1, с. 230).

[4]*Казик* — Казимир Мечиславович *Добраницкий* (1906—1937), ровесник Л. Чуковской, сын дипломата М. М. Добраницкого, до революции — сосед по Куоккале.

10. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец 1923. Петроград[1]

Папа!

1) Вчера я позвонила Шапориной[2]. Из Театра мне сказали, у нее дома больные, что ее нет и что она будет в Театре сегодня в

2 ч. Сегодня я удрала с урока и в 2 ч. была в Театре. Никакой Шапориной. Я вернулась в школу, а в 3 ч. зашла опять в Театр. Ни малейшей Шапориной. Я пошла домой; но в 4 ч., идучи во Всемирку[3], зашла в театр — ни намека на Шапорину. Пришла домой и 3 раза, до 5 ч. звонила в Театр... Тщетно.

Такова повесть о моих неудачах.

2) Вчера вечером звонил Вознесенский[4]. Будешь ли ты сегодня читать лекцию? Я сказала, что не знаю и что ты приедешь сегодня в 7 ч. Он возопил, много ругался, а в общем, решил твою сегодняшнюю лекцию снять и просить тебя читать в воскресенье или понедельник. Позвони ему, пожалуйста, сегодня. Он очень просил.

3) Вчера вечером раздался подозрительный звонок. Федора затрепетала; я решительными шагами направилась к двери.

— Кто там?

— Доктор Спиров.

Слышу знакомый, дегенеративный голос, но не помню кто. Я его впустила.

Помнишь того экзотического дурака, который торчал у Keeny?

Он просит, чтобы ты ему, если можешь, если соблаговолишь, оставил *сегодня* хотя бы одну свою детскую книгу. Ему нужно для младшего брата. Оставь для него у Федоры.

Л. Ч.

1) От Зайкина принесли журнал.

2) Звонил Мовшензон и сказал, что зайдет на секунду, по делу, часам к 5 сегодня.

3) Звонила очень настойчивая дама, Анна Моисеевна Иерусалимская. По очень важному делу. Просила, чтобы ты ей позвонил либо сегодня от 4—5 ч., либо завтра в 9 ч. утра (не позже). Тел.: 595—63.

4) *Звонил А. Н. Тихонов*[5]. Приехал из Москвы. Очень просит тебя быть во «Всемирке» в 4 ч. Там будет какое-то маленькое собрание. Очень важное.

5) Звонил Андроников.

6) Опять приходил д-р Спиров. Просит, чтобы ты ему дал хоть одну свою детскую книжку.

[1]Датируется по Дневнику К. И.: «Был Вознесенский... я буду читать в его киностудии лекции» (24 ноября 1923, Дн.-1, с. 257).

[2]Любовь Васильевна *Шапорина* (1877—1967), художница, театральный работник.

[3]*Всемирка* — издательство «Всемирная литература», где работал К. И. Чуковский.

[4]Александр Сергеевич *Вознесенский* (1880—1939), поэт, критик, деятель кино.

[5]Александр Николаевич *Тихонов* (псевд. А. Серебров, 1880—1956), писатель, издательский деятель.

11. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

25 июля 1924. Одесса[1]

Многоуважаемые родители!

Я прожила в Одессе ровно 10 дней и теперь могу дать вам подробный отчет о своей жизни, о городе, о родственниках и о ваших знакомых.

1. *Моя жизнь (быт).*

Я встаю в 8 ч. (бабушка встает в 6 ч.) и, умывшись, одемшись, причесамшись (!!!), сажусь переводить. Я перевожу неуклонно (железная женщина) по 2 страницы в день. Привезу готовыми «Mowgl»[2].

Папа, не могу не сознаться, что перевод выходит прегнусный, хоть и бьюсь я над ним здóрово. Киплинга надо переводить живописно-талантливо, а у меня не только талантливость, но даже и Раиса Яковлевна[3] весьма страдает. Попереводив, я сажусь на 18 нумер трама и еду на Большой Фонтан, на VI станцию, к Марусе. Там я, с места в карьер, забираю костюм тети Нени (сестры Елиферия, о ней ниже) и вместе с Катей и Колей[4] иду на море. Там я раздеваюсь и... лежу на солнце по крайней мере 3 часа. Между прочим, купаюсь. Вода холодная (вообще холодная, специально для меня, погода — 25^0, а то и меньше; а до моего приезда держалось от 45^0 до 50^0), в воде градусов все время не больше 15, но купаться чудесно. Море прекрасное, и такое синее, что когда я лезу в него, то мне кажется, что я вылезу синей. Я купаюсь не на пляже, который платный, а со скал, которые бесплатные и гнусные, как вполне точно определил мой женатый брат.

К трем часам я с детьми возвращаюсь домой, на дачу, и обедаю. Потом еду в город и отдыхаю от жары в бабушкиной прохладной квартире. От 5 до 7 я вполне серьезно занимаюсь политграмотой, проявляя к этой науке большие способности и интерес.

В 7 ч. я пью чай и или предаюсь писанию писем, или отправляюсь по Ришельевской (ныне улица Ленина) к морю, на бульвар. Ложусь спать в 9 ч., самое позднее — в 10.

2. *Город.*

Когда одесситы спрашивают меня, как мне понравилась Одесса, я всегда отвечаю: «Климат прекрасный». Больше я ничего не могу сказать обидчивым одесситам.

Великолепное море, чудесный воздух по вечерам, прекрасное небо и звезды, недурная растительность, удобные трамваи и ровные мостовые и ни одного сколько-нибудь порядочного архитектурно дома и ни одного не пошлого насквозь, сколько-нибудь порядочного человека. Об одесситах как о специфической нации можно написать целый трактат, но у меня на это дело не хватит беллетристического таланту, хотя матерьялу много.

Ришельевская — ул. Ленина.

Дерибасовская — ул. Лассаля.

Франц<узский> бульвар — Пролетарский бульвар.

Кроме того, имеются, но забыла какие: улица Троцкого, ул. Раковского, ул. Чичерина.

Центр города очень оживлен, и ул. Ленина, и ул. Лассаля даже очень напоминают наш пр. Володарского (б<ывший> Литейный). Много магазинов, очень много гуляющих. Здесь много красивых женщин, но одеваются они исключительно безвкусно и мажутся страшно, куда больше, чем в Питере, а на жаре намазанные лица имеют весьма неаппетитный вид.

Здесь уличная торговля развита больше, чем в Питере. На улицах страшный галдеж, в котором очень трудно разобраться. Вообще — Одесский говор! Мальчишки орут «газьетээ» и хоть бы один, подлец, крикнул «газета».

Сейчас выпущено несколько трамваев нового сорта — скоро все будут такими — ярко-красного цвета, с коммунистич<ескими> лозунгами по бокам и с портретом Ленина на лице вагона. Очень эффектно.

Внешне в Одессе очень многое указывает на то, что она принадлежит к С.С.С.Р., но мне кажется, это только внешне. Сейчас происходит экстренная украинизация края; все совслужащие и педагоги спешно, но, кажется, довольно безуспешно изучают украинский язык.

Центр города в отменном порядке, но пригороды разрушены совершенно. В Аркадии и на Лиманах — груды развалин.

3. *Знакомые.*

Все они чрезвычайно надоедают мне моими родителями. Я уже возненавидела тех Колю и Машу, которые некогда жили в Одессе и на мое несчастье имели много знакомых. Ваши знакомые рассказывают мне о вас так подробно, как будто я вас никогда не видала. Кроме того, все они целый час удивляются, что я чем-то напоминаю немного Колю и немного Машу, — как будто есть что-нибудь удивительное в том, что дочь немного похожа на своих родителей, — а потом еще час удивляются, что я была маленькая, а теперь стала большой (хотя, на мой скромный взгляд, весьма понятно, что девочка 7 лет через 10 лет становится 17-летней).

Дора Кац[5] живет на углу Успенской и Ремесленной, в доме женской лечебницы Райха. У нее большая хорошая комната. Она служит на 16 ст., в Детском Доме. Она очень растолстела, но совершенно не постарела. Встретила меня очень и очень сердечно и проделала все, что было мною [конца нет]

[1]Дата установлена по записям в дневнике К. И.: «12 июля 1924. Лида сегодня уезжает в Одессу к бабушке». И 23 июля: «От Лиды чу́дное письмо. Она приехала в Одессу 15/VII...» (Дн.-1, с. 278, 282).

[2]*Mowgl* — «Маугли» Р. Киплинга.

[3]*Раиса Яковлевна* — имеется в виду русский язык.

[4]Упомянуты сестра К. И. — Маруся, ее муж Еливферий и их дети Катя и Коля.

[5]*Дора* Давидовна *Кац* — знакомая Чуковских по Одессе.

12. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

15—16 мая 1925. Ленинград[1]

Ты мне рассказал о тебе[2] — теперь я буду рассказывать тебе о себе. Мне не совсем приятно это писать, потому что я знаю, что ты сохранишь это письмо в архиве, а я ужасно этого не люблю.

Пожалуйста, прочти до конца.

Занимаясь стенографией зиму, я к весне решила сделать себе экзамен: чего я добилась и на что могу рассчитывать. Я не виновата никак, что получение мною работы совпало с твоей огромной работой. Если бы я заранее знала, что я тебе понадоблюсь,

я, конечно, не взяла бы на это время работы, потому что стенография для меня — между прочим, и я совершенно не собираюсь делать ее своей профессией. Конечно, я работала бы с тобой. Но, взяв на себя ответственную работу, стенограмму, я должна была ее выполнить. Вообще, когда берешь на себя какую-нибудь работу, отказываться от нее нельзя, а от стенограммы и подавно нельзя, потому что один стенографист расшифровать стенограмму другого не может. Мне было очень трудно. У меня экзамены; на улице чудная погода; а тут сиди — и стучи. Но пришлось. И тебе и маме нужно было понять, что, раз я взяла на себя работу, я не могу ее не выполнить, и не мешать мне каждый час, каждую минуту. Мне и так было тяжело, чисто физически, и когда после каторжного труда (пусть, по-твоему, ненужного, но тем не менее каторжного) я приходила домой— то не надо было объяснять мне, что эта работа — бессмысленна, потому что мне и так было трудно. Пусть бессмысленна (я не согласна, что это так, но пусть так) — но раз от нее *нельзя* отказаться уже, то зачем же делать ее еще тяжелее?

В Институте наступила экзамен<ационная> пора. В минимум, который нужно сдать до 1 июня или до 1 октября осенью, входят следующие предметы: Конституция, История лит<ературы> XVIII и XIX века, Поэтика, История Европы, Методология, Фонетика, Языковедение, 2 семинария. Большинство моих друзей (например, Катя[3]) сдадут минимум до 1 июня, ничего не оставляя на осень. Так как я занята более их, то я решила сдать к 1 июню все предметы, кроме самых трудных, которыми заняться как следует летом: Фонетики и Языковедения. Для того чтобы исполнить этот план (как видишь, план вовсе не необыкновенный), мне осталось сдать еще Методол<огию> и Историю, остальное сдано. Осталось 15 дней до 1 июня. В две недели 2 серьезных экзамена. Я изо всех сил торопилась, чтобы скорее сдать стенограмму, чтобы заняться методологией как следует... Никаких стенографич<еских> работ я больше, конечно, не беру. Эти две недели я отдаю экзаменам; иначе — никакого отдыха летом или полное переутомление и сумасшествие осенью. Я нарочно пишу тебе подробно, чтобы ты не воображал каких-то особенных «планов жизни».

Ты предлагаешь мне заняться Некрасовым. Не сомневаюсь, что это работа очень интересная, тебе совершенно незачем меня в этом убеждать. Но разреши привести один пример: представь себе, что ты напряженно работаешь над Некрасовым. И вдруг к тебе придут

и скажут: «К. И., напишите нам, пожалуйста, биографию Пушкина. Работа чрезвычайно интересная!» Ты им ответишь, что хотя ты и не сомневаешься, что Пушкин очень интересный писатель и что работа над ним тебе много даст, но ты сейчас занят Некрасовым... Я сейчас занята тем, что сдаю экзамены, которые для меня сдать *хорошо* очень важно (стенографией интенсивно я занималась ровно неделю, ровно), и несмотря на то, что Некрасов и «Современник» интереснее Веселовского и Энгельгардта[4], я все-таки занята сейчас именно Веселовским и Энгельгардтом. Со стороны кажется странным: зачем это люди живут в Порхове, когда можно жить в Венеции? Но для людей, живущих в Порхове, внутренне логически последовательно, что они живут именно в Порхове. Ты и мама, вы не желаете никогда учитывать чужой внутренней последовательности, которая для вас совершенно непонятна и которую вы не желаете понимать. «Некрасов интереснее и больше даст Лиде, чем Веселовский, — значит, Лида должна работать над Некрасовым». А то, что Лиде важен Институт, важно сдать экзамены именно сейчас, а не после, что ей, после лекций Энгельгардта, в данную минуту, важен именно Веселовский, а не Некрасов, — это во внимание не принимается. Но пойми ты, что если даже мне сейчас был интереснее Некрасов, чем Веселовский, я все-таки должна была бы заниматься сейчас Веселовским, а не Некрасовым. Не могу же я на экзамены плюнуть. Для тебя Институт, конечно, не важен, а для меня сейчас Институт — центр моей жизни, во всех отношениях, и учебных, и неучебных.

Я в настоящую минуту могу говорить о работе над Некрасовым только как о помощи тебе; мне она сейчас, внутренне, не только не поможет, но помешает, потому что затруднит исполнение основной, стоящей передо мной задачи — сдать как можно скорее и как можно лучше экзамены. Чтобы можно было отдыхать. Чтобы можно было читать и гулять. Но я не хочу упустить единственной, кажется, возможности, тебе помочь. Ты напрасно думаешь, что мне очень приятно сознавать, что я не только тебе не помогаю, но даже мешаю. Я никогда не думала, что это будет так. И я не хочу, чтобы это было так. Поэтому: 4 ч. в день я должна отдавать экз<аменам>; 3 ч. в неделю я отдаю стенографии (дома заниматься я перестала); 3 раза в неделю я вечером должна бывать в институте, а 3 ч. в день, а иногда и больше я могу и хочу отдавать тебе. Единственная просьба: распределить время, хоть приблизительно, заранее.

Недавно было так, что я, по недоразумению, заподозрила Гришу[5] в одном поступке, кот<орый> он не совершал. Когда недоразумение еще не было разрешено, я сказала Грише, что он мне не друг, а опекун. Это очень большая разница. Я бы хотела, чтобы родители были мне друзьями, а не опекунами. К сожалению, это, кажется, невозможно. В этом я убедилась в то время, когда предполагался арест[6]. Мама, которая меня любит, жалеет и хочет мне только добра, и страдает потому, что боится за меня, — мама мучила меня так, как вряд ли меня мучили бы в Г.П.У. Для меня вопрос моего ареста и ужаса перед арестом заключался вовсе не в том, что меня уведут и я буду сидеть в каком-то чулане, а потом меня, может быть, ушлют в Оренбург, и я не смогу учиться, и я заболею, и у меня будет плохое настроение, а совсем в другом. Для моих друзей было важно тоже именно это «другое», и мои друзья помогали мне разрешить то, что меня мучило, а мои родители, не зная этого «другого» и не желая его знать, но и не имея возможности его знать, действовали как опекуны, а не как друзья. Друг — это тот, кто все время ясно ощущает твою внутреннюю логическую последовательность — не знаю, как выразить точнее, — и все время помогает разрешать стоящий на очереди главнейший вопрос; опекун — это тот, кто любит тебя и готов для тебя на все, но, не зная внутренней твоей последовательности (опять!), часто не помогает, а мешает. Я ни в чем тебя, конечно, не упрекаю. Это нормально и понятно, и ты даже очень часто бываешь мне не только опекуном, но и другом. Но не всегда. Это совершенно понятно и не может быть иначе.

Теперь — стенография. Я не собираюсь стать профессионалкой-стенографисткой. Не потому, что я непременно хочу найти «путь в литературу» (я этого совсем не хочу), а потому, что стенограф<ия> очень скучное занятие. Но стенографию я не брошу и изучу ее до конца, именно как ремесло, которое мне пригодится. Я и смотрю на нее как на ремесло, которое дает мне возможность в любую минуту начать располагать собою так, как я хочу, кот<орое> в любую минуту может дать мне деньги. Ты говоришь — переводы. Занятие не менее противное и бесполезное, лучше, правда, оплачиваемое, но гораздо более трудно находимое. Я всю зиму просила у тебя перевода, и его не было. Какую-нибудь литер<атурную> работу? и ее не было. Ты предложил мне работу над Некрасовым в те дни, которые у меня были заняты с 8 ч. утра до 1 ч. ночи, и страшно рассердился, когда я от нее отказалась. Ты

не пожелал учесть, что я *не могла* поступить иначе. Но об этом я уже писала.

Ты ответишь, что «опекун» (моя терминология) зато знает конечные цели, стремится к моему конечному благу, а не к разрешению мелких вопросов. Это неверно. Я уже настолько взрослая, что могу даже и о своем «конечном благе» судить лучше, пожалуй, чем ты, и уж конечно лучше, чем мама. Право, это не самонадеянность. Я очень хорошо знаю, что многого не знаю, и во многом мне нужно твое руководство (в частности, в литературе, в кот<орой> я действительно невежда), но зато я очень хорошо знаю, что мне с собой делать и что для меня лучше.

Пожалуйста, дай мне работать над Некрасовым. Я хочу эту работу по-настоящему, а не так только. И уверена, что она мне будет интересна и полезна, несмотря на то, что сейчас для меня она несколько несвоевременна.

Насчет «дороги в литературу». Почему ты думаешь, что моя основная цель — проложить себе дорогу в литературу? (Ужасно у тебя сравнение между лит<ературой> и стенографией! Ужасно неуместное! Точно я не знаю между ними разницы! Вот что значит быть только опекуном!) Я пробую писать рассказы. Мне это интересно. Удастся — буду писать дальше, не удастся — брошу. Литературной халтуркой заниматься не желаю. (Ею имеет право заниматься только тот, кто способен и не на халтурку.) Работу над Некрасовым халтуркой не считаю и от нее не отказываюсь.

Прочти это письмо, пожалуйста, внимательно и *всё*. Насчет Некрасова поговорим в любое время.

Лида

Май 25 г.

Пожалуйста, этого письма маме не показывай и никому не показывай.

Почему ты себя считаешь банкротом? Для меня непонятно.

[1]Датируется по содержанию: «Осталось 15 дней до 1 июня».

[2]К. И. не любил делать детям замечания, а предпочитал писать им укоризненные письма. См., например, примеч. 7 к письму **6**.

[3]Екатерина Алексеевна *Боронина* (1908—1955), соученица Л. Чуковской по институту.

[4]Александр Николаевич *Веселовский* (1838—1906), историк литературы, языковед, и Борис Михайлович *Энгельгардт* (1887—1942) — авторы книг, по которым занимались студенты Института истории искусств. Б. М. Энгельгард читал лекции в Институте.

[5]*Гриша* — Григорий Давыдович *Дрейден* (1907—1971), школьный товарищ Л. К. Чуковской — см. «Прочерк» (Сб.-1, с. 169).

[6]*...когда предполагался арест.* — Арест все же произошел через десять дней после того, как было написано это письмо. Л. К. так вспоминает о нем: «...в Институте состоялось общее собрание учащихся для перевыборов... комячейка представила на выборах свой список. Против обыкновения, на этот раз собравшимся удалось, кроме списка, утвержденного свыше, выдвинуть также и собственных кандидатов. Голосовали открыто. Право подсчитывать захватили комсомольцы. Они мошенничали с откровенным бесстыдством... На следующую — или через одну? — ночь [на самом деле, судя по письмам, — через 10 дней. — *Сост.*], явно по доносу удалой комячейки, в ночь с 26 на 27 мая 1925 года арестовали человек двадцать студентов, наиболее шумно топавших, свистевших, кричавших. В том числе и меня. Дня через три нас всех до единого выпустили» (Сб.-1, с. 277—278). Сохранилась записка к М. Б. Чуковской, посланная из тюрьмы:

«Четверг 28/V утро. Чуковская 7 отд. 22 камера.

Посылаю: перчатки.

Прошу прислать: *подвязки,* белье, платок нос<овой>, постель.

Мама. Здесь весьма благоустроенно. Чувствую себя хорошо, спокойно и отдыхаю. Очень прошу не волноваться и не хлопотать, потому что и так *все будет хорошо.* Я уже знаю.

Привет всем милым людям. Мурочке поклон. *Лида*». (См. сб.: Написано в тюрьме. XX век. Россия / Сост. В. Н. Корнилов. М., 2000, с. 22.)

13. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

26 декабря 1925. Ленинград

Это хорошо, что мы с тобой начали переписываться. Гораздо лучше всегда договариваться, чем молчать и думать друг о друге разную ерунду.

Я совершенно не считаю тебя 40-летним. Я знаю, что ты не такой, как все 40-летние, и что ты можешь понять и чужое. (Мама, напр<имер>, ничего не понимает.) Но, видишь ли, ты находишься «в 40-летнем окружении», и тебе из него не вырваться.

Об Ин<ститу>те. Я много работаю в Ин<ститу>те. Я сейчас пишу доклад Б. М.[1] — он будет плохой, но, работая над ним, я узнала так много! Я много беру из Ин<ститу>та, хотя, конечно, не всё, что можно из него взять. Этому виной стенография, но ничего не сделаешь. Ты знаешь, ведь твои и мамины требования меня часто возмущают, и я от возмущения молчу и тупею. Зна-

ешь ли ты, что Катя[2], которая работает *только* в Ин<ститу>те (несмотря на то, что у ее мамы довольно тяжелое матер<иальное> положение), занята весь день, как я? Она уходит из дому в 10 ч и приходит в 12 ночи — Публ<ичная> Библ<иотека>, Институт. Правда, берет она из Ин<ститу>та *всё*, что можно из него взять. И она удивляется: как я могу кое-как поспевать, если у меня стенография и если я не имею возможности дома заниматься? Это очень трудно, то, что я проделываю. И когда я прихожу домой и мама мне возмущенно говорит, что я прихожу домой только есть и только спать... то я удивляюсь, а когда ты на меня презрительно смотришь, то я удивляюсь еще больше. Чего от меня хотят?

Ты говоришь: теплого отношения к семье. Оно у меня есть, т.е., вернее, оно у меня еще есть. Очень часто то, что тебе кажется во мне нечуткостью, есть сознательное подавление требований чуткости. Правда. Когда я вижу, что ты занят, а у меня есть свободный час, — мне хочется подойти и помочь. Но я знаю, что ты встретишь меня враждебно (только час! а сборник буффракции! а Гофман[3] работает, когда ты бы могла работать), и я знаю, что объяснять тебе все сначала — нету больше сил, и я ухожу как можно скорее из дому. О маме и говорить нечего. Ты согласен, что для того, чтобы помогать маме не *машинообразно*, а по существу и с толком, надо войти в хозяйственную жизнь семьи, в ее темп? А имею я возможность это сделать? Ведь если отбросить стенографию, все равно: 4 ч. в день Пуб<личной> Библ<иотеке> и с 5 до 10 — Институт. Как же меня может хватить?

А ты о переводах говоришь. Взять книгу и часа по полтора в день ее переводить — я могу. Но учиться переводить, профессионально, — нету времени. Ведь нельзя, чтобы день был уплотнен до последней минуты. Ведь всегда есть какие-то непредвиденные дела, и книги посторонние иногда хочется почитать... Твоя мысль такова: заменить стенографию (3 ч. в день) профессионализацией на переводах. Во-первых, переводы — вещь, дающая много денег, но очень не стойкая, не постоянная и не дающая свободы (служба канцелярская, 65 р. в месяц — дает свободу: от 4 до беспредельности свобода), а во-вторых... я потратила на стенографию полторы зимы. Через 3 месяца ее кончаю. Ты предлагаешь мне вдруг бросить ее и заняться переводами. Как это может не возмущать меня, посуди сам. Ведь это с твоей стороны такое нежелание понять суть дела — *теперь* предлагать бросить стенографию! А что, если я кончу стенографию, а в будущем году возьмусь за переводы? Чем помешает мне знание стенографии?

Постоянное ожидание с твоей и маминой стороны: когда же я буду вам помогать? — приводит меня в отчаянье. На III курсе я буду занята еще больше, чем на II, а потом будет IV курс... а вы ведь все на меня удивляетесь — никогда нет дома! Это нервирует до последней степени. Когда полтора месяца назад мне предложили стенограф<ическую> службу на 65 р. в месяц с 9 до 5 ч. каждый день — я сразу побежала наниматься, твердо зная, что это есть отказ от Инст<ит>ута, но до такой степени мне невыносимо такое отношение к себе дома. Я не попала на это место совершенно случайно. А то я бы бросила Ин<ститу>т во имя 65 р., свободы и уничтожения родительских косых взглядов.

Общественность... Я не занимаюсь общественностью в том смысле, в каком ты хочешь ее понимать. Если я сидела в ДПЗ и если буду еще сидеть, то не за «идеалы» и не «принципиально», а за то, что люблю Аиду, Раю, Юру, Колю[4] и активно помогаю им. А «общественность» — она сейчас невозможна. Если в чем-нибудь меня упрекают друзья и враги в Ин<ститу>те, то это в ярой *не*общественности.

Катя в воскресенье едет в Сибирь, в Орск к Аиде — навестить. Об этом не надо говорить никому. Мы в складчину устроили ей билет. Общественность это или нет? Я не знаю. Я знаю, что иначе я не могу.

А в общем — мне трудно, и я не знаю, как распутать всю путаницу. Я рада, что написала тебе так много.

26/XII 25 г.

[1]*Б. М.* — Борис Михайлович Энгельгардт. Подробнее о нем см. примеч. 4 к предыдущему письму.

[2]*Катя* — Боронина.

[3]Виктор Абрамович *Гофман* (1899—1942), писатель, в 1925 году — соученик Л. К. Чуковской по Институту истории искусств.

[4]*Аида* — Басевич, *Юра* — Кочетов, *Рая, Коля* — неустановленные лица.

14. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

29 мая 1926. Ленинград

29/V 1926 г.

Милый папа. Очень тебе завидую, ибо город надоел зверски. Хочется на лодочку. Сейчас я занимаюсь метрикой, по 3-м книгам Жирмунского, и на каждой странице вспоминаю фразу Ты-

нянова «Жирмунский! Это же такой мертвец, который даже не подозревает, что бывают живые люди». Жирмууунский, скууучно... 3 книги. Кроме того, сдаю символизм, это веселее, потому что надо читать стихи. А завтра у меня квалификация на 110 слов. Провалюсь непременно. 90 я выдержала на отлично, а это провалю непременно.

Твоей книги о Некрасове[1] еще не видела, хотя очень и давно хочу ее видеть. Дома ее нет, а достать где?

О Бородуле[2] в Ин<ститу>те говорят очень хорошо, студенты. А недавно в городе был лютый ливень, я стояла под воротами, ждала трамвая; мальчишки стояли, и один крикнул: «Бородулин дождик, серьезный!» Брось ты его переделывать, давай как есть.

Сегодня резала Муре апельсин и разрезала себе палец до кости. Слава Богу, на левой руке.

Твой вентилятор сейчас говорит: «Так и надо, так и надо». Вчера у меня были Катя, Саша, Ирина[3] и ужасно возмущались вентилятором.

В Ин<ститу>те было 2 вечера Маяковского. «Как делать стихи» и самые стихи. Держится он по-прежнему, по-моему, противно, но стихи есть превосходные. Стихотворение Есенину замечательное. Помню куски:

Ваше имя в платочки рассоплено,
ваше слово слюнявит Собинов,
и выводит под березкой дохлой —
«Ни слова, о дру-уг мой, ни вздо-о-о-о-ха».
Эх, поговорить бы иначе
с этим самым
С Леонидом Лоэнгринычем!
Встать бы здесь гремящим скандалистом:
— Не позволю мямлить стих и мять! —
Оглушить бы их трехпалым свистом
в бабушку и в бога душу мать!
Чтобы разнеслась бездарнейшая погань,
раздувая темь пиджачных парусов,
чтобы врассыпную разбежался Коган,
встреченных увеча пиками усов.

Это только отрывок. А есть другое стихотворение, кот<орое> замечательно кончается, только мало помню:

...Что ж!
Над родной страной
пройду стороной,
как проходит косой дождь.

Он тебе кланяется очень. Но он противный.

Мама постриглась. Ей и стриженой хорошо, но было лучше. Она уже сама страшно жалеет. «Приклеить готова!» Я уверена, что она, когда шла стричься, знала, что будет жалеть. Но, в общем, хорошо, голове легче.

У тебя уже есть плювариум?[4]

Ты загорел уже?

Тебе часто позванивает Папаригопуло[5].

Мура сегодня спросила: «Мама, 21 копейка больше, чем рубль?» (У нее в кошельке 21 коп.) Ну, будь здоров, или «всего лучшего», как говорит С. Дрейден[6], кот<орый> тебе кланяется.

ЛЧ

[1]Речь идет о книге: К. Чуковский. Некрасов. Статьи и материалы. Л.: Кубуч, 1926.

[2]*Бородуля* — кинороман, который К. Чуковский опубликовал под псевдонимом Аркадий Такисяк в вечерних выпусках «Красной газеты» в начале 1926 года.

[3]*Катя* — Боронина, *Саша* — Сааков, *Ирина* — Рейнке, сестра М. Н. Чуковской, жены Н. К.Чуковского.

[4]*«Плюварий»* — так К. И. называл балкончик на даче. См. дневниковые записи: «...лежал в своем "Плюварии"» (Дн.-1, с. 278 и 279).

[5]Борис Владимирович *Папаригопуло* (1889—1951), драматург, киносценарист, заведующий литературной частью театра «Комедия».

[6]Симон Давыдович *Дрейден* (1906—1991), секретарь К. Чуковского, впоследствии — театральный критик.

15. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Середина июля 1926. Ленинград[1]

Милый папа. Прежде всего дела:

1) телефон у нас не испорчен, а выключен. Надо заплатить, а то снимут аппарат.

2) Когда Коля поедет, пускай, если можно, привезет мне одну простыню (я взяла с собой только одну) и лифчики мои, если они у меня есть (у меня с собою 2). И письма.

Спасибо тебе за письмо. Оно очень хорошее, только не совсем верное.

Я действительно одинокая, потому что друзей у меня нет, но у меня много товарищей, и товарищей настоящих. Я это так чувствовала в городе теперь! Это большое счастье.

Я слабая, но надо становиться сильной. Я знаю, что хуже, чем мне было эти 2 последние зимы, мне не будет, а потому мне сам черт не страшен. Хуже не будет, а будет лучше: спокойнее, чище. Больше работать, чем я работала эти 2 зимы, мне не придется, так что бояться тоже нечего.

Пока что чувствую себя хорошо. Еще мучает неопределенность, но скоро и это кончится.

Ты мало пишешь о семействе, пиши больше, хотя это и трудно.

Пускай Боба мне напишет, где находятся собранные нами когда-то частушки? Они мне *очень* нужны.

Оказалось, что Пешковского читать *вредно,* ибо Шахматов ему противоположен. Так сказал Бернштейн[2]. Везет. А Шахм<атов> скоро у меня будет.<...>

[1] Датируется по записи в дневнике К. И.: «*10 июля*. Вчера Лида отряхнула прах родительского дома — уехала с дачи в город искать себе службы» (Дн.-1, с. 392).

[2] Упомянуты: филологи Алексей Александрович *Шахматов* (1864—1920) и Александр Матвеевич *Пешковский* (1878—1933), по книгам которых занимались студенты Института. Сергей Игнатьевич *Бернштейн* (1892—1970), языковед. Он создал в Институте живого слова фонотеку с записями на валиках голосов девяноста двух поэтов. В своей фонетической лаборатории он изучал звучание поэтической речи и особенности авторского чтения.

16. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 июля 1926. Луга[1]

Суббота

Лида, душенька, пиши почаще. Нам мерещатся всякие ужасы. Мама сегодня отправилась на телефон и пыталась говорить с Дрейденами. Деньги я получил от Тихонова только сегодня. Завтра могу тебе выслать — или нет, послезавтра. Надеюсь, что ты приедешь к нам недельки на две.

Сима[2] рассказывает, что Вы [нрзб] кончилась печально. Почему бы Коле не приехать сюда на недельку? Я опять развинтил-

ся, не сплю, похож на полумертвого. Твои поздравления принимаю, действительно моя радость не имела границ. А тебя поздравляю с Шахматовым; верно ли, что он лучше Пешковского? Мура по-прежнему влюблена в Андрея[3], Боба собир-рает вер-ршинки, сошелся с солдатами, оказался с ними на *ты*, играет в лапту — и счастлив. Маме лучше, но спит она по-прежнему плохо[4].

Адрес на открытке: Ленинград. Кирочная 7, кв. 6

[1]Почтовый штемпель: Луга. Ленингр. 25.7.26.

[2]*Сима* — Дрейден.

[3]*Андрей* — соседский мальчик, ровесник Муры.

[4]Открытка эта до меня не дошла: 26 июля 1926 г. я была арестована. — *Примеч. Л. Чуковской.*

Об этом аресте Л. К. рассказала в своей незавершенной автобиографической книге «Прочерк»: «Арестовали меня зря, без настоящей вины, но повод для ареста и расследования я дала. Попала я в тюрьму все в тех же неумных и неудачных поисках мировоззрения... Не понимая, что мировоззрение человек добывает ценою опыта целой жизни, я хотела приобрести его из книг и притом не постепенно, не годами, а единым махом... Упорная жажда обрести мировоззрение... и привела в подпольный кружок рабочих-печатников, собиравшихся где-то на Песках. Среди своих однокурсниц, с которыми я дружила, в особенности сблизилась я с Катюшей Б<орониной>. Однажды, сидя рядом со мною на лекции, она шепотом поведала мне, что раз в две недели посещает собрания какой-то подпольной группы. Встречаются среди них “люди, самостоятельно мыслящие”, а не самозванцы, присвоившие себе право говорить от имени пролетариев. Я тоже, если хочу, могу посещать их. Если искать мировоззрение, то у кого же, как не у рабочих, совершивших революцию? Меня это, дескать, ни к чему не обязывает: “Соскучишься — уйдешь”. А она, Катюша, в любом случае поручится им за мою надежность.

Однако и эта попытка позаимствовать мировоззрение оказалась напрасной. Рабочие люди так же мало помогли мне, как ученые книги...

Зимою 25—26 года, посетив подпольное собрание один-единственный раз, я перестала ходить туда. Я ли повинна в том, что не оказалась способной стать под их знамя, они ли не умели меня вдохновить — неизвестно...

Как бы там ни было, а в середине лета 1926 года меня арестовали.

Аресту предшествовала моя жизнь вместе с Катюшей Б. Родители мои сняли на лето дачу для всей семьи неподалеку от Луги. Я же терпеть не могла дач и под выдуманным предлогом быстро удрала с дачи в город... Жила я одна в пустой большой квартире. Вздумала пригласить Катюшу пожить у меня...

В кабинете у Корнея Ивановича стояла пишущая машинка... Катюша внезапно попросила у меня разрешения учиться писать на машинке. «Пожалуйста... Что это тебе вдруг вздумалось?» — «Да так просто. Мама говорит, в жизни пригодится».

Она прилежно стукала одним пальцем. Я посмеивалась над нею: сама я умела не одним пальцем, а двумя...

На первом же допросе следователь Леонов предъявил мне воззвание рабочих, перестуканное на машинке Корнея Ивановича...

Катюша на первом же допросе призналась, что это она перепечатала листовку на машинке Корнея Ивановича, а я ни при чем, даже не читала текст...

Скоро меня отпустили домой на поруки “вплоть до общего приговора”. Домой я попала весьма своевременно: свалилась вскоре в кровать с температурой около сорока. (Паратиф.) Когда (не помню, кто? сотрудник ли ГПУ или милиции) принес мне на дом повестку, повелевающую немедленно явиться (на Гороховую? или в Пересыльную тюрьму возле вокзала? не помню!) для отправки по этапу, я еще не в силах была оторвать голову от подушки, и за меня в соответствующей графе расписалась мама.

По справке от районного врача меня оставили болеть дома, а как только поднимусь на ноги — приказано отправляться в ссылку самостоятельно.

Мне и Катюше, по молодости лет, приговоры были вынесены самые легкие: я получила три года Саратова, Катюша — пять лет Ташкента» (Сб.-1, с. 281, 286—289, 291).

17. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

26 декабря 1926. Саратов

26/XII 26 г.

Милая мама и милый папа!

Только что получила первое письмо из дому. На 10-й день отъезда! Что было бы, если бы я писала вам так же. Утром сегодня пришел ко мне А<рсений Крогиус> и сказал, что письмо от мамы забыл дома. Я пошла с ним к нему домой. Мама его и отец встретили меня чрезвычайно ласково, не знаю уж и почему. Между прочим, оказалось (я вчера это узнала), что отец Арсения — профессор психологии в здешнем университете, человек с европейским именем[1]. Не знаю, правда ли, что у него европейское имя, но впечатление он производит очень интересное. Он дал мне Бергсона, которого до сих пор я здесь тщетно искала. И он пригласил меня в его домашний философский семинарий. Я чрезвычайно довольна.

Раньше всего напишу о своих комнатных делах:

У меня хорошая, теплая, уютная, мягкокроватная и письменностольная комната в центре города. Парадный ход; первый этаж; ванна, электричество. Все, как в городе, только телефона не хватает. Семейство тихое: 2 девочки, 15 и 17 лет, школьницы. Хозяйка моя вдова, еврейка. Кормит меня хорошо и вообще за мной ухаживает, но... но... но...

Дело в том, что у меня отобрали мой паспорт и выдали мне бумажку, точно указывающую на мое «звание и положение». По

этой бумажке я обязана прописываться. Когда моя хозяйка прочла сию бумажку, она пришла в ужас. «У меня, — говорит, — сердце больное» и т.д., и т.п. Я начала ее разубеждать, говорила пламенно, как только могла. Мне ужасно не хочется терять эту комнату! Ведь найти комнату так трудно, почти невозможно... Я была красноречива, как могла. Разговор этот произошел 3 дня назад. Положение сейчас неопределенное. Она молчит, и я молчу. Не знаю, на что она решилась. Если бы это не она, а домоуправление хотело меня выселить, я бы не испугалась; я бы принесла им такую бумажку, что они оставили бы меня в покое! Потому что я имею право жить, где угодно, и прописывать меня обязаны. Но квартирная хозяйка — дело другое. На нее официальным порядком я не могу воздействовать... Но пока всё хорошо. Жду. Авось ее мистический трепет уляжется.

Основное свойство саратовского климата — ветер. В Ленинграде тоже бывает ветер, но не при таких больших морозах. А здесь на днях было 15° мороза, и ветер такой, что с ног сбивает. Лицо точно кипятком обваренное. Очень мерзнет лицо... Вот сегодня хорошо, солнце, а ветер сравнительно небольшой. Саратов хорошо выглядит. Домишки славные, улицы широкие, снег хорошо хрустит. По вечерам страшно выходить на улицу. Уже с 5 ч. пусто, тихо. Но освещен город неплохо. Фонарей много, и они высокие, как в Ленинграде на Марсовом поле. Их головы качаются, и по улицам ходят большие черные тени, которые иногда наползают на дома. Трамвайное сообщение отвратительное: одноколейные линии, и потому трамваи ходят редко. Да и ходят они как-то так, что всегда удобнее и скорее дойти пешком. Они старые, облезлые. Обыватели ездят в них торжественно, как на поезде.

В театре и в кино еще не была ни разу. Завтра хочу пойти в Пролеткульт — он как раз напротив меня. Кто знает! Может быть, саратовская почва производит на свет лучших пролетписателей, чем ленинградская. Всяко бывает.

Из Саратова произошли: Федин, Орешин и Пильняк[2]. Мне благоговейно указывали на одну барышню и на одного профессора, которых Пильняк вывел в «Голом Годе».

Теперь о знакомых. У Л.<имя зачеркнуто> я вряд ли буду часто бывать, потому что дочка их на днях уезжает к мужу в Харьков. Встретили они меня хорошо, и когда мне некуда было деться, я у них ночевала. Они люди культурные и добрые. M-me Л. очень забавная старушка. Она изображает из себя фанатичку-боль-

шевичку: «Мы вам еще покажем» и пр. Но относится ко мне ласково и всегда угощает картошкой с капустой... Очень интересно то семейство, к которому направил меня Конст<антин> Ал<ександрович> (я глубоко ему благодарна). Отец семейства — местная знаменитость, театральный критик. Работает в Сарат<овских> «Известиях». У него большая библиотека, кот<орой> он мне предложил пользоваться.

Так. Сейчас в комнату вошла моя хозяйка и начала крутить о том, что если я нахожусь на иждивении отца, то я должна платить за всю квартиру, и что жильцы имеют против того, что она пустила к себе человека, и т.д. Я сказала, что с домоупр<авлением> я буду говорить сама (ерунду она порет) и чтобы она сегодня поговорила с жильцами и решила, может ли она меня оставить или нет. Не в жильцах тут, конечно, дело... Итак, сегодня вечером выяснится. Если она меня выселит, то придется идти к Кр<огиусам> ночевать.

Да, так еще о знакомых. Этот самый театр<альный> критик был знаком с женой Некрасова, Зиночкой, которая здесь жила, как тебе, папа, известно. Он пожертвовал в Пушк<инский> Дом часы Некрасова, полученные от З<инаиды> Н<иколаевны>, и охотничий свисток. Посылаю тебе, на всякий случай, листок, выпущенный им по случаю смерти З<инаиды> Н<иколаевны>. Может быть, он тебе пригодится. Евгеньев-Максимов приезжал не<сколько> лет назад в Саратов и интервьюировал этого моего знакомого[3]. Впрочем, проще: его фамилия Архангельский, псевдоним Марко Брун. У него есть сын, Всев<олод> Николаевич, заведующ<ий> одной из здешних библиотек, человек литературный, пишет сейчас работу о Толстом. Марксист, но... формализм, как необходимое орудие и пр. Человек довольно начитанный и знающий... Из этого семейства я высасываю книги.

Вот, собственно, пока все мои новые знакомые. Думаю, что скоро будет их больше. Вс<еволод> Ник<олаевич> обещал меня кое с кем познакомить, и Арс<ений> Кр<огиус> тоже.

Сашу[4] вижу часто. Но завтра утром он уезжает на 2 недели. Он нашел работу: агент по распростр<анению> изд<аний> «Начатки Знания». Работа на процентах. Другие агенты, разъезжая по губернии, зарабатывают этим делом очень много денег. М<ожет> б<ыть>, и Саше удастся. Слава Богу, ему разрешили ездить по всей губернии. Я за него очень рада. Но самой мне будет немного жутко без него остаться. Он все-таки единственный человек, который

здесь обо мне по-настоящему заботится, к которому я могу обратиться за помощью. Особенно теперь, когда снова придется искать комнату, таскать вещи и пр., — скверно, что его не будет. Я по случаю его отъезда чувствую себя так, как будто меня переводят из общей камеры в одиночку.

С работой у меня так: никуда не могу сунуться без удостоверения. Пускай Ленингр<адский> Комитет Стенографов поторопится! Я сплю и вижу работу. Она мне так нужна, так хочется ее скорей получить. Тогда ничего не страшно. Учиться я здесь буду, книги есть, но работа денежная мне сейчас нужнее, чем ученье. Когда я получу работу, я буду чувствовать себя счастливой.

Сейчас занимаюсь английским, Бергсоном и Ап<оллоном> Григорьевым. Пока в универс<итетскую> библиотеку не хожу — она закрыта по случаю каникул. Жалко, если надо будет опять бегать, искать комнату — тогда все занятия полетят к черту.

Верочка[5] как две капли воды похожа на своего старшего брата. Я зашла к ней сразу, как приехала, и теперь навещаю ее в неделю раз. Теперь она не пускается в интимные разговоры, а в первый раз начала расспрашивать о моих любовных похождениях и пр. Я попросила ее не лезть ко мне в душу и не говорить о прошлом, когда всё уже кончено. «Что было, то прошло». Теперь мы в чудесных отношениях: она ко мне равнодушна, и я к ней тоже.

Самое главное, это чтобы мне чаще писали. Пишите чаще! Чаще пишите! Пишите! А то невыносимо.

Коле не пишу потому, что скучно писать одно и то же. Пусть прочтет это письмо. Впрочем, о Куке напишу ему отдельно. А он пускай пишет мне о Ленинграде, о Симочке, Татке, Марине[6], книгах. Вышел ли роман Вагинова? Если да — то пришлите. Папа и Коля, сообщайте мне названия интересных книг. Здесь книги доставать можно, только надо знать, какие. Пишите о литературе и литераторах. Как роман Бор<иса> Ст<епановича> [7]?

Какие Татка новые слова говорит? Что Мура? Что есть из Одессы? Как папин Некрасов? Вышли ли детские книжки? Что и как решили с квартирой?

Папа, пришли мне твои детские книги. Здесь очень популярны «Крокодил» и «Мойдодыр», а других почти не знают. Пришли, пожалуйста. И еще пришли «Принципы худож<ественного> перевода». Тут у меня просят.

Пусть Коля пришлет мне адрес Гуфизы[8]. Я его забыла.

И. и Т. я написала и дала им «адрес». Пусть пишут чаще. Не дожидаясь моих писем.

Привет Агате Андр<еевне>, Татьяне Алекс<андровне>, Софье Ильиничне[9].

Мама и папа, пишите о Муре, Бобе, Тате и о себе. Коля, пиши! Мура, пиши (Бобу не прошу, он презрительный).

Рада, что Е. Рысс[10] — не тот.

Привет всем родным, даже Марине.

Привет Любе[11].

Ваша *Лида*

Пришлите фотографии — Мурину, папину, Татину (других не прошу, ибо их нет). А еще лучше: все снимитесь наново и пришлите карточки.

Мама, ты спрашиваешь, как посылать вещи: по почте «до востребования». Или на мой теперешний адрес: «Б. Казачья 37, кв. 1». Если я и не останусь здесь жить, то заходить буду.

[1]Речь идет о профессоре Августе Адольфовиче Крогиусе.

[2]*Из Саратова произошли: Федин, Орешин и Пильняк* — перечислены писатели: крестьянский поэт Петр Васильевич Орешин (1887—1938), прозаики — Борис Андреевич Пильняк (1894—1937) и Константин Александрович Федин (1892—1977). Пильняк и Орешин погибли в годы ежовщины. Федин стал впоследствии депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР, членом Советского комитета мира и т.п. См. о нем также письмо **368**.

[3]Владислав Евгеньевич *Евгеньев-Максимов* (1883—1955), историк литературы, автор книг о Н.А. Некрасове.

[4]*Саша* — вероятно, Александр Сааков, проходивший по тому же делу, что и Л. Чуковская и Е. Боронина. По этому делу он и был сослан в Саратов (о нем см. также: *Разумов*, с. 126, 128).

[5]*Верочка* — неустановленное лицо.

[6]*Симочка* — С. Дрейден; *Татка* — дочь брата Л. Чуковской — Николая, *Марина* — жена Н. Чуковского.

[7]Речь идет о романе Б. С. Житкова «Виктор Вавич».

[8]*Гуфиза* — домашнее имя Ирины Николаевны Рейнке, сестры жены Н. К. Чуковского — М. Н. Чуковской.

[9]*И. и Т.* — вероятно Изя Гликин и Туся (Тамара Григорьевна Габбе); *Агата Андреевна* — Охотина, друг семьи Чуковских; *Татьяна Александровна* — Богданович, писательница, крестная мать Л. Чуковской. *Софья Ильинична* — Дрейден, мать соучеников Л. К. — Гриши и Симы Дрейденов.

[10]*Рысс* — Евгений Самойлович *Рысс* (1908—1973), соученик Л. Чуковской по Институту истории искусств.

[11]*Люба* — Бруни, соученица Л. К. по Тенишевскому училищу, внучка или правнучка художника.

18. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

6 января 1927. Саратов

Милый папа. Сегодня получила твою открытку и мамино спешное письмо с долгожданным удостоверением... Я не знала, что ты был болен. Пожалуйста, сразу же напиши сам, или пусть мама напишет, как ты сейчас себя чувствуешь и что говорит, пророчествует, констатирует Григорий Борисович[1].

Получив удостоверение, я сразу отправилась в Бюро Стенографов. Оно такое маленькое и незаметное, что отыскать его в Доме Советов (очень большой дом) было трудно. Когда я нашла его, то оказалось, что председатель — на заседании и видимым будет только завтра. Итак, завтра опять пойду в Бюро, затем на Биржу Труда. Чрезвычайно рада, что наконец-то могу открыть компанию по ликвидации собственной безработицы... Между прочим, вчера ходила я в Союз Рабпроса получить новый билет. Это оказалось канительно. Стояла в очереди 2 часа. Нужно было заполнить длинную и чреватую всякими мелями и подводными камнями анкету. Заполнила, минуя благополучно все рифы и мели. Получила билет, чему очень рада, ибо было бы худо, если бы меня выкинули из Союза. Тогда — крышка на заработном фронте.

Посылаю тебе заметку Н. Икарского — Марко Бруна*— Архангельского. Бездарная заметка в бездарнейшей газете. Я до сих пор думала, что бездарнее «Ленинградск<ой> Правды» нету газеты на свете, — оказалось, есть: «Саратовские Известия». В них изредка пописывает о литературе Лелевич[2] (кстати, находящийся здесь на таком же положении, как и я) — абсолютно слепой и глухой к литературе человек.

«Лавровых» Слонимского, если тебе нетрудно, пришли. Для меня здесь каждая книга — большая радость и ценность. Если же тебе почему-либо трудно прислать эту книгу, то напиши подробно, как она называется и в каком изд<атель>стве вышла. Я достану. Пожалуйста, пиши мне более или менее регулярно о хороших книгах, я буду пытаться их доставать.

Сегодня со мной была неприятность. Дело в том, что я выписала себе «Кр<асную> веч<ернюю>» на январь. Заплатила рубль, всё честь честью. Очень ждала «Красненькую», так хочется чувствовать себя ленинградской жительницей. Но ее все не несли. А сегодня почтальон, принесший мне твое письмо, попросил меня зайти на почту, в Агентство, где я выписала «Красную». Я пошла...

и мне вернули мой рубль, ибо подписчиков на «Красную веч<ернюю>» в Саратове так мало, что Ленингр<адское> агентство не желает высылать. Так я и осталась без «Красной». Пожалуйста, выпиши мне ее хоть на февраль. Из Ленинграда это просто. А стоит она рубль.

Третьего дня получила открытку от Муры. Чудесная открытка. А здесь таких нет. Мне стыдно за тех ужасных собак, кот<орых> я ей посылаю, но здесь нету открыток с картинками: я вчера обошла все писчебумажные магазины, но ничего, кроме видов Москвы и вождей, мне не могли предложить, к моему величайшему огорчению... Собак скупаю у Юры[3], который занимается охотой и потому коллекционирует изображения охотничьих собак.

С хозяйкой, домоуправлением и пр. у меня всё отлично. И кормят меня хорошо. Сегодня за обедом ела на первое — куриный суп с лапшой, а на второе — индюшку с фасолью. Во.

Занимаюсь дома — английск<им>, Бергсоном и стенографией, а в Библиотеке 4 раза в неделю, с 3 до 6-ти — Ап<оллоном> Григорьевым. Хожу на почту, в Союз, к Верочке, к Юре и с завтрашнего дня начну ходить в поисках работы.

О том, что ответил Толстой Зинаиде Николаевне, спрошу у Н. М. на днях, когда зайду к нему.

Сегодня здесь опять тает, тепло... Я прочла в «Моск<овской> Правде», что в Ленинграде 3-го был большой ураган. Правда это?

Вообще ужасно хочется мне, чтобы мне писали о Ленинграде побольше. Не только о людях, но о газетах, книгах, Неве, улицах, театрах, кино, ругани в «Красной», суде, трамваях (23 №), погоде. А меня письмами из Лен<ингр>ада не балуют: от тебя получила одно, от мамы — 4; от Муры — одно; от Изи[4] — 3; от Коли, Туси, Бобы, Ирины, Марины[5] и пр. пр. — 0... Я сама не пишу многим, но это не потому, что забываю или не хочу, а потому, что писать нечего, ибо живу чрезвычайно неинтересно и однообразно. Т<атьяне> А<лександровне>[6] я обещала написать о провинциальном быте, людях и пр.; не пишу ей только потому, что ни провинциального быта, ни людей — не вижу. В театр мне как-то не ходится (не была ни разу), в кино — тоже; в Пролеткульте была раз, и больше не пойду, т.к. он является доказательством блоковской истины, что «человеческая глупость безысходна, величава, бесконечна»[7]; людей, в первые дни после своего приезда, видела много, п<отому> ч<то> искала комнату, расспрашивала и пр., а теперь не вижу совсем, предпочитаю сидеть дома

или в библиотеке. С людьми здешними, с которыми столкнула меня судьба и рекомендательные письма, совершенно не нахожу, о чем разговаривать; они меня раздражают тем, что они *не те*, и хотя несколько милых семейств меня постоянно зовут к себе, я нигде не бываю и не люблю, когда ко мне приходят. Не знаю почему, но мне легче быть совсем одной... Вот и не пишу Т<атьяне> А<лександровне>. Передай ей, пожалуйста, мой большой привет.

Напиши мне о себе, о Муре, о Бобе, о Маме, об Одессе и о книгах.

От Коли надеюсь получить на днях письмо. Я ему писала.

Пришли мне, пожалуйста, свои детские книги.

Спасибо за деньги. Мама спрашивает, достаточно ли мне их. Конечно, вполне достаточно.

Лида

6/I 27 г.
Саратов

Что слышно о Житковской Наденьке[8]?
Как здоровье Юрия Николаевича[9]?

Известно ли тебе, что твоя статья «Ахматова и Маяковский» была перепечатана Иннок<ентием> Оксеновым[10] в сборнике «Современная русская критика 1918—24», вышедшем в Гизе, в 1925 г.? Я не знала этого. М<ожет> б<ыть>, и ты, случайно, не знаешь?

*Марко Бруна обыватели здесь переименовали в Марко Вруна. Не знаю, вызвано ли это переименование характером его писаний или просто чрезвычайно соблазнительным псевдонимом.

[1] *Григорий Борисович* — Конухес, семейный врач, лечивший детей К. Чуковского.

[2] *Лелевич* — псевдоним критика Лабория Гильевича Калмансона (1902—1937). В 1924 году «напостовец» Лелевич в своей статье в журнале «Большевик» № 5—6 обрушился на журнал «Русский современник», одним из редакторов которого был К. Чуковский (см. Дн.-1, с. 282).

[3] *Юра* — вероятно, речь идет о ленинградце, наборщике Юрии Кочетове (о нем см. также: *Разумов*, с. 126, 128).

[4] *Изя* — Исидор Моисеевич *Гликин*, ленинградский знакомый Лидии Чуковской.

[5] *Туся* — Тамара Григорьевна Габбе, соученица Л. К. по Институту. *Ирина* — Рейнке.

[6]Татьяна Александровна — Богданович.

[7]Строка из стихотворения А. Блока «Последнее напутствие» («Боль проходит понемногу...»).

[8]*Наденька* — одна из главных героинь романа Житкова «Виктор Вавич». — *Примеч. Л. Ч.*

[9]*Юрий Николаевич* — Тынянов (1894—1943), писатель, преподаватель в Институте, где училась Л. Чуковская.

[10]Иннокентий Александрович *Оксёнов* (1897—1942), поэт, критик, переводчик.

19. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

17 января 1927. Саратов

Милые папа и мама. Целую неделю не имела никаких вестей из Лен<ингр>ада, очень беспокоилась. Хотела завтра телеграмму посылать, были всякие скверные предположения насчет вас и насчет Изи. Но сегодня получила 6 (шесть!) писем и чувствую себя совершенно ошарашенной. «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Странно здесь работает почта: письма идут то 4 дня, а то 6, а то — 8. И ужасно любят приходить все вместе, залпом. Почтальон экономит сапоги и время, что ли? Всю эту неделю по утрам смотрела жадно на улицу — нет ли почтальона? — потом видела его, но

...И почтальон опять проходит мимо...[1]

Но сегодня он не прошел мимо, а постучал к нам дважды, и принес 6 писем: от папы, от Бобы, от Кати, от Любы и 2 от Изи.

Кладу перед собой папино письмо и отвечаю или спрашиваю по пунктам:

Папа, как твое здоровье теперь? Перестала ли сволочить голова? Можешь ли ты уже есть? Нормальная ли у тебя температура?

О «самоубийстве» Казика мне Коля писал, но немного не так, как ты. Он ничего не упомянул о подмене яда содой, что, конечно, существенно меняет дело. Уехал ли уже Казик? Помирила ли его Ел<ена> Карл<овна>[2] с женой? Фу, до чего мне противны и его вечные женитьбы, и самоубийство его. Вот уж не сочувствую ему совершенно. Трепло самое настоящее.

Житков помирился с мамой? Коля слышал его роман? Ты пишешь, что конец еще лучше начала; в таком случае, роман замечательный. Если Б<орис> С<тепанович> пришлет мне роман, я буду и польщена, и тронута, и чрезвычайно рада[3].

Что Коля сильно интересуется моими весьма неинтересными письмами — это хорошо, но почему он сам написал мне всего одно письмо за целый месяц? Я понимаю, что он — отец семейства, труженик, подающий надежды беллетрист, знаменитый переводчик, талантливый географ, лирический поэт с тонкой и нежной душой, сквозящей... и пр., но все-таки! можно было бы и чаще писать мне, хоть я и не мать семейства, и не труженица, и не беллетрист, и не знаменитая переводчица и т.д., и т.п.

Ты пишешь, что Коля хорошо говорит о Беринге. А мне он пишет: «Жалею, что влип в эту тему». Ну, видно будет дальше.

А самый замечательный мой брат — это Боба. Он написал мне такое упоительное письмо! он удивительно талантливый литератор! он единственный, кот<орый> сумел заставить меня ощутить быт Кирочной 7 кв. 6. Прочтя его письмо, я совершенно ясно представила себе всё, что у нас делается (и очень опечалилась), вы никто не умеете так писать, как он.

Последние дни у меня очень скверное настроение. Из-за того, что нет работы. Я очень стараюсь взять себя в руки, не расклеиваться и ждать, — работа будет, надо ждать, надо иметь терпение. Но мне ужасно не терпится, мне все кажется, что нужно еще что-то сделать, чего я не сделала, и тогда работа будет. Но сделала я *все* возможное и невозможное.

Папа, ты пишешь: «Если ты хочешь стать в независимое отношение к семье, это не нужно. Семье ты не в тягость». Я очень благодарна тебе, но я все-таки больше всего хочу не быть семье в тягость на самом деле, я хочу, чтобы тебе не приходилось посылать мне 70 р. в месяц. Пока я жила в Лен<ингр>аде и училась, жить на твои средства мне было хотя совестно, но не очень, п<отому> ч<то> я училась, очень много работала, и мне трудно было бы зарабатывать, и вполне естественно было бы, если бы я находилась на твоем иждивении до окончания Ин<ститу>та. Ну а теперь я не учусь (учусь, конечно, сама, но ведь это не настоящее учение, и недостатка во времени у меня нет) и потому совершенно не чувствую себя вправе не зарабатывать. Я непременно хочу зарабатывать, ну хоть рублей 40 в месяц зарабатывать... Ты нападаешь на мою стенографию и пишешь «если бы ты занималась английским, то ты бы теперь» и т.д. «Не понимаю, почему ты напираешь на стенографию». Не понимаешь? П<отому> ч<то> я не думаю о том, что было *бы,* если *бы*, а я думаю о том, что есть

на самом деле. Стенография — единств<енная> моя надежда теперь, ибо какую другую работу я могу сейчас найти? кроме стенографической? здесь? я, при моем положении, при зверской безработице? то, что у меня есть специальность, — это мое спасение. Конечно, я не отказываюсь ни от какой другой работы, но если найти стеногр<афическую> работу надежда есть, и очень большая, то найти какую-нибудь другую работу надежды нет никакой. Какую работу? Давать уроки? М<ожет> б<ыть>, мне удастся начать давать английские уроки. Мне обещали в неск<ольких> местах слать ко мне учеников... Да я согласна браться за какую угодно работу, лишь бы платили. Меня Юра научил. Он наборщик, и когда у него не было работы, он говорил мне: «Главное — ни от чего не отказываться. Если мне сейчас предложат быть шофером — буду шофером; фельдшером — фельдшером». Так и я. Если мне сейчас предложат обучать кого-нибудь испанскому языку, то я соглашусь.

В Бюро Стенографов меня приняли. Стенографисток с такой высокой квалификацией, как я, в городе всего трое. Поэтому, когда будет работа (а работа будет, когда настанет пора съездов, т.е. в конце февраля), меня пошлют в первую очередь. А пока — Юра сделал мне 10 объявлений, очень красивых, тушью, мои знакомые вывесили их на Курсах по подготовке в ВУЗ, в Университете, в неск<ольких> школах, в Промышл<енном> Экономич<еском> Техникуме. Об уроках стенографии и английск<ого> яз<ыка>.

Вот как у меня обстоят дела. Пока что уроков у меня нет, но great expectations[4]... То, что эти great expectations не очень торопятся сбываться, — меня чрезвычайно нервирует. Сидеть и ждать, ведь это хоть кому надоест. Пока что можно было бы спокойно заниматься Ап<оллоном> Григорьевым, Бергсоном, Диккенсом, но я делаю это все вяло и без пафоса, п<отому> ч<то> мне хочется скорее, скорее наладить самое главное: заработок. А уж тогда все остальное приложится, и Ап<оллон> Григорьев никуда не убежит.

Диккенса читаю и выписываю из него *все* незнакомые слова. Выучиваю 10 слов в день. Учить мне их трудно, п<отому> ч<то> у меня стала очень плохая память, ужасная память. Кроме того, я взяла у Саши Оллендорфа[5] и пишу каждый день такие упражнения: «Путешествуете ли вы иногда? — Я часто путешествую. — Куда вы рассчитываете ехать нынешнее лето? — Я рассчитываю ехать в Париж. — Не едете ли вы в Италию?» и т.д.

Григорьева мне сегодня удалось достать на дом, из унив<ерситетской> библ<иотеки> через В. В. Вормс[6], которая взялась мне покровительствовать. Она умница и милая. У нее чудесный сынок Володя — вот этот самый, кот<орый> тебе письмо написал. Здоровый, красивый и умный мальчик. Она сама — дочь профессора и жена профессора. Живет в очень большой городской квартире, с телефоном и пр.; много книг у нее. Я была у нее раза 3; я хорошо себя чувствую в этом семействе. Архангельские оказались совсем противные (бездарные — это еще ничего), и я к ним не хожу. Проф. Крогиус уехал в Москву... Каждый день собираюсь пойти в кино, чтобы посмотреть что-нибудь кроме Саратова, но вечером всегда решаю не идти — лучше сидеть у себя в комнате и читать. По вечерам у меня хорошо: хозяйка с дочерьми уходят в гости, я совсем одна в нашей половине квартиры. Читаю и придумываю: где бы завтра еще повесить объявление? и куда бы ткнуться за работой? Саша у меня не бывает совсем — я не позволяю, ибо «занята» — и я у него бываю редко, п<отому> ч<то> у него в комнате 3^0 мороза, а это ужасно неуютно. Не понимаю я, как Саша и Юра еще не умерли! Я бы на их месте умерла давно.

Сегодня 26^0 мороза. Очень красиво — снег блестит, синие тени, ясное небо, изумительные дымки из труб! Хорошо скрипят шаги, звонко визжат лыжи. Но холодно, ух как холодно. Я теперь на улицу одеваюсь так: под пальто надеваю жакетку от костюма, а на ноги — вторую пару чулок. И если ветра нет — не мерзну и чувствую себя отлично. А если ветер, то тогда меня всю насквозь продувает: волосы шевелятся под шапкой, в рукава дует, полы пальто разъезжаются. Ненавижу ветер. Как ни оденься — всё холодно, когда ветер... Туземцы говорят, что последние годы климат в Саратове очень улучшился. А раньше бывало до 40^0 зимой.

«Лаврова» нету здесь ни в магазинах, ни в библиотеках. Пожалуйста, пришли, если не очень трудно.

Мне хочется писать что-нибудь беллетристическое. Но вот беда: никакой фантазии нету у меня. Я могла бы не очень плохо описывать настоящие происшествия из моей собственной жизни; но *сочинять* я ничего не могу. И это мешает. Нельзя же писать о себе, о собственных знакомых, о собственных романах! Неловко как-то... А писать хочется. Письма и Дневник это совсем не то.

Папа и мама, пишите мне, пожалуйста, чаще. Мама, ты совсем отчего-то перестала писать мне.

Я шрайбу, шрайбу, но антворты от вас получаю редко[7].

Ваша Лида

17/I 27 г.

[1]Цитируемая стихотворная строка ритмически копирует строку О. Мандельштама «И правовед опять садится в сани».

«Ссыльные разъяснили мне, — вспоминала позже Л. К., — что это не почтальон ленится, а ГПУ лениво и долго почитывает» (Сб.-1, с. 306).

[2]*Елена Карловна* — Добраницкая (1888—1937), друг семьи Чуковских.

[3]Речь идет о романе «Виктор Вавич», над которым в ту пору работал Борис Житков. В январе 1927 года он писал Л. К.: «Буду посылать бандеролью что из «Вавича» или как там его, еще не знаю...» (Сб.-1, с. 309). В дальнейшем он последовательно посылал в Саратов главы своего романа по мере их окончания.

[4] большие ожидания (*англ.*).

[5]*Оллендорф* — фамилия автора известного учебника английского языка, по которому в юности, самоучкой, язык осваивал и К. И. Чуковский.

[6]Вера Владимировна Вормс.

[7]Русскими буквами написаны немецкие слова *schreiben* — писать и *Antwort* — ответ.

20. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 января 1927. Саратов[1]

Милый папа. Спасибо тебе большое-пребольшое за книги. «Лаврова» чуть прочту, пришлю обратно. Беру назад свою ругань в письме к Коле и «извиняюсь».

Сейчас у меня болит зуб. Не очень, но в меру. Завтра утром иду к зубному врачу.

Занимаюсь.

Работу обещают *непременно* к 1 февраля. Надеюсь.

Мурочке завтра напишу.

На днях напишу большое и подробное письмо домой, маме. Писать-то нечего, но постараюсь всё-таки сделать не менее трех страниц.

Привет *Лида*

Адрес на открытке: Ленинград, Кирочная 7, кв. 6

[1] Почтовые штемпели: Саратов. 27.1.27; Ленинград. 29.1.27.

21. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 февраля 1927. Саратов[1]

Милый папа, пишу тебе наспех, п<отому> ч<то> сегодня работала на Съезде Губпрофсовета и сейчас разбираю стенограмму. Глаза слипаются. Сегодня получила твое письмо и деньги. Спасибо большое. Следующий раз — 6-го — я уже сама заплачу хозяйке, я ужасно рада... Катюша в следующем письме опять много и восторженно пишет о твоей книге[2]. Книгу она получила из Лен<ингр>ада (выписала). Что она (Катя, а не книга) — *человек*, так это я давно знаю. И к тому же замечательный.

Была сегодня в Музее Чернышевского и у Н<ины> М<ихайловны>[3] дома. Музей очень интересный — как-нибудь опишу подробно — но сведения для тебя неутешительные. Н<ина> М<ихайловна> говорит, что все, касающееся Некрасова, уже давно опубликовано. Она советовала сообщить тебе лишь следующее: 1) воспоминания о Черныш<евском>, о Некр<асове> посланы в Моск<овский> Гиз. Исправлений мало, в общем, почти то же, что было издано уже Ляцким[4]. Только с рукописью сверено. 2) Знаешь ли ты письма Некр<асова> к Пыпину? Они переданы Верой Ал<ександровной>[5] в Пушк<инский> Дом... Вот всё. О переписке, изданной Пиксановым, ты ведь знаешь?.. Для того чтобы работать над рукописями в Муз<ее> Чернышевского, нужно подавать просьбу о разрешении в Обл<астной> Музей. Напиши, стоит ли это делать?

Как Колино здоровье? Пиши.

Лида

Адрес на открытке: Ленинград, Кирочная 7, кв. 6

[1]Почтовые штемпели: Саратов. 23.2.27; Ленинград. 26.2.27.

[2]Вероятно, речь идет о книге К. Чуковского «Некрасов. Статьи и материалы» (Л.: Кубуч, 1926).

[3]*Нина Михайловна* — Чернышевская (1896—1975), директор музея Н. Г. Чернышевского в Саратове, писательница.

[4]Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942), историк литературы, критик. Он работал с архивом Н. Г. Чернышевского и опубликовал о нем фундаментальный труд.

[5]Названы: Александр Николаевич *Пыпин* (1833—1904), историк литературы, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского; *Вера Александровна* — вероятно, В. А. Пыпина; Николай Кирьякович *Пиксанов* (1878—1969), историк литературы.

22. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

2 марта 1927. Саратов

Милый папа, у меня к тебе большая просьба. Мне для доклада об А<поллоне> Г<ригорьеве> необходима «История русск<ой> философии» Радлова и Спиридонова, т. 1. В Саратове ее *нет* ни у кого, ни в библиотеках, ни у частных лиц. Крогиус дал мне «Очерки по ист<ории> русск<ой> филос<офии>», но это не то. Будь так добр, раздобудь где-нибудь, пришли! Ведь я верну в полной сохранности; без этой книги у меня вся работа стоит, а мне хочется послать доклад в этом учебном году, а не в следующем.

Погода стоит предвесенняя, удивительно радостная. Я иду по середине улицы, в узкой ложбинке, протоптанной лошадьми, и иногда мне вспоминается Куоккало... Много снегу. С крыш сбрасывают снег; он уже тяжелый, плотный.

Катюша пишет, что в Ташкенте уже совсем весна[1], ходят без пальто. А в Питере? Ты пишешь — «погода изумительная», — а в каком стиле?

Когда выйдет, наконец, твой Некрасов?[2] Когда ты пришлешь мне «Закаляку» и «Свинок»? Вышло ли «Солнце»?

Почему мама не пишет так долго?

Лидочек, лучшая из дочек

2/III 27 г.

Адрес на открытке: Ленинград, Кирочная 7, кв. 6

[1] *Катюша* — Е. Боронина. Она была сослана в Ташкент.

[2] Вероятно, речь идет об издании: Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений / Ред. и примеч. К. Чуковского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

23. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

3 марта 1927. Саратов[1]

Милый папа, с чего ты взял, что я зарабатываю 70 р. в месяц? Или я неверно написала цифру? Покуда что, за этот месяц, я заработала 40 р., а что будет дальше — не знаю. 9 марта я вручу 30 р. хозяйке; след<ующий> раз нужно будет платить ей 24-го; вероятно, к тому времени у меня опять будут деньги, но не 30 р., а меньше, и тебе часть придется прислать... Времени у меня свободного остается много, трачу его непродуктивно, п<отому> ч<то>

нету нужных для доклада книг. Очень прошу тебя прислать Радлова! С книгами тут вообще беда, ни черта ни у кого нет, а в Библ<иотеке> мерзко, шумно и канительно, и тоже ничего нет. Стихов Некрасова в Музее Черн<ышевского> только одно — известное — посвященное Ч<ернышевскому>. Музей произвел на меня сильное впечатление; я горжусь, что на свете жил такой замечательный человек... Сам музей — дом, напоминающий не то старинную усадьбу, не то дачу. Есть балкон, совсем такой, как мой Лужский, и вид такой же — внизу Волга.

Володя действительно очень милый, лучше, чем на карточке. Белобрысый. Глаза светлые — какие, сказать трудно. Я подарила ему «Почту»[2]; он заставил меня прочесть ее вслух подряд 6 раз, а потом повторил всю сам, храбро выговаривая Бобкин-стрит и пр. «Роскошная обстановка» — иллюзия. На задней стороне шкафа, поставленного перпендикулярно стене, висит старый детский коврик. Вот и все. В сущности, никакой *обстановки* в комнате нет, так, просто случайная мебель. Когда вы, наконец, пришлете свои карточки? Хоть старые? Пиши о Муре.

Лида

3.III

Адрес на открытке: Ленинград, Кирочная 7, кв. 6

[1] Почтовые штемпели: Саратов: 4.3.27; Ленинград. 7.3.27.

[2] *Володя* Иванов — четырехлетний сын В. В. Вормс. «*Почта*» — книга С. Маршака.

24. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

18 марта 1927. Саратов

Дорогие родители! Во первых строках своего письма извещаю вас с глубочайшим прискорбием, что к 24 марта мне нужны — 20 рублей! Я рассчитывала, что понадобятся только 10, но оказалось иначе.

1 апреля начинаю работать на Съезде Советов. Что тут творится в Бюро Стенографов — так представить себе даже невозможно. Грызня, придворные интриги, сплетни. Трое дам монополизировали право на труд, и выдирать у них из рук это право крайне утомительно, а главное, противно.

У нас семейная радость — к Ю<ре> приехал на 3 дня из Лен<ингр>ада брат. Ю<ра> сидел у меня, вдруг в окно постучали ко мне. Открываю дверь: С<аша> вызывает Юру. Юра вернулся ко мне за книгами и пальто, и у него было такое счастливое лицо, что и мне стало на душе радостно... Покончив со всеми своими делами, вечером я отправилась к мальчикам, на Горную. Это очень далеко от меня: ходьбы минут 40... Ну и гнусный город Саратов, только теперь это вижу! Грязь непролазная; зима была очень снежная, а снега здесь не убирают, льда не скалывают. Весь городишко плавает в грязи, в навозно-снежной жиже... У мальчиков было семейно и уютно. Брат привез гитару; пели; играли в шахматы. Ночью я шла домой, было идти легче, потому что подмерзло немного.

В общем, у меня «все по-старому». Я занята, но, к сожалению, не слишком. Очень угнетает, что с книгами для доклада об А<поллоне> Г<ригорьеве> — плохо. Занимаюсь в кабинете периодики в Унив<ерситете>; но там журналов не слишком много; «Время», напр<имер>, отсутствует... Вот и делай, что знаешь. А Радлов мне совершенно необходим, папа, как с ним дела?

Кстати, о периодике. Пришла я в Унив<ерситет>, он большой, кабинетов много, разобраться, что где — трудно. Я спрашиваю студентку: «Где здесь кабинет периодики?» — «Периодики? А эта наука где читается — на Медфаке или на Педфаке?»

Студенчество здесь серое, ух какое! Я была на Турнире поэтов в Унив<ерситете>. И смешно, и стыдно, и больно слушать.

Ненавижу я праздники. В праздники почтальон приходит один раз только, а то и совсем не приходит, как, например, сегодня. А день без почты — не день.

С хозяйкой отношения наилучшие. Все хорошо, и кормит она меня хорошо, одно только дурно: ужасно шумно у нас в квартире. Девчонские идиотские разговоры и еврейский жаргон мешают работать. Т.е. механически работать можно, но думать нельзя ни о чем. И спать мешают, очень поздно ложатся.

Недавно я получила большое нравственное удовлетворение: встретила на улице ту прекрасную даму, кот<орая> 3 месяца тому назад так была испугана моим «прошлым». Она великолепно знает теперь, что я вполне безопасное существо, — знает, что своей хозяйке я ничуть не повредила, — и раскаивается (денежки-то

нужны!) в своей нетерпимости. Как масляно она со мной разговаривала! И как приятно мне было послать ее к черту!

Теперь я уже знаю, сколько бы лет я ни прожила в Саратове, стена между мною и остальным населением никогда не разрушится. Я не жалею об этом, но иногда получается ужасно забавно. Люди в страхе не только гадки, но и смешны[1]... Есть 2 семейства, которые по старым интеллигентским традициям ласкают меня и заботятся обо мне самым трогательным образом, но это — всё.

Папа, ты когда-то собирал «новые слова». Я занимаюсь тем, что изучаю Юркин диалект. М<ожет> б<ыть>, он только мне кажется новым, но на всякий случай посылаю тебе образчики Юркиных изречений.

«Плюй на щи, знай говядину тащи».
«Ни Боже мой, ни в рот ногой».
«Сидеть на топоре», «топорить» — голодать.
«Балда», «балдить» — попойка, пить.
«Поймать леща» — поскользнуться и упасть.
«Шлепнуть речу́?».
«Я наговорил ему бочку арестантов» — наврал.
«Делаш» — деловой человек.
«Давно живешь — прибавки просишь?» — угроза.
«Чего смотришь и не лаешь?»
«Дурак дураком и уши холодные».
«С меня это что с турецкого султана» — как с гуся вода.
«Не хочу» — «Открой рот — я вскочу».
«Шпокнуть» — застрелить.

Что перед этими сокровищами Бобкин школьный жаргон? Сидя в Саратове, изучаю жаргон ленинградских печатников. Тоже занятие.

Юрка очень весел, но пишет такие стихи:

Ах ты жизнь, ты жизнь постылая,
Безобразная и хилая,
Все разбито, все оставлено,
В жертву смерти предоставлено.

По-моему, довольно энергично. Нечто вроде ахматовского «Все расхищено, предано, продано».

На днях мы с Юрой ходили в кино смотреть «Когда растает снег». Юре понравилось, а мне — нет. По-моему, до такой виртуозной пошлости могли дойти только американцы.

Надеюсь, завтра будет почта. Пишите.

Лида

18/III 27 г.
Саратов

[1] Скрытая цитата из стихотворения А. К. Толстого «Сон Попова». У Толстого: «Как люди в страхе гадки» (33-я строфа).

25. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

29 апреля 1927. Саратов[1]

Милый папа. Ты совсем перестал писать мне. Когда же начнутся длинные и интересные письма?

Я эти три недели работала на двух Съездах и ничего не читала, над А<поллоном> Г<ригорьевым> не работала совсем. Анекдот с этим докладом! Уже зима прошла — а у меня ничего не сделано... С завтрашнего дня надеюсь начать регулярно ходить в Унив<ерситетскую> Библ<иотеку>.

У нас была зима, потом настала осень, а теперь вдруг, сразу — лето. На улицу можно выходить без пальто, солнце жарит вовсю. Вечера теплые, ни за что не усидеть дома. Мы с Ю<рой> много шатаемся по городу, ходим на Волгу и так просто по улицам. Сейчас он на черной работе, а когда кончит — пойдем в горы. Ю<ра> уже там был и умудрился даже упасть с обрыва и вывихнуть руку, а я еще не была. (Я-то не упаду.) Когда Волга совсем очистится ото льда — начнем на лодке кататься.

Хорошо было бы, если бы ты прислал мне Пушкина, Некрасова, Лермонтова. Здесь у знакомых этих книг нет, а в Биб<лиотеке> они всегда заняты, а покупать дорого, а я без них не могу.

Ты выписал мне «Правду»? Я получаю 2 экз. в день!!! Не надо. Пиши.

Лида

Адрес на открытке: Ленинград, Кирочная 7, кв. 6

[1]Почтовые штемпели: Саратов. 29.4.27; Ленинград. 2.5.27.

26. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

18 мая 1927. Саратов[1]

— Ки́сель-ми́сель дай воды,
А не то тебя убью!

Эту песню в течение получаса пели без передышки два мальчика, меся ногами грязь.

Милый папа! Дав тебе взятку, прошу: пришли мне Вл. Княжнина об А<поллоне> Г<ригорь-еве>[2]! Это мне необходимо. А еще хочется: № 4 «Звезды», IV и V Вересаева о Пушкине, письма Пушкина под ред. Модзалевского, Дневник Короленко, книгу Станиславского, *твои детские книги,* Колин последний перевод.

Сейчас в Саратове чудесная погода. Тепло, но не жарко, деревья зеленеют и хорошо пахнут. Волга полноводная и веселая. Мы с Ю<рой> почти каждый день ходим в горы — там ветрено, они высокие, с них видна Волга, Покровск и кресты, купола, крыши Саратова — или в рощу, где блаженно тихо. Я почти ничего не делаю; вот только об А<поллоне> Г<ригорьеве> начала наконец *писать* («сбор материалов» закончен).

О тебе не знаю решительно ничего. Ты будешь мне писать когда-нибудь?

Лида

18/V 27 г.
Саратов

Адрес на открытке: Ленинград, Кирочная 7, кв. 6

[1]Почтовые штемпели: Саратов. 20.5.27; Ленинград. 22.5.27.

[2]Речь идет о книге: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. В. Княжнина. П., 1917.

27. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

11 июля 1927. Саратов

11/VII
Саратов

Милый папа. Я сейчас получила твое письмо. Я очень долго ревела — до того разревелась, что даже твердокаменный и недобрый Юра заревел, на меня глядя. Он плакал, плакал и уснул. Лежит и спит. А я вымыла физиономию и села писать письмо.

Если бы ты зашел к нам в комнату сейчас — ты одобрил бы нашу коммуну[1], нашу трудовую коммуну, я знаю. Мне хочется писать тебе о новых вещах, приобретенных нами, о полке, которая наконец-то висит над моим столом, о том, что у нас есть примус и пр., и т.п., но я не буду писать, п<отому> ч<то> не сумею объяснить, что значат для меня эти вещи. Дело не в том, что они куплены на собственные деньги, а в том, что эти вещи помогают нам жить так, *как* мы должны жить, помогают жить *правильно*. Каждая вещь освещена внутренним смыслом.

Хотя письмо твое жестокое («Нельзя писать таких писем сюда», — сказал Юра, когда я заплакала), но оно ласковое и жалостливое, и потому спасибо тебе пребольшое.

Панаеву[2] я получила. Сегодня я сдала, наконец, работу в Губисп<олком>и завтра иду в Библиотеку заниматься, и буду читать. Изя тоже прислал мне 2 книжки, так что отлично. (Фразочка!)

Вы на лодке катаетесь? Вот бы тебе и Бобе на Волгу. Изя[3] рассказывал о наших катаниях? Со времени его отъезда, я еще не была ни разу на Волге, п<отому> ч<то> работала. Но сегодня вечером мы, наверное, поедем. Ты мне дал хорошую гребную школу, и я хотя и не могу долго грести, но гребу хорошо.

Я не знаю, имеешь ты право или нет судить меня, — ты вот о пути пишешь. Коля, наивный, милый, умный и маленький (я все время чувствовала себя *старше* его), тут долго и старательно объяснял мне, что путь, кот<орым> я иду, — не мой путь, да и вообще никакой не путь[4]. Нет, мой путь — путь правильный, но только не *мой*, а объяснять мне это незачем, я и сама знаю. Он и сам по себе тяжел, а так как он не *мой* — он вдвойне тяжел, каждая секунда мучительна до крика. Но человеку не дано выбирать самому свои пути — приходится менять дорогое, самое дорогое, свое, на чужое и недорогое, приходится идти чужой, не своей, дорогой и, видя и понимая, все-таки идти. Можешь судить меня сурово или мягко, как хочешь, как подсказывает тебе сердце и твой собственный ясный и попавший «в точку» (а потому и счастливый) — путь, но лучше бы не судить совсем.

Я разучилась писать письма. Пишу неряшливо и провинциально. А в детстве я умела — помнишь? и ты говорил, что из меня непременно выйдет беллетристка.

Я рада, что ты хоть теперь поверил, что «*той* Лиде не безразлично, что у нас 2 новые неприятности». Слава Богу, хоть «не безразлично». Меня даже не оскорбил — а только глубоко уди-

вил — Колин рассказ о том, что ты, читая мою открытку, оканчивающуюся вопросом о Некрасове, сказал: «Она знает, что надо осведомиться о Некр<асове> и из приличия осведомляется». Ты действительно *так* думаешь, думал хоть одну секунду? Ты действительно не знаешь, что я по-прежнему, по-детски, по-трехлетнему, люблю тебя больше всех на свете и по-прежнему *живу* Пушкиным, Блоком, Некрасовым, Достоевским? Не поверю я этому никогда, потому что ведь ты — ты.

А так как мне «не безразлично», — прошу тебя, пиши мне чаще о Муре, о себе, о маме, о Бобе, который никак не может мне простить моего неправедного пути. У тебя нет времени писать писем — пиши хоть маленькие открыточки, но чаще.

Я не помню дачи Анненковых по дороге в Дубки.

Пускай мама не волнуется о посылках мне. В сущности говоря, у меня все есть из вещей; если и не хватает — то мелочей, без которых можно легко обойтись.

Асю Кр<огиуса> буду рада видеть. Все Кр<огиусы> уехали из Сар<атова>, что очень жаль. Они — прелестные люди, редкой доброты, сияющей и умной. Все семейство как будто специально сорганизовано для оказания помощи окружающим людям... Ася — самый неинтересный и скучный из них, но и он милый.

Ну, мне надо идти на урок, не могу больше писать.

То, что ты пишешь о моем возвращении в Лен<ингр>ад, удивляет меня. Ленинград! Вот Изя знает — ну не могу я писать о Ленинграде... но я не знаю, не думаю, чтобы меня вернули раньше окончания срока. По-прежнему ничего для этого предпринимать не стану.

Между прочим, в моем удостоверении почему-то сказано, что я выслана на 3 года, считая от 18 сентября 1926 г. (день вынесения приговора), а не с 26 июля 1926 г. — день ареста, как все остальные товарищи. Почему так — я не знаю. Может быть, мне *не* зачли тех трех месяцев, кот<орые> я провела перед отъездом в Лен<ингр>аде[5]?

Впрочем, рано еще считать месяцы.

Твоя *Лида*

Пиши.

[1]«Несмотря на случайные заработки и помощь Корнея Ивановича, платить за угол на Казачьей сорок пять рублей мне было не по карману, — вспоминала позже Л. К. — В Кирпичном же переулке мы, трое ссыльных — меньшевичка Дина из

Харькова и ленинградец, наборщик-анархист Юра, сняли за те же сорок пять общих рублей у сердитой старухи одну общую комнату с роскошным видом на помойную яму» (Сб.-1, с. 307).

[2]*Панаева* — имеется в виду книга «Воспоминаний» А. Панаевой, под редакцией, с комментариями и постраничными примечаниями Корнея Чуковского, выпущенная в 1927 году издательством «Academia».

[3]*Изя* — И. Гликин, который приезжал в Саратов навестить Л. К.

[4]В своих воспоминаниях Л. К. рассказала о приезде в Саратов ее старшего брата: «...в июне 27-го навестил меня в Саратове старший брат, Николай, Коля. Привез кое-какую одежку, банки варенья, сласти, книги, приветы, фотографии Мурочки, письма родных и друзей. Был снисходительно заботлив, ласков, но не скрывал от меня, что сам он, да и вся семья наша осуждают «мой путь». Он объяснял мне, что живу я без всякой пользы для себя, для общества и при этом не щажу ни маму, ни папу, которые круглосуточно беспокоятся, что я натворю еще каких-нибудь глупостей — уже непоправимых... В том же духе было и привезенное им от Корнея Ивановича письмо» (Сб.-1, с. 303).

[5]Еще до вынесения приговора Л. К. тяжело заболела и получила разрешение выехать на место ссылки через три месяца (подробнее см. примеч. 4 к письму 16, а также *Разумов*, с. 128).

28. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

26 июля 1927. Саратов

Саратов, 26/VII 27 г.

Милый папа. Получила твою открытку. Сегодня как раз собиралась писать тебе.

Спасибо за Academia. Мне этих трудночитаемых книг на всю зиму хватит... «Записные книжки Чехова» — вот это прелесть. Почти так же чудесно, как письма Пушкина. Тыняновский Гейне[1] мне нравится. Коля напрасно ругал его. «Я бог великой Греции».

У меня к тебе опять просьба.

Доклад об Ап<оллоне> Григ<орьеве> написан до половины. Написано предисловие, написана «Новая статья Ап<оллона> Григ<орьева>». Теперь следует приступить к «традициям». Бог с ним, с Шеллингом, о нем я скатаю откуда-нибудь, а вот мне необходимы: Ренан, Карляйль, Гюго; Хомяков, Надеждин[2]. Двух последних, конечно, нужно искать в журналах (кот<орых> нет), но трех первых — как достать? Я знаю, ты теперь на даче, но все-таки — м<ожет> б<ыть>, ты поможешь чем-нибудь моему горю. А то дальше писать невозможно.

У меня все еще нет этажерки, но полки имеются. Этажерки нет потому, что Ю<ра> все обещает сделать ее — не делает — и не покупаем. А письменный стол он мне чудесный сделал.

И<рина> присылает открытки с Исаак<иевским> соб<ором>, Александринкой и прочим.

Много катаюсь на лодке. И одна, и с Юр<ой>, и с Асей. Волга мне не очень нравится внешне; она какая-то бесформенная, слишком широкая для реки и слишком узкая для озера. Но кататься по Волге — наслаждение. Я катаюсь только вечером (днем жарко). Лодки здесь превосходные. Выедешь на середину реки — огни глубоко отражаются в воде — буи мигают зеленым и красным, за горами черные тучи встают. Лодочные огоньки скользят по воде — низко над водой, а пароходные, катерные — высоко. А как быстро несет вниз по течению!

Каждый раз, как сажусь в лодку, — думаю о тебе и о Бобе.

Волгу я никогда не забуду.

Одна из моих учениц (все, кого я готовлю в ВУЗ, — *комсомольцы*. Милые, наивные, аполитичные, безграмотные, провинциальные!) по политграмоте и литературе подарила мне карточку с такой надписью:

«Милой Л. К. от Риты на память о наших кратковременных, но незабвенных для меня занятиях». Господи, как это смешно и нелепо.

Ты говоришь, что дороже всего люди, а не пути. Конечно, так. Но я сейчас ничего не хочу писать о людях — боюсь, ругаться буду, а ругаться не имею права, кажется.

Посылаю тебе одно свое стихотворение. Так вдруг захотелось послать. Напиши, что ты о нем думаешь. Только правду. И *никому* не показывай. (Мне смешно, что я посылаю тебе из провинции свои стихи так же, как и многие другие провинц<иальные> гении.)

Юрию Кочетову
Май—июнь 1927 г.

Пойдем туда, где ветер веет.
Ты знаешь, там,
Там о тюрьме никто не смеет
Напомнить нам.

Овраги, горы. Выше, выше
Небес чертог.

Горят кресты, пылают крыши
У наших ног.

Смеркается. Мы выйдем в поле,
Ты будешь песни петь.
Вот здесь на высоте, вот здесь на воле,
Вот здесь бы умереть.

Говорю Колиным голосом: «Только это никуда не годится».

Я все еще не работаю, только уроки даю. Д<ина>[3] и Ю<ра> работают. Мне такое положение вещей начинает надоедать.

Сегодня 26/VII 27 г. Ровно год.

Пиши. Мура и «Хижина дяди Тома»! Мне странно это. Плакала она, когда умерла Ева?

Твоя *Лида*

Где Т<атьяна> Ал<ександровна>[4] и как она поживает, как ее здоровье?

ЛЧ

[1] *Тыняновский Гейне* — т.е. «Сатиры» Гейне, вышедшие в 1927 году в переводе Ю. Н. Тынянова.

[2] Перечислены: немецкий философ Ф. *Шеллинг*; французский писатель Ж. *Ренан*; английский историк Т. *Карлейль*; русский религиозный философ и писатель А. С. *Хомяков*; критик, редактор, издатель журнала «Телескоп» Н. И. *Надеждин*.

[3] *Дина* Цойриф — член саратовской коммуны ссыльных, в которую входила и Л. Чуковская. Подробнее о ней см. *Разумов,* с. 128—129, 131.

[4] *Татьяна Александровна* — Богданович.

29. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 августа 1927. Саратов

Милый папа. Если бы ты знал, какую роль сейчас для меня играют письма, и особенно твои письма, — ты почаще писал бы мне. Получила твое письмо, и теперь у меня вся неделя будет счастливая. Завтра проснусь утром радостная — и сразу припомню: ах да! письмо.

Жду — большого, которое ты в Ленинграде оставил.

Твое письмо полно очень прозрачных намеков. Папа, ты меня знаешь. Когда будешь что-нибудь предпринимать — думай о том, чтобы не доставить лишней муки. «Радость-Страданье одно»[1], и

я знаю, за каждую радость нужно заплатить страданием, но все-таки... будь осторожен. Не делай того, от чего мне придется отказываться, — сил моих нет, я всегда с ужасом вспоминаю 3 лишних месяца в Ленинграде, 3 месяца отказывания. Это, конечно, не 7-летнее ожидание казни (Сакко и Ванцетти), но все-таки тяжело. А я очень, очень, очень устала.

Я рада, что тебе понравились мои стихи Саратовским горам. Я уже неск<олько> месяцев пишу стихи Кате, никак окончить не могу, п<отому> ч<то> нету на них времени. Вот когда иду за обедом в столовку, — размахиваю судками и сочиняю. Люди оборачиваются. Впрочем, когда я иду и не сочиняю стихов — люди тоже оборачиваются. «Неконспиративная у вас внешность» — это еще т. Леонов сказал.

О моем здоровье не тревожься. Температура нормальная установилась. Но часто кружится голова и болит сердце по ночам. Ты маме не говори. Я думаю, это так, просто невроз, или нервоз, или как там его называют...

«Я дал себе слово не хаять твою коммуну». Ты чудак, папа. Я знаю, что вообще мои «пути» (выражаясь высоким штилем) для тебя неприемлемы, но пойми ты, что коммуна как раз тебе очень понравилась бы. В ней нет ровно ничего плохого, одно хорошее. Мы работаем. Деньги делим по-братски. Мы дружны, но каждый живет по-своему и не мешает жить другому... Что плохого в коммуне, ну хоть тень плохого? Я боялась, что коммуна мне не даст заниматься; действительно, я сейчас *ничего* не делаю, кроме зарабатывания, но коммуна в этом не виновата, п<отому> ч<то> времени у меня свободного много, и по утрам — комната моя, а я просто *не могу* ничего делать. Ап<оллон> Гр<игорьев> совсем заглох, книг нет, библ<иотеки> закрыты, да и душевная лень на меня напала, ни на что, кроме как на механическую работу, не чувствую себя способной. Надеюсь, это временно.

2 дня уже у меня стен<ографическая> работа. Экстренная, я даже своих учениц забросила перед самыми экзаменами.

Вечера здесь уже прохладные. На Волге полная луна, медленная, торжественная. Мы теперь редко гуляем по вечерам; Юрий — грузчик, приходит домой такой усталый, что ему не до гуляния, а одна я так далеко не пойду. Темно, страшно.

Коля в Сестрорецке? А я недавно отправила ему огромное письмо в Медынь. Попроси его, чтобы он мне своих стихов при-

слал... Где Марина и Татка? Я получила от Кальмансона (помнишь? смешной мальчик с лоснящимися, надутыми щеками? еще в слова играли — он, Саша, ты?) «Поиски героя» Тихо<нова> и «Изморозь» Асеева. У Асеева хорошие стихи о декабристах, о Петербурге. «На сведенных руках цепенеть / Кандалам Чернышева моста». Хорошие есть стихи. Посылайте мне стихов, мне без них трудно.

«О чем пел соловей»[2], я, кажется, читала. Но пришли все-таки.

Я выписала себе на 2 мес<яца> «Новый мир».

О Кате. Я посылаю тебе то письмо, из которого узнала о ее болезни. Я ответила Т. и жду более подробных сведений. *До тех пор* не предпринимай ничего. Не надо с огнем играть. Когда Кате предлагают дать письмо и хлопотать о возвращении, она швыряет стаканом в стену...[3] Пока я не выясню, не напишу — ничего не колдуй, пожалуйста. Я не могу о ней думать спокойно. Главное, я не пойму: в чем дело? Она писала мне такие бодрые, счастливые, уверенные письма; так яро обращала меня в коммунизм... Я была убеждена, что она «нашла себя», вернется в Питер и примется по-Катиному горячо за работу. А теперь я ничего не понимаю. Оказывается, она письмá не дала и швыряет стаканами... Мне она не пишет, оборвала переписку круто, резко. А как часто она писала мне! Письма-рецензии о книгах, прославления коммунизма, письма-проповеди на 10 листах.

Нет, с любовью у нее, кажется, все хорошо. В этом смысле она прочная. Да и ведь она в ссоре с местной ссылкой, так что твои слова об «объекте» к ней неприменимы*.

Я жду письма от Т<ани> и тогда напишу тебе, что делать. Может быть, я и маме ее напишу.

Если бы я ее могла увидеть! Я бы ее вылечила живо... Прочти внимательно и до конца Танино письмо и пришли мне его обратно... Вот что: напиши ты Катюше просто так. Ну, о книгах или о чем хочешь, — только пусть она не догадается, что ты знаешь о ее болезни. Она ведь тебя очень любит, и чтит, и будет рада... А я вот не знаю, что написать ей, совсем не знаю. У меня Питер так же болит, как у нее, но я сильнее просто. Я не умею писать даже вот ей, которую так люблю и так помню.

Ты писал как-то, что я буду свою теперешнюю жизнь вспоминать как торжественную. Не знаю, торжественную ли, но по-

учительную. Ух! многому я сейчас научаюсь, хотя не вижу никого и ничего, хотя почти не читаю книг.

Читаю с Ю<рой> «Войну и мир».

Я писала тебе — Юрку не допустили к экзаменам на Рабфак. «Чуждый элемент» — у него 13-летний рабочий стаж.

Я одну мечту, лелея, нежу,
Что я сердцем чист,
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

Это глупый Есенин не глупо сказал[4].

Чем же увенчались твои хлопоты о Бобе? Я искренне желаю успеха. Ты прав, пожалуй! На твоем месте я бы хлопотала, но на Бобином — не приняла бы этих хлопот. Кругом столько, столько, столько несправедливо проваленных!

Я стенографировала на Сарат<овском> Съезде Советов закл<ючительное> слово Луначарского. Во время Съезда он часто взглядывал на меня в упор, но не узнал, или не захотел узнать.

Я очень рада, что у мамы кончились мигрени. Ты пишешь, что она постарела. Я очень хочу ее видеть.

Ну, мне надо идти в Губисп<олком>, диктовать. Всего хорошего. Пиши мне чаще. Бобе и Коле кланяйся, маму проси написать, Мурку поцелуй от меня; ей я особо напишу, сейчас открытки нет.

Твоя Лида

17/VIII 27 г.

Туфли! Умоляю! На коленках!

Катин адрес: Ташкент, Чимкентский тракт, № 75, дом Егоровой.

---

*И потом, ты напрасно думаешь, что в ссылке только — Саши. Я тоже верила этой клевете, но убедилась в обратном. Сильные, умные, интересные люди.

[1]Слова из песни Гаэтана в драме Александра Блока «Роза и крест».
[2]«О чем пел соловей» — название сборника рассказов М. Зощенко.

[3]«Вопреки моим ожиданиям, — вспоминала позже Л. К., — Катя не только дала требуемую от нее подписку, но по заказу редакции выступила в Ташкентской газете с покаянным письмом» (Сб—1, с. 321).

[4]Неточная цитата из стихотворения «В том краю, где желтая крапива...».

30. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

31 августа 1927. Саратов[1]

Милый папа. Что-то снова от тебя долго нет писем. Получил ли ты мое письмо о Катюше?

Мама не сообщила мне — попал ли Боба в ВУЗ?

У нас стоят первоначальные осенние дни — небо безоблачное, как напоказ, солнце шпарит вовсю, но вечера уже не такие теплые, как месяц тому назад.

Я бездельничаю, почитываю книжки. Уроков нет, стен<ографической> работы тоже, библиотеки закрыты: что же делать-то? «Спать без просыпу, книгу читать»[2]. Я и читаю. Читаю Пруста — восхитительно, ты должен непременно прочесть.

Толкнулась было на курсы Иностр<анных> Языков (здесь говорят — «язы́ков»), но там нужны документы, которых у меня нет, и не нужен тот документ, который у меня есть. Я не огорчена, мне не хочется.

Пиши. Я ничего не знаю о тебе и о том, когда же «издаст Некрасова — совсем»[3].

Лида

31/VIII[4]

Адрес на открытке: Ленинград, Кирочная 7, кв. 6

[1]Почтовые штемпели: Саратов. 1.9.27; Ленинград. 3.9.27.

[2]Строка из стихотворения Николая Тихонова «Посмотри на ненужные доски...».

[3]*«...издаст Некрасова — совсем»* — цитата из тыняновского экспромта в рукописном альманахе Корнея Чуковского «Чукоккала» (см.: Чукоккала. М.: Премьера, 2000, с. 275).

[4]Это — последнее письмо из Саратова. О дальнейших событиях Л. К. вспоминала так: «12 сентября 1927 года т. Нестеров командировал за мною некую личность в штатском с предписанием явиться немедленно. Явилась. 24 часа на сборы. “Вот вам билет. Выедете завтра, 13-го. Вас вызывают в Ленинград на дополнительное расследование вашего дела”.

Я была без ума от счастья. Сидеть в Ленинградской тюрьме и слушать издали звоночки трамваев с Литейного моста — и то казалось мне легче, чем на здешней “воле”.

В вагоне, поодаль, меня сопровождал “некто в сером”.

15 сентября с желтой деревянной коробкой в руке ступила я на ленинградский перрон. “Некто в сером” исчез. К моему удивлению никто не сказал мне “пройдемте, гражданка” и не повез ни на Гороховую, ни на Шпалерную, а ко мне подошел семнадцатилетний брат мой Боба, — как вырос! как возмужал! — взял у меня из рук коробку, и мы вместе отправились домой. Милый Боба! Милая Знаменская церковь! Милый Невский! Милый наш Манежный переулок! Милый Спасский собор и милый скверик, обнесенный черными чугунными цепями. Я дома. Сколько седых прядей прибавилось в волосах у моего вечно молодого отца и, наверное, по моей вине! Мама — а на коленях у нее длинненькая смешная беззубая Мурочка. Мурке — уже 7 лет» (Сб.-1, с. 318).

Лидию Корнеевну освободили благодаря усиленным хлопотам Корнея Ивановича. Он продолжал хлопотать и о Кате Борониной, которая оставалась в ссылке.

31. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

2 декабря 1927. Ленинград[1]

Милый папа. Радостно сообщаю тебе Катин адрес: Ташкент, ул. 1 мая, 16, кв. 11.

Мама сегодня встала. Первый день у нее нормальная температура.

Мама отдала Юганову 100 р. и просит тебя послать доверенность на получение денег в Гизе.

Маршак хочет напечатать в «Еже» 2 главы из моего Шевченко[2]. Это хорошо, правда? Изредка он разговаривает не только о Боге.

Шевченко стоит на точке замерзания. VI гл<аву> ни за что кончить не могу.

Читаю для зачета англичан. Байрон мне совсем не нравится, а Стерн — прелесть (несмотря на то, что он породил Шкловского)[3].

Приезжала сюда Фрумкина[4], Маршак предложил мне работать у нее в Москве. Но я не хочу жить в Москве.

Неужели Московск<ие> «детские» круги еще гнуснее Ленинградских?

В общем, как говорится, пиши.

Лида

2/XII 27 г.

Адрес на открытке: Москва, Столешников пер., «Центральная гостиница», комн. 44.

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 2.12.27; Москва. 5.12.27.

[2]В это время Л. Чуковская работала над книгой о детстве Тараса Шевченко. Глава из книги под названием «Тарасова беда» была напечатана в журнале «Еж» (1928, № 2).

[3]Намек на «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768) Лоренса Стерна и «Сентиментальное путешествие» (1923) Виктора Шкловского.

[4]Екатерина Евгеньевна *Фрумкина-Гвоздикова* (1881—1954), сотрудница Наркомпроса.

32. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

6 декабря 1927. Ленинград

6/XII 27 г.

Милый папа. Пишу тебе из Публ<ичной> библ<иотеки>. Передо мною Квитка, Виланд, Драгоманов, Филдинг, Киевск<ая> Старина и Шиллер.

Вчера получила твою телеграмму, а сегодня спешное письмо.

Счастлива неописуемо. Когда Катя будет, наконец, в Ленинграде, я почувствую действительно себя приехавшей, почувствую, что эти полтора года прошли. А то так они ни за что не проходят.

Я была вчера у К<атиной> мамы. Дала ей телеграмму. Она долго искала очки, дрожали руки, дрожала телеграмма — потом она заплакала[1].

Только я думаю, что раньше, чем через месяц, К<атю> ждать нечего... Ты написал ей что-нибудь?

Я вчера стенографировала сказительницу Богданову — сказки, духовные стихи, песни. Очень интересно. Меня пригласил некто Лебедев[2], с кот<орым> я познакомилась у Житкова. Дело происходило на квартире Евг. П. Иванова[3]. Стенограмма очень удалась.

Ты пишешь, что мне полезно было бы работать в Москве. Твое постоянное стремление втолкнуть меня в литер<атурную> работу меня и смущает, и возмущает. По-моему, это чрезвычайно легкомысленно с твоей стороны. Неужели ты не понимаешь, что делать литер<атурную> карьеру я успею всегда, а вот *учиться* я могу только эти 2 года — и никогда больше? Если имеется матер<иальная> возможность дать мне учиться — то ты бы должен меня удерживать от всякой литер<атурной> работы. Я по-настоящему и Шевч<енко> считаю преступлением, п<отому> ч<то> он мешает мне сдавать зачеты, отнимает полдня.

Если мне подвернется в Ленинграде служба — я возьму ее, и брошу Инст<итут> (п<отому> ч<то> совмещать — мука), но буду считать это чрезвычайно недальновидным и неэкономным поступком.

Тебе нужно будет познакомиться с этим Лебедевым непременно. Он противный, но у него коллекция детских рисунков богатейшая, и он пришел относительно рисунков к тем же выводам, к каким ты пришел относительно слов и стихов.

Тебя в «Красной» похвалил за Некрасова «Изгой» (из Москвы). Ты его знаешь?

Маршак велел мне сделать из IV и V гл. Шевч<енко> (о солдате и деньгах) — рассказ для «Ежа». Сократить, изменить и т.д. Сегодня я отнесла ему рукопись рассказа, но, думаю, он останется недоволен. Я вполне согласна с его указаниями, но просто не сумела поправить.

Написанное слово имеет какой-то странный в себе магнетизм; от него трудно избавиться.

Слушай, папа, ужасная история: твой «Тараканище» изуродован. Я видела его в кино. Там около ста стихов, и только 4—6 — твоих. А написано «по теме Чуковского». Начинается так:

Бодро, весело живет
В Африке звериный род.

Потом приезжает аэроплан Осовиахима с октябренком Ваней и пр. Всенародное позорище. Я хотела побить кому-нибудь морду, но не знаю, кому. Пишу тебе, не боясь тебя расстроить, потому что в Москве легче, думаю, добиться результатов по этому делу, чем в Питере. Ты должен требовать, чтобы сняли твою фамилию и убрали твои 4 строчки[4]!

Пиши, когда приедешь?

ЛЧ

Тороплюсь в Институт.

[1]Е. Боронина была освобождена из ссылки благодаря хлопотам К. Чуковского.
[2]*Лебедев* — возможно, речь идет о художнике Владимире Васильевиче Лебедеве.
[3]Евгений Павлович *Иванов* (1879—1942), писатель, друг А. А. Блока.
[4]Вероятно, упомянут рисованный фильм «Тараканище». Автор сценария Н. Агнивцев. Совкино. М., 1927. Фильм не сохранился.

33. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 марта 1928. Ленинград

27/III 28 г.

Милый папа. На твое поздравление[1] я тоже отвечаю поздравлением — ведь 1 апреля ты родился. Итак, желаю тебе «легче, легче нести бремя свое» — хотя сильно сомневаюсь в исполнимости этого пожелания. У нас с тобой ужасно не танеткаченские[2] души; в этом мы друг на друга похожи.

Что касается трудности моих *молодых* годов, то они не такие уже молодые. Мне не 19 лет, а 21 год, это большая разница. Я не думаю, чтобы мне в 25 лет стало легче, чем теперь. Теперь трудно, и тогда будет трудно.

Поет увядшей жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет[3], —

это не совсем ко мне приложимо, п<отому> ч<то>, повторяю, дело не в молодости.

«Ближе к делу» — ты хорошо сделал, что послал телеграмму, так как мама уже начала беспокоиться, ты так долго не писал.

Сегодня для тебя решающий день — вторник — ГУС[4].

Не задаю тебе никаких вопросов, п<отому> ч<то> ты не успеешь все равно ответить на них.

Я занимаюсь с Мурой английским. Во!

Модзалевский болен, об Энгельгардте я ничего не узнала.

Собираюсь искать в Центрархиве материалов III Отделения о Кирилло-Мефод<иевском> братстве[5].

Житков не ругает Тараса[6]. Дал мне много полезных указаний. Ругал Маршака так живописно и страстно, что даже Коля был бы вполне удовлетворен.

Я сижу в Библ<иотеке> часов по 8—9 в день.

В общем, каждый вечер очень приятно знать, что завтра снова будет утро.

Я чувствую себя совсем старой, т.е. усталой и неинтересующейся.

К тебе хочет зайти Авг<уст> Ад<ольфович> Крогиус. Встреть его поласковее.

«Ближе к делу» — приезжай скорее.

Твоя Лида

[1]24 марта день рождения Л. К., вероятно, она отвечает на поздравления отца.

[2]*Таня Ткаченко* — соученица Л. К. по Тенишевской гимназии.

[3]Неточная цитата из «Евгения Онегина» (Гл. 2, X). У Пушкина: «Поет поблеклый жизни цвет...».

[4]ГУС — Государственный ученый совет, руководящий методический центр Наркомпроса РСФСР. С конца 1927 года следовало получить разрешение ГУСа на издание любой книги для детей в Государственном издательстве. 27 марта 1928 года Чуковский записывает в Дневнике: «Сегодня в ГУСе вновь пересматриваются мои детские книги по настоянию Маршака и комсомольца Зарина» (Дн.-1, с. 447).

О запретах со стороны ГУСа книг Чуковского для детей см.: К.Чуковский. От двух до пяти. Глава «Борьба за сказку»; К.Чуковский. Собр. соч.: В 15 т. Т. 2: Борьба с Чуковщиной. М.: Терра—Книжный клуб, 2001, с. 601—628.

[5]Кирилло-Мефодиевское братство — тайное политическое общество в Киеве в 1845—1847 годах. Среди организаторов и участников общества был и Тарас Шевченко, биографию которого изучала Л. Чуковская.

[6]*Тарас* — Шевченко.

34. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 июня 1928. Ленинград[1]

23/VI Суббота
11 ч. утра

Папа.

Прошу Вас принять к сведению и руководству, что Вы уехали, оставив своих малолетних детей с 2 рублями денег??!!?? Сегодня мы обедаем, но что будет завтра?

Затем-с: где мой профбилет? Он мне нужен, чтобы отметиться в союзе.

Сообщаю: дождь у нас тоже идет, Коля и Марина уехали, Лидочка только что получила заверения от Профобра, что она пойдет на работу не позже вторника, Лидочка радуется и благодарит[2].

Лидочка на днях пришлет маме все счета.

Больше ничего не успело случиться за время Вашего отсутствия. Привет Гуфизе, маме, деткам и Любе.

Мрачный сын Алешка[3]

Боба просит тебе передать, что звонил управдом: с паспортом не вышло, надо посылать в Финляндию.

Адрес на открытке: ст. Сиверская, Купальная 10/12, дача Абрамова

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 23.6.28; Сиверская Ленингр. 24.6.28.

[2]Л. К. пишет здесь о себе в третьем лице — «Лидочка», поскольку письмо подписано ее литературным псевдонимом «Мрачный сын Алешка», см. примеч. 3.

Пойдет на работу... — Л. К. проходила практику в ГИЗе, а с лета 1928 года поступила туда на работу (см. следующие письма).

[3]*Алешка* — Лидия Чуковская начинала печататься под псевдонимом Алексей Углов (первая книга «Ленинград — Одесса» вышла в начале 1929 года).

35. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

29—30 июня 1928. Ленинград

29/VI 28

Милый папа.

Никак не могла выкроить минуточку, чтобы написать тебе письмо.

Прежде всего о делах. Маршак просил у тебя узнать: будешь ли ты готовить «Большие ожидания»?[1] Приготовишь ли ты эту книгу не позже, чем через месяц?

Ангерт: согласен ли ты, чтобы «Муху» печатали через год, а не через полгода?[2]

Я работаю в Детотделе. Маршак обо мне особо заботится и дает довольно интересную работу. Я исправила, приготовила ко II изданию «Тюремные Робинзоны» Новорусского, с предисловием Фигнер. Новорусский выражается так: «Этажерка была первой ласточкой нашего уюта», «в заключении все выучились петь, за исключением меня», «...борцы сложили свои головы против самодержавия». Фигнер — вроде[3]. Все эти перлы были пропущены усердными редакторами (правил весь отдел) в 1[-м] издании. Потом я возилась с Данько[4], а сейчас вожусь со сказками Афанасьева.

Шварц и Олейников так треплются, так смешат, что сегодня я закапала рукопись слезами.

Тарасом совсем не занимаюсь, ибо библ<иотеки> закрыты на 3 недели. Горе мое! А Маршак торопит. Он прочел 8 и 9 главу, 10-й еще не читал. Повара (9) очень хвалит, воспоминания (8) — ругает. Впрочем, толком мы еще не говорили.

Катино дело плохо. Сейфуллина еще не приехала. Катя подала кассацию. Практика в Гизе ей не удалась.

И. Гликин уезжает в Нижний во вторник или среду.

Сегодня был Лелька и затащил меня в кино на «Сломанную лилию» Гриффита. Это очень хорошо, я влюбилась в грустного китайца.

В воскресенье утром мне позвонил Леля — сказал, что придет. Потом Вайсенберг известил о том же[5]. Мне чего-то скучно стало на душе — я позвонила И<зе> и предложила проехаться в Петергоф. Поехали большой компанией. Кстати, и Тарас бывал в Петергофе, так что долг службы требует. Море хорошее, молочно-серого цвета, морской ветер и пр. Петергоф мне не понравился — м<ожет> б<ыть>, потому, что я очень устала, мои друзья ходили без перерыва, желая видеть *все* фонтаны. Нерадостный парк, фонтаны надоедные, а скульптура просто плохая. Дворец строил Растрелли (кажется), и тем не менее он похож на казарму... У берега — камни, совсем такие, как в Куоккало, хочется по ним босиком пробежать.

Читаю Олешу. Прочла половину — отлично. Очень грустная книга, хотя и веселая[6].

Да, так когда я вернулась из Петергофа — мне звонили Леля и Вайсенберг и очень ругались. Я испортила им воскресенье.

Приеду на Сиверскую не в это воскресенье, а в следующее.

Твоя *Лида*

Папа, сегодня Козьм<ин>[7] принес мне в Гиз твою записку. Отвечаю: «Мойдодыр» сдан в набор 5 дней т<ому> назад. Лебедев уедет только 10 июля, и до тех пор рисунки к «Фед<орину> Г<орю>» и «Телефону» будут готовы (он сказал)[8]. С Анг<ертом> снова буду говорить в понед<ельник> о «Мухе».

30/VI

Лида

[1]К. Чуковский не перевел «Большие ожидания» Ч. Диккенса.

[2]Давид Николаевич *Ангерт* (1893—1977), заведующий редакционным отделом ленинградского отделения Госиздата.

[3]Михаил Васильевич *Новорусский* (1861—1925), народоволец. Он описал свое заключение в Шлиссельбургской крепости, в которой провел восемнадцать лет (1887—1905). Он был приговорен к пожизненному заключению за участие в покушении на Александра III.

[4]Имеется в виду книга Елены Яковлевны *Данько* (1898—1942) «Китайский секрет», изданная ленинградским Детиздатом.

[5]*Лелька, Леля* — Лев Оскарович Арнштам. *Вайсенберг* — Лев Маркович Вайсенберг (1900—1973), прозаик, переводчик.

[6]Речь идет о книге Ю. Олеши «Зависть».

[7]Борис Павлович *Козьмин* (1883—1958), историк, литературовед.

[8]Владимир Васильевич *Лебедев* (1891—1967), художник. В редакции ленинградского Детиздата он был консультантом и руководителем по художественному оформлению и иллюстрациям.

36. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

3 июля 1928. Ленинград[1]

Милый папа. Сегодня Марш<ак> ходил к Ангерту с твоим письмом. М<аршак> решил воевать за «Муху», он вполне одобрил твое письмо. Ангерт уверял, что «Муха» должна быть отложена не по политич<еским>, а по технич<еским> соображениям... Марш<ак> говорит, что Анг<ерт> все же обещал ускорить, не откладывать; но окончательно Марш<ак> будет говорить с Анг<ертом> через 3 дня, когда А<нгерт> вернется из Москвы. Петров[2] запрашивает где: «Охотник», «Вниз по сахару», «Козел», «Заинька в гостях». Дальше: берешься ли ты за Диккенса? Дальше: не знаешь ли ты, где Кл<авдия> Лукашевич[3] живет? *Ответь скорее. Где бы достать Олдина*[4]*?*

Мы дали Мар<ии> Мих<айловне> 10 р. на масло. И еще для вас масла купили. Деньги уже набраны в долг. В общем — пришлите, если есть.

Я постараюсь в субботу приехать с поездом 5 ч.10 м. из Питера. Встречайте, я повезу масло и хлеб.

Привет маме и Ирине.

Лида

3/VII

Адрес на открытке: Ст. Сиверская, Купальная 10/12, дача Абрамова

[1] Почтовые штемпели: Ленинград. 3.7.28; Сиверская Ленингр[адской области] 4.7.28.

[2] Юрий Николаевич *Петров*, художник, заведующий оформлением книг в ленинградской редакции.

[3] Клавдия Владимировна *Лукашевич* (1859—1937), детская писательница.

[4] *Олдин* — речь идет об американском писателе Томасе *Олдриче* (1836—1907). Его книга «Воспоминания американского школьника» выпущена в 1930 году в переработке Т. Габбе и З. Задунайской.

37. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

29 июля 1928. Ленинград

29/VII

Милый папа. Поздравляю с хорошей погодой. Надеюсь, что она продержится подольше и что я, приехав на Сиверскую в

следующее воскресенье, застану не дождь, а солнце. Кстати: приеду я 5/VIII днем (утром мне сделают последний — 15-й — укол).

Вот что: кому бы ты посоветовал дать на редактуру «Большие ожидания»? Гиз не знает, кому дать. Дают мне, но я не берусь и хочу 2 недели совсем отдыхать, да и не люблю я этой работы. Напиши, кому бы дать.

М<аршак> приезжал, и я у него была, и мы вместе искали «Айболита» — не нашли. Ужасно.

О «Мухе» и пр. книгах я не забываю, хожу, справляюсь, но пока что — ничего не известно.

В Ленинград приехал Дос Пассос.

Дня через 2 — пошлите денег. Мне одному доктору 15 р. уплатить надо. А у нас сейчас 8 р. Ну до свидания. Привет маме.

Лида

Адрес на открытке: ст. Сиверская, Новодружноселье, Купальная 10/12, дача Абрамова

38. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

19 августа 1928. Нижний Новгород

19/VIII 28
Нижний

Милый папа. Вчера вечером, вернувшись домой, я нашла у себя на столе открытку от Бобы. Он выдержал уже 3 экзамена, боится следующих. Как у него дела со следующими?

Я почему-то думаю, что он все-таки поступит.

Вчера я чудесно провела день. Мы с утра поехали на пароходе вверх по Оке. Это была экскурсия, устроенная Союзом Совторгслужащих. Специально предоставленный пароход. На корме — струнный оркестр, на носу — духовой, и танцы. Несмотря на это, мне было хорошо и весело. Много милых людей, ни одного пьяного. Советские служащие, отдыхающие в воскресенье, глупо нарядные, танцующие и поющие, оказались совсем не противными, а наоборот. Много хороших детей, много корзиночек с яблоками. Пароход шел 3 часа. Левый берег Оки — плоский, а правый — холмистый. Холмы зеленые, покрыты кудрявым лесом. Холмы высокие. Наверху одного холма — телеграфн<ые> столбы и пасу-

щиеся лошади, а мне показалось, что это — колья от забора и кошки... Было солнце.

Пароход подвез нас не к пристани, а к сосновому лесу. Ни одного домика кругом. Лес большой. В сосновом лесу много неба — это потому, что стволы голые.

Мы валялись на мху, каждые полчаса начинали жевать бутерброды.

Назад — опять пение, опять оркестр. Но на небе тучи. Ока серая, холодно, ветер. А пароход идет победоносно, и музыка на всю реку.

Я получила, совсем неожиданно, письмо от Житкова. Из Судака. Большое письмо о Феодосии, о Судаке, о Кемаль-паше. Не письмо, а рассказ. Без обращения — прямо можно в печать сдавать. Я люблю такие «описательные» письма. Но на них очень трудно отвечать.

Здесь люди ужасно окают. Говорят даже «пороход».

Сюда приезжала Липковская[1]. На заборах до сих пор висят афиши «гастроли знаменитой... » и т.д. «Цены *воз*вышенные».

На ярмарке вывеска: «Краснокупеческая гостиница».

Но что Нижний! А вот вчера я от Кати получила открытку, в которой есть такой перенос: однов=ременно.

Во вчерашней «Нижегородской Коммуне» есть заметка «К Толстовскому юбилею». В заметке указано, что Гиз выпускает «новую работу Чуковского “Толстой и Некрасов”»[2].

Как у тебя дела с Гизом?

Сегодня целый день льет дождь, очень холодно. Это, верно, сюда пришли северные тучи. Я узнаю́ их.

Я думаю, что у меня будут неприятности с Маршаком. Я перечла список его указаний (составленный Шварцем) и постаралась поправить рассказ. Но поправила только мелочи. (У меня такой ужасный почерк потому, что рука дрожит.) А в основном — не могу править, п<отому> ч<то> для меня этот рассказ ужасно законченный. Маршак пишет: «Тема — маленькая девочка и большая жел<езная> дорога... Девочка должна быть такой же характерной, как

пассажиры, и в ней не должно слышаться авторское я». Всё это справедливо и прекрасно, да, но это — тема для *другого рассказа*, но не для того, кот<орый> уже написан мной[3].

Посмотрим, что будет.

Завтра уже беру билет. Скоро уезжать. Ужасно не хочется. Приеду в Питер — Гиз, зачеты, Шевченко. А мне бы лежать на кровати и смотреть в потолок, или на дне лодки — смотреть в небо. (Здесь большие широкие лодки, как рыбачьи, в них я всегда лежу.)

И никак не могу понять, что же я буду делать: Шевч<енко>, Инст<итут>, Гиз. Ведь это невозможно сразу. Уйти из Инст<итута>?.. Жаль. Бросать Гиз — не хочу. Бросать Шевч<енко> — нельзя.

Пиши мне, пожалуйста. Только уж не сюда, а в Питер. Я там буду 26/VIII.

Лида

Собираешься ли ты уехать, или тебе стало лучше на Сиверской?

[1]Лидия Яковлевна *Липковская* (1882—1958), оперная актриса, с 1918 года за границей, в 1927—1929 гг. гастролировала в СССР.

[2]См примеч. 3 к письму **40**.

[3]Речь идет о рассказе Л. Чуковской «Ленинград — Одесса», напечатанном в 1929 году под псевдонимом А. Углов. Письмо С. Маршака к Л. Чуковской от 14 августа 1928 г. см.: С. Маршак. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1972, с. 106—108.

39. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

16 сентября 1928. Ленинград

Милый папа.

Бобе купили велосипед, и теперь разговоры о бим-брам-стеньгах сменились разговорами о передаче, винтах, гайках, колесах и пр. Прежде всего Боба и Женя[1] разобрали «машину» на части, и было страшно видеть тот ворох гвоздей, в который она превратилась... Мама не верила, что снова получится велосипед. Но теперь они ездят уже, налетают на теток, удирают от мильтонов и пр.

Мама сегодня дозвонилась, наконец, Карелю. Бобина участь будет решаться 20-го, в четверг. Карель на мамин вопрос ответил: «А<лексей> М<аксимович> просил только за вашего сына, а всех четверых мы принять не можем»[2]. Я почему-то думаю, что Бобу

примут. Если будет благоприятное решение — мама даст телеграмму тебе.

Мура 3 дня не ходит в школу из-за того, что в их классе девочка заболела скарлатиной и всех распустили. Муру видел доктор и нашел, что она *здорова*, не заразилась.

Сейчас у нас Коля, Татка и Марина. Впрочем, Коля уже уехал на велосипеде. Вчера он налетел на столб... У Марины болят зубы, она не тараторит.

На днях мы провожали толстую Ирину в Сибирь. Она ревела на вокзале ужасно. Просто истерика с ней была.

Было несколько тютчевских, осенних, высоких дней. А сейчас дождь.

Я уже 2 дня веду корректуру «Сказок» Киплинга и «Мойдодыра». Завтра сдам. Стараюсь изо всех сил, но ужасно боюсь напортить. Вышла Колина «Наша Кухня», которую прокорректировали Коля и я, и в ней первые же 2 строчки искажены —

Наша кухня просто чудо —
Чистота и простота, —

вместо *красота*.

Позор. Все ругаются.

Я получила боевое крещение: ГУС выругал мой рассказ. В рецензии написано так: «Рассказ не обладает достаточными достоинствами». Коротко и ясно... Но все же печатать разрешено и рассказ включен в план. А в «Еже» он пойдет не скоро, только в № 10.

Неприятности:

1) Умерла А. Н. Старк.

2) Сошел с ума Касаткин — тот самый, что спрыгнул с дерева к тебе на балкон.

Нахал Олейников написал мне поэму:

«Утром в Гизе,
Вечером к Изе,
Зовешь его кисей.
Бывш. кися».

Очень приятно. Но не соответствует действительности.

Венгров[3] приехал. Шелковый. Обещает, что ГУС разрешит все зарезанные книги и пришлет *извинение* за анекдотические рецензии... «И все потому, что меня не было в ГУСе 2 недели!»

У него длинные грязные ногти.

Маршак... все в том же роде.

С квартирой решено. Домоуправление берет комнату. Ремонт капитальной стены оплачивается пополам — нами и Правлением.

Ни о чем не думай, ешь, спи и читай детям стихи. Даже не пиши — успеешь.

Впрочем — будь здоров, пиши открытку.

Твоя Лида

Пришло письмо от Добычина[4]. Но... сквозь конверт мы увидали, что внутри нет ничего, конверт пуст. С чего бы это?

16/IX 28

[1]*Женя Штейнман* — школьный приятель Б. Чуковского.

[2]В те годы прием в вузы зависел от соц. происхождения. Об этом — в письме К. И. к жене. 6 сентября 1928 года он пишет: «В поезде Щеголев посоветовал мне написать письмо по поводу Бобы — тов. Вышинскому, председателю Главпрофобра, — я написал вот такое письмо:

Ленинградские писатели немало смущены тем, обидным для них обстоятельством, что их дети, выдержавшие экзамены в вузы, забракованы приемными комиссиями наряду с детьми спекулянтов и нэпманов...

Это письмо вызвано тем, что *никто* из писательских детей не попал в вузы. Щеголев перечислял: дочь Ол. Д'ора, дочь Ал. Толстого и проч.».

[3]Натан *Венгров* (наст. имя Моисей Павлович, 1894—1962), поэт, заведующий отделом детской и юношеской литературы московского Госиздата, заведующий Центральным методическим бюро ГУСа.

[4]Леонид Иванович *Добычин* (1894—1936), писатель, живший в Брянске. К. И. печатал его рассказы в журнале «Русский современник», впоследствии между ними велась переписка. Письма Л. Добычина к К. Чуковскому теперь опубликованы (см.: А. Петрова. «Вы мой единственный читатель...»: О письмах Л. Добычина к К. Чуковскому // «Новое лит. обозрение», 1993, № 4, с. 123—142).

40. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Сентябрь 1928. Ленинград[1]

Папа. «Топтыгина и Луну» решили не включать в план, — хотят, чтобы этот *первый* вольный план был без *пятнышка*. По этому поводу был скандал на Редколлегии. Я осмелилась сказать слово; Лебеденко[2] мне крикнул: «Личные дела тут ни при чем... *Вам* бы следовало молчать». И пошла буза. Два дня я очень злилась, теперь отлегло. Я заявила, что в Редколлегии работать не буду.

Теперь о «Толстом и Некрасове»[3]. Ангерт в Москве. Я пыталась узнать что-нибудь у Лидии Моисеевны[4]. Она говорит, что, верно, у тебя с Ангертом была договоренность. В чем тут дело?

Еще: Медведев[5] просил меня узнать у тебя *частным* образом: собираешься ли ты включать «Просветителей»? Ответь мне, а я передам. Он говорит, что если ты согласишься включить, то можно будет пустить с предисловием Демьяна[6] без московских гостей.

Всё.

Лида

[1]Датируется по содержанию. Письмо относится к началу работы Л. К. Чуковской в Детском отделе ленинградского Госиздата.

[2]Александр Гервасьевич *Лебеденко* (1892—1975), писатель.

[3]Возможно, речь идет о статье К. Чуковского «Молодой Толстой», опубликованной в № 3 и № 4 журнала «Звезда» за 1930 год.

[4]*Лидия Моисеевна* — Варковицкая (1892—1975), сотрудница ленинградского Госиздата.

[5]Павел Николаевич *Медведев* (1891—1938), главный редактор ленинградского отделения Госиздата, критик, литературовед. Из письма Чуковского к жене ясно, что в это время К. И. пробовал переиздать в Гизе свою книгу «Некрасов». 6 сентября 1928 года он писал Марии Борисовне: «Надеюсь, что Лидочка поняла, что нужно сделать с собранием стихотворений Некрасова и с моей книгой о нем. С книгой нужно: сочинить аннотацию; я набросал ее первые строки — и к аннотации прибавить отзывы прессы о книге — и дать Медведеву».

[6]*Демьян* — Демьян Бедный (псевд. Ефима Алексеевича Придворова, 1883—1945), писатель.

41. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

После 15 сентября 1928. Ленинград[1]

Милый папа. Пишу тебе со службы. Утро, и у меня, как всегда, дрожат руки.

Замирайло[2] уже делает рисунки. Теперь о Мед<ведеве>: рецензии я переписала честь честью, в лучшем виде. Аннотацию Медв<едев> написал сам. (Чему я рада, п<отому> ч<то> у меня получилось плохо.) Но вот что меня тревожит: ты говорил, что это все надо скорей. скорей, а Медв<едев> говорит, что все это пойдет в *октябре*, что торопиться некуда. Я заходила неск<олько> раз в Литхуд, спрашивала: «Послали аннотацию?» — Нет.

В чем тут дело? Я не знаю, чем надо крыть, надувательство это или нет?

Я в Гизе остаюсь, но не на штатное место. Денег будет меньше, чем я думала (р.75—80, а не 100), но зато времени больше: смогу приходить не каждый день и не утром.

Живу так: с 9 до 4 служба, потом отдыхаю, потом сижу с 6 до 10 в Библ<иотеке>, 2 ч. занимаюсь зачетом, 2 ч. — Шевч<енко>. И то и другое идет плохо, п<отому> ч<то> не могу я вечером заниматься, голова не варит.

Я очень рада, что тебе в Кисловодске хорошо. Загорай и толстей. Но стыдно жить в пансионе под именем «Ла*рисса*». Если бы еще Рейснер!

Боба сегодня пойдет к Карелю, узнавать о своей судьбе.

Мама чувствует себя хорошо. Собирается ехать в Москву, если Бобу не примут.

С Асей все очень трагично. Москва не пересылает сюда разрешения ехать самому.

Деньги — 200 р. — тебе сегодня вышлют. Отдыхай как следует.

Лида

Петров спрашивает: соединять ли маленькие книжки, кот<орые> у Конашевича? Оконч<ательное> решение твое?

[1]Датируется по содержанию — К. И. в Кисловодске, а Боба поступает в институт.

[2]Виктор Дмитриевич *Замирайло* (1868—1939), художник.

42. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 сентября 1928. Ленинград

Папа. Ангерт, Петров, Маршак, Лебедев, Конашевич целыми днями мучают меня: как соединять в сборнички твои маленькие книжки? Все рисунки уже готовы. Вопрос о соединении, насколько я помню, был решен тобой и Ангертом положительно; но *как* соединять? У меня память отшибло. Быть может, ты и объяснял мне когда-нибудь, но я ничего, ничего не помню. Кобелев же в отпуску (не у него ли твои письменные указания?).

17/IX

Ответь немедленно *спешной* почтой, в Гиз, Детотдел, мне (Невский, 28. Дом Книги.) Привет. Надеюсь, у тебя все по-прежнему хорошо. У мамы мигрень, потому она не пишет.

Лида

Адрес на открытке: Кисловодск. Санаторий Цекубу. К. И. Чуковскому

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 18.9.28; Кисловодск. 21.9.28.

43. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 сентября 1928. Ленинград[1]

Милый папа. Спешу тебя обрадовать: «Муха Цокотуха» разрешена. С «Тараканищем» затруднения: Москва требует других рисунков. С маленькими книжками тоже неважно: соединять их нельзя (одни сделаны так: [рис.], а другие так: [рис.], понимаешь?), а если не соединить, то получится «слишком много Чуковского». Я вполне бессильна, делаю, что могу, но могу очень немногое. Продержала корректуру «Мойдодыра» и Киплинга. Обрадовалась разрешению «Мухи». И все.

Боба совсем сбит с толку. С 9 до 5 ч. занятия, он отстал (3 недели уже они учились!) и пока мрачен, не знает, за что хвататься.

Замирайло вопрошает: сколько примерно делать рисунков к Некрасову? Ответь.

Пиши чаще. Очень приятно получать загорелые, солнечно-топольные письма.

Лида

Когда и как ты получил телеграмму? [2]
25/IX 28

Адрес на открытке: Кисловодск. Санаторий ЦеКуБу

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 25.9.28; Кисловодск. 29.9.28.

[2]Телеграмму о том, что сын Борис принят в институт, Чуковский получил от жены и вклеил в дневник 22 сентября. Телеграмма гласила: «Принят Политехнический инженерно-строительное. Крепко целую. Мама» (Дн.-1, с. 459).

44. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

29 сентября 1928. Ленинград[1]

Папа. Ты фантазер. Ну как же могу я получить деньги без доверенности?

Твоя открытка лежала в Гизе 5 дней — я работала у С<амуила>Я<ковлевича> и не заходила в Отдел.

Итак, деньги тебе будут посланы в понедельник (получил?) — 100 р., а ты уже сам пошли 50 бабушке. Иначе я не могла поступить, п<отому> ч<то> без доверенности мне не давали.

У нас снег. Белые крыши. Стужа. Как соединять «Зайку», «Федю-Бредю», «Вдоль по сахару», «Козел», «Черепаха», «Скок-поскок», «Охотник», «Рыжий и Красный», «Заиньку в гостях», «Загадки», «Кошки в лукошке»?[2] Часть пойдет сборн<иком>, часть — отдельно.

В сборниках должны быть иллюстрации *одного* художника.

Пиши об этом.

Лида

29/IX 28

Письмо на бланке Госиздата. Адрес на обороте бланка: Кисловодск, санаторий Цекубу

[1]Почтовый штемпель отправления: Ленинград. 29.IX.1928.

[2]Перечислены названия детских народных песенок, выходивших в обработке К. Чуковского.

45. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец сентября 1928. Ленинград [1]

Папа, не могу найти слов для выражения своего негодования. Чего ты хочешь? чтобы собр<ание> сочинен<ий> Некрасова было отдано Максимову? чтобы «Маленькие дети» вышли в 31 г.? Почему ты не отвечаешь на телеграмму? Почему ты ни слова не написал в Литхуд?

Я тебе не писала, п<отому> ч<то> 15-го мы получили от тебя письмо, что ты 18-го выезжаешь. Потом я думала, что ты выедешь 19, 20, 21. Ты в открыточках писал о небе и ни слова о своих планах. А между тем были важные дела, о кот<орых> нужно было списаться... Я же думала, что ты уже в дороге.

Твои «Избранные сочинен<ия>» пойдут приложением к «Ежу». Москва протестовала телеграммами и бесконечными телефонными звонками; Маршак в виде демонстрации снял и свои сочинения; в результате скандалов, длительных и противных, твои и Марш<ака> сочинения — идут. Это очень хорошо? правда?

Реклама будет колоссальная[2]. Выходят «Сказки», выходят они и отдельно (не скоро), переиздается «Том Сойер».

Митрохин[3] сделал рисунки, на днях маленькие книжки идут в печать.

Как можно скорее напиши в Литхуд о Некрасове и «Маленьких Детях».

Пиши — где ты и когда ты.

Сиди подольше, но отвечай на телегр<аммы>.

Лида

[1]Письмо датируется по содержанию, см. примеч. 2 и 3.

[2]С. Маршак писал К. Чуковскому 15 сентября 1928 года: «Поговорю... об особых объявлениях по поводу Ваших и моих книг... «Еж» включил в число приложений Ваши и мои избранные сказки» (С. Маршак. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1972, с. 109).

[3]Дмитрий Исидорович *Митрохин* (1883—1973), художник. С его рисунками в Гос. издательстве в 1928 году вышли детские народные песенки в обработке К. Чуковского — «Федя-Бредя» и «Скок-поскок».

46. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

5 октября 1928. Ленинград[1]

Милый папа. Я лежу в кроватке — болит животик. Завтра встану.

Почему ты не намекнул мне — получил ли деньги и письмо мое?

Почему ты не отвечаешь на нашу телеграмму?

Я только что прокорректировала «Телефон» в постели.

Список соединения маленьких книжек найден в ящике Кобелева (кот<орого> нет).

Шибайло давно принят. Аннотации в Москве.

Маршак вчера уехал в Москву. Пиши ему по делам на адрес Фрумкиной.

У нас холодно, сухо, ясно.

Я не принята в штат, но по счетам буду получать 100 р. в месяц, работать 4 ч. в день.

Пиши.

Твоя дочка

Напиши Житкову — он обижается [конец фразы утрачен. — *Е. Ч.*].

Ю<рий> Н<иколаевич>[2] уезжает 10/X. Увы!

Сегодня приходит Красин[3].

5/X 28

Адрес на открытке: Кисловодск, санаторий ЦеКуБу

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 5. 10.28; Кисловодск [нрзб.].

[2]Юрий Николаевич — Тынянов.

[3]*Красин* — речь идет о пароходе, названном в честь государственного деятеля Л. Б. Красина (1870—1926).

47. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

8 мая 1929. Симеиз

Дорогой папа. Я уж думала — дома что-нибудь случилось, — Мура заболела или что-нибудь. Если бы писем вчера не получила — послала бы телеграмму. Ты ужасно долго не писал, а к тому же тут страшно ленивая почта. Вообще — все учреждения здесь ленивы. Перед праздниками и во время праздников закрыта не только почта, но и телеграф; оба кооператива (кроме них — ничего) закрыты по воскресеньям (русский праздник), по пятницам (татарский праздник), по понедельникам (провинциальный обычай не торговать) и по средам (?). Кроме того, они закрыты ежедневно от 12 до 3 — на обед... Аптека открыта все дни, кроме *пятниц*, когда она заперта накрепко, хотя Симеиз — курорт, переполненный больными. А что, если у приезжих немцев (здесь их много, и я с интересом за ними наблюдаю) заболят животики именно в пятницу?

Итак, Детская Секция работает вовсю. Это ужасно хорошо. Приеду — с радостью буду работать. А какие люди подобрались у тебя в кружке? Славные? Работает ли у тебя [нрзб.]? А Маршак — начал? Передай привет Т<атьяне> Ал<ександровне>.

У Бобы, верно, сейчас самая горячая пора.

Ходит ли Мура в школу?

Позвала ли мама после сердечного припадка доктора?

Куда думают ехать Чуковские II-е?

Мама напрасно радуется — никакие испытанные остряки за мной не ухаживают. Да здесь и нету таковых. На улицах пристают — это верно — но совсем не остряки...

Знакомых у меня по-прежнему нету ни единого. Но в пансионе уже я не одна. Соседи: дама с девочкой, жена доктора, обруселая гречанка — и молодожены из Москвы. Дама и девочка очень милые; мы вместе ходим гулять и сидим по очереди то в ее комнате, то в моей. Девочка-гречаночка прелесть. Я тебе пришлю ее

карточку. Но увы! дама с девочкой скоро уезжает, и я остаюсь с молодоженами, которые целый день оглашают сад звонкими поцелуями. Черт с ними, пускай целуются — но они ужасно пошлые дураки оба, и не только от молодоженства. Он похож на Пхора[1], только глупее и томнее. Этакий маменькин сынок, очень хорошенький, занимающийся аппаратом, велосипедом, граммофоном и галстучками. Его жена — пухлая, белая и намазанная вошь. Мне она так *физически* непереносима, что противно и есть, когда она сидит напротив.

Вот уже 3 дня стоит хорошая погода. Даже в комнате тепло, а на улице жарко. В саду у нас чудесно-прохладно. Море синее-пресинее. Миндаль розовый-прерозовый (ужасно глупого цвета). Мне пока что эта погода нравится. Третьего дня мы с дамой и с девочкой наняли вместе татарскую линейку и поехали в Алупку и в Мисхор. Дорога прекрасная, местами у самого моря. Побродили по алупскому роскошному парку возле дворца — и раскаялись, ибо от крутых подъемов очень устали. А Мисхор! Ну, конечно, людям, страдающим кажущейся болезнью сердца, — вроде меня — нужно жить только в Мисхоре. Там нету *спуска* к морю, а море тут же, на плоскости, как в Финляндии. Не надо лазить ни вверх, ни вниз — прямо перед тобой море.

Я не получала писем целую неделю *совсем*. Вчера вечером получила шесть штук сразу. Все письма ничего себе, веселые, но от Кати...[2] Что делать с ней? Рубель[3] велел ей (при мне) во что бы то ни стало уехать в Крым; а из-за Изд<ательства> Пис<ателей> сволочного она не может поехать, п<отому> ч<то> нет денег. Между тем легочным больным нельзя ехать в Крым после 15 мая, можно только весной, когда не жарко... Я вчера написала письмо в Изд<ательство> Писателей, чтобы они знали, *что* они делают. Письмо наглое, но черт с ними. Пусть продадут пишущую машинку с Зоей[3] в придачу и заплатят деньги.

Сейчас 5 ч. утра. Я проснулась в 3 от стука дверей — сорвался ветер. Хозяйка усмирила двери, но сердце у меня расстучалось. Я лежала не шевелясь 2 часа и ничего не могла с ним поделать. А теперь уже дребезжат на кухне, я не могу все равно заснуть. Беда мне с сердцебиениями! Каждый вечер оно не дает мне уснуть часа два. Стучит как сумасшедшее. Засну; а если проснусь — опять 2 ч. засыпания. Что мне делать с ним? Днем я его не слышу; но ночью так хочется спать, а оно как нарочно! Я хотела было пойти к

врачу, но потом сообразила, что он мне доложит, что у меня здоровое сердце, возьмет 5 р. — и все. Ну хорошо, сердце у меня здоровое, но оно мешает мне спать от избытка здоровья — неужели они не могут дать мне чего-нибудь?

За окном ветер, но море синее. Кипарисы качаются всем телом. Здесь есть такая поговорка: «В Крым с деньгами, из Крыма с камнями». И верно. Камни я уже собираю — для Муры, Таты и Кати (!). Деньги же — кроме тех, кот<орые> я уплатила хозяйке, «лишние» — у меня на исходе. (Мне раньше 15-го *не нужны,* так что *не посылай.*) Дело в том, что под влиянием дивного воздуха и безделия у меня развился аппетит. Но какой! Первую неделю я не в силах была всего съедать, что мне дают, п<отому> ч<то> мне казалось, что ем слишком часто: в 9, в 12, в 3, в 5, в 7! А теперь мне между всеми едами хочется есть. Я пытаюсь покупать фрукты и еще что-нибудь, но неудачно. Фрукты здесь безумно дороги (1 р. 50 к. кило — самые скверные яблоки!), но главное — их нет!!!! В Крыму!!!! Купить фрукты удается не чаще раза в неделю. Шоколад тут несъедобный (даже для меня). Так что я отыгрываюсь на кефире. Мне приносит татарин 2 бутылки в день. Мне даже смешно — такой у меня аппетит. У дамы соседней уже тоже разыгрывается, и мы, издеваясь друг над другом, бегаем по кооперативам в поисках съедобного — съев предварительно по 2 тарелки супа, по 2 котлеты с картошкой и по глубокой тарелке компота и выдув 2 бут<ылки> кефира.

У меня появилась вдруг легкость в мыслях необычайная, и я много пишу.

1. Докончила вчерне «эротическую повесть». 2. Написала — вчерне — 2 главы Шевченки, чтоб он сдох, ужасно не хочется о нем писать. 3. «Переписала» половину чужой повести для детей (я — соавтор). 4. И написала тебе это огромнейшее письмо! (Прости, пожалуйста.)

Вот что. Я думаю 19-го уехать в Харьков. Памятуя об игривости почты — подумай уже *сейчас* о харьковских шевченковедах, могущих мне помочь, и сочини письма[4]! А маму попроси прислать мне адреса бабушки и теток!

До чего мне не хочется ехать в Харьков и Киев! По гостиницам и столовкам я растрясу массу сил и денег. Всю свою поправку спущу.

Почему мама мне не пишет? Я увидела ее почерк на конверте — оказалось, письмо от Мурочки. Это, конечно, хорошо, что Мурочка мне написала, но и мама могла бы написать.

Я получила дивно смешные письма из Детск<ого> Отдела от всех — от Н<аталии> С<ергеевны>, Петрова, Савельева, Будог<оского>[5], Шмелькова. Оказывается, Шварц[6], приходя в Отдел, кричит каждое утро: «Смиррно, молокососы, у меня дочь на выданьи!»

Мама, посылаю тебе портрет крымской палки и вышивки Елены Карловны[7] — а также посылаю папе портрет очень милой восьмилетней девочки и ее произведение... Как ты находишь мою фотографию? Фотограф так крутил мою голову (в буквальном смысле слова!), что я в конце концов покорилась — вот и сижу, склонив голову набок.

Получила сегодня «Литературную Газету», в которой несчетное количество раз употребляются имена К. И., Н. К. и К. *П.*[8] Чуковских, — а также один раз упомянут Углов[9]!!! Во! Эту газету следовало бы назвать: «Курьер Чуковских».

Мне уже очень хочется в Питер.

Тщетно жду от тебя письма.

Лида

8/V 29

[1] *Пхор* — соученик Л. Чуковской по 15-й трудовой школе.

[2] *Катя* — Боронина.

[3] *Рубель,* неустановленное лицо. *Зоя* — вероятно, Зоя Александровна *Никитина* (1902—1973), первая жена писателя Н. Н. Никитина, редакционный работник, сотрудница изд-ва Писателей в Ленинграде.

[4] Осенью 1928 года К. И. писал из Кисловодска жене: «Скажи Лиде, что здесь я познакомился с академиком Багалеем, известным украинским историком. Он рассказывал мне, как далеко теперь зашло у них "шевченкознавство" в последние годы. (Между прочим, о Кирило-Мефодьевском братстве есть работа этого Багалея. Читала ли ее Лида?) У меня такое впечатление, что, не посетив Киева и Харькова, нельзя написать теперь работу о Шевченко, столько новых изысканий и новонайденных фактов. Да и вообще украинским воздухом необходимо подышать. Здесь есть несколько украинских профессоров, которые взялись помочь Лиде, если бы она приехала к ним, на Украину. Багалей стоит во главе Шевченковского института и тоже был бы рад помочь Лиде. Что, если бы она приехала в Харьков хоть на две недели? Это окупилось бы в романе. Я дал бы ей пять-шесть рекомендательных писем. Без этого ее роман осужден на большие погрешности». Вероятно, Л. К. собиралась из Крыма поехать в Харьков по совету отца.

[5] Названы сотрудники и авторы Детиздата — Наталья Сергеевна *Болдырева*, редактор детского отдела Госиздата; Ю. Н. *Петров*, художник; Л. *Савельев* (псевд.

Леонида Савельевича Липавского 1904—1941), писатель, автор книги «Охота на царя» (1929); Эдуард Анатольевич *Будогоский* (1903—1976), художник.

[6]Евгений Львович *Шварц* (1896—1958), сотрудник журнала «Еж», впоследствии известный драматург.

[7]*Елена Карловна* — Добраницкая.

[8]*К. П.* — опечатка, должно быть — К. И.

[9]*Углов* — псевдоним, под которым начинала печататься Л. Чуковская.

48. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

11 мая 1929. Симеиз

Дорогой папа. Нет, ты ошибаешься — я пишу тебе часто и длинно. А почта капризничает вовсю. Бывает, что письма, отправленные из Ленинграда в один и тот же день, я получаю с 3—4 днями разницы.

Ты думаешь, что Крым уже нравится мне, что у меня уже много друзей и пр.? Это не так. Дама, с которой я подружилась, уже уехала, так что я осталась с молодоженами, с которыми я стараюсь видеться только за столом. Уж очень они противные. Я опять совсем одна, но это меня не огорчает. Быстро время летит, сама не знаю почему. Крым... Крым мне все-таки не по душе. От этого постоянного блеска болят глаза. Вот говорят, что север суровый, а юг — нежный. Мне кажется, юг гораздо суровее к человеку, чем север. Тут больные, умирающие — а солнце сияет, небо сияет, море сияет. Непрерывный бал. Это утомительно и очень равнодушно. Север — серый, полутонный, гораздо снисходительнее к больному человеку. Конечно, все прощается Крыму за море! Тут у нас много дней подряд стоит жаркая погода, и потому я выхожу к морю (вниз — наверх— вниз — наверх!) только после 5 ч. А до тех пор сижу на балконе или в саду. Сад хороший, очень тенистый. Море по вечерам не синее, а серо-голубоватое. Я хожу по камням, от моря веет теплом, и мне очень хорошо. Вообще, вечера и ночи здесь чудесные — всё так пахнет, и звезд много.

Получили мою карточку? Я не знаю, похожа ли я. А нравится тебе девочка? Она на самом деле гораздо лучше, чем на карточке. Этот фотограф не умеет снимать.

Итак, «Лимпопо»[1] запретили. Это погано, здорово погано. Соцвос ведет четкую линию. И все-таки я повторяю — огорчительно главным образом потому, что это тебя так огорчает, ты не

спишь и пр. А по существу нужно помнить: «Лимпопо» *будет* такой же настольной детской книгой, как «Мойдодыр», как все твои детские книги. Ты должен в это верить и плевать на Лебеденок и ему подобных Венгровых.

[1]*«Лимпопо»* — первоначальное название стихотворной сказки К. Чуковского «Айболит». Впервые сказка была опубликована отдельным изданием через 6 лет, в 1935 году.

49. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 мая 1929. Симеиз

Милый папа. Спасибо за Харьковские адреса. Я еще не знаю, у кого я остановлюсь. Там видно будет. Может быть, в гостинице. Тебе предлагаю писать: Главный Почтамт, до востребования.

Здесь все время стояла трудная жара. Днями я проклинала Крым; а вечерами — снисходила к нему. Тепло, но не жарко. И, кроме того, чудесно пахнет. Но как я рада, что через 3 дня уезжаю! Жаль только, что не в Питер. Но и до Питера не так уж далеко — ведь я не в Саратове и, чтобы уехать, нужно просто купить билет.

Просто... Не скрою от тебя, что сейчас чрезвычайно жду денег. В 20-х числах отсюда ехать нельзя — билеты выдаются только санаторным. Я должна уехать 18-го. Для этого нужно часть денег внести 13-го, а остальные 16-го. Вчера я уже внесла свои последние деньги. Послезавтра утром нужно внести остальную сумму — а у меня ни копейки. Сегодня 14-е. Если и завтра денег не будет... я застряну на целую неделю, даже больше. И тогда нечего и думать о Харькове и Киеве, п<отому> ч<то> 1 июня я должна быть в Гизе.

Итак, страстно жду денег. Занять здесь не у кого.

Надеюсь, что вы не подкачаете и что завтра я получу деньги.

Представь себе, маминого письма я не получила до сих пор.

Я эту последнюю неделю решила совсем ничего не делать. Целый день сижу или лежу и читаю; а с 5-ти до 7—8 — гуляю. Сейчас кончила перечитывать «Мистерии» Гамсуна. До чего это хорошо. Он свободен и могуч, как Бог.

Я рада, что тебе нравится «мой» Пруст. Называю его моим, п<отому> ч<то> я переписывалась о нем с Тусенькой[1] еще из

Саратова. А когда, приехав в Питер, я предложила его маме, — мама нашла его скучным... Ты что читаешь? «В сторону Свана» или «Под сенью девушек в цвету»?

Вчера я получила письмо от Натальи Сергеевны и телеграмму от Савельева. В письме сообщается, что с плана снята Москвой моя маленькая детская вещь (кот<орая> еще не написана); в телеграмме — что денег мне не пришлют. Первое известие меня не огорчило совсем; второе — очень, хотя я ждала его. Не Лебеденко ли пакостит? Черт с ним. Но свинство, что Гиз не дал мне денег на отпуск и не дает мне денег на поездку по Шевченковским делам, хотя бы и из моего же гонорара! Впрочем, я этого и ждала. Жаль только, что приходится грабить родного отца.

Третьего дня случились радостные события: я познакомилась с очень милыми людьми и с ними покаталась на лодке по синему гладкому морю. Прыгали дельфины, мои спутники ловили руками ледяных медуз.

Муж и жена. Муж — врач; жена — стенографистка. Сидя на скамье рядом с ними, я услышала, что жена жалуется мужу: «Теряю скорость, некому диктовать». Я предложила свои услуги. Мы разговорились, потом всей компанией (присоединился еще один санаторный больной, их знакомый) поехали на лодке. Теперь я часто встречаюсь с ними в парке, и мы гуляем вместе. Иногда я захожу к ним днем — диктовать; но диктовать приходится редко, п<отому> ч<то> у жены — туберкулез в очень острой форме, и она много лежит. Она удивительно милая, культурная, начитанная, и я жалею, что не познакомилась с ней раньше. Муж тоже славный, но с ним я слегка повздорила. Он пристал ко мне по поводу моей шеи и пыхтения, когда поднимаюсь в гору. Он хотел меня осмотреть, но мне осмотры уж надоели до предела, и я не согласилась. Тогда он только пощупал пульс и, насчитав 120 ударов в минуту, начал меня ругать, что я не лечусь. Я ему объяснила, что врачи отказываются меня лечить, находя меня вполне здоровой. Он не поверил. Стал спрашивать — я рассказала про сердцебиения, кот<орые> Черноруцкий[2] объясняет сращением в носу. Он рассердился еще больше и прочел мне целую лекцию о моей жалкой участи: «Вы испортите себе нервную систему и умственные способности, и Вам нельзя будет иметь детей...» Потом он пошел меня провожать и возмутился, что я живу так высоко. Опять выругался. Но чем же я виновата, что единственный частный пансион в Симеизе помещается так высоко!

После этого разговора мы почти не разговариваем, п<отому> ч<то> я вижу, что ему — как молодому специалисту — хочется говорить только о моей болезни, а мне совсем не хочется.

У них чудесный щенок — сеттер. Желтый с большими ушами. На него невозможно смотреть без смеха. Он является воплощением всего щенячьего в мире. Радостно кидается к незнакомым на улице, играет с собственным хвостом, лает совершенно зря и грызет туфли своей хозяйки.

Иногда он очень напоминает мне Женю Рысса[3] (пьесу которого, кстати сказать, хвалят).

За последние 9 дней я прибавила 3 ф<унта>. Итого, превысила свой ленинградский вес на 1 фунт.

Несмотря на то, что я ни минуты, ни полминуты не сижу на солнце, руки и шея у меня Крымского цвета. Шкура уже сошла.

Итак, пиши мне в Харьков.

Я рада, что мое тюремное заключение кончается. Не люблю я такой жизни.

Твоя Лида

14/V 29

Попроси маму — пусть попросит по телефону Катю, чтобы она зашла к моему сапожнику (она знает) и спросила: может ли он теперь сшить мне парусиновые туфли? Если да — надо заказать. А то в кожаных очень жарко будет; здешние же мои чувяки неприличны, да и рваные уже.

[1] *Тусенька* — Тамара Григорьевна Габбе (1903—1960), соученица Л. К. по Институту истории искусств, впоследствии — редактор той же «маршаковской» редакции ленинградского Детиздата, где работала и Л. К. Ее памяти посвящена книга Лидии Чуковской «В лаборатории редактора». См. также: Лидия Чуковская. Памяти Т. Г. Габбе // Знамя, 2001, № 5.

[2] Михаил Васильевич *Черноруцкий* (1884—1957), терапевт, профессор, зав. кафедрой госпитальной терапии 1-го Ленинградского мед. института.

[3] Е. С. *Рысс*. О нем см. примеч. 9 к письму **17**.

50. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 июня 1929. Ленинград[1]

Ревнючий папаша. Ты не совсем — или совсем не — справедлив, но препираться с тобой я не буду... В прошлое воскресенье я не приехала, п<отому> ч<то> мне не хотелось ехать, а хотелось

писать и отдыхать в пустой квартире. Ты все забываешь, что воскресенье — мой единственный день... В это воскресенье я собиралась к вам, но вот лежу. Ехать в лежачем положении не стоит.

Я хочу кусок Шевч<енки> дать в «Пионер» на предмет получения денег. Это можно устроить, и я все уже переделала для журнала, как надо, но мне нужно проверить кой-какие украинские фразы, а тебя нет. А я мечтала проделать это в Сестрорецке, сегодня.

Непременно напиши, когда приедешь. Тут многие об этом спрашивают. Федоров[2] — договор — и какой-то Метальщиков, Метальников[3] — тоже договор.

Передал ли тебе Боба ответы Редколлегии? Разве можно издать «Котауси» отдельной книжкой?

Лида

Адрес на открытке: Сестрорецк. Лиственная, 6 а

[1] Почтовые штемпели: Ленинград. 17.6.29; Сестрорецк. Ленингр. 18.6.29.

[2] Андрей Венедиктович *Федоров*, автор статьи «Приемы и задачи художественного перевода», которая была издана вместе со статьей К. Чуковского «Принципы художественного перевода» в сборнике под названием «Искусство перевода» (Л.: Academia, 1930).

[3] *Метальников* — внук мемуаристки Н. А. Татариновой-Островской. 22 января 1928 года К. И. пишет в дневнике: «Как назло юноша Метальников принес мне дивные (хотя и легкомысленные!) записки своей бабушки Островской — которые тоже следовало бы проредактировать». О публикации этих записок см. примеч. 1 к письму **83**.

51. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

19 июня 1929. Ленинград[1]

Милый папа. Неужели и вправду пальто украли? Вот не везет тебе. Шинель, шинель! А м<ожет> б<ыть> — нашлось? Недурно было бы тебе написать дочери письмо. Я ужасно напугалась, когда Клара Гитмановна[2] спросила: «А вы знаете, что у ваших случилось?» Я думала — утонул кто или ногу сломал. И от испуга прикусила себе язык — до сих пор кровь идет.

Не могу скрыть, что сегодня был фининспектор — проверка — и спрашивал, платил ли ты III-ю долю? Я сказала «не знаю». Он сердился и велел представить твою книжку финотдельскую. *Пошли ее немедленно заказным письмом, мне.*

Федоров звонит ежедневно. Я не прошу тебя приехать, я только прошу указать: приедешь или нет?

У нас в субботу идет план. Есть у тебя что-нибудь новое? Давай.

Лида

Адрес на открытке: Сестрорецк. Лиственная, 6 а

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 19.6.29; Сестрорецк. Ленингр. 20.6.29.

[2]*Клара Гитмановна* Штрум (урожд. Каплун, 1892—1953), в 20-е годы заведующая библиотекой Наркоминдела, знакомая семьи Чуковских.

52. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 июля 1929. Поезд[1]

Милый папа. Проехали Нежин. Через 2 часа буду в Киеве.

Прилежно изучаю карту. Непременно съезжу в Канев на пароходе. А как попасть в Кириловку, Ольшаную, — не представляю себе. Там видно будет.

В окне мельницы, тополя, хатки и все проч<ее>, чему быть полагается.

Холодно, большие тучи на небе.

Дня через 3—4 напишу. И тогда пришлю адрес.

Привет Шуре и Муре.

Госиздат очень далеко. Я рада. Будь здоров и весел.

Твоя *Лида*

20/VII 29

Адрес на открытке: Сестрорецк, Лиственная, 6

[1]Почтовые штемпели: [нрзб.] 20.7.29; Сестрорецк. Ленингр. 23.7.29.

53. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 июля 1929. Киев

25/VII 29 Киев

Дорогой папа. Сижу в самом худшем номере самой лучшей гостиницы в Киеве — «Континенталь». Здесь предстоит мне пробыть дней 5.

Пока что я посетила усадьбу Репниных и Канев. От поездки в Моринцы и Ольшану отказываюсь, туда нет жел<езной> дороги, надо ехать на лошадях, а у меня ни сил, ни денег. (Вообще-то, деньги у меня есть.) В Моринцах и Кириловке ничего Шевченковского не осталось. Типичное же украинское село я уже повидала: 3 дня прожила у И. в Лесняках.

Пока что я своим путешествием очень довольна. Убивает меня только лютая жара, хуже Крымской. Все время, пока я здесь, — жара, жара, жара, 35^0 на солнце. Стараюсь днем не выходить из комнаты, а то сразу слабею и делается дикое сердцебиение.

В Канев поездка чудесная. По Днепру — ночь туда, и полдня и ночь — обратно. Туда я ехала на роскошном новом пароходе и поняла, что значит счастье. Всё белое, игрушечное, кожаное; луна и воздух. Назад — на старой посудине, именуемой «Тарас Шевченко». Очень худо было, душно. И за билетами на пристанях стоять, и на гору в жару лезть, и не спать — всё это было трудно, но зато! много фольклору наслышались мои уши! много вишневых садочков и курганов навидались мои глаза! А Днепр действительно чуден при тихой погоде: в нем так все отражается, ясно отчетливо, как в зеркале (банально, — что делать). Волга грязная, в ней ничего не видно, а в Днепре все так и стоит.

Могила Шевченко помещается на восхитительном месте. Памятник-то плохонький — но 3 горы над Днепром, но благоухающий сад, но густая трава, и тополя, и вишни, и Днепр. Все это вместе очень говорит сердцу.

Заповедник устроен тактично и содержится в стильном беспорядке; только будочка Займа Индустриализ<ации> поставлена нехорошо, а так всё со вкусом. А на воротах внизу правила, и там строчка: «Заборонено лаятьcя брудною лайкой»[1].

Я сняла туфли, чулки, ходила босиком по песку, по воде. Песок белый, белый. Ездила на лодке.

В Киеве еще слышится порою русская речь, а в Лесняках, в Яготине, в Каневе, на пароходе — только по-украински говорят, дети и взрослые.

Приехав в Киев из Лесняков от И., страшно утомленная поездом и жарой, притащилась я к домику Шевченка. И... надпись: «Зачинено до 15 авг<уста>». (Я забыла точно, как это по-укр<аински>.) Представь себе мой ужас! Но я вошла во двор, нашла дворника, потом какого-то руковода, кот<орый> живет при доми-

ке; предъявила свою бумажку от Гиза и снова убедилась, что шевченковеды ужасно любят, когда их тревожат. В пятницу — завтра — в 11 ч. мне назначено придти, чтобы осмотреть домик. Потом меня проводят в Инст<итут> Шевченка. Потом покажут, где жил Костомаров, Кулиш, Петров[2]. Так что всё в порядке. Буду днем сидеть над материалами, а вечером — ходить по городу, глядеть. Киев мне очень нравится, он гораздо лучше Москвы.

Проживу так дней 5, потом съезжу к И. дня на 2, отдохну, погуляю по степи, по полям — и 2 авг<уста>, в пятницу, выеду в Питер. В Питере буду в воскресенье утром. А в понедельник — я поклялась быть в Гизе (чтоб он провалился).

Очень мне тревожно, что я ничего не знаю о Шуре[3]. Я ему не написала. т.к. страшно устаю. А *мне* писать некуда, я сегодня здесь, завтра там. Но мне интересно, как он работает, как его уроки с Мишей, с Тусей[4]? Все ли у него книги? И главное: получил ли он что-ниб<удь> из Харькова? Все это меня очень волнует. И чуть я приеду, надо будет отправиться на распределительный пункт, добиваться, чтобы его направили в Тенишевское.

Я себя ругаю брудною лайкой, что я раньше не просила Шуру писать «Киев до востр<ебования>». Всё бы уж знала. Но ведь мне самой неизвестно было, когда и где я буду.

Мне кажется, что я уже целую вечность не была дома. Поезд, пароход, гостиница — ужасно много чужих людей.

Никаких знакомых.

Сейчас иду разыскивать одного Катиного поклонника, кот<орого> она разрешила мне найти и эксплуатировать.

Целую тебя.

Твоя Лида

[1] *Заборонено лаяться брудною лайкой* — запрещается ругаться скверными словами (*укр.*).

[2] *Костомаров, Кулиш, Петров* — перечислены украинские писатели Николай Иванович *Костомаров* (1817—1885), один из организаторов тайного Кирилло-Мефодиевского общества; Пантелеймон Александрович *Кулиш* (1819—1897), участник этого общества; Николай Иванович *Петров* (1840—1921), литературовед, профессор Киевской духовной академии.

[3] *Шура* — подросток, родственник сестры Марии Борисовны Чуковской, приехавший в Ленинград учиться. В письмах к Марии Борисовне Л. К. подробно рассказывает, как она организовала его занятия.

[4] *Туся* — Тамара Григорьевна Габбе. Упомянут также ее брат Миша.

54. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

13 августа 1929. Ленинград[1]

Милый папа. Приехал Коля — он счастлив. Привез мою повесть, прочитанную; в конце написано: «Оливия Уэдсли + Врвуд».

Сижу сейчас в Публ<ичной> Библ<иотеке>. Очень устала. Вот уже 2 дня веду праведную жизнь, т.е. сижу в Библиотеке с 4 ч. до 8 ч. Прихожу домой и до 12 валяюсь на диване разбитая — даже к Тусе не в силах идти.

Завтра, наконец, возьму в Гизе книги.

Но я не о том. А вот что: приходила ко мне Прасковья Наумовна Ориян[2]. Она просит тебе передать, что на днях (точно не знает) Репину исполняется 85 лет и что надо бы, чтобы ты не только ему непременно написал, но и надо бы составить адрес при твоем участии. Ее адрес (!) — Литейный 59, кв. 49.

Еще дело: ты куда-то сунул произведения Новицкого[3] о Шевченке. Куда? Вспомни поскорей.

От Бобы пока ничего нет.

Лида

13/VIII

Адрес на открытке: Сестрорецк, Лиственная, 6

[1] Почтовые штемпели: Ленинград. 13.8.29; Сестрорецк. Ленингр. 14.8.29

[2] *Прасковья Наумовна Ориян* — неустановленное лицо.

[3] Михаил Михайлович *Новицкий* — исследователь творчества Т. Шевченко.

55. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Начало декабря 1929. Москва[1]

Папа. Ты считаешь — судя по твоему тону, — что тебе плохо, а мне наплевать. Это глубоко неверно, и твоим положением я замучена эти дни совсем. Я ничего не могу делать.

Но я не о том хочу написать.

Я думаю, что все-таки не нужно истерии и паники.

Я пишу тебе потому, что вечером ты говорить не можешь, а утром — я. Приходится изложить факты письменно:

1. Резолюции еще нет. Она будет завтра в час дня.

2. Ханин, Трифонова, Иорданская[2] и пр. официальные люди высказывались очень резко против тебя. Ханин заявил, что ты — прошлое детской литературы, что ты упорно антипедагогичен и не хочешь писать на современные темы.

3. Защищал тебя Маршак.

4. Самое главное:

Ханин в заключительном слове сказал: «Я не считаю, что с Чуковским нужно бороться путем материального зажима или путем запрещения его книг. Книги должны издаваться, но мы будем в печати и на собраниях их разоблачать».

Я не знаю, занесены ли эти слова Ханина в протокол и попадут ли они в резолюцию. Если *да* — то твое дело отлично. Пусть ругают — лишь бы издавали! Если *нет* — то все равно, Ханин от своих слов не отопрется (он честный человек), и на основе его слов можно будет кое-какие твои книги издать.

Я говорила с Тусей и Н<аталией> Серг<еевной>; они обещали в течение 2-х дней выяснить все конкретно.

А вообще — поэзия всегда побеждает.

Лида

[1]Датируется по выступлению Д. Ханина «Борьба за детского писателя» [Доклад на собрании детских писателей и педагогов в Доме печати в Москве. 4 декабря 1929 г.] // Книги детям. 1930. № 1, с. 1—2, 12.

[2]Упомянуты Давид Маркович *Ханин* (1903—1937), зав. отделом детской и юношеской литературы Госиздата РСФСР, член правления издательства «Молодая гвардия»; Тамара Казимировна *Трифонова* (1904—1962), критик; Екатерина Ивановна *Иорданская*, доцент Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

В декабре 1929 — январе 1930 года в газетах и на собраниях шла дискуссия о детской книге. Было объявлено, что «основной опасностью в нашей детской литературе является чуковщина, т. е. антропоморфизм, аполитичность и уход от вопросов сегодняшнего дня». В письме А. М. Горькому от 30 января 1930 года С. Маршак писал: «Почти в каждом номере «Литературной газеты» говорится о писателях, группирующихся вокруг редакции Госиздата и возглавляемых мною и Чуковским. На самом деле Чуковский никогда не имел никакого отношения к редакционной работе Госиздата... Темы и приемы работы у меня и у Чуковского совершенно различны. Единственное общее у нас — да и то на самый поверхностный взгляд — это пользование словесной игрой...

Хорошо ответил Луначарский Флериной на одном из недавних диспутов. Она сказала: «Я против приспособления к детям». Он ответил: “Да, вы предпочитаете

приспособляться ко взрослым"». (С. Маршак. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1972, с. 115).

56. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

18 мая 1930. Сочи[1]

Дорогой папа. Наконец-то получила от тебя письмо. Ты пишешь, что Муре не хуже, но из твоего письма выходит, что хуже[2]. Ты писал 13/V, сегодня 18/V — неужели за это время правый глаз не улучшился и Мура все время под повязкой, в темноте, «как слепая»? Ради Бога, напиши скорее. Я уж не знаю, чего ждать. Жду какого-то чуда, жду, что она вдруг опять начнет видеть обоими глазами.

Мне была нестерпима неизвестность, и я послала телеграмму Т<атьяне> А<лександровне> — с оплаченным ответом в 15 слов. Жду ответа. Надеюсь — подробно.

Папа, ты пишешь, что Муру надо перевезти на дачу, «но хозяин просит 900 р. вперед». Я на днях, по моим расчетам, получу 300 р. из Гиза — я пошлю их тебе, — пожалуйста, не отсылай их обратно! Они сейчас мне решительно ни к чему не нужны!

Я подробно писала Муре о своем быте. Все чудесно, ослепительно — я никогда не думала, что бывают такие места. Вот бы тебе сюда, и маме и Муре (?). Почему *я* здесь — самая здоровая из всех?

Если бы не черные мысли о Муре и еще ты знаешь о чем (ты получил, я надеюсь, мое воздушное письмо), — я здесь прибавила бы фунтов 20.

Но и так даже — даже так — чувствую себя крепче, здоровее. Даже с черными мыслями и с черной совестью трудно противиться морю и воздуху, автомобильной скорости и зелени на горах.

Пиши чаще. Целую тебя. Я послала Муре 5 или 6 писем.

Твоя Лида

18/V 30

Адрес на конверте: Ленинград 14. Кирочная 7, кв. 6

[1]Почтовые штемпели: Сочи. Черном. окр. 19.5.30; Ленинград. 22.5.30.

[2]В начале мая 1930 года тяжело заболела туберкулезом младшая дочь К. Чуковского — Мурочка. 7 мая К. И. пишет в дневнике: «Про Муру. Мне даже дико

писать эти строки: у Муры уже пропал левый глаз, а правый — едва ли спасется. Ножка ее, кажется, тоже погибла» (Дн.-2, с. 7).

57. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец мая 1930. Сочи

Милый пип.

Я исполняю твои заветы — поправляюсь вовсю. Я поправляюсь, насколько можно поправиться с тяжелым сердцем и дурной совестью.

Цезарь[1] приедет завтра или послезавтра. Две недели я отдохнула. Чувствую я себя хорошо. Но врач говорит мне дурные вещи. У меня здоровое сердце, но из-за щитовидной железы оно работает как больное. Из-за этого и одышка, и сердцебиения, и пульс 96—100 ударов в минуту. Врач говорит, что позже 10 июня[2] мне ни в коем случае нельзя быть здесь. «Ни минуты на солнце! Выходите на улицу только после 5 часов! Непременно займитесь щитовидной железой, а то вы совсем не сможете *двигаться,* и к 25 годам у вас будет прескверный характер».

Вот какие дела. И все это *верно*, п<отому> ч<то> одышка, сердцебиения, пульс и характер у меня отчаянные. Я и без врача это сама знаю.

А в Питере говорят — 32^0 жары! Что я буду делать?

Но я вот по какому поводу пишу: я здесь познакомилась с одним врачом-туберкулезником, с которым говорила о Муре. Он работал несколько лет в Алупке в той самой костнотуберкулезной санатории, о кот<орой> тебе рассказывал Тынянов. На всякий случай пишу тебе то, что он мне сказал:

I. *Не бывает* вместе и туберкулез глаз, и туберкулез сустава. Это абсурд. Либо одно, либо другое (?!???).

II. В Ленинграде необходимо обратиться к таким врачам:

Борах М. Е. Специалист по детскому туберкулезу. Тубинститут.

Фертиг

Проф. Кац — глазник.

О них он отзывается как о наиболее авторитетных врачах.

Еще он говорил мне, что туберкулез глаз не может в течение 2 месяцев довести до потери зрения. Это болезнь, которая длится *годами.*

Он утверждает, что либо в глазу, либо в суставе — не туберкулез. Он говорит, что туберкулез сустава и глаз такие же несовместимые болезни, как прогрессивный паралич и малярия. (Прогр<ессивный> паралич даже лечат малярией.)

Спасибо вам за поздравительную телеграмму[2]. Хотя, говоря правду, ваша радость еще более подчеркнула мне мою не-радость.

Никого ниоткуда нельзя вынести на руках.

Гораздо большее спасибо за телеграмму и письмо о Муре. Если ты хочешь, чтобы я отдохнула, то сделай так, чтобы я каждый день имела вести о Муре, чтоб я чувствовала, что я знаю *всё*. Тогда я высижу здесь до 12-го.

Что ты ей читаешь теперь?

Как *твои* дела?

Где Коля?

Не знаешь ли ты случайно: сдан ли в набор Шевч<енко> и были ли гранки моей колхозной книжки[3]. Беспризорные мои дети!

Целую Муру, маму, тебя, Татку и Марину.

Лида

Хотела телеграфировать: «Поздравляю отъездом Рассохина»[4].

[1] *Цезарь* — Цезарь Самойлович Вольпе (1904—1941), критик, историк литературы, первый муж Л. К. Чуковской.

[2] В середине мая Л. К. сообщила родителям, что выходит замуж за Ц. С. Вольпе. Они прислали ей свои поздравления.

[3] Речь идет о книге: А. Углов, К. Высоковский. Дорога в гору. М.; Л., 1930.

Константин Игнатьевич *Высоковский* (1896—1967), писатель.

[4] *Рассохин* — вероятно, домашнее прозвище Б. К. Чуковского, см. также письмо **91.**

58. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12 сентября 1930. Ленинград

Милый папа. Мы в ужасной тревоге. Что же с Мурой? Бобины открытки совсем свели меня с ума. Почему у нее так поднялась температура? Неужели новое нагноение? Сняли ли уже гипс? Что говорят врачи? Напиши, Бога ради, обо всем поскорее и пошли спешной почтой.

А как твое здоровье? Что с тобой было в поезде?

Где живет мама?

Вы приехали в Севастополь 6/IX и остановились в гостинице. У Муры 39.6. Это все, что я знаю[1].

Надеюсь завтра получить письмо от тебя или от Бобы.

Вот какое неприятное дело: мама не оставила мне денег на квартиру. У вас уже пени идут за август месяц. Кроме того, за излишки повысили. (Мы уже платим за Бобину комнату не 14, а 20 рублей.) Я знаю, что у вас мало денег, но внести за вас я тоже не могу: у нас денег нет совсем, и мы в этом месяце завязли. Крах произошел оттого, что Издат<ельство> Писателей вычло у Цезаря сразу 150 рублей аванса. Не знаю, как мы выкарабкаемся.

У нас холод и сушь.

В городе много интересных сплетен, но не знаю — стоит ли тебе писать обо всякой чепухе, п<отому> ч<то> не знаю, *как Мура*.

Папа, если ты здоров и тебе не очень трудно, — может быть, ты пошлешь мне телеграмму, краткую, о Мурином здоровье? Упала ли температура? И напиши подробное письмо.

Лида

12/IX 30

И вышли почтой деньги за квартиру.

[1]В начале сентября состояние Мурочки ухудшилось, и Корней Иванович с женой и младшим сыном повезли ее в Крым, в санаторий. Это нелегкое путешествие описано в дневнике К. И.: «*6 сентября.* Мы в Севастополе. Ехали 3 ночи и 2 $^1/_2$ дня. В дороге Муре было очень неудобно. В купе — 5 человек, множество вещей, пыль, грязь, сквозняк. Она простудила спину, t° взлетела у нее до 39, она стала жаловаться на боль в *другой* ноге, у нее заболело колено больной ноги... Бобочка незаменим: привез вещи, сбегал в аптеку, перенес все чемоданы, побежал на базар. У меня всю дорогу продолжался неликвидированный грипп» (Дн.-2, с. 10—11).

59. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Вторая половина сентября 1930. Ленинград[1]

Милый папа. Когда Нина[2] получила твою телеграмму об Успенском[3], я сразу решила, что Муре лучше. А сейчас вот Цезарь позвонил мне в Гиз и прочел по телефону твое длинное письмо от 12 и 14/IX. Значит, Муре наконец лучше. Будет ли она лежать с другими детьми, и если будет — то радостно это или нет? Мальчишки, швыряющие в нее картошкой, мне не очень нравятся.

А что сказал окулист? А что с другой ногой и при чем тут почка?

На днях я была страшно напугана. Я сидела в кухне и завтракала перед уходом на службу. Вдруг— звонок — телеграмма. Я была уверена, что из Алупки. Я издавна боюсь телеграмм. Но оказалось, из Сухума и с оплаченным ответом — от Бобы по поводу Алферова, которого надлежит заставить написать родным... У меня так дрожали руки, что я не могла расписаться, и за меня расписалась На<дежда> Г<еоргиевна>[4]. <...>

Мы страшно страдаем от холода. У меня руки опухли, и дома заниматься трудно, я совершенно застываю. Цезарь — простужен, хрипит, кашляет. Дров не дают. Мне предложили пойти на субботник, чтобы поскорее получить дрова, но я отказалась.

Несмотря на холод, непрерывное ворчание Над<ежды> Георг<иевны> («Вы вчера не погасили в передней; Цезарь Самойлович не моет рук перед обедом; масло стоит уже 21 рубль») и непрерывное желание лежать в постели с закрытыми глазами — я понемножку двигаю Шевченку и даже не только списываю, но и пишу новую главу.

Сейчас, сегодня, решатся 2 важных дня меня вопроса: 1) разрешат ли мне 7 дней работать дома, приходя в Гиз только к 2 часам, и 2) возьмет ли Чагин[5] мой и Шурочкин[6] перевод книги «The case of Sacco and Vanzetti» [7].

Шурочка будет делать по этой книге книгу для Детотдела, а я с Шурочкой хотим *перевести* эту книгу для ЗИФа. В сущности, у меня нет времени переводить, но очень уж книга хорошая.

Теперь о Шурочке. Она неузнаваема. Толстая, румяная, загорелая, веселоглазая, смешливая девушка. Вчера она была у нас целый вечер, и я рассматривала ее с великим изумлением. Ни одной пессимистической цитаты, ни одного иронического слова.

Зато с Катей[8] плохо. Она в отпуску. На неделю она поехала в Москву «проветриться», навстречу Шуре. Проветрившись, поехала в Детское, в Дом отдыха, но там ей стало скучно, и она через 2 дня вернулась в город, в коем и проводит свой отпуск.

Очень заболел дорогой Юрий Николаевич[9]. Сейчас позвоню ему и напишу подробно... Ну вот, теперь ему лучше. А несколько дней было 39... Неделю тому назад мы провели у него очень приятный вечер. Он гениально изображал ораторов у гроба П<авла> Н<икитича> С<акулина>[10].

Один говорил: «Ты ли это, П<авел> Н<икитич>? Тебя ли я вижу? Нет, это не ты...» Почтенные академики, заподозрив «большевистские штучки», — «а вдруг и в самом деле не он?» — стремились к выходу. Кончил этот оратор так (укоризненно): «Уснул П<авел> Н<икитич>?» (затем ругательно): «С-спи!»

А Переселенков[11] зашел в Толстовский Музей и, не дочитав объявления до конца, решил, что умер Спиридонов[12]. 3 дня распространял по городу эти слухи. Потом шел за гробом П<авла> Н<икитича> и шипел: «Каковы сослуживцы! никто не мог мне сообщить, что П<авел> Н<икитич> скончался, а не В<асилий> С<пиридонович>». Ты представляешь себе, как Ю<рий> Н<иколаевич> показывал Переселенкова? У меня слезы лились от смеха.

Цезарь занят всякими комсомольскими и прочими заседаниями, целые дни бегает.

Литхуд сообщает, что конец Успенского будет завтра. Пошлем немедленно.

Пиши чаще...

Лида

Послала сегодня посылку со зверями для Муры. Давай ей по одному зверю в день.

[Приписка сверху на первой странице:] Очень советую прислать денег на квартиру. Вы должны уже за 2 месяца и уплатите большие пени.

[Приписка на последней странице сверху:] Сейчас мне сказал Чагин, что и Некрасов выйдет в 30 г.

[1]Датируется по упоминанию о письме К. И. от 14 сентября.

[2]*Нина* — Нина Владимировна Рыбакова, соученица Л. К. по Институту истории искусств, в 1930 году —помощница К. И.

[3]Вероятно, речь идет о статье К. Чуковского «Судьба Николая Успенского», которая в 1931 году была напечатана как предисловие к Собранию сочинений Николая Успенского.

[4]Надежда Георгиевна, домашняя работница.

[5]Петр Иванович *Чагин* (1898—1967), издательский деятель.

[6]*Шурочка* — Александра Иосифовна Любарская (1908—2002), редактор, фольклорист.

[7]Упомянута книга: The case of Sacco and Vanzetti: A Critical Analysis for Lawyers and Laymen. Boston: Little Brown, 1927 («Случай Сакко и Ванцетти: Критический анализ для адвокатов и неспециалистов» (*англ.*). Ее автор Felix Frankfurter (1882—1965). Перевод Л. Чуковской и А. Любарской опубликован не был.

[8]*Катя* — Боронина.
[9]*Юрий Николаевич* — Тынянов.
[10]Павел Никитич *Сакулин* (1868—1930), литературовед.
[11]Степан Александрович *Переселенков* (1865—1940), литературовед.
[12]Василий Спиридонович *Спиридонов* (1878—1952), литературовед.

60. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 сентября 1930. Ленинград

Милый папа. Я получила твое 1 письмо и 2 открытки — и все-таки не знаю толком, что с Мурой. Другая нога болит или та же? Если та же — то новый свищ или старая рана?

Жаль мне ее ужасно, бедный мой Мур! Лучше ли ей? Привыкла ли она хоть немного к санатории, к одиночеству? Отчего ты пишешь так редко?

Получила ли Мура открытку, книгу, письмо? Получил ли ты мое письмо и письмо Ю<рия> Н<иколаевича>[1]?

Папа, вчера меня вызвали в Литхуд и сообщили, что Успенский[2] пришел в листах и что книга назначена к выходу в 30 году. Гиз, как всегда, *вдруг* начинает торопить. Я сразу позвонила Нине — не имеет ли она каких-нибудь инструкций? Но ведь это *единственная* корректура, ведь Нина — не ты. Не знаю, что делать. Катя[3] с важным видом заявила, что она посмотрит. Это очень мило с ее стороны, но... И вот, в смятении, мы послали тебе телеграмму.

У нас осень. Город ждет наводнения.

Марина о налоге тебе сама напишет.

Веселая жизнь сделалась еще веселее, так как на службах перестали платить деньги вовремя.

У меня радость: Гиз дает мне неделю для работы над рукописями *дома*. То-то высплюсь! То-то Шевченку[4] двину!

Пиши.

Цезарь кланяется.

Где Боба?

Лида

20/IX 30

Пиши о Муре каждый день по открытке, а то все из рук валится!

[1]*Ю. Н.* — Юрий Николаевич Тынянов.
[2]Имеется в виду статья К. Чуковского о Николае Успенском. См. примеч. 3 к письму **59**.

[3]*Катя* — Боронина.

[4]Речь идет о работе Л. К. над книгой о детстве Т. Шевченко. См. также примеч. 2 к письму 31.

61. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Двадцатые числа сентября 1930. Ленинград

Милый папа. Я в полном отчаянье: Гиз не платит денег — *ни зарплаты, ни авторских*. Мы живем неизвестно как. Но мы — черт с нами! — а вот что делать с тобой:

I. Сейчас пришла Марина и сказала, что в Финотделе требуют оплатить твои прошения гербовыми марками в 30 рублей. Иначе они их рассматривать не будут. У Марины нет ни копейки, п<отому> ч<то> Коля ходит с чеком в 400 р. в кармане, по которому банк не платит. У меня сейчас ровно 10 к., п<отому> ч<то> Цезарю не заплатили в Институте жалованья... Если 28/IX Гиз выдаст зарплату, 90 рублей, то я внесу 30 в Финотдел. Но если нет — то твое прошение будет лежать неподвижно.

II. Вчера мне позвонила чулочница, что у нее есть 3 пары носков для тебя по 9 рублей пара. Конечно, их *нужно* взять. Если я 28/IX получу 90 р. жалованья — а если нет?

III. За квартиру ты должен ЖАКТу 100 рублей. С каждым днем долг растет.

Я не знаю, что тебе посоветовать. В кассе Ленотгиза для тебя лежит счет на р. 800 — за «Гека Финна» и еще что-то. Но Пайкин[1] не платит — не только потому, что нет доверенности, но и потому, что никаких денег *нет*. Он в совершенной истерике.

Что тебе посоветовать? Чтобы ты прислал деньги из Алупки? А если денежный кризис затянется, — ты оторвешь деньги от Муриных и не хватит потом для Муры? Черт его знает.

Ты поверь, что дело не в том, что у твоих детей мало денег, чтоб за тебя заплатить, а в том, что *в городе нету денег*, их невозможно достать.

Рассуди сам, что делать.

Последнее письмо от тебя было от 14/IX. С тех пор ничего о Муре не знаю. Ты безобразно редко пишешь — ты всегда гораздо аккуратнее.

Лида

Советую прислать на имя Рыбаковой[2] доверенность. Вдруг начнут выдавать деньги? Тогда она получит, и я возьму и уплачу все и пошлю тебе.

[1]Л. Р. *Пайкин*, заведующий финансовой частью «Леногиза».
[2]*Рыбакова* — Нина Владимировна. О ней см. примеч. 2 к письму **59**.

62. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец сентября 1930. Ленинград

Папа, тебя наверное встревожило мое спешное письмо. Вот тебе продолжение: 28/IX мы зарплаты не получили, ни копейки. Но мне удалось у какого-то чудака взять в долг 30 рублей, и Марина наклеила требуемые марки на твое прошение. Дальше: 4/X Зильбершер[1] обещает выдать Коле твоих 400 рублей (из 800). Не знаю, что я с ними сделаю. Жаль платить их за квартиру — м<ожет> б<ыть>, удастся добиться того, чтобы Гиз дал чек жакту (так, кажется, теперь делают). Чтобы жакту не платить *денег*. Ну, выясню. Если эта комбинация не удастся, то придется рублей 200 из 400 ухлопать на квартиру. Дальше: боюсь посылать Вам деньги. Их могут не выдать на почте. Не знаю. Орёр, орёр[2]. Жди известий. 4/X будет ясно.

Возник Боба, который ехал лишних 2 дня, ибо попал в крушение, конечно. Под Витебском его поезд налетел на товарный. Жертв не было. Вагоны разбиты. Боба привез виноград. Рассказывает, что бабушка очень мало изменилась, что Маруся сравнительно здорова, что Коля работает 12 ч. в день...[3] Бобка сам здоров, загорел; Н<адежда> Г<еоргиевна> его обожает и кормит, пусть мама не беспокоится. Болел у него зуб, но он пошел к Каушанскому[4], и все в порядке.

Марина поступает на службу. Люба[5] ушла — она в отчаянье. Татка здорова и вежлива.

4/X напишу. Очень меня тревожит, что Вы без денег. Если получу — пошлю по телеграфу. Целую тебя, маму и Муру.

Лида

[1]Вениамин Абрамович *Зильбершер*, бухгалтер.
[2]*Орёр, орёр* — horreur (*франц.*) — ужас, ужас.
[3]Речь идет о матери К. И., его сестре и племяннике.
[4]*Каушанский* — по-видимому, врач-стоматолог.
[5]*Люба* — няня дочери Н. К. Чуковского.

63. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

5 октября 1930. Ленинград[1]

Милый пип. Не удивляйся, что не получаешь денег: Коле твоих денег и сегодня не выдали.

Фу, страшно скучно жить — все время думаю о деньгах.

Сейчас еду к Каушанскому, ибо и у меня разболелся зуб. Для полного благополучия не хватало только зубной боли.

Адрес на открытке: Крым. Алупка, гостиница «Россия».

[1] Почтовый штемпель отправления: Ленинград. 5.X.1930.

64. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Первая половина октября 1930. Ленинград[1]

Милый пип! Были мы с Цезарем у Копылова[1]. В квартире пахнет краской, на столе варенье и конфеты, печка топится, С. В.[2] нарядная. Ф<едор> А<лександрович> очень поправился, по-моему. Вообще — веет благополучием. Я рада была выслушать его утешительный рассказ.

Деньги все еще не получены. Кажется, удастся устроить так, что Гиз даст жироприказ в банк — оплатить квартиру — и дрова из Союза писателей (я тебя записала).

С носками — не обещаю. Зарплату мне выдали, но я сразу же ее отдала — долги. Для меня готовы рубашки, но я не могу их взять у портнихи, нет 15 р. Денег нет ни у кого, все в таком же положении, как и мы.

С дровами так: 1. Цезарь записан в Институте — часть (30 р.) выплачена. 2. Я записана в Гизе и в Союзе — все выплачено (90р.). 3. Боба записан в Институте — все выплачено (30 р.). 4. Ты записан в Союзе — Гиз даст приказ (30 р.).

Быть может, мы что-нибудь получим!

Марг<арите> Фед<оровне> я сегодня же позвоню. Пусть переезжает с сестрой, если мама так хочет.

Насчет бабушки: если бы Гиз дал деньги, то я нашла бы оказию в Одессу. Туда много ездят.

Ты пишешь, что если мы получим деньги для тебя, то можем взять себе *в долг* часть. Пфф! Ты нам столько должен, что если мы возьмем свои деньги, то сразу разбогатеем. Вот-с! И дети когда-нибудь папаше пригодиться могут!

Я была у Каушанского. Этот милый, ласковый и бескорыстный еврей «долго мыл руки», потом долго грел руки, стоя у печки, долго спрашивал о Муре, Бобе, дровах, квартире и пр. — потом заглянул мне в рот и сказал, что у меня началось воспаление надкостницы.

В 3 дня прорыв был ликвидирован.

Я писала I главу II тома Шевченки. Это глава о крепостных художниках вообще, а не о Шевч<енко>. Нечто вроде статьи, не беллетристика. Мемуары! Новые архивные материалы! Читала Маршаку. Он сказал: «Очень хорошо, прекрасно, вы здорово выросли. Править тут нечего, но если вы хотите заняться «высшей математикой», то...» — и сделал ряд указаний, которые с восторгом выполняю. Вообще я начинаю научаться прощать этому гениальному человеку его земные слабости.

Как это чудесно с твоей стороны,
Что ты существуешь на свете! —

могу я о нем сказать. Если бы не он — сколько людей *задохнулось* бы, сколько людей опустило бы руки.

13/X буду читать в Ист<орическом> кружке Детск<ой> Секции Союза Писателей оную главу. Хорошего не жду. I — там цветет оппозиция обиженных баб против молодой редакции Гиза (Данько[3] и пр.). II — я совсем не уверена, что глава хороша *вообще.*

Бобу почти не вижу. Когда вижу — констатирую, что он активно меня презирает.

Коля 9/X едет в Москву.

Быть может, мы получим возможность 2 дня в 5-дневку работать над рукописями дома. Этот исторический переворот по продуктивности будет равен промышленному перевороту в Англии.

Чагин болен брюшным тифом, — потому не могу спросить об однотомнике... «Мойдодыр» сегодня опять подписан к печати. О переиздании ряда книг ты на днях получишь извещение.

Маме привет.

Лида

С Шурой[4] поговорю.

[1]Федор Александрович *Копылов* — врач, лечивший Муру в Ленинграде.
[2]*С. В.* — Софья Владимировна, жена Ф. А. Копылова.
[3]Речь идет о писательнице Елене *Данько.*
[4]*Шура* — Любарская.

65. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

11 октября 1930. Ленинград[1]

Милый пип. Сегодня утром опустила в ящик очень мрачное письмо тебе — о безденежье и проч. Теперь я хочу тебе сказать: не расстраивайся! В письме вышло мрачнее, чем есть на самом деле. Денег у нас нету и вправду, но мы *сыты* и *здоровы.* С долгами нас никто не торопит. Так что плохо только психологически, а не фактически.

Поправляйся как следует, отдыхай, не торопись и не волнуйся! Я уверена, что когда ты получишь это письмо — деньги у нас уже будут!

Целую тебя, маму, Муру.

Лида

11/X 30

Адрес на открытке: Крым. Алупка, гостиница «Россия».

66. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Октябрь 1930. Алупка[1]

Лидочка милая. Очень грустим о твоем безденежье. Я уже послал Коле доверенность на получение денег в Гизе — посылаю ее вновь, боюсь, что не дошла. К доверенности прилагаю записочку к Ледницкому[2] — с просьбой выдать 1000 р. за «Мойдодыра». Вообще с деньгами у нас катастрофично — и никаких надежд нет. Если Ледницкий даст 1000 рублей, нужно 200 (или около

этого) внести за квартиру. Бобину комнату оплачиваем *мы*, 100 взять на Бобину еду, а остальное немедленно выслать нам в «Россию». В Бати-Лиман мы не попали, деньги текут как вода. Муре как будто лучше, пришлите ей при случае марок; целую вас всех —

ПИП

[1]Датируется по содержанию предыдущего письма.
[2]*Ледницкий* — сотрудник Госиздата.

67. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

18 октября 1930. Ленинград

Дорогие мама и папа, соблаговолите выслушать краткий рассказ о том,

КАК НЕЖНЫЕ РОДИТЕЛИ ЧУТЬ НЕ УМОРИЛИ СОБСТВЕННОГО СЫНА

I

Молодой Борис Чуковский вернулся из Одессы в лучшем виде. Крушение поезда ничуть не нарушило функций его мощного организма. Плечи — косая сажень, щеки — кровь с молоком, волосатая грудь покрыта бронзовым загаром. Красавец, здоровяк, начал посещать свой ВУЗ. Рвался пойти разгружать дрова.

Но тут случилось небольшое происшествие.

11-го пришла телеграмма от любящей матери: ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ЗДОРОВЬЕ БОБЫ.

Грохот сотрясал весь дом. Это смеялся мощный здоровяк Боба.

Он уселся возле подоконника и настрочил матери письмо, к которому я сделала соответствующую приписку.

Прошло два дня. Явилось письмо от папы. НЕ БОЛЕН ЛИ БОБА БРЮШНЫМ ТИФОМ, осведомлялся изобретательный папаша.

У Врасских[1] посыпалась штукатурка. Это хохотал мощный здоровяк Боба.

Но телеграмма и письмо возымели свое действие. Вечером третьего дня (то был день получения письма от папы) Боба заявил: «А меня знобит чего-то». Съев три тарелки супа и пять котлет, он лег спать.

На следующее утро

II

Я звоню Марине. Марина приносит градусник. Градусник показывает 39.4.

— Каково материнское предчувствие! — шепчет Надежда Георгиевна.

Я звоню Конухесу. Сговариваюсь с ним так: если Бобе на следующее утро не станет лучше — я его вызываю, и он немедленно явится к нам.

Сижу у телефона. И вдруг — звонок:

— Лидия Корнеевна. Я только что приехала из Алупки. Ваша мама просила меня вам передать, чтобы вы немедленно послали ей телеграмму о здоровье вашего младшего брата...

Трубка выпала у меня из рук.

— Вот что значит сердце матери! — прошептала у меня над ухом Надежда Георгиевна.

А виновник всех этих предчувствий лежал с полотенцем на лбу и вопил:

— Я требую, чтобы мне немедленно дали колбасы. От колбасы все сразу пройдет. Почему Надежда Георгиевна слушается Лиду, а не меня? Лида на три года старше, но в три раза глупее.

III

Конухеса вызывать не пришлось. У Бобы сегодня 36.6. В настоящую минуту он сидит на кухне и ест макароны. Завтра поедет в Институт.

Мораль сей басни такова:

— Пожалуйста, не вздумайте осведомляться — почтой или телеграфом — о моем здоровье. А то и окочуриться недолго.

Дорогая мама. Спасибо тебе за небывало длинное письмо. Отвечу тебе на все вопросы: с Н. Г. кое-как ладим. Раз в неделю она заявляет, что сил ее нет и она уйдет. Но остается, к счастью. Когда она здорова — все ничего, но когда у нее сердце болит... Ужас, ужас! Кроме того, каждый раз, как я сяду за стол, Н. Г. начинает: «По первой категории выдавали масло. Вот такая очередь — от Литейного до Фонтанки». Читаю ли я, разговариваю ли с Цезарем — сообщения не прекращаются.

Но я счастлива, что она у нас.

О какой женщине из Алупки ты пишешь? Никто ко мне не приходил.

Никаких денег — ни папиных, ни своих — мы не получили. Зато получили 30 р. от тебя (спасибо!) и 50 от мамы Цезаря.

Мы должны всяким людям 197 р.

Нам должны всякие люди — (не учреждения) — 200 р. Так и живем.

Дров нет. Но мы уже привыкли понемногу.

Татка тебя помнит и о тебе вежливо осведомляется. На днях она у нас была и страстно съела целую гранату. (Мы получили.) Марина очень замучена хозяйством, плохо выглядит. Люба поступила в какую-то столовую. Домработницу найти невозможно.

Спасибо тебе за платок. Пожалуйста, пошли его поскорее, а то ужасно я мерзну.

То, что ты пишешь о Муре, меня радует. Хорошо, что она с детьми. А пошлость никакая к ней не пристанет.

Неужели Изергин[2] *показной*? И неужели нету фруктов? Это грустно. Но мне учительница говорила, что Мура прибавляет в весе.

Жюль Верна и еще книги я ей на днях вышлю... Что за словарь Замойского[3] папа просит? Такого не знаю. М<ожет> б<ыть>, Коврайского[4]? Пришлю.

Что бы такое Муре послать? Когда будут деньги, можно бы купить, да нечего.

Теперь вот что. Посылаю открытку из Кредитбюро — которая пришла вчера. Сегодня я отправилась в это самое Бюро и подала заявление о том, что папы нету в городе. Они отсрочили до ноября.

Папа! М<ожет> б<ыть>, просить Зильбершера, чтобы он перевел на Кредитбюро эти деньги? Или ждать тебя?

Нельзя ли устроить так, чтобы Мура продиктовала письмо? Я ужасно по ней соскучилась, по ее *стилю.*

Папа и мама! О Бобе пишу чистую правду, так что не волнуйтесь. Если что-нибудь случится, я сразу напишу.

Лида

18-X 30

[1]*Врасские* — семья соседей Чуковских на Кирочной.

[2]Петр Васильевич *Изергин* — врач в крымском санатории «Бобровка», где лечалась Мура.

[3]Речь идет об англо-русском словаре С. Г. Займовского (М.: Сов. энциклопедия, 1930).

[4]Упомянут англо-русский словарь Ф. Каврайского, изданный еще до революции (1909).

68. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Около 20 октября 1930. Ленинград

Милый папа. Сейчас мы с Ниной Владимировной[1] были в магазине. Жюль Верн достался нам нелегко. Завмагазином отказался выдать книги *не все* сразу, а мы хотели взять только Жюля Верна, п<отому> ч<то> все книги на всю сумму — это уйма, нет ни времени, ни сил. Но мне удалось взять Жюль Верна в счет своих ежемесячных 20 рублей. Нашли только 2 книги: «Гектор Сервадак» и «Ледяной Сфинкс». Что это такое — не знаю. Пошлю скоро.

Сегодня получила твое письмо от 15/X. Книжка Т<амары> Г<ригорьевны>[2] очень удачно выглядит. Я ее вчера послала маме вместе со словарем Займовского.

С Шевченкой дела такие: корректура первая была, но с ней сразу два скандала. Скандал № 1: книгу в типографии Соколовой случайно сверстали, не послав гранок мне, и без рисунков!!!; скандал № 2: я проправила книгу так здорово, что в типографии не желают перенабирать.

Должна выйти в ноябре.

В Историч<еском> кружке Детской Секции я читала I главу II книги Шевч<енко> с большим успехом. Говорили много приятных вещей. Усмотрели какую-то «новую форму» историч<еского> романа и пр. Читала я эту главу Коле. Он сказал, что это написано не мной, а тобой, и что все хорошо, но не видно отпечатка личности. Ну что ж. Я человек не гордый. И без отпечатка личности как-нибудь проживу.

Мой быт сильно изменился к лучшему. Я бываю в Гизе 2 дня в пятидневку. Один день — свободный, а остальные 2 я имею право работать над рукописями дома. Этой новой конституции мы добились после долгих атак. Очень плодотворная конституция. И для Гизовских рукописей, и для Шевч<енко>.

Цезарь много работает. Об издателях он не пишет, но собирает материал для книги о символистах. В настоящее время просматривает «Сатирикон», год за годом. Благодаря этому я много чего узнала о тебе.

Боба здоров, ездит в Институт. Что ж, он, конечно, мальчик хороший. Верю также, что под его грубой внешностью скрывается нежная душа. Но я бы хотела, чтобы «внешность» была не столь

груба. Я с трудом прощаю людям, а особенно родственникам, грубость, хамоватость и неумение уважать чужой способ жизни. Ей-богу, иногда мне кажется, что холодная корректность драгоценнее, чем нежное сердце под грубой оболочкой.

Сегодня у нас радостное событие: Н<адежда> Г<еоргиевна> взяла у кого-то в долг вязанку дров и затопила мне печку.

Мучает меня сильно то, что Н<адежде> Г<еоргиевн>е за сентябрь не уплочено жалованье. Мама обещала, что она сама будет платить ей, — и не может прислать; а мы не можем уплатить, п<отому> ч<то> денег не выдают.

Зильбершер мне сегодня сказал, что о твоих 800 р. мечтать нечего. Завтра мне, м<ожет> б<ыть>, выдадут зарплату 70 р. — из них 50 р. я сразу должна отдать — долг. Сегодня Ц<езарь> получил 42, и уже нет ни копейки, п<отому> ч<то> одной только молочнице мы должны 57.

Так-то мы тарахтим, с кочки на кочку.

Сегодня мы получили в Федерации писателей корзину винограду и яблок. В Федерации оживленно: всех объединили дрова, фрукты, жироприказы... Веет самодеятельностью 18-го года и немного грустно, как в «Вишневом Саду».

О твоих книгах напишу завтра открытку, отдельно, когда побываю у Чагина, которого совершенно невозможно поймать.

Вчера мы с Цезарем были у Шурочки[3]. Она уже побледнела немножко, но все еще бодра. Комната у нее очень проработанная; чувствуется, что человек в этой комнате живет и думает; комната на ней хорошо сидит, как платье. Подобраны поэты, подобраны английские романы; Достоевский и Блок на стене. А в дверцы шкафчика письменного стола вправлены 2 портрета: Козьмы Пруткова и Ренье. Любимые. (Сочетание физиономий — удивительное!)

О Т<амаре> Г<ригорьевне> тебе не пишу, п<отому> ч<то> ты ее плохо себе представляешь и не знаешь. Что ж писать! Это то же самое, что писать, напр<имер>, о Тынянове человеку, который [нет конца. —*Е. Ч.*]

[1] *Нина Владимировна* — Рыбакова.
[2] *Тамара Григорьевна* — Габбе.
[3] *Шурочка* — Любарская.

69. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

23 октября 1930. Ленинград

23/X 30

Милый папа. Милая мама. Письмо это будет носить сугубо деловой характер.

Во-первых — препровождаю вам неприятность от Губфинотдела. Что делать теперь?

Во-вторых — благоволите проверить счета. <...>

В заключение сообщаю *радостную* новость: сейчас позвонил Коля, который только что вернулся из военной комиссии. *Его освободили по семейному положению.* Этого никто не ожидал.

Теперь о папиных книгах. Чагина я не видела, так что об Успенском и Некрасове[1] ничего не знаю. «Мойдодыр» еще не вышел, но уже печатается. «Черепаха», «Кошки в лукошке» и «Загадки и отгадки» сданы в набор. С «Загадками» была история, п<отому> ч<то> никак невозможно было достать экземпляра. Ни в магазине, ни на складе, ни у тебя в ящике, ни у Конашевича, ни в Библиотеке Гиза, ни у Татки. Сделали так: переписали текст, подписанный Конашевичем под оригиналами рисунков. Там много ошибок, но тебе дадут корректуру. <...>

Вот и все.

Лида

[1]Речь идет о предисловии Чуковского к Собранию сочинений Николая Успенского и о книге Чуковского «Рассказы о Некрасове».

70. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

1 ноября 1930. Ленинград

Дорогие мама и папа, меня одолевают самые скверные мысли. Я получила мамину открытку о том, что Мурин глаз внушает опасения. А дальше что? Наводит на грустные догадки и то обстоятельство, что папа не ответил на 2 телеграммы Рыбаковой, посланные в Алупку. Значит, мама выехала из Алупки? М<ожет> б<ыть>, Муре так плохо, что мама уехала за врачами? Или папе так плохо, что он не может ответить на телеграммы? А тут еще

вчера пришла телеграмма из Москвы от Нерадова[1]. (Получил?) Папа писал мне, чтоб я адресовала ему письма в Алупку, не в Гаспру; а Катя[2] говорит, что папа просит адресовать в Кореиз Гаспру. В результате — я ничего не понимаю. Две телеграммы посланы в Алупку, одна в Кореиз Гаспру. Отсутствие ответов + скверные сведения о Мурином глазе и папином здоровье... в общем, пишите, Бога ради, скорее!

Мы получили еще 3 метра дров (на папин ордер из ФОСПа). Итого — у нас 6 метров. Но квартира не отапливается по-прежнему, ибо дрова не распилены. Холод собачий. Спросить Н<адежду> Г<еоргиевну> — когда она позовет пильщиков пилить — я боюсь, так как она, вероятно, ввиду своего болезненного состояния, кричит на меня, как только меня увидит. На Цезаря она накричала недавно за то, что он поехал в Институт, на заседание, не к 6 часам, как его звали, а к 7-ми. Я молчу, что бы она мне ни говорила. Вчера она накричала на меня за то, что в ванной из трубы идет дым (она топила Бобе ванну). Надо сказать правду: Н<адежда> Г<еоргиевна>, благодетельница наша, здорово отравляет мне существование. Цезарь совсем запуган и старается ходить к телефону не через кухню, а через Бобину комнату. Я решила молча терпеть все до конца, ибо без Н<адежды> Г<еоргиевны> будет еще хуже; но не могу в письмах не отвести душу.

В остальном живем по-прежнему — т.е. в состоянии неустойчивого равновесия. С тех пор, как я хожу в Гиз лишь 2 раза в пятидневку, я чувствую себя гораздо лучше, ибо, во-первых, высыпаюсь, а во-вторых — работаю над Шевч<енко>.

Нас активно сливают с Мол<одой> Гв<ардией>, что очень неприятно[3]. Голоса еврейских дельцов, которые сидят в одной комнате с нами и почему-то говорят о детской литературе, — очень режут ухо. Тон непривычный.

Большие неприятности у Тат<ьяны>Ал<ександровны>. Володя[4] в дороге болел скарлатиной. С температурой 39 он ехал под дождем, на лошади, потом валялся на вокзале, потом летел на аэроплане (!). Теперь скарлатина окончилась, но начались осложнения в почках. Т<атьяна> Ал<ександровна> не выходит из дому — карантин, — и по телефону голос ее звучит весьма мрачно... Еще: в «Книге и Революции» зверски выругали ее книгу «Суд над колдуном». Рецензия кончается требованием, чтобы Гиз не тратил бумаги на такую макулатуру...

Коля все еще не опомнился от радостного удивления по поводу того, что его не взяли на военную службу. Марина по-прежнему ведет свою ангельскую политику по отношению к Бобе — недавно купила ему подвязки. Татка ходит в Мурином пальто, что меня каждый раз пугает. Когда звонишь Коле по телефону, — всегда подходит Татка и на вопрос, кто у телефона, отвечает: «Это двести девять тридцать семь».

Цезарь, наконец, покончил с «Сатириконом» и читает более грустные книги. Получение дров несколько выбило его из колеи — что было мне весьма грустно, — но теперь он опять занят своими символистами и заседаниями. Пишет он только на машинке, так что у нас целый день стук.

Кошка и цветы, под заботливой рукой Н<адежды> Г<еоргиевны>, жиреют и произрастают.

Папа. К тебе просьба. Одна барышня, работающая в Гизе, твоя Гаспринская знакомая, просила меня написать тебе, чтобы ты — ежели бываешь в Алупкинском дворце — купил там книжечку о каком-то художнике (иностранец; известный; фамилию я забыла). Книжечка продается в этом самом дворце и продается дешево.

Если почему-либо не купишь — возьми вину на себя.

В Одессу послали посылку: мое старое пальто, юбку; сахар — кило; чай (от Марины) для бабушки. Деньги пошлю, чуть только выдаст Пайкин. (Из той получки я никак не могла выкроить.)

Е. Б. Анненкова[5] кланяется столь исступленно, что не передать нельзя.

Иду звонить Рыбаковой — нет ли от тебя телеграммы.
ПИШИТЕ.

Лида

1/XI 30

[1]*Нерадов* — сотрудник журнала «Красная нива». Он телеграфировал просьбу редактировать для них Некрасова.

[2]*Катя* — Боронина.

[3]*Нас активно сливают с Мол<одой> Гв<ардией>...* — т.е. объединяют Детский отдел Госиздата с издательством «Молодая гвардия».

[4]*Володя* — сын Татьяны Александровны Богданович.

[5]Елена Борисовна *Анненкова* (1895—1980), балерина, жена художника Ю. П. Анненкова.

71. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

13 ноября 1930. Ленинград

Милые мама и папа. Снова пишу Вам *обоим,* ибо, благодаря папиным безмятежным открыткам, сомневаюсь в том, что папа уехал в Москву. Все формы почтовой связи (телеграммы, письма, спешные письма) были уже использованы мною на предмет выяснения папиных намерений по поводу Некрасовских дел; тщетно! Прекращаю попытки. <...>

В Гизе, по случаю слияния, всё переезжает. «Звезда» — в III этаже, «Еж» — в пятом; Ангерт — во втором. Дым коромыслом. Содом и Гоморра, извержение Везувия, вавилонское столпотворение, первобытный хаос. Только касса и Детский Отдел остались на прежнем месте. <...>

Шевченко еще не вышел, но жду его со дня на день. Опаздывает он потому, что 10 дней пролежал на столе у Адонца[1], который сомневался.

В № 23 «Ежа» будет напечатана I глава II части.

По случаю ежедневного хождения в Гиз дальше почти не пишу.

Сегодня папа получил подарок: Havelock Ellis «The new spirit» и «Complete prose of Walt Whitman»[2]. Книжка Ellis'a — это книга о Гейне, Ибсене, Толстом и др. Я сунула нос и уразумела, что сей блестящий ученый высказывает по поводу Толстого следующие остроумные идеи: 1. русские живут на рубеже Азии и Европы. 2. «Мертвые души» Гоголя (Ukrainski Kossak) — есть первое русское произведение в английском стиле... Далее я читать не стала.

А я вчера получила подарок — ключ и платок. О достижениях ключа писал Боба, а о платке: благодарю, благодарю, благодарю. Мне в нем существовать очень уютно. Я ношу его и дома, и на службе, и в Библиотеке. (В платке я похожа на большой сугроб.)

Сейчас позвонил Копылов. Я побежала к телефону босая, в рубашке и в очках. «Как фея прекрасная»[3]. Копылов расспрашивал о Муре. Голос у него бодрый, но говорит, что только что перенес грипп. Он очень звал нас приходить. Я пойду с удовольствием, я люблю его; кроме того, предчувствую сладенькое.

Ну, всего хорошего. Пишите. Я не говорю уже о том, что мне хотелось бы получить ответы на вопросы:

1. Когда приедет папа?

2. Что он решил с Москвой?

3. Постиг ли он, что гранки 6 изд. Некрасова лежат и что Шура примечаний делать не будет — о нет, об этом я не говорю! — но мне хотелось бы знать:

а. Была ли у Муры еще раз окулистка? Толковая ли она? Нельзя ли привезти врача из Севастополя?

б. Как высказывается Мура о трех посланных ей мною книгах и письме, живописующем уход Татки?

13/XI 30

Лида

Пусть папа купит в Сев<астополе> или в Москве электрич<еские> лампочки: тут нельзя купить ни одной.

[1]Гайк Георгиевич *Адонц* (1889—1937), политредактор «Ленотгиза».

[2]Havelock Ellis «The new spirit» — Хавелок Эллис (1859 —1939), английский писатель, упомянута его книга «Новые веяния» (1890). «Complete prose of Walt Whitman» — полное собрание прозы Уолта Уитмена (*англ.*).

[3]В своих воспоминаниях «Памяти детства» Лидия Чуковская рассказала, как она ребенком читала отцу, страдавшему бессонницей, чтобы усыпить его. И как-то раз, пробираясь после чтения в темноте к дверям, сказала: «Я удаляюсь, как фея прекрасная» (Соч.-2. Т. 1, с. 278).

72. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 февраля 1931. Ленинград[1]

Милый папа. Немедленно по получении этой открытки пришли мне такую бумажку: «Я, нижеподписавшийся К. И. Чуковский, член союза... заявляю, что моя жена, М. Б. Чуковская, находится на моем иждивении». Эту бумажку должен заверить нам ЖАКТ. Маме она страшно нужна. Мы хотели сделать скорее, без тебя, узнали № твоего билета, и я написала от твоего имени бумажку в ЖАКТ, но они заметили подлог, и вышла неприятность.

Очень грустные сведения о Муре, скажу тебе прямо. Мама прислала печальнейшее письмо — у Мурочки нашли гной в другой части ноги. Вот тебе и лучше! Напиши маме скорее, она в ужасном состоянии. Видишь, как я откровенна.

М<ожет> б<ыть>, для скорости, сделай так: оную бумажку заверь в Месткоме писателей и пошли *прямо* маме, тогда будет

скорее. Твой № книжки союзной: № 87. 392. Пиши скорее мне, как ты сделал и о своем здоровье. А мне гораздо лучше.

Лида

17/II 31

Адрес на открытке: Москва. I Дом Советов. Г. Шатуновской для К. И. Чуковского.

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 18.2.31; Москва. 19.2.31.

73. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 февраля 1931. Ленинград[1]

Милый папа. Штрайх[2] безбожно врет. Никакого письма. То, что ты болен, это очень скверно. Слушай, ради Бога, привей себе поскорее оспу! Все равно, когда приедешь сюда, заставлю. Во имя великого Дженнера![3] У нас сегодня грандиозная прививка на дому. Привьют всем, кроме Татки (она больна) и меня (мне Бок[4] запретил).

От мамы новых вестей нет, но и старых достаточно... Вчера было Муркино рождение. В прошлом году в этот день ей опять было хуже.

Посылку мама получила и благодарит.

Послал ли ты ей документ?

Денег твоих мы растратили уйму. Будь готов.

Мне лучше. Желтуха прошла совсем. Жру все. Анализ почти благополучный («следы белка»). Сегодня попробую выйти.

Когда сдашь Уота[5] — дай знать, п<отому> ч<то> надо у тебя протопить.

Лида

Адрес на открытке: Москва. I Дом Советов. Г. Шатуновской для К. И. Чуковского.

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 25.2.31; Москва. 26.2.31.

[2]Соломон Яковлевич *Штрайх* (1879—1957), литературовед, глава издательства «Парфенон».

[3]Эдуард *Дженнер* (1749—1823), английский врач, основоположник оспопрививания.

[4]Врач, лечивший Л. К.

[5]Вероятно, речь идет о книге Уолта Уитмена «Листья травы», выпущенной в 1931 году в переводе К. Чуковского и с его предисловием (Б-ка «Огонек», № 611).

74. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Февраль 1931. Детское Село[1]

[Нет начала] ...Муру увидеть, а то спрашивается, когда же я вас увижу? Ведь в июне—июле мне уже пора быть «на месте происшествия» — в Питере. Значит, я должна поехать к вам в марте—апреле. Если только у меня хватит сил — приеду. А я надеюсь, что силы появятся. Должны же они когда-нибудь появиться. Но только имей в виду — поеду я к тебе, а не в санаторий. Я не служу — какой же санаторий? Когда я была в амбулатории на осмотре комиссии и просила, чтобы Соцстрах добился от Гиза отпуска для меня, то врач ответил: «При таком слабом туберкулезе, как у Вас, — все работают. Мы отправляем человека в санаторий только тогда, когда у него III стадия... Вот если бы Вы были на ночной работе, — мы бы тогда Вас освободили».

На ночной работе я не состою, до III стадии мне тоже далеко, так что...

Ты пока ничего не предпринимай и Муре не говори — рано еще. Но я очень хочу приехать и постараюсь.

Да, что у тебя за фантазия, что рожать я должна непременно в Детском?!??? Та больница, в которой 5 лет т<ому> н<азад> лежала Марина, уже давно закрыта. Другая Детскосельская больница известна своей грязью и заразами. Между тем все говорят, что Евгеньевская Община в Ленинграде очень хороша. Зачем же мне Детское?

Еще фантазия: менять квартиру на квартиру в Детском. О Господи! Если я сейчас так больна и несчастна, что вынуждена неск<олько> месяцев прожить в Детском — то неуже... [нет конца]

[1]Датируется по содержанию.

75. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

5 апреля 1931. Москва[1]

Дорогой пип, я бы написала тебе большое письмо, но забыла взять с собой бумагу. Сейчас утро, сижу на постели, в комнате Диси[2], и почему-то не сплю. Внизу, за окном, Москва — очень глубоко внизу. На койке хрипло спит простуженный Цезарь.

Сегодня в 3.35 мы едем дальше. Плацкарты достали. А описать наше ленингр<адское> путешествие стоило бы. Расспроси

Ивана Франц<евича>[3]. Оно просится на бумагу, ибо оно обладает классически завершенными линиями. Муре напишу о том, как мы попали в разные трамваи, как Цезарь в трамвае потерял калошу, нож и вилку, как приехали мы за 3 минуты, к ужасу провожающих, которые мерзли час.

В Москве я промерзла страшно, но у Шатуновской оттаяла. Тут дивно. Генр<иетта> Сем<еновна> добра и трогательна до святости. И весь вечер вчера она рассказывала о тебе. Интересно. Она будет твоим биографом. Часы *идут*[4].

Надеюсь, у тебя билет в кармане.

Лида

5/IV 31

Адрес на открытке: Ленинград 14. Кирочная 7, кв. 6.

[1]Почтовые штемпели: Москва. 5.4.31; Ленинград. 8.4.31.

[2]Письмо написано по дороге из Ленинграда в Ганджу (Азербайджан), куда Л. К. поехала навестить родителей Ц. С. Вольпе. В Москве она с мужем остановилась в семье друзей К. И. — Шатуновских. Они жили в правительственном «Доме на набережной», поскольку Яков Моисеевич Шатуновский (1876—1932) был членом коллегии наркоматов иностранных дел и путей сообщения. В письме упомянуты жена Я. С. Шатуновского — Генриетта Семеновна (1885—1935) и их дочь Дися.

[3]*Иван Францевич* — неустановленное лицо.

[4]Незадолго до приезда в Москву Л. К. у Шатуновских останавливался Корней Иванович. Он писал жене: «Недели три назад, когда я ночевал у Шатуновских, я зацепил как-то одеялом часы, стоявшие на столике, и они остановились. Я встряхнул их и загадал: если пойдут, Мурочке будет лучше. Часы потикали минут восемь — и остановились. Это страшно меня огорчило. Пришел Шатуновский; он — мастер, возился, возился, часы пошли — и остановились. С тех пор я глядел на них с ненавистью и тоской. Что ни делали с часами — они молчали. Я связывал их молчание с судьбой Муры — и меня сосала печаль. Но — вдруг они пошли! Пошли сами собой!! Тик-так, тик-так! Я слушал их почти безнадежно — мне казалось, что они сейчас остановятся, но они шли и шли — шли час за часом — вдруг, ни с того, ни с сего, совершенно без всякой починки. И дико: я повеселел в этот день и верил, что Мурино здоровье тоже ни с того, ни с сего вдруг пойдет на поправку.

И всякий раз взглядывал на эти часы с удовольствием и даже с благодарностью — старый дурак» (письмо к М. Б. Чуковской, март 1931).

76. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12 апреля 1931. Ганджа

Милый папа. Ты, наверное, уже сердишься, что я так долго не писала тебе, но я не могла, п<отому> ч<то> спешно переде-

лывала рассказ, в этом очаровательном доме делать хотя бы *одно* дело — и то весьма трудно. Стихии мешают. Но сегодня я рассказ отослала[1] и вот пишу тебе, наконец.

Ехали мы без особых приключений. Общество: член Аз ЦИКа, председательница Всегрузинского Соцстраха (женщина с орденом Красного Знамени) и пр. В вагоне чисто и удобно, но одно страшное несчастье: вагон больной, у него сломаны рессоры, и потому так трясло и качало, что я не могла спать. И вообще — были часы, когда меня беспрерывно взбалтывало, вроде как в ленинградском автобусе. На этот раз сошло благополучно, — а что, если и в следующий раз попадется хворый вагон?

Тут все «не по-нашему»: кругом города — горы со снежными вершинами, женщины ходят в чадрах (хотя лица открыты), дома с плоскими крышами, по мостовой шагают ослы и мулы, в очередях восточные люди доходят до поножовщины. На углах продаются вареные каштаны, кишмиш, какая-то али-баба или черт ее знает что. Вместо голубцов подают мясо с корицей (!) завернутое в виноградные (!) листья. Масло и сыр — овечье и буйволиное, только не коровье. Кулич, разумеется, называется пасхой, пасха — куличом, творог — сыром и т.д. В городе живут тюрки, армяне и татары. Я их не различаю. Русских и евреев в городе очень мало, и на мою светлую голову все смотрят. В разговоре часто употребляется слово «Россия». — «А у Вас в России уже тепло?»

Погода здесь еще прохладная, был только один жаркий, душный день.

Мы живем в комнате с балконом. II этаж. Встаем рано, в 8 часов, п<отому> ч<то> с 8 ч. начинается прием у Ф<лоры > Я<ковлевны>, Цезаревой мамы. Она принимает до 6 часов вечера. Целый день в приемной толкутся черные люди, на мой взгляд — оборванцы и жулики, объясняют свои болезни на непонятном языке и стонут на непонятном языке. Но Ф<лора> Я<ковлевна> с ними говорит по-ихнему. Изредка она уходит из кабинета к себе и ложится отдохнуть — болит спина. Ей уже 60 лет. Она вся седая, белая, как мама (с 25 лет). Она очень устает, но никак не может найти ассистентку — очевидно, толковых *молодых* врачей *нет*. Через ее руки в день проходят 100 человек и больше... Отцу Цезаря уже 70. Он совсем отказался от практики, имеет инвалидную книжку, которая дает право все получать

без очереди, и целый день занимается тем, что использует это право.

Деньги в этом слегка сумасшедшем доме уходят на еду, на сына, который учится в Баку, и еще на... подарки. У Ф<лоры > Я<ковлевны> есть шкаф, в котором лежат чулки разных размеров, шляпы, носки и т.д., и все это ежедневно раздаривается племянницам, каким-то студенткам, Цезарю и, разумеется, *мне*. Вообще же в доме ничего нет: нету никакой мебели, все кровати — колченогие, из комода вываливаются ящики, пальто повесить не на что, тарелок не хватает. Башмаков, пальто, — разумеется, нету тоже.

Общество здесь исключительно врачебное. Это ставит меня в невыгодное положение, п<отому> ч<то> все носовики, гинекологи, акушерки, терапевты и пр., и пр. с алчной любезностью на меня накидываются. Я смирно выслушиваю всех, но исполняю повеления только Бока и Антошиной.

Я взвешивалась: вешу (в пальто) — 4 п<уда> 9 ф<унтов>. Аппетит прекрасный. Ем 5 раз в день, как у попадьи. Температура — 37.2. Лежу много, но нога все-таки болит — даже сильнее прежнего, подлая, — и сердцебиения все-таки бывают.

Цезарь не делает *ничего*. Абсолютно ничего, даже не читает. Самое сильное умственное напряжение: дует в пульверизатор или крутит точилку для бритв. И еще: раскладывает пасьянс. Здесь все этим занимаются (т.е. пасьянсом) за обедом, а я, как истинная твоя дочь, испытываю приступы бешенства при виде карт. Теперь я понимаю, откуда у Цезаря любовь к перестановке книг: это ему заменяет в Ленинграде пасьянс.

Теперь о деле: я все думаю о том, что вам послать. Опишу тебе подробно, что тут есть, а ты сообрази. Масла посылать не стоит — все говорят, что не дойдет, да оно и не настоящее. Яйца дешевы — дойдут ли? (Посылка будет идти дольше, чем из Ленинграда.) Каштаны имеются. Имеется у частников гречневая крупа. Мука. Ф<лора> Я<ковлевна> предлагает спечь хорошую белую булку, на масле, на молоке, на яйцах — и послать. Улыбается ли это вам? Не беда, что зачерствеет немного, правда? Деньги у нас есть, п<отому> ч<то> тратить не на что. Но главное — сообразить. Напиши об этом поскорее.

Итак, вот тебе подробный отчет обо мне. Жду от тебя еще более подробного. О Муре даже не спрашиваю — ты сам пони-

маешь, что я жду самых подробных, самых толковых, самых умных сведений. О маме. О голоде. Одним словом — даже не спрашиваю, сам должен понимать. И, пожалуйста, поскорее.

Надеюсь, что твое письмо уже в дороге.

Целую тебя, Муру и маму.

Лида

Ганджа.
1931,12/IV 31. Пасха

[1]Речь идет о рассказе «На Волге», который вскоре вышел отдельной книжкой.

77. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

18 апреля 1931. Ганджа

Милый папа, я тебе уже послала в Крым большое письмо. Очень жду ответа. Действительно, последние дни чувствую себя лучше. Темп<ература> *36.6* круглые сутки. Голова яснее. Только нога болит. Но я хожу мало. Занимаюсь английским, украинским и, м<ожет> б<ыть>, буду писать главу о больнице. Цезарь уже тоже пришел в себя и понемногу начинает заниматься. Никто нас не дергает.

У меня для Муры готово очень интересное письмо, но я жду известий о ее здоровье. Если ты выехал 12-го, то на месте ты 15<-го> — значит, письмо можно ждать 22/IV, — Господи, как долго.

Воображаю, какой веселый у тебя был быт последние дни перед отъездом.

Бельчикову[1] мы написали и сейчас отправляем письмо.

Здесь я разбогатела бумагой. Пришлю тебе, так что не экономь.

Скорее пиши. Маме и Мурке привет.

Лида

Меня здесь ужасно балуют.
18/IV 31

[1]Николай Федорович *Бельчиков* (1890—1979), литературовед.

78. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

26 апреля 1931. Ганджа

[Нет начала] ...написать следовало бы... Но об этом в другой раз. Повесть должна быть трогательной и, как все хорошие повести, *юмористической.*

Рада очень, что маме понравился Шевченко. Мне он нравился бы больше, если бы имел конец.

Мой младенец толкается, брыкается и скачет. Резвый младенец. Ему пошел седьмой месяц, но по-прежнему — никаких признаков. Игра природы. Ему остается уже очень небольшой срок, чтобы продемонстрировать себя.

Цезарь взвешивает меня ежедневно с таким же упоением, с каким в Питере кормил меня глицерофосфатом (который я предусмотрительно забыла дома). Весы показывают разное. Предполагаю, что они испорчены.

Застал ли ты Изергина? Удалось ли тебе разъяснить санаторным работникам недоразумение с твоей статьей?

Цезарь кланяется. Герои будущей повести тоже кланяются и предлагают тебе приехать к ним в гости на виноградный сезон, в августе. Еще раз кланяются.

Пиши, пожалуйста. Мама пусть хоть обо мне не волнуется — все будет ладно. Я сейчас в самых лучших условиях.

Лида

Пиши.
26/IV. 31
Ганджа = (Город Душечка)
«Хачу быть дерзким»[1].

[1]Пародируется начало стихотворения Константина Бальмонта «Хочу» («Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...»).

79. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

30 апреля 1931. Ганджа[1]

Милые мои родители. Получила открытку сегодня о винограде и телеграмму об апельсинах и яблоках. Дорогие! Тут нет ни того, ни другого, ни третьего. Есть редиска. Но: 1 мая я с Цеза-

ревым дядей еду в немецкую колонию, и там, м<ожет> б<ыть>, мы достанем виноград. А завтра — ура! ура! — наконец-то мы отправляем виноградный сок и каштаны. Задержка была потому, что здесь нельзя было достать *ящиков и гвоздей.* Самуил Цезаревич[2] 3 дня сплошь ходил по городу на своих инвалидных ногах, ко всем своим бывшим пациентам, и искал эти предметы. Теперь уже все готово, завтра утром волочим на почту. Повторяю: виноградный сок не имеет алкоголя и не пастеризован и не стерилизован — т.е. сохраняет максимум витаминов. Пусть [продолжение на второй открытке] Мура его пьет. Посылаем меньше, чем думали, п<отому> ч<то> почта не принимает больше 5 кг в один адрес от частного лица. Не можете ли вы телеграфировать, когда придет посылка, чтобы я не беспокоилась?

Неужели Муре и в самом деле лучше, или это вы меня утешаете?

Я сама готова превратиться в апельсин, но, к сожалению, не в силах.

Здесь было землетрясение. Прочтете в газетах — не волнуйтесь, п<отому> ч<то> оно было маленькое и никто в городе не пострадал. Я сидела одна в комнате на II эт<аже> и видела, как ласково наклонились надо мною стены. Но я почему-то не испугалась. Очень быстро кончилось. Пишите.

Лида

Адрес на открытке: Крым. Алупка, ул. 3 Интернационала 4, д. Овсяниковой

[1]Почтовые штемпели: Ганджа. 30.4.31; Алупка. Крым. 5.5.31.
[2]*Самуил Цезаревич* — отец мужа Л. К., Цезаря Вольпе.

80. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12 мая 1931. Ганджа[1]

Милый пип. Как давно от тебя нет писем — верно, ты пишешь уже в Ленинград, а мы здесь. Наши вещи уже уложены, и в 3 ч. сегодня мы отправляемся на вокзал, — но билетов у нас еще нет, с мягкими билетами отсюда ужасно трудно. Вещи здесь сильно распухли. Уезжать уже пора, — 3 дня стоит жара неистовая. Денег от тебя я не получила, — объясняю телеграфным расстрой-

ством, — но это не беда. Я просто хотела кое-что взять с собой. Третьего дня у меня вдруг повысилась темп<ература> до 38, но сейчас опять нормальная. Итак, посланы вам 3 посылки: 2 из Ганджи (30/IV и 3/V) и 1 из Тифлиса (6/V) + Хаггард[2]. О Муре опять очень долго ничего не знаю. Бедная Таточка! У нее коклюш. Я получила очень грустную открытку от Коли. А от Туси и пр. — ни звука, очень тревожусь, мало ли что. Надеюсь застать в Ленин<граде> письма.

Лида.

[Приписка на обороте открытки:] Удается ли тебе хоть немного заниматься?

Житков мне пишет, что ты пишешь, что Муре лучше. М<ожет> б<ыть>, и вправду от солнца лучше.

12/V 31

Адрес на открытке: Крым. Алупка, ул. 3 Интернационала 4, д. Овсяниковой

[1]Почтовые штемпели: Тифлис [нрзб] 12.5.31; Алупка. Крым. 15.5.31.

[2]Генри Райдер *Хаггард* (1856—1925), английский писатель, автор приключенческих романов. Наиболее известен в России его роман «Копи царя Соломона».

81. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

22 мая 1931. Ленинград

Милый пип. 90 р. получены в Гандже; я написала Ф<лоре> Я<ковлевне>, чтобы она переслала их обратно Вам, п<отому> ч<то> *сейчас* они мне не очень нужны. А ты лучше пошли их бабушке: напрасно ты воображаешь, что можно послать бабушке деньги *отсюда*. Коля тщетно пытается разрешить проблему Гиз — Сберкасса. Гиз не переводит в Сберкассу таких больших сумм, а прежние твои деньги в Сберкассе ухлопаны жироприказами — одним словом, денег у Коли на руках никаких нет.

Мы живем сносно. Пока деньги есть, хотя это случайность. В квартире очень чисто, тенисто, отдохновенно. Я уже нашла себе домработницу, она явится 1 июня, а пока нас обслуживает Н<адежда> Г<еоргиевна> [продолжение на второй открытке], которая ведет себя прилично. Я работаю, но работы летом в Гизе мало. Шевченку ковыряю. (Сейчас вышло 2 романа о Шевч<енко>, кот<орые>

стоят у меня на полке, но я их не читаю.) Чувствую себя гораздо лучше, чем последние полгода. Лучше сплю, сердце почти исправно. Болит нога — но это не страшно, это просто сильное расширение вен. Пугает меня одно: мне велено принимать ванны, а дров нет и купить нельзя, нету на рынке.

Марина и Татка едут в Детское. Коля собирается к вам, но не прямо.

О Мурочке я даже не спрашиваю. Спасибо, что пишешь и пишешь всё. Пиши.

Получили ли вы яблоки из Тифлиса? И Хаггарда? (Которого Цезарь украл в библиотеке.) Когда ты долго не пишешь, я думаю, что ужасно плохо.

Лида

22/V

Адрес на открытке: Крым. Алупка, ул. 3 Интернационала 4, д. Овсяниковой

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 23.5.31; Алупка. Крым. 26.5.31.

82. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Вторая половина мая 1931. Ленинград[1]

Милый пип. Ты меня так обрадовал своей открыткой. Но неужели, неужели все дело было в плохой еде, или даже половина дела? А Вам удается доставать все, что нужно? Если Мура прибавляет в весе, то ведь это замечательно.

Извести меня, пожалуйста:

1) получили ли вы яблоки из Тифлиса?

2) получили ли Хаггарда?

3) получает ли Мура посылаемые мною открытки и доставляют ли они ей какое-нибудь удовольствие?

За платье и за чувяки буду очень благодарна. Только пусть платье не будет приспособлено к моему положению, ибо этого не требуется. Я все еще могу носить платья в талию безо всякого стеснения. В Гизе мне предложили стать разъездным корреспондентом — «поедете, встряхнетесь немного»? — и я никак не могла объяснить, почему мне не хочется встряхиваться.

Чувствую себя очень хорошо и работоспособно. Очень жалею, что работы почти никакой нет. Летнее затишье... Донимает меня только нога, которая совсем не дает ходить. Но я 2 дня вылежала, задрав ноги кверху, и теперь опять хожу, не хромая, и нога не имеет такого лилово-опухшего вида. Хожу очень мало.

Последние дни мы с Ц<езарем> занимались довольно скучной, но выгодной работой: правили рецензии присяжных рецензентов Биографич<еского> Центра. Нужно прочесть книгу и проправить или написать заново рецензию. Ц<езарь> делает эту работу легко и быстро, а я мучаюсь, п<отому> ч<то> при соприкосновении с официальным рецензентским языком я сразу сама делаюсь неграмотной и начинаю путаться во всяких «задачах», «проблемах» и пр. Вообще скучная, мертвая работа, совсем не похожая на... [нет конца]

[1]Датируется по содержанию.

83. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 мая 1931. Ленинград

Милый папа. Посылаю тебе письмо Бонч-Бруевича[1]. Оно пришло вчера, а третьего дня ко мне заявился племянник Татариновой[2] и попросил вернуть ее «Записки». Я сказала, что напишу тебе и что я не знаю, где записки лежат, но в эту минуту он заметил надпись на ящике твоей штуковины «Татаринова». Тогда я записки ему отдала, и он поклялся предоставить их в твое распоряжение по первому требованию. Я записала его адрес и телефон.

У нас радость: Цезарь поехал куда-то на Васильевский и привез немного дров. Теперь можно принимать ванны.

С моей ногой все выяснилось. Не железы, не кость, а просто — вены. Мне велено лежать, задрав ногу кверху, поменьше ходить, на ночь делать компрессы, а днем — туго бинтовать всю ногу или носить резиновый чулок. Последнее условие — самое главное, но самое трудно исполнимое. Резиновый чулок в СССР купить невозможно, а бинтовать — нужно уметь. И, кроме того,

летом так жарко ходить в бинте. Пока что пытаюсь достать резиновый чулок у знакомых. Лежу много.

Цезарю предлагают служить в Архиве Пушкинского Дома. Я не знаю, хорошо это или плохо. Денег мало — 150 р., но зато деньги регулярные и без Сберкассы. Работа интересная, но... 6 ч. в день. Не знаю. Мне очень хочется, чтобы он ушел из «Звезды». Но в Пушк<инском> Доме, говорят, тоже ужасно склочная атмосфера.

Приехал Ю<рий> Н<иколаевич>, рассказывал о своем разговоре с Горьким. Я ничего не знала об этих твоих намерениях[3]. Решились ли вы уже, или это только на всякий случай?

Очень редко получаем от тебя письма.

Лида

25/V 31

Кате удалось устроиться в Сочи, в Дом Отдыха. Едет 1/VI.

[1]Владимир Дмитриевич *Бонч-Бруевич* (1873—1955), общественный деятель, историк литературы.

[2]Речь идет о мемуаристке Наталье Александровне *Татариновой-Островской* (1845—1900). В январе 1928 года К. Чуковский пишет: «... меня интересует дневник Татариновой — о Добролюбове, Тургеневе и цензоре Бекетове» (Дн.-1, с. 434). Отрывки из дневника Татариновой были опубликованы в журнале «Литература и марксизм» (1931. Кн. 2, с. 105—111) со вступительной статьей Чуковского «Н. Татаринова о Добролюбове».

[3]*Юрий Николаевич* — Тынянов. Зная о тяжелой болезни младшей дочери К. И. — Муры, Тынянов просил Горького помочь увезти ее за границу. Отзвуки этих хлопот находим в письме Чуковского Горькому, написанном 24 мая 1931 года: «Мои товарищи, Ольга Дм. Форш и Тынянов, сообщили мне, что Вы приняли в Муре участие (М. Горький. Переписка с К. И. Чуковским //М. Горький и его эпоха: материалы и исследования. М.: Наследие, 1995, с. 245).

84. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

1 июня 1931. Ленинград

Милый пип. От тебя опять долго нет писем — значит, Муре снова хуже. Писал бы открытки хоть через день!

К сожалению, о своей жизни сейчас ничего хорошего сообщить не могу. Неприятности начались с того, что у нас выключили телефон — сберкасса не платила, т.к. ты написал заявление не на бланке жироприказа. Без телефона я не могу — у меня сей-

час опять дела с Гизом, а ходить мне трудно. Теперь сберкасса выслала деньги, но телефон до сих пор не включен, и это настоящее горе.

Второе горе: домработница, которую мне нашли во время моего отсутствия, очень славная, с которой я вполне договорилась, должна была явиться 29/V вечером работать. 29-го утром ушла Н. Г., а 29-го вечером пришла новая и сообщила, что она решила остаться у прежних господ.

Итак — мы одни. В Ленкублит я ходить не могу, п<отому> ч<то> болит нога и п<отому> ч<то> там душно, и я не могу есть. Так что питаемся мы тем, что осталось дома: яйцами, маслом, хлебом, молоком. Цезарь делает яичницу и героически моет посуду. А я лежу, задрав ногу на 3 подушки.

Третье горе — вот уже 5 дней мы совершенно без денег. Сразу по приезде я должна была получить 100 р. за «На Волге», но Манцева потеряла соответствующую бумажку и потому деньги еще *идут*. А Цезарь получит свою стипендию только в конце месяца... Пока что мы бешено зарабатываем — я — Гизовской редактурой, Цезарь — правкой рецензий Библиогр<афического> Центра. За 12 дней мы заработали, сидя дома, 210 р., но получим их в конце июня. Уже опять влезли в долги и влезем еще, да квартирный долг у нас большой.

В результате всех этих горь мы оба замотались и, главное, я снова не пишу Шевч<енко>, а Цезарь снова бросил начатых символистов.

По вечерам Ц<езарь> ходит по городу в поисках домработницы — адреса скапливаются за день. (Звоню от Врасских по телефону всем знакомым.)

Ты не очень огорчайся, п<отому> ч<то> я надеюсь, что ко времени получения тобой этого письма прорыв уже будет ликвидирован.

Очень жалею, что Коля не зашел к нам перед отъездом. Я купила для мамы два куска туалетного мыла; кроме того, тут хранится ее сахар. Коля бывал у нас каждый день, а когда нужно — не зашел. <...>

Привет маме и Муре и Коле. Пиши чаще.

Лида

1/VI 31

85. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

10 июня 1931. Ленинград

10/VI 31

Милый папа. Как давно не было от тебя писем. Больше недели. Последние известия о Муре получили мы из Колиного письма Марине. Но очень жду от тебя писем. Что же в конце концов с почками? Да или нет?

Спасибо тебе за деньги. Я не совсем понимаю, почему ты с таким упорством преследуешь меня этими 90 рублями — но, во всяком случае, они пришли ужасно кстати. Кроме того, что деньги твои принесли нам масло и яйца и еще всякие блага — они принесли нам счастье, т.к. сразу мы стали получать деньги из разных мест. Теперь можем надеяться, что к 1/VII как-нибудь расплатимся с долгами без большого ущерба для желудков.

Быт наш уже сделался человеческим. Во-первых — телефон включили; во-вторых, вот уже пять дней к нам приходит удивительно славная и старательная женщина, которая нас обслуживает. Разумеется, я ищу постоянную, живущую с нами (эта не может переехать, у нее семья), но пока что мы устроены не катастрофически.

Сегодня нас навестила Над. Георг. В роли гостьи она очень мила. Она прошлась по вашим комнатам, убедилась, что все на месте, и осталась довольна.

Мы оба по-прежнему очень много работаем. Я рада. Когда выдаются свободные дни — занимаюсь больницами. Через неделю уже начну писать — наконец-то! Чувствую я себя очень хорошо, гораздо лучше, чем в Гандже и до Ганджи. Гораздо лучше сплю, реже «шалит» сердце, аппетит — как после тифа. Нога не очень болит, п<отому> ч<то> мне теперь не так много приходится бегать, и я все время держу ее *вверх*.

Тревожит меня полное отсутствие пеленок у будущего младенца. Кровать — достала, распашонки — достала, матрас — достала, конверты — достала, чашку — достала, ванночку — обещают, а вот самого главного: клеенки, пеленок и одеяла нету.

С Катаняном[1] мне было много возни. Дело вот в чем: он привез замечательные снимки рисунков Маяковского из Чукоккалы. Все снимки удались, кроме моего портрета. Что-то случилось с

пластинкой. Катанян приехал за моим портретом и за теми рисунками — не чукоккальскими, — которые были воспроизведены в «Стройке». Сначала я встретила его очень неприветливо, п<отому> ч<то> не знала, кто он и что он и как быть без тебя, но потом, когда он показал мне готовые снимки и письмо к тебе от Лили Брик, — сердце мое оттаяло. Я поняла, что ты возражать не станешь, раз ты уже дал часть рисунков для фотографирования. Тогда я взяла Чукоккалу и другие рисунки, и мы вместе с Катаняном отправились в Фотокабинет при Публ<ичной> Библ<иотеке>. Там охали и ахали над московскими снимками и честно сказали, что так хорошо они снять не могут. Но делать нечего — Чукоккалы в Москву я не дам, рисунков тоже (я воспитана в том сознании, что Чукоккала неотторжима) — надо снимать здесь. Я отказалась отпустить Чукоккалу в фотокабинет без себя, — а туда вход запрещен. Нечего делать, дали пропуск и мне. Я сама была после не рада, ибо кабинет — на V этаже и там жара — 25^0 (почему-то). Но зато душенька моя спокойна, с Ч<укоккалой> я не расставалась ни на минуту. При мне сняли мой портрет и другие — не ч<укоккаль>ские — рисунки. Снимки будут готовы на днях. Ты, разумеется, получишь экземпляры.

Между прочим, заведующий фотокабинетом мне рассказывал странную вещь: будто бы снимок с рисунка «Репин и Чуковский» имеется в Пушк<инском> Доме; ну, это, м<ожет> б<ыть>, ты дал, но слушай дальше: в кабинет приходил Илюшка Зильберштейн[2] и просил, чтобы для него воспроизвели по негативу снимок с рис<унка> «Репин и Чуковский», причем уверял, что оригинал принадлежит Пушк<инскому> Дому. В чем тут дело? Это было уже несколько месяцев тому назад.

У нас — чудо природы. 2 июня утром выпал *снег*; вот уже 5 дней, как стоит холоднющая погода, снег, правда, стаял, но ветер, холод! Люди ходят в зимнем! Это после той жары, которая была! А ладожский лед прошел уже очень давно.

Посылаю вторичное извещение о 63 рублях, какую-то непонятную бумажку и 2 открытки для Муры. Привет Коле и маме. Пиши.

Лида

[1]Василий Абгарович *Катанян* (1902—1980), исследователь творчества В. Маяковского.

[2]Илья Самойлович *Зильберштейн* (1905—1988), один из основателей «Литературного наследства», литературовед, коллекционер.

86. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

16 июня 1931. Ленинград

16/VI 31

Милый папа. Сегодня весь день льет дождь, и потому я не могу отправиться в Библиотеку. И рукописей сегодня нет, и делать решительно нечего... Кстати, о погоде. Уже 2 недели, как у нас стоят холода. Я довольна, но даже мне надоело.

Ты получил письмо следующего содержания:

“Dear Mr. Chukovsky: there was mailed to you sometime ago a contract for the English rightes on your book Crocodile translated by Babette Deutsch. We are afraid that this contract may have been lost in the mail in which case it never would have reached you. If this be so could you write us so that another contract may be forwarded to you.

Yours sincerly

J. B. Lippincott company

подпись *Walter Z. Godwin.* Associate Editor

May 25 th 1931».

Ихний адрес (на конверте): J. B. Lippincott Company 227—229—231 South Sixth Street Philadelphia Penna (?)[1]

Марки с этого письма прилагаю тут же для Муры.

Готовлю Вам посылку, которая будет состоять из: 1) сладких подарков Доры Давыдовны[2] для Муры, 2) мыла, 3) хлеба, 4) сахара. Думаю, что дня через 2 смогу выслать. Теперь, когда есть у меня домработница с экзотическим именем Нюша, это нетрудно.

Разрешите задать вам нескромный вопрос: послали ли Вы обратно в Ганджу пустые ящики?

Теперь вот что. Еще один эгоистический вопрос. Ты когда-то писал мне, что мама в июле собирается выехать мне на помощь. Я очень хорошо понимаю, что это предприятие чрезвычайно сложное и что ничего определенного мама сейчас сказать не может, но все-таки напиши мне что-нибудь на эту тему, п<отому> ч<то> мне ведь нужно знать, на что я могу рассчитывать, придется ли нанимать родственницу со стороны и т.д. События ожидаются в конце июля — в начале августа. А сейчас у нас середина июня. Мне говорила в Гандже Флора Яковлевна[3], что если моя мама никак не сможет приехать, то она закроет кабинет и приедет. Для нее это тоже чрезвычайно сложно, да и я лучше хотела бы, чтобы приехала мама. Одним словом, ситуацию необходимо хоть приблизительно выяснить.

Ты стал писать возмутительно редко. Объясняю это разлагающим влиянием Коли! Купи себе сразу пачку открыток и пиши через день Мурин бюллетень. Неужели до этого нельзя додуматься? <...>

Лида

[1]«Дорогой мистер Чуковский. Некоторое время назад Вам был отправлен по почте контракт об английских правах на Вашу книгу «Крокодил», переведенную Бабеттой Дейч. Мы опасаемся, что этот контракт затерялся на почте. В этом случае он до вас никогда не дойдет. Если это так, не будете ли Вы добры написать нам, и мы вышлем другой. Искренне Ваш Уолтер Д. Гудвин. Компания Дж. Б. Липпенкот. 25 мая 1931».

[2]*Дора Давыдовна* — Кац, приятельница Чуковских еще с одесских времен.

[3]*Флора Яковлевна* — Вольпе, свекровь Л. Чуковской.

87. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Июнь 1931. Ленинград

7 ч. вечера

Только что вернулась от Антошиной (врач). <...>

Сегодня у нас радость — Цез<арь> наконец подписал договор на книгу о символистах. Деньги начнут платить только в ноябре, но тут не в деньгах дело. Да и в ноябре деньги пригодятся.

Было бы очень хорошо, если бы ты написал Це<зарю> — у кого имеются материалы, письма? Ведь не всё еще — 1/10 какая-нибудь! — находится в Пушкинском Доме.

Я контрабандой, потихоньку, пишу Шевч<енко>. Когда еще у меня будет столько свободного времени, сколько теперь? Но, по правде сказать, голова моя не особенно вдохновенна.

В городе никаких слухов, никаких сплетен — как-то удивительно тихо и мирно. Даже не только мирно, а затхло. Госиздат с удивительной последовательностью и безмятежностью теряет счета, начисления, договоры. Но даже по этому поводу разговоры не отличаются бурностью. Я регулярно устраиваю скандалы, но только по телефону.

Последнее время я занималась странными делами, по-моему называемыми халтурой. (Судя по высокой оплате, это действительно так.) Редактировала Лебеденку. Написала массовую игру для октябрят (?). Написала монолог для звукового кино (!!!?). Очерк

о рационализации. Утешаюсь только тем, что нужно уметь быть прислугой за всё...

О Муре мне *ничего* не известно.

Лида

88. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Июнь 1931. Ленинград

Дорогие родители! Посылаю вам все, что у меня для вас накоплено, — или, точнее, все, что эта иродица, ваша невестка, согласилась взять[1]. Мыло, сахар, крупа манная, мука, конфеты. Напишите толком, что вам нужно, и я пришлю по почте или с оказией. За пеленки огромное спасибо, можете прислать их с Колей — если Коля приедет до конца июля, но напишите, пожалуйста, скорее, СКОЛЬКО их, — мне это необходимо для ориентировки.

Посылаю папе несколько приятных документов — о том, что 750 р. переведены в Сберкассу, и о том, что налог и за кварт<иру> уплачено.

Я живу чудесно, благодаря милой Нюше. Я чувствую себя гораздо лучше. Марина расскажет.

Лида

[1]...***ваша невестка*** — т.е. Марина Николаевна Чуковская.

89. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец июня 1931. Ленинград

Милый папа. Наконец-то получила от тебя письмо. Судя по всему, ты очень долго носил его в кармане. Оно написано еще до приезда Марины к вам, а я уже дней 5 назад получила письмо от Марины из Алупки.

С твоим налогом сделаю все, что нужно. Ключ у М<арии> Н<иколаевны>[1], — я лежу у тебя на диване и звоню ей, но ее нет дома. Дозвонюсь, достану, сделаю.

М<ария>Н<иколаевна> мне вчера говорила, что она от Марины получила письмо с такими — приблизительно — словами относительно Медовикова[2]: «Медовиков нашел Муру такой же, как

в прошлом году, — кроме почек». Хорошенькое кроме! Значит, он подтвердил мрачные предположения относительно почек?

Почему он советует взять Муру домой? Я не совсем понимаю. Ведь кормите вы ее и так сейчас сами, а сможете ли вы дома исполнять все процедуры?

Напиши ты обо всем, ради Бога, толком. А то я питаюсь слухами.

Я уже написала третьего дня маме, чтобы она обо мне не беспокоилась, что Ф<лора> Я<ковлевна> приедет. Я очень рада, что ты, наконец, собрался мне написать о мамином неприезде (констатирую: получила это письмо только сию минуту). Грустно, что мама не приедет. Но, разумеется, раз необходимости нет, а Муре она необходима...

Теперь относительно дачи. Никуда я не поеду — до родов, во всяком случае. Воздух действительно вещь хорошая, но кроме воздуха мне еще необходимо питание и, главное, покой. Сейчас, благодаря деньгам, домработнице и пустой квартире, — я живу как в санатории. Ем и сплю вовремя, много лежу, никто меня не дергает, и я похожа на человека. Ехать на дачу! А кто мне ее найдет? А кто меня будет кормить на этой самой даче? Кто будет ходить на рынок? Кроме того — здесь я понемногу работаю — пишу Шевч<енко>, редактирую — это очень хорошо, п<отому> ч<то> я не утомляюсь и в то же время *занята* — а на даче что я буду делать? Заниматься *ожиданием*? Не так уж это весело.

Я только что наладила себе нормальную жизнь и совершенно не желаю снова подвергать ее случайностям, ставить ее в зависимость от какой-нибудь новой Над. Георг. или нового Бобы, которые мне могут быть посланы судьбой в Сестрорецке.

Сейчас для меня важен не воздух, а важно, чтобы обо мне кто-нибудь заботился. Я завишу от температуры воздуха, от тишины, от того, сколько я спала и сколько времени держала ногу вверх, — но больше всего я завишу от окружающих и потому совершенно не намерена делать сейчас скачок в неизвестное.

А деньги у нас пока есть.

Между прочим, на сколько времени уехал Боба? Когда он вернется? Я чрезвычайно заинтересована в том, чтобы это было не очень скоро. А Бобочка устроит мне тот самый воздух, который вызывает у меня сердечные припадки не раз в месяц, а раз *в три дня*.

«На Волге»[3] подписано к печати. Следовательно, выйдет не позже чем через месяц.

Шевч<енко> пишу. С непривычки это очень странно. Хотела бы за этот месяц кончить главу о больнице. Но вряд ли это удастся.

Маршак зовет меня работать в редакцию издаваемого им — Гизом — нового взрослого журнала. Не знаю, конечно, как обернется все, хотелось бы очень там работать. <...>

[1]*Мария Николаевна* — Рейнке (1880—1959), мать М. Н. Чуковской.

[2]*Медовиков* — врач в санатории, где лечилась Мура.

[3]*«На Волге»* — рассказ Лидии Чуковской, опубликованный под псевдонимом Алексей Углов в 1931 году.

90. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

21 июля 1931. Ленинград

21/VII

Вот уже давно я ничего не знаю о Муре. Последнее известие — твоя открытка о том, что у нее 39.5. После этого сообщения ты счел уместным замолкнуть. Между тем следовало поступить совсем наоборот — что бы то ни было.

Ты боишься меня волновать, а молчанием волнуешь гораздо хуже, чем самыми худыми сообщениями.

Пожалуйста, прими эти строки не только к сведению, но и к руководству.

Посылаю тебе письмо из ГИХЛа.

Жили мы до сих пор очень хорошо во всех отношениях. Деньги есть. Меня пугает то, что у нас ничего не отложено, но пока что — деньги есть. Я чувствую себя сносно. Ничего не делаю. Ем, что полагается... Но сегодня неприятность: у Цезаря озноб, жар. Завтра утром как раз приезжает его мама, надо ее встретить на вокзале. Я не соображаю, что это с ним творится. На улице жара, духота, а он лежит под теплым одеялом и дрожит. М<ожет> б<ыть>, он привез из Ганджи малярию?

Ну, я надеюсь, что все это окажется пустяком.

Не мучай меня, напиши скорее о Муре и пиши регулярно — по крайней мере, раз в три дня.

Лида

91. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

24 июля 1931. Ленинград

Милый пип. Наконец-то от тебя письмо. Все очень грустно. И еще одна грустная новость: у тебя нет денег! Этого я не ожидала, хотя, собственно, следовало бы ожидать. Что же ты думаешь предпринять? Ведь раз вы Мурочку взяли к себе домой — вам нужны огромные деньги. А сколько у тебя в кассе?

Над чем ты думаешь работать после Слепцова?[1]

Напиши подробно, как Мурочка чувствует себя опять *дома*. И как вы наладили ее быт. В чем разница между санаторным бытом?

Ты напрасно представляешь себе меня или грустной, или злой. Я теперь часто бываю и доброй, и веселой. Ведь я — блестящий пример того, что дух зависит от материи. Если у меня не болит сердце, или голова, или нога, если я выспалась — то я добра, как ангел. А теперь я гораздо здоровее, чем была до твоего отъезда. Из трех дней два я чувствую себя сносно.

Мы с Цезарем сейчас очень спелись в работе. Вместе правим и пишем рецензии для Библиогр<афического> Центра. Последние 2 дня ухлопали в то, чтобы уничтожить Гроссмана[2] «Записки д'Аршиака». Уничтожили.

По утрам пишу Шевченку. Материал по больницам у меня прекрасный, и я права была — без материала, настоящего, большого, ничего бы не вышло. Ведь я выдумывать, писать не умею, я умею только списывать. А теперь списывать есть с чего.

Пожалуйста, не думай обо мне, Бобе и Цезаре. Тоже проблема! Если Боба приедет, когда я буду уже приблизительно здорова, — разумеется, отношения будут вполне корректными. Ведь с Рассохиным у меня всегда были корректные отношения. Что касается Бобиных вопросов обо мне — как ты сообщаешь, нежных, —

то Боба свою нежность очень отчетливо проявил, когда я была больна и не вставала с постели, и потому его письменная нежность для меня не дорого стоит... Корректность же, разумеется, обязательна.

Приехала Флора Яковлевна. Добра и расточительна, как всегда. Шьет пеленки, читает зараз по 4 книги и спит, по привычке, как между двумя пациентами, — через каждые 15 м. по 5 м. Я смотрю на это как на цирковой фокус.

Лида

24/VII 31

Пожалуйста, обо мне не беспокойся. Я с каждым днем все более не сомневаюсь в самом благополучном будущем (фраза!). А девчонки не хочу. Девчонкам еще рано родиться. Пусть родятся при социализме.

[1]В это время К. Чуковский готовил к изданию двухтомник сочинений Василия Слепцова. В 1932—33 годах в издательстве «Academia» оба тома вышли с вступительной статьей и комментариями Чуковского.

[2]Речь идет о Леониде Петровиче *Гроссмане* (1888—1965).

92. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

1 августа 1931. Ленинград

Милый папа. Ну вот, уже I/VIII, моя больница открылась, и все в порядке.

Я чувствую себя очень плохо, п<отому> ч<то> жара. Живу у тебя в комнате, живу со спущенными шторами, балкон открыт круглые сутки, но мне кажется, что от каждой фотографии и книги идет жар. Я целый день вся мокрая. Делать не могу ничего. Выйти на улицу — и подумать страшно. Небо безнадежно голубое, улицы залиты солнцем. Оживаю часов в 7—8 вечера, но ведь день тоже нужно как-нибудь прожить.

И сплю плохо. Я совершенно повторяю тебя. Если я устала от чего-нибудь — от разговоров, или от чтения, или от ходьбы — если я легла позже 12-ти — то я засыпаю, сплю 2 часа и просыпаюсь. Проснусь в 2 — в 3 часа и хожу по квартире, смотрю, как все спят, ем от нечего делать и думаю о том, что мой дорогой родитель наделил меня хорошей болезнью.

Был у нас недавно Житков. Мы его приветствовали бутылкой вина. Он выпил целую бутылку один и попросил послать за другой. Выпил половину другой — и хоть бы хны. Разговаривал много, но разговаривает он много и трезвый.

Посетил нас однажды Лившиц[1], преподнес нам свои книжки с надписями, порадовал Цезаря похвальными отзывами о библиотеке, а Ф<лоре> Я<ковлевне> любезно сообщил, что Тифлис — его любимый город.

Часто приходит Рахтанов[2]. Он месяц жил в Москве, п<отому> ч<то> его книгу переделывают в звуковое кино. Книга его вообще была принята очень хорошо, имела много рецензий. Он счастлив, совершенно ничего не делает, благодушен и всех любит. Я веду с ним длительную и упорную борьбу за то, чтобы он приходил к нам вечером, а не утром. Борьба тщетная. Он встает утром и идет в гости. Так как мы живем от него ближе всех, то он начинает с нас.

В один прекрасный день вдруг объявилась Агата[3]. Она приехала взять слово с Цезаря, что чуть он меня отправит в больницу — он телеграфирует ей в Детское, и она приедет. Для чего — неизвестно. — Ведь я буду в больнице, и Вас ко мне не пустят! — Все равно. Я буду сидеть около больницы и ждать. Мало ли что. — Но если со мной будет что-нибудь неблагополучно, то Вы-то что сделаете? — Я буду возле... — Но ведь Вас не пустят! — Все равно, я буду около больницы, мало ли что бывает...

Она записала свой адрес на самом видном месте, в столовой, на обороте картины, и, бывая в городе, звонит Цезарю, заставляя его повторять обещание. Она загорела, белозуба, весела, смешлива. Разыскала мне Таткину кровать, когда-то пожертвованную ее детям. Кровать слегка поломана, но я довольна.

На днях я была в Эрмитаже. Физически это очень дорого стоило мне, но я радовалась, что ушла из дому на несколько часов. Дома человек явно глупеет. Я больше, чем когда-нибудь, убеждена, что человек должен жить один — это раз, и не должен иметь дома — это два. Уверена я, что в будущем счастливом обществе так и образуется. И сейчас бы образовалось, да денег на это счастье не хватает... Ну так вот, в Эрмитаже было хорошо. Я побывала у фламандцев, у итальянцев, у испанцев и к этому своему обычному маршруту прибавила французов. Как-то в этот раз они мне очень понравились, кажется впервые. «Новые» — Сезанн, Пи-

кассо, Матисс. Потом я посмотрела «Восковую персону» старого Растрелли. Она не восковая, а бронзовая. Ее я тоже как-то раньше не видала.

Читать очень нечего. Я осматриваю вялым взглядом твои 3 тысячи и Цезареву тысячу — и ничего мне на зубок не попадается вкусненького...

Да! Пусть Марина мне привезет сахар. И себе купите. Здесь он вдруг исчез.

Лида

[1]Бенедикт Константинович *Лившиц* (1886—1938), поэт, переводчик.

[2]Исай Аркадьевич *Рахтанов* (1907—1979), писатель, соученик Л. К. по Институту истории искусств.

[3]*Агата* Андреевна — *Охотина*, друг семьи Чуковских.

93. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

16 августа 1931. Ленинград

16/VIII

Милый папа.

Итак, ты пишешь раз в месяц. И то хлеб. Я о вас ничего не знаю, п<отому> ч<то> Марину я еще *не видала*. Не стану скрывать, что с ней случилось несчастье: из-за укуса москита у нее сделалось воспаление коленной чашки, боятся даже гноя в колене. Сейчас она в больнице. Когда я вернулась из больницы домой, Марина лежала в пустой квартире с т<емпературой> 39.5 под опекой Стенича (Коля в Москве, адрес его неизвестен). Я страшно испугалась, но ходить я еще не могла, а послать некого, п<отому> ч<то> все пляшут вокруг девочки. Я следила по телефону. Вызвали Бока, и он настоял на том, чтобы Марину отправили в больницу. Стенич отвез ее на автомобиле в Мечниковскую.

В конце письма напишу сегодняшний бюллетень.

Мария Ник<олаевна> с Ириной на даче, и Татка там же.

Агата приезжает из Детского и ездит в больницу, а потом звонит мне.

Вообще Агата... Если бы не она, я бы пропала. Выяснилось, что Ф<лора> Я<ковлевна> имеет гораздо меньшее представление об уходе за детьми, чем я или Мурка.

Открытка моя к Коле, помеченная 5-м, — недоразумение. 4/VIII вечером я уже была в больнице. (Днем в Гизе.) Роды длились 28 часов. Разрывов никаких, п<отому> ч<то> самые роды тянулись 4 ч. — очень медленно. (Сердце переставало работать, и у меня наступали обмороки как раз тогда, когда нужно было проявить силу.) Все благополучно. Меня выписали из больницы на 8-й день. Теперь топчусь беспрерывно. Дело в том, что в больнице девочку заразили какой-то накожной дрянью, и теперь надо это спешно ликвидировать. У меня был врач (друг Агаты). Он сказал, что девочка очень здорова, хороший вес, хорошее сердце, хорошие легкие. Болезнь же нужно лечить аптекарской чистотой. Он дал ряд указаний, очень строгих и сложных, — стерилизация ваты, и марли, и пеленок, непрерывная дезинфекция и т.д. Я взялась сама, исполняю очень педантично. Купать приезжает ежедневно Агата (!) и поддерживает меня в моем педантизме. Результаты уже налицо.

Девочка удивительная — никогда не орет! Ночью только просыпается не через 6 часов, а через 5, и орет, а днем — тиха, как ангел. Я ее выношу на балкон (на улицу очень тяжело, потом налажу).

Молоко есть. Кормлю точно, как машина, — 6 ч. утра, 9, 12, 3, 6, 9, 12, 6 утра.

Ф<лора> Я<ковлевна> уезжает 20/VIII, и я остаюсь совсем одна. В смысле ухода она мне не помогала, но сколько она сшила необходимых вещей! (Мы вместе выгребли все тряпки из маминого шкапа.) И вообще она милый человек, я к ней привыкла, мне жаль, что она уезжает.

Буду ли брать няню — еще не знаю. С деньгами как-то смутно.

Наша домработница вполне на высоте — целый день стирает и кипятит пеленки. Больше мне от нее ничего не надо.

Я сплю мало и привередливо. Пока еще очень худа. Только волосы и нос.

Девочку назовем Еленой.

В больнице я лежала очень удачно: она только что открылась после ремонта, было пусто. (Но девочку заразили, негодяи!) Акушерка была очень умная. Я ей все время говорила гадости, все 28 часов, потом — стыдно. Во время родов я бредила какими-то серыми кошками, просила их выгнать. Кроме того — очень страшно, временами я переставала видеть, хотя и была в полном сознании.

За мной в больницу приехали Цезарь и Агата. Очень смешно, они забыли привезти мне туфли, так что в больнице мне дали на время больничные, ночные.

Бедная Маринка!

За всеми она ухаживала, а когда нужно за ней поухаживать, то все родные заняты. Но Стенич! Он меня умиляет, я не знаю, как благодарить его.

Ф<лора> Я<ковлевна> сделала нашей дочке роскошный подарок: купила 7 м дров. Да + наши 4 — теперь можно не бояться зимы.

Сегодня я первый раз попыталась выйти. (Доктор велел.) Но было мне очень трудно, так что я еще подожду.

Ты спрашиваешь об одобрении друзей. Все ведут себя очень трогательно. И в больнице, и дома у меня целая цветочная лавка. (Цезарь огорчается, почему не торты, а цветы.) Одна корзина есть почти в человеческий рост.

Меня навещает Маршак, Тусенька, Зоя. Скоро приедут со своей Петерб<ургской> стороны Шура и Катя.

<...> Итак, можно сказать, что Мурочке лучше? Все-таки твое письмо глубоко неудовлетворительно. Ты разучился и разлюбил писать письма. Целую вас троих.

Лида

Думает ли папа хоть на минуточку приехать в Ленинград? Как у вас с деньгами?

94. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Около 20 августа 1931. Ленинград

Милый пип. Пересылаю тебе две очередные неприятности, с которыми не знаю, что делать. Быть может, в кассе у тебя уже нет денег, что они не платят за тебя налог? Мы этого не можем узнать, п<отому> ч<то> нам касса не скажет («тайна вклада»). И телефон у нас не работает — не потому ли?

Ликвидатору я послала открытку, что тебя нет.

Девочка моя поправляется. В весе прибавляет нормально. <...>

Ф<лора> Я<ковлевна> еще не уехала, уезжает 25/VIII. Тогда у меня начнется новый быт: и ночью с девочкой. М<ожет> б<ыть>, приспособлю к этому делу Нюшу, посмотрим.

Меня донимает Илюша Зильберштейн по поводу рисунков Маяковского. Я позвонила в Фотокабинет и строго приказала: без письма от тебя ничего Илюше не давать. Прошлый раз я знала, что ты согласен, и потому дала, а сейчас я не знаю. Напиши об этом Илюше и мне.

Меня одолевает мистика. Мне приснился сон: будто мне подкинули второго младенца. Я его развернула и нашла записку от Оли Дьячковой[1]: «Надеюсь, Вы будете настолько порядочны, что вскормите моего младенца. А я повесилась на своих косах». Я этот сон рассказала Цезарю и Ф. Я. Посмеялись. В тот же день вдруг появляется Оля, кот<орую> я не видела год. Зашла узнать о Мурочке. Я ей со смехом сообщаю сон. Она отвечает: «У меня и вправду через 5 месяцев будет ребенок. Только я не собираюсь вешаться и подкидывать его Вам».

Урывками, во время кормлений, читаю «Спекторского»[2]. Куски божественные. Пришлю тебе.

Цезарь кланяется тебе, маме, Муре. Он в своем рабочем стихе: не валяется, не слушает радио, а весь день и почти всю ночь работает. Чудной человек. Глаза впали, устает очень. А скоро опять все бросит.

Коля мне много о вас рассказал грустного. Хотя я и знала всё.

Целую маму, тебя, Мурочку.

Лида

[1] *Оля Дьячкова* — слушательница студии «Всемирной литературы», которой в начале 20-х годов руководил К. Чуковский.

[2] *«Спекторский»* — название поэмы Б. Пастернака.

95. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 августа 1931. Ленинград

Милый пип. Тороплюсь послать тебе сообщение об уплате налога. Кроме того: Цезарь выяснил, что у тебя на книжке лежит еще 250 р. Если тебе очень нужны деньги, пошли в сберкассу требование, и тебе переведут по телеграфу. Адрес: пр. Володарского 35, 20 отд. Сберкассы.

Я бы тебе послала свои деньги, но, по правде сказать, мы совершенно нищие и не горюем только благодаря «здоровому оптимизму».

Меня очень интересует твоя повесть о Бобровке[1]. Где будет печататься?

Скоро ли мы увидимся?

В Ленинграде проделана огромная работа: весь Невский перекрашен. Когда я, после долгого перерыва, оказалась на Невском — я хохотала, шла и хохотала, все прохожие оборачивались. Дома выкрашены так, что архитектура их — в большинстве случаев дурная — сильно подчеркнута: видны все амуры, все завитушки... Принцип раскраски — разноцветность. Один этаж красный, другой — белый, третий — зеленый. Амуры розовые. Колонны шоколадные. Даже на близорукого человека это зрелище производит сильное впечатление. Одна надежда на мудрую деятельность стихий... Говорят, самое смешное здание — Детскосельский вокзал. Цезарь меня хотел специально отвезти туда.

Вчера я узнала, что утонула Наташа Вейтбрехт, Нинина[2] старшая сестра. Иностранный пароход потопил катер, в котором ехали Надеждин, Грановская[3] и Наташа. Всех спасли, кроме Наташи и матроса.

Сегодня уезжает Фл<ора> Як<овлевна>. Я приступаю к своим ночным обязанностям.

На днях у меня была Татьяна Александровна[4]. На нее страшно смотреть. Я уверена, что она скоро умрет. У нее трясется голова, как у М. В. Ватсон[5]. (Впрочем, Ватсон довольно долго не умирает.)

Варковицкая — при виде которой я теряю молоко — подарила мне свою книгу с такой равнодушной надписью: «Лидии I от Лидии II». А ходит и умоляет, чтобы я редактировала ее книжку о совхозе[6]!

Марине лучше, t^0 нормальная. Но выпишут ее из больницы не раньше чем через 5 дней. Она очень скучает и куксится.

Вот и все мои скудные новости.

Лида

25/VIII 31

[1] *...повесть о Бобровке* — речь идет о повести К. Чуковского «Солнечная». Эту повесть К. И. писал в Крыму, навещая свою дочь Муру в туберкулезном санатории «Бобровка». Повесть вышла в 1933 году.

[2] Нина *Вейтбрехт* — соученица Л. К. по Тенишевскому училищу.

[3] Степан Николаевич *Надеждин* (1878—1934), режиссер, актер ленинградского театра «Комедия», Елена Маврикиевна *Грановская* (1877—1968), актриса.

[4] *Татьяна Александровна* — Богданович.

[5]Мария Валентиновна *Ватсон* (1848—1932), поэтесса, переводчица, невеста поэта С. Я. Надсона.

[6]Речь идет о книге Л. М. Варковицкой «...Цирк и ратуша. [Эпизод из жизни Розы Люксембург]», которую она и подарила Л. К. «*Книжка о совхозе*» в 30-е годы не выходила.

96. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 сентября 1931. Ленинград

Милый пип. Когда я получила от тебя открытку, в которой ты пишешь, что Мурочке на 2—3 дня стало лучше, мне сразу так захотелось написать тебе. Быть может, и сейчас ей немного лучше, немного легче, немного не так больно? <...>

Мы живем немного спокойнее, п<отому> ч<то> Боба здоров и с деньгами легче. (Боба несколько дней опять лежал — у него был грипп, а мы боялись, что возвратный тиф.) Дочка процветает, ужасно выросла и растолстела. Сознательно смеется, свободно держит голову — вообще совсем человек. Я ее целыми днями держу на воздухе, даже в хмурую погоду. Помогают мне Нюша и Цезарь, и дочка гуляет часов по 5, по 6 в день. Она очень хорошо прибавляет в весе, — сейчас ей 1 месяц 1 неделя, и весит она 5 кило 260 г. В первую половину дня очень много смеется. Лежит развернутая и хохочет. А когда к ней подойдешь — глаза вытаращит, руками и ногами машет, точно хочет улететь.

Недавно Татка убеждала ее сказать «мама». Я сидела на кухне, пила чай, а Татка осталась с девочкой. И вот я слышу: «Скажи ма-ма, так просто — ма-ма. Это очень удобно — когда ты захочешь, чтобы твоя мама пришла, ты просто крикнешь: «Мама!» — и она сразу придет, и тебе не надо будет плакать». Но девочка ответила чем-то вроде «А-бля-бля».

Ты пишешь очень лестные вещи о «На Волге». Я рада. Ты прав, самое худое место — это о падении Баринова. Мне то же самое говорил и Маршак. Я переписывала это место раз 20, но так ничего и не вышло. Что касается моих скромных литературных способностей, которые ты столь торжественно именуешь сильным литературным даром, то о них сейчас думать не приходится. У меня бывает свободное время — но всегда урывками, по 15—20 м<инут>, и сосредоточиться никак нельзя. Я использую эти минуты для заработка — редактирую рукописи для Д<етского >

О<тдела> или дурацкие рецензии для Библ<иографического> Центра (туда Ц<езарь> продал свою молодую душу, получает 5 р. с книги — сдельщина! масса соблазнов! и он читает всю эту белиберду круглые сутки, а символисты лежат). Выколачиваю р<ублей> 70 в месяц. Читаю в садике, читаю, когда кормлю. Каждое утро думаю: «После 9 ч., когда девочка ляжет совсем, надолго, почитаю что-нибудь *свободное* или перечту Шевченковские черновики, но каждый вечер оказывается, что сил нет совсем, нужно скорее бухаться в постель и спать, спать, спать. Ц<езарь> пробовал мне вечерами читать Бенвенуто Челлини (гениальная книга в новом переводе Лозинского), но я систематически засыпала на 11 странице, и он скоро забросил попытки поддерживать во мне интеллектуальные интересы.

Людей я не вижу никогда и никаких, но об этом горюю мало. Я вообще не горюю по поводу своего образа жизни. Не потому, что он мне нравится, а п<отому>, ч<то> он абсолютно целесообразен. Выхода у меня нет. Значит, и говорить не о чем... Кроме того, я надеюсь, что это временно. Когда-нибудь дочка подрастет.

Но что меня угнетает бесконечно, дни и ночи, даже во сне, — это непрерывная боязнь, что ЖАКТ отберет твою комнату. Так и жду: раздастся звонок, придет Иван Францевич и принесет повестку или, еще хуже, — прямо явится личность с чемоданами и полезет к тебе в кабинет. Я почему-то боюсь, что так именно и будет. Дело вот в чем: если хозяева квартиры протестуют против изъятия излишков, а ЖАКТ с ними не согласен, то ЖАКТ обязан подать в суд. Без суда ЖАКТ вселять не может. Мы протест подали. А вчера у меня была Е. Б. Анненкова, и она мне сказала, что ходила в ЖАКТ за какой-то справкой и там слышала, как председатель орал: «Безобразие! У Чуковских 3 человека занимают 6 комнат, да и то всегда в отъезде. Подаем в суд, этому должен быть положен конец» и т.д. Значит, они подадут в суд. Очевидно, будут базироваться не только на новом законе, но и главным образом на том, что вы здесь фактически не живете. А суды имеют обыкновение защищать ЖАКТы, а не частных лиц. Не можешь ли ты что-нибудь предпринять, кому-нибудь написать? Или нужно решиться и вселить кого-нибудь (п<отому> ч<то> все равно, когда у науч<ного> раб<отника> отнимут право на комнату и заменят правом на *площадь* — нам несдобровать).

Господи, до чего я не хочу, чтобы у нас сейчас жили посторонние! И так, и без того, трудно наскрести тот минимум душевно-

го покоя, который необходим не только для активной жизни, но просто для безистерического существования.

Постарайтесь что-нибудь придумать. А то нас возьмут голыми руками.

За последние 2 дня я все-таки умудрилась прочесть две гениальные книги — за их прочтение я не получу никакой платы, но они сами широко и незаслуженно вознаграждают читателя — «Охранную грамоту» Пастернака и «42 параллель» Дос Пассоса. Отрывок из «Охранной грамоты» — о Маяковском — я читала когда-то в Гандже, в № Литгазеты; и тогда он ошарашил и поразил меня, и после этого отрывка я долго не могла читать книг — потому что только проза Пастернака казалась действительной, настоящей, нормальной, а все остальное — неизвестно как, почему, зачем. И сейчас опять то же впечатление единственной истинности, и, как всегда при чтении гениальных страниц, не понимаешь: как это могло случиться? и, наоборот, — как мы могли столько лет жить без этого, без «Охранной грамоты» Пастернака и не знать, что она *должна* быть? Это очень по-прустовски, но Пруст весь о чуждом, а Пастернак — о самом своем... Дос Пассос, это совсем другое и, пожалуй, меньше, но тоже оторваться нельзя.

Агата уехала. Марина поступила на службу. Сегодня день такой хмурый, что вот сейчас — 12 ч. утра — хочется зажечь электричество.

Пиши.

Лида

14/X 31

97. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 сентября 1931. Алупка[1]

Дорогие мои! Деньги у нас есть. Горький, к которому я обратился с жалобой на Гихл, не платящий мне гонорара за Уитмэна и Слепцова, нажал на Огиз, и я получил от Халатова (из «Молодой Гвардии») 2000 рублей[2]. Перед этим «Молодая Гвардия», по ходатайству Шатуновской, выслала мне 493 р. — и столько же вам. Надеюсь, что вы их получили. Этими деньгами надо распорядиться так. Возьмите себе сколько надо — Боба и Лида, пошлите 100 р. моей маме (Коля знает адрес, впрочем, и Лида тоже), и, если что

останется, положите на мой счет в Сберкассу. № моего счета 711 960. Если Коле нужно, пусть и он перехватит.

Спасибо Алексею Максимовичу!

Как он помогает мне в трудные минуты: Бобу определил в Институт, защитил моего Некрасова от Крупской[3] — и теперь сделал все от него зависящее для облегчения участи Муры.

Я маме не посылал денег с мая. Леночкиной карточки мы до сих пор не получали. Взяла ли Лида у Маршака «Бородулю»?

Мне приходят в голову сумасшедшие мысли. Например, нельзя ли выписать сюда Надежду Георгиевну? Мурочка ее знает, М<ария> Б<орисовна> ее любит, она побывает в Крыму (давнишнее ее желание) и снимет с М<арии> Б<орисовны> хоть часть ее нагрузки. Нельзя вытерпеть, чтобы человек с изъязвленными ногами не имел в течение суток 7—8 минут, чтобы перевязать свои раны. У меня тоже нет времени ни секунды, я читаю Муре, бегаю за врачами (ее лечат пять докторов), но мне в тысячу раз легче, чем М<арии> Б<орисовне>. Здесь решительно никого нет — все сестры, сиделки и проч. заняты в санаториях и к частному больному не пойдут. Теперь деньги у меня есть. Я могу оплатить приезд Над<ежды> Георг<иевны>.

Бобе приезжать сюда незачем. Он занят, он изнурен болезнью, и больно ему будет видеть Муру в таком положении. — И вот мне думается: не приедет ли сюда Агата?

Адрес на конверте: Ленинград, 14. Кирочная 7, кв. 6

[1]Почтовые штемпели: Алупка. Крым. 24.9.31; Ленинград. 28.IX.31.

[2]В сентябре 1931 года Чуковский писал Горькому: «Моя дочь умирает...Я истратил на ее лечение все, что у меня было, и теперь у меня нет денег даже на лекарство. Между тем Гихл и «Academia» должны мне какие-то деньги... Чагин не только не платит, но даже не отвечает на письма... Усовестите их, чтобы им стало стыдно». (Переписка М. Горького с К. И. Чуковским // В сб.: М. Горький и его эпоха: Материалы и исследования. Вып. 4. М.: Наследие, 1995, с. 246.)

Артемий Багратович *Халатов* (1896—1937), председатель правления Госиздата (1928—1932), председатель Цекубу.

[3]Н. К. Крупская выступила в печати против сказки «Крокодил», назвав ее «буржуазной мутью» и против статей Чуковского о Некрасове («Правда», 1 февраля 1928). Ей возразил М. Горький («Правда», 14 марта 1928). Заступничество Горького спасло сказки Чуковского от запрета, наложенного на их печатание Государственным ученым Советом (ГУС), который возглавляла Н. К. Крупская.

98. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 сентября 1931. Ленинград

Милый, дорогой пип. Я пишу за столом, на котором лежит моя дочь. (Он покрыт одеялом.) Мы обе заняты: она ежесекундно сбрасывает с себя мощными движениями ног теплую пеленку, которой покрыта, а я снова покрываю ее этой пеленкой. Она очень любит лежать распеленутой и ведет себя чрезвычайно буйно: смеется, кричит а-мя-ля и беспрерывно сбрасывает ногами покрышку.

С квартирой мы пошли на решительный шаг. Не сердитесь, это шаг мудрый. Дело в том, что с 1 янв<аря> жилищная норма будет уменьшена до 7 м (вместо 9) на человека. Это *наверняка*, следовательно, если даже сейчас нам удалось бы отстоять квартиру, то через 2 месяца снова началась бы канитель. Кроме того, поговаривают о том, что у научных работников будет отнято право на комнату и заменено правом на площадь... Словом, нам никак не отстреляться. И мы решили самоуплотниться. Нашли человека — это С. И. Хмельницкий (Катина любовь) [1]. Я его знаю много лет и в порядочности его не сомневаюсь. Мы пригласили его прописаться у нас на следующих условиях: пока папы нет — он живет в кабинете или в столовой; когда папа возвращается — он переезжает в людскую, из коей мы нашу домработницу изымаем. Таким образом натиск ЖАКТа будет ослаблен и отсрочен... Человек же этот таков, что 1) книг воровать он не будет, 2) в случае, если тебе удастся колдовским образом отвоевать квартиру, — выедет, 3) вероятно, ты сможешь его эксплуатировать по линии всякой секретарской работы.

Он въедет 31-го. Последний срок самоуплотнения — 1/Х.

Вам издали может показаться, что мы зря сдали позиции. Но мы сделали это обдуманно, и все — я, Коля, Боба, Цезарь, Марина — уверены, что иного выхода — нет. <...>

Теперь о твоей повести[3].

Я не совсем понимаю: она будет печататься в Москве? Но ты хотел бы, чтобы ее прочел Маршак? Если *да* — то ведь это очень просто устроить. Напиши, я передам ему, и он прочтет в минимальный срок.

Я прочла ее 2 раза самым внимательным образом. Правда, я читала ночью, в состоянии тупом, но все-таки рискну высказать тебе свои соображения.

1) Вещь замечательная. Разумеется, ее необходимо печатать. В ней есть настоящий материал, она по-настоящему веселая и *солнечная* и, *местами,* по-настоящему детская.

2) Беда этой вещи — единственная, но серьезная беда — в порочной постройке. Она не стоит на ногах крепко, и вот почему: до половины, до 8-й главы («Соломон недоволен»), ты ведешь повествование через Сережу, все разоблачается, раскрывается при помощи его глаз, ему рассказывают, ему объясняют, он наблюдает и т.д. Начиная с 8-й главы — линия ломается, соскакивает, и поэтому путается последовательность событий. Читатель привык смотреть через Сережу — последовательность глав есть последовательность его жизни в санатории, его дней, — и вдруг сведения начинают поступать вразброд, и читатель не понимает: это до поступления Сережи в санаторий там было так хорошо, дисциплинированно? Или после? скоро после? когда была история с Бубой и тетей Варей? Это раздражает, как путаница, хотя путаницы *фактически* нет и концы сведены с концами. Все это относится к главам: «Соломон недоволен», «Планета и кастрюля», «Позор».

3) Мне не нравится Фани Францевна [нет страницы] <...>

Я не совсем понимаю, как детей в гипсе можно было везти на грузовике? Ведь тряска!

Вот. Не сердись, если все это покажется тебе галиматьей. Значит, дочь меня совсем оглупила.

Повесть я читала с трепетом, п<отому> ч<то> вся она — о Мурочке. Про мастирки, про хвостатое дерево, ты мне никогда не рассказывал.

Твое последнее письмо как-то веселее других. М<ожет> б<ыть>, Мурочке легче?

Машинку мы еще не продали, но продаем и продадим непременно. Ее совсем было купил Физико-Химич<еский> Институт, но система не понравилась.

Лида

27/IX 31

[На обороте стр. 9]

Спать днем мне некогда. Если Нюша гуляет с девочкой, то я спешно читаю рукописи или с авторами работаю... Но обычно я высыпаюсь ночью.

Тусю я видела 3 раза за все время, мельком, в Гизе; Житкова — 1 раз; Шурочка 2 раза была у меня. Туся страшно занята — вся редработа лежит на ней и на С. Я. У них сейчас очень интересно, и я горюю.

[1]Сергей Исаакович *Хмельницкий* (1907—1952), писатель, муж Е. А. Борониной.
[2]Речь идет о повести К. Чуковского «Солнечная».

99. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

28 октября 1931. Ленинград

Пишу эту открытку для того, чтобы исправить то, что я написала в письме о ЖАКТовских делах.

Была вчера в ЖАКТе, нащупывала почву для прописки Хмельницкого. Оказалось: 1) самоуплотняться можно только такими людьми, кот<орые> состоят на каком-то жилищном учете, а Х<мельницкий> не состоит, 2) чтоб прописать Х<мельницкого> на твою площадь, надо иметь заявление от *тебя*, 3) если к 1-му мы не самоуплотнимся — подадут в суд, 4) мы можем выиграть дело, только если получим дополнительную площадь на Муру, 5) с 1 янв<аря> — 7 метров.

Теперь уж я решительно не понимаю, что делать.

Уплотняться? Или до января отложить, а пока постараться [продолжение на второй открытке] выиграть дело при помощи Муриной дополнит<ельной площади>? (Я надеюсь, что ты уже выслал справку о ее болезни.)

Так как без твоего заявления мы все равно не можем никого вселить, то все эти вопросы придется тебе самому решать.

Хуже всего то, что ни у кого из нас нет времени, чтобы пойти к юристу, и т.д.

Моя дочка совсем расхворалась<...>

Пиши скорее, а главное — справка, справка!

Кто пойдет в суд? Думаю, Ц<езарь> или Боба.

Лида

28/IX.31[2]

Адрес на открытке: Крым. Алупка, ул. 3 Интернац., 4

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 28.10.31; Алупка. Крым. 31.10.31.
[2]IX месяц — описка: на самом деле X.

100. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 ноября 1931. Ленинград

Милый пип. Опять приходится тебе письма писать. А так бы хотелось с тобой поговорить.

Снова приходится брать на себя обязанности летописца.

Мамин приезд был для меня неожиданностью. Мне не говорили о Мурочкиной смерти до 23/XI — до самого дня маминого приезда[1]. Утром 23-го Цезарь зашел и сказал о Муре. Потом я пошла в ванную — возвращаюсь, в моей комнате мама.

Сначала мама меня поразила своим бодрым и здоровым и загорелым видом. Но теперь у мамы грипп, который мне сильно не нравится. <...>

Я очень мечтала о том, что мама вернется, когда у меня все будет налажено, и, как всегда это бывает, мама приехала в эпоху разрухи. Я на улицу не выхожу, поэтому Нюша целый день занята с девочкой (гуляет), и некому покупать, убирать, варить. Мама вообразила, конечно, что у нас всегда так, и пришла в ужас, но это не беда, а беда в том, что маме пришлось возиться с примусами и т.д. Сегодня приехала на 2 дня Н. Г., и сегодня, впервые за 5 недель моей болезни, мы будем обедать.

Мама нашла квартиру в полном порядке. Мой вид мама тоже одобрила, но Боба ей внушает сильные опасения. Он худ, бледен и т.д.

Папа, милый, если твои дела позволят — приезжай не очень не скоро. Надо со всех сторон нажать на маму и привести в порядок ее легкие. Только не проговорись, что я тебе это написала, а то влетит.

Ленка маме очень понравилась, что меня порадовало. Мама еще не видала ее, какая она прелесть, когда совсем здоровенькая. Сейчас ведь она хворает. Она перенесла «скрытую форму скарлатины» (была высокая t^0, сыпь, ангина и пр.); теперь это все прошло, но осталось расстройство желудка. Из-за этого она ничего не прибавляет. Но весела и прелестна.

У меня скарлатина прошла безо всяких осложнений. На днях кончается карантин.

Теперь о твоих делах. Ох, не люблю я писать о чужих делах, хотя бы и об отцовских! И в то же время не могу удержаться...

Если в Московской «Молодой Гвардии» сказали о «Солнечной» то же, что я, — значит, я дура и ничего не понимаю. Потому что более тупого и враждебного всем моим мыслям учреждения, чем Моск<овская> «Молодая Гвардия», я не могу себе представить... Ты же сам писал, что только теперь понял разницу между Московским и Ленингр<адским> Детотделом, — почему же ты все-таки отдаешь «Солнечную» в Москву?

Ц<езарь> говорил с Маршаком, и Маршак собирался написать тебе письмо о «Солнечной». Написал ли он — я не знаю, п<отому> ч<то> мне ведь не позволяют до сих пор ходить в кабинет к телефону (карантин). Но я уверена, что Ленинград ее напечатал бы.

Все, что делается в Моск<овском> Дет<ском> Отделе, мне гадко.

Ты пишешь, что литераторы в Москве живут отлично, и в пример приводишь Зильберштейна. Нечего сказать, пример! Если Зильберштейна ты считаешь литератором...

Мама рассказывает, что ты собираешься на Днепрострой и пр. Это чудесно. Судя по «Солнечной», я уверена, что очерки с *материалом* тебе будут удаваться блестяще. Но я — не сердись — очень боюсь, что ты начнешь верить Зильберштейнам и Московским молодогвардейским сволочам. Испакостить материал они тебе не смогут, п<отому> ч<то> ты не допустишь, но, Господи, до чего я не хочу, чтобы ты считал их своими друзьями.

Я очень страдаю оттого, что совсем оторвана [от] Детотдела. По слухам — они сейчас совсем по-новому работают, наладили связь с заводами, школами и т.д. В Маршака я верю, как никогда. Он человек с чудесным, крупным чувством эпохи, времени. И это чувство помогло ему создать новую систему, школу редакц<ионной> работы. Блестящей победой этой системы явился «Рассказ о великом плане» Ильина, признанный в Америке, Англии, Германии и СССР, а ведь создал эту книгу не Ильин, а Маршак, и вся она является завершением длинного пути создания деловой книги.

Ну вот. Так хочется с тобой поговорить обо всем. Хотя от меня ты мало узнаешь — ведь я сижу, как в тюрьме. А все мои друзья так страшно, неистово заняты, что им не до меня. Всюду такая масса работы.

Юрий Николаевич[2], кот<орый> сейчас заведует при Изд<ательстве> Писателей серией старых поэтов, очень ждет твоего приезда. У него к тебе много предложений.

Письмо растрепанное, п<отому> ч<то> пишу между делом, наспех.

Целую тебя.

Лида

27/XI 31

[1]Мурочка умерла в Алупке 13 ноября 1931 года, и Мария Борисовна вернулась домой в Ленинград.

[2]*Юрий Николаевич* — Тынянов.

101. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Осень—зима 1931. Ленинград

[Нет начала]

Кратко обо всем:

Тараса читала Туся. Туся отозвалась восторженно и многое придумала для улучшения ординатора.

Хожу все-таки в Публ<ичную> б<иблиотек>у и ищу рассказ старичка.

Отказала Нюше и довольна собой. Сейчас тяжкое время.

Лялька здорова, много кричит от счастья, хорошо спит по ночам.

Письма Слепцова мама привезет.

О, если бы ты прислал стихи Пастернака. Подошли к нему стенографистку — пусть запишет, и пришли. Трудно жить, зная, что где-то имеются нечитанные стихи Пастернака.

Рада, что твои дела двигаются.

Привет Генр<иетте> Сем<еновне>[1]. Пиши.

Целую тебя, дорогой пип.

Лида

[1] *Генриетта Семеновна* — Шатуновская.

102. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

1 марта 1932. Ленинград

1.III.1932

Милый пип. Мама поручила мне описать неописуемое. 26/II явилась бумажка, краткая, но выразительная: ты задолжал за 29—30 г. — 520 р. налога; пеней наросло 570. Итого 1090 р. нужно немедленно заплатить. Бедная мама, кротко тебя поругивая, отправилась к фину. Фин хамил. Обещал 29/II придти описывать. Мама уже начала звонить к знакомым на предмет сбора денег; уже составили мы тебе телеграмму, ясно воображая, что шевельнется в твоей душе, когда ты ее получишь, — но... решили попытать счастья. Я позвонила Борису Степановичу, Мих<аилу> Леонидовичу, Юрию Николаевичу[1], они мне дали ряд мудрых советов. Утром мама побежала к Фроману[2]; Фроман звонил всяким начальствам фина, и маму приняли несколько завов. Мама два дня убила уже на эти дела и очень устала. Но результаты большие: дали отсрочку до 20/III, и даже одно важное лицо выразило ту соблазнительную идею, что все это недоразумение и путаница. Причем «таковое» (как сказал бы Митя[3]) пригласило маму на 3/III к себе, чтобы во всем разобраться. Мама пойдет, хотя считает себя существом неподходящим (в чем она права). Хочет захватить с собой документ Демьяши[4]. [Нет конца]

[1]Перечислены Житков, Лозинский и Тынянов.
[2]Михаил Александрович *Фроман* (1891—1940), поэт, переводчик.
[3]*Митя* — вероятно, Матвей Петрович *Бронштейн* (1906 —1938), физик-теоретик.
[4]*Демьяша* — Демьян Бедный.

103. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

28 мая 1932. Ленинград[1]

Милый пип. Спасибо тебе и маме за дачные хлопоты. Но ни под Москву, ни в Кисловодск я не поеду. Во-первых, потому, что не могу далеко, а во-вторых, потому, чтоВарковицкая нашла мне комнату в Сестрорецке. Комната стоит 500 р. Это ужасно дорого, принимая во внимание, что Цезарь, после закрытия Худ<ожественного> Унив<ерситета>, получает 350 р. в месяц. Но Маршак дал мне 200 р., и я оставила комнату за собой. Выкрутимся как-нибудь, не помрем. Если бы мне удалось там работать (а не таскать продукты), то очень скоро бы выкрутились. Переезжаю на днях.

Это не в городе, а совсем за городом, над озером (там, где когда-то тонули). Сад. Домик идеально чистый. Песок. Беседка. Худо то, что у хозяйки 3 дочери и рояль. Будут мешать. Но никаких детей, никаких дач кругом. И «личный» пляж сразу перед домом.

Папа. Лебеденко отказался послать тебе рис<унки> Конашевича. Мы с Шурочкой очень настаивали, Шурочка нагло ругалась, но ничего не вышло. Рисунки скучные. Но думаю — ведь это в журнале, не так важно, черт с ним. Мы добились кое-каких переделок. Пиши.

Лида

Адрес на открытке: Кисловодск. Крестовая Гора, санаторий КСУ

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 28.5.32; Кисловодск. 31.5.32.

104. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

3 июня 1932. Сестрорецк[1]

Милый пип. Мы уже дней 5 на даче. Хорошо. Лялька процветает. Продуктов нет, но мы привыкли. Цезарь приезжает часто, привозит хлеб и керосин. Лида[2] больше успевает, п<отому> ч<то> Лялька спит тут же в саду. Молоко хорошее. На лодке еще не катались. Сейчас еду в город — в ГИЗ и к доктору. У меня темп<ература> не проходит. Работаю много, мне надавали рукописей. До Тараса не добраться никак. У Ляльки флирт с собаками, кошками, курами.

Здесь потрясающий индюк. Цез<арь> написал первую главу Брауна. Очень голодно и беспризорно он живет. Хоть бы скорее уехал в Ганджу. Там сытно и без чуковской злой ерунды. Но тогда я останусь совсем беспризорной. Но чем мне хуже, тем чаще я встречаю такую чудесную людскую доброту. Например, Лидия Моис<еевна>[3]. Или моя хозяйка. Или Туся. Или Митя. Не знаю, за что меня люди балуют. Пиши скорее, так жду письма. Адрес: Сестрорецк, Дубовая 1, угол Красноармейской. Дача Новиковой. Или пиши в город.

Адрес на открытке: Кисловодск. Крестовая Гора, санаторий КСУ

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 3.VI.1931; Кисловодск. 6.6.32.
[2]*Лида* — Люшина няня.
[3]*Лидия Моисеевна* — Варковицкая.

105. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

7 августа 1932. Сестрорецк.

Милый пип, целую тебя в обе щеки. Как я рада, что ты, наконец, в Москве. Меня все время мучило, что вы лишнее время сидели в Алупке[1]. И я чувствовала себя виноватой, п<отому> ч<то> нужно было нам действовать энергичнее. Я пыталась найти оказию, но т.к. в город приезжала урывочно, то ничего не получалось.

Я очень жду маму сюда. Хочется похвастаться Люшкой и показать *наши* места. Я вчера послала ей с Цезарем записку, чтобы она приехала сегодня; ходила ее встречать — но нет ее. По телефону не могу дозвониться.

Цез<арь> вчера уехал в Ганджу.

Начинается для меня тяжелый период, п<отому> ч<то> Цез<арь> возил все продукты, а теперь придется ездить самой. Жары же стоят необычайные.

Люшенька-душенька вчера была рожденница. И ко дню ее рождения итоги таковы:

говорит: «нна-ддай», путая только, что когда.

«мма-м», «пап» или «тат».

Ползает, стоит самостоятельно и начинает ходить. По кровати ходит вовсю. Сказки про Джимку, про корову, про лошадь, про петуха, про кур — слушает с восхищением.

Два зуба, третий вылезает. <...>

Дела мои таковы:

в период безденежья я дала Козакову[2], для «Ленинграда», 3 главы из Тараса. Он отверг.

Вот уже неделю, как работаю с Пантелеевым над сценарием для звукового фильма. В эту работу втянул меня — точнее, втащил — Лёлька[3]. Там дело такое: нужно переписать реплики героев, нужно, чтобы реплики давали характеристику, и т.д. Я отказалась работать одна и пригласила Пантелеева, кот<орый> живет в Ермоловке. Получили по 500 р. на рыло. Работа срочная и литературно — интересная, п<отому> ч<то> научает лаконизму и требует изобретательности. Мы хозяйничаем в сценарии, многое делаем совсем по-своему. Съемка уже происходит, так что сроки жесткие. Работать с Пантелеевым для меня большая радость. Во-первых, он ярко талантлив и присутствовать при его работе по-

учительно, во-вторых, он очень чист, напряженно честен, прям, весь как-то стопроцентен.

Я только боялась сначала, что ничем не смогу ему помочь, но оказалось, что и я пригождаюсь.

А деньги эти мне придутся очень кстати.

Жаль, что не могу присутствовать на съемках.

Пильман[4] теребит — скорее на службу, и я думаю, что начну работать с 1 сентября.

Не пишу совсем. Свободное время только урывками и не могу настроиться.

Редактирую кое-что. Для этого настраиваться не надо.

Коля в Коктебеле. Татка больна скарлатиной с сердечно-ревматическими осложнениями.

Скоро ли ты приедешь? Я хочу, чтобы ты сюда приехал, тут так чудесно, тихо, песочно, сосново. Рядом сосновый лесок — такой, в котором когда-то ты спрашивал нас английские слова.

Приезжай скорее...

Лида

7/VIII

[1]Корней Иванович и Мария Борисовна ездили в Алупку на могилу Мурочки.
[2]Михаил Эммануилович *Козаков* (1897—1954), писатель.
[3]*Лёлька* — Лео Оскарович Арнштам.
[4]Ганс К. *Пийльман*, заведующий Детским отделом Госиздата.

106. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

После 2 февраля 1934. Ленинград[1]

Милый пип, ты дурно делаешь, что мне совсем не пишешь. Единственные сведения о тебе я имела от Агаты, но ведь эти сведения — давние. Больше я ничего не знаю и очень беспокоюсь. Что это тебе так не повезло, дорогой пип? Агата говорит, что ничего страшного нет, но все-таки, если ты можешь, напиши мне хоть открыточку карандашом о своем здоровье, о самочувствии, о больнице? Как-то ты переносишь больницу?

Я живу по-прежнему, немножко лучше прежнего, п<отому> ч<то> свален «Костер»[2]. Возвращаюсь домой не ночью, а вече-

ром. Больше работаю над Тарасом, больше вижу Люшу. Влипла в Колиивщину, в Уманскую резню и, со свойственной мне бездарностью, читаю в Библ<иотеке> гору книг. Когда-то начну писать? А о Колиивщине можно бы написать замечательно[3].

В редакции сижу над рукописями Меркульевой, Данько, Кузнецовой[4], что не очень меня увлекает.

Хочу, чтоб ты нашел время прочесть «Костер» от доски до доски. С «Костром» один день был страшный. Типография прислала первые 140 экземпляров в издательство. Эти экземпляры предназначались для Ленингр<адской> партконференции. У Желдина[5] в кабинете, на столе, стояли красные стопки. Когда мы просмотрели всю кучку, оказалось, что из 140 экз<емпляров> — 100 бракованные. В типографии, при отправке, их перемазали клеем и краской — внутри и снаружи. На страницах отпечатки грязных пальцев. В одном экземпляре на рисунке Пахомова к Шорину[6] сверху напечатан другой рисунок. Желдин немедленно отправил в типографию машину за представителем типографии, послал за юристом. Набилась полная комната народу — художники, редакция, авторы. Все тихие и серые, как на похоронах. Ведь сколько работы тут было.

При составлении акта Желдин держался с несчастным представителем типографии так презрительно, так жестко, так хмуро, что мне даже жаль стало мерзавца.

На днях состоится суд.

Остальной тираж типография сдала более или менее в порядке. И все-таки небрежная работа. Роскошная бумага, роскошные вклейки, а общий вид издания — небрежный.

Это полгода наших дней и ночей.

Читал ли ты в «Лит. Газете» похвалы твоему переводу «Мюнхгаузена»? Похвалы высокие. Их можно было бы считать проявлением высокой культуры, если бы в том же № газеты не был помещен целый подвал, посвященный похвалам [нет конца]

[1]Датируется по упомянутой в конце письма статье о «Мюнхгаузене» в «Литературной газете» (2 февраля 1934).

[2]«Костер» — под таким названием сначала выходил альманах, выпускаемый ленинградской редакцией, руководимой С. Маршаком. С июля 1936 года под этим названием стал выходить ежемесячный журнал для детей (см.: С. Маршак. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1972, с. 451).

В письме речь идет о втором сборнике «Костра» (Лендетиздат, 1934). Л. К. входила в редколлегию этого сборника.

[3]Колиивщина — восстание украинских крестьян против Польши (1768). Через несколько лет Л. К. написала об этом восстании книгу «История одного восстания».

[4]*...рукописи Меркульевой, Данько, Кузнецовой* — вероятно, речь идет о третьем, исправленном и дополненном издании «Фабрики точности» К. Меркульевой (1935), о третьем издании книги Е. Данько «Китайский секрет» (1934), о книге О. Кузнецовой «Враг под микроскопом».

Ольга Исааковна *Кузнецова* (1901—1948), детская писательница.

[5]Лев Борисович *Желдин* (1905—1959), директор Ленинградского отделения Детиздата.

[6]Речь идет о повести Ивана Шорина «Одногодки», напечатанной во втором сборнике «Костра» с автолитографиями А. Пахомова.

Иван Васильевич *Шорин* (1910—1939), писатель. В годы советско-финской войны ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб. Алексей Федорович *Пахомов* (1900—1973), книжный график, живописец.

107. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

7 февраля 1934. Ленинград

[нет первых 8 страниц] ...двенадцатый — детский — номер еще не вышел.

3 дня у меня была непонятная т<емпература>, кот<орая> закончилась флюсом. Мне надо вырвать 2 зуба и 2 корня, и я не могу на это решиться.

Лежа в кровати, я запоем читала Белого. «Начало века» и III-ю — ненапечатанную — часть воспоминаний. Оторваться нельзя. Я вообще прозы Белого не люблю, но мемуары — одно наслажденье. Местами они очень наивны, местами явно фальсифицированы, но обаяние от этого не уменьшается, даже правдивость не уменьшается, как это ни странно.

Вражда-любовь к Блоку. Перечла его стихи. Неужели не проделана никем работа по *сравнению* стихов Белого и Блока, по изучению совпадений, со-мыслей, со-образов?

Люшенька здорова. Вместо «снять» (с гвоздя) говорит «отвесить».

Мальчик Гернет[1]: мама, почему ж это метр такой маленький, если в нем целых сто сантиметров?

Непременно напиши мне.

Лида

Сегодня ждем Ж<елдина> и М<аршака>из Москвы.

7/II 34

P. S. Пережила падение стратостата так, будто все трое были моими друзьями[2].

Очень много мне о них Митя рассказывал.

[1] *Мальчик Гернет* — сын детской писательницы Нины Владимировны Гернет (1904—1982).

[2] 30 января 1934 года при полете на советском стратостате «Осоавиахим—1» П. Ф. Федосеенко, А. В. Васенко и И. Д. Усыскин установили мировой рекорд высоты — 22 км. Однако при спуске стратостат потерпел аварию и экипаж погиб.

108. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 февраля 1934. Ленинград

[нет начала] ...а вот для чего:

Южин-Рахмилович хочет ответить этому завшколой от имени редакции «Ежа» [1]. Но Южин-Рахмилович не в состоянии сам сформулировать основных принципиальных мыслей по поводу сказки, эпоса, фантастики и пр. Он совершенно официально просил меня передать тебе просьбу редакции — помочь редакции убедительно ответить этому олуху.

4. Звонил мне сегодня Серебрянников[2] и просил узнать — где находится тетрадка стихов Натана Герштейна, переданная тебе для конкурса. Сейчас Оргкомитет подводит итоги конкурса, и эта тетрадка необходима. Между тем я не знаю, где ее искать.

5. Теперь главное дело.

Сегодня в редакции открылась дверь и вошел

М. М. Новицкий.

Он приехал в Ленинград на 5 дней. Он ищет работу. Это очень глупо, что такой знающий человек, как он, принужден искать работу.

Мне бы хотелось, чтобы ты помог ему, п<отому> ч<то> работник он действительно прекрасный.

ГИХЛ поручил ему подготовить к печати том Сологубовских переводов Шевченки. Он это сделал. Но у него имеются 3 мечты:

I. Сделать для Academi'и воспоминания о Шевченке. Между тем Academia в свое время на его предложение ничего не ответила.

II. Принять участие в издании Шевченка для Библиотеки Поэта. Туда, кажется, были приглашены Айзеншток, ты, Багрицкий. Багрицкий выбыл[3].

III. Он говорит — и, по-моему, совершенно правильно, — что для русского читателя следовало бы издать Шевч<енко>, кроме того, *по-украински.* При соответствующих комментариях и при соответствующем выборе стихи были бы совершенно понятны.

Не можешь ли ты поговорить обо всем этом с Каменевым[4]?

Не можешь ли ты написать о нем Тынянову?

Сейчас я сижу и подготовляю список вопросов, которые я ему должна задать по поводу своей книги. Очень боязно, п<отому> ч<то> его ответы могут совершенно изменить все мои беллетристические намерения.

Пожалуйста, извести меня сразу, если тебе удастся что-нибудь для него сделать.

Вообще напиши мне подробное о себе письмо. А то я принуждена питаться слухами.

Целую тебя крепко.

Лида

20/II

Папа, сейчас пришел Михаил Михайлович, и оказалось, что нужно дать тебе добавочные сведения:

его предложение Academi'и *насчет мемуаров о Шевч<енко>* послано Старчакову[5] около 2-х месяцев тому назад.

Так что Каменев должен запросить у Старчакова.

Вот, кажется, все.

ЛЧ

[1]Упомянут Давид Ефремович Рахмилович-Южин. Он «хочет ответить» на письмо заведующего школой А. Раппопорта в редакцию журнала «Еж». А. Раппопорт протестует против публикации в № 1 «Ежа» за 1934 год «греческой сказки "Храбрый Персей"» в пересказе К. Чуковского. Чуковский ответил Раппопорту на страницах своей книги «От 2 до 5» в главе «Борьба за сказку» (главка «Пора бы поумнеть»). В своем ответе он сформулировал принципиальные мысли по поводу сказок и фантастики.

[2]Абрам Борисович *Серебрянников* (1909—1937), организатор и директор ДДЛ (Дома детской литературы). Серебрянников был пионерским работником. К организации ДДЛ его пригласил С. Маршак. По словам А. И. Любарской, «...проявил себя Абрам Борисович блестяще. Дети души в нем не чаяли. Абрам Борисович во всех их делах и в летних поездках заботился о них, как о родных детях» (письмо ко мне от 17.11.2000). В комментарии к воспоминаниям А. И. Любарской «За тюремной стеной» рассказано, что А. Б. Серебрянникова расстреляли в 1937 году по такому обвинению: «В к.-р. группу был завербован в 1936 г. в г. Ленинграде МАРШАКОМ Самуилом Яковлевичем, старшим консультантом Детиздата (пока не

арестован)». (См.: А. Любарская. За тюремной стеной // Ленинградский мартиролог. 1937—1938. Т. 3. СПб, 1998, с. 575.)

[3]Иеремия Яковлевич *Айзеншток* (1900—1980), историк литературы, специалист по творчеству Т. Шевченко. Он подготовил издание сочинений Шевченко (1925—1931), а также издание его полного дневника (1925).

...*Багрицкий выбыл* — Эдуард Багрицкий скончался 16 февраля 1934 года.

[4]Лев Борисович *Каменев* (1883—1936), деятель ВКП/б/, директор издательства «Academia».

[5]Александр Осипович *Старчаков* (1892—1938), журналист, литературный критик, зав. ленинградским представительством «Известий».

109. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 февраля 1934. Ленинград[1]

Милый пип, спасибо тебе большое. Ты уже поговорил с Каменевым! Я тронута и благодарна. Сегодня утром я послала тебе письмо — ответ на твое первое письмо, — а сейчас, вечером, получила второе — о разговоре с Каменевым.

Пусть посылают в Наркомпрос, ничего не поделаешь. К тому же, я думаю, Наркомпрос не будет возражать.

Ты спрашиваешь, что еще может предложить Мих<аил>Михайлович. То, что он и предлагал:

сборник мемуаров

воспоминания о Шевченке.

Проспект у Старчакова. Узнай.

С Тыняновым сегодня я сама попытаюсь поговорить. Но ты все-таки ему напиши.

Спасибо тебе большое.

25/II 34

Лида

Адрес на открытке: Москва. Дом Отдыха КСУ. Узкое

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 25.2.34; Москва. 27.2.34.

110. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 февраля 1934. Ленинград

Милый пип. Ты ответил мне очень быстро, за что я благодарна. Но, сказать по правде, я разочарована твоими ответами.

Начну с первого дела — о письме фельдфебеля по поводу «Персея»[1]. По-моему, отвечать в печати на такие письма *следует*.

Фельдфебель из ответа усвоит ту простую мысль, что в высших сферах «Персей» уже принят; а люди более живые, но темные могут понять и сущность дела. А великолепное молчание ничему не поможет.

Дело второе — о Новицком. Мне кажется, ты очень невнимательно прочел мое письмо. Ты ничего не пишешь насчет проспекта издания воспоминаний, который Новицкий послал Старчакову и Каменеву. Затем, ты советуешь Новицкому послать Каменеву проспект трехтомника. Зачем он будет посылать проспект, если издательство не приглашало его принять участие в издании? Я ожидала совсем другого. Я думала, что ты возьмешь 2 открытки и напишешь на обеих прибл<изительно> следующее: «Сейчас в Ленингр<аде> случайно находится единственный настоящий (а не липовый, как Айзеншток) знаток жизни и творчества Шевченко. Он принимал участие в таких работах, как ака<демическое> издание писем и дневника Шевченко. Он является редактором лучшего издания стихов Шевченко («Поезія», 2 т., Книгоспілка). Его необходимо привлечь к работе над трехтомником». Одну из этих открыток надо было послать Каменеву, другую Тынянову, с тем чтобы они предложили Новицкому прислать свой план. А ты советуешь ему самому обратиться к Каменеву. Это совсем другое дело. Ведь он же обращался в Academi'ю с проспектом воспоминаний и никакого ответа не получил. Между тем, повторяю, издавать Шевч<енко> без Новицкого — это то же самое, что издавать Некрасова без тебя, — ну не совсем, но вроде. Вряд ли он даст хорошие *общие* статьи, но комментарий и тексты подготовит отлично.

Пожалуйста, не сердись на меня, что я тебе надоедаю, и сделай это разумное дело.

И ничего-то ты не написал о своем здоровье? Милый, дорогой, — напиши. Ведь я не знаю ничего. Думаю, больница тебе уже здорово надоела. Когда же тебя выпишут? Как ребро? Как отравленность?

Жду ответа.

М<ихаил> М<ихайлович> будет здесь до 28-го. Вероятно, твой ответ уже не поспеет, но я все перешлю в Киев. Вот, между прочим, его Киевский адрес: ул. Воровского, 45, кв. 5.

Целую тебя крепко.

Лида

25/II 34

[1]См. примеч. 1 к письму **108**.

111. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Поздняя осень или зима 1934. Ленинград

Милый пип. Я не хочу, чтобы ты пребывал в панике. Поэтому тороплюсь сообщить тебе, что:

1. Я здорова;

2. Люша тоже.

3. Мы находимся в очень хорошем месте, у нас есть деньги, мы сыты и совершенно неразлучны[1].

Скоро сообщу свой точный адрес и вообще появлюсь.

У меня к тебе, конечно, имеются просьбы. Одна из них — первая — самая большая изо всех, с которыми я когда-либо к тебе обращалась или обращусь. Не знаю, как передать словами весь ее объем, всю ее серьезность и важность. Вот она — ни о чем не спрашивай Цезаря и ни о чем его не проси. У нас с ним свои счеты, и всякое вмешательство с твоей или чьей-либо стороны необыкновенно мне повредит. Свяжет меня по рукам и ногам и навяжет мне на шею много новых грузов. *Добейся того, чтобы никто из родных не вступал с ним ни в какие разговоры и не задавал ему никаких вопросов.* Пускай поступает сам, как найдет нужным. Торопиться решительно некуда, п<отому> ч<то>, повторяю, *я устроена самым удобным образом.* И вообще, я не уверена даже, нужно ли писать это письмо, — чуть ты приедешь, я тебе позвоню или просто приду к тебе.

Вторая просьба вот какая... [Нет конца]

[1]Я ушла от Ц. С. Вольпе, и мы с Люшей живем у А. И. Любарской. — *Примеч. Л. Чуковской.*

Надпись на фотографии:

Дорогой Лидочке от любящего Пипа:

«Я был в то время, Лидочка, моложе, чем ты сейчас, и если бы моя жизнь сложилась иначе, написал бы много хороших вещей. Борись же, мой друг, за то, чтобы твоя жизнь *сложилась иначе.* Моя была мутна и убога, и когда смотрю на себя тогдашнего, мне себя очень жалко».

1935 январь

Примеч. Л. К.: Надпись на обороте фотографии молодого Деда в кепке. Надпись сделана в 1935 году, а фотография привезена мною из Одессы в 1923-м или

24-м году, когда я ездила туда к бабушке. Фотография была выставлена на улице, в витрине; фотограф не знал, кто это.

112. Л. К. Чуковская — М. Б. и К. И. Чуковским

20 июня 1935. Сестрорецк

Глубокоуважаемые родители, сижу на пне в курортном парке, сосу «Мишку» и пишу вам. Адреса вашего я, конечно, толком не знаю, а потому пишу наобум. Авось дойдет. Мне очень хотелось бы, чтобы вы приехали посмотреть на Люшу и на нашу опытно-показательную дачу. В саду цветут груши дюшес(!), сирень, дорожки посыпаны песком, на грядах морковь, а со столбов свешиваются гамаки, кольца и качели. Дети в трусиках бегают по песку, мамаши без трусиков лежат бревнами на песке. В общем, дачный рай[1]. Мамаши поют «Тот, кто с песней по жизни шагает» и «Вставай, кудрявая». Домашние рабыни исполняют:

Ах, что делать — отец мой священник,
А ты, милый друг, — коммунист, —

а радио передает последнее постановление о том, что все мужья должны быть верны своим женам и жены мужьям.

Насчет верности тут действительно все обстоит архиблагополучно, а вот спать и работать нельзя; поэтому я каждый день после 5 ч. уезжаю в Курортный парк, нахожу пустое место, занимаюсь, а иногда и сплю. Вот и сейчас блаженствую на пне, возле речки. Народу никакого, тень, чудесно.

Но вы хорошо бы сделали, если бы приехали сюда. Возьмите машину и катите. Вчера Лев Борисович[2] довез меня сюда на машине за 39 минут. А как это отдохновительно. Ветер пощелкивает в ушах, воздуху много и быстрота. Приезжайте. Только позвоните раньше по телефону (Сестр<орецк> 177) или телеграфируйте, чтобы я была дома, а не в Курорте и не в городе.

Осталось мне здесь 10 дней.

Я вела себя очень здраво, пила молоко, ела яйца, гуляла. Чувствую себя получше, загорела, но не прибавила ни одного грамма (убавила 200 гр.).

Но ребята! Нету слов их описать! Румяны, толсты, веселы. Спят сами, едят сами, играют сами. Ходят голые. Целый день

говорят глупости. Люша плохо ладит с другими детьми, но вдвоем с Таней[3] играет чудесно. Ох, группа, группа нужна и умный педагог, а то беда с ней будет. Обидчива. Застенчива. Много о себе воображает. Самолюбива. Но какая душенька и умница!

Я ее всегда уверяю, что по глазам вижу, когда она сочиняет. И вот было так. Вовочка — сын Л<ьва> Б<орисовича> — сорвал две ветки сирени и кинул Люше в окно. Она взяла, прицепила к трусикам. Сирень у нас запрещено рвать, поэтому Люша колебалась: идти ей в сад или нет? Потом спросила Таню:

— Таня, погляди, погляди мне в глазки: видно по глазкам, что это Вова нарвал? Видно? А то заругают!

Ребята кругом чудесные.

Майка Левина[4], увидев козленка, нагнула голову и принялась его бодать. Танечка ловит бабочку. Люша спрашивает:

— А что ты с ней будешь делать?

— А буду ее обнимать и целовать.

Здесь есть ребята постарше — те влюблены в машину. Ждут ее до позднего вечера, вскакивают на подножку, изучают, помогают мыть. Автомобильные перчатки и очки Льва Борисовича для них святыня, а сам он у руля — бог. (Между прочим, он относится к машине точно так, как они.)

В нашей даче 13 человек детей. Л<ев> Б<орисович> снимал всех, но Люша смутилась и ушла, так что ее на карточке не будет. В июле он собирается заниматься с ребятами физкультурой (он в июле в отпуску), но боюсь, что Люша заартачится.

Книжка моя подвигалась быстро, а теперь я не пишу, п<отому> ч<то> никто не прочел то, что я написала, я волнуюсь, и както не работается дальше. У нас в редакции, как правило, своих друзей не читают. А нас еще обвиняют в «семейственности», «протекционизме» и пр. Увы! Как раз наоборот! Мне гораздо труднее добиться, чтобы Зоя и Шура прочли мою рукопись, чем человеку с улицы.

С горя читаю всякие книжки. Прочла письма Чехова к Книппер. Трогательно. Книппер мила, и умна, и *жалка*. У Теккерея (это мне сказал Митя) сказано в «Ярмарке»: «Всякая женщина, если только у нее нет явного горба, может женить на себе всякого мужчину» (“whom she like»[5]). Это верно, но, как видно на примере Книппер, усилий требуется немало.

Митина книжка подвигается быстро, к 1 июля будет готова *для Маршака*[6]. Можно будет ему показать. А это уж много. Митя приезжает редко и часа на 2, на 3, мы сидим в парке на скамье и правим, правим... По радиоактивным веществам я могла бы сдать экзамен в ВУЗ.

Прочла я книгу Томаса Манна и убедилась, что он плохо пишет; теперь надо бы поглядеть, что такое Генрих Манн, чтобы покончить с фамилией. Прочла книжку Цырлина о Тынянове, — не глупо и членораздельно даже, но мелко, мелко и не *литературно*. Прочла письма Ван Гога, кот<орые> читать не следует, а то можно повеситься на к<аком>-н<ибудь> суку. Прочла рассказ Берзина[7] в «Звезде», кот<орый> ты, папа, кажется, хвалишь, — и удивилась: обычный фальшивый рассказ, каких много. Все заранее известно, решение задачи подгоняется к ответу. Что тебе могло в нем понравиться? Ну, более бойко, чем у Козакова[8], но по существу — разницы никакой.

Больше ничего не прочла, п<отому> ч<то> нечего.

Детгиз вышел из Огиза. Это отлично.

О платьях ничего не могу написать, п<отому> ч<то> еще не видела их. Сегодня вечером наконец получу — Зоя уже звонила. Она совсем замоталась, потеряла, конечно, ключ от шкапа, в кот<ором> был заперт чемодан, и т.д. Но вечером сегодня кто-то привезет.

Как вы и что вы? Пишите. Если сразу — то сюда (Цемяночная [нрзб.], 26), а потом в город.

Приезжайте!

Лида

20/VI 35

[1]Сестрорецк. Общая дача Детгиза. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[2]*Лев Борисович* — Желдин, директор Лендетиздата.

[3]*Таня* — Валова, ровесница Люши, дочь Зои Моисеевны *Задунайской* (1903—1983), редактора Ленинградского Детгиза.

[4]*Майка Левина* — дочь Генриха Зиновьевича Левина (1903—1971), сотрудника и художественного редактора журналов «Чиж» и «Еж».

[5]который ей нравится (*англ.*).

[6]Речь идет о книге М. П. Бронштейна «Солнечное вещество», выпущенной в 1936 году Лендетиздатом под редакцией Л. Чуковской.

[7]Упомянута повесть Юлия *Берзина* (1894—1938) «Эликсир молодости» («Звезда», 1935, № 4).

[8]Об М. Э. Козакове см. примеч. 2 к письму **105**.

113. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 августа 1935. Ленинград

[Нет начала]

Все бы ничего, но я сама чувствую себя просто при последнем издыхании. <...> Почему-то т<емпература> 37.2, не меньше. О том, чтобы пойти к врачу, нечего и думать, п<отому> ч<то> в редакции никого нет, я должна всех замещать, т.е. часов 6 в день минимум там сидеть, а потом еще брать работу домой; в Сестрорецк надо ездить, сменять, отпускать на работу Зою; кроме того, у меня ремонт, и надо сидеть в квартире (когда?) и покупать обои, краску, муку. Конца-краю этому не видно. Пока мы ехали в машине, Бирхман[1] все время меня уверяла, что мне надо сию же минуту идти к туберкулезнику и к хирургу. Но к кому, где, как, когда? Для меня является совершенной загадкой, когда я успею съездить в Курорт и записать Люшу на рентген, — 21 и 22-го мне сплошь надо быть в городе, а сейчас уже 20-е, 4 часа и поздно, да я и не в силах двинуться.

Люшенька замечательно весела и резва. Бирхман ее спросила:

— Ты меня боишься?

— Я докторов не боюсь... Я и тигров не боюсь...

[Нет конца]

[1] *Бирхман* — детский врач.

114. Л. К. Чуковская — М. Б. и К. И. Чуковским

Август 1935. Ленинград

Дорогие родители. Посылаю Люшенькину карточку. Какова? А Майка — нахмуренная-то, серьезная.

Вероятно, еще недели 2—3 удастся продержать Люшу на даче. <...>

Люша и Таня нашли гусеницу. Конечно, она посажена в коробку. Конечно, в коробке натыкано сто дыр, — «а то задохнется и умрет». Конечно — листья. Девчонки рассматривают эту гадину с таким умилением, что вот-вот слезы потекут. «Гусенька, гуська». «Понесем ее на улицу, пускай подышит свежим воздухом». «Нет, она простудится». «Смотри, смотри, гуся занимается физкультурой». <...>

Ремонт мой все не может окончиться, п<отому> ч<то> я то и дело уезжаю в Сестрорецк, и маляры и монтеры тщетно звонят в пустую квартиру. <...>

В редакции по-прежнему мы с Зоей сменяемся. Товарищи еще путешествуют — Свердловск, Тагил, Златоуст. Самолет, автомобиль, поезд, лошадь, собственные ноги. Они осматривают заводы, школы, библиотеки и вообще, кажется, все, на что попадет их взгляд.

Ну вот и все, кажется. Хотелось бы получить от вас письмо.

Лида

Капица[1] мне рассказала:

Едет в трамвае девочка. «А мы в народном доме были!»— «А что ж вы там видели?» — «*Великанские* горы!»

[1]Ольга Иеронимовна *Капица* (1866—1937), детская писательница, мать Петра Леонидовича Капицы, знаменитого физика.

115. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

15 сентября 1935. Ленинград[1]

Милый пип. Отчего ты ограничиваешься присылкой денег, но ничего не пишешь? Я от тебя не получила ни одного письма и ничего о тебе не знаю.

Начну это письмо с дел:

С. С.[2] поручила мне передать тебе что:

1) «От двух до пяти» лежит без движения, ибо издательство желало и желает получить от тебя *новые статьи.* А ты дополнил материалом, но не статьями.

2) Некрасов в Москве.

3) «Искусство перевода» в Москве и движется своим порядком (?).

Теперь о наших книжках:

1) «Лимпопо» *мною* вычитано и подписано к печати. Печатать книжку уже начали.

2) Васнецов уверяет, что «50 поросят» будут закончены им на камнях дня через 3.

3) «Тараканище» передано Конашевичу, который обещает сделать в течение месяца, но еще не приступил.

Итог: дела не блестящи. Особенно [продолжение на второй открытке:] «От 2 до 5» меня огорчает.

Теперь обо мне.

Я здорова и очень хорошо себя чувствую. Осень пришла, и мне сразу полегчало. Нарывы кончились. Ремонт кончился. Дуня с сестрой чисто-начисто вымыли мне квартиру. У меня пусто и чисто, и я отдыхаю, высыпаюсь, наслаждаюсь.

Вчера мы привезли в город Люшу и Таню — на один день, чтобы подвергнуть их врачебному осмотру. Главный штаб был у вас на Кирочной, и Дуня целый день кормила и поила (я ей выдала денег, конечно) — Люшу, Таню, меня, Зою, Вас<илия> Игн<атьев>ича[3]...

Адрес на открытках: Кисловодск. Санаторий КСУ

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 15.9.35 и 16.9.35; Кисловодск. 19.9.35 и 20.9.35.
[2]*С. С.* — неустановленное лицо.
[3]Василий Игнатьевич *Валов* (1902—1941), писатель, муж З. М. Задунайской.

116. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

22 сентября 1935. Ленинград

Милый пип. Ты ведешь себя не как отец, а как дядюшка, да еще американский. Деньги, деньги, целый золотой дождь — и ни строчки. За деньги спасибо, но где же письмо?

Я живу сейчас хорошо. 17-го я перевезла Люшеньку в город. Она 1 $^{1}/_{2}$ дня провела на Кирочной у вашей Дуни (которая удивительно мила и добра), пока мы перевозили вещи и устраивались. Люша чувствует себя превосходно, я никогда еще не видала ее такой оживленной и веселой. Болтает страшно, уши болят. Я думаю, она сейчас находится в особой стадии (о которой ты еще не писал) — жажды беспрерывного употребления речи, которой она только что овладела *вполне*. Иначе ничем не могу объяснить ее неутомимую болтовню. Говорит — лишь бы что-нибудь сказать.

— Мама, я сейчас съем кровать, п<отому> ч<то> она лиловая.

— Ну, ешь.

— Нет, у меня все зубы выпали, и вместо них вырастают носы.

Ну что это такое? Объяснить эту белиберду можно только тем, что всякая секунда молчания ей тягостна.

Т<емпература> у нее нормальная, кашля и пота нет, толста и розова. Очень жаль, что вы ее сейчас не видите. Только сейчас понятно, какую пользу, несмотря на болезнь, принесло ей 3 $^{1}/_{2}$-месячное пребывание на воздухе.

Она и сейчас бывает на воздухе очень много, часов по 7 в день.

Лень и безобразное поведение моей Дуни так мне надоели, что я ей отказала. Ваша Дуня приискала мне финку, с которой я сговорилась. Но отказанная Дуня стала так стараться, что дома у меня небывалый порядок. Она очень не хочет уходить.

Погоды стоят пестрые — в один день и лето, и зима, и осень.

Наши путешественники вернулись. Мы с Зоей встречали их на вокзале. Мы были поражены их ослепительной свежестью, они — нашей желтизной. (Хотя сейчас мы обе выглядим гораздо лучше, чем месяц назад.) Вчера у Зои был вечер рассказов. Очень много интересного услышали мы о людях, о стройке, о новых и старых городах, о полете. Рассказчики они все хорошие, особенно Туся и Безбородов[1]. Так что мне показалось, что я высунула голову в форточку.

Почему ты ничего мне не пишешь? Даже Люшина карточка не расшевелила тебя на письмо. Нездоров ты или работаешь много?

У меня к тебе есть 2 мрачных дела.

1. Васька[2]. Удается ли тебе что-нибудь устроить? Напиши, на что мы можем рассчитывать. Если у тебя ничего не выходит, то мы пойдем другим путем (через А<лексин>ского) [2]. Это нам неудобно, это крайний случай. Напиши.

2. Женя[3]. Ходят слухи, что ей и матери придется выехать. А между тем мать ее почти что при смерти. Напиши, что делать, если слухи подтвердятся. Сможешь ли ты что-нибудь предпринять на расстоянии? Стоит ли посылать тебе телеграмму?

Жду писем. Как твое и мамино здоровье? Откликайся скорее.

Лида

22/IX

Таская это письмо в кармане, зашла на Кирочную. Н. Л.[4] показала мне твою открытку. Ты напрасно бранишь С. С., ведь она мне все продиктовала, и я тебе написала уже неделю назад обо всех твоих книгах. Разве ты не получил?

Значит, ты болен. Я ничего не понимаю и тревожусь.

[1]Сергей Константинович *Безбородов* (1903—1937), писатель, журналист, корреспондент «Известий» и «Комсомольской правды», полярник — побывал и на Северном полюсе, и на Земле Франца-Иосифа. С. К. Безбородов был тесно связан с редакцией Маршака — он работал там в качестве внештатного редактора и печатал в Лендетиздате свои книги для детей. Подробнее о нем см.: А. Любарская. За гранью прошлых дней // Нева, 1995, № 2, с. 164, 166.

[2]*Васька* — Раиса Родионовна *Васильева* (1902—1938), писательница. С нее начались аресты авторов, близких к редакции Лендетиздата. Михаил Андреевич *Алексин-*

ский (1889—1938), член коллегии Наркомпроса РСФСР. Все хлопоты оказались безуспешными; и Васильева, и Алексинский были расстреляны в 1938 году.

[3]*Женя* — возможно, речь идет о Жене Курчавовой, соученице Л. К. по Тенишевскому училищу.

[4]По-видимому, Надежда Львовна — см. о ней примеч. 5 к следующему письму.

117. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Начало октября 1935. Ленинград[1]

Милый пип. Что же это ты мне не пишешь? Обиделся на меня. Жаль, если так. И напрасно. А мне очень хотелось бы знать, отдыхаешь ли ты, хорошо ли себя чувствуешь? О чем пишешь?

У меня есть для тебя всякие детские слова. Мне рассказывал кто-то, что маленький мальчик называл трехмоторный аэроплан — «трехжужельным». Фаусек[2] мне рассказала, что один мальчик говорил: «У меня щеки переполнились смехом, они не выдержали, лопнули, и я засмеялся». А вот еще: внуки О. И. Капицы, дети ее знаменитого сына, живут в Англии. Одному 7 лет, другому 4 года. Родные говорят с ними по-русски; товарищи и няня по-английски. Ребята разговаривают так: «Мама, от*lock*ни мне, пожалуйста, дверь»— «Какой *big*шой дом!»

Несчастные дети.

Видела Вову Познера[3], который мне, к моему большому удивлению, чрезвычайно понравился. Я почему-то думала, что мне будет неприятно его увидеть, — оказалось наоборот.

Я думаю, что числа 15-го окончу, наконец, работу над Герценом и уеду в Петергоф отдыхать. Будет дурная погода, но ведь не в погоде счастье.

Люшенька здорова и весела и, на мой взгляд, очаровательна.

Я живу как всегда.

Н. Л.[4] действительно человек способный. Но не думаю, что она достаточно литературна для того, чтобы писать повесть на документальном материале; лучше бы натолкнуть ее на материал, ею лично пережитый. Попробуем это сделать. Главное, времени сейчас нет толком работать с людьми.

Жду письма.

Лида

[1]Датируется по содержанию: упоминание о возрасте детей П. Л. Капицы — Сергея (р. 1928) и Андрея (р. 1931); *«отдыхаешь ли ты»* — К. И. с 29 августа по 14 октября был в Кисловодске.

[2]Юлия Ивановна *Фаусек* (1863—1943), педагог, психолог, заведующая детским домом.

[3]Владимир Соломонович *Познер* (1905—1992), член группы «Серапионовы братья», в начале 20-х годов уехал во Францию с родителями.

[4]*Н. Л.* — речь идет о Надежде Львовне Просовецкой, которая в то время работала секретарем у К. И.

118. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 октября 1935. Ленинград

Дорогой Пип. «Том»[1] получен, «Тараканище» и «Поросята» тоже. Поправки к «Тому» перенесены Зоей самым тщательным образом.

Вышло «Лимпопо». По-моему, это чуть ли не лучшая из твоих книг. Она такая веселая и теплая. Я читала ее сейчас Люше и поняла, глядя на Люшино лицо, как точно рассчитано в этой книге грустное и радостное: Люша опускает, опускает голову, еще одна строчка о горах и волнах или о бедном зайце — и слезы хлынули бы рекой. Но тут поспевает веселая строка, и слезы не успевают пролиться.

Посылаю тебе 2 экз. Уота Уитмена[2]. Они реквизированы мною у моих друзей. Помни, пожалуйста, что ты должник, — прими это в расчет при получении авторских экземпляров.

Сегодня вечером везу Люшу к Мих<аилу> Мих<айловичу>[3] для контрольного осмотра. Выглядит она отлично, но когда я, для проверки, начала мерить ей t^0, оказалось, что к 4 часам дня t^0 аккуратно поднимается на несколько десятых. Посмотрю, что-то Мих<аил> Мих<айлович> скажет.

О Люше сейчас писать трудно, п<отому> ч<то> никаких особых слов она не произносит, но каждая ее интонация необыкновенно смешна. Я с ней каждый день немного занимаюсь: рисую ей дом, а она раскрашивает, пишу ей слово, заставляю ее считать спички и орехи. Самый излюбленный ее способ занятий: я бросаю ей мяч, и она мне, и она считает... Раз... два... три... ой! четыре упало! То, что четыре упало, заставляет ее так хохотать, что у нее начинается икота. Она стала подвижнее, чем раньше. Ум у нее острый и наблюдательный. Она все отлично понимает. Сегодня она была в гостях у Ц<езаря> С<амойловича>, и я потом ее спросила:

— Ты любишь ходить к папе в гости?

Она перестала есть, подумала и ответила:

— А скажи, пожалуйста, ты любишь оставаться одна?

— Люблю, конечно. Я отдыхаю тогда.

— Ну, так я очень люблю ходить к папе в гости!

Целыми днями она поет всякие песни. «Она пришла — его уж нет!» или «Над моею могилой запоет соловей». Говорит она сейчас взрослыми фразами. Мама купила на днях мне новую шляпу, а Люше — деревянных кур. Когда ко мне пришел Митя, я ему показала шляпу. Он взял ее в руки. Люша вбежала в переднюю:

— Ну *что тебе за интерес* рассматривать мамину шляпу? Ты посмотри, каких мне бабинька курочек купила!

О рисунках к моей книжке беспокоиться еще рано. Дай бог мне к весне кончить. Если мне удастся в течение зимы заниматься так, как сейчас, — полтора, два часа в день — то, м<ожет> б<ыть>, к весне кончу. Беда в том, что с этой книжкой связаны трудности не только литературные.

Очень жду известий о Васе[4]. Дело это необходимо сделать. Напиши мне о результатах твоего визита. Авось удалось! Ведь у тебя легкая рука и большой стаж.

Пиши.

Купи свой портрет у американки *непременно*[5].

Лида

30/X 35

[1]Речь идет о книге Марка Твена «Том Сойер». Новый полный перевод книги, сделанный К. Чуковским, вышел в Лендетиздате в 1935 году.

[2]Книга Уолта Уитмена «Листья травы» вышла в издательстве «Художественная литература» в 1935 году в переводе К. Чуковского с его статьей и примечаниями. Предисловие написал Д. Мирский.

[3]*Михаил Михайлович* — Цимбал.

[4]См. примеч. 2 к письму **116**.

[5]Имеется в виду портрет К. Чуковского, написанный Репиным в 1910 году. Этот портрет был сперва подарен Чуковскому, но потом, по недоразумению, продан на одной из репинских выставок. Рассказывая в своем дневнике историю этого портрета, Чуковский упоминает и такой эпизод, относящийся к середине 30-х годов: «...я приехал в Москву и остановился в «Национале». Прихожу как-то вечером в вестибюль гостиницы, портье громко называет мое имя и дает мне письмо. Стоявшая

рядом дама сказала певуче с удивлением: «Are you really Mr. Chukovsky?» (Неужели Вы действительно м-р Чуковский? — *англ.).*

Мы разговорились. Она сказала, что репинский портрет куплен ее мужем, находится, кажется, в Иллинойсе. Я объяснил, что портрет — моя фамильная собственность, что я прошу их продать мне этот портрет за советские деньги....» (Дн.-2, с. 426).

119. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 июля 1936. Санаторий «Узкое»

Милый папа. Пишу карандашом, ибо лежу — t° 37.6, болит живот.

Вчера с бешенством прочла статью в «Известиях» о «Котауси-Мауси»[1]. Что за вздор! Что за наркомпросовская отрыжка! Тебе эта статья вряд ли принесет вред, но для успешного развития детской лит<ературы> она весьма вредна. Этакая путаница понятий! Почему «Котауси» — это подражание детскому лепету? Почему «наши-то портные» — это клевета на портняжный цех? (Опять — история с трубочистом из «Мойдодыра»[2].) Почему «Барабек» — это плохо?

И как жаль, что Оболенской и Суворову[3], кот<орых> давно надо гнать, попало за единственную хорошую книгу, изданную ими когда-либо!

...человеческая глупость
Безысходна, бесконечна, величава[4].

Прочел ли ты мою рукопись? Напиши мне, пожалуйста, о ней. Я здесь буду до 15/VII.

Здесь жара нестерпимая.

По тому случаю, что болит живот, — не принимаю ванн. Никакой разницы.

Врачи находят у меня кроме миокардита еще какой-то тахикардит. Я не знаю, что это такое.

Болезни, кот<орые> ощущаю в себе с детства, наконец обретают имена. Это уже много (хотя далеко не достаточно).

1 числа сюда наехали всякие именитые старички. Возраст людей в здешней столовой, по Митиным расчетам, = 7 тысячелетиям. Кашляют, задыхаются, рассыпаются на глазах, но, к сожа-

лению, имеют силы требовать, чтобы всюду были закрыты окна. (А жара — в тени — свыше 30°.) Слуховые трубки. Учтивость. Сварливость.

Среди молодежи тут А. Г. Шор — твой одесский приятель. Ему лет 55, не больше. Невыносим. С юной душой. С цитатами. Что ни слово — то пошлость. «Главная особенность Чехова — то, что сквозь его смех всегда слышатся слезы».

«Мне бои (!) мешали быть поэтом...»[5] (это про себя, в минуту откровенности). И все-таки в нем есть нечто привлекательное. Напр<имер>, он очень точно и с большим темпераментом ругает 1) Волина, 2) Барто, 3) Наталию Сац[6]. А на это не всякий способен.

Читает наизусть твои стихи.

Здесь Изергин, орденоносный.
Мне его показали.
Я познакомилась с ним, чтобы разглядеть его лицо.

И все-таки, несмотря на небрежность администрации, на 90-летних стариков, на жару, на радио, — здесь великолепно. Кругом леса и поля, и земляничные плантации. Жаворонки и соловьи. Колокольчики и ромашки.

Лежу под деревьями, слушаю птиц и ветер. И аэропланный гуд (тут какая-то ихняя трасса).

Лида

Митя тебе кланяется.
4/VII

Поклонись от меня Ю<рию> Н<иколаеви>чу.

[1]В 1936 году вышел сборник английских песенок под названием «Котауси и Мауси» с рисунками В. Конашевича. В сборник кроме «Путаницы» и нескольких «Загадок» вошли четыре английские песенки: «Храбрецы», «Котауси и Мауси», «Скрюченные ножки» и «Барабек». На эту тоненькую книжку отозвались 3 июля 1936 года «Известия» статьей «Плохая книжка хорошего писателя». Автор статьи Т. Чугуев утверждал: «Чуковский выпустил для дошкольников книжку «Котауси и Мауси», которая...является ярким образцом небрежности, сюсюканья и бессодержательности. Это формалистическое кривлянье и рифмованное сюсюканье Чуковского, закрепляя неправильности языка, встречающиеся у детей, мешает развитию их речи».

По поводу «Барабека» новое возражение: «Обжорство это отнюдь не специфически детский порок». И еще: «Детишки должны....придти вместе с автором к

выводу, что мясники и кузнецы не относятся к категории людей...» То же и о «Храбрецах»: «Но почему Чуковский пишет именно о трусах портных? Разве людям этой профессии трусость особенно присуща? Зачем же воспитывать неправильное отношение к людям определенной профессии?»

[2]В конце 20-х годов критики писали, что своим «Мойдодыром» Чуковский оскорбил трубочистов.

[3]Екатерина Михайловна *Оболенская* (1889—1964), редактор московского Детгиза, жена В. В. Осинского; Петр Иванович *Суворов* (1901—1968), художественный редактор Детгиза.

[4]Неточная цитата из стихотворения А. Блока «Последнее напутствие» («Боль проходит понемногу...»).

[5]Неточная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Зине» («Ты еще на жизнь имеешь право...»).

[6]Упомянуты *Б. Волин* (псевд. Бориса Михайловича Фрадкина, 1886—1957), партийный деятель, публицист; Агния Львовна *Барто* (1906—1981), поэтесса; Наталия Ильинична *Сац* (1903—1993), режиссер, театральный деятель, в 1920—37 гг. директор и художественный руководитель Московского театра для детей.

120. Л. К. Чуковская — М. Б. и К. И. Чуковским

29 сентября 1937. Ленинград

Дорогие родители.

Я уже совсем было решила, что вы не хотите, чтобы я привезла вам Люшу, но сегодня приехал Цезарь, и я опять ничего не понимаю.

Какая страшная вещь расстояние. Только путаница получается, и больше ничего.

Постараюсь распутать:

1) Я думаю, что Люшу сейчас необходимо увезти из Ленинграда. Почему — объясню при свидании[1].

2) Я, к сожалению, жить сейчас вне Ленинграда не могу ни одного дня, п<отому> ч<то> у меня в Ленинграде есть дела, которыми нельзя пренебречь и которые никому нельзя препоручить.

Следовательно: я хотела привезти Люшу вам и оставить ее у вас (или возле вас) с Идой[2]. Почему с Идой? Да потому, что мне не хотелось нагружать маму заботами о Люше.

Я об этом вам написала — в письмах и в телеграммах. Быть может, написала бестолково, не знаю. От вас я получила телеграмму о том, что 1) Ида в Кисловодске немыслима и 2) письмо папино о том, что если я могу приехать только «на минуту», то приезжать не следует вообще.

Я очень огорчилась, но поняла дело так, что вы нездоровы, что с Люшей вам без меня будет хлопотливо и что поэтому поездка отменяется.

Стала я подумывать, куда бы в другое место мне сбагрить Люшу, которую, повторяю, сейчас оставлять в Ленинграде крайне легкомысленно.

И вдруг сегодня явился Цезарь и сообщил, что мама просит привезти Люшу в Гаспру и с удовольствием примет Люшу, но только без Иды: все дело, мол, в том, что я хочу послать Иду, а мама хочет сама возиться с Люшей, и Ида ей ни к чему.

В чем тут дело? я не понимаю. Путает он что-то или как это понять? Очень жаль, что мама не прислала с Цезарем ясного письма, а то я только голову себе ломаю, и ничего больше.<...>Цезарь о вас сообщил очень невразумительно: «М. Б. хорошо выглядит, а К. И. живет в номере люкс». Ну, сейчас вы, по-видимому, в море...

Целую. Жду.

Лида

[1]6 августа 1937 года в Киеве, на квартире у родителей был арестован М. П. Бронштейн. Л. К. считала, что ее могут арестовать в любой день, и боялась, что дочь отправят в детский дом. Сама она хотела находиться в Ленинграде и вести хлопоты о муже.

[2]*Ида* Петровна Куппонен — Люшина няня.

121. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 октября 1937. Ленинград[1]

Милый папа, поручения твоего исполнить никак не могу. Я была на Кирочной, пересмотрела все стоячие папки, заглядывая внутрь каждой, но Уота Уитмэна не обрела... Где еще он может быть?

Вашу телеграмму я, по причинам случайным, получила совсем недавно — позавчера вечером. Не означает ли эта телеграмма, что *писем* вы не пишете? Я уехала от вас 16-го и с тех пор толком ничего не знаю ни о вас, ни о Люше. Чем это она объелась? Пришлось ли давать ей лекарство? Была ли у нее повышенная t^0? Как твое и мамино здоровье и как повесть?[2]

Я урывками занимаюсь книгой, машинкой, стенографией, но больше все бегаю. Толку от беготни нет, а устаю очень. И не бегать тоже нельзя — боюсь упустить[3].

Пишите же.

Лида

25/X 37

Адрес на открытке: Крым. Кореиз. Гаспра, санаторий КСУ

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 25.10.37; Кореиз. Крым. 31.10.37.

[2]К. Чуковский работал над воспоминаниями детства — повестью «Гимназия» (окончательное название «Серебряный герб»), опубликованной в 1938 году.

[3]См. примеч. 1 к предыдущему письму.

122. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 февраля 1938. Ленинград

Только что узнала, что Мити в Ленинграде уже нет[1].

Деньги вчера получила. Спасибо.

От тебя телеграммы по поводу разговора с Б. П-чем[2] — нет. Стало быть, не состоялся.

Письмо твое, где ты описываешь свой поход в ЦК по поводу Левина[3], я сейчас получила. Очень огорчена, что ты не говорил со Шкловским. Может выйти путаница и ерунда, которая в этом деле неуместна.

Выписки из Зелинского[4] уже готовы. Пошлю их тебе завтра или послезавтра.

Всего хорошего.

Лида

27/II 38

[1]«...Февраль 1938. Деревянное окошко на Шпалерной, куда я, согнувшись в три погибели, сказала «Бронштейн, Матвей Петрович» и протянула деньги, — ответило мне сверху густым голосом: «Выбыл!», и человек, чье лицо помещалось на недоступной для посетителя высоте, локтем и животом отодвинул мою руку с деньгами» («Записки». Т. 1, с. 9).

Как будет видно из дальнейшей переписки, Л. Чуковская продолжала свои хлопоты еще несколько лет, — пока не узнала о гибели мужа, — но лишь в начале 90-х, полвека спустя, она познакомилась с «Делом» М. Бронштейна и увидела справку, гласящую, что 18 февраля 1938 года он был расстрелян.

[2]Б. П-ч — неустановленное лицо.

[3]Речь идет о критике, поэте Мироне Павловиче *Левине* (1917—1940). Он заболел туберкулезом в тяжелой форме и нуждался в лечении в крымском санатории.

Хлопоты Чуковского касались его устройства. (Подробнее о М. Левине см.: «Записки». Т. 1, с. 300—302.)

[4]Корнелий Люцианович *Зелинский* (1896—1970), литературовед, критик.

123. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

8 марта 1938. Ленинград

Положение дел таково: 15-го Митин день[1]. Прежде чем отправиться куда-нибудь отдыхать, я должна узнать наверное, что он действительно уехал, и попытаться выяснить направление. Т.к. он уехал без пальто, выяснить его путь необходимо, п<отому> ч<то> необходимо его нагнать и передать ему вещи, пока он еще жив. Ввиду этого отдыхать мне придется нескоро. То, что папа сейчас не в Ленинграде, — катастрофично. П<отому> ч<то> добиться обычным порядком сведений о Митином местопребывании невозможно. Мне предлагают ждать 4—6 м<есяцев> до получения письма. Между тем защитник мне сказал, что Б. П. мог бы сообщить *все* сведения, — не мне, конечно, а папе. Папина фраза в письме «я приеду в Л<енингра>д *скоро*» меня очень занимает. Жаль только, что она так таинственна.

У меня есть смутная надежда, что 15-го мне скажут, что Митя еще здесь, — так было с Шурой[2], — но вряд ли, вряд ли.

Теперь о Мир<оне> Пав<лови>че. Шкловский оптимист: Обл<астной> Ком<итет> Союза РабВУЗов действительно на днях, по распоряжению ЦК, перевел деньги Левину, но *на 1 месяц*. Между тем за 1 месяц он не успеет не только выздороветь, но и умереть. 2 недели из этого 1 месяца уже прошли; следовательно, через 10 дней этот человек снова начнет смертельно волноваться, а через 2 недели окажется на улице. Это не решение вопроса. Путевка нужна на 3 — на 4 м<есяца> минимально. (Врач-горловик написал нам, что горло можно спасти не раньше, чем через год.) Итак, хорошо бы, чтобы ЦК ВЛКСМ посылал туда деньги «вплоть до выздоровления». Что же, наконец, они отвечают? Нужно ли продолжать хлопоты в ЦК Союза РабВУЗов или ЦК ВЛКСМ? Ради бога, разъясни мне вразумительно, а то я не понимаю, каков же их ответ. Известен ли тебе № текущего счета санатория? Куда они будут переводить? И когда, наконец?

Люшка здорова, я тоже.

К кому же нам обратиться в Мол<одой> Гв<ардии> по поводу статьи? Я очень мало верю в то, что смогу сейчас писать статью, но попробовать хочется.

Спасибо маме за предложение взять Люшу. После 15-го я решу, воспользуюсь ли им[3].

Лида

8/III 38

У Коли все здоровы.

[1]*Митин день* — т.е. день, когда можно ему передать деньги или навести о нем справки.

[2]Александра Иосифовна Любарская в это время уже полгода находилась в тюрьме.

[3]В 1998 году удалось ознакомиться с интереснейшим документом. Это — «Сов<ершенно> секретный» «Список осужденных Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР по делам УНКВД ЛО в феврале 1938 года», составленный 25 марта 1938 года. В справке даны фамилии осужденных, состав семьи и примечание к каждой фамилии. Примечание касается судьбы жен арестованных. О женах осужденных стоят две фразы: «Арест оформляется». И потом дата, когда жена арестована. А если еще не арестована, то 2-я фраза гласит: «Арестовать к 1 апреля» или «То же» (т.е. арестовать к 1 апреля). Лидии Корнеевне в соответствующей графе написано «Арест оформляется». «То же». Это значит, что к 1 апреля 1938 года она должна была быть арестована. (Эти сведения см.: *Разумов*, с. 134).

Действительно, в конце февраля 1938 года, когда Л. К. уехала в Москву хлопотать и наводить справки о судьбе мужа, за ней уже приходили, но не застали. Как видно из следующего письма, К. И. заставил дочь уехать и этим спас ее от верного ареста.

Л. К. так вспоминала это время: «Из Москвы я все-таки вернулась в Ленинград, но на квартиру к себе не пошла, на Кирочную — тоже. Два дня жила у друзей, а с Люшей, Идой и Корнеем Ивановичем виделась в скверике. Простилась, взяла у Корнея Ивановича деньги и уехала... Поселилась я сначала у Митиных родителей в Киеве. Потом в Ворзеле под Киевом. Потом в Ялте. Никто меня не искал» («Записки». Т. 1, с. 10).

124. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 апреля 1938. Киев

30/IV 38 утро

Милый папа. Сегодня вечером я уезжаю. Делаю это только для того, чтобы умерить твое беспокойство. На самом деле уезжать отсюда мне, по моему глубокому убеждению, не следует. Кроме

того, жаль денег, жаль рабочего времени и более всего жаль *сил*. Но все это кладу к Вашим ногам, милорд. Ибо твое беспокойство действует на меня и на расстоянии. Пусть будет так[1].

Еду в Ялту. Там поселюсь в гостинице. Проживу дня 3. К Коле не пойду, но дам ему знать о своем существовании. Потом поживу в Алупке. Потом уеду обратно — м<ожет> б<ыть>, пароходом до Одессы и поездом в Киев. Посмотрю.

Путевка, которая задерживала меня здесь, находится, наконец, у меня в кармане. Ее получением я обязана местному виртуозу блата, брату Митиной матери. Что за чудеса он творил — этого описать невозможно*. И вот путевка лежит у меня в кармане. В санаторий я должна явиться 16-го мая; значит, в Киев я вернусь числа 12, 13-го мая. Пожалуйста, постарайся сделать так, чтобы к этим числам в Киеве меня ждало твое письмо.

Теперь о делах. О квартире. Я так и не знаю: описаны ли вещи в Митиной комнате или нет? Если *да* — то не старайся их спасти. Я жертвую их на алтарь социалистической родины. Но если *нет*, если произошла простая глупость из-за того, что в квартире была только Ида, а не кто-нибудь поинтеллигентнее, если налицо поступок не только противозаконный, но не принятый и в административной практике: другими словами, если конфискации нет, и вещи не описаны, и в комнатах, полных Митиных книг и собранных им вещей, живет человек, которому они почему-то подарены, то сделай все возможное, чтобы эту ошибку исправить, чтобы книги, велосипед, полки, стол были спасены для меня, для него[2]. Пусть все это перенесут ко мне в комнаты или пусть вещи возьмут друзья. По моим скромным подсчетам — вещей там тысяч на 6. А деньги эти были заработаны самоотверженным и благородным трудом. Особенно мне жалко книг.

Я пишу это и с ужасом думаю о том, что ведь вы все уезжаете.

А как дело с моими комнатами? Имей в виду, что по закону: полноправный ленинградский гражданин — а я пока что такова перед законом — имеет право сохранять за собой площадь 6 месяцев. Значит, у меня впереди еще 4 $^1/_2$, ибо я отсутствую около полутора.

Пожалуйста, сообщи мне обо всех этих делах, они меня занимают.

---

*Его жена говорит о нем так: «Котик может всё, всё на свете... кроме театральных билетов».

А как апелляция?
А что тебе сказали на Фонтанке?

Ты выражаешь недовольство по поводу большого количества писем, получаемых мной. Напрасно. Если я не буду получать писем из Ленинграда, я сяду в поезд и вернусь. Имей, пожалуйста, в виду эту угрозу, если ты просто не можешь представить себе, что письма мне получать *необходимо*. Я не знаю, о чем сейчас мне стоит заботиться, кроме своего здоровья. Так вот, когда писем нет — я больна. Письма, это мой бром. До тех пор, пока имеется к этому малейшая возможность, — а она имеется, — я не согласна жить без частых, регулярных известий от людей, ежедневная жизнь которых составляет смысл и интерес моей жизни. Я не согласна. Вот сейчас мне предстоит 2 недели прожить без писем, и я знаю, что я вернусь вдвое больнее, чем уезжаю. К чему, зачем эти жертвы? Ради какого-то бабьего мистического трепета. Даже если этот трепет разумен — а он неразумен, — я не согласна. После первой же пятидневки в Ворзеле, в течение которой я не получу 3—4 писем, я брошу лечение и уеду в Ленинград. В Ленинграде все узнаю, а потом пусть будет что будет. А ты думай обо мне, что тебе будет угодно. Незачем самой устраивать себе тюрьму — выдуманную тюрьму. Пусть уж будет настоящая.

Книга у меня сейчас не только пошла, но просто *хлынула*[3]. Если бы я работала без перерыва на теперешнем моем разгоне, я кончила бы все до последней точки месяца через 2, а то и раньше. Но сейчас я бросаю, а дальнейшее будет зависеть от того:

1) буду ли я получать письма из Л<енингр>ада,

2) сколько человек поселят со мной в санаторной комнате,

3) будут ли у меня *книги*. Все, что можно было купить в Киеве, я купила. Теперь надежда только на Ленинград. Я послала Геше[4] список нужных мне книг, просила обойти всех букинистов. Он обещал, но пока что книг нету. Посылаю тебе мой список — может быть, ты поручишь Анне Георг<иевне>[5] поискать эти книги? М<ожет> б<ыть>, в твоем распоряжении находятся букинисты, Геше неведомые? Пожалуйста, сделай это. Согласуй только с Гешей, чтобы не было дублетов. И пусть он тоже ищет. Добытые посылайте сюда, в Киев, ул. Толстого 11, кв.10, Исидору Петровичу[6]. Я приеду сюда перед санаторией и хотела бы застать книги.

Список прилагаю.

Куда я должна писать (м<ожет> б<ыть>, тете Любе[7]?), когда вы переедете в Москву? (Мне тяжело думать, что вы уезжаете из Л<енингра>да; тяжело не только из-за своих дел. Я уверена, что это ошибка.)

О маме я решительно ничего не знаю, даже где она.

Целую тебя, маму и Люшу.

[1]«Опасаясь, что в Киеве, у Бронштейнов, меня легко обнаружат, — вспоминает Лидия Корнеевна в «Прочерке», — Корней Иванович настойчиво советовал мне съездить куда-нибудь, — ну, хоть в Ялту, навестить Мирона. Сам же он продолжал хлопоты, прежде всего пытаясь узнать... куда отправили Митю... Я поехала». (Сб.-1, с. 228, 233.)

[2]Приговор Матвею Петровичу гласил: «Десять лет без права переписки с полной конфискацией имущества». В его комнату был поселен сотрудник НКВД, Василий Катышев. Позже Л. К. написала: «Митина библиотека в полторы тысячи томов перевезена в подвалы Петропавловской крепости, крупная мебель и зимние вещи вывезены в неизвестном направлении, а мелкие вещички вроде простынь, детских игрушек, ботиков и часов распроданы кому-то по дешевке в пользу конфискующих» («Записки». Т. 1, с. 10).

[3]Речь идет о книге Л. Чуковской «История одного восстания», опубликованной в 1940 году.

[4]*Геша* — Герш Исаакович Егудин (1908—1984), математик, друг М. П. Бронштейна и Л. К. Чуковской. «Это он спас меня в феврале 1938 года, — вспоминает Л. К., — позвонил из Ленинграда в Москву и дал понять приютившим меня знакомым, что за мной на ленинградскую квартиру приходили с ордером на арест» («Записки». Т. 1, с. 291).

[5]*Анна Георгиевна* — секретарь К. И. Чуковского.

[6]*Исидор Петрович Бронштейн* (1906—1984), в ту пору служащий Государственных архитектурных мастерских города Киева, брат-близнец Матвея Петровича.

[7]*...тетя Люба* — Любовь Эммануиловна *Любарская*, врач-педиатр, тетя Александры Иосифовны Любарской.

125. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 апреля 1938[1]. Киев

№ 2 днем

Милый папа. Письмо к тебе я написала утром, а в 4 часа получила твое письмо с извещением о повестке.

Заверить свою доверенность до 2 мая включительно я возможности не имею, ибо и сегодня, и завтра, и послезавтра *выходные дни* и ни одна нотариальная контора не работает.

Поэтому посылаю телеграфную доверенность с заверенной подписью — оказывается, таковые существуют.

Я очень хотела приехать дня на 2 в Ленинград, чтобы понять: о каких именно вещах идет речь? Только о Митиных? или и о моих? обо всех Митиных? или о некоторых? И поговорить с тобой.

Но ехать меня отговорили.

Итак, через час иду на телеграф и посылаю Иде телеграфную доверенность. Буду утверждать, что часть Митиных книг — мои. (Все равно, какие именно, лишь бы побольше.) Конечно, жаль, что при этом процессе отбора будет только Ида. Хотелось бы когонибудь более понимающего.

Кроме того, хорошо бы, если бы мама заявила, что пианино принадлежит ей. Ведь это правда.

Что касается того, что я якобы обидела маму, указывая, что Ида — вопрос денежный, то это странная обида. Короче говоря, если бы у меня было много денег, то я Иду сохранила бы. Так как у меня денег нет совсем, то я этого вопроса решать не могу. Вот и всё. Что тут обидного?

Я хотела ехать в Ленинград не ради вещей. Другое меня беспокоит. Пожалуйста, вызови меня, чуть ты сочтешь нужным хоть на волос. Мне, в сущности, совершенно все равно где быть. И Севастополь для меня не лучше ада и всего прочего.

Что касается клиники, то ты настаиваешь напрасно. Клиника равна санатории во всех отношениях; только тоскливее и работать нельзя. Когда все неприятности будут... [Нет конца]

[1]Датируется по упоминанию о выходных днях «до 2-го мая включительно».

126. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Последняя декада мая 1938. Тульская область[1]

Лидочка! Мы в настоящем раю. Я прожил всю жизнь, а не видел такой прекрасной природы. Какие травы, какие леса! Перед самым нашим домом — Ока. Хотя дом называется домом отдыха, но здесь лучше, чем в санатории. Сегодня я катал Люшу в лодке, — она так надышалась изумительным воздухом, что сейчас же после обеда *заснула*, чего с ней никогда не бывало. Она весе-

ла, здорова, прыгает через скакалку, познакомилась со здешними детьми, бьет нас всех в домино. Писала тебе письмо, но оно потерялось. Она изрядно соскучилась без тебя.

Я и не подозревал, что природа бывает так прекрасна. Какою дрянью кажутся все Кавказы и Крымы.

Маме лучше. Профессор Вовси в Москве запретил ей ехать сюда, велел отлежаться в гостинице. Но я знал, что в условиях гостиницы нервы ее напрягутся до последних пределов и она никогда не поправится. Я посадил ее в машину, и мы поехали. В дороге заблудились. Проехали 160 километров вместо 125. В пути ничего не ели. И на второй же день маме стало лучше. Они целый день неразлучны с Люшей, с завтрашнего дня возобновляют занятия.

Что-то с тобою? Как твое здоровье? Мне кажется, тебе нужно будет дня на два съездить в Ленинград, побывать на квартире и уехать от тамошнего климата куда-н<и>б<удь> под Москву.

Как твоя работа? У меня есть кое-какие планы насчет издания этой книги, но, боюсь, фантастические.

До скорого свидания!

Адрес наш, оказывается, такой:

Тульская область, деревня Новая Макаровка, почтовое отделение Кутуковка, дом отдыха Детиздата.

Тот адрес, что я тебе посылал, тоже годится.

[1]Датируется по содержанию: в марте 1938 года Л. К. уехала из Ленинграда по настоянию отца; К. И. по-прежнему убеждает ее в этом письме «побывать на квартире и уехать от тамошнего климата куда-нибудь». Судя по неопубликованному письму к сыну Николаю, К. И. приехал в Москву из Ленинграда 20 мая. Позже, начиная с 15 июня, — Л. К. с дочерью на даче в Тарховке, а К. И. с женой — в Переделкине. См. письмо **129** и следующие.

127. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец мая — начало июня 1938. Тульская область

Лидочка! Пишу второпях, сейчас отходит почта. Люша здорова, весела, и если б была моя воля, я оставил бы ее здесь до августа. Кругом леса, перед домом река; творог, масло, простокваша чудесного качества. Много детей. Но она очень скучает без тебя. Поэтому 2-ю половину лета ты, Ида и она будете, очевид-

но, жить вместе. Издали трудно советовать. Мне казалось бы разумным, чтобы ты показалась на квартире, добыла бы фото на свой паспорт, и сейчас же уехала за город. Не поселиться ли тебе в Александровке или возле Зои[1] — на Сиверской. Если бы ты не работала над книгой, я посоветовал бы тебе жить под Москвой, но книга решает все. К сожалению, Литфонд ничего не сделает для М<ирона> П<авловича>*. Я уже нащупывал почву в Москве[2]. (Рах<иль> Ар<оновна>[3] очень хорошо перевела стихи в «Геке Финне» — *виртуозно*, видела ли ты? Ей надо переводить англ<ийских> поэтов *стихами* для хрестоматии Маршака.) Маме лучше. Она привезет Люшу в Л<енингра>д. Было бы хорошо, если бы к тому времени у тебя была дача для Тебя и для Люши. Ида рассказала тебе о Люшиньке. Но горько, что в посл<еднее> время Люша не занимается — стала забывать выученное. На чем основаны твои надежды, что повесть твою удастся напечатать? Это было бы отлично, но, наск<олько> я понимаю, она лишена «актуальности». Я ничего не делаю: первый раз в жизни. Из ленинградцев здесь нет никого. Целуем тебя все трое...

---

*Я обращался к самым совестливым сотрудникам Литфонда. Они говорят: нет денег. Поговорю с Фединым, моим соседом по даче. Увижу его около 16-го, не раньше.

[1]*Зоя* — Зоя Моисеевна Задунайская.

[2]*Мирон Павлович* — Левин.

[3]*Рахиль Ароновна* — Брауде (1901—1971), секретарь редакции Лендетиздата. После арестов в 37-м году редакторов и писателей ей предложено было подать заявление об уходе «по собственному желанию».

128. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Середина июня 1938. Переделкино[1]

Милый Лид! Конечно, я повидаю Сергея Ивановича Вавилова и Брицке[2] (вице-президента Академии Наук). Я с обоими знаком довольно хорошо, но почти наверняка предвижу, что они мне настоящей правды не скажут. То, о чем ты пишешь, очень похоже на правду. Я тоже слыхал кое-что в этом роде. Но мне вряд ли удастся узнать правду *непосредственно* от академиков, нужно подыскать кого-нибудь, ближе меня с ними знакомого. Но попытку все же сделаю. Боюсь, что все они сейчас на дачах и в командировках.

Если слух подтвердится... впрочем, посмотрим. Я попытаюсь повидаться и с Губкиным[3], с которым встречался в жизни не раз.

Рад за Мирона Павловича. Лучше ли ему? Конечно, с удовольствием буду участвовать в складчине.

О Шурочке я написал секретарю тов. Вышинского, тов. Корнацкой. Не сомневаюсь, что письмо дошло. Любовь Эм<мануиловна>[4] обещала справиться по телеф<ону> и сообщить мне результаты. Но не сообщила. М<ожет> б<ыть>, ей ответили, что такой бумаги не получали. Пусть спросит еще раз по данному мною телефону. Бумага могла запоздать на три дня[5]. Я подписал свою фамилию, но адреса не дал, т.к. у меня его тогда не было[6].

Очень верю в твою книгу, но на чем основаны твои надежды на ее напечатание?

На нашей даче я уже провел сутки — и мне очень нравится. Тишина абсолютная. Лес. Можно не видеть ни одного человека неделями. Только ремонт сделан кое-как; всюду пахнет скверной масляной краской; денег потребуется уйма. Хватит ли у меня средств завести в ней все необходимое, не знаю, но если хватит, для вас для всех будет отличная база.

Почему бы [тебе] в городе не жить у нас? Если ты деликатничаешь в отношении меня — деликатность ненужная. Впрочем, теперь лето. Живи себе на даче, пиши. Я завидую тебе, что ты с Люшей. Конечно, она уже забыла деда, но мне без нее скучновато.

Сообщила ли она тебе все свои шарады? Обыгрывает ли она тебя в домино? Взяли ли Вы на [слово залито кляксой] географическую карту?

Я дал себе слово не встречаться здесь с писателями. Но сейчас у меня был сын Всеволода Иванова, потом пришла мадам Федина, меня зазвал в гости Павленко... Удастся ли удержаться?

Прибыла мебель. Мама в хлопотах.

Привет.

Твой *папа*

[1]Датируется на основании неопубликованных писем К. И. к сыну Николаю. Из них ясно, что на дачу в Переделкино Чуковские переехали в середине июня 1938 года.

[2]Упомянуты академики — *Сергей Иванович Вавилов* (1891—1951) и Эдгард Викторович *Брицке* (1877—1953). Они участвовали в хлопотах о М. П. Бронштейне. В «Деле» Бронштейна сохранились следы активных усилий С. И. Вавилова вызволить М. П. Бронштейна из тюрьмы. Там находится научная характеристика М. П. Бронштейна, подписанная академиками С. И. Вавиловым и Л. И. Мандельштамом. Характеристика кончается словами: «Мы считаем, что М. П. Бронштейн является

крупным ученым, работы которого содействовали развитию теоретической физики в СССР». Характеристика подписана 8 февраля, за 10 дней до расстрела М. П. Бронштейна. В 1939 году С. И. Вавилов продолжил свои усилия. В деле имеется его письмо на бланке депутата Верховного Совета РСФСР, в котором он ходатайствует перед Андреем Януарьевичем Вышинским (1883—1954), прокурором СССР (1933—39) о разрешении пересылать М. П. Бронштейну специальные книги. Защитники осужденного не знают, что пересылать книги уже некому.

[3]Иван Михайлович *Губкин* (1871—1939), геолог, академик, вице-президент Академии наук СССР (1936—39).

[4]*Любовь Эммануиловна* — Любарская. О ней см. примеч. 7 к письму **124**.

[5]В первой половине письма речь идет о хлопотах за М. П. Бронштейна; во второй — за А. И. Любарскую. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[6]К. И. решил переехать из Ленинграда в Москву и получил дачу в Переделкине (улица Серафимовича, д. 3), а квартиры в Москве у него не было.

129. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

7 июля 1938. Тарховка

[Нет первых четырех стр.]

Вот, кажется, все новости. Больше никаких.

Конечно, у меня есть к тебе, папа, просьба. Но на этот раз легкая. Есть такой физик в Москве, редактор одного физич<еского> журнала, Шпольский[1]. Поручи кому-нибудь из своих секретарей узнать его имя и отчество, его адрес, и еще вот что: в Москве ли он или уехал отдыхать на юг?

Это очень мне надо знать.

Итак, жду писем. Как можно так долго молчать? Здоровы ли вы? Пишите.

Лида

7/VII 38
Тарховка[2]

P. S. Вот рассказ об одном маленьком мальчике. Он просил, чтобы его родители взяли к себе на воспитание кого-нибудь из испанских ребят. Мать объясняла, что она не может: жилплощади нет, денег мало и пр. «Я не возьму, а вот моя сестра, твоя тетя, возьмет маленькую испанскую девочку».

«Но я не хочу двоюродную испанку, я хочу родную испанку».

[1]Эдуард Владимирович *Шпольский* (1892—1975).

[2]Дачное место под Ленинградом.

130. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 июля 1938. Тарховка

Милый папа. Получила твою открытку. Итак, ничего, ничего! И годовщину мы будем праздновать безо всякой надежды[1].

Теперь о моей книге. «Знамя», насколько я понимаю, — журнал для взрослых; а книга моя[2], насколько я понимаю, — для детей старшего возраста.

Я получила письмо от Эйхлера[3]. Он пишет всякий вздор; впрочем, любезен. Но пойми, что самое главное для моей книги сейчас — это консультация. Мне необходим консультант-историк, специалист по XVIII веку, который прочел бы рукопись, указал ошибки, ответил бы на мои вопросы. Вот для чего мне нужен договор с издательством: без организационной и материальной помощи издательства наладить консультацию невозможно.

Я пишу об этом Эйхлеру. Но, разумеется, не очень надеюсь на его понятливость.

Планы мои такие: между 15 и 20 (или 25) августа я приеду в Москву и привезу вам Люшу. Сама же займусь своей книгой (между прочим, удастся ли мне поработать в Моск<овской> Библиотеке?)

Пожалуйста, сообщи мне: нужно ли везти с Люшей и Иду. Мне это все равно и ей тоже; но надо знать заранее. А я о вашем быте представления не имею.

Сейчас я живу плохо. Ида больна, находится в состоянии полулежачем. Следовательно, за продуктами вынуждена ездить я. В такую жару это тяжко. Я волочу все: в Тарховке нету даже хлеба. Поездки весьма тормозят и отдых, и лечение, и работу. К доктору хожу (с корзинами); он вливает кальций и еще что-то (для поднятия аппетита) и пичкает меня снотворными, и заставляет есть яйца, лимоны и витамин С. Я все это исполняла; но сейчас исполняю хуже, п<отому> ч<то> таскать такое количество яиц мне трудно. Лучше уж их не есть, чем из-за них ездить.

Новостей никаких. Ждем и ждем Шуру. Бедная моя, она так плохо переносит жару. В Тарховке смотрю на калитку: жду телеграмму. В городе пугаюсь телефонных звонков. Тусенька ушла со службы, но не отдыхает, п<отому> ч<то> болеет. Лежит.

Мишкевич[4] снят с работы.

Мирону Павловичу *гораздо* лучше, и он пишет счастливые письма.

Таковы дела.

Хотелось бы знать, приедешь ли ты, папа, в Питер — и когда? Может статься, что я захочу приехать в Москву *раньше*; как бы не разминуться?

Я приеду раньше, если раньше кончу книгу — не всю, а без 2-х глав.

Целую тебя и маму.

Лида

30/VII 38
Ленинград

[1]Речь идет о годовщине со дня ареста Матвея Петровича. Он был арестован 6 августа 1937 года.

[2]...*книга моя* — «История одного восстания».

[3]Генрих Леопольдович *Эйхлер* (1901—1953), заместитель главного редактора московского Детгиза. Подробнее о нем см.: Генрих Эйхлер. Для себя лично, или Несмотря ни на что: Записки. Отрывки. Дневники. Новеллы. Письма. Воспоминания / Сост. Борис Вайсберг. Издание газеты «Штерн»: Екатеринбург, 1998.

[4]Григорий Иосифович *Мишкевич*, главный редактор Лендетиздата. В 1937 году он, как вспоминает Л. Чуковская, «доказывал «вредительство группы Маршака», измышлял политические обвинения против М. П. Бронштейна, А. И. Любарской, С. К. Безбородова, Т. Г. Габбе, фальсифицировал корректуры». Подробнее о роли Г. И. Мишкевича в разгроме ленинградской редакции см. «Записки». Т. 1, с. 297—300, а также статью А. И. Любарской «Как это было» («Нева», 1990, № 10).

131. Л. К. Чуковская — К. И. и М. Б. Чуковским

5—6 августа 1938. Тарховка

Дорогие родители. Я свинья. Признаю и каюсь.

Я уже давно ношу туфли, сделанные мне Королем сапожников, но до сих пор не удосужилась Вам об этом написать.

Они элегантны, легки, возбуждают общую зависть.

Когда Мих. Як. принес их мне — я спросила:

— Сколько они стоят?

— Мария Борисовна не велели с вас получить.

— Но скажите, сколько они стоят.

— 350 р.

—?!?! Если бы даже Мария Борисовна и велели с меня получить — вам это не удалось бы.

Деньги мне сегодня А<нна> Г<еоргиевна> вручила. Они пришлись весьма кстати. В прошлом месяце я истратила больше обычного, т.к. лечение стоит дорого. У меня выходит на доктора около 50 р. в неделю... «Курс» скоро кончается, и экстренные затраты прекратятся.

Доктор мною очень доволен. Он утверждает, что пульс мой, который раньше был 80—100, теперь — 60—70. Мне-то на это наплевать, но он находит, что это весьма существенно.

Он вливал мне *инсулин* и *кальций*. Результаты — этот самый пульс и, что гораздо важнее для меня, — уже 2 недели нормальная температура! Несмотря на то, что я, таская продукты пудами, езжу туда-назад по жаре, не отдыхаю днем и пр. и пр. — т.е. делаю все то, что мне категорически запрещено.

Ты, папа, предлагаешь выступить по поводу проблемы Левин — Мишкевич — Маяковский[1]. Уф. Проблема такая, что у меня от нее немедленно усиливается сердцебиение. Она сократила мой век лет на 10, п<отому> ч<то> тяжелее всех она ударила по *мне*.

Но вот что: всякое *неточное* выступление принесет не пользу, а *зло*. М<ишкевич> отбрехается и выйдет прав.

Ты вот пишешь, что мог бы протиснуть статейку о том, «как работу Левина присвоили другие люди». Но сейчас речь уже должна идти вовсе не о присвоении (была попытка присвоить — но не работу Левина, а мою, редакторскую), а об *уничтожении* работы Левина и моей и о том, что однотомник Маяковского, подписанный мною к печати *более года назад*, до сих пор *не вышел*. Из-за манипуляций М<ишкевича> —

1) дети не получили стихов Маяковского,

2) Левин болен,

3) я — больна, выгнана и оклеветана,

4) истрачено много 1000 госуд<арственных> денег. Таковы итоги.

Конечно, не обо всем удастся говорить.

Но о многом сказать можно.

Для того чтобы заговорить, надо найти кое-какие документы, проверить даты и сроки.

Одним словом, я с удовольствием подберу этот материал. Припомню, поroюсь в столе. Т.е. я сделаю это без удовольствия, но из чувства долга.

Так вот, если *действительно* можно кое-что опубликовать, дай мне знать — и я пришлю тебе материал.

Но *без точного* материала ничего не делай.

Итак, жду инструкций по этому поводу[2].

Сегодня я была в городе. Покупала продукты и — что гораздо приятнее — подарки для Люши. Она тут очень увлекается игрою «в дочки-матери», кормит, моет, одевает и воспитывает пупса, и я решила накупить побольше всяких хозяйственных принадлежностей. Купила плиту, кастрюли, примус, самовар, весы. Пусть хозяйничает.

Однако боюсь, что день будет не только для меня, но и для нее невеселый, для меня по причинам известным, а для нее потому, что *не приедет Таня*! Ни Тани, ни Татки, ни Гули!

Таня на Сиверской, и волочить ее оттуда, да еще в выходной день, невозможно.

Люша очень огорчена.

Сейчас я — когда я на даче — по 12, по 13 часов сижу над книгой. Стадия работы очень приятная: переписываю перед машинкой. Потом мне придется дня 2 прожить в городе, чтобы посмотреть карты, словари и пр. такое, что тащить на дачу нельзя. А потом — потом могу приступить к торговле. Ибо написаны 4 части из 5, 9 глав из 12-ти.

Но книжка ужасно рискованная.

Это жаль, что нельзя приехать к вам в 20-х числах. Я уже, вероятно, к тому времени буду готова ехать, ну все равно.

Что означает твоя фраза: «Бабушкина[3] при смерти»? Чем она больна?

Ну мне пора спать. Уже совсем темные ночи и прохладно. Ветер с моря. Сегодня мне вряд ли удастся уснуть. Думаю, в Киеве, на улице Толстого[4], сейчас никто не спит. До свидания.

Лида

5—6/VIII 38

Нельзя ли достать для меня в Москве витамин С. Здесь есть только в облатках, а мне нужен жидкий.

[1]Л. К. Чуковская совместно с М. П. Левиным готовила к печати однотомник В. Маяковского. Как вспоминает Л. К., «уличая меня во вредительстве и усердно приписывая мне соучастие в кознях арестованных «врагов народа», <Мишкевич> привел на собрании в качестве доказательства перевранные цитаты из моих и Левина примечаний к тому Маяковского» («Записки». Т. 1, с. 297).

[2]Через много лет, в 1993 году, Л. К. узнала, что Мишкевич присвоил работу, проделанную ею и Левиным по подготовке однотомника Маяковского. В № 12 журнала «Наш современник» за 1993 год напечатана статья В. Дядичева. Там он пишет об этом однотомнике: «Обратим внимание на петит издательского «квадратика» — *«Редактор Г. Мишкевич. Книга сдана в набор 25/VII 1936 г. Подписана к печати 11/VI 1938 г. Лендетиздат»*.

[3]Антонина Петровна *Бабушкина* (1903—1947), главный редактор журнала «Детская литература», редактор журнала «Мурзилка».

[4]*...в Киеве, на улице Толстого* — по этому адресу год назад на квартире своих родителей был арестован М. П. Бронштейн.

132. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12 октября 1938. Ленинград

[Нет начала] ...сочетать марксизм с шовинизмом. Ясно же, что из этого сочетания ничего путного и убедительного выйти не может. Ибо марксизм противоречит шовинизму, а шовинизм — марксизму.

Люшина жизнь налажена — *почти* налажена. Через день, на 1 $^1/_2$ часа, к ней ходит немка. Немка глупа в норме: так что Люшка кое-что усваивает. Я каждый день готовлю с ней немецкие уроки и занимаюсь русским языком и картой. Скоро она начнет ходить в музыкальную группу. Раз в неделю она ходит к Зое и там вместе с Танечкой учится клеить и вырезывать. А раз в неделю, в выходной день, к ней приходят ребята и 3 часа галдят у нее в комнате. Выглядит она отлично, румяная, веселая.

Сегодня ходила с Люшей в Летний сад и там встретилась с Мариной, Гулькой и Таткой. Татка огромная, но выглядит плоховато. Гулька обаятелен. Марина поглощена ремонтом и говорит только о негашеной извести и слесарях. Гуля ходит в группу, и Марина жалуется, что без него дома скучно. Рассказывает всякие грустные вещи о Женечке[1], — боюсь, что они правдивы.

Язвой моей жизни является жилец, или, точнее сказать, жильцы, потому что он перевез к себе из деревни «братишку» и «сестренку». В трезвом виде они сносны, но в пьяном невыносимы. Кроме того, он обходится мне очень дорого, ибо не платит ни за свет, ни за телефон. За свет (за те месяцы, когда я вовсе не жила

тут) я заплатила на днях 75 рублей. Завтра иду платить 100 рублей за телефон, ибо за коммунальный телефон следует платить не 15 р. в месяц, а 30; телефонная станция взыскивает теперь *разницу* с апреля месяца. Они угрожают снять телефон — а этот прохвост и в ус себе не дует.

В пьяном виде он — без стука — входит в мою комнату и извиняется, что у них там дебош и пьянство. «Ваш спокой для меня святыня» — такова формула. Я молчу, ничего не говорю, даже на лице ничего не выражаю. И он отлично знает, что что бы он ни делал — я все равно должна молчать. Не в суд же мне идти. Этим он и пользуется.

В «Звезде» появилась большая статья о Мите[2]. Подобная же была недавно в журнале «Под знаменем марксизма»[3]. Пресса, которая позволяет себе ругать человека — труд человека, — вынужденного молчать! С каким наслаждением я дала бы по морде Львову[4]. Этакая рептилия. Таких, как он, как Мишкевич, надо уничтожать не глядя, не задумываясь, пачками, но непременно *гласно, публично*, дабы у других отбить охоту рептильничать.

Неужели НКВД никогда за них не возьмется? А хорошо бы произвести подобную чистку в общегосударственном масштабе.

Если хотите знать, что такое фашизм, пойдите посмотреть фильм «Профессор Мамлок». Я ходила с Гешей. Да, фашизм — страшная вещь, гнусная вещь, с которой необходимо бороться. В фильме показана травля профессора-еврея; фашистский комиссар, который заставляет врачей подписывать требования о его увольнении; провокационный поджог рейхстага, который дал возможность Гитлеру расправиться со своими политическими врагами; пытки, применяемые к коммунистам на допросах; очереди матерей и жен к окошку Гестапо и ответы, которые они получают: «О вашем сыне ничего неизвестно», «Сведений нет», «сведений нет»; законы, печатаемые в газетах, о которых фашистские молодчики откровенно говорят, что это законы лишь для «мирового общественного мнения». Публика смотрит с негодованием, со страстью, с ненавистью... И какие раздаются аплодисменты, когда двое коммунистов бегут из концлагеря!

Фильм несомненно имеет огромное политическое значение — боевой фильм против фашизма.

Читать нечего. Вышел новый том Пруста, но не могу его достать. С наслаждением перечитываю Герцена — статьи, отрывки из «Колокола». Какой замечательный писатель, какой светлый ум.

Получила, папа, твою открытку о том, что ты не понимаешь, почему ты должен был пойти к Люб<ови> Эм<мануиловне> и что ты должен был ей сказать. Все это пустяки — но неужели ты и в самом деле не понимаешь? Странно... Мы с Тусей сидели и страстно ждали тебя — и ты *сразу* (а не через 3 дня) пришел к нам, и тебе было что рассказать. Но ведь Люб<овь> Эм<мануиловна>, конечно, ждала тебя не менее страстно. Ты поехал в Ленинград по делу, ее близко касающемуся, — неужели не было естественно, вернувшись, сообщить ей, как это дело обернулось? Повторяю, все это пустяки — но я не понимаю, что тебе тут непонятно[5].

Сегодня получила еще одну твою открытку. Ты пишешь, что я должна срочно сообщить Ираклию[6], *куда* надо переводить для Левина деньги. Но я вчера получила письмо от Левина о том, что Диментман[7] прислал телеграмму, что Андреев[8] деньги переводит. Об этих деньгах хлопотали:

1) Ты,

2) Маршак, Шкловский, Тренев (по телеграфу из Ялты). И вот результат ваших усилий: деньги еще на 4 месяца! Это замечательно! Я уверена, что теперь его можно будет спасти. Весной санаторий обещает взять его бесплатно на экспериментальную койку. Шкловский раздобыл ему какую-то работу в «Знамени» — и теперь письма этого мальчика полны надежд и планов. Сестра его тоже в Ялте, и, говорят, у нее процесс *скоротечный*. Вряд ли она переживет весну.

Лида

12/X 38

[1]*Женечка* — племянник Л. К., Евгений Борисович Чуковский (1937—1997), сын брата Л. К. — Бориса.

[2]Упомянута статья В. Е. Львова «Еще о “Расширяющейся вселенной”» («Звезда», 1938, № 9, с. 157—175). Приводим некоторые пассажи из этой статьи, позволяющие ощутить дух времени: «Еще в 1931 году в «Успехах физических наук», этом «рассаднике идеализма в физике», исподволь насаждавшегося врагами народа, пробравшимися к руководству некоторых научных журналов, разоблаченный ныне контрреволюционер М. Бронштейн, рекламируя «космологическую» стряпню Леметра... утверждал, что вселенная есть «замкнутая система». Можно было бы удивляться маскировке, с помощью которой советскому читателю навязывалось здесь обветшалое поповское учение об изменяющейся в одном направлении вселенной. Можно было бы удивляться этому, если бы подобные приемы не входили в общую тактику вредительской банды, засылаемой вражеским окружением на разные участки нашего культурного, научного и хозяйственного фронта» (с. 162).

«Известно, что разгромленная агентура воинствующего обскурантизма внутри СССР занималась отнюдь не только вредительством в области «чистой» теории, —

она ставила вполне определенный упор и на проникновение в научно-популярную (в том числе детскую) литературу. С помощью головотяпов и гнилых либералов из издательства ОНТИ, советский книжный рынок оказался в течение определенного времени наводненным бронштейновской «популяризацией», сопровождавшейся, между прочим, восторженными комментариями иных досужих рецензентов ...экспозитура поповско-фашистского идеологического штаба была вполне «достойна» своих зарубежных мэтров. И те, и другие, как мы не раз увидим дальше, состязались во вредительском подкопе под основы материалистического естествознания» (с. 164).

[3]Речь идет о статье В. Е. Львова «На фронте космологии», напечатанной в журнале «Под знаменем марксизма» (1938, № 7, с. 137—167).

[4]Владимир Евгеньевич *Львов* — журналист с физико-математическим уклоном. В 1936 году в № 5 и № 7 журнала «Новый мир» появились его разгромные статьи, направленные против теоретического отдела Института Иоффе. Мешая марксистскую терминологию с языком партийной печати и терминами физики, Львов обвинил физиков — Л. Ландау, М. Бронштейна, Д. Иваненко — в отходе от диалектического материализма. Эти статьи подготавливали разгром физики и арест тех, против кого они были направлены. О роли В. Е. Львова в судьбе М. П. Бронштейна см. также статью Г. Горелика «Два портрета» («Нева», 1989, № 8, с. 167—173).

[5]Речь идет об одном из эпизодов хлопот за освобождение А. И. Любарской. К. И. специально ездил в Ленинград на какую-то важную встречу, получил отказ и не сообщил о нем родным Александры Иосифовны.

[6]*Ираклий* Луарсабович *Андроников* (1908—1990), писатель, литературовед.

[7]*Диментман* — неустановленное лицо.

[8]Упомянут Сергей Андреевич *Андреев* — тогдашний директор Московского Детгиза.

133. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 октября 1938. Ленинград

Милый папа. У меня ужасное горе: сегодня мне сказал управдом, что Райжилсоюз решил отобрать у меня 1 комнату. Ты понимаешь, что хуже этого и придумать что-нибудь трудно. (Впрочем, можно и хуже.) План ЖАКТа таков: отнять мою комнату, а меня, Люшу и Иду поселить в Люшиной, сделав ее непроходной. Понимаешь? В моей комнате 16 м., а в Люшиной 18 $^1/_2$. Вот в эту 18-метровую меня с Идой и Люшей и хотят загнать.

Теперь так: по *закону* каждый гражданин имеет право на 9 метров; нас трое — значит, 3 х 9=27 — нам по закону полагается комната в *27* метров, а *не в 18.* Когда я сообщила об этом управдому, он ответил:

— Домработница не считается.

— Нет, считается! — закричала бухгалтерша в ЖАКТе. Управдом на нее цыкнул, а мне сказал:

— Если такого закона нет, то мы его *найдем.*

(Прелесть, правда?)

Я сразу же пошла в Юридическую консультацию, к юристу. Он мне сказал, что домработница безусловно считается, что управдом мелет вздор, что суд будет на моей стороне... Потом спросил: «Вы родственница Чуковского? Ну, так пусть лучше К. И. позвонит в Райжилотдел и поговорит там с ними...»

Из этого я заключила, что сам юрист тоже не особенно надеется на силу закона.

Конечно, лучше всего мне было бы получить в Союзе писателей дополнительную площадь. Сжав зубы, попробую ткнуться в это учреждение, знаменитое своим покровительством слабым и угнетенным. Но вряд ли что из этого выйдет. Кто я для них? Вредитель — и никто больше.

Если бы ты был здесь сейчас — ты пошел бы в Райжилсоюз и дело, быть может, и уладилось бы. (Тем более, что *закон* на моей стороне: это, конечно, тоже помогает...) А раз тебя нет — прошу тебя написать письмо т. Успенскому, председателю Райжилотдела (пр. 25 Октября, 68). Управдом уверяет, что отнять комнату предложено именно Успенским. Так вот, я думаю: тебе следует притвориться, что ты обращаешься к Успенскому — как к начальству управдома — с жалобой на зарвавшегося мерзавца. Проси угомонить управдома, который *противозаконно* (это так) утесняет... и кого же? Твою родную дочь, которая пописывает, которая больна и пр. Ты, мол, справлялся у юристов, они, мол, тебе объяснили, что попытка отнять комнату — незаконна... Ради бога, сочини и пошли такое письмо *возможно скорее.*

Спеши подпереть своим могучим плечом наше хилое законодательство!

Понятны ли тебе обстоятельства? В восемнадцатиметровую комнату не имеют права поселить 3-х человек. Таков *закон.* Кроме того — хотя я и не член Союза Писателей — я все же пишу... Будь красноречив!

Напиши фамильярно - просительно - надменно - угрожающее письмо, чтобы Успенский предполагал, что ты за ручку знаком... ну, скажем, с самим Алексеем Толстым.

Имей в виду при этом, что управдомы именуются теперь управхозами и что мой адрес: Загородный 11 (или ул. Рубинштейна 40), кв. 4.

Что еще сказать тебе? Что теперь я уже лишилась сна, аппетита и вдохновения.

Думаю — это мой жилец жаждет расшириться.

От тебя ничего не получала уже давно. А<нна> Г<еоргиевна> сказала мне, ты чувствуешь себя плоховато. Почему? Что с тобой?

Как здоровье мамы? Скажи ей, что боты я нашла (на Кирочной).

Ни о чем больше, к сожалению, сейчас писать не в силах.

Жду известий.

Лида

20/X 38

Думаю, что, пока меня теснит всего только Райжилотдел, этот натиск можно будет отбить.

134. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец октября 1938. Ленинград

Милый папа. Вчера была у меня Анна Георгиевна, подробно рассказала о вашем житье и отъезде. Сведения как будто хорошие. Во-первых, хорошо, что мама поправилась, и, во-вторых, хорошо, что вы из Переделкина уехали в цивилизованный Кисловодск.

Я с жадностью слушала повествование о дворнике, клубнике, Альфе (на цепи!), кленовой аллее, Прасковье и вырванных с корнем врагах народа — елках. Люша, конечно, плакала бы об Альфе, посаженной на цепь, если бы она не изменила Альфе с котенком Мурзой. Она любит этого котенка столь же сильно, сколь ненавидела месяц назад белую кошку.

(Ты видишь по почерку, что у меня не пишет рука? Это мое новое бедствие.)

Единственное плохое известие, привезенное Анной Георгиевной, — боли в животе у тебя. Что это такое? Прошло? Что говорят врачи? Верить им не стоит, но выслушивать их необходимо.

Не могла я только понять из ее рассказа, кончилась ли чем-нибудь история с Мещеряковым?[1]

И еще: я надеюсь, что после Кисловодска вы поедете в Ленинград, а не в Переделкино? Анна Георгиевна говорит, что на даче у вас холодно, полы не в порядке и пр. А в Ленинграде сей-

час — как и всегда, впрочем, — течет удивительно достойная, благородная, скорбная, сосредоточенная и культурная жизнь. Я всё поверить не могу, что вы будете жить в Москве. Неужели вам не ясно, что в Москву надо ездить *по делам* или летом на дачу, но *жить* и работать нужно в провинциальном Ленинграде? Еще Герцен писал об этом. Как красив сейчас осенью Ленинград — весь в тяжелом золоте падающих листьев, и как он будет красив зимою — в тяжелом серебре инея. Из такого города уезжать. И потому — неужели [нет конца]

[1]*...история с Мещеряковым* — Николай Леонидович Мещеряков (1865—1942) заведовал Гослитиздатом РСФСР. Кроме того, Мещеряков, как и Чуковский, входил в редакцию академического Некрасова. Разногласия между ними начались с первого же заседания редакции. 27 января 1936 года К. И. пишет в дневнике: «Сегодня должна была вторично собраться редакция по изданию *академического Некрасова*. Впервые мы собрались третьего дня: Лебедев-Полянский, Мещеряков, Кирпотин, Лепешинский, Эссен и я на квартире у Эссен. Специально выписали из Л<енингра>да Евг<еньева>-Максимова. Да, был еще и Заславский. У всех этих людей в голове есть одна идейка: не изображать Н<екрасова> — боже сохрани — народником, потому что народники, по разъяснениям авторитетных инстанций,— не такие близкие нашей эпохе люди, как думалось прежде. То обстоятельство, что Н<екрасов> б<ыл> поэт, не интересует их нисколько, да и нет у них времени заниматься стихами. Я выступил, сказал, что я белая ворона среди них,— т.к. для меня Н<екрасов> *раньше всего поэт*, который велик именно тем, что он — мастер, художник и проч. А если бы Некр<асов>высказывал те же убеждения в прозе, я никогда не стал бы изучать его и любить его. Настаивал на включении во все наши будущие предисловия и крит<ические> статьи указаний на это — не замеченное ими — обстоятельство. Отнеслись не враждебно, хотя некоторая холодность в отношении ко мне была».

Из дальнейших записей мы узнаем, что редколлегия решила «не давать мне редактировать стихи Н<екрасо>ва... а сделать так, что стихи выходят под редакцией Мещерякова и моей: они прямо (и очень учтиво) предъявили мне свои требования. Сущность этих требований сводится вот к чему: я буду редактировать Некрасова, а Мещеряков будет редактировать меня. Но в таком случае так дело и нужно изобразить, а не выдумывать, будто мы оба редактируем Некрасова. Я так и сказал им и теперь не знаю, как быть». 2 апреля 1936 года Чуковский снова записывает: «Идиотская канитель с Мещеряковым. Месяца 2 назад я написал ему письмо, по его же просьбе: он предложил мне вступить с ним в некрасоведческую переписку: написал ему письмо, а он не ответил. Теперь дня 2 назад он позвонил: простите, что не ответил. Просто не умею писать письма (?!), давайте теперь сговоримся, я уверен, что мы поладим. А поладить мы должны вот насчет чего: чтобы я дал свои тексты Н<екрасо>ва и свои комментарии к Некрасову, т.е. проредактировал бы самого Н<екрасо>ва, а он даст свою вступительную статью (слабую), и это будет называться под редакцией *Н. Мещ[ерякова] и К. Чуковского*» (Дн.-2, с. 133—135).

Разногласия продолжались и в последующие годы.

135. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец октября 1938. Кисловодск

Лидочка. Мне лучше. Я, конечно, похудел и осунулся, но боли в кишках прекратились. Надолго ли? Не знаю.

Хорошо то, что мама поправилась очень. Весела, общительна, много гуляет. Уезжаем мы отсюда как будто 8-го. Значит, 10-го будем в Москве. Так как я связан работой в Детиздате, мне придется остановиться в гостинице. Чуть сдам Шевченко — приеду в Ленинград. Мама уже не возражает против того, чтобы несколько месяцев мы провели в Л<енингра>де: очень соскучилась по всей семерке, которая обязана ей своим существованием.

Надеюсь, что до декабря ты можешь сопротивляться своеволию и насилию управдома. А в декабре мы приструним его окончательно.

Так как я не знаю, где я остановлюсь в Москве, адресуй письма в Детиздат Эйхлеру для передачи мне. Неплохо было бы, если бы ты прислала мне о своих делах телеграмму в Кисловодск.

О романе не спрашиваю: уверен, что перекомпоновка тебе удалась, и теперь ты уверенной рукой пишешь о Семене Неживом[1]. Лушу целую. Если нужны деньги, возьми у Анны Г<еоргиев>ны.

Твой К. Ч.

[1] *Семен Неживой* — историческое лицо, один из руководителей «колиивщины» (1768). Так назвали восстание украинских крестьян против Речи Посполитой. Об атамане Семене Неживом рассказано во второй части «Истории одного восстания» — книги, которую в это время писала Лидия Чуковская.

136. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Последняя декада октября 1938. Ленинград[1]

Милый папа. Ты, наверное, очень удручен смертью Бориса Степановича[1]. Я — очень. К моему горю примешивается досада: в последние годы я все собиралась пойти к нему и сказать, что, хоть он и сердится на меня, — я люблю и уважаю его по-прежнему — несмотря на его неуместное выступление — по-прежнему, как в те годы, когда он играл мне на скрипке, и показывал Люше пуделя, и давал мне читать «Вавича», и угощал меня коньячком. Но я не успела — и теперь уже никогда не успею.

Меня спрашивали, можно ли без тебя поставить твое имя под соболезнующей заметкой Союза Писателей; заметка, кажется, не ахти какая, — но я думаю, ты все равно подписался бы. Правда?

В Люшиной комнате сейчас урок пения и музыки. Люшка меня очень радует, — она удивительно радостно, живо, с увлечением откликается на *всякое* занятие, которое ей предлагают: будь то песенка, отвратительный и непонятный немецкий стишок, путешествие по карте или таблица умножения. Мне кажется, у нее хорошие способности; немка у нее не бог весть какая — и все-таки Люшка делает большие успехи.

Я была с Люшей и Таней в Эрмитаже. Я боялась, что это будет скучно, но Люшка стояла перед каждой картиной такая заинтересованная, такая счастливая. Я рассказала им миф о Персее — и мы смотрели Персея и Андромеду Рубенса. Потом видали Madonn'у Litt'а, Винчи, «Мальчика с собачкой» Мурильо, «Рождение Христа» Мурильо. Конечно, показывать им надо *сюжетные* вещи; следующий наш поход — к «Последнему дню Помпеи». Я им расскажу предварительно о Везувии, о раскопках и пр.

Сейчас у нас все занятия налажены хорошо, но не хватает среди нас человека, который мог бы заинтересовать девочек естественной историей. Я прочла учебник ботаники, но заразить Люшку ботаникой все равно не смогу. Надо для этого самой знать и любить... [Нет конца]

[1]Датируется по упоминанию о смерти Б. С. Житкова — 19 октября 1938 года.
[2]*Борис Степанович* — Житков.

137. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Начало ноября 1938. Кисловодск

Дорогой Лидок. Письмо Шторма действительно умное[1]. Особенно понравилась мне вторая часть — та, где он хвалит Неживого, Журбу, Швачку[2]. И сколько бы ты ни говорила, что противопоставление твоего «художества» твоей «публицистике» есть противопоставление глупое, такая операция законна, естественна, и, главное, ее непременно проделает каждый читатель, независимо от твоих деклараций. Художество такая благодать, что ни с какой публицистикой его не спаяешь. Ты, конечно, вольна тыся-

чу раз заявлять, что у тебя не повесть, не беллетристика, но чуть ты ввела в ткань твоей книги несколько беллетристических глав, все остальное фатально превращается в пыль. Дело не в том, какое название дашь ты избранному тобою жанру, а к какому жанру причтет твое сочинение читатель. Живопись твоя так сильна, убедительна, неотразима, что, едва только он познакомится хотя бы с маленьким ее уголком, всякая публицистика покажется ему никчемной и дряблой. Конечно, твой настоящий голос — голос беллетриста. Ты говоришь, что ощущаешь себя бесталанной. Можно ли до такой степени не знать своего естества! Ты — беллетрист по природе, даже в письмах твоих те места, где ты говоришь образами, чаруют своей талантливостью. Метод твоего нынешнего писания опутывает тебя как веригами — и то, сколько в твоей книге радующих прекрасных страниц. Если бы тебе довелось взять какую-нибудь менее громоздкую тему — ты переплюнула бы всех Мариэтт Шагинян и Сейфуллиных! И Леонова с Фединым!

Говорю тебе отнюдь не как отец, а как критик, обладающий все же тридцатипятилетнею опытностью.

Ты обязана после этой книги написать другую — по душе.

Ты пишешь, что деньги твои на исходе. Прошу тебя: обратись к Анне Георгиевне, она даст тебе сколько нужно. То, что ты пишешь о Люше, чрезвычайно меня радует: у нее такой аппетит к учению, что всякое не-учение она ощущает как боль. Интересен твой опыт с Эрмитажем, хотя я думаю, что скоро это дело исчерпается: ведь сюжетных картин очень мало. Как относится Л<юша> к пению и к музыке? Хорошая ли у нее учительница? Попробуй перечесть «Жизнь растений» Тимирязева — и перескажи ей. Основное, я уверен, она поймет. Не может ли помочь тебе в естествознании Тата?

Ай да Жакт! Вот так воры! И как это тебе пришло в голову проверить их сантиметры! Боюсь только, что, если ты выиграешь тяжбу с ними, они начнут прижимать тебя с какой-н<и>б<удь> другой стороны, доносить на тебя и вообще ущемлять.

Смерть Житкова это отчасти моя смерть. Ведь я знал его с 9-летнего возраста — тоненького, горбоносого, очень изящного. Мы были однолетки и одно время крепко дружили. Говорят, Шкловский написал о нем для журнала «Детская Литература» статью — очень теплую — о том, как виноваты мы перед Борисом Житковым[3].

Здесь погода дивная, нежная, солнечная. За все время был только один пасмурный день. Я хвораю, не сплю, тоскую по Питеру; мама — не сглазить! — необычайно поправилась; здесь прижгли ей гланды, массируют ее, вспрыскивают ей под кожу лекарства; нарзанные ванны как будто созданы для нее. Меня же все это только тормошит и нервирует. Ах, если бы ты попала сюда! Твою «руку» как рукой сняло бы. Я знаю, что в октябре тебе здесь понравилось бы до слез: такая нежность и ясность.

Позвони, пожалуйста, Коле. Я написал ему огромное письмо, но он, очевидно, не получил. Пусть не шлет мне сюда «Хижину дяди Тома» — 10-го я буду в Москве. Мне страшно скучно без тебя, без Бобы, без Татки, без Люшки. Здесь Квитко и Макаренко[4]. Был Утесов, с которым мама сдружилась. Читаю Синклера Льюиса «У нас это невозможно!» Страшная книга!

Твой

[1]Георгий Петрович *Шторм* (1898—1978), писатель, историк литературы, автор книги «Полтава». Его письмо в архиве Л. Чуковской не сохранилось.

[2]Атаман Семен *Неживой*, есаул *Журба*, атаман *Швачка* — исторические фигуры, руководители восстания украинских крестьян (1768). Об этом восстании, о его разгроме, о жестоком наказании восставших — книга Лидии Чуковской «История одного восстания».

[3]Речь идет о статье: В. Шкловский. Борис Житков // Детская литература, 1938, № 18/19, с. 132—133.

[4]Названы Лев Моисеевич *Квитко* (1890—1952), поэт, и Антон Семенович *Макаренко* (1888—1939), педагог, писатель.

138. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

10 ноября 1938. Ленинград

[Нет начала] ...пишу дальше. И прежде чем не кончу всю книгу — за переделку не возьмусь. Постройка всегда виднее в *конце*, чем в начале.

Относительно ЖАКТа

1) Мне звонил Успенский. Получил твое письмо. Уверял, что нисколько не собирался меня теснить. Холуйствовал. Обещал обругать управдома.

2) Я была в Жилотделе, просила прислать техника перемерить площадь. Но тамошняя барышня показала мне план нашей квартиры — и тогда все стало ясно без новых измерений.

18 метров — в комнате жильца.

ЖАКТ спутал и брал с меня деньги за Люшину и Митину комнату (18+16), а жилец платил за мои 15. Вот и все.

Я сообщила это ошеломительное известие управдому.

Управдом схватил план.

ЖАКТ произвел перерасчет, и сегодня я получила приказ: уплатить за XI и XII — 10 р. 50 к. (Вместо 120 р.) Ибо они рассчитали все лишние деньги, которые я платила те 7 месяцев, что здесь живет жилец.

Понимаешь?

Но жильцу это, конечно, не очень-то приятно. Ему придется уплатить рублей 100.

А я теперь живу *без излишков*. У меня ни одного лишнего метра. Никакой, даже совершенно ошалевший от усердия, управдом не сможет отобрать у меня комнату.

Единственная формальность, которую осталось исполнить, это перезаключить жилищный договор. Ибо в договоре указано 35 метров, а у меня их всего 30. Надеюсь на днях добиться и перезаключения.

Что касается того, что не надо раздражать управдома, тут, я думаю, ты не прав. Надо держаться так, будто сам черт мне не брат. Чтобы они не воображали, что со мной так легко справиться.

А доносы писать управдом все равно будет. И так и этак. Такая уж евоная специальность.

Очень смешная в твоем письме фраза: «Ты обязана после этой книги написать вторую — по душе». Адский хохот!

Когда ты приедешь, я тебе расскажу, о чем мне хотелось бы написать. По душе. И совершенно художественно.

Если нельзя писать о том, о чем хочется, — то не все ли равно — о чем? Тогда вот и начинаешь заниматься теоретическими экспериментами.

Я взяла у Анны Георгиевны 1000 рублей.

Совсем не знаю, где вы и что вы. Какие у вас планы? Где вы живете?

Видел ли ты Любовь Эммануиловну? Нет ли у нее чего-нибудь для меня? Наверное, нет, она бы написала.

Неужели так-таки невозможно узнать, где находится Митя?

Я каждое утро встаю с уверенностью, что сегодня-то я непременно что-нибудь придумаю, что-нибудь сделаю, предприму.

Так и жить дальше? Очень странно.

Пиши же.

Лида

10/XI 38

139. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

15 ноября 1938. Ленинград

[нет начала] ...ли писать: выпускать Маяковского или Пушкина или даже Шорина всегда было важнее). Теперь такая возможность нисколько не соблазняет меня: нет никакого фронта, никакой идейной борьбы вокруг детской книги; не против кого и, главное, не *за кого* бороться; и, кроме того, — не все ли равно теперь: хорошие ли выходят книги, плохие ли? Пустяки все это... Но тем не менее я напишу для них какую-нибудь статью: мне как-то стыдно отказываться от работы, раз что и мне предлагают. Затею статью маленькую, чтобы не отвлекаться надолго от книги.

Ну вот, кажется, все новости. Анне Георгиевне, разумеется, немедленно позвоню насчет шубы и бот.

Я надеюсь, что кроме телеграммы получу ответ на мое письмо в виде письма.

Не могу понять — чей почерк в телеграмме? Сначала думала мамин — нет, не мамин.

Люшка прочитывает каждый день какую-нибудь толстую книгу — «Японские сказки», «Золотой ключик», «Воспоминания американского школьника» — прямо не знаю, что с ней делать. Беру уже книги для нее из библиотеки.

Итак, пишите скорее. Надеюсь, что мама уже здорова.

Лида

15/XI 38

140. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После 16 ноября 1938. Гостиница «Москва»

Милая Лида. Мама 12-го поехала поездом в Переделкино и на обратном пути (по дороге на станцию) поскользнулась, упала с мостика в канаву и не могла выкарабкаться. В канаве она про-

лежала минут десять. Оттуда извлекли ее прохожие, довели до станции — и она вернулась домой с двумя болезнями: ушибы крестца и грипп (в канаве был снег). Как добралась до гостиницы, непонятно. Слегла. К счастью, я состою теперь клиентом Кремлевской больницы. Сейчас же позвонил по телефону. Ночью прискакал хирург, прислал медсестру, утром был терапевт — банки, компрессы, растирания и проч. Держалась долго большая температура, настроение было убийственное, но теперь уже все позади. Беда только в том, что погода гнусная. Доктора не позволяют маме выходить на улицу, и она томится бездействием. Боль от ушибов совершенно прошла.

Я с своей стороны был хуже чем болен: одержим. Писал от 11/XI по 16/XI статью: «О переводах Шевченко»[1]. Читал эту статью 16-го в клубе Шевченко. Были такие сутки, когда я писал 20 часов подряд. Кроме того, огромную массу энергии поглощает у меня редактура Шевченко. К моему удовольствию, Исаковский дал мне чудесный перевод «Катерины», Твардовский чудесно перевел «Топóлю», Благинина — мелкие стихотв<орения> Шевченки. Работы уложил я в это дело бездну, но результаты будут как будто солидные[2].

Сейчас заканчиваю работу над книжкой: «Репин — Горький — Маяковский» (Воспоминания).

Вопрос о квартире сдвинулся как будто с мертвой точки. Я получил извещение, что мое ходатайство *удовлетворено*. Но конкретно еще ничего не известно. Машину мне *дают*.

В «Детскую Литературу» нужно писать непременно. Если бы ты видела, как читают этот журнал педагоги в провинции. Только им и руководятся, «прорабатывают» статьи. Редактор журнала — Галина Карпенко, человек наивный, но глубоко порядочный.

Мы живем в «Москве» № 847. Телеграфируй, нашла ли мое заключение. Фото послала тебе моя помощница Алиса. Кстати, муж Алисы снял меня с Люшкой (еще летом), изумительная карточка.

Милая Лидочка, как мне без тебя и без Люши скучно, и как мне хочется, чтобы Шуре удалось доказать свою правду. Тут ходят очень благоприятные сведения[3], которым боюсь поверить, — так они хороши... Нечего и говорить, что показательная тетка[4] оказала нам десятки услуг во время маминой болезни. Даже неловко. Ну всего. Привет Люше.

КИ

[1]Речь идет о статье К. Чуковского «Как же переводить Шевченко» («Литературная газета», 26 ноября и 10 декабря 1938 года).

[2]К. Чуковский редактировал для Детиздата «Избранные переводы» Т. Шевченко. Книга вышла в 1939 году.

[3]...*благоприятные сведения* — по-видимому, слухи о снятии Ежова.

[4]...*показательная тетка* — Любовь Эммануиловна Любарская, тетя А. И. Любарской.

141. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 декабря 1938. Ленинград

Милый папа. Вот тебе примечания к посылаемым мною примечаниям[1]. <...>

Урви, пожалуйста, минутку и напиши мне о Шевченковских делах. Какова оказалась статья Эйхлера? Каковы комментарии?[2] Ух, если и то и другое плохо, тогда не понимаю, как ты вытянешь. Сделали ли переводчики поправки? Выбросил ли ты ранние стихи?

Я получила письмо от мамы с твоей припиской. Рада, что машина уже в ходу. Но не знаю до сих пор: поехал ли ты в Узкое? Сделали ли исследования? Как живот? Был ли у т. Вышинского?[3] Пожалуйста, ответь на все вопросы. Как-то мама зябнет в Переделкино?

У меня все в порядке. Сегодня была с девчонками в Русском музее, смотрели Репина. Люшка много учится. Я пишу книгу, сегодня кончила новую главу. Книга приводит меня в отчаянье. Чувствую себя разно — день на день не приходится. Иногда и t° повышена, и все болит, а иногда и сносно. Читаю II т. писем Флобера и восхищаюсь каждой строкой.

Если нужно еще делать примечания (вероятно, нужно), пришли список слов и также свои соображения.

Не знаю, куда послать это письмо.

Целую тебя. Поклонись маме. Не простудилась ли она опять?

Лида

14/XII 38
Ленинград

[1]Примечания не печатаются.

[2]Для «Избранных произведений» Т. Шевченко, которые редактировал К. Чуковский, Г. Эйхлер написал биографический очерк. Комментарии писали В. Россельс, К. Чуковский и Г. Эйхлер.

[3]С. Маршак и К. Чуковский в своих хлопотах об А. И. Любарской добивались приема у Андрея Януарьевича *Вышинского*, прокурора СССР.

142. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Начало 1939. Ленинград

Милый пип. Я все прочла много раз. Это будет замечательная книга[1]. Только, по-моему, надо выкинуть то, что похуже. Ведь ты не историю русской поэзии хочешь представить. Зачем же тебе алмазы Лохвицкой? Мне кажется, надо учитывать не только понятность, но и то, как начнут дети писать, подражая таким стихам. И тут Лохвицкая и Фофанов прямо вредны, — вне зависимости от качества их стихов[2].

Кое-что не подходит по жанру — напр<имер>, Пушкинские ведра.

Асеев у тебя нехарактерный. Помочь не могу — нету книги (он у меня положен отдельно).

Очень не понравился мне выбор Некрасова. Ты выбрал пушкинского Некрасова «Как ты кротка, как ты послушна», — а мало ли у Некрасова *некрасовской* лирики? И почему только *любовные* стихи? (Это недостаток всего отбора. Получается какой-то письмовник.) Из стихов Некрасова надо дать «Вчерашний день часу в шестом...», «Ничего, гони во все лопатки...», «Посвящение» к «Морозу» и мало ли еще! А «Бурю» надо к черту. И «Дождик».

Список Пастернака прилагаю.

Список других поэтов прилагаю [нет конца]

[1]К. Чуковский составлял для Детгиза сборник «Лирика». Книга вышла в 1939 году. О ее составе и идет речь.

[2]Речь идет о поэтах Мирре *Лохвицкой* (1869—1905) и Константине *Фофанове* (1862—1911).

143. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

14 января 1939. Москва

Дорогая Лида!

13-го утром у меня была в гостях мама. Сидела в прихожей (дальше не пускают: клиника!). Вдруг подходит совершенно равнодушная няня-сиделка и говорит:

— Вам уже второй раз звонит тов. Вышинский: просит, чтобы позвонили.

Я пошел к прямому проводу (это близко — на том же этаже), звоню 757 и сейчас же слышу голос А<ндрея> Я<нуарьевича>:

— Тов. Чуковский, я могу вас обрадовать: мы Л<юбарск>ую освободили[1].

Чтó я говорил ему, я не помню. Мне было стыдно выйти к маме в вестибюль, т.к. я чувствовал, что сейчас разревусь. И тут вышло чудо: когда я успокоился и стал говорить с мамой о других делах, оказалось, что я все забыл: все фамилии, все имена-отчества, адреса. Напрягал мозги, чтобы вспомнить фамилию Живовой[2], и не мог, так и не вспомнил.

Мне даже странно было весь день носить в душе такую непривычную радость. Оказалось, что В<ышинский> не знал моего адреса, звонил в Союз, узнал адрес и сам позвонил в ту самую секунду, когда это дело дошло до него. Я горячо благодарен ему за такое участие.

Меня страшно интересует, как здоровье Шурочки. Где думает она отдыхать? Хорошо бы, куда-нибудь за город — в Петергоф, в Детское. Должно быть, она очень слаба. Когда она окрепнет немного, надо будет взяться за тех негодяев, которые, спасая свою шкуру, клеветали на нее — и на вас всех — при полном потворстве ныне разоблаченных — и еще не разоблаченных врагов. Сейчас и мне нездоровится, но когда я окрепну, я думаю, что мы с С. Я. Маршаком еще раз посетим А. Я. Вышинского — и сообщим ему о вредительских действиях всей этой...

Сейчас мне принесли ваши телеграммы. Ты сама знаешь, можешь представить себе, какую радость я испытал, читая эти синие бумажки, — я все еще не могу охватить все это большое событие. Неужели в самом деле на лице у Шуриной мамы появилась улыбка? Я помню наше свидание летом после беседы с Шм.[3] Это был остекленелый человек, с каким-то остановившимся сердцем. И Шурин папа, которого я никогда не видал, но о котором Маршак говорил А. Я. В<ышинско>му, что это «чудесный папа, прелестный папа, замечательный папа», и я не сомневаюсь, что то была чистая правда. Я хотел послать им телеграмму, но здесь это дело сложное, и прошу тебя передать им мой искренний задушевный привет. Скажи им, что я рад, что благодаря этому делу я узнал «показательную тетку» Любовь Эммануиловну, и надеюсь

при первой возможности познакомиться и с ними, а Шуру — хочет она или не хочет — расцелую-таки в обе щеки. Надеюсь, что мы и в самом деле скоро увидимся с нею, не для того, чтобы говорить о прошлом, но о будущем. Какие у нее планы?

Здесь отдыхают: чудесный летчик Беляков, очень милый, скромный, самобытный, киносценарист Эйзенштейн, артист Щукин, Дуся Виноградова[4] и много старых партийцев-рабочих — всё милые люди, но у меня нет времени быть с ними, я все корплю над своей жалкой статьей «Переводы Шевченко» — очень трудно одному без помощников; даже книги привезти некому.

Порадуй меня: напиши о Люше.

Поклон Иде Петровне.

Твой Father

[1]Вот как вспоминает о своем освобождении А. Любарская: «Самуил Яковлевич Маршак и Корней Иванович Чуковский понимали, что настало время, и наверное, недолгое, когда можно хлопотать за кого-то, доказывать, объяснять. А так как обвиняли меня — ни мало ни много — в «японском шпионаже», то путь у них был один — к Генеральному прокурору, т.е. к Вышинскому. До сих пор Вышинский с успехом ставил судебные спектакли, в последнем действии которых был расстрел. Теперь, зимой 1939 года, какое-то недолгое время он разыгрывал спектакли, где справедливость торжествовала.

Маршак и Чуковский добились приема у него. И вот два замечательных писателя, два интеллигента, два совершенно штатских человека, ничего не знающих ни про какой шпионаж, пришли к Вышинскому. Конечно, о японском шпионаже не было и речи. Маршак рассказывал, какой у меня замечательный отец, Чуковский рассказывал, как прекрасно я выступала на совещании по детской литературе в ЦК Комсомола, оба расхваливали трехтомник Пушкина, который я редактировала.

Вышинский выслушал их, потом снял телефонную трубку — очевидно, это была прямая связь с Большим домом в Ленинграде — и произнес странные слова: «У вас там находится Любарская Александра Иосифовна. Примените к ней статью такую-то».

Маршак и Чуковский были в отчаянии — что же это, одну статью сняли, а другую дали? Но Вышинский снисходительно сказал: «Не беспокойтесь, на нашем языке это значит, что она должна быть освобождена». А через несколько дней Вышинский, собственной персоной, позвонил в санаторий, где был Корней Иванович, и сказал: “Мы вашу Любарскую освободили”» (А. Любарская. За гранью прошлых дней // Нева, 1995, № 2, с. 170—171).

[2]Евгения Семеновна *Живова*, редактор московского Детиздата.

[3]*Шм.* — неустановленное лицо.

[4]Перечислены: Александр Васильевич *Беляков* (1897—1982), летчик, Герой Советского Союза (1936), участник беспосадочного перелета Москва — Северный полюс — США (совместно с В. П. Чкаловым и Г. Ф. Байдуковым); Сергей Михай-

лович *Эйзенштейн* (1898—1948), кинорежиссер; Борис Васильевич *Щукин* (1894—1939), актер, игравший в театре и кино роль В. И. Ленина; Евдокия Викторовна *Виноградова* (1914—1962), одна из участниц и организаторов стахановского движения в текстильной промышленности; в 1937—46 годах была депутатом Верховного Совета СССР.

144. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 января 1939. Ленинград

Милый папа.

О Шуре все тебе расскажет Любовь Эммануиловна. Шура здорова, только истощена. Ей надо отдохнуть, откормиться. Какие у нее планы? Пока никаких. Вот я, например: уже 2 года, как меня выгнали из Детгиза, и до сих пор у меня никаких планов нет. А ведь она только 9 дней живет на свете. Какие тут планы! Она говорит, что ей хотелось бы обменять квартиру. «Жизнь кончилась, а стены те же».

Я очень за нее боюсь.

Я думаю, что недели через 2 снова приеду в Москву. Знаешь, т. Голяков отказался допустить Киселева к делу[1]... Думаю, он и в пересмотре откажет.

За эти 2 недели, до поездки в Москву, я хочу немного поправиться (я здорова, только слабость такая, что колени дрожат) и хоть на дюйм сдвинуть свою несчастную книжку.

Шура говорит о тебе со слезами умиления. Она все пытается написать тебе письмо, но у нее ничего не выходит.

Сейчас мы с ней вместе пойдем гулять.

Я, кажется, впервые понимаю слова Блока

Радость-Страданье одно[2].

Ее приход — какая это радость и какое страдание!

Я жду от тебя подробного письма о твоем здоровье и о Шевченке. <...>

Целую тебя.

Лида

23/I 39

[1]Иван Терентьевич *Голяков* (1888—1961), председатель Верховного Суда СССР, которому мною, Корнеем Ивановичем и несколькими учеными была подана просьба о пересмотре дела Бронштейна. — *Примеч. Л. Чуковской.*

Яков Семенович *Киселев* (1896—1984), ленинградский юрист, адвокат, к которому Л. К. обращалась за советами по делу М. П. Бронштейна.

«С Голяковым предварительно говорили мы вместе. Корней Иванович и я, — рассказывает Л. К. в своей автобиографической книге “Прочерк”. — За ответом к нему ходил Корней Иванович один... Киселев составил для нас юридически обоснованную просьбу о пересмотре дела — просьбу на имя Председателя Верховного Суда СССР Голякова... Голяков сказал Корнею Ивановичу: “Наши юристы подвергли дело Бронштейна самой строгой проверке и никаких нарушений не обнаружили. Для пересмотра оснований нет”» (Сб.-1, с. 252, 258).

[2]Строка из песни Гаэтана в драме А. Блока «Роза и крест».

145. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 февраля 1939. Ленинград

Милый папа. Лежу и читаю статьи Пушкина. Помнишь ли ты статью о «Мильтоне и Шатобриановом переводе» (1837)? Если не помнишь — перечти. Она тебе очень пригодится (вторая часть) для «Искусства перевода»; абзацы о мощи русского языка и о том, что тем не менее не все можно на русский язык перевесть, — очень бы тебе пригодились для статьи о переводах Шевченка.

Я чувствую себя лучше, чем в Москве, п<отому> ч<то> много сплю и много лежу. Езжу в Библиотеку, занимаюсь книгой. Хочу так подготовить материал, чтобы в Узком писать.

Шура выглядит немного лучше, но по-прежнему то возбуждена, то мрачна.

Туся просила узнать у тебя, в каком году вышло первое издание твоей книги о детях. («Маленькие дети»?) Ей это нужно знать для какой-то работы.

Мы с ней сегодня несколько часов сидели вместе в Академии. Я читала переписку Екатерины с Паниным, а она — целые горы книг о *детстве*, т.е. воспоминания о детстве, повести о детстве и пр.

Пугаюсь каждого звонка, все жду телеграммы от тебя. Хочется задать тебе миллион вопросов: что тов. А.? Что Вас<илий> Васильевич[1]? И пр. и пр. и пр. Что маленькая секретарша? Что путевки? (Это не вопрос, а вопросик.)

Вавилов[2] любезно сообщил мне письмом на бланке депутата, что им возбуждено ходатайство перед т. Вышинским о разрешении посылать Мите книги.

Сейчас был у меня Киселев. Он сегодня едет в Москву и там будет подхлестывать Трайнина[3].

По-прежнему ли ты хорошо себя чувствуешь?

Пиши. Люшка — чудо природы и прелесть.

Лида

17/II 39

[1]*Василий Васильевич* — Ульрих (1889—1951), председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР, армвоенюрист, главный военный юрист страны. — *Примеч. Л. Чуковской.*

«Мечтою нашей со дня приговора была встреча с Ульрихом, — рассказывает Л. К. в книге "Прочерк", — ведь Митя отправлен был в лагерь решением Военной Коллегии Верховного Суда, а председатель Коллегии — Ульрих. Но на письма он не отвечал и вообще был невидим.

Что ж! Положение обычное.

В коридоре Верховного Суда несколько «справочных». Корней Иванович стал в очередь, выбрав наобум самую короткую — да и все они не были длинные (1939). Стоя, читал срочную корректуру. «Когда и где принимает товарищ Ульрих?» — спросил он у девицы в окошечке. «Приема у товарища Ульриха нет», — провозгласила девица. «А домашний телефон — не дадите ли?» — «Еще чего?! Домашний телефон им давай!»

До сих пор повествование реалистично вполне.

Корней Иванович отступил и сел на подоконник. Дочитывал свою корректуру и додумывал, куда ткнуться еще.

Внезапно о его колено ударился бумажный шарик. Он развернул бумажку: «Товарищ Чуковский! Я Вас узнала. Телефон товарища Ульриха...» — и номер желанного телефона!

Ну, не фантастика ли?

Далее еще фантастичнее. Несколько дней Корней Иванович истратил на то, чтобы узнать имя и отчество Ульриха. Узнав, собрался с духом и позвонил. Женский голос: «Василия Васильевича дома нет. Кто его спрашивает?» — «Чуковский». — «Корней Иванович? Это вы? Какое счастье! Я всю жизнь пишу стишки для советских ребятишек и мечтаю показать их вам!»

...Корней Иванович был приглашен к чаю. Сам Ульрих сидел перед ним, и не за канцелярским письменным, а за мирным домашним столом, накрытым белою гостеприимной скатертью. В присутствии Корнея Ивановича, тут же, за чашкой чая, хозяин дома прочел копии всех наших просительных писем и «научную характеристику» М. П. Бронштейна... Потом занес в свою записную книжку фамилию, имя, отчество, год рождения и день ареста и обещал навести справку в какой-то там у них картотеке» (Сб.-1, с. 258—260).

[2]Об участии С. И. *Вавилова* в «Деле» М. П. Бронштейна см. примеч. 2 к письму **128**.

[3]Арон Наумович *Трайнин* (1883—1957), юрист-криминалист, автор монографий по советскому уголовному праву.

146. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

21 марта 1939. Москва[1]

Дорогая Лидочка. Мне хотелось побывать у вас еще, но оказалось, что после обеда *Мертвый Час*. Я уехал — словно и не видался с тобою. На днях постараюсь приехать — на более долгий срок. От Марины получилось сегодня письмо: Люша здорова, усердно занимается. В Узком прелестно, но вы не умеете им пользоваться[2]. Мне показалось, что вы не лечитесь, не принимаете никаких процедур и ведете слишком уединенную жизнь. Книги я постараюсь вам достать быстро. Пригодились ли тебе, Лида, статьи Шестакова[3]?

Крепко целую. Напишите о себе.

К. Ч.

Адрес на открытке: Калужское Шоссе. Почтовое отделение «Теплый Стан». Санаторий Академии Наук «Узкое».

[1]Почтовые штемпели: Москва. 21.3.39; Теплый стан. 23.3.39

[2]В Узком я отдыхала с Александрой Иосифовной Любарской. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]По-видимому, речь идет об историке А. В. *Шестакове*, авторе первого учебника истории СССР для начальной школы.

147. Л. К. Чуковская — М. Б. и К. И. Чуковским

24 марта 1939. Санаторий «Узкое»[1]

24/III 39

Многоуважаемые родители. Поздравляю вас с днем моего рождения.

Пан-отец, ты жестоко заблуждаешься, полагая, будто мы не лечимся. Мы целый день лечимся, весьма педантично: 1) Ванны, 2) кварц, 3) зубы, 4) лежание на балконе, 5) лежание после ванны, 6) лежание на мертвом часу, 6) гуляние 3 раза в день по 15 м., 7) прием пищи и лекарств. Целый день лечимся.

Насчет того, что мы живем уединенно, — это так. Но что в этом худого? Так спокойнее, никто не раздражает, не пристает. У нас обеих нет никакого аппетита видеть людей. Своих бы — это я понимаю.

Пишем письма. Читаем Куприна.

3 часа в день пишу книгу. Быстро, как паровоз. За 6 дней накатала лист. Случай небывалый.

Поправилась ли мама? Позвонила бы хоть когда-нибудь, если здорова (В 228—27).

Шестаков мне пригодился, но все же необходима книга «Материалы по ист<ории> СССР», ОГИЗ, 1938. Статьи не совпадают.

Привези, папа, *бумаги*! Шура вам обоим кланяется.

Лида

Как прошла папина лекция? Папа, приезжай скорее.

Полдня чувствую себя больной и разбитой, а часов с 6 — хорошо.

Адрес на открытке: Москва, центр, Новые Дома [здесь и далее адрес московской квартиры Чуковских не указывается].

[1]Почтовый штемпель получения 25.3.39.

148. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Весна 1939. Ленинград

Милый папа. Я сегодня всю ночь думала о вчерашнем нашем разговоре. Я очень, очень боюсь, что мы с тобой можем чего-нибудь не учесть, не сообразить от неопытности и растерянности. А ведь В. В.[1] не будет принимать тебя до бесконечности — надо *знать*, чего мы просим.

Мне пришло в голову: не попросить ли его в июне перевезти Митю сюда, поближе? На том основании, что там он не может быть использован как ученый, а тут, поблизости от научных центров, — может?

Хорошо бы, это было, тогда можно было бы переписываться и посылать ему книги и со временем просить о свидании.

Но, с другой стороны, — не страшно ли это? Ведь там, думаю, климат хороший, а поближе — напр<имер>, в Караганде — убийственный. И как он вынесет дорогу? Такую длинную?

Необходимо обо всем этом посоветоваться с кем-нибудь знающим, ибо я сомневаюсь, чтобы В. В. был бы особенно вдумчивым советчиком. Может быть, он и исполнит просьбу — но какую? О чем просить?

Не посоветоваться ли тебе спешно с Трайниным (Арон Наумович, К 262—03). Он на меня произвел впечатление человека сметливого. Пусть скажет, что нужнее всего в первую очередь.

Идя к В. В., непременно составь себе список вопросов. Я думаю так:

1) Точный почтовый и географический *адрес.*

2) Пусть даст распоряжение (хотя бы в июне), чтобы М<итя>мог писать нам и мы ему. Посылка.

3) Пусть в июне узнает, *что он делает* (если жив), и распорядится, чтобы его использовали по специальности.

4) Пусть даст нам возможность в июне обменяться телеграммами.

Я думаю, что как можно скорее надо идти к Андр<ею> Ян<уарьевичу>[2]. Чтобы, если будет к<акое>-н<ибудь> решение, оно поспело бы к июню. Понимаешь?

Очень дрожат руки. Кончу потом.

[1] *В. В.* — Василий Васильевич Ульрих. О нем см. примеч. 1 к письму **145**.
[2] *Андрей Януарьевич* — Вышинский.

149. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 апреля 1939. Ленинград

Милый папа.

Я вспомнила очень важную вещь. Если ты поедешь в Киев, ты зайдешь, вероятно, на улицу Толстого, 11. Но тебе неизвестно, что они знают только о 5-ти, а о 10-ти знает один Изя. Учти это и не проговорись со стариками[1].

От тебя писем нет — значит, и новостей нет.

Интересно мне, о чем вы условились с Яковом Семеновичем[2].

И еще вопрос: должна ли я пойти к Анне Андреевне[3] и передать ей что-нибудь? Или не должна?

Если тебе придет в голову какая-нибудь благая идея — может быть, ты сам ей напишешь? Ее адрес: Фонтанка, 34, кв. 44.

Или дай знать мне.

Меня очень интересует, угомонились ли Шкловский и К° и, главное, перестал ли ты беспокоиться по их поводу?[4] Надеюсь, что перестал.

По-прежнему ли ты доволен своими секретаршами? Движется ли работа по «Искусству перевода»?

У меня насморк и кашель, но я пока здорова. Книгу пишу на всех парах.

Стараюсь сохранить санаторный режим: т.е. лежу после обеда, пью клюквенный сок и час в день гуляю. Люша кашляет и сморкается, но здорова.

Мои летние планы таковы:

20 — 25-го мая я хочу послать в Переделкино Люшу и Иду.

Сама я останусь в городе и буду писать книгу.

С 15 июля я обещала дать Иде отпуск. К этому времени я, окончив книгу, приеду в Переделкино. А Ида уедет отдыхать.

Таковы мои планы. Но устраивают ли они вас?

Напиши об этом со всей возможной отчетливостью. Можно устроить все по-другому. Но надо точно знать ваши намерения.

Кончились ли — кончаются ли — муки с вещами?

Пиши.

Лида

20/IV 39

[1]К. Чуковский собирался в Киев на торжества по случаю юбилея Т. Г. Шевченко. Речь идет о том, чтобы он зашел к родителям М. П. Бронштейна, но не проговорился о приговоре ему. Приговор был «10 лет», а родители считали, что 5.

[2]*Яков Семенович* — Киселев.

[3]*Анна Андреевна* — Ахматова. Вероятно, Чуковский обещал выяснить что-нибудь в связи с хлопотами об ее арестованном сыне.

[4]Во время одного из выступлений Чуковского о Маяковском произошла публичная ссора со Шкловским, который наговорил ему грубостей.

150. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

18 мая 1939. Москва[1]

Поздравляю, дорогой Лидок, что ты *кончила повесть*. Нашла о чем горевать! Не сомневаюсь, что в скором времени Детиздат оторвет ее у тебя с руками и ногами! Я чувствую себя дряхлым и утомленным — но не от пленума, а от 57 лет идиотически прожитой жизни. Очень рад близкому свиданию с тобою и с Люшей. Работаю целые дни — над Уолтом Уитманом. Со мною это всегда бывает в мае: я вдруг открываю для себя Уолта Уитмана и читаю его как нового. Говорила тебе Тусина мама о нашей встрече в поезде? Что (какую статью) написала Тамара Григорьевна? Изя

жалче нас всех — и отдал бы год своей жизни, чтобы сообщить ему что-н<и>б<удь> радостное.

Кланяется тебе Петр Моисеевич — жуир и доктор, отец Софочки[2].

Привет Шурочке, Зое М<оисеевне> и Т<амаре> Гр<игорьевне>.

Адрес на открытке: Ленинград. Загородный проспект 11, кв. 4

[1]Почтовые штемпели: Москва.18.5.39; Ленинград.20.5.39.

[2]*Повесть* — «История одного восстания». *Изя* — Исидор Петрович Бронштейн. *Петр Моисеевич* — родственник Бронштейнов. — *Примеч. Л. Чуковской.*

151. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После 5 июля 1939. Москва[1]

Дорогая Лида.

Я был у В<асилия> В<асильевича>[2]. «Мой милый, ищем! Там, где мы думали его найти, его нет!»

Я, уходя, обратился к секретарю за разъяснениями. (Секретарь новый, тот знакомый в отпуску.) «Он значится у нас среди без вести пропавших», — сказал секретарь.

— Но что же делать?

— Искать.

— Но как?

— Приходите 15-го, мы должны к этому [дню] получить сводку.

— Значит, мне придти 15-го?

— Лучше 17-го...

Тут из кабинета вышел В<асилий> В<асильевич>.

— Приходите 17-го... — сказал он, — мы покажем вам сводку.

Значит, вся надежда на «сводку». Что это за сводка, я плохо знаю. Да и не важно. Они говорят: «летняя сводка». Я приеду, и если снова все останется в неопределенном состоянии, снова пойду к Голякову. Люша здорова, колотит меня в домино. У нас был Сашка[3], с которым она готова возиться весь день. Ида выезжает к тебе 14-го. Я достал билет.

Целую. Твой Отец

[1]Датируется на основании даты отъезда Л. К. из Москвы — 3 июля 1939 года.

[2]*Василий Васильевич* — Ульрих.

[3]*Сашка* — Саша Купреянов (1936—1995), Люшин брат, сын Ц. С. Вольпе от второго брака.

152. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

10 июля 1939. Ленинград

Милый папа. Что же ты не пишешь? Я понимаю, значит — нет вестей. Но не заставляй меня догадываться, пиши.

Я очень занята, совсем не вижу дней. Делаю одновременно 3 работы, и так как их три — они движутся очень медленно.

1. Комментарии к книжке
2. Пересказ книжки для «Пионера»
3. Рецензия.

Корплю и дома, и в Библиотеке, еле отрываюсь для обеда. Очень боюсь опоздать.

Почему ты ничего не пишешь о Жезмер[1]? Все рвутся работать, а от тебя ни слова. Она просила нас прислать анкеты — а мы не посылаем (и тем тормозим заключение договора и начало работы) — т.к. ждем от тебя ответа — их ответа на наш денежный вопрос. Мы согласны работать на любых условиях (все), но не хотим сообщить им это без твоего сигнала. Я просила тебя в открытке написать мне об этом, а ты молчишь. Договорился ли ты с ними? Заготовлен ли договор? Посылать ли анкеты?

Напиши скорее, пока все не расхолодились.

Шура и Зоя кончают своих гусей[2], и я их не вижу, только по телефону говорим. Туся сильно огорчена той галиматьей, которая напечатана под ее именем в «Лит. Газете». Они склеили I гл. с VII и получилась чушь.

Гуслистый[3] должен дать ответ насчет моей книги *20-го*, и я очень беспокоюсь. Он в Москве!

Из «Красной Нови» — ни звука.

Так же как и от тебя.

Тороплюсь, потому письмо корявое.

Лида

10/VII 39

[1]*Жезмер* — редактор Учпедгиза. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[2]Речь идет о пересказе для детей «Чудесного путешествия Нильса с дикими гусями» Сельмы Лагерлеф, который делали А. И. Любарская и З. М. Задунайская.

[3]*Гуслистый* — имеется в виду сотрудник Государственного Ученого Совета (ГУСа), который в воображении восьмилетней дочери Л. К. превратился в грозного персонажа по имени «Гуслистый».

153. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

16 июля 1939. Переделкино

16/VII

Лидочка.

Конечно, мы с Люшей упиваемся былинами. Я читаю ей вслух и про Добрыню, и про Илью. Ей очень нравится, и понимает она все: конечно, не все слова, но весь смысл. Я нашел Бóбины былины, те, что он когда-то сочинял, когда ему было 7 лет, ей они тоже очень нравятся. Читаем в связи с этим Алексея Толстого. Чертеццу она любит больше, чем нас всех. Аппетит у нее стал невероятный: вчера за ужином съела огромную котлетищу, два огурца, простоквашу, три куска хлеба и попросила еще. Земляника, абрикосы истребляются ею без счета. Здесь есть внучонок Сейфуллиной — замечательный мальчик[1]. Они как будто сдружились: бегают за Чертеццей вдвоем. Повесть «Чертецца» пишется ею с азартом — вся в кляксах, но какие обороты:

«Но скажите-ка: как можно держать собаку и кошку, когда собака до того ненавидит кошку, что стережет ее около каждого окна»

или:

«Но вот беда: как его снять? Ведь не полезет же бабенька[2] на дерево!»

О Жезмер: я торгуюсь, но ничего не выходит. Придется, если Вы не возражаете, согласиться на эту цифру. Но вот что мне приходит в голову: отказаться от 1-го года обучения. Взять 2-й и 3-й. 1-й год окажется такой педагогической обузой, что все мы взвоем. Да и не интересно нам обучать ребят чтению. Мы хотим привить им хорошие литературные вкусы, подготовить их к Пушкину, Некрасову, Маяковскому. В третьем классе это будет сподручнее. Сообщи, каково Ваше мнение[3]. Маршак получил дачу в Переделкине. Я впервые прочел его «Акулу» и проч. Тема отличная, но выполнение — жалкое. Никакого вдохновения, одна игра слов, мелкие «хохмы», мелко газетного жанра. Да и вообще во всем сборнике: что ни перевод — приземисто и скудно.

Я пишу о переводах с упоением целые дни. Изучаю переводы Шекспира, сделанные Радловой. Завтра еду в город.

Ну вот, я вернулся из Москвы. Был у Василия Васильевича[4]. Ушел от него очень взволнованный, потому что он снова просит меня подождать еще несколько дней — ну, до 20-го, луч-

ше до 22-го... Я не нашелся ничего ответить ему — и ушел с обещанием придти к нему 23-го.

Ну, целую

Видел ГМ[5]. Он тебе кланяется.

[1]*...внучонок Сейфуллиной* — Лев Шилов (р. 1931), с 1996 года — заведующий музеем К. Чуковского в Переделкине.

[2]*...бабенька* — домашнее имя М. Б. Чуковской.

[3]Учпедгиз поручил К. И., С. Я. Маршаку, Т. Г. Габбе, З. М. Задунайской и мне составить новые стабильные учебники для начальной школы. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[4]*Василий Васильевич* — Ульрих.

[5]*ГМ* — возможно, речь идет о Георгии Макогоненко (1912—1986), историке литературы. О нем см. «Прочерк» (Сб.-1, с. 115—116).

154. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 июля 1939. Переделкино[1]

Дорогая Лида. Повесть о кошке Чертецце Люша кончила — и она тебе будет послана. Самое поразительное то, что Люша стала деспотом этой кошки: вертит ее и вправо и влево, *подкидывает* ее, забрасывает ее за спину, держа за передние лапы, укладывает спать у себя меж колен *вверх ногами*, и кошка благодарно мурлычет и не хочет уходить от Люши. Первый раз вижу такую кошку, которая так любит страдания. Должно быть, она начиталась Достоевского.

У нас бывает Сашенька и резвится вместе с Люшей. Чуть приходит, хватает лейку и начинает поливать цветы. Заниматься мы бросили, к сожалению, т.к. дней пять мне очень нездоровится. Я перестал спать — совсем перестал — и утомляюсь в работе. Я сразу пишу 5—6 книг — и переживаю страшное разочарование в своих силах. Все, что я делаю, кажется мне очень бездарным.

У нас Марина. Я редактирую ее перевод «Хижины дяди Тома». Иногда одна страница отнимает у меня 3 часа. Да и то выходит коряво. Я рад, что ты пишешь о классиках. Это будет очень нужная статья. Что пишет Гуслистый? Что ответила «Красная Новь»?

Был у меня Маршак (второй раз). Говорит, что скоро будут очень увеличены ставки за составление хрестоматий. Поэтому нужно подождать с подписанием договора в Учпедгизе. (Так говорит он.) Мы написали с ним неплохую записку о нынешнем состоянии детской литературы.

Вчера я ходил по поводу Мити, но ответ уклончивый, неопределенный:

«Подождите, мы наведем справки, если что узнаем, сообщим. Ваш адрес нам известен. До сих пор ничего твердо сказать вам не можем». Все это очень учтиво, но непреклонно. А у меня уже был готов телеграфный бланк. Я хотел отправить тебе телеграмму, но о чем телеграфировать? Не нужно ли тебе, чтобы я справился в «Пионере» о твоей повести?

Твой К. Ч.

Очень нездоровится.

[1]Датируется по упоминанию в предыдущем письме о том, что В. В. Ульрих даст ответ 23 июля.

155. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Около 10 августа 1939. Переделкино[1]

Лидочка. Твое письмо страшно обрадовало... Люшу. Она даже заучила наизусть несколько строк. Оказывается, она очень волновалась судьбою твоей повести и теперь торжествует: «Гуслистый одобрил!» Я тоже ликую. Не сомневаюсь, что задуманные Вами с Т<амарой> Г<ригорьевной> рассказы будут прекрасны. Я советую тебе непременно взять вот какую тему: Чернышевский в Петропавловской крепости. Есть такая книга Лемке «Политические процессы 60-х годов». Помню, я читал ее с волнением. Там подробно рассказывается, как Всеволод Костомаров составлял подложные письма, чтобы погубить Чернышевского. Самая книга написана плохо, но материал потрясающий. Рассказать детям обо всех перипетиях «суда» над Чернышевским, о казни его, о ссылке и о том, как героически держал себя Чернышевский во все это время, как он писал роман «Что делать», — замечательная тема! Вообще, нужно рассказывать о героях литературы, науки, авиации, о путешественниках, об изобретателе оспопрививания Дженнере и проч., и проч., и проч. Уверен, что у Вас выйдет классическая книга. Так и надо ее писать.

Сейчас я пишу тебе это письмо, а Люша внизу под балконом бегает с девочками Леоновыми, с Левой (внуком Сейфуллиной) и еще одной девочкой Таей. Они играют в жмурки, в палочку-выручалочку, — целыми часами. Сейчас и я играл с ними. Здоровье мое поправилось, почти каждый вечер я выступаю в лагерях

перед пионерами — и это стало утомительно. История с воровством испугала нас главным образом потому, что ведь этот вор может выследить тебя и придти вторично[2]. Как жаль, что с тобою нет Иды. Надо завести второй замок. И вообще, открывая дверь, если кто позвонит, надо быть осторожной. Мама говорит, что эта браслетка стоит 2000 р.

Мама с Люшей много возится, читает ей.

От Левы она получила куклу, от Бобы обруч, который сейчас же сломал сын Пастернака.

Ну, прощай, до скорого свидания. Здесь сразу похолодало, но воздух чудесный. Хорошо, если мы поедем вместе в Переделкино. Вчера я был в четырех заседаниях:

по юбилею Чернышевского,

по Некрасову,

беседа с редактором в «Пионерской Правде»,

беседа с тов. Михайловым[3] (ЦК ВЛКСМ) о правилах для пионеров.

т<вой> К. Ч.

[1]Датируется по упоминанию о дне рождения Люши — 6 августа.

[2]Лидия Корнеевна была ограблена в подъезде своего дома: вошедший следом за нею бандит снял с ее руки браслет.

[3]Николай Александрович *Михайлов* (1906—1982), первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1938—52).

156. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 августа 1939. Ленинград

Милый папа. 27-го ты был в городе — значит, 28-го вечером или 29-го днем я должна была получить от тебя письмо. Но, видно, и на этот раз мне не удалось убедить тебя писать мне *сразу* и во *всех* случаях. Напр<имер>: «Был в Москве, но ничего не удалось узнать».

Почему же, почему ты не пишешь? Уж лучше тогда не сговариваться ни о каких числах, чем потом молчать.

Видела статью о «Лирике»[1] и огорчилась. Но не очень огорчилась: статья пустяковая.

Мы с Люшкой доехали хорошо. Были вместе на первом собрании в школе. Завед<ующий> учебной частью начал свою речь так: «Здравствуйте, дети, и ваши родители!» Помещение великолепное, дети довольно интеллигентные. В каком она будет клас-

се — не решено еще, но, вероятно, в I, потому что во II у них нет вакансий. Кроме того, Мих<аил> Мих<айлович>[2] за I.

Учительница мне понравилась.

Сочиняю рецензию, но урывками, п<отому> ч<то> еще не приспособилась к общему житью с Люшкой, и она мне мешает.

Лида

30/VIII

[1]Речь идет о рецензии В. Жданова «Неосуществленный замысел» («Правда», 27 августа 1939).

[2]*Михаил Михайлович* — Цимбал, детский врач.

157. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

26 сентября 1939. Москва[1]

Милая Лида. Знаешь ли ты, что в ноябрьской книжке «Красной Нови» будет напечатана твоя «История»[2]? Это меня страшно радует.

Здоровье мое улучшается как будто, но я до сегодняшнего дня был в постели. Даже писать не могу: рука дрожит почему-то.

Целую Люшу, тебя. Пиши.

Твой отец

Не напишешь ли ты еще статью в «Красную Новь». Напр<имер>, «Детская лит<ература> в 1939 году».

Нет ли у тебя отдельного экземпляра твоей «Истории»? Пришли. Отрывки можно напечатать в «Известиях».

Адрес на открытке: Ленинград. Загородный 11, кв. 4

[1]Почтовый штемпель получения: Ленинград. 28.9.39.

[2]В «Красной нови» (кн. 10—11) действительно была опубликована «История одного восстания: Исторический очерк».

158. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Сентябрь 1939. Переделкино

Дорогая Лидочка!

Я все еще маюсь. О болезнях скучно рассказывать, но я еще никогда в жизни не чувствовал себя так плохо, как сейчас. Вся моя надежда на Барвиху, куда, кажется, меня удастся устроить. Ведь

болезнь моя, если ты помнишь, началась еще до Ленинграда, и теперь я расплачиваюсь за то, что долго переносил ее на ногах.

Мне бесконечно больно, что я не могу выполнить ни одного из твоих поручений. Даже зайти в Учпедгиз — и то не могу.

В самый разгар болезни Литфондом было предписано мне в 24 часа очистить дачу. Вскоре это распоряжение было отменено, но ты можешь себе представить, какой удар это нанесло мне и маме, которая тоже лежала больная. Только сегодня я имел возможность прочитать твою статью о Чумаченко[1]. Статья удивительно рельефная и прекрасно обоснованная. Жаль только, что ты не изучила предыдущих трудов Чумаченко. Это дало бы тебе опору для самых убийственных выводов. Но, может, и лучше, что эта статья не имеет характера разноса.

Возлагаю много надежд на твою статью о классиках. В твоих теперешних статьях так много зрелости, так мало запальчивости и внешнего полемизма, что хочется, чтобы ты писала их возможно больше. Они написаны с очень высокой горы, и раз уж ты взобралась на эту гору, хотелось бы, чтобы ты показала и другим, что оттуда видно.

Уже во время моей болезни у меня был Фадеев и дал подписать ту бумагу, начало которой ты у меня видела, — о Детиздате. Бумага, между прочим, требует, чтобы старые кадры редакторов, распыленные и уничтоженные предыдущим руководством, были возвращены.

Ну, целую тебя крепко. Собираюсь к отъезду. Чуть только мне немного полегчает, я съезжу в Москву и сделаю то, что нужно.

Скажи Люшеньке, что Блэк при ближайшем рассмотрении оказался девочкой.

[1]*...статья о Чумаченко* — речь идет о статье Лидии Чуковской «О двух книгах с одним названием» («Детская литература», 1939. № 9, с. 38—40). Эта статья представляет собой рецензию на книгу Е. И. Васильевой о Миклухо-Маклае «Человек с луны» и на книгу А. Чумаченко — тоже о Миклухо-Маклае и под тем же названием «Человек с луны».

159. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

7 октября 1939. Ленинград

Милый пип. Получив Ваше письмо с выговором, я сначала обиделась, потом огорчилась, а потом решила, что как Вы есть мой

единоутробный отец — Вас следует слушаться, даже если Вы не правы.

Итак, повинуюсь и отныне буду трактовать только идиллические предметы.

Статья наша (а не моя, как ты все время пишешь) окончена, и послезавтра я пошлю ее тебе. Ты советуешь ее печатать в «Кр<асной> Нови» или в «Лит<ературном> Критике». Совет благой, но ведь мы обещали ее «Дет<ской> Литературе». Благородно ли нарушать свои обещания? «Я не рожден, чтоб два раза / Смотреть по-разному в глаза»[1]. Не знаю, как быть. Пожалуйста, прочти и напиши нам совет — и, главное, свое *мнение*.

Ты кончил статью о Радловой[2]. В том варианте, который я слышала, она была великолепна... Интересно, в каком № они пустят ее... В силах ли ты уже работать?

Люшка очень обрадовалась твоему письму и выкрикивала известия о Чертецце на весь дом. Сегодня у нее был первый урок немецкого языка с новой немкой — кажется, на этот раз дело пойдет на лад. В школе ее выбрали санитаркой, она ходит с красным крестом на рукаве и записывает всех, у кого грязные уши, на особый лист. Отметки она приносит разные: сегодня принесла *посредственно* по русск<ому> за то, что неправильно соединяла *а* с *м* и не там делала нажим.

Я была у доктора. Он нашел у меня нечто вроде ишиаса, функциональный невроз, бронхит. Постоянные гриппы объяснил общим ослаблением организма, слабостью, упадком сил. Как видишь, ничего нового.

Много читаю о Ч<ернышевском>, делаю выписки из мемуаров и статей. Тема необъятная; и хотя я ограничусь только *делом* Чернышевского — конца-краю не видно чтению. Я ведь 60-х годов совсем не знаю.

Взяла в библиотеке твою книгу.

Никитенко[3] читала с интересом и жалостью. Страшна судьба человека, который неправильно понял *главное* в своей эпохе. Как бы он ни был умен и порядочен — он обречен во всем наврать, натворить глупостей и подлостей.

Ну что ж еще? Ничего как будто. Жить мне очень скучно. Каждое утро просыпаюсь и думаю: для чего мне вставать? В конце концов, воспитывать Люшку можно и лежа. Самые дурные часы: утром перед вставанием и вечером перед сном. Днем занят повседневностью, а утром и вечером думаешь о жизни. Ах, я пре-

красно знаю, что человек *должен* трудиться. И тружусь. Но плохо, когда живешь только из чувства долга. Такая жизнь утомляет.

Может быть, я скоро поеду в Киев, а оттуда на неделю в Крым. Надо повидать Мир<она> П<авлови>ча раньше, чем он умрет, и лучше всего сделать это сейчас, когда я не в разгаре работы. Поеду, конечно, только в том случае, если получу из Киева договор на свою книгу. Тогда нужно будет на месте условиться о переводчике, рисунках и пр.

Знаешь, кому я хочу просить заказать перевод? Изе. Он сделает это отлично.

Сегодня получила письмо от Эйхлера[4]. Он пишет, что мою книгу, которую решили издавать в спешном порядке, поручили иллюстрировать Бойму. Я не уверена, что память мне не изменяет, но как будто я видела когда-то омерзительные рисунки этого самого Бойма. Ты не помнишь?

Быть может, буду проезжать через Москву. Тогда примчусь в Барвиху.

Я пустынной Москвою
Прохожу одиноко,
Вспоминаю и жду.
Мы любили с тобою
Чаши, полные света,
Что в Охотном ряду.
Нас игрушечный поезд
Увозил в подземелье,
Где веселая тьма.
То был свадебный поезд,
Обещал он веселье —

а последняя строчка еще не написана[5]. Не сердись!

Целую тебя крепко.

Лида

7/X 39
Ленинград

[1]Неточная цитата из 10-й строфы поэмы Бориса Пастернака «Высокая болезнь». Строфа начинается словами «Мы были музыкой во льду...».

[2]*...статья о Радловой* — вероятно, речь идет о статье К. Чуковского «Искалеченный Шекспир» («Правда», 25 ноября 1939). Еще одна его статья «Астма у Дездемоны» [«Отелло» в переводе Анны Радловой] вышла в начале 1940 года в журнале «Театр» № 2. Чуковский подверг резкой критике шекспировские переводы Анны Радловой.

[3]Александр Васильевич *Никитенко* (1804—1877), критик и литературовед. Л. К., по-видимому, читала его «Дневник».

[4]Генрих Леопольдович *Эйхлер*, заместитель главного редактора московского Детгиза, ответственный редактор книги Л. Чуковской. Очевидно, Л. К. убедила издательство заказать рисунки другому художнику. В результате книга вышла с рисунками А. Ермолаева. Переплет и орнамент сделал М. Ильин.

[5]...*последняя строчка* — «Оказалась тюрьма». Она не могла быть «написана» в письме, пересылаемом по почте.

160. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Десятые числа октября 1939. Москва

Дорогой Лидок. Третьего дня у меня измеряли основной обмен, и оказалось, что главная моя болезнь, подтачивающая меня много лет, — прожорливость *щитовидной железы*. Базед. Или базедоид. У порядочных людей нормальный обмен выражается цифрой 110, у меня 138. Это огромно. Отсюда мои бессонницы, утомляемость, писательская непродуктивность. Дочь моя, простишь ли ты меня, что я наградил тебя такой неказистой болезнью? Ибо теперь мне ясно, что твой базедоид *от меня*. (Пишу это в постели, ибо у меня опять приступ желудочного гриппа — вчера была температура около 38, все лечение полетело к чертям.) Но если ты унаследовала от меня болезни, почему бы тебе не унаследовать и мои добродетели? Например: лет пять назад я обещал в «Известия» дать статейку о Шекспире. В это время у меня представилась возможность напечатать статейку в «Правде». Я не задумываясь отдал ее в «Правду». Ведь для писателя важно качество и количество читателей. Можно ли сравнить в этом отношении «Красную Новь» с «Детской литературой»? И почему способствовать процветанию шкловитянского беспринципного органа? Непременно отдайте статью в «Кр<асную> Новь» или в «Литкритик». Пусть Детлитература скажет спасибо за те две статейки, которые ты для нее написала[1]. Идиоты киевляне, что медлят с твоей книгой. Боюсь, как бы какой-нибудь юркий прохвост не обокрал тебя: прочтет рукопись и состряпает на ее основе роман или сценарий. Черкни мне адрес этого издательства. Я ничего не пишу. Мне запрещено. Бессонница у меня страшная. За 7 суток я спал только однажды.

Читаю Хэмингвэя, Колдвелла, получаю наслаждение. Здесь познакомился с замечательной личностью: с бывшей пулеметчи-

цей Чапаевской дивизии Марией Поповой. Необычайно талантлива, самобытна, из неграмотной батрачки стала интеллигентной женщиной, знающей шведский и немецкий языки. В ней есть и величавость, и скромность. Говорит она чудесным русским языком — вкусным, богато окрашенным.

Значит, ты решила писать о Чернышевском[2]? Сейчас вышла книга Евг<еньева>-Максимова — по-своему неплохая — «Последние годы “Современника”», там есть несколько любопытных штрихов о той эпохе и о Всев<олоде> Костомарове.

Мне приходит в голову, что никаких рисунков к твоей книге не надо. «Белеет парус одинокий»[3] в первом издании вышел без рисунков. Бойм задержит книгу на полгода, а толку не будет. Пошли немедленно письмо и требуй: никаких рисунков. Сошлись на «Белеет парус». В лучшем случае какой-ниб<удь> увраж из подлинных зарисовок той эпохи... Привет Елене. Целую не только тебя, но и Шуру. Ее бумага — для меня неистощимая радость. Так как писем теперь не пишу, бумаги хватит надолго. Здесь все с большим увлечением читают «Ярославль»[4].

Тв<ой>

Разве Левину стало хуже?

Ты хорошо написала про метро «Охотного ряда»[5].

[1]К. И. имеет в виду девятый номер журнала, где были напечатаны две статьи Л. Чуковской: рецензия на книги о Миклухо-Маклае и рецензия на книгу о Шевченко. Об этих статьях см. также письма **158** и **165**.

[2]Я собиралась писать не о Чернышевском, а о Михайлове (повесть под названием «Убили», как назвал свою заметку Герцен). — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]«Белеет парус одинокий» — повесть В. Катаева, вышедшая в 1936 году.

[4]«Ярославль» — название романа Николая Чуковского.

[5]Речь идет о стихотворении Л. К. См. предыдущее письмо.

161. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 ноября 1939. Киев

Милый пип. Пишу тебе наобум, не зная, где ты и что с тобой. Я в Киеве. Сейчас иду в изд<атель>ство за окончательным ответом насчет моей книги. От книги они в восторге, но у них нет бумаги.

Левину[1] плохо. У него начался скоротечный процесс в горле. Врачи говорят, что жить ему осталось месяца 2—3. Ведет он себя

с поразительным мужеством, но видеть его страдания невыносимо. Он лежит, он не может глотать, и, по предсказаниям врачей, смерть наступит от голода. Мне захотелось послать тебе его стихи. Они кажутся мне значительными и обещающими (!), но, быть может, я ошибаюсь.

1

Мы говорим веселые слова,
Но наша жизнь мертва, мертва, мертва.
И только в звонкой доблести острот
Пред нами жизнь как подвиг предстает.

2

Задумаем, котик, на счастье
Простое, простое число,
Чтоб нам хоть чуть-чуть, хоть отчасти,
Хотя бы на миг повезло.

3

Ничего не поделать: к позору, к стыду
Дорогой человек написал ерунду.
Но когда вспоминаешь поступки, тогда
Понимаешь, что можно простить, — ерунда!

4

Голос тихо исчезает,
Оставляет одного.
Так товарищи бросают
Тело друга своего.

5

Сосна протягивает корни
Среди песков, среди камней.
И чем труднее, тем упорней
Движения ее корней.

6

Михайловский замок у Летнего Сада.
Каштаны, и цирк, и Михайловский сад.
Вот все, что мне нужно. Мне больше не надо.
Верните мне город и замок назад.

7

И все-таки, милый, и все-таки
Об этом молчок! Никому!
Мы тайное имя красотки
Не вымолвим даже ему.

А если попросит, попросит,
И тут не откроем секрет.
Мы тушью на чистой бумаге
Ее нарисуем портрет.

8

Улыбка — это способ жить.
Иначе — впору разреветься.
Иначе — надо сокрушить
Покой и труд единоверца.

Когда ж устанешь ото лжи,
Ото всего, что бьет и шкодит,
Заплачь и горничной скажи:
«Здесь ничего не происходит».

9

14 апреля[2]

Оставьте, не трогайте, бросьте!
С утра поднялся тарарам.
С утра телефонные гости
Звонили по всем номерам.

Голубчики! Вы им не верьте:
Они ни с того ни с сего.
Он умер совсем не для смерти,
И тлен не коснется его.

10

Опять наступает
Привычный финал:
Четыре часа,
Не помог веронал.

Не спит человек
И не может уснуть.
И вот он в далекий
Пускается путь.

Идет на веранду,
Садится впотьмах.
Казенный халат,
Папироса в зубах.

Он видит, закрывши
Глаза, вдалеке
Свой город любимый
На дальней реке.

Я нарочно переписала целых 10 стихов, чтобы ты мог себе представить его способности. Конечно, тут много *чужого*, но сдержанность и строгость, редкая в молодых стихах, пленяет меня.

Читать эти стихи никому не надо. Говорить о его близкой смерти — тоже (есть на то веские — коммерческие и некоммерческие — причины).

Сейчас я была в Детвидаве. Ответ неопределенный: в план они включают, но договора сейчас заключить не могут еще.

Там ко мне подошла редакторша журнала «Жовтень», вручила перевод твоего «Медведя», который я и прилагаю. Им нужна твоя апробация.

Киев, ул. Воровского, 22.

Отсюда я уезжаю 7-го. Жду большого письма в Ленинград. Как твое здоровье, как мамино, Женино, как вы устроились? И не собираешься ли ты уже навестить Вас<илия> Васильевича[3]?

Посылаю тебе мои последние стихи, о которых, как всегда, ничего не знаю.

1

Красуются гордые горы.
Как сердце мое далеко!
Венчает их пышное небо.
Как сердце мое далеко!
И тополи стройно пылают
Бессмертным осенним огнем.
И вот оно — синее море!
О, если бы ты был со мной.

2

Тополя так покорно стоят
В золотом предвечернем убранстве,
Будто им о любви говорят.

3

Идемте. Мы все испытали,
Чем сладостна жизнь и страшна.
Уже не печалят печали.
Уже не тревожит весна.
Идемте. Белеет дорога
Суровая. Не превозмочь
Желания смерти. И строго
Глядит победившая ночь.

Жду подробных известий о твоем и мамином здоровье, о твоей работе, о В<асилии> В<асильевиче>.

Жду рецензии на все стихи.

Лида

4/XI 39
Киев

Тут я познакомилась с Гуслистым[4]. Ловкач, но знающий. Он подарил мне свою новую книгу.

[1] Речь идет о Мироне Павловиче *Левине.*
[2] *14 апреля* — день смерти Маяковского.
[3] *Василий Васильевич* — Ульрих.
[4] *Гуслистый* — о нем см. примеч. 3 к письму **152**.

162. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Первая декада ноября 1939. Москва

Милая Лида!

Из Барвихи я вернулся не на радость. У мамы в ночь на пятое начались страшные боли в почках: камни. Ночью я бегал в больницу, в аптеку, за докторами — и еще ничего не знаю. Числа 10-го или, вернее, 13-го пойду к В<асилию> В<асильевичу>. Сейчас попытаюсь по телефону связаться с «Красной Новью» и «Литературным Критиком». «Литературному Критику» я продиктую грамоту, присланную мне Шурой. Получила ли Шура мое письмо? Мне показалось, что она чуть-чуть на меня сердится. Во время маминой болезни маму дважды навестила Любовь Эммануиловна — и сделала много добра. Я не работаю, так как обалдел от лечения. У нас (между нами говоря) неподходящая для занятий обстановка. Женичка, Боба, Лида[1], их домработница Маруся — я им всем мешаю, и они мне. Мама больна, нуждается в уходе. Никак не могу собраться с мыслями. Врачи наметили мне в Барвихе курс лечения, который здесь в домашней обстановке не может применяться. Мама должна заботиться о:

1 Жене,
2 Бобе,
3 Лиде (Николаевне),
4 и т.д., и т.д.,

и я не могу обременять ее собою... Ты не думай, что я жалуюсь, просто пришлось к слову.

О стихах твоих и Левина — скажу в другом письме. Очень жалко Левина, знает ли он, что его дни сочтены? Здесь мне рассказывали о его матери — какая это многострадалица...[2] Люша преуспевает. Скоро уже полгода ее учения. Авось после каникул дело пойдет легче — удастся выкроить досуг. Все, что я узнаю о твоей книге, о Вашей (с Шурой) статье, я сообщу.

Ну, целую крепко. Я сейчас пишу с трудом. Прости.

Тв<ой>

[1]*Лида* — Лидия Николаевна Рогожина, вторая жена Бориса Чуковского.

[2]*...какая это многострадалица...* — Только что на руках у родителей от туберкулеза скончалась сестра Мирона Левина — Наташа.

163. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Ноябрь 1939. Москва

Дорогая Лидочка!

У меня — пневмония. Вчера было 38,6. Лечит меня милый Югов, который оказался чересчур самобытным и причудливым, но не плохим врачом. Сейчас он посылает в город за кислородными подушками. Ничего страшного в этом нет, но мне придется пролежать в постели около 3-х шестидневок. Мне запрещено заниматься, и даже это письмо я пишу чужою рукою. Хуже всего то, что мне осталась всего одна страница статьи о Радловой. Ни Жезмер, ни В<асилия> В<асильевича> я повидать не могу.

Привет Люше и Иде Петровне.

Бывший Пип

164. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 ноября 1939. Ленинград

Милый папа.

Вчера нам стало известно, что Сергей Константинович[1] жив, цел, невредим и дело его уже *пересматривается* в Москве в военной прокуратуре.

Военный прокурор сказал его сестре, что сейчас очень существенно сообщить в прокуратуру *свидетельские показания* о жизни и работе С<ергея> К<онстантиновича>.

Шура немедленно обратилась к целому ряду лиц, его знавших, замечтала о тебе и С<амуиле> Я<ковлевиче> и пишет об этом Любовь Эм<мануиловне>, тебе и С<амуилу> Я<ковлевичу>.

Я же, со своей стороны, считаю необходимым сказать тебе следующее:

1. Я сообщила Шуре о том, что многое в С<ергее> К<онстантиновиче> тебе всегда было несимпатично, что ты его не любишь.

Я хотела бы, чтобы ты ни в коем случае не предпринимал ничего, если тебе по душе не хочется. Никто из нас не будет на тебя в претензии, тем более что С<амуил> Я<ковлевич> действительно много работал с С<ергеем> К<онстантиновичем> и хорошо его знает, а ты с ним никогда не работал и только читал его одну книгу.

Но, принимая решение, имей в виду, что:

1) С<ергей> К<онстантинович> — человек, ни в чем не виноватый,

2) что тебе не придется ходить, хлопотать, а речь идет только о литературной характеристике, которую от тебя, может быть, затребует какой-нибудь из членов Верховного Совета для представления в прокуратуру.

Итак, реши — хочешь ли ты, чтобы твое имя было названо в числе возможных свидетелей? И удобно ли это со всех сторон? Реши, пожалуйста, свободно.

Я обо всем рассказала Шуре, и она не возлагает больших надежд на твое согласие.

Должна ли я писать письмо В<асилию> В<асильевичу>? (Киселев утверждает, что он на прежнем посту.)

В письме я хочу сослаться на твои разговоры с ним и умолять о прямом ответе.

Письмо это В<асилию> В<асильеви>чу берется передать Киселев во время ближайшей поездки в Москву. (В начале декабря.)

Жду твоего благословения.

А быть может — уже никаких писем не нужно?

А быть может, незачем говорить и переписываться с В<асилием> В<асильевичем>, а нужно мне написать Вяч<еславу> Мих<айловичу>[2] — как мы говорили с тобой в Переделкине — и ты попробуешь передать?

Пожалуйста, внеси ясность, а то я погибаю от бездействия и сумасшедшего ожидания. Напиши письмо, пошли фототелеграм-

му, позвони по телефону 208—63 (предупредив, когда) — словом, сделай как хочешь, но только ответь на этот мой вопрос и не томи меня неизвестностью.

Мы сидим уже который вечер во тьме[3].
Где мама? В Барвихе?

Если ты мне напишешь, что письмо Ульриху я должна написать, — постараюсь как-нибудь показать тебе свой вариант.
30/XI 39

Вчера освободили мужа Сони Богданович.

[1]*Сергей Константинович* — Безбородов. Сведения о его возможном освобождении оказались недостоверными. На самом деле С. К. Безбородов был расстрелян 24 ноября 1937 года.

[2]*Вячеслав Михайлович* — Молотов (1890—1986), советский партийный и государственный деятель, входил в ближайшее окружение Сталина и в 1939 году был наркомом иностранных дел, а также председателем Совета Народных Комиссаров.

[3]Город, по случаю войны с Финляндией, был затемнен.

165. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец ноября 1939. Москва

Лидочка! С Эйхлером поговорю завтра. Твоя статья о повести Ільченко «Серце жде» — прекрасна[1]. Я читал ее вслух, и меня радовало, что у тебя нашлось столько своих мыслей по поводу такой, казалось бы, истасканной темы и что ты изложила эти мысли так четко, спокойно, уверенно и в великолепной последовательности. Не понравилось мне только одно выражение: «Шевченко *получился*(?!) живым» — и еще показалось не совсем убедительным то, что ты пишешь о Кулише[2]. Кулиш на *самом деле* любил Шевченко — тому есть много доказательств; если впоследствии он и выступал против Шевченко, в этих выступлениях было все что угодно, *но не подлость*. Делая его подлецом, автор упрощенствует непозволительно. Вследствие этого надо бы кое-где умерить похвалы автору. Но это не важно. Главное же — хорошо *до зависти*. Я очень хотел бы уметь писать так. Ты немедленно должна написать еще рецензию. Цезарь, конечно, дал мне эту

рецензию на 3-й день после приезда в Москву. Потому я и запаздываю с ответом. Очень рад, что ты кончила работу для «Пионера».

3-го дня был у меня Маршак, обедал у нас и читал маме свои переводы из Бернса. Относительно М<атвея> П<етровича> я получу точное известие 1-го в 4 часа.

[1]Речь идет о статье: Лидия Чуковская. Повесть о Шевченко [Статья о книге Ильченко «Сердце ждет»] // Детская литература, 1939, № 9, с. 45—47. В этой статье Л. К. хвалит книгу, пишет, что «создан убедительный образ Шевченко», но считает, что автор упрощенно представил отношения Шевченко и Кулиша, которые под его пером отдают «дурным мелодраматизмом, а иногда и вульгарностью».

[2]Украинский писатель Пантелеймон Александрович *Кулиш* (1819—1897) в 1847 году, так же как и Шевченко, был арестован за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве. В качестве наказания был сослан на службу в Тулу, где провел три года. В 1850-м Кулиш получил возможность переехать в Петербург и, основав там украинскую типографию, издал сочинения Шевченко и других украинских литераторов. Известен он также и как ученый-этнограф, и как реформатор украинского правописания, и как переводчик: перевел на украинский язык произведения Шекспира, Байрона, Гёте, Пушкина, Мицкевича и др.

166. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 декабря 1939. Ленинград

Милый папа.

Спасибо за телеграмму. Я напишу письмо В<асилию> В<асильевичу>. Свезет его Киселев; перед тем как передавать, он позвонит тебе и покажет письмо. Будет это, вероятно, около 10-го декабря. А может быть, позже... Ты, пожалуйста, правь, как найдешь нужным.

Шура вчера и сегодня была мрачна чрезвычайно, но, получив твое письмо, просияла и теперь снова полна надежд.

Не думай, пожалуйста, что я насказала ей каких-нибудь ужасов о твоем отношении к С<ергею> К<онстантиновичу>; я только считала своим долгом предупредить ее и тем облегчить твое положение.

В твоем письме к ней я не понимаю фразы относительно бессмысленности моего письма к В<асилию> В<асильевичу>. Эта фраза противоречит телеграмме.

Впрочем, я сейчас вообще ничего не понимаю, п<отому> ч<то> из-за радио не сплю уже пятую ночь. Совсем.

Ты пишешь ей, что скоро ложишься на операцию. Когда? И кто тебя будет оперировать? И долго ли ты пролежишь в больнице?

Напиши про это. И напиши, где мама.

Целую тебя.

Лида

4/XII 39
Ленинград

167. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

13 декабря 1939. Москва[1]

Дорогая Лидочка.

Мне больно писать тебе об этом, но я теперь узнал наверняка, что Матвея Петровича нет в живых. Значит, хлопотать уже не о чем.

У меня дрожат руки, и больше ничего я писать не могу.

[1]Письмо привез из Москвы 14 декабря 1939 года Яков Семенович Киселев, видный ленинградский юрист. Дата установлена по записке Л. К. к Михалине Петровне Бронштейн, сестре Матвея Петровича, и по дневнику Л. Чуковской.

168. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец декабря 1939. Детское Село

Милый пип.

Конечно, песок лучше камней. Но и песок для организма излишний груз. Что с ним теперь будут делать? Операция не нужна, а что нужно?

Ты не написал в своем письме, состоится или нет экспертиза, будет ли приглашен Мих<аил> Леонид<ович>[1] и т.д. Напиши про это.

Я живу в Детском, в Доме Творчества, вот уже 3 дня. У меня комната в 8 метров, по прозванию табакерка. Критическая мысль представлена здесь Дымшицем[2], поэтическая — Полоцким[3]. К счастью, я вижу их только за столом. Пока они говорят о погоде или сплетничают — выносимо; но когда речь заходит о литерату-

ре — я страдаю. Что они говорят! Ни вкуса, ни убеждений, ни мыслей. Пошло и непрофессионально до ужаса.

Пока что я ни разу не открыла рта и очень этим горжусь.

Тут сейчас стоят морозы, парк в серебре. Я 2 дня ходила помногу на лыжах, с наслаждением, но больше не буду, п<отому> ч<то> разболелось сердце. А жаль. Снег, тишина, лыжный звук очень меня радовали. Теперь буду просто ходить гулять.

Я очень много пишу. Сегодня у меня счастливый — или несчастный — день: я кончила маленькую повесть[4], которую начала писать 2 месяца назад. Конечно, только вчерне. Теперь начну ее обрабатывать. Думаю, в ней будет около 3-х листов.

60-ми годами занимаюсь тоже усердно, читаю, конспектирую, делаю выписки. Я уже знаю «дела» Михайлова, Чернышевского, Писарева. Прочла несколько историй Алекс<андровского> царствования. «Цензурные реформы» Лемке. Головачеву, Пантелеева, Михайлова, Пассек, Андреевского — мемуары. Прочла историю крестьянских волнений до 61 и после 61 года. Переписку Боткина с Тургеневым, Тургенева с Герценом. Батуринского «Герцен и его друзья». И много еще отдельных статей и воспоминаний. Библиография все растет. Я хочу как следует освоиться с временем — скоро начну читать тогдашние журналы и потом уже решу, о ком именно буду писать.

Очень меня огорчает, что не удалось Люшку устроить на воздух. С завтрашнего дня у нее каникулы. Сюда ей разрешают приезжать, но жить здесь детям нельзя. А она очень похудела, ей необходимо поправиться.

Ида привозила ее ко мне 27-го. Я учила ее ходить на лыжах. Она трусиха: чуть завидит малейшую горку, берет лыжи в руки и идет пешком. Но, думаю, все же научится. <...>

Стихотворение о котенке мне очень понравилось, и я не могу понять, почему ты думаешь, что его надо править? По-моему, нельзя.

А каких поэтов ты им читаешь вслух?

Да, у меня к тебе дело. Мирон Павлович [нет конца]

[1]*Михаил Леонидович* — вероятно, речь идет о М. Л. Лозинском.

[2]Александр Львович *Дымшиц* (1910—1975), критик.

[3]Семен Анатольевич *Полоцкий* (1905—1952), поэт, сценарист.

[4]...*маленькая повесть* — «Софья Петровна». Повесть — художественное осмысление пережитого в тюремных очередях 1937—38 годов по свежим следам событий. Рукопись чудом уцелела в блокадном Ленинграде, повесть была напечатана за границей лишь через четверть века — в 1965 году, а в России — в 1988-м, через полвека после написания.

169. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Начало января 1940. Москва

Дорогая Лида.

Сейчас 3 часа я провел в Учпедгизе. Там предлагают следующее: мы получаем 40 тысяч, если сборники удадутся, и 10 тысяч, если они не удадутся*. Сроки страшные: к апрелю представить основной материал для обсуждения, к августу — все. Пожалуйста, обдумай, есть ли какая-нибудь возможность управиться. Я, по крайней мере, такими темпами работать не могу, но ведь сборник составлять не мне, а вам. Надеюсь, что договор ты уже получила. Я одновременно пишу — и «Искусство перевода», и книгу воспоминаний (которую берет у меня «Советский Писатель»), и доклад о пленуме ЦК ВЛКСМ в Союзе Писателей. Нет времени побриться. Но, в общем, это состояние занятости для меня лучше всего.

Ты написала повесть? О чем? И представить себе не могу. Не пришлешь ли почитать?

Сейчас я еду в Наркомат Мясной и Молочной Промышленности читать детям.

Твой от<ец>

---

*10 тысяч даются вперед.

170. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 января 1940. Ленинград

Милый папа.

1) Я хочу написать книжку о Михайлове. Сюжетной основой будет биография Михайлова; фоном — 60-е годы, университеты, освобождение крестьян, «Современник», судьба Чернышевского.

Назвать книгу я хочу «*Убили*»— так, как Герцен назвал свою заметку, посвященную смерти Михайлова[1].

Как ты думаешь, заключит ли какое-нибудь издательство со мной предварительный договор? Куда надо обратиться?

2) «Литературное обозрение» предлагает мне написать статью о выходящей на днях книге по истории детской литературы, выпущенной при кафедре Московского педагогического института. Я согласна[2]. Это и есть книга Бабушкиной? Не знаешь ли ты?

3) Не можешь ли ты послать Варвару Аветовну[3] в «Лит. Критик», к Сацу[4]? Он не ответил на 2 моих письма. Идет ли там наша с Шурой статья о классиках[5]? Если нет — пусть вернет ее тебе, если да — *пусть непременно* пришлет нам корректуру.

4) Что случилось с Эйхлером[6]? Не знаешь ли ты? Он не ответил мне на два письма и Тамаре Григорьевне на одно. Между тем он такой аккуратный корреспондент. Что с ним? Он молчит — и я теперь ничего не знаю о том, в каком положении моя «История».

5) Я написала письмо Вас<илию> Вас<ильевичу> — ответа нет. По совету Киселева я написала письмо его секретарю, т. Юдину. Ответа нет. Ты писал мне когда-то, что Вас<илий> Вас<ильевич> говорил тебе, будто надо обратиться в ЗАГС. В какой? Где? Как туда обратиться?

Если ты знаешь уже, куда и как, тогда я приеду в Москву, чтобы обратиться. Выехать отсюда ужасно трудно, ехать надо без плацкарты. Но чуть только ты напишешь, что все насчет ЗАГСа тебе известно, — я выеду[7].

6) Договор Туся тебе послала.

Целую тебя.

Лида

30/I 40

[1]«Толчком для этого замысла послужила заметка Герцена под названием «Убили» — о гибели поэта на каторге, — вспоминала Л. К. позднее. — Я начала собирать материал. Но о Михайлове я так и не написала, а написала «Софью Петровну» — повесть о 1937 годе “впрямую”» («Записки». Т. 1, с. 74).

[2]Эту статью Л. К. написала. См. ее примеч. 2 к письму **174**.

[3]*Варвара Аветовна* — Арутчева (ок. 1900—1991), помощница К. И. Чуковского, сотрудница музея В. В. Маяковского.

[4]Игорь Александрович *Сац* (1903—1980), критик, переводчик. В 1936—40 годах — сотрудник журнала «Литературный критик».

[5]Речь идет о статье А. Любарской и Л. Чуковской «Классики и их комментаторы» («Литературный критик», 1940, № 2, с. 165—172).

[6]Генрих Леопольдович *Эйхлер*, редактор московского Детгиза.

[7]Л. К. пыталась получить от властей официальный документ о смерти М. П. Бронштейна.

171. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12 февраля 1940. Ленинград

Милый папа.

Только что [вычеркнуты одно или два слова] я узнала [вычеркнуто полстроки], что ты собираешься предпринимать некие шаги по поводу своей старой повести. Это, по-моему, очень неверно. По-моему, следует спокойно сидеть и ждать запроса из издательства. Если тебя запросят — о той повести, — ты ответишь. Ты ответишь, что 1920 не 1940... А т.к. это всякому ясно, то, по-моему, имеются все основания предполагать, что тебя и не запросят...[1]

С Учпедгизом происходит ерунда, ерунда, ерунда, и конца-краю ей не видно.

Около месяца тому назад я получила от них договор. Мы его обсудили и немедленно, *в тот же день*, послали в Учпедгиз письмо, в котором просили переменить срок *на ноябрь*. По глупости, мы послали письмо не заказным. И вот сегодня я получила из Учпедгиза письмо (от т. Иоффе), из которого явствует, что нашего письма они не получили. Значит, месяц потерян совершенно зря! Мы ведь ничего не начали делать, не имея ни от тебя, ни от С<амуила> Я<ковлевича>, ни от них ответа на основной вопрос: согласны ли они передвинуть срок?

Дабы избежать новой какой-нибудь путаницы, посылаю тебе копию того письма, которое сегодня же — заказным — отправляю т. Иоффе.

Здесь С<амуил> Я<ковлевич>. Туся пыталась его интервьюировать на хрестоматийные темы, но он абсолютно не в курсе дела.

Книжку о Михайлове я предложила Эйхлеру, но ответа от него не получила.

Я буду писать эту книгу (если со мной заключат договор) с интересом, но без большого подъема. Что ни говори, чужое время потемки. Не то что свое. И теперь, когда я хлебнула настоящего писания, от всего сердца (я написала повесть в духе социалистического реализма[2]) — теперь

...вымысла пить головизну
Тошнит, как от рыбы гнилой[3].

Никогда не нуждалась я так в твоем мнении о моей работе, как теперь.

Кстати, видел ли ты «Красную Новь» с моей «Историей»? Они послали мне №. Ну и №! Не журнал, а копилка курьезов. На одной из первых страниц, в былинном сказе о граде Киеве, напечатано:

«Игорь вошел в горницу, раздел платье и одел другое...»

В статье о Лермонтове:

«Этой заменой одного слова стихотворение было снижено до любовного уровня».

В рецензии на стихи Щипачева:

«Автор, похвалив стихи, указывает на отдельные недостатки». Какие же? А вот какие: «Поэт называет лед синим. Между тем лед синим *не бывает*...» Хоть бы вспомнил, балбес, Пушкина:

Когда, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет...[4]

А воспоминания о Чернышевском? Материал интересный, но стилистическая клякса на каждой странице.

Теперь о самом главном.

1) В какой ЗАГС я должна обратиться? И как?

2) Ты пишешь, что видел Митиного дядю. Какого? Роскошного гинеколога? Ты ему правду сказал? Мы с Михалиной решили пока не писать в Киев.

Л<юбовь> Э<ммануиловна> пишет Шуре, что ты огорчен и расстроен. Я понимаю, что ты измучен историей с Радловой[5] и

устал, но пока еще нет никаких оснований расстраиваться. И забегать вперед.

Очень жду писем...

Лида

12/II 40. Ленинград

[1]Никакой повести в 20-м году Чуковский не писал. Можно предположить, что это зашифрованный намек на какие-то другие обстоятельства.

[2]Намек на только что завершенную повесть «Софья Петровна».

[3]Неточная цитата из стихотворения Б. Пастернака «Кругом семенящейся ватой...».

[4]Неточная цитата из пушкинского «Медного всадника».

[5]*...измучен историей с Радловой...* — речь идет о полемике, которую вызвала статья К. Чуковского «Искалеченный Шекспир». 19 января 1940 года «Правда» опубликовала статью А. Остужева в защиту перевода Радловой («О правилах грамматики и законах театра»). К. Чуковский ответил статьей «Астма у Дездемоны» — см. примеч. 2 к письму **159**.

172. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Около середины февраля 1940. Москва[1]

Лидочка!

Пишу это лишь затем, чтобы сказать, что твоя и Шурина статья о классиках — гениальна. Я был в «Литкритике», и мне дали копию вашей статьи. Я только что читал ее вслух маме, и мы оба восхищались глубиною, продуманностью, компактностью статьи, замечательными «зоилиадами и занозами»[2] — сжатыми формулировками, неотразимостью примеров.

В «Литкритике» ее высоко ценят. Она выйдет вскоре. Не шла оттого, что шел более актуальный юбилей[3]: предыдущие книжки были юбилейные. Я сказал им, что у тебя есть «зоилиады и занозы», — о книжке журнала, где напечатана твоя повесть. Если хочешь, пришли им. Они напечатают в конце, где вообще высмеиваются всякие ляпсусы. Или пусть Шура пошлет.

Вышли мои «Сказки». Вышла «Солнечная». Вышла «Гимназия». Вышла книга «От 2 до 5». Но в критике — конечно, молчание. Я работаю над Некрасовым и пишу сценарий. Но здоровье — предсмертное.

Значит, в Киеве выходит Твоя повесть? С рисунками? Насчет Загса должен знать Киселев. Мне хочется послать Киселеву свои книги: он, кажется, хороший человек.

Люшеньке скажи, что я наконец-то нашел ту костяшку домино, которой нам не хватало летом. Нашел у себя в старом пиджаке.

Целую тебя и ее.

Сердечный привет!

Твой

О Михайлове ты должна написать. Любопытен он в 1853—1856 гг., когда он был жуиром и прожигал жизнь. Очень интересно, что ты думаешь о его стихах и переводах. Читала ли ты его «Перелетных птиц»?

[1]Датируется по содержанию предыдущего письма.

[2]Цитата из стихотворного послания Вячеслава Иванова Чуковскому («Чуковский, Аристарх прилежный...»). В стихах есть строка «...и брошенные на лету зоилиады и занозы» (Чукоккала, с. 141).

[3]*...актуальный юбилей* — намек на празднование 60-летия со дня рождения И. В. Сталина, которому был посвящен почти весь № 12 «Литературного критика». Номер открывался Указом о присвоении товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу звания Героя Социалистического Труда. Дальше шли поздравления от Центрального комитета и статьи «Великое произведение марксизма-ленинизма (О книге товарища Сталина "Вопросы ленинизма")», «Народные песни о Сталине», «Образ Сталина в народной поэзии», «Сталин в изобразительном искусстве» и т.п.

Следующий номер «Литературного критика» продолжил тему передовицей «Шестнадцать лет без Ленина по ленинскому пути».

173. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Около 25 марта 1940. Санаторий «Узкое» [1]

Дорогая Лидочка!

Стихи мне очень нравятся — только нужен эпитет к «волнам». «Злыми волнами» (хотя «окатила» показывает, что волны холодные, неприятные).

Ты точно определила содержание своей повести: разложение личности под влиянием нелепости сущего. Личность была неказистая, но — нормативная, цельная. В повести мне больше всего понравился тон, вскрывающий в тебе матерого, подлинного беллетриста[2].

Крепко, крепко целую тебя — поздравляю с 33-летием[3].

Спасибо Люше и Тане[4] за чудесные письма. Чуть полегчает — напишу им ответ.

Как ты представляешь себе — что я должен делать для хрестоматии? Около 10/IV я освобожусь и хочу приняться вплоть за это дело. Сейчас я вновь правлю уголовный Колин перевод «Хижины дяди Тома».

Видела ли ты в «Правде» — от 23/III указание на твою книгу (в отделе «Книги для детей»)?[5]

Скоро ли увидимся? Шурочке привет!

Твой Grosskater
(как советует Люша)

Пиши в Узкое.

[1]Датируется по содержанию — день рождения Л. К., статья в «Правде», см. примеч. 3 и 5.

[2]Это — первый отзыв читателя о «Софье Петровне». К. И. прочел повесть, когда она существовала в единственном рукописном экземпляре, записанной в школьной тетрадке.

[3]День рождения Л. Чуковской — 24 марта.

[4]*Таня* — Валова.

[5]В этом номере «Правды» была упомянута «История одного восстания».

174. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

30 марта 1940. Москва[1]

Дорогая Лида. Твоя статья мне почти не понравилась, и вот почему. Сборник[2] — уголовно плох (я его читал). Я отметил в нем ужасные случаи невежества, безграмотности, тупости. Ты же споришь с этими балбесами по существу, как будто они стоят на лит<ературном> уровне. В Переделкине у меня есть этот сборник с моими пометами, я тебе покажу их в июне или в мае, и ты со мной согласишься. Дико, что такая унылая дребедень печатается! Маме лучше. Здесь хорошо, но мокро.

Твой Ч.

Пиши!

Адрес на открытке: Ленинград. Загородный 11, кв. 4

[1]Почтовые штемпели: Москва. 30. 3.40; Ленинград. 31.3.40.

[2]*Сборник* — Ученые Записки Кафедры детской литературы. [Вып. 1. / Под ред. проф. В. Голубкова. М., 1939]; моя статья (под тем же названием) в «Литературном обозрении», 1940, № 10, с. 52—56. — *Примеч. Л. Чуковской.*

175. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Июнь 1940. Москва

Милая Лида!

Поцелуй Люшу за ее письмо, особенно за стихи, и скажи Тане, что меня и в самом деле все зовут Корней Иваныч и что ничего стыдного в этом нет.

Как у тебя с деньгами? Нужно ли прислать? Боюсь, что мой пресловутый апрельский «подарок» превратился в ординарную выдачу в порядке ежемесячного жалованья.

О здоровье не спрашиваю. Очень ясно представляю себе, каково оно. Хорошо, что хоть ишиас прошел. О Михайлове есть кое-какие новые материалы — в «Лит. Наследстве». Видела?

Принимаюсь за большую работу.

О Шкловском скажу: неожиданный мерзавец. Читая его доносы, я испытывал жалость к нему. То, что напечатано, есть малая доля того, что он написал обо мне. По требованию Союза выброшено несколько страниц. Шкл<овский> знает, что я не стану «вспоминать» о его прошлом, и потому безбоязненно «вспоминает» о моем. Но хорош и Союз, который разрешает печатать обо мне такие гадости! В 1913 году я был единственный критик, который дал хвалебный отзыв о трагедии «Влад<имир> Маяковский». И где? В «Русском Слове», самой распространенной газете, которую редактировал Дорошевич, не любивший Маяковского. Этого отзыва Шкл<овский> не приводит. Бедный, завистливый, самовлюбленный мерзавец. Но талантлив, порою умен, вообще какие-то большие возможности в этом человеке есть несомненно[1].

Я все еще в городе: маме опять было плохо: не спит, не ест, на сердце лед и проч. Операцию я отложил.

Как я счастлив, что вышла книга Анны Андреевны[2]. Есть удачники, которые эту книгу видели. В прошлом году, редактируя «Лирику», я вставил туда 5—6 стих<отворений> Анны Андреевны. Их в последнюю минуту устранили. А сейчас я включаю безболезненно в книгу для детской Олимпиады: «Смуглый отрок», «Перед весной бывают дни такие» — и уверен, что пройдут. Работаю я вместе с Халтуриным[3], и только теперь вижу, какой это бесценный работник. Это письмо я начал писать давно.

Твой ПИП

[1]Чуковский пишет о книге: Виктор Шкловский. О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940. Целая глава в этой книге — «О критике» (с. 59—66) — посвящена нападкам на Чуковского. Особенно, вероятно, возмутило К. И., что

Шкловский представил его читателям как критика из газеты «Речь». В 1940 году напоминание о его сотрудничестве с кадетской газетой К. И. расценил как донос. Шкловский утверждал также, что «уважал Корней Иванович только переведенное с английского — Оскара Уайльда, Уота Уитмана» (с. 63). Среди других его обвинений: «Мимо Корнея Чуковского прошел Блок и Белый, и Горький, и все акмеисты, и Есенин, и Багрицкий, прошла великая русская литература в величайший свой момент» (с. 64). Такой упрек, брошенный автору «Книги об Александре Блоке» и книги «Две души Максима Горького», не мог его не оскорбить.

[2]Имеется в виду «Из шести книг» (Л., 1940).

[3]Иван Игнатьевич *Халтурин* (1902—1969), редактор детских журналов и составитель книг для детей.

176. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Июнь 1940. Пределкино

Лидочка! Спасибо за письмо. Деньги вышлю. Ты спрашиваешь, где лучше всего можно заработать в литературе. Отвечаю: в «Литературной газете», в «Учительской газете», в «Комсомольской правде». Пришли любую статью для любой из этих газет, и я устрою их там моментально.

Родила ли Ваша кошка?

Здесь Гуля и Женя — в Переделкине.

Мамино здоровье лучше. Я поскрипываю. Федин уже имеет книгу А<нны> А<ндреевны>. — И он, и Катаев в истинном восторге. Наш Коля знает оттуда целые куски наизусть.

Крепко целую!

Твой Пип

Напишу вскоре!

177. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Лето 1940. Ленинград

Милый папа. Очень меня огорчило твое письмо. А я как-то не представляла себе, что ты можешь обидеться, если я не *соглашусь с одним* твоим критическим замечанием... «я не рискую выступать на этом поприще...». Фу, как нехорошо!

О том, что готовится разгром моей книги, я сегодня получила еще одно письмо: от Эйхлера. Это неприятно с денежной точки зрения. Со всех других это естественно и более или менее все равно. Во-первых, это ведь правда, что книга плохая, во-вторых — «какая малость»[1].

В Учпедгиз дня через 3 мы пойдем. Хорошо бы, если бы Жезмер исполнила свое обещание.

Статью Цезаря о Житкове я не читала[2]. Мне не хочется ее читать. Она у меня лежит — а я ее не читаю.

Дом Занимательной Науки получил твое письмо. И Дом, и автор — оба очень довольны[3].

Адрес Михалины[4]: Петрогр<адская> сторона, Песочная ул., д. № 30, кв. 8.

Эйхлер пишет, что Чагин отказался включить мою книгу о Михайлове в план, ибо нельзя подписать договора: договоры якобы подписывают только на готовые вещи... Стоит ли в таком случае посылать тебе заявку?

Жаль. Я очень разлакомилась на эту книгу. Я хотела назвать ее «Убили».

Люшка цветет и меня радует. Кажется, она очень хороша.

Кончился ли уже мамин грипп?

Если твои новые переводы Уитмена переписываются на машинке, послал бы мне экземплярчик! Я очень скучаю без хороших стихов.

Сейчас попробую лечь спать. Целую тебя.

Лида

Я в городе, в квартире пусто, очень приятно, тихо и страшно.

[1]Речь идет, по-видимому, о книге «История одного восстания»; *какая малость* — слова Татьяны из пушкинского «Евгения Онегина» (гл. 8, строфа XLV).

[2]В 1940 году, ко второй годовщине со дня смерти Житкова, была напечатана статья Цезаря Вольпе, которая так и называлась «Борис Житков» (см. «Ленинград», № 2); в том же году вышел сборник рассказов Житкова с предисловием Цезаря Вольпе (М.; Л., Детиздат). Речь идет об одной из этих работ.

[3]Дом Занимательной Науки помещался в бывшем дворце Шереметевых, на Фонтанке, 34. Там же, но не в основном здании, а во флигеле, жила Ахматова.

Кому именно было адресовано письмо Чуковского, установить не удалось.

[4]*Михалина* Петровна *Бронштейн* — сестра Матвея Петровича.

178. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Август 1940. Переделкино

Милый Лид.

Жезмер твою бумагу с моей подписью давно получила. «Молодая Гвардия» таких книг не издает. Лучше всего Гослитиздат. Я поговорю с Чагиным.

Была ли ты у т. Г.[1]? Ходишь ли в библиотеку?
Каково тебе в Ольгино?
Черкни хоть несколько слов.
Прощай, тороплюсь в город. Ждем машину.

[1]*т. Г.* — Сергей Арсеньевич *Гоглидзе* (1901—1953), начальник УНКВД Ленинградской области (1938—53). Узнав о смерти мужа (от Ульриха, из Москвы через К. И.), Л. К. именно от Гоглидзе хотела получить официальное тому подтверждение. Но попасть на прием к нему было невозможно. Однако благодаря помощи грузинского математика Н. И. Мусхелишвили Л. К. весною или летом 1940 года добилась приема и попросила, чтобы ей ответили: жив ее муж или умер. «Идите домой, вам ответят», — сказал Гоглидзе, вспоминает Л. К. в «Прочерке». Через несколько дней ей позвонили из канцелярии Гоглидзе и подтвердили, что московские сведения о смерти М. П. Бронштейна достоверны. (Сб.-1, с. 265—272).

179. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

22 октября 1940. Москва[1]

Дорогая Лидочка! Пишу тебе второе письмо. Знаешь ли ты Гёте «Рейнеке-Лис»? Помнишь, у нас в Куоккале была такая книга? Нужно пересказать ее для детей. Куклис[2] просит, чтобы ты взялась за эту работу. Есть пересказ Песковского в Золотой библиотеке Вольфа[3]. Я берусь «проредактировать» твою переделку. Книга хорошая, работа приятная. Куклис просит, чтобы ты дала ответ возможно скорее. Книгу нужно сдать в феврале. Целую —

твой КЧ

Адрес на открытке: Ленинград. Загородный 11, кв. 4

[1]Почтовые штемпели: Москва. 22.10.40; Ленинград. 25.10.40.

[2]*Куклис* — глава Детиздата. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]Матвей Леонтьевич *Песковский* (1843—1903), публицист, журналист, педагог; с 1878 года литературный секретарь одного из крупнейших издателей — М. О. Вольфа, редактор художественной переводной литературы для детей.

180. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец октября 1940. Москва

Дорогой Лидок!

О «Рейнеке-Лисе» скажу тебе, что немецкий текст мне лично совершенно не требуется. Думаю, и тебе тоже. Существует:

1 Перевод М. М. Достоевского.

2 Перевод С. В. Лихачева[1].

3 Пересказ Песковского.

Это больше, чем нужно, — для пересказа*. Возраст читателей 11—12 лет, объем книги — 9 листов, срок можно и оттянуть в случае нужды.

Я говорил сейчас с Куклисом по поводу биографии Шевченко. Он взглянул на меня с изумлением. «Ведь у нас есть Дейч и Бать, есть Оксана Иваненко. Нет, я даже никогда не слыхал о таком плане. Эйх<лер> мне ничего не говорил».

Об учебнике. У меня из-за него срывается Некрасов, Уитман, статья о Феофиле Толстом. Поэтому я хлопочу об отсрочке. Но отсрочку дают минимальную: 2 месяца, не больше. И не могут дать большую, если бы даже хотели. Значит, нужно делать учебник. Недели через две мы с С<амуилом> Я<ковлевичем> будем в Л<енингра>де. Кое-что я подготовляю сейчас, изучая все англо-американские учебники (числом около 25 шт.), и нахожу немало интересного. Верю, что после Л<енингра>да дело двинется. Поэтому мне кажется, что тебе сейчас следовало бы заключить договор на «Рейнеке», достать нужные книги, сделать одну главу, а потом отложить остальное на лето. Уж очень хороша книга, и ты можешь сделать ее превосходно. И право, эта работа легче всякой другой.

Сейчас иду говорить о Бр.[2]

Вышла книга черновиков Хлебникова, очень нужная книга. (В предисловии редакторы спорят с предыдущим редактором: тот считал такие-то заумные строки беловыми, а они черновые, а вот эти черновые — на самом деле беловые и т.д.). Словом, книга утонула в комментариях, а книга хорошая, порою есть отрывки замечательные. И проза есть чудесная. А письма! Например, к Матюшину после смерти Гуро (стр. 364), или Николаю Бурлюку (368), но тут же напечатан выпад против меня — почему напечатан? по какому праву? И с каким постыдным примечанием! Оттого, что пристав запретил мне читать стихи футуристов, меня же и объявляют приставом! Все это — хлеб для Грицев, Шкл<овских> и других лилипутов[3].

---

*У Лихачева отлично выдержан старонемецкий колорит.

Твой К. Ч.

[1]*С. В. Лихачев* — описка: речь идет о Владимире Сергеевиче Лихачеве (1849—1910), переводчике, поэте, драматурге.

[2]*Бр.* — М. П. Бронштейн. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]Речь идет о книге: Велимир Хлебников. Неизданные произведения / Ред. и коммент. Н. Харджиева и Т. Грица. М., 1940. К. И. имеет в виду <Полемические заметки. 1913>, в которых Хлебников пишет: «Словесный пират Чуковский с топором Уитмена вскочил на испытавшую бурю ладью, чтоб завладеть местом кормчего и сокровищами бега» (с. 343). В своем комментарии Т. Гриц подробно рассказывает о полемике Чуковского с футуристами по поводу Уитмена, об их диспутах во время многочисленных совместных публичных выступлений и на лекциях Чуковского о футуристах. В частности, Гриц цитирует пародию А. Крученыха «Чуковский-пристав / Занялся читкой / И ловлей прыткой...».

Федор (Теодор) Соломонович *Гриц* (1905—1959), писатель, историк литературы, автор статей о В. Брюсове, В. Маяковском, В. Хлебникове.

181. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец октября 1940. Москва

Дорогой Лидок.

Я не приеду раньше 13-го. Остановлюсь в гостинице, так как, во-первых, не хочу никого из Вас стеснять, а во-вторых, меня пугает бессонница. Если бы не учебник, я все равно приехал повидать Вас всех и —

...город мой железно-серый,
Где ветер, дождь (?) и мгла[1].

Телеграмма ваша вызвана напрасной тревогой. Я сказал Сундукову[2], что в крайнем случае, если в мае не удастся представить учебник, — мы можем выбросить из Фортунатовой наиболее одиозное — и выручить Учпедгиз. Но этого крайнего случая не будет. Вчера мне удалось убедить М<арша>ка не ездить никуда, не хлопотать, не тратить силы на борьбу с Наркомпросом, а —

ДЕЛАТЬ учебник.

Я верю, что *мы его сделаем.*

В конце концов все устраивается хорошо: Шурочка выкраивает 3 часа в день, у тебя уже много собрано, Тамара Григорьевна понемногу эмансипируется от своей Хрестоматии, о Зое Моисеевне мы похлопочем — и за декабрь, январь, февраль сделаем и оба учебника. С понедельника я начинаю ходить в школы — в первые классы. Увлекаю и М<арша>ка.

Насчет Рейнеке: я тебя прошу отказаться лишь после того, как ты посмотришь те книги, о которых я вчера писал тебе.

Люшеньке сердечный привет!
Долго ожиданный дед!

Насчет Бр<онштейна>.

Эти бумаги перешли к тов. Горкину[3], которого я вчера посетил. Он сказал, что может принять меня лишь после праздников.

[1]Строки из стихотворения А. Блока «Снежная дева» («Она пришла из дикой дали...»).

[2]*Сундуков*, директор Учпедгиза.

[3]Упомянут Александр Федорович *Горкин* (1897—1988), который в это время занимал пост секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

182. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

3 ноября 1940. Ленинград

Милый папа.

Если бы ты остановился у меня, ты нисколько меня не стеснил бы. Наоборот — мне приятно было бы охранять твой сон и заказывать для тебя Иде рисовую кашу.

Люша говорит: «Мы уж как-нибудь выудим деда к себе жить».

Но если деду удобнее жить в гостинице — пусть живет в гостинице. Напиши только: тебе достанут номер, или мне следует об этом позаботиться?

Очень жаль, что ты приедешь не на праздники. Конечно, на праздники ехать затруднительно, но зато в будние дни Шура и Зоя освобождаются только с 8 ч. вечера... Как же мы сорганизуем общую работу?

Ну, посмотрим.

Ты прав, что лучший способ сделать учебники в срок — начать работать над ними. Но все-таки нам важно знать — какую именно отсрочку нам дадут? Надеюсь, что ты или С<амуил> Я<ковлевич> привезут решение и измененный договор. Кроме того, очень важно знать, увеличат ли нам листаж. Без этого *нельзя производить отбор рассказов*.

Мысль о том, что вы собираетесь «выручить Учпедгиз» и «исправить Фортунатову», нас поразила[1]. Надо не Учпедгиз выручать, а детей. В Фортунатовой нельзя оставить ни одной строки. Исправить ее — значит сделать учебник заново. Но тогда уж лучше делать свой учебник, а не дарить свою работу Фортунатовой.

Мысль вредная. Мы очень испугались и удивились. Никто из нас исправлять Фортунатову не согласен.

А почему не печатается Ваш ответ Учпедгизу? Судя по Тусиным рассказам, он очень хорош.

Я думаю, перестать воевать с Учпедгизом можно будет только тогда, когда будет установлен новый срок (май для одной книги, июль для другой) и новый листаж.

Можешь сказать Куклису, что я согласна делать Гёте. Но меня эта работа пугает. Я не умею делать несколько работ сразу, как умеешь ты. Работа над хрестоматиями очень трудоемка: приходится все время ездить за книгами. Ведь нет никакой библиографии, а прочесть надо, в сущности, всю взрослую и всю детскую литературу. Я не вылезаю из коллектора, из каталога, из справочного бюро. На поездки уходит больше времени, чем на чтение... Но все-таки Гёте, конечно, лучшая из возможных добавочных работ: сиди за столом и пиши. *Скажи Куклису, что я согласна. Пусть пришлет договор.* А срок пусть даст как можно более долгий.

Я сейчас пишу статью о Зощенке[2], заказанную мне тою же «Детской литературой». О Зощенке для детей. Я обещала к 1/XI, но просрочила из-за учебника. Не знаю еще, что получится; пишу урывками. Неизвестно, кроме того, будут ли сейчас печатать *хвалебную* статью о Зощенке. Но писать ее интересно.

«Лит. критик» очень настаивает, чтобы мы написали обещанные статьи. И мне до зарезу хочется написать об учебниках и о том, какими они должны быть. Но Тамара стонет под игом детиздатской хрестоматии и категорически отказывается со мной писать. А одна такую статью я писать не могу.

Нового Хлебникова я видала, но не читала. А<нна> А<ндреевна> [3] читала мне оттуда стихи. Не люблю я этого поэта, хотя и понимаю его силу. Когда я читаю стихи Хлебникова, мне все кажется, что они еще не написаны: собран материал, а теперь вот сядь и пиши. Мне в них нехватает *формы.* Это какой-то голый поэтический смысл, без ритма, без постройки. Одно из двух: или баллады Жуковского не-стихи, или Хлебников — не-стихи.

По поводу тебя. Я не читала этого куска. А<нна> А<ндреевна>, по-моему, очень правильно говорит о том, почему футуристы ругали тебя, ее, Блока и т.д.

«Никакой у них не было *принципиальной* борьбы. Они хотели место расчистить и потому рубили те деревья, которые повыше. Н<иколай> И<ванович>[4] пишет, что вот, мол, они боролись с символизмом. Неверно. Они не с символизмом боролись, а со всеми *известными*. Они и К. И. ругали потому, что он был *известен*»[5].

Итак, жду договора на Гёте. И жду тебя.

Лида

3/XI 40

[1]Е. Я. Фортунатова — автор «Букваря» и составительница «Книги для чтения» для учеников начальной школы. «Когда в том же букваре я читаю такое противоестественное... двустишие:

Нам заводы помогли,
Нам заводы выслали, —

писал в 1936 году Корней Чуковский, — мне вспоминается читанный мною в детстве стишок:

Полна корзина здесь яиц,
Что мы имеем от курйц.

А «Книга для чтения», составленная Е. Я. Фортунатовой, — сколько физической боли доставляет она всякому, кто любит поэзию. Книга утверждена Наркомпросом для первого класса, и там есть такие стихи:

Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Ка́кой (!) будет дом большой».

Приведя еще несколько подобных примеров из этой книги, Чуковский с негодованием продолжает:

«И это измывательство над русскою речью утверждается Наркомпросом во всесоюзном масштабе, и никто до сих пор не закричал «караул» (К. Чуковский. Литература в школе // Правда, 18 января 1936. Цит. по: Собр. соч. Т. 6, с. 586).

[2]*Я сейчас пишу статью о Зощенке.* — «Статья «Зощенко для детей» была мною написана и отправлена в редакцию журнала «Детская литература», — вспоминала Л. К. — Редакция ее потеряла» («Записки». Т. 1, с. 333).

Об этой статье Л. К. рассказывала Анне Ахматовой: «...статья будет о том, что Зощенко — писатель-моралист, занятый главным образом этическими проблемами, и о том, как ставит он эти проблемы в рассказах для детей» (там же, с. 205).

[3]*Анна Андреевна* — Ахматова.

[4]*Николай Иванович* — Харджиев (1903—1996), прозаик, искусствовед, стиховед. Н. И. Харджиев — близкий друг Ахматовой и Мандельштама.

[5] Отзыв Анны Ахматовой о книге «Неизданные произведения Велимира Хлебникова» см. также: «Записки». Т. 1, с. 213—214.

183. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Начало ноября 1940. Ленинград

Милый папа.

Получила от тебя наконец-то довольно длинное письмо. Мы с Люшкой очень радуемся, что скоро тебя увидим. Она, как и полагается внучке некрасоведа, твердит:

Вот наконец приезжает
Долго ожиданный дед[1].

Коля и Марина, Гулька и Татка тоже тебя очень ждут. Пожалуйста, напиши, где ты хочешь жить. Живи у меня в комнате, а я буду с Люшкой. Теперь уличный грохот не так слышен, как летом. Коля хочет, чтобы ты жил у него. Выбирай, где тебе лучше. Ты пишешь, что остановишься в «Астории» или «Европейской». А уверен ли ты, что это будет возможно — особенно на праздники? Если ты непременно хочешь быть в гостинице, не должны ли мы мобилизовать Литфонд?

А нам приятнее было бы, если бы ты был у кого-нибудь из нас.

Но я не очень тебя уговариваю, п<отому> ч<то> я знаю, что бессонница иррациональна и нужно быть там, где сам подозреваешь, что лучше заснешь.

Получил ли ты уже мое письмо о Гёте? Я надеюсь, ты из него усмотрел, что я не отказываюсь, но хочу все, как следует, учесть. Помоги мне решить это дело правильно.

Удовлетворить твою просьбу относительно А<нны> А<ндреевны> я, к сожалению, не могу. Как-нибудь в другой раз. Например, на праздники. Ты ошибся — в «Лит<ературном> современнике» не то.

Что же решено в Наркомпросе?

Работа у нас сейчас идет довольно хорошо. К Вашему приезду будут совсем ясны белые пятна. Самое опасное белое пятно — деревня. Ведь наши читатели, большинство, колхозные ребята. А рассказов колхозных нет, и неизвестно даже, кому их заказать. (В журналах на эту тему нет ничего сносного.)

Алексей Иваныч[2] пробует писать школьные рассказы. Мы хотели бы, чтобы получилось нечто вроде дневника школьника, который появлялся бы во всех четырех книжках.

К вашему приезду будет ясно, что можем редактировать и пересказывать мы, а что должны пересказать вы [вырезано несколько слов] и что необходимо заказывать в Москве.

Мы сейчас с Тусей все перечитываем, сортируем и составляем постепенно повестку дня для праздничных совещаний. Чтобы разговор получился конкретный.

Кроме срока решающим вопросом является *листаж*. Даже при сокращении большинство хороших вещей II книги — 3—4 страницы. Опытные и умные педагоги согласны, что именно такими и должны быть рассказы для девятилетних, иначе их скучно читать. Но увеличат ли нам листаж? Это было бы очень хорошо: надо помнить, что для большинства ребят наши книги — единственные книги. Пусть же они будут потолще.

Стихов мы пока что не отбираем, п<отому> ч<то> это самое легкое.

О Ленине материала довольно много [вырезано несколько слов]

О перелете «Родины» — есть[3].

О героических летчиках — Чкалове, Водопьянове — будет.

Научный материал — кое-что есть и многое будет.

Зверей — масса. Чарушин, Пришвин, Лесник, Бианки и мн. др.

О войне, о пограничниках — есть кое-что.

О Чапаеве — есть.

Есть — это не значит, что не надо обрабатывать. Но все-таки — есть. А вот с деревней и со школой дела совсем плохи. И с 1 мая.

Будем думать вместе.

Лида

P. S. Почему ты не пришлешь мне какую-нибудь свою корректуру? Я бы сделала очень быстро.

[1] Строки из поэмы Н. А. Некрасова «Дедушка».

[2] Пантелеев.

[3] *«Родина»* — название самолета, на котором в 1938 году летчицы П. Д. Осипенко, М. М. Раскова и В. С. Гризодубова совершили беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток.

184. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

5 декабря 1940. Москва[1]

Лидочка! Я только сейчас вспомнил, что я никаких денег не дал для Матти[2]. Он хороший мальчик, дай от меня ему рублей 20.

Я никак не поблагодарил Иду Петровну — передай ей привет от меня. *Люшеньке* кланяюсь. Я доехал хорошо. В моем купе был академик Вавилов, мы с ним много разговаривали. К нам подсел Утесов и сильно развлекал нас. Мама здорова, я завтра же еду в Учпедгиз хлопотать и протестовать. 15-го еду в Кисловодск — буду переводить Уитмана и работать над учебником! Привет Шуре и Зое Моисеевне.

Твой

Адрес на открытке: Ленинград. Загородный 11, кв.4

[1]Почтовые штемпели: Москва. 5.12.40; Ленинград. 8.12.40.
[2]*Матти* (р. 1927) — сын Иды Петровны Куппонен, Люшиной няни.

185. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 декабря 1940. Ленинград

Милый папа. У меня — наверное, из симпатии к тебе — тоже грипп. Но легкий. Я завтра встану.

Грипп противен тем, что из-за него я уже 6 дней не езжу в Библиотеку. А там меня ждет целая гора книг [вырезано несколько слов]

Лежа пишу о Миклухе[1]. Это оказалось гораздо труднее, чем я рассчитывала, п<отому> ч<то> я очень уж мало знаю про моря и страны. Кручу Люшин глобус, теряя то Красное море, то Филиппинские острова.

С<амуил> Я<ковлевич> сегодня едет в Москву. А послезавтра я сдам свой экземпляр для него в машинку — если Учпедгиз действительно успел получить соответствующее распоряжение. И пошлю бандеролью.

9/XII я писала Жезмер насчет договора с Блоком[2]. Позвони ей, пожалуйста, и узнай, за чем дело стало.

Я надеюсь, что ты пришлешь мне свою книжку[3]. Жду. И присылай мне Уитмана. Ну что тебе стоит! А для меня это было бы чистое объедение. Я показывала бы каждое стихотворение Шуре, и мы писали бы тебе отчет о каждой строке. [вырезано несколько слов]. Правда. Я раздобуду в библиотеке подлинник.

Существует ли у тебя секретарша?

Совсем ли ты поправился после гриппа?

Здорова ли мама?

Когда вы едете в Кисловодск?

Вчера вечером мне звонили с Междугородней станции: «Вас вызывает Москва». Я ждала до 2 ч. ночи, но звонка не последовало. Что это значит? Т.к. ни от звонков, ни от телеграмм я добра не жду, я очень переволновалась. Хорошо, что сегодня пришло письмо.

Пришли же «Репина»! И стихи. А я посылаю тебе свою продукцию.

Целую тебя и маму.

Лида

17/XII 40

О Зощенке — ни слуху [ни] духу[4].

Опять предлагает мне комната книги,
Дыханье ребенка за тонкой стеной.
Трехлетней тоски надеваю вериги.
Опять этот вечер вдвоем с тишиной.

Из зеркала смотрит, немея и тая,
И мутью безликой глядит из окна,
И дразнит далеким звоночком трамвая
Души отравительница, тишина.

Ночью

Шорох крови в ушах,
Будто шорох морского прибоя.
Замирает душа
На свиданьи с самою собою.
Сколько было и звезд, и лесов,
Облаков было неповторимых,
И людских голосов,
Так бессонно любимых.

Понятно ли, что в первых двух строчках второго стихотворения говорится о сердцебиении?

[1]*...пишу о Миклухе* — очерк для хрестоматии «Двенадцать месяцев». Об очерке и хрестоматии см. письмо **190** и примеч. 2 к письму **188**. Очерк напечатан не был и в архиве не сохранился.

[2]Упомянут Георгий Петрович *Блок* (1888—1962), литературовед, переводчик.

[3]Речь идет о книге: К. Чуковский. Репин. Горький. Маяковский. Брюсов: Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1940.

[4]О судьбе статьи Л. К. о Зощенко см. примеч. 2 к письму **182.**

186. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

19 декабря 1940. Ленинград

19/XII 40

Милый папа. Желание мое исполнилось быстро: утром я написала тебе, что хотела бы получить твою книгу, а вечером — или, точнее сказать, ночью — в 12 ч. — получила ее. Спасибо. Я ее прочла всю снова, с начала до конца.

Больше всего мне нравится «Репин». В этой статье и человек виден, и автор — и выводы общетеоретические сделаны. Написана статья прекрасно, — я не понимаю, как ты умеешь строить отчетливо и в то же время емко? У меня в статьях и рецензиях всегда получается так, что отчетливость приводит к однолинейности: мысль вытянута в одну линию, как казарма. А тут отчетливость нисколько не мешает богатству.

Горький тоже хорош. О Маяковском — маловато. О Брюсове мне было неинтересно читать, но не потому, что ты неинтересно написал, а потому, что предмет уж очень незначительный. Брюсов — холодный поэт, поэт-ритор. Ты пишешь, что он страстно относился к вопросам литературы. Но письма, напечатанные тобой, разочаровывают. Ни одного меткого суждения, ни одного суждения вглубь и по существу. «Текущие дела». Нет, не верю я в значительность этого литератора.

Книжка будет, конечно, иметь большой успех у читателей. В ней есть ценное свойство, очень ощутимое: правдивость. А критики выскажутся, вероятно, и так и сяк — в зависимости от своих задних мыслей, — нужно быть готовым ко всякой глупости и гадости, но, я думаю, тебе уже пора быть закаленным.

На всякий случай сообщаю тебе мелкие опечатки. <...>

Очень меня тронуло письмо Репина: «Работал все, как мог, над своими картинами».

И очень рассмешила телеграмма Дорошевича — «сердечный привет».

«Репина» я читаю, наверное, уже в 4-й раз — и каждый раз интересно, и каждый раз радуюсь. <...>

Папа! Конечно, я к тебе опять с просьбой. Нет ли у тебя лишнего экз<емпляра> Шевченко? (переводов?) И «Репина, Горького»? Если есть — пошли их с доброй надписью Изе. Для него это будет событие, радость, залог и пр. Людям нужна бывает не только конкретная помощь, но и помощь словом. Сделай это, пожалуйста, если можешь.

Когда вы едете? Скорее бы.

Люшка здорова и мечтает о елках.

187. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После 20 декабря 1940. Москва

Дорогая Лидочка! Были мы с Маршаком у Сундукова. Оказывается, переписку материала они все же относят на наш счет, но оплата этой переписки будет производиться лишь после того, как учебник выйдет многомиллионным тиражом. Если же — паче чаяния — учебник большим тиражом не пойдет, с нас за переписку не взыщут. По этому поводу я внес предложение — использовать часть материалов, которые по возрастным причинам не могут войти в наши книжки, — *для* «Книги *для* чтения» для III кл<асса>. Это было с энтузиазмом *принято*.

Второе. Блок[1] будет оплачен. (Я написал ему, кстати сказать, письмо и до сих пор не получил ответа). Мы видели Жезмер и говорили с нею (она присутствовала на заседании), она обещала оплатить тотчас же по высшей ставке.

Третье. Сундуков и Ж<езмер> требуют уже сейчас программу нашей работы. Они, конечно, вправе ее требовать, и ее нужно прислать. С<амуил> Я<ковлевич> предложил попросить тебя, чтобы Ты (вместе с З<оей> М<оисеевной>, Т<амарой> Г<ригорьевной> и Ал<ександрой> И<осифовной>) эту программу составила. Нужно представить страницы две на машинке. Указать, что учебник будет состоять из *а*) фольклора, *б*) классического материала, *в*) советского материала и т.д. Текстов (конкретных) не указывать, а только тематику, но кое-где указать и тексты (Ник<олая> Тихонова, Георгия Блока). Чудесно было бы, если бы в виде вступления Т<амара> Г<ригорьевна> изложила свои мысли об общих принципах построения такой книги. Необходимо упомянуть о десятых страничках, т.е. о том, что эта книга будет более веселой, чем прочие, что мы постановили каждую десятую

страницу посвящать юмору (загадкам, ребусам, небывальщине, анекдоту, карикатуре и проч., что эти страницы будут составляться главным образом нами).

Четвертое. Вам будет послано офиц<иальное> письмо о продлении срока. Конкретно материалов не приводите, а укажите, что у Вас будут *Пришвин, Чарушин, Житков, Мантейфель, Берггольц, Савельев и т.д.* [2]

Надеюсь, что твой грипп уже прошел и что о Миклухе ты уже написала; что моя книжка тобою получена. Что касается Уитмана, то случилось ожиданное. На редсовете выступил Асеев и похоронил эту книжку. Договора со мною заключать не будут. Зря я работал 5 месяцев. А между тем я весь вошел в работу и отрываться трудно. Мы едем, кажется, 26-го. Едем в Кисловодск, в санаторий Наркомтяжпрома. Есть ли у тебя деньги? Боюсь, что нету. Спасибо за ту помощь, которую ты обещаешь мне по Уитману. Непременно воспользуюсь ею, но позже. А сейчас я сдал кое-какие переводы в «Интернациональную л<итерату>ру». Кто же звонил тебе из Москвы?

Мне оба твои стихотворения нравятся одинаково[3], и я не знаю, которое лучше. Интересно: тянет ли тебя писать стихи не о себе, не о своем душевном состоянии, а, например, на какую-н<и>б<удь> эпическую тему, далекую от тебя. Могла бы ты переводить стихи?

Мама здорова. Мне шьется новый костюм. Что с Колей? Не пишет ни звука уже третью неделю. Привет всем! Получила ли Татьяна Александровна[4] мое письмо? В новом однотомнике Короленко, вышедшем в Детиздате, есть письмо Короленко «детям Богданович» — очень забавное.

Ну, целую тебя. Нужно делать предотъездные работы. Я написал для Литгазеты очень хороший (?!) фельетон[5], чего со мною уже лет 10 не было. О книгах, пропущенных критикой.

Твой Отец

Люшеньке сердечный привет. Жаль, что не довелось побывать в ее школе.

[1]Речь идет о Г. П. *Блоке*.

[2]Среди писательских имен назван Петр Александрович *Мантейфель* (1882—1960), биолог, охотовед, автор «Рассказов натуралиста» (1937).

[3]*...оба твои стихотворения нравятся одинаково...* — имеются в виду стихи, посланные в письме **185**.

[4]*Татьяна Александровна* — Богданович, племянница Анненских, у которых, приезжая в Петербург, останавливался Короленко. До революции дача Анненских

в Куоккале была по соседству с дачей Чуковских. У Татьяны Александровны было четверо детей. Об этом времени см.: К. Чуковский. Короленко в кругу друзей // Собр. соч. Т. 2, с. 83—87.

[5]Речь идет о статье К. Чуковского «Невидимки» (Литературная газета, 31 декабря 1940).

188. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 декабря 1940. Ленинград

27/XII

Милый папа.

Твое письмо очень огорчило и взбудоражило меня.

И хаос опять выступает на свет,
Как во времена ископаемых[1].

Все продолжает оставаться в положении неопределенном — и при этом со знаком минус.

Ты пишешь: «Вам пришлют письмо о продлении срока». *Каком продлении*? Хотелось бы наконец знать, о каком именно сроке идет речь? Если Вы об этом договорились, то почему ты молчишь об этом решении, столь важном для нас?

Дальше: «Работа Блока будет оплачена». Но я писала Жезмер не об оплате работы Блока (само собой разумеется, что работа будет оплачена), а о *договоре* с ним, без которого он не начнет работать. Так я и не знаю — будет договор или нет?

Дальше: ты говорил там о книге для III класса. А я специально просила тебя ни в коем случае об этом с ними не говорить. Сейчас над нами книги для I и II класса лежат как каменные плиты — и ни о каком III классе разговаривать сейчас не приходится. Когда I и II будут кончены — тогда другое дело. (А пока — мы материал все равно не выбрасываем.)

Дальше: решение относительно машинисток носит характер неопределенный и в то же время чисто разбойничий. Работая около 1 $^1/_2$ лет, мы получили тысяч 6 или 7 на человека; минус 1000 — с каждого — для машинисток. Этак Учпедгиз оплачивает долгожданный учебник. Глупо и скаредно.

Но как бы ни было глупо и скаредно это решение, следует его где-нибудь зафиксировать. Нельзя вести денежные дела на словах. Завтра вместо Сундукова будет Чемоданов — и тогда как?

О переписке на машинке мы получили уже 3 противоположных решения: за счет Учпедгиза, за наш счет и теперь — не то за их, не то за наш. (Диалектика.) Пусть уж они как-нибудь сформулируют наконец свое решение.

Писать программу — дело ужасно никчемное и отнимающее время, но, конечно, раз требуют — надо сделать. Мы с Тусей принимаемся сегодня же; кончим, покажем Шуре и Зое, перепишем на машинке и пошлем Вам. (Куда, кстати, посылать? В Кисловодск? Или Маршаку?)

Ты не обижайся, пожалуйста, что я брюзжу. Я понимаю, как все это трудно. Но хочется ведь сделать все как можно рациональнее.

Экземпляр для Маршака перепечатывается. Будет готов завтра — вычитаю и пошлю. Туся и Шура совершенно погрязли в «12 месяцах»[2] и для учебника делать почти ничего не могут. Я читаю [слово вырезано] материал и современные взрослые журналы. Зоя тоже читает журналы. Редактуру мы уже распределили между собой, но еще не начали. Организация у нас теперь такая: мы собираемся каждые 10 дней, читаем друг другу новонайденное и сдаем в машинку. Очередное чтение будет 3-го. (Мы заказали Берггольц рассказы и на днях пригласим Будогоскую.) <...>

Очень, очень, очень огорчена твоей неудачей с Уитменом. В чем тут дело? Ведь Уитмен — не Маяковский; зачем было Асееву лезть? Из непременного желания пакостить тебе?

Неужели это окончательное решение? Надеюсь, что нет. Ах, если бы ты мог забронироваться и спокойно переводить, а там — что бог пошлет. Я убедилась: люди хрупки и ломки, но стихи очень прочны. Пусть будут хорошие переводы (а ты один можешь сделать У<итмена> хорошо) — и они не пропадут. Я все перечитываю те 2 стихотворения, которые тогда переписала, и радуюсь им. Они уже стали для меня такими же необходимыми, как Пастернак, Блок или Ахматова.

Деньги у меня есть, ты же знаешь. У меня другая беда: жильцы поставили радио, я уже несколько дней недосыпаю и дышу оттого, как старая лошадь. Легко только лежать, всякое движение вызывает одышку и хуже. Ну ладно, все это надо уметь переносить. У А<нны> А<ндреевны>[3] радио, пьянство и брань целый день под боком.

Твой вопрос относительно того, могла ли бы я писать стихи на какую-нибудь тему, далекую от меня, — очень странный. Да как же писать, если это далеко? Я не понимаю. Как зажечь электрическую лампочку, не поворачивая выключателя? Откуда же придет свет? Как добиться струи из-под крана, если кран закрыт? Откуда же польется вода? Я думаю, что даже Пушкин не мог бы написать «Для берегов отчизны дальной», если бы уезжала не m-me Ризнич, а возлюбленная кн. Вяземского или Дельвига. Я не знаю, как писать о том, что не пережито, не пережито вовсю, до пронзительной боли. Откуда тогда брать слова и ритм и чем же тронуть читателя? (Если самому наплевать, то и другим будет наплевать. См. романы Козакова, Слонимского и пр., и пр.) Правда, как бы сильно ты ни пережил сам — если читатель не переживал подобного же, — он тебя не услышит. Человек слышит только то́ слово, которое уже готово сорваться с его собственных губ. Но тут уже вопрос совпадения биографии поэта с биографиями тысяч людей. Задача поэта не в том, мне кажется, чтобы сознательно пробовать писать на темы, интересные для других, а в том, чтобы его жизнь, его личная биография *совпадала* с биографией его народа. Так жили Шевченко, Маяковский, Некрасов, Блок. Писали они о том, что было дорого им *лично*, но их личный путь, их личная любовь, их личная ненависть совпадали с любовями и ненавистями миллионов людей. Вот почему они всенародные лирики, вот почему стихи Шевченко «Костомарову» — такие интимные — в то же время имеют *общественное* значение.

Мы так поем, как мы живем и дышим,
И так живем, что нам нельзя не петь.

А у Блока, помнишь:

Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих[4].

Если бы поэт не был *смертельно* оскорблен, а был только слегка заинтересован — то как слово его могло бы стать заразительным?

Полезно, я думаю, расширять свою тему, но для этого нету другого способа, как *расширить* свою жизнь. Но ведь наша био-

графия не в нашей власти. А писать о разном, не переживя *разного,* — этого не только я — этого и гений не может.

Вот сколько накарябала. Обнимаю тебя. Пиши.

Лида

Миклуху я кончила, и он оказался для 10 лет совершенно непригодным. Скоро пошлю его Эйхлеру, чтобы печатать в «Пионере». Я для маленьких совсем, никак не умею писать. Я ведь люблю на самом деле только *сложное и лирическое.*

[1]Неточная цитата из стихотворения Бориса Пастернака «Любимая — жуть! Когда любит поэт...».

[2]*«12 месяцев»* — так называлась хрестоматия для детей, которую составляли Т. Г. Габбе и А. И. Любарская. Эта работа не была завершена, и книга не вышла.

[3]*Анна Андреевна* — Ахматова.

[4]Строки из стихотворения Блока «В огне и холоде тревог...».

189. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

25 декабря 1940. Москва[1]

Лидочка. С послезавтрева наш адрес:

Сев. Кавказ, Кисловодск. Санаторий Наркомтяжпрома.

Пишу это, чтобы попросить тебя поблагодарить Зою Моисеевну и Александру Иосифовну за книгу о гусях[2], которую я беру с собой в дорогу. Мама уже прочла эту книгу, и она ей очень понравилась. Предвкушаю удовольствие!

Сегодня предстоит свидание с Маршаком, завтра утром — поезд.

Адрес на открытке: Ленинград. Загородный 11, кв.4

[1]Почтовые штемпели: Москва. 25.12.40; Ленинград. [нрзб.]12.40.

[2]*...книга о гусях* — пересказ З. Задунайской и А. Любарской книги Сельмы Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями».

190. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

3 января 1941. Ленинград

Милый папа.

Посылаю тебе написанную нами «программу». Я не уверена, что она такая, какая должна быть. Но очень уж не хотелось тра-

тить на нее [вырезано слово] и время. Я послала ее не Жезмер, а Маршаку — пусть решит и сам подаст, если найдет годной. А тебе посылаю так просто, если найдешь что-нибудь вопиющее — напиши.

Получил ли ты мое письмо о твоей книжке? Я давно уже послала его тебе. От тебя уже с недельку нету писем. Жду письма из Кисловодска — о климате, лечении, самочувствии, людях и пр.

Понравилась ли тебе Шуре-Зоина книжка? Мне кажется, она очень *детская*, по-настоящему. Авторы сильно ждут твоего мнения.

Надумал ли ты что-нибудь для учебника? Несмотря на все, я еще надеюсь, что ты и Маршак — вместе или отдельно — напишете первую часть первой книжки.

Скоро я вышлю тебе материалы о [вырезано слово]. Набралось их довольно много. Есть интересные эпизоды.

А пробовал ли ты уже перерабатывать «Братскую помощь» Гор[с]кого? [Фамилия неразборчива]

Я читаю современные взрослые журналы. Просмотрела несколько комплектов «Октября», «Ленинграда» — очень никчемное занятие. Скоро брошу. Но если в вашем санатории есть библиотека — попробуй достать «Октябрь», 1938, № 11—12 и глянь там в очерк Семушкина о первой школе среди чукч. Мне кажется, там есть интересное, поддающееся пересказу. О том, как чукотские дети впервые увидели простыню, карандаш, бумагу, мыло. («Мыло — камень, который пускает слюнки».)

Я тут пробовала написать для «12 месяцев» очерк о Миклухе. Писала 2 недели. Писать было приятно. Прочла Тусе и Шуре — и полный крах: очерк получился не для 8-летних детей, а для 15-летних, — совсем как моя книга. Я и раньше подозревала, что совсем не умею писать для маленьких, и теперь увидела это с полной наглядностью. Я не умею *думать* для маленьких — недаром я не люблю вещей сюжетных, не люблю *простое*, а люблю *сложное и лирическое*.

Очерк я пошлю Эйхлеру — пусть отдаст в «Пионер». И попробую пристроить в радио. А для «12 месяцев» попробую обработать куски из Дневника[1] и дам маленькую шапку.

В общем, дело обстоит так: мне 34 года, и я решительно ничего не умею. Я всегда считала праздным занятием размышлять о своих способностях — надо работать, и все тут, — но за последние дни я как-то много об этом думаю. Я всю жизнь работаю в детской литературе, но писать для детей не умею. Кроме того, я не умею делать и самого простого — того, что умеют все люди: зарабатывать деньги. Не умею также шить, стряпать, играть с детьми, переводить, покупать предметы домашнего обихода, топить печку, ходить по улицам. И вообще существовать. Удивляюсь я своим родителям: как это они умудрились воспитать такого никчемного оболтуса?

Читаю «Тропинку»[2]. Некоторые стихи из нее, пожалуй, можно взять, но прозу — нет! Странное впечатление производит этот журнал. От него так и разит *временем* — он пахнет временем сильнее, чем «Скорпион» или «Весы»[3].

Пиши, пожалуйста.

Лида

3/I 41
Ленинград

[1]Речь идет о «Дневнике» Н. Н. Миклухо-Маклая.

[2]«*Тропинка*» — журнал для детского чтения, издававшийся в Петербурге (1906—12). Одним из редакторов была поэтесса Поликсена Соловьева (1867—1924).

[3]«*Весы*» — литературный журнал, выходивший в 1904—09 годах в издательстве «Скорпион».

191. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Начало января 1941. Кисловодск

Дорогой Лид.

Получил твою программу. Очень хорошо и тактично написана. Сейчас иду к Шолохову — просить, чтобы дал что-нибудь — или специально написал бы. Жалко, что он завтра уезжает, очень замечательный он человек... Сегодня я разговаривал с няней его детей (встретил ее в парке), она нянчила и его, когда он был малышом. Она неграмотная, моих лет, много мне хорошего о нем рассказывала.

Маршак в санатории. Вряд ли он увидит вашу программу. Да и сговорено было так, чтобы программа прямо была отправлена

к Жезмер. Очень странно, должно быть, перелистывать теперь «Тропинку». Сестру Владимира Соловьева[1] (Поликсену Соловьеву) я хорошо помню. Она одевалась, как мужчина: манишка, галстух, — стригла волосы, говорила басом, была религиозна — и в то же время очень остроумна, смешлива, никаких детей никогда не видала, любила философствовать и, так как была талантлива, могла бы писать очень хорошо, если бы не была безнадежной дилетанткой. Но кое-что у нее выбрать можно. Гречанинов написал музыку к ее стихам: «Правда ли это весна?» Ты, должно быть, знаешь их.

Я здесь почти не работаю, так как чувствую себя неважно (между нами — я уверен, что Кисловодск мне противопоказан; но мама буквально перерождается здесь), но те несколько часов в сутки, которые я провожу за письменным столом, я работаю над учебником. Забросил и Уитмана, и Шерлока Холмса.

По поводу того, что ты пишешь о своей «неспособности», я думаю вот что. Во-первых, ты чудесный поэт, во-вторых, у тебя большой беллетристический дар, в-третьих, ты первоклассный критик. Во мне говорит не отцовское пристрастие, а вполне объективный и достаточно опытный ценитель. Если бы [ты] не отдавала всех своих сил редактуре в течение столь долгого времени, ты проявила бы себя во всех трех жанрах. (Видела ли ты, кстати, как похвалил твою книгу акад<емик> Тарле в «Известиях»?[2]) Но, во-первых, редактура тебе была на пользу, во-вторых, время твое не ушло. Когда сбросим с себя учебник, непременно обдумаем «план жизни и творчества». Если бы ты согласилась полечить «зоб»[3], — хорошо было бы тебе выбрать большую тему для 1942 года и подготовлять ее исподволь — или, может быть, остановиться на Михайлове, или выступить в критике с рядом статей... Я насчет тебя не заблуждаюсь, ведь вижу же я все скверные стороны Колиного писательства, ведь меня доводят до бешенства его халтурные переводы. Сейчас правка каждой страницы его «Шерлока», в общем, отнимает у меня столько времени, что, право, мне было бы легче перевести самому... Жалко, что ты из какой-то надменности отказалась от переводческой работы. Не сомневаюсь, что ты переводила бы превосходно. Главное, человек должен пригодиться своим ближним. Когда я перевожу «Тома Сойера» или редактирую «Хижину дяди Тома», я так ясно представляю себе то счастье, которое эти книги доставят миллионам детей, что не считаю свое время потерянным. Почему бы тебе не утвердиться в своем

знании английского языка. Ведь у тебя есть множество английских поэтов. Ну, целую тебя крепко — нужно торопиться.

Весь твой

П.

Каждый вечер я провожу с Папаниным. Он бесконечно милый человек; если бы ты видела, как любят его дети. Вчера мы вместе с ним смотрели «Бесприданницу» в кино. Его облепили дети, и он весь вечер объяснял им все, что происходит в картине.

— Это он треплется, сукин сын!

— Все это он брешет, вот увидите.

В нем самом очень много детскости.

[1]*Владимир* Сергеевич *Соловьев* (1853—1900), религиозный философ, поэт, публицист, критик.

[2]Речь идет о статье Е. Тарле «Исторические книги для детей» («Известия», 27 декабря 1940). В статье упомянут «строго-исторический, четкий, ясный очерк о гайдамаках — «История одного восстания» Лидии Чуковской».

[3]У меня в это время в полном разгаре была базедова болезнь. — *Примеч. Л. Чуковской.*

192. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

16 января 1941. Ленинград[1]

Милый папа. Со мной произошла нижеследующая смешная история. Целых 2 недели я ни от кого, ниоткуда не получала писем. Ни от вас, ни от Изи, ни из Москвы. Я уже собралась телеграфировать вам — и вдруг вчера, в 11 ч. вечера, заглянув очередной раз в почтовый ящик, обнаружила там 18 (восемнадцать!) писем, из коих 15 были на мое имя. Среди них — три от тебя. Я гляжу на штампы: 4-е, 8-е, 11-е — а вчера ведь 15-е. Одно письмо (от Цезаря Люше) — получено было в Ленинграде 2-го, т.е. около 2 недель тому назад.

Утром я подала заявление заведующему нашим почтовым отделением. Интересно, что он мне ответит.

Эти штучки почтмейстера Шпекина[2] мне сильно не нравятся.

Но мои письма, я надеюсь, ты получил. И мама тоже.

Как ты можешь думать, что я не хочу переводить «*из надменности*»? Всякую литературную работу, даже самую черную, я люблю и чту, «высокое же искусство» уважаю чрезвычайно. Я думаю, что такие вещи, как Шерлок или Стивенсон, я переводить могла

бы, но о стихах или вообще о чем-нибудь более тонком — не может быть и речи. Как переводить, не чувствуя *стилистических соотношений* слов? Все нынешнее лето, каждый день, без пропуска, я изучала английский; я прочла со словарем всего «Пиквика» и «Колокола», выписывала и заучивала слова. Смысл, голый смысл прозы, я понимаю — но чуть берусь за Шелли, Байрона, Бернса — не понимаю *ничего*, т.к. не понимаю, идет ли речь о лошади, коне или кляче. Как же мне переводить? Халтурить же я не могу — не принципиально, а по неспособности. Какая уж тут надменность!

Ругани по твоему адресу я не читала и даже не слыхала о ней ни от кого. Где и за что тебя обругали? Впрочем, это не важно ведь.

На Колю накричу, чтобы он написал тебе. У него все по-прежнему.

Я читаю каждый день журналы, но за эти 1 $^{1}/_{2}$ месяца улов мой равен нулю. И «Знамя», и «Октябрь», и «Молодая гвардия», и «Звезда» не дают ничего. Сегодня выписала комплект «Молодого Колхозника». Колхозные рассказы нам необходимы, но найду ли я что-нибудь подходящее в этом журнале?

Мы с Зоей проредактировали один рассказ Мантейфеля («Сила богатырская») и очень хотим послать тебе наш вариант, чтобы ты сказал — на верном ли мы пути, можно ли так же обрабатывать остальные его вещи или нет? Туся и Шура одобрили наш опыт, теперь требуется твое и С<амуила> Я<ковлевича> высочайшее одобрение. Напиши, пожалуйста, куда послать тебе рассказик — в Кисловодск или в Москву?

И самое главное — напиши поподробнее о своем и мамином здоровье и о вашем лечении. <...>

Напиши, пожалуйста, папа, что именно ты делаешь сейчас для учебника? Очень интересуемся все. Я видела — мельком, правда, — сборник «Елку», который открывается бледным, скучным, тусклым стихотворением Маршака. Не видя подписи, я никогда не сказала бы, что это он.

Целую тебя и маму. Пишите мне.

Лида

16/I 41 г. Ленинград

Адрес на конверте: Кисловодск, санаторий Наркомтяжпрома

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 18.I.41; Кисловодск. 21.1.41.
[2]*почтмейстер Шпекин* — гоголевский персонаж из «Ревизора».

193. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

2 февраля 1941. Ленинград

Милый папа.

Что-то ты замолчал? Я знаю, что Вы 26-го собирались выехать из Кисловодска. Значит, 30-го в Москве. Сегодня 2-е — и от Вас писем нету. <...>

Удалось ли тебе уговорить Шолохова делать что-нибудь для нас? Кстати: напиши мне еще раз его теперешний адрес.

Очень болит голова, поэтому кончаю.

Твоя Лида

2/II 41

Держу корректуру украинской книги[1].

[1]В Киеве, по-видимому, должна была выйти «История одного восстания».

194. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

8 апреля 1941. Москва[1]

Лид! Спасибо за «Робинзона», за Люшины загадки. Завтра иду на операцию: до сих пор чувствовал себя так худо (психически), что операция представляется мне счастьем. «Робинзона» я вновь переработал, в корне. Многие твои указания принял с благодарностью... Над хрестоматией надо работать так, чтобы при встрече мы могли уже составить папку входящих туда вещей. В больнице буду работать над хрестоматийными вещами.

Радуюсь, что Люша скоро будет у нас. В ближайшем № «Интернац<иональной> Л<итерату>ры» будут мои переводы из Уитмана.

Когда же ты на операцию?

Твой дряхлый 60-летний отец

Адрес на открытке: Ленинград. Загородный 11, кв.4

[1]Почтовый штемпель получения: Ленинград. 8.4.41.

195. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Между 12 и 16 мая 1941. Санаторий «Барвиха»[1]

Очень может быть, Лидок, что нас будут резать в один день[2]. Авось кто-нибудь из нас и выживет. Если бы не проклятый на-

Корней Чуковский. Около 1904 г. Одесса.
Его надпись на обороте фотографии – «Дорогой Лидочке от любящего Пипа: Я был в то время, Лидочка, моложе, чем ты сейчас, и если бы моя жизнь сложилась иначе, написал бы много хороших вещей. Борись, мой друг, за то, чтобы твоя жизнь *сложилась иначе*. Моя была мутна и убога, и когда я смотрю на себя тогдашнего, мне себя очень жалко.
1935. Январь». Ленинград

Корней Иванович – и Коля, Боба, Лида. Лето 1914. Куоккала

оуважаемая Лидочка!
с этим письмом ты
шь письма от одного
ера, который пьет со мной
ад. Отчего ты мнѣ
шешь? В санаторiю
ла, а въ Кiев не пи=
, Пиши в Одессу, я
туда.
милый Папа.

Письмо Корнея Ивановича к Лиде. 27 марта 1912. Киев

Лида Чуковская

Лида Чуковская. 1915. Рисунок Вл. Маяковского в «Чукоккале»

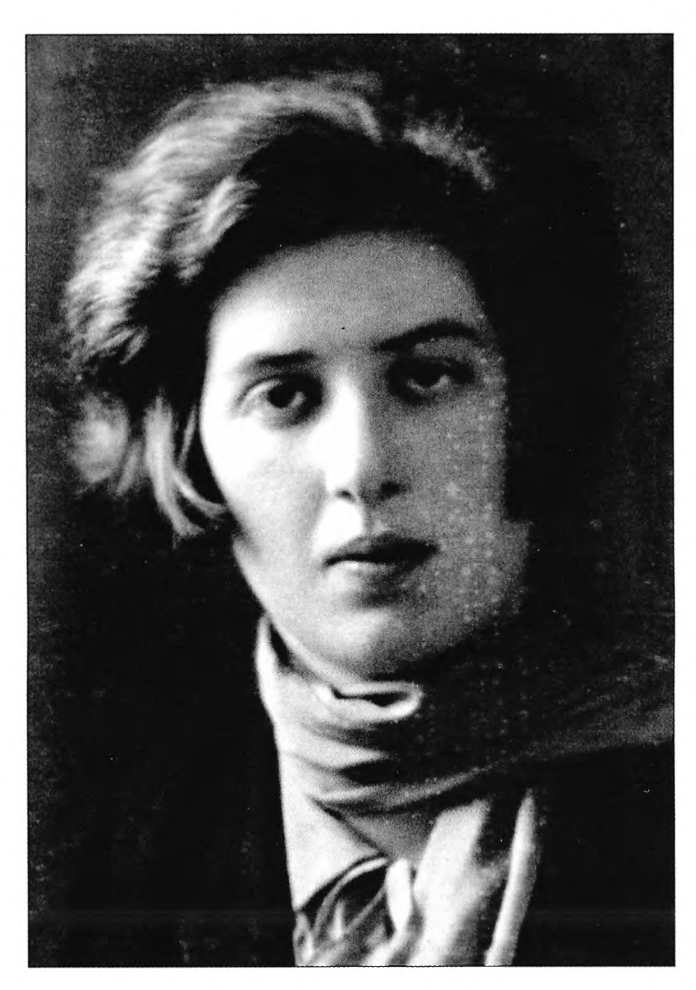
Лида Чуковская. Конец июня 1926 года. Ленинград.
Тюремные фотографии из следственного дела.
Публикуется впервые

Катя Боронина.
1928. Ташкент

Лида Чуковская. 1927. Саратов.
Публикуется впервые

1930. Ленинград

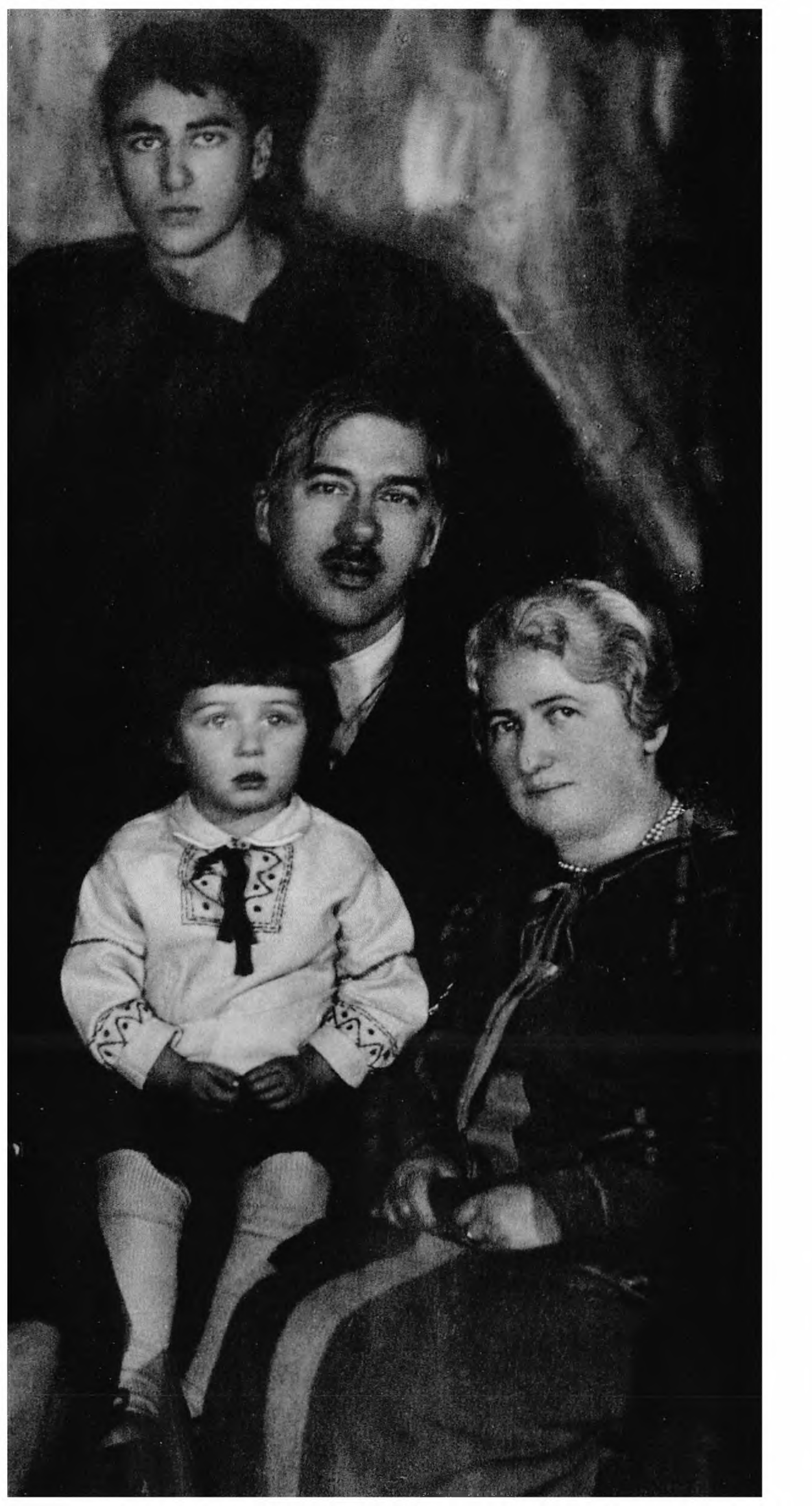

1927. Ленинград. Снимал М. С. Наппельбаум

5 мая 1929 года. Симеиз

Семья Чуковских. *Сидят (слева направо):* Лида, Мурочка, Марина (жена Николая Чуковского), Корней Иванович с внучкой Татой (Натальей) на коленях, Мария Борисовна.
Стоят сзади: Николай и Борис. 1927. Ленинград. Снимал М. С. Наппельбаум

Сидит: Цезарь Вольпе. *Стоят:* Лидия Чуковская и Николай Харджиев.
Март 1933. Ленинград. *Публикуется впервые*

Черновой набросок из самодельного сборника стихов (1950) с авторской правкой Лидии Чуковской 1993 года. *Публикуется впервые.*

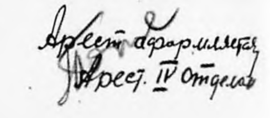
Вырваться на вольный воздух мира!
Позади унынье и беда.
Как бы ты заговорила, лира,
Прежде, чем умолкнуть навсегда?

Медленно оттаивают звуки.
Шопотом шевелится струна.
Медленно отчаянные руки
Пробуют раздвинуть времена.

Сонные пространства голубые
Белый снег и белый лунный свет.
Вот они вернулись, дорогие,
Те, кому возврата нет.

1938. Киев.
Снимал Исидор Петрович Бронштейн

БРОНШТЕЙН Матвей Петров.	32253-37г. 58-10-11 ВМН	жена - ЧУКОВСКАЯ Лидия Корнеевна, 1907г.р., работала редактором Лен.дет.Издата.

Строка из «Списка осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР». Члены семьи также подлежат аресту. Рядом с фамилией «Чуковская» резолюция: «Арест оформляется». Архив Ленинградского мартиролога (Российская национальная библиотека)

Матвей Петрович Бронштейн.
Середина 30-х годов. Ленинград

Вырваться на вольный воздух мира!
Позади уныние и беда.
Как бы ты заговорила, лира,
Прежде, чем умолкнуть навсегда?

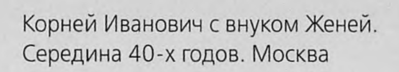
Медленно оттаивают звуки.
Шепотом шевелится струна.
Медленно отчаянные руки
Пробуют раздвинуть времена.

Сонные кр...
белым ск... й.
Вот они ...
Те, кому ...

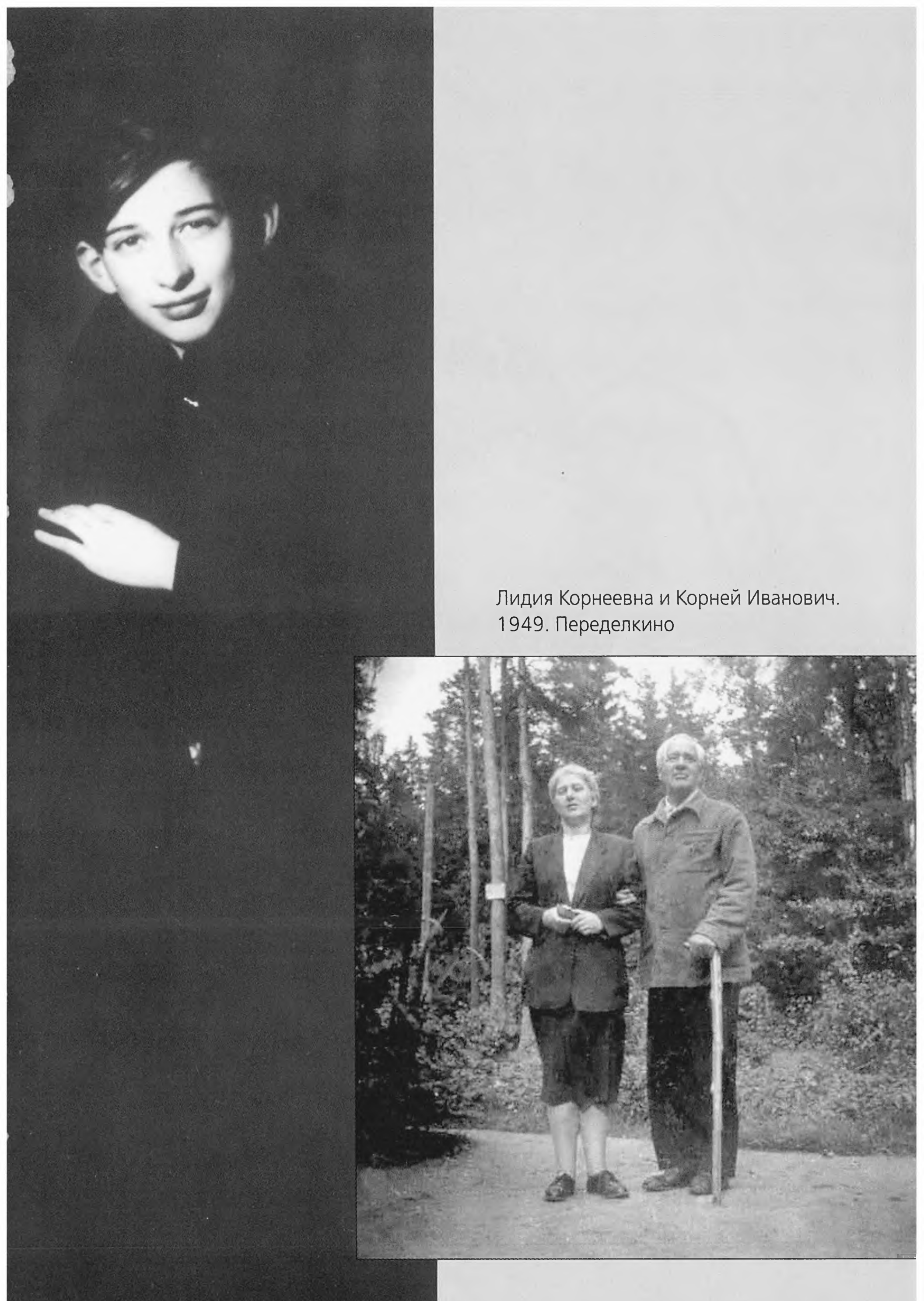

С дочерью Люшей. 1943. Москва

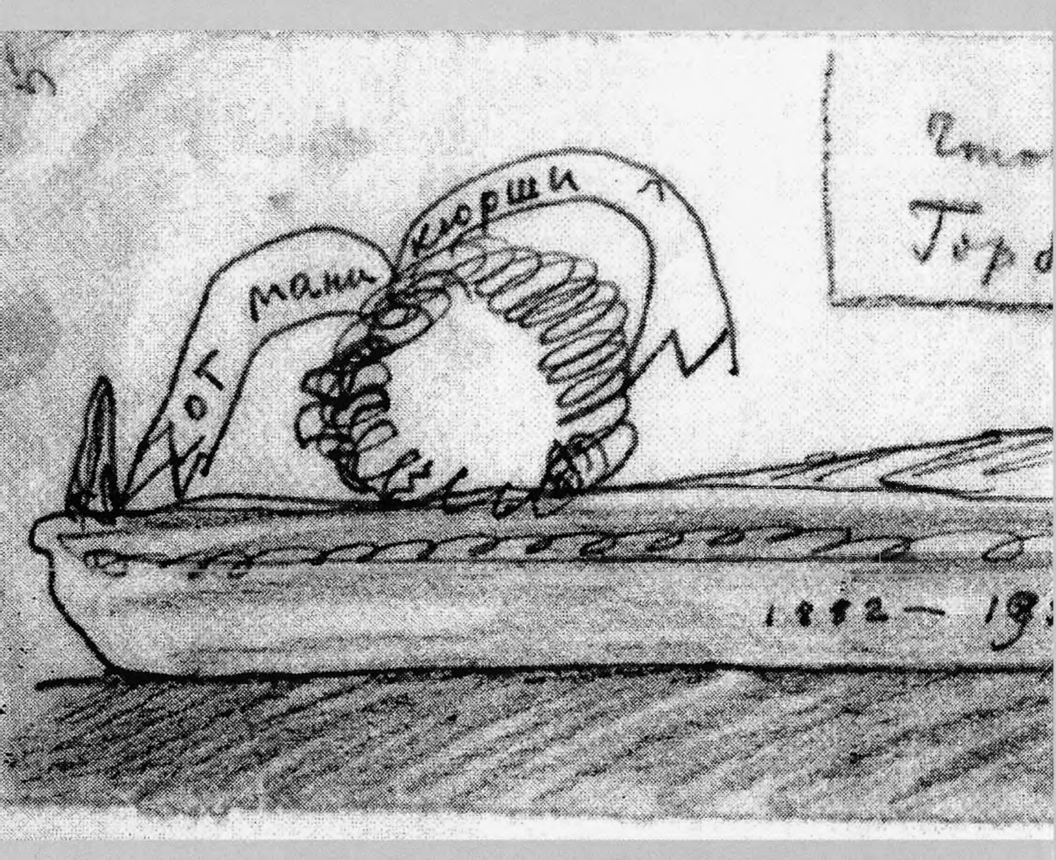
1949. Переделкино

Корней Иванович с внуком Женей.
Середина 40-х годов. Москва

Лидия Корнеевна и Корней Иванович.
1949. Переделкино

Автошарж. Рисунок К.Чуковского. 1951. *Публикуется впервые*
Надписи – *над рисунком* строки из стихотворения
И. Анненского «Кулачишка»:
Чтоб дочь за глазетовым гробом,
Горбатая, с зонтиком шла.
На венке: От маникюрши.
На гробе: 1882–1951

…н дочь за глазированным гробом
бедная с зонтиком шла.

…851

В честь 1 апреля 1956 г. Ф 646.

(от Лиды)

... И Мойдодыра, Бармалеича,
Федору и Тани-Толкая
Ручьев и песен не жалеючи
Приветствует весна, играя.

Снега и сосны Переделкина
И Баковки и Одинцова
Не повести бормочут Белкина,
А биографию Слепцова.

Что же касается Некрасова,
То он, конечно, сам таковский,
Но кто б, скажи, из Леты спас его,
Когда бы не Корней Чуковский?

Какого ты достоин титула
И славословия какого?
Не ты ли создал профиль Уитмена
И фас Григория Толстого?

Стихи Лидии Чуковской, подаренные Корнею Ивановичу в день его рождения 1 апреля 1956 года («Чукоккала». 2000, с. 339)

Не у тебя ль, в твоей Чукоккале, 647
Найдем, от радости заплакав,
Автограф Белого ли, Блока-ли,
А может быть и Брундуляка?

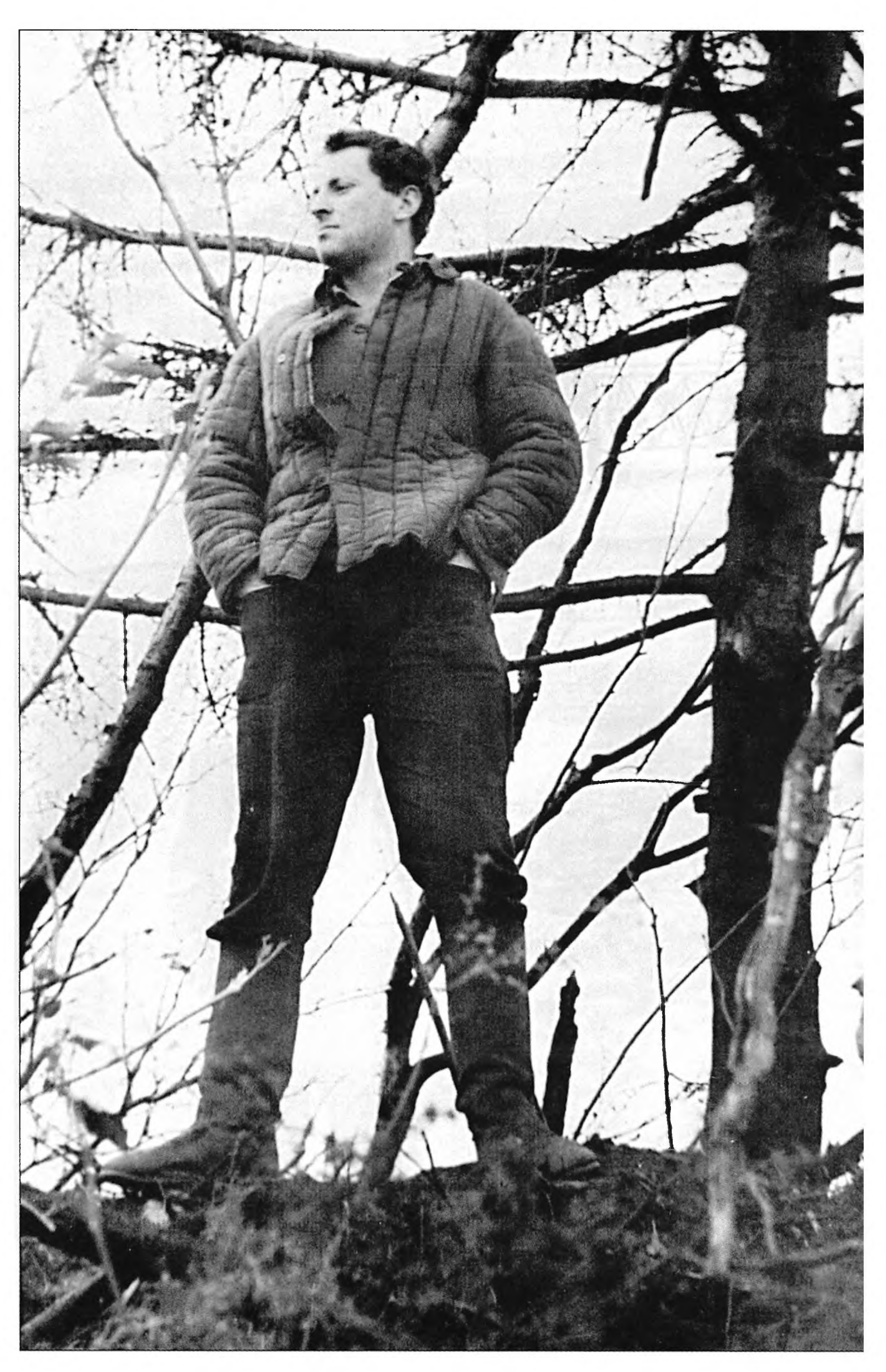
Вот почему — отца ли, деда ли? —
(Собьешься тут от восхищенья!)
Спешу поздравить я с победами,
В счастливый день его рожденья!

Сии вирши сочинила
Лидия Чуковская

P.S. Довольно! А не то культ личности
Я доведу до неприличности.
Известно, что его последствия
Сулят нам всем большие
бедствия.

Александр Солженицын.
Лето 1967. Переделкино

Иосиф Бродский в ссылке

Анна Ахматова за письменным столом. Середина 50-х годов

Титульный лист и оборот титула книги,
подготовленной для Лениздата в 1968 году,
но выпущенной лишь в 1976
с другими фамилиями составителя
и автора предисловия.
Публикуется впервые

Анна Ахматова

СТИХИ И ПРОЗА

ЛЕНИЗДАТ 1968

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ —
К. ЧУКОВСКИЙ

Подготовка текста и примечания к отделу поэзии —
Л. ЧУКОВСКАЯ

Подготовка текста и примечания к отделу прозы —
Э. ГЕРШТЕЙН

С отцом на крыльце своего дачного домика «Пивы – воды».
Август 1967. Переделкино

№ 232 13/I 68

Дорогой Дед.

Слышала, что у тебя вышли две книги — да еще какие!

Становлюсь на них в очередь. Жду их. Обе. Не знаю, которую <u>больше</u>.

«Мне нравятся очень обе»
Сказал он и выбежал вон.

Целую и поздравляю.

Л.

Письмо Лидии Корнеевны к отцу. 13 января 1968

1968. Переделкино. Снимал Л. Радищев

Ав. 1968

Лидочка!

Был у меня на-днях детский писатель ЖАК из Ростова на Дону. Войдя в комнату, он торжественно сказал:

— К тому чувству уважения, которое я с детства привык питать к вам, теперь прибавляется чувство благоговение перед вашей дочерью: какой талант! какое благородство!

Я выпятил губу и важно сказал:

— Это я научил ее азбуке. Когда ей было четыре года, я учил ее писать.

Примазался к твоей славе.

Письмо Корнея Ивановича к дочери. 16 августа 1968. Переделкино

Открытое письмо Лидии Чуковской Михаилу Шолохову. 1966

Титульный лист первого издания «Софьи Петровны» в Париже (1965). Книга вышла без ведома автора с измененным заглавием. Название исправлено рукою Лидии Чуковской

В Правление Ростовского отделения
Союза Писателей
В Правление Союза Писателей РСФСР
В Правление Союза Писателей СССР
В редакцию газеты "Правда"
В редакцию газеты "Известия"
В редакцию газеты "Молот"
В редакцию газеты "Литературная Россия"
В редакцию "Литературной газеты"

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ, АВТОРУ "ТИХОГО ДОНА"

Выступая на XXIII съезде партии, Вы, Михаил Александрович, поднялись на трибуну не как частное лицо, а как "представитель советской литературы".

Тем самым Вы д
ле и мне, произне
были высказаны Ва

Речь Вашу на съ

За все многове
я не могу припом
Вам, публично вы
ный судьями приго
ком мягок.

Но огорчил Вас
по душе самая суд
ты писатели Дани
педантичной, слиш
чтобы судьи судили
сом, чтобы руково
нанием".

Этот призыв ош
не одну меня. Ми
народ за сталинск
возвратиться к за
буквы советского

Лидия Чуковская

Софья Петровна

~~ОПУСТЕЛЫЙ ДОМ~~

ПОВЕСТЬ

Издательство
«ПЯТЬ КОНТИНЕНТОВ»
Париж — 1965

Середина 60-х. Снимал М. А. Буданов

Середина 60-х. Переделкино

сморк, и ты, и я были бы теперь в послеоперационном периоде. Очень больно, что условия, в которых ты живешь, так бессовестно плохи. Мне и в голову не приходило, что Збарский (четырежды орденоносец!) не понимает, что главное, о чем я хлопочу для тебя, это больница с *отдельною комнатою.* Воображаю, сколько душевных мук ты приняла из-за коммунальной палаты.

Я здоров, и, конечно, предоперационное состояние чрезвычайно успокаивает нервы. Иногда этого не понимают, но у меня были тысячи ситуаций, более тревожных, — и у тебя тоже.

К сожалению, все еще хриплю, полощу горло, больше лежу, чем хожу, в комнате так холодно, что нельзя подойти к окну, — дует. Читаю гениальную книгу — мою любимейшую — «Былое и думы». Жаль, что я многое в ней знаю почти наизусть. Изумительная страна Россия — если она могла дать такого человечного, такого поэтичного политика, богатого такими душевными оттенками. Еще читаю замечательную переписку Маркса и Энгельса — никогда не было времени прочитать все подряд, — чудо как хорошо и как не похоже на ту доктринерскую сушь, которую в юности мне преподносили под названием марксизма.

Ничего не пишу: не пишется. Первый раз в жизни $1^1/_2$ месяца живу без чернил.

Все же в середине июня мы с тобой, надеюсь, встретимся. Я буду скрюченный, у тебя будет очень живописно перевязано горло, Люша будет острить — и к довершению счастья лето будет такое холодное, что ты будешь чувствовать себя превосходно.

Fare thee well and if for ever
Let for ever fare thee well[3].

Прости бессвязную бормотню.

Твой доброжелатель

Целую тебя и глажу по седым кудрявым волосам.

Адрес на конверте: Лавров пер. 6. Эндокринологический институт

[1]*Санаторий «Барвиха»* — правительственный санаторий под Москвой.

[2]Лидии Корнеевне предстояла операция щитовидной железы в клинике Шерешевского в Москве.

[3]Неточная цитата из стихотворения Байрона «Fare Thee Well» («Прости»). Вот эти строки в переводе И. Козлова: «Прости! и если так судьбою / Нам суждено — навек прости!»

196. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

16 мая 1941. Санаторий «Барвиха»[1].

Дорогая Лида. Меня все же смущает, что слишком много материала мы берем в Календаре 1941 года. Правда, в большинстве случаев календарь этот очень добротный, но все же больше семи-восьми опусов оттуда взять нельзя.

Хороши очень «Саша-дразнилка» Артюховой, «Чудаки» Владимирова, «Зайка» Ф. Берга, «Лопата» Никифорова и Савельева, «О простаке и двух мошенниках», «Индеец и его слон», «Собака и тень», «Волк и кобыла» (Толстого), «Поезд» Саши Черного, «Приставалка» его же. Я горжусь, что две последние вещи Саша Черный написал по моему заказу для «Жар-Птицы»[2]. Вечерний хоровод нужно бы сконструировать так:

Добрый вечер, сад-сад,
Все березки спят-спят,
Детям тоже спать пора —
До утра!

И отдельно:

Толстый серый слон-слон,
Видел страшный сон-сон,
Как мышонок у реки
Разорвал его в клочки.

Из «Живой азбуки» Саши Черного нужно также

Слон ужасно заболел:
Сливу с косточкою съел.

К лучшим шедеврам книги я причисляю твой «Небесный зверинец»[3]. Это — чудесно написанная, свежая вещь, еще раз показавшая мне, что ты напрасно пренебрегаешь своим дарованием в этой области. Не сомневаюсь, что ты могла бы писать превосходные стихи для детей или прозу вперемежку со стихами. Для того чтобы опровергнуть меня, напиши загадку о Мичурине, или о метро, или о чем хочешь. Если не удастся, тогда у тебя будут документальные доказательства, что я не прав.

Неужели близко время, когда ты избавишься от своей проклятой болезни? Я даже представить себе не могу тебя без этого тяжелого груза, без вечной усталости, без невроза, без гипертрофии

зобной железы и т.д., и т.д. Как будет чудесно, когда все это останется позади!

Здесь о проф. Николаеве[4] говорят чудеса, но все же мне хотелось бы, чтобы не только тебе обеспечен был хороший хирург, но и хороший уход. Умоляю тебя, если ты думаешь, что я могу выхлопотать некое облегчение в твоем теперешнем быту, черкни мне сюда или скажи, чтобы мне позвонили по тел. *Г 1.53.86.*

Я в Барвихе, очевидно, пробуду дольше, чем я думал, п<отому> ч<то> мнения хирургов по поводу моей грыжи разделились. Проф. Бадылкис (не хирург, а терапевт, лечащий меня) вообще против операции. Поэтому я решил еще 2 недели прожить здесь.

Я сейчас занимаюсь над Некрасовым. Сделал кое-какие находки. Жаль, что нет времени разработать их.

Тут все, кого я любил, разъехались. Есть, впрочем, один — проф. Коваленко[5], — сталинский лауреат, который очень любит детей и так чудесно рассказывает им о чудесах науки, что я хочу попросить его, чтобы он написал две или три статейки.

Целую тебя. Если можешь, напиши мне неск<олько> строк о себе. В чем заключаются те наблюдения, кот<орым> подвергают тебя доктора.

С Люшенькой я говорю по телефону. Если меня отпустят на день, я пойду с ней в Зоосад — или возьму ее в театр.

Ну, всего!

Твой

Барвиха.
1941 Май 16

Адрес на конверте: Москва. Лавров пер.6. Эндокринологический институт

[1]Почтовые штемпели: Москва. 16.5.41; Москва. 18.5.41.

[2]*«Жар-птица»* — детские сборники изд-ва «Шиповник». Кн. 1. СПб. [1911]. 48 с. В сборнике помещены три произведения К. Чуковского для детей: «Собачье царство», «Цыпленок» и «Доктор» и несколько стихотворений Саши Черного. Составитель и год издания не указаны. Сборник иллюстрировали С. Чехонин, М. Добужинский, В. Белкин, А. Радаков. Обложка сделана по рисунку С. Судейкина.

[3]*...твой «Небесный зверинец».* — Речь идет о каком-то рассказе Л. К. Чуковской, который не был напечатан и не сохранился в ее архиве.

[4]Олег Владимирович *Николаев* (1903—1980), профессор, хирург-эндокринолог, с 1931 по 1974 год возглавлял хирургическое отделение Института экспериментальной эндокринологии.

[5]Вероятно, речь идет о Валентине Ивановиче *Коваленкове* (1884—1960), советском ученом в области электросвязи (Сталинская премия 1941).

197. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Вторая половина мая 1941. Москва

Милый Лидок.

Поздравляю тебя с возвращением к жизни. Надеюсь, что наконец-то ты выспишься. Мы с тобой оказались в этом деле очень схожими. Хирург сказал мне: «Вы чудесно переносите боль; видно, что вы волевая натура». Я спокойно рассматривал всю операцию в зеркальный рефлектор, висевший надо мной. Но 7... (семь) суток подряд я не мог уснуть, и разговоры за дверью доводили меня до слез. Мне давали веронал, но и он не усыплял меня. У меня болело все, кроме раны. Но какие чудесные люди — хирурги. Сколько людей в месяц спасают от смерти твой Николаев и мой Гинзбург!

Я поправляюсь, но руки-ноги дрожат, и голова не работает. Какое будет счастье встретиться с тобою в Переделкине и увидеть шею твою без кисты!

Первый раз в жизни я не работаю и даже не чувствую угрызений совести. Спасибо и за Ватто, и за Гэнсборо[1], и за Люшины портреты.

Сердечный привет

твой К. Ч.

Адрес на конверте: Лавров пер., 6. Эндокринологический институт

[1]Репродукции с картин Ватто и Гейнсборо прислала мне в больницу Р. А. Брауде, работавшая тогда в Эрмитаже; я послала их в больницу К. И. — *Примеч. Л. Чуковской.*

198. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец июля 1941. Москва[1]

Лидочка! У нас все по-прежнему. От Матти пришло письмо; к сожалению, я оставил его в Переделкине. Пришлю следующей почтой. Он здоров, бодр, сыт, живет на прежнем месте. Все письмо — пять строк.

«Сплю на прежнем месте; здесь хорошо и *не дует*».

Привет Люше, Иде, Жене[2]. Каково-то вам на Каме? Знаешь ли ты, что умер Феликс Кон[3]. Мы уже скучаем без вас.

Твой Отец

[1]Приписка к письму М. Я. Розенберга к Л. К. от 11 июля 1941 года, пересланному Корнеем Ивановичем в Чистополь.

[2]Начало войны застало Лидию Корнеевну в Москве, не оправившейся после операции. В июле 1941 года, через месяц после начала войны, Л. К. с дочерью, племянником Женей и Идой Петровной из Москвы эвакуировалась в Чистополь, где находился интернат для писательских детей и куда были эвакуированы семьи московских писателей. Сын Иды Петровны — Матти — остался в Ленинграде.

[3]*Феликс* Яковлевич *Кон* (1864—1941), сотрудник Коминтерна, в 30-е годы председатель Всесоюзного комитета радиовещания, издательский работник.

199. Л. К. Чуковская — М. Б. и К. И. Чуковским

4 августа 1941. Чистополь[1]

№ 4

Дорогие родители. Не знаю где Вы, пишу наобум. Мы приехали вчера. Теперь живем в общежитии, 12 человек в комнате. Детей никуда не берут, п<отому> ч<то> тут никакого Детского Дома нет, а дом в Берсуте переполнен. *Может быть*, возьмут через месяц, когда здесь наладят. Но у меня на руках нет путевки для них, нет документа об уплате денег. Это срочно надо выслать сюда. (Срочным, молнией, иначе не дойдет.)

Если будет возможность, пришлите с оказией *хину* или *акрихин*. Без них не обойтись.

Комнату ищем, но пока тщетно. Я ходила насчет работы в Гороно, говорят: поезжайте в колхоз вязать снопы.

Если Женя и Люша останутся со мной — денег хватит ненадолго. Мы покупаем кастрюли, керосинку, таз. Дрова здесь очень дороги... Если будете посылать деньги, то имейте в виду, что они идут месяц и что доходят суммы менее 500 р.

Сегодня послала вам молнию (иначе нельзя) и жду ответа. Где вы?

Дети почему-то здоровы.

Лида

4/VIII

Приехал Асеев. Почему же вам нельзя?

Адрес на открытке: Москва, улица Горького... *Обратный адрес*: Татреспублика, Чистополь, до востребования

[1]Почтовые штемпели: Чистополь. 5.8.41; Москва.17.8.41.

200. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

5 августа 1941. Москва[1]

Лидочка. Я послал Тебе письмо от Матти для Иды П<етровны>. Не знаю, дошло ли. Матти здоров, сыт, спит на той же кровати, что в прошлом году. Сейчас пришло письмо от Бобы. Адрес его такой: *Полевой почтовый ящик 571. Полк 39, рота 2-я Борису Чуковскому*. Он просит тебя написать ему о Женичке. Я и мама здоровы. Живем в Москве. Я сочинил о Гитлере стихи[2]. Сдал в Детиздат. Печатаются. Пишу еще. Ждем от тебя известий о твоем житье-бытье.

Твой отец

Адрес на открытке: Татреспублика. Город Чистополь Казанской области. Детский лагерь Литфонда

[1]Почтовые штемпели: Москва. 5.8.41; Чистополь. 15.8.41.

[2]Стихотворение «Легкая добыча» («И воскликнул Гитлер: Радуйся, Германия...») было опубликовано в сб.: В огне Отечественной войны. Нальчик, 1942.

201. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Первая половина августа 1941. Москва

Дорогой Лидок. Как это ни странно, несмотря ни на что, я не падаю духом, стараюсь работать, пишу стихи, сценарии, статьи для англ<ийских> и америк<анских> газет, говорю по радио, хлопочу о Бобе, о Коле. Сам не знаю, откуда берутся у меня силы; ведь мне 60 л<ет> и я почти не сплю. Сейчас звонила Наппельбаум Фредерика[1]: у нее есть известие, что Марина — с лагерем — в гор. Молотове. Здесь Зощенко: прилетел на самолете. Он утверждает, что слухи о том, что Л<енингра>д разбомблен, сильно преувеличены. Но еды там мало; там Коля, Ахматова, Шура и многие другие. Есть сведения, что ленинградцы немного оттеснили врага. Все говорят, что мы под Ленинградом очень усилились.

Сегодня я был в Наркомате Обороны и подал заявление о Бобе с просьбой дать ему возможность приехать в Москву лечиться.

Поговори с милым Леоновым[2]. Мы делили здесь с ним тоску переделкинскую. Кажется, он противник поездки в Казань. Он хочет, чтобы семья оставалась в Чистополе. Я попытаюсь приехать на днях и вместе надеюсь решить это дело.

Посылаю я тебе покуда всего тысячу.

Остальное привезу. О, как бы мне хотелось заработать хоть сотую долю того, что я зарабатывал до войны. Рад, что увижу Люшу, тебя. Только не заболеть бы! Леонов тебе расскажет о нашем житье-бытье.

Целую тебя крепко.

Твой отец

[1]*Фредерика* Моисеевна *Наппельбаум* (1901—1958) — дочь известного фотографа М. С. Наппельбаума, поэтесса, ученица Н. Гумилева, приятельница Н. К. Чуковского.

[2]Леонид Максимович *Леонов* (1899—1994), писатель, сосед К. Чуковского по Переделкину.

202. Л. К. Чуковская — М. Б. и К. И. Чуковским

5—9 августа 1941. Чистополь

Пользуюсь оказией, чтобы написать вам о своей жизни. Сегодня 5-е, буду приписывать каждый день.

Пока дела идут так:

1) В Берсут детей не принимают. Обещают взять, когда перевезут тамошних сюда. Но у меня на руках нет документа об уплате денег, и его надо прислать мне возможно скорее.

Все, что касается жизни детей в Берсуте, — совершенно законспирировано. Матери, приехавшие сюда с нашим эшелоном, до сих пор не попали к детям и попадут недели через 3. Там кто-то сильно болен, но кто и чем — тайна.

Тут всем распоряжается *Косачевская*, особа фантастически грубая (по рассказам матерей).

Ходят слухи, что в Детском саду там хорошо (у Фани Петровны), а в лагере для старших — худо. На даче холод, и дети без конца болеют гриппом, ангиной, кашляют и т.д.

2) Чистополь и Берсут малярийное место. Сюда необходимо прислать хинин и акрихин.

3) Сейчас мы живем в общежитии, по 12 человек в комнате. Целые дни ходим по городу в поисках комнат. Мое положение особенно тяжелое, п<отому> ч<то> я не в силах много ходить и потому еще, что хозяйки не хотят брать квартирантов с детьми.

4) Сейчас сюда почти не доходят письма, но деньги по телеграфу доходят (недели через 3). Скоро, с концом навигации, мы

будем отрезаны совсем: зимой не доходят ни телеграммы, ни деньги. Если ребят у меня возьмут — я растяну 2 тысячи надолго, но если они останутся у меня — голод предстоит нам месяца через 1 $^{1}/^{2}$. Комнаты и особенно дрова здесь очень дороги, а зимою морозы сорокаградусные, с ветром. Все пытаются раздобыть работу, но ни педагогам, ни литераторам здесь работы не найти: требуются шоферы, вязальщицы снопов и подавальщицы.

7/VIII

От вас ни писем, ни телеграмм.

Я написала вам уже 5 открыток и послала молнию (простые телеграммы идут почтой). Где вы? Пишу в пространство.

Мы здесь живем только слухами, и никто ни о ком ничего не знает. Это хуже всего и опаснее всего.

Сюда приехал Асеев. Почему же папа не может приехать?

Вчера вечером мы переехали из общежития на частную квартиру. 2 комнатки, одна 4, другая 10 метров. Платить 100 р. в месяц + приобрести за свой счет 6 кубом<етров> дров.

Работы для меня нет никакой. Была в ОНО [Отделе Народного Образования], в Радио, в газете. Обещают нечто смутное.

Сейчас решаем проблемы керосина, посуды, керосинки, таза, корыта. Затем встанет проблема теплых вещей.

И самая страшная проблема — денежная. Сейчас у меня на руках 1650 рублей. Это не мало. Но из них 350 уйдут на дрова, рублей 100 на обзаведение. Если детей возьмут — это одно, а если нет? Ну, хватит месяца на 1 $^{1}/_{2}$. А зимою вы послать денег мне не сможете, даже если они у вас будут: сюда зимой ничего не доходит. Деньги надо переводить сюда *теперь*, телеграфом, рублей по 200—300 зараз (крупные суммы не доходят).

Поезжайте в Казань! Там для папы работа найдется, а на пароходе от Казани до Чистополя — 10 часов. Мы увидимся.

9/VIII

Жизнь течет без перемен. Хорошо бы, если бы вы были ближе.

О Берсуте вести весьма неутешительные. Скоро детей привезут сюда, и тогда — увидим. Неужели и тогда матерей не будут пускать к ним? В чем же смысл нашего существования здесь? Ходят слухи, что сад и лагерь перейдут на очаговую систему, т.е. дети вечером будут ходить домой. Вот это было бы чудно.

Итак: деньги! иначе не прожить зиму.

боты, валенки
Жене простыни
чай
сахар
хина
бактериофаг
керосин?

203. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Первая половина августа 1941. Москва

Дорогая Лида!

В Переделкине мы почти не бываем: там очень большая пальба. В Москве по ночам — тяжко. Немцы появляются с наступлением темноты и бросают бомбы до рассвета. Уже попали бомбы в гостиницу «Москва» (во двор), в американское посольство, во многие близлежащие здания. Корпус Б обреченный. Уже на него не раз попадали зажигательные бомбы. К счастью, каждый дом охраняется бригадами смелых самоотверженных людей. Я сам видел вчера ночью в «Национале» человека, который за полчаса до того потушил 20 зажигательных бомб. Из каждой сотни сброшенных бомб население тушит 80, а порою и больше. Остальные производят пожары, которые тушатся с молниеносной быстротой. Во всем этом для меня самое тягостное — не спать. Во мне нет никакого страха, смерть меня не страшит, но сердце устало от бессонниц. Впрочем, случается, что после бомбежки я сплю часа 2 или 3. Мама совсем извелась. Она только и думает о тебе, о Люше, о Марине, о Гуле, о Коле, о Бобе.

Жаль, что от тебя не было весточки. Я не сомневаюсь, что ты писала часто и много, но какие-то вредители, разлагатели тыла, нарочно задерживают письма, идущие на Москву, — и я не знаю о Вас ничего. Хорошо ли было ехать? Как ты устроилась? Где ты живешь? С кем ты сдружилась? Оказали тебе какую-нибудь поддержку Семынин, Исаковский, Дерман, Маяковские?[1] Как вел себя Женя? Поместили ли его и Люшу в какую-нибудь «группу», в «коллектив»? Как чувствуешь ты себя в отношении здоровья? Может ли быть оказана тебе лечебная помощь? Хватает ли у тебя денег? Что делает Ида Петровна? Дошло ли до нее то письмо, при котором я пересылаю ей письмо Матти? Маття жив-здоров, жи-

вет на старом месте, просит маму не беспокоиться о нем. Денег у меня нет, несмотря на все старания добыть оные. Я кое-что зарабатываю, но мало, притом я взял себе секретаршу, мама взяла себе кухарку; моих заработков хватает на жизнь, но и только.

От Марины грустные вести: ей приходится мыть полы, делать черную работу, дети подголадывают, мамаши грызутся. Марина горько жалуется: она захватила с собою всего лишь четыреста рублей, и мне больно, что я *ничем* не могу помочь ей.

Пожалуйста, напиши мне: что́ Люшенька? Удалось ли тебе уберечь ее от болезней и травм? Занимается ли она английским? Арифметикой? Есть ли у нее книги? Мама посылает вам всем троим калоши. Сегодня искали валенки для тебя, не нашли. У нас есть план — провести осень и зиму под Казанью, поехать туда на машине — удастся ли, не знаю, но у меня есть твердая надежда увидеться с тобою и внуками. Мама мечтает об этом. Свой архив я сегодня сдал в Центральный архив на хранение.

Жаль, что тебя нет со мною: работы для радио — непочатый край. Мы вместе с тобою могли бы зарабатывать горы. Но как одиночка я очень непроизводителен, и это удручает меня. Но, конечно, я должен бодриться, так как случилось так, что я еще могу пригодиться вам всем. Целую тебя крепко, знаю, что ты не поддашься унынию, и надеюсь, что через месяц, через два мы будем бедовать все вместе.

Твой отец

Можно ли в Чистополе подыскать комнату для меня и мамы?

[1]Названы Петр Андреевич *Семынин* (1909—1983), поэт; Абрам Борисович *Дерман* (1880—1952), историк литературы; Михаил Васильевич *Исаковский* (1990—1973), поэт. *Маяковские* — мать и сестры В. В. Маяковского: Александра Алексеевна (1867—1954); Людмила Владимировна (1884—1972) и Ольга Владимировна (1890—1949). Все они были эвакуированы в Чистополь.

204. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

16 августа 1941. Чистополь

№ 6

Сегодня — 16/VIII — первые вести от вас. Отчаявшись получить ответ на свои телеграммы и письма, я попросила Берту Самуиловну[1] спросить в телеграмме Квитко: где Чуковский? Сегодня пришел ответ: «Чуковский дома».

Значит, вы в Москве! А ваше молчание — причуды почты! Сегодня же получила на почте 2 письма от папы: открыточку от 5/VIII и приписку к письму из Ленинграда[2]. К сожалению, в письме не упоминается, чтó получено от меня, едете ли вы куда-нибудь и куда именно, пошлете ли мне деньги и вещи и пр., и пр.

Вот уже 2 дня, как здесь все ждут эшелона в Елабугу, который ненадолго остановится в Чистополе. Жду и я: быть может, получу что-нибудь от вас.

Квитко едет сюда. Я очень рада за жену его и дочь, им здесь без него очень худо.

Я не знаю, какие из моих писем, открыток и телеграмм вы получили, и потому вынуждена без конца повторяться.

Мы живем в двух маленьких комнатках. Тратим в день 15 р. на еду. Дети здоровы. Я болела инфекционным колитом — нечто вроде дизентерии, 7 дней ходила с t^0 свыше 39, но выздоровела, хотя тут ни кипятка, ни сухарей, ни бактериофага. Сейчас я здорова. Деньги еще есть, но нужно закупать дрова, масло, мед, муку, валенки на зиму, и если я куплю все необходимое, то останусь без копейки. Керосина тут нет, электричества нет, дрова стоят 55 р. метр (потом будет дороже), комнаты — 100 р. + 6 кбм. дров. По карточкам дают только хлеб. Литфонд не помогает решительно ничем; примут Женю в детсад, а Люшу в лагерь, когда переедут в Чистополь из Берсуда (детсад переедет на днях), в том случае, если я снова внесу 300 р. и буду вносить по 300 р. в месяц. Я телеграфировала Оськину в Литфонд с просьбой подтвердить, что папа уже внес за 1 месяц деньги, но телеграммы идут почтой, и ответа нет. Деятели Литфонда выслушивают просьбы с мертвыми лицами или совсем их не выслушивают; они заняты оборудованием квартир Асееву, Треневу и пр. Местные власти очень любезны; когда я, больная, пришла к Предисполкома и сказала, что уже неделю не могу себе и детям ничего сварить, — Председатель своей рукой внес меня в особый список Литфонда, проставив мою фамилию между Треневым и Асеевым, и мне — вопреки Литфонду — выдали 1/2 кбм. дров и 4 литра керосина. Это все.

Комнату я нашла себе... [Потерян лист]

[Чистополь вы]глядит сносно, а в дождь — грязь по щиколотку. Через 2 недели, говорят, грязь будет по колено. Калош в Чистополе не продают. Вот вещи, без которых мы здесь погибнем:

калоши (мне)
валенки (мне и Иде)
какое-нибудь подобие шуб

хина
бактериофаг
деньги

и, главное, письма и телеграммы. Я послала вам молнию 4/VIII, с тех пор уже 12 дней, каждый день по 3 раза, с детьми и без детей, таскаюсь на почту — ответа нет. Послала телеграмму 13-го — ответа нет. Я истощила все возможные предположения: умерли? в больнице? уехали? Сегодня узнала, что вы в Москве, здоровы и живы, — почему же такая жестокость? Неужели вы не понимаете, что писать сейчас нужно самое редкое — через день?

Письма от Матти, о котором сообщает папа, я не получила[2].

Люша ведет себя лучше, чем когда бы то ни было. Ответственно, заботливо. Женя очарователен, поэтичен, уморителен, обаятелен, прекрасно, без скандалов, ест и спит, но иногда бывает затруднителен своим эгоизмом и антисоциальностью. От Бобы я получила вчера письмо и ему ответила. Что известно о Коле? Приедете ли вы сюда? Каковы ваши планы?

Л.

[1] *Берта Самуиловна* — Квитко, жена поэта Л. М. Квитко.
[2] См. письма **198** и **200**.

205. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Середина августа 1941. Москва

Лидочка. Я послал тебе все полученные тобою письма по почте до востребования на *Чистополь Береговой.* Что с ними будет, не знаю. Среди них было письмо к Иде от сестры. Сестра пишет, чтобы не беспокоилась, что Матте хорошо, и сообщает, что два раза ее деньги она получила. И Маття с осени начинает учиться. В письме всего неск<олько> слов. Письмо от Шурочки, что она — одна, очень тоскует, просит писать. От Киселева: он записался добровольцем, досадует, что его еще не взяли. Еще от Шурочки: то же самое (четыре строки). И два в конвертах — не знаю, от кого. Еще открытка от Марины, чтобы ты не ездила в Гавр<илов> Ям.

Мы живем в Переделкине. К бомбежке совершенно привыкли. В убежище давно не ходим. Я научился спать после бомбеж-

ки, а это самое главное. Работаю на радио. Это дает средства на жизнь — приблизительно тысячу в месяц, да тысячу я получаю, вот и все. Но на отъезд *денег нет.* Если придется с мамой уехать, мы уедем с пустыми руками. Я продал книги — за 300 рублей, получил из Финотдела по ордену 210 <р.>. Ну, да не беда. Авось не умрем. Уехать мы хотим в Уфу, чтобы быть поближе к вам. О детях Гаврилова Яма я хлопотал и в Совнаркоме, и в Комитете по делам искусств. Им дали по 10 р. на ребенка, дали много лекарств и, кажется, перевезут их к вам. Боюсь, что вам это будет весьма неуютно. Съедят и то, что перепадает вам.

Люшеньке скажи, что Мишку мы отдали, что у нас много малины (но собирать некому, и ест ее одна Катя с Колей), что я переслал ей открытку от папы, что погода прелестная, что почти каждую ночь мы слышим: бух, бу, бу, бам-бам-бам, тра-та-та и другие подобные звуки, что одна бомба попала в Лаврушинский дом (где писатели) и сразу разрушила четыре квартиры: Паустовского, Глебова и кого-то еще, что Катя и Светлана шлют ей привет, что возле нас госпиталь, полный раненых, очень милых, с которыми я познакомился. Что она читает? Есть ли там книги? Жаль, что вы ничего с собою не взяли.

Боба на фронте под Смоленском. Мы получаем от него бодрые письма, но, конечно, будет чудо, если он вернется. Коля в сравнительно хорошем положении. Мама плохо спит, волнуется о вас, о Коле, о Бобе, о Марине, но силы у нее еще есть.

Как живете вы? Напиши подробно. Чтобы письмо дошло, нужно начинать его словами «Мы живем отлично, радуемся счастливой жизни, но...» и дальнейшее любого содержания. Так делает Боба, все его письма доходят. Я почти ничего не работаю. Потерял аппетит к работе. Но, может быть, это временно. Что Семынин? Кланяйся ему, Исаковскому, Дерману, Маяковским, поцелуй Етл[1] и Берту Самойловну.

На днях мама переслала с Зин<аидой> Влад<имировной>[2] 3 пары калош для вас всех, тазик, о кот<ором> ты пишешь, кастрюльку, неск<олько> кусков мыла; послала бы еще, но не удалось. Вещи, котор<ые> тебе необходимы, постараемся выслать с ближайшей оказией. Квитко поехал так внезапно, что мы не успе-

ли приготовиться. Если там очень плохо, напиши. Буду хлопотать. О деньгах не беспокойся, добудем.

Адрес на конверте: Татреспублика. Город Чистополь (Казанская область)

[1]*Етл*— дочь Л. М. Квитко.
[2]*Зинаида Владимировна* — Каширина (1894—1984), сестра Тамары Владимировны Ивановой, жены писателя Всеволода Иванова. Соседка Чуковских по Переделкину.

206. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

21 августа 1941. Чистополь[1]

№ 9

Милый папа. Спасибо за письмо, привезенное ласковым, приветливым Львом Моисеевичем[2]. И за книги. Но письмо меня огорчило: из него никак не поймешь, получили ли вы мои письма? Лев Моис<еевич> не привез мне квитанции Литфонда, и Паустовский тоже не привез. Значит, вы еще не получили моих воззваний о ней? Или она потеряна? Если потеряна, так ведь можно в Литфонде взять новую или просто заставить их послать Косачевской телеграмму, что, мол, деньги уплачены. Почему же — ничего?

Ни писем, ни телеграмм от вас не получаю. А люди кругом получают. На почте уже надо мной смеются: «Несчастливая ваша буква». Золотые слова.

Сегодня мне отказали в той работе, на которую я надеялась 2 недели. Теперь маячит какая-то новая работа, но очень смутно. Ничего не пойму.

Из 7 ленинградских писем, пересланных папой, я получила 1.

Хожу, хожу целый день по учреждениям и на почту.

Люша поправилась. Я здорова, если не считать жестокой боли в ногах.

Когда же будут письма от тебя с ответами на мои вопросы? Я каждый день пишу одно и то же. Я очень устала. Впрочем, об этом говорить не приходится. Воображаю, как вы устали.

Очень нужен чай. И свечи.

21/VIII 41

Адрес на открытке: Москва, ул. Горького... *Обратный адрес*: г. Чистополь, Тат. ССР, ул. Розы Люксембург, 20.

[1]Почтовые штемпели: Чистополь. 22.8.41; Москва. 31.8.41.
[2]*Лев Моисеевич* — Квитко.

207. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

22 августа 1941. Москва [1]

Лидочка! Вот адрес Бронштейнов

Ст. Мирская[2] (Ворошиловской ж. д.) Краснодарского края, Кропоткинского района

Больница Доктору Бронштейну

Мы здоровы. Я работаю. Собираемся уезжать, укладываемся. Целую

Твой Отец

Адрес на открытке: Татреспублика. Чистополь-Береговой, ул. Люксембург 20.

[1]Почтовые штемпели: Москва. 22.8.41; Чистополь [нрзб.].
[2]*Станция Мирская* — место гибели родителей М. П. Бронштейна. Вместе с его братом, Исидором Петровичем, им удалось выехать из осажденного Киева чуть ли не последним эшелоном. Бронштейны пытались добраться до Сибири (там их ждала сестра М<атвея> П<етровича> и И<сидора> П<етровича> Михалина Петровна). Однако осилить пересадку на ст<анции> Мирской они не могли: И<сидор> П<етрович> заболел тифом и был отправлен в больницу, туда же доставили и отца, Петра Осиповича, а мать, Фани Моисеевна, скончалась на полу вокзала. Со ст<анции> Мирской Изя дал телеграмму К. И. с просьбой о помощи. — *Примеч. Л. Чуковской.*

208. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 августа 1941. Чистополь

Милый папа. Сегодня получила от вас телеграмму-молнию. Была ошеломлена этим фактом: мне пришла телеграмма! Чудо! Теперь — комментарии.

1) «Деньги вышлем»— роскошно.

2) «Дети оплачены»— непонятно. Я и так знала (еще в Москве), что дети оплачены. Но мне нужен документ, подтверждающий оплату. Т.е. не мне он нужен, а Косачевской.

3) «по возможности задержи комнату».

Комнат тут много. Можно снять у хозяев. Но хорошие комнаты, городского, а не деревенского типа, и при этом — дешевые, находятся в руках Совета. Если папа приедет, ему как орденоносцу безусловно дадут комнату или 2. Асееву дали особнячок. Исаковскому — квартирку. Вот я и хотела пойти к Предс<едателю> Совета с телеграммой о выезде... Но я и так, конечно, пойду подготовить почву, завтра же. Однако настоящая подготовка начнется тогда, когда у меня в руках будет ваша телеграмма о выезде, — это будет эффективно.

Целую вас. Писать нельзя — темь.

Лида

23/VIII 41

А как же Уфа? Может, там лучше?

209. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 августа 1941. Чистополь[1]

№ 9[2]

Милый папа. Сегодня я получила открытку от Коли. Он сообщает 2 адреса: ленинградский, а также Новая Ладога, Ленингр<адской> Области, до востребования. Он ничего не знает про нас всех, и я сообщила что могла и послала также Бобин адрес.

Теперь милый Лев Моисеевич уже, наверное, приехал, и уже был у тебя, и привез тебе мое письмо. Оно поневоле протокольное и скучное. А от вас опять ничего, ничего нет, после телеграммы, и я опять в тревоге. Почта почтой, а я подозреваю, что вы не очень-то часто пишете. Это сейчас грех.

Когда было письмо от Бобы?

Что слышно теперь о Марине и детях?

Когда и куда вы уедете, наконец?

Ребята из Берсуда еще не переехали. Люша и Женя радуются книгам, присланным папой. Пишите!

Лида

27/VIII — месяц со дня отъезда.

Адрес на открытке: Москва, ул. Горького... *Обратный адрес*: г. Чистополь, ТатАССР, ул. Розы Люксембург, 20

[1]Почтовые штемпели: Чистополь. |нрзб.|; Москва. 7.9.41.

[2]Л. К. поставила № 9 по ошибке: этот номер уже был поставлен ею на открытке от 21.8.41 (см. письмо **206**).

210. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

29 августа 1941. Чистополь[1]

29/VIII 41

№ 10

Милый папа.

Сейчас получила от тебя открытку, которая кончается так: «Собираемся уезжать, укладываемся».

Куда уезжать?

Сижу и гадаю. Просто ребус какой-то. Пытаюсь догадаться: уехали ли вы? получили ли перед этим письмо, посланное мною с Россельсом[2]? куда вы уехали? когда вы уехали?

Если вы действительно уехали 22-го (день отправления открытки), значит — мое письмо с Квиткой до вас не дошло. Худо.

Ничего не понимаю. Как же будет с квитанцией? Да и вообще.

Тут было несколько оказий из Москвы, но от Вас ни звука. Теперь жду Хохлова[3].

Лида

Адрес на открытке: Москва, ул. Горького... *Обратный адрес*: Чистополь, ТатАССР, ул. Розы Люксембург, 20

[1]Почтовые штемпели: Чистополь. 29.8.41; Москва. 7.9.41.

[2]Владимир Михайлович *Россельс* (1914—2000), переводчик.

[3]Кузьма Борисович *Хохлов* (1885—1947), писатель. В Чистополе был директором школьного интерната Литфонда. (См. сб.: Чистопольские страницы. Казань, 1987, с. 187.)

211. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 сентября 1941. Чистополь

4/IX 41

Милый пип.

Последняя открытка твоя кончалась словами: «Укладываемся, уезжаем».

Потом — 5 дней молчания.

Вчера я послала телеграмму Квитко в надежде, что он сообщит мне, куда и когда вы уехали. Ответа нет. Сегодня от тебя открытка из Москвы, в которой ни звука об отъезде. (Изложение письма Матти.)

По-видимому, для такой уклончивости у тебя имеются веские причины. Но, поверь, у меня достаточно имеется серьезных причин, чтобы настаивать на мало-мальской определенности — и скорейшей.

Паустовские уехали в Алма-Ату, Шнейдеры[1] — тоже; Квитко послезавтра переезжают в Казань; Семынины уезжают на днях.

Все зовут меня с собой (через месяц уезжать будет поздно: станет Кама), а я никуда не могу тронуться, п<отому> ч<то> не знаю, где вы, каковы ваши намерения, послали ли вы мне деньги и вещи. Не могу также готовиться и к здешней зиме.

Сегодня или завтра приедут Хохлов и Беленькая. Быть может, они что-нибудь везут для меня?

Я уже неделю не сплю, думая и гадая.

Детский сад и детский дом Литфонда переехали в Чистополь. Я сразу же подала заявление о Люше и Жене.

Но —

Женю не приняли: в детсаду коклюш и корь. Надо переждать карантин.

Люшу не приняли: не хватает коек (это — вранье), надо «ждать нового директора».

Работы у меня нет и не будет.

Денег хватит (с детьми) числа до 25-го этого месяца.

Сегодня 4/IX.

В Елабуге на днях похоронили Марину Ивановну Цветаеву. Она повесилась.

Живу — или, точнее сказать, не живу — ожиданием известий от вас, которых нет. Подозреваю, боюсь, что оба вы больны, иначе ничем не могу объяснить себе жестокости этого молчания.

Хоть бы одно письмо, которое явилось бы *ответом* на мои письма, телеграммы, оказии! Хоть бы одно за [полтора] месяца.

[1]*Шнейдеры* — Михаил Яковлевич Шнейдер (1891—1945), специалист по кинодраматургии, автор критических статей о сценариях и составитель сценарных сборников; жена его Татьяна Алексеевна Арбузова (1903—1978), в юности ученица студии Мейерхольда. (После кончины Шнейдера она вышла замуж за К. Г. Паустовского.) — *Примеч. Л. Чуковской.*

О Шнейдерах см. также очерк Лидии Чуковской «Предсмертие», посвященный последним дням М. И. Цветаевой (Соч.-2. Т. 1, с. 329).

212. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Август—сентябрь 1941. Москва

Лидочка! Книги, которые здесь в мешке, — для Жени. Книги для библиотеки посылаются отдельно. Сегодня был налет на Москву — после большого перерыва. Хорошо, что ты с детьми далеко от этих удовольствий.

Целую.

К. Ч.

213. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

11 сентября 1941. Чистополь

11/IX

Милый папа. Вчера получила через Охрану Авторских прав 500 рублей. Гляжу на них и радуюсь. Спасибо.

Твоя открытка «укладываемся, уезжаем» сбила меня с толку, и я, по совету Берты Самойловны, послала Льву Моис<еевичу> телеграмму, на которую до сих пор не имею ответа. Но сегодня я получила от тебя открытку от 1/IX, из которой узнала, что вы все еще в Москве и собираетесь в Чистополь. Ох, как бы хотелось увидеться! Но, быть может, следует съехаться где-нибудь в другом месте?

Мой быт за эту неделю несколько изменился. Удалось раздобыть керосиновую лампу и керосинку. Удалось добиться, чтобы Люшу приняли в Интернат. Я ее отвожу в 7 ч. утра и привожу обратно в 7 ч. вечера. В данную минуту такое положение меня устраивает, т.к. Люше веселее с девочками, чем дома, и, главное, потому, что в Чистополе Косачевской не удается держать ребят вдали от матерей: я вижу Люшу утром и вечером, прикармливаю, мою и т.д.

Приняли ее после большого скандала, устроенного мной на Совете Эвакуированных.

Переписываться с Косачевской, мне кажется, не следует. Это самый настоящий Фома Опискин[1] — лживая, самовлюбленная и совершенно бесчеловечная баба, упоенная властью над «знатными дамами». Но здесь, в Чистополе, она все же не так зловредна, как была в Берсуте, п<отому> ч<то> здесь мы сами видим своих детей, и этому она не может помешать.

Женичка — до́ма, т.к. в детском саду по-прежнему свирепствует корь.

Ида эти дни болела чем-то странным, похожим на малярию. Теперь она встала и бродит еле-еле.

Я здорова. Много хожу, т.к. взялась делать кое-какие радиозаметки о Чистопольском быте. За каждую платят 10 рублей. Писать их мне нетрудно, а ходить трудновато. Но часа 2 в день удается лежать, так что не страшно.

У нас кончились сахар и почти все крупы. Сахар мы заменим медом.

Папа, я получила письмо от Изи, которое шло ко мне недели 2, и 2 древние его телеграммы: «Просите К. И. выхлопотать для нас разрешение уехать отсюда Чистополь или Казань». Тут соль в том, что им надо непременно *оттуда уехать*. Я не знаю, что ты можешь сделать, но, если можешь, сделай.

Где Марина с детьми?

Где Боба, как его здоровье?

Где Коля?

Как ваше здоровье, твое и мамино, спите ли вы, едите ли, существует ли кухарка и секретарь?

Я сейчас неотступно думаю о том, следует ли мне уезжать отсюда или оставаться тут. Но сама решить не могу. А до конца навигации — 3 недели. Пиши

Лида

[1] *Фома Опискин* — персонаж из повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

214. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 сентября 1941. Чистополь[1]

№ 12

17/IX 41

Милый пип. Напиши мне правду — не больна ли мама? От нее, за 1 $^{1}/_{2}$ месяца, я получила 1 записку (с Зин<аидой> Вл<адимировной>). И больше ни звука. Напиши, удалось ли тебе что-нибудь сделать для Бобы? Не знаешь ли, получил ли он мои письма? Напиши, где Коля, и не знаешь ли чего-нибудь о Шуре, Тамаре? Случайно, быть может, знаешь.

Вчера я послала тебе письмецо с т. Беленькой. Теперь пребываю в ожидании загадочного мешка, который возвещен твоей запиской. Страшно интересуюсь, едет ли в этом мешке сахар, письмо, крупа и что-нибудь зимнее? А еще мне сильно нужен зонтик и лекарство adonilen.

Сейчас пытаюсь решить дровяную проблему. На днях ухну на дрова рублей 350, с трепетом. Но готовиться к зиме надо *сейчас.* Мед я уже упустила, и мы сидим безо всякого сладкого.

Вот тебе на всякий случай адреса наших друзей: Тарле — Казань. Большая Красная, 59, кв. 11; Т. А. Богданович — Верхняя Солда, Свердловской области, до востребования; Иосиф Эм<мануилович> Любарский — Левшино, Молотовская область, до востребования; Михалина — Березовск, Свердловская область, до востребования. Я коплю адреса.

Над чем ты работаешь, и существует ли у вас быт — т.е. обед, ужин и т.д.?

Хоть оригинальности ради ответь на мои вопросы.

Лида

Если бы ты знал, какие длинные письма получают все здешние из Москвы и какие чемоданы на зиму!

Мы все здоровы. А вот Там<ара> Вл<адимировна>[2] сильно больна троп<ической> малярией.

[Приписка на обороте:] Если это будет совсем легко — пришли мне маленького Пушкина, маленького Баратынского и Пастернака. И большую тетрадь или блокнот.

Какие у тебя вести о *Бронштейнах*?

Адрес на открытке: Москва, ул. Горького...

[1]Почтовые штемпели: Чистополь. 19.9.41; Москва. 3.10.41.
[2]*Тамара Владимировна* — Иванова, жена писателя Всеволода Иванова.

215. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Середина или конец сентября 1941. Москва

Лида. Делаю попытку написать тебе толковое письмо. Сейчас я лежу в той комнате в Переделкине, где жила ты, и пишу статейку «Уолт Уитмен в России». Ночью мы не спали, т.к. за окнами было достаточно шумно. Сейчас я пойду к Афиногенову[1] про-

сить, чтобы он подвез меня в город. Там я буду заседать в Союзе Писателей, потом попытаюсь повидаться с Лебедевым-Кумачом, чтобы похлопотать о Бобе. Потом придет ко мне Эйхенгольц[2], или Квитко, или кто-н<и>б<удь> другой из «чистопольцев», и мы будем думать, что сделать, чтобы помочь своим близким, застрявшим в Чистополе. Потом я пойду в Мультфильм, где мне должны дать 2000 р. за сценарий, написанный мною на днях. Чуть получу эти 2000, тотчас же пошлю их Тебе!

Если ты меня спросишь: остаюсь ли я в Москве, я отвечу: не знаю. Мне кажется, я обязан остаться ради тебя, Марины, Бобы, Коли.

Но, может быть, когда я достану 5000 р., чтобы «обеспечить» тебя, я уеду — куда? Либо в Казань, либо в Нальчик. Ничего этого я не знаю, а время идет со дня на день.

Нет, не могу я писать писем, так как ничего у меня не стабилизировано.

Сейчас идет дождь. Боюсь, что я простудился. От Бобы получено письмо от 9-го/IX. Он пишет, что по болезни его освободили от тяжелой работы и он по большей части стоит на часах.

Ты только не мучь себя преждевременными опасениями. До навигации так или иначе ты будешь располагать возможностью уехать из Чистополя, куда сочтешь нужным. Я написал Люшеньке письмо — сегодня — не очень удачное, следующее напишу лучше.

Как твоя служба?

Твой К. Ч.

[1]Александр Николаевич *Афиногенов* (1904—1941), драматург, в 1941 году возглавил Совинформбюро, где работал и Корней Иванович.

[2]Марк Давидович *Эйхенгольц* (1889—1953), литературовед, подготавливал первые научно комментированные собрания сочинений Золя и Флобера.

216. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

19 сентября 1941. Чистополь[1]

Милый папа. Сегодня, 19-го, получила твою открытку от 5/IX. В ней ты пишешь, что мама ищет для нас крупу, платки, валенки и пр. Во всем этом мы остро нуждаемся, и я жду не дождусь посылки. Валенки пока не нужны, но холод уже стоит такой, что мне в драповом пальто и мелких калошах люто холодно. Здеш-

ние дамы на улицах спрашивают меня: «Почему вы без бот? прислали ли вам шубу?» Я знаю, что маме достать для меня шубу будет трудно; но здесь ее достать *невозможно*, а без теплой зимней шубы надеяться выжить *нечего*. (Тем более, что у меня болит почка...) У Люши нет перчаток — жду, жду посылку! Сегодня уже дважды бегала в Дом Колхозника узнать — не приехал ли тот таинственный незнакомец, который должен ее привезти.

Если в ней окажется не... [Фраза оборвана]

[Приписка сбоку:] От Бобы вчера получила письмо.

Адрес на открытке: Москва, ул. Горького...

[1]Почтовые штемпели: Чистополь. 20.9.41; Москва. 3.10.41.

217. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

26 сентября 1941. Чистополь

26/IX 41

Милый, дорогой пип.

Сейчас ревела 2 часа, получив письма от тебя и от Шуры. Теперь пришла в ум и могу писать.

Спасибо тебе за письмо, за все заботы. Если бы ты знал, как мне хотелось бы снимать их с тебя. Но — этого счастья не дождаться, видно, никогда.

Обнимаю тебя крепко и целую и ужасно хочу видеть и слышать. Тут однажды передавали тебя по радио, но я узнала об этом слишком поздно.

Теперь вот что:

Я тебе написала по почте и потом с Тамарой Владимировной, что собираюсь выехать в Молотов, к Марине. *Но этого, по-видимому, не будет.* Во всяком случае, я не тронусь отсюда, не получив от них подробного письма. Меня одолели сомнения, и сломя голову я не поеду. Тем более, что посылки с теплыми вещами еще не пришли, а Хмара уже уезжает.

Итак, на ближайшее время я — чистопольский житель. Если уеду — пошлю телеграмму. А пока опишу тебе, возможно подробнее, наш быт.

Прежде всего о моей «службе». Я не служу, а у меня есть договор со здешним радиоузлом; договор такой: мне платят 150 р. в месяц, и я должна представить 15 заметок о культурной жизни

Чистополя (sic!). Через день по заметке. Работа, как видишь, приятная и очень легкая, но мне физически не совсем под силу. Пишу я заметку в 10 минут, не перечитывая; разговариваю с людьми с большим удовольствием и интересом, но ведь нужно ходить часа 3 в день. Я хожу, а потом лежу и принимаю всякие снадобья, чтобы подвинтить сердце, умерить пульс. От меня как назло все очень далеко — не менее 50 минут ходу.

Я написала уже: 1) о сборе лома на детской площадке Дома Учителя, 2) о работе в колхозе учеников 5-й школы, 3) о работе учеников 2-й школы, 4) о здешнем Краеведческом Музее, 5) о деятельности Дома Учителя, 6) о работе Агитпропотдела Райкома партии. Все мои передачи были приняты и переданы без единой поправки. Завтра пойду в детские сады (разумеется, они расположены в разных концах города).

Благодаря этой работе, я познакомилась со многими местными симпатичными людьми. Например, здешняя зав<едующая> Домом Учителя, старушка — просто прелесть. У нее в клубе всегда уютно, тепло, чисто; Жене там дают игрушки, Люше — книги.

Опишу тебе мой день.

Я просыпаюсь между 4 и 5 часами утра — от скрипа двери. Это хозяйка идет доить корову. Около часа я пытаюсь уснуть снова. Потом берусь читать. (Читаю я все разные методики и школьные программы, — т.к. Женя Журбина[1] всякими интригами пытается с 1 октября устроить меня завучем той школы, где учится Люша.) Часов в 6 за моей стеной начинает шебаршиться Женя. Я беру его к себе в «шкаф», чтобы он не будил Люшу. Ида уходит в очередь, и мы с Женей до половины седьмого лежим и шепчемся. Потом я встаю и бужу Люшу. Помогаю ребятам умываться (тут это не просто), убираю постели, накрываю на стол. Картошку Ида варит с вечера, и мы обыкновенно завтракаем без нее. В начале девятого Люша уходит в школу, а мы с Женей остаемся ждать Иду. Я ему читаю стихи или сказки. Когда Ида возвращается, я ухожу собирать материал для радио. Женя остается с ней, или же я его веду к В. Смирновой[2], и он играет с ее мальчиком. Иногда, если недалеко и хорошая погода, я беру его с собой, и мы путешествуем, отдыхая на лавочках.

Около часу я сдаю материал в радио, захожу на почту, несусь куда-нибудь записываться на какие-нибудь блага или хлопотать о стандсправках или о валенках и возвращаюсь домой обедать с Идой и Женей. После обеда мы с Женей ложимся спать. Женя спит всегда, а я чаще не сплю, но лежу с закрытыми глазами часа пол-

тора. Потом мы с Женичкой пьем молоко и отправляемся за Люшей в интернат. (В последние дни я его с собой не беру по причине ливней, шквалов, грязи непроходимой.) По дороге Женя задает какие-нибудь интересные вопросы, вроде: «А что, тетя Лида, в Чистополе нет царевен?» Или: «А почему, когда мы ехали на пароходе и я уронил на пол конфетку, которую нам дала бабинька, ты сказала: что с возу упало, то пропало?» Если позволяет погода, мы с Женей и Люшей гуляем в очень унылом садике, заплеванном семячками, если погода буйствует — сразу идем домой. Люша рассказывает свои школьные и интернатские новости.

Идем мы в темноте, по грязи, держась друг за друга и натыкаясь на какие-то дурацкие тумбы.

Дома — ужинаем, причем Люша с большим удовольствием ужинает с нами. Она неизменно приносит домой 2 конфеты (мы их копим в особом мешке) и пряник, который делит на 4 части. (Вообще, Люшина добродетель в Чистополе доросла до каких-то гигантских размеров.)

Английским занимаемся редко, т.к. Люша от интерната очень устает. Но все же прочли несколько сказок Гримм.

В 9 дети и Ида ложатся спать, а я завладеваю лампой и лежа пишу письма, пишу для радио и читаю методики. (Уф! Что это за белиберда.)

Очень хочется, чтоб кто-нибудь пришел, но все мы отрезаны друг от друга тьмой, холодом и, главное, грязью.

Целую тебя и маму. Я все еще не могу придти в себя после встречи своей с Зоей и Мариной[3]. Пиши.

Твой радиорепортер

[1]Евгения Исааковна *Журбина* (1903—1988), критик, литературовед.

[2]Вера Васильевна *Смирнова* (1898—1977), критик, жена И. И. Халтурина.

[3]*Я все еще не могу придти в себя после встречи своей с Зоей и Мариной.* — Возможно, речь идет о Зое Никитиной и Марине Чуковской.

218. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

29 сентября 1941. Переделкино

Переделкино 29/IX

Милая Лида. Ночь. 4 часа. Внизу спит Аветовна[1]. Я должен разбудить ее в 6 часов и потому не сплю. Только что кончил статью «Книги и бомбы» (Books and Bombs) для американской прес-

сы: о Библиотеке Иностранной Литературы[2]. За окном всю ночь бухают орудия — с перерывами. Погремят и перестанут. Вчера сбросили зажигательные бомбы в соседнюю деревню Чоботы и по эту сторону железной дороги. Удалось потушить. Вечером был у нас наш сосед Ив<ан> Фед<орович> Попов[3], чудесный человек, бывалый, талантливый. Он только что узнал, что на фронте погиб его сын, и пришел к нам с женою — поплакать. Был Нилин[4], историю которого ты, должно быть, слыхала. После того как он самовольно уехал в Ташкент, Союз писателей отправил туда телеграмму, что он — дезертир, и вызвал его обратно. За это время здесь было решено, что он «отца отравил, пару теток убил»[5] и, между прочим, что он не был на фронте. Он приехал сюда и, кажется, я единственный принял его. У него отняли дачу, машину. Он действительно человек темноватый, но, право же, не хуже других. Он рассказывает чудеса о Ташкенте. Дешево, удобно, культурно, не жарко. Ташкент не тот Ташкент, каким он был 10 лет назад. Много зелени, есть виноград, дыни, арбузы и проч. «Напрасно Лидия Корнеевна не уехала с нами в Ташкент». Там и заработок можно достать, и знакомых там много, и Юфит[6] помогла бы ей, и проч. Так как он человек талантливый, он расписал все это чрезвычайно картинно. И мне приходит в голову: не вывезти ли вас в Ташкент. Проклятие заключается в том, что я такой старый и хлипкий. Если доеду до Казани, у меня не хватит сил везти вас в Ташкент. Заболею, устану, слягу; я и смолоду был плохим путешественником. А теперь самое простудное время. Жить же я могу сносно только в санаторных условиях. Но будь я здоровее, я перевез бы вас в Ташкент. Сейчас об этом можно только мечтать. Не знаю, жив ли Боба. Он очень аккуратный корреспондент, а между тем от него уже десять дней нет вестей. Боюсь, что выйдет так же, как с Митей; впрочем, гоню от себя эту мысль и хлопочу о нем с неослабной энергией. Дело в том, что теперь в соответствующих ведомствах наконец-то созрела мысль, что нелепо посылать инженеров, искусствоведов, адвокатов, профессоров копать ямы, и решено по мере сил дать интеллигенции возможность применять на войне интеллект. Поэтому я надеюсь, что мое ходатайство будет уважено.

Идет дождь. Всюду мутно. И все же в Переделкине лучше, чем в городе. Можно топить печи (в городе не топят). Вообще обстановка сильно напоминает 1917 год. Поговори с Леоновым. Он очень даровитый и милый, хотя и эгоцентрист вроде Жени.

Вместо дождя пошел *снег*. Все бело. Каково-то Бобе и его товарищам — без одеял, без крыши над головой. Странно видеть снег на зеленых березах.

У меня вдруг вышел на экран «Бармалей»[7]. Имеет успех. Была хвалебная рецензия. Если бы получить за него хоть немного денег! Моя мечта: 10 000 рублей, чтоб разделить с тобою пополам. Эта сумма у меня будет, но платят неаккуратно, с большими затяжками. Привет Журбиной, Смирновой, З. Александровой, Зинаиде Владимировне[8].

Твой К. Ч.

[1]*Аветовна* — Варвара Аветовна Арутчева. О ней см. примеч. 3 к письму **170**.

[2]Статья «Книги и бомбы» была написана для Совинформбюро и опубликована в газете «Вечерняя Москва» 9 октября 1941 года.

[3]Иван Федорович *Попов* (1886—1957), писатель, драматург, основатель и главный редактор «Роман-газеты».

[4]Павел Филиппович *Нилин* (1908—1981), писатель, переделкинский сосед Чуковского.

[5]Цитата из стихотворения А. К. Толстого «Поток-богатырь».

[6]Матильда Иосифовна *Юфит* (1909—1993), писательница, жена П. Ф. Нилина.

[7]*...вышел на экран «Бармалей»* — речь идет о рисованном цветном фильме. Автор сценария К. Чуковский. Режиссеры Л. Амальрик и В. Полковников. Художник Н. Радлов. Композитор Н. Богословский. Производство «Союзмультфильма», 1941 год.

[8]О *Журбиной* и *Смирновой* см. примеч. 1 и 2 к предыдущему письму. Зинаида Николаевна *Александрова* (1907—1983), детская писательница; *Зинаида Владимировна* — Каширина.

219. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

15 октября 1941. Москва[1]

Чистополь выехали Пастернак, Федин, Анна Андреевна. Везут материал, шубки, рейтузы, две тысячи. Едем Ташкент[2]. Телеграфируй туда: Главный Почтамт востребования. Желании ехать туда высылаю еще тысячу. Кажется тенденция Союза писателей вывезти чистопольцев Алма-Ату или Ташкент.

Телеграмма-молния. Чистополь, ул. Люксембург, 20

[1]Прием: 15/10. Датируется также по записи Л. К.: «*15 октября 1941. Чистополь*. Сейчас получила телеграмму от Корнея Ивановича: Чистополь выехали Пастернак, Федин, Анна Андреевна...» («Записки». Т. 1, с. 233).

[2]15—16 октября 1941 года немцы ближе всего подошли к Москве, и Союз писателей срочно эвакуировал оставшихся в Москве писателей.

220. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

17 октября 1941. Пенза[1]

Едем Ташкент. Москва телеграфировала Совнаркому Татреспублики помочь тебе выехать Ташкент. Воспользуйся, выезжай, молнируй: Чкалов, вокзал, поезд 22, международный вагон Чуковскому.

Телеграмма. Чистополь, ул. Люксембург, 20

[1]Прием: 17/10. На обороте рукою Л. К.: «17 октября 41 г.»

18 или 19 октября в Чистополь к Лидии Корнеевне приехала эвакуированная из Ленинграда Анна Ахматова. Она решила тоже ехать в Ташкент вместе с Л. К. Их долгое путешествие через всю Россию описано в «Записках» (Т. 1, с. 235—240). Они приехали на пароходе из Чистополя в Казань, а потом ехали около двух недель на поезде от Казани до Ташкента. 9 ноября 1941 года Л. К. записала: «*Ташкент. Гостиница.* На вокзале нас встретил К. И. с машиной. Иду с детьми он отвез к себе, а меня и Анну Андреевну в гостиницу».

221. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

11 сентября 1942. Москва[1]

№ 1

Милая Лида.

Чагин[2] был болен. Наконец он вышел на работу. «Ну, как книжка Лидии Чуковской?» — Какая книжка? — «Слово предоставляется детям»[3]. — «Ааа!» (нажимает кнопку. Входит неизвестный). «Помните: у нас была рукопись Чуковской. Что вы с ней сделали?» *Неизвестный*: «Я дал ее на рецензию Марии Моис<еевне> Эссен[4] (человеку темному до грусти), и М<ария> М<оисеевна> предложила воздержаться». Я (Неизвестному и Чагину): «А вы читали эту рукопись?» *Они*: «Нет». *Я*: «Стыдно» — и проч.

Я пошел в «Кр<асную> Новь». Там столь же равнодушные животные сообщили мне, что они взяли из рукописи только украинские сюжеты (!!!), а остальное оставили втуне. Где же остальное? «Какая-то женщина взяла» (очев<идно>, Шура). Между тем это остальное очень хочет печатать «Октябрь». (Редакции здесь

рукописей не читают, а прямо печатают). Моя сказка идет в «Пион<ерской> Правде»[5], и я там, в ред<акции>, не нашел ни одного *сотрудника*, который бы читал ее!!! У меня (см. № 2)[6].

Адрес на открытке: Ташкент, ул. Жуковского 54

[1]Почтовые штемпели: 11. 9. 42 Москва; 21.9.42. Ташкент.

[2]П. И. *Чагин* в это время занимал пост директора Гослитиздата.

[3]«...Вскоре после нашего приезда в Ташкент, — вспоминала позднее Л. К., — Наркомпрос "в общественном порядке" привлек меня к работе Комиссии помощи эвакуированным детям. Я навещала детей в детских домах — детей с Украины, из Белоруссии, из Воронежа, Киева, Курска, Ленинграда — детей, привезенных со всех концов страны в глубокий тыл, в Ташкент.

Многие из них были круглые сироты... Я не сразу догадалась записывать рассказы детей, не сразу поняла, что передо мною — живая подлинность, которую грех, не запечатлев, упустить... Впервые, помнится, пришло мне на ум взяться за карандаш, когда одиннадцатилетняя девочка из-под Курска рассказала мне, как они жили при немцах...

После этого первого рассказа я начала записывать детей постоянно. Одни отмалчивались и с угрюмостью от меня отходили, другие рассказывали охотно, с жадностью, будто им самим нужен был этот рассказ» («Записки». Т. 2, с. 26—28).

Эти записи детских рассказов и составили со временем книгу «Слово предоставляется детям» (см. также примеч. 2 к письму **222**). Судьба книги в московских издательствах, сборниках и журналах отражена в письмах К. И. из Москвы в Ташкент.

[4]Мария Моисеевна *Эссен* (1872—1956), редактор Гослитиздата.

[5]Речь идет о сказке «Одолеем Бармалея», напечатанной в «Пионерской правде» 19 и 26 августа, 1, 9, 16 и 23 сентября 1942 года.

[6]Открытка № 2 не сохранилась.

222. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

14 сентября 1942. Москва[1]

Лидочка. Предо мною верстка твоей (и Жуковой[2]) статьи «Дети обвиняют» (в «Красной Нови»). Вот какие вещи вошли сюда: «На Соломинке», «Сказка», «Граммофончики», «Вагон, где была мама», «Батько та матерь», «Земля», «Серебр<яный> нож», «Со злости», «У нас на Украине», «Самая интересная служба», «Соловьи», «Дым», «Не наш хром», «Мы с Юркой», «Двумя пальчиками», «В церкви», «Люблю», «Начальни[ч]ки», «По-пластунски», «В Узбек<истане>» и др.[3]. Шрифт крупный. $1^1/_2$ листа. На днях вышлют деньги. Видел Любанского. Его не было в Москве, он уже не в редакции «Кр<асной> Нови». Твою книжку загубила одна дура — в Гизе; — ее рецензия — шедевр идиотизма. Я срамлю Чагина. Он

обещает пересмотреть это дело... Шура пополнела (как и все в Москве), абсолютно сыта; чуть я освобожусь от других дел, напишу тебе подробное письмо, идет дождь, я чуть-чуть простужен, брр — в квартире холодно — целую.

КЧ

Ходит ли Люша в ZOO?

Адрес на открытке: Ташкент, ул. Жуковского 54.

[1]Почтовые штемпели: 14. 9. 42 Москва; 24.9.42. Ташкент.

[2]Лидия Львовна *Жукова* (1905—1985), театральный критик. О знакомстве с нею и о положении, в котором Л. Жукова оказалась в Ташкенте, Л. К. рассказала в своих «Записках» (Т. 1, с. 510—511). Там же она рассказала о работе над книгой «Слово предоставляется детям» (заключали договор на два имени, «а писала я *одна* (Лида собрала матерьял на два или три рассказа, а писала все я)» (с. 511).

[3]Речь идет о цикле рассказов, написанных мною в Ташкенте и напечатанных в книге «Слово предоставляется детям» (Ташкент, 1942), а также во многих газетах и журналах, в частности в «Красной Нови», 1942, № 5—6. — *Примеч. Л. Чуковской.*

223. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец сентября 1942. Москва

Лидочка!

Шура больна. Я не знал этого и думал, что она написала тебе обо всем.

Дела твои таковы.

Я пошел к Чагину нá дом. И сказал ему: стыдно вам водить Лиду за нос. Вы поручили рецензию о ее книге какой-то идиотке. Вы не отвечаете ей на вопросы. Вы не шлете ей денег за «Красную Новь».

Он (пьяный) долго каялся, называя себя негодяем, и дал мне слово, что книгу даст новому рецензенту. «Я очень виноват, что не прочитал эту книгу сам. Теперь я прочитал ее в «Красной Нови», это — гениально, это — великолепно» и проч.

Но, зная, что у Чагина нет бумаги и что, даже если он купит книгу, он едва ли издаст ее, я сдал ее еще в два места: в «Советский Писатель» и в «Огонек» (изд-во «Правды»). В «Сов<етском> Писателе» Ярцев[1] тоже в восторге от книги, но ЦК запретил ему переиздавать книги, изданные в Ташкенте. Я ходил специально в ЦК, прося отменить это решение, и не достиг успеха. Еголин[2] — ни за что. В «Огоньке» Ерухимович (редактор) опять-таки в во-

сторге от книги, издаст ее в неделю, распространит повсюду, но требует сокращения: вместо 64 страниц сделать 48. И тогда немедленно вышлет тебе тысячу рублей телеграфом. Я сказал, что без тебя не могу на это решиться. Жду ответа.

Между прочим, «Огонек» чуть увидел твои материалы, добавочные, тотчас же захватил их и обещал немедленно выслать тебе и Жуковой — 500 р. Выслал?

У меня выпросила эту книгу на одну ночь Ильина из «Пионера» — и хвалит вовсю.

Сегодня я показывал ее в Информбюро, там решено печатать ее (в отрывках) для Америки. Я настаиваю, чтобы печатали всю.

Я проектирую книгу о детях — для Америки: Ты, я, Жукова, Женя Шварц, Тамара Габбе, Халтурин и Таня Литвинова[3] (от Информбюро) — вот состав сотрудников.

Коля едет сюда. Я добился этого с неимоверным трудом. Теперь предстоит добиться его оставления в Москве. Удастся ли? Я устал до последнего изнеможения.

У Шурочки болит рука.

Привет тебе от Федина и Надежды Алексеевны[4].

Прости, что пишу кратко, Георг [нрзб.] торопит.

Твой отец

[1]Георгий Алексеевич *Ярцев* (1904—1955), в 1938—49 годах — директор издательства «Советский писатель».

[2]Александр Михайлович *Еголин* (1896—1959), сотрудник ЦК КПСС (1940—48).

[4]*Таня Литвинова* (р. 1918), переводчица, художница, дочь министра иностранных дел М. М. Литвинова.

[3]*Надежда Алексеевна* — Пешкова (1901—1970), невестка Горького, жена его сына Максима. — *Примеч. Л. Чуковской.*

224. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Начало октября 1942. Москва

Милая Лида.

В дополнение к трем моим письмам сообщаю: деньги из «Кр<асной> Нови» тебе посланы. В «Труде» *ищут* твои статьи, попытаются найти, с Чагиным дело обстоит так: он дал на рецензию твою книгу... Марии Моис<еевне> Эссен. Эта хавронья не заметила в книге никакой художественности и заметила, что у мальчика, который «побіг за товарным»[1] — черствое сердце. Зачем

он покинул отца с матерью. Вся ее критика в этом роде. Зачем среди детей перечислен парикмахер? Этой критики оказалось достаточно, чтобы забраковать книгу. Но издательств здесь много, и я не уеду, покуда не пристрою книгу. Мне хочется представить ее в «Молодую Гвардию» (для этого я покажу ее Мишаковой[2]), а также издать в «Огоньке».

Говоря по секрету, я хвораю, денег не достал, и мне страшно больно покидать Москву.

Слухи доходят, что с Кино у тебя все благополучно. Следовало бы тебе, если у тебя будут деньги, приехать на месяц в Москву. Здесь ты разбогатеешь. Только бы здоровья. Я хожу по Москве как пугало, толстый Шкловский глядит на меня с удовольствием:

«Чук<овский> наконец-то постарел и осунулся!»

Сейчас иду в «Мол<одую> Гвардию» с твоей книжкой. Жду Колю[3].

Болит голова. Трудно писать.

Привет Люшеньке. Как весело будет лететь в самолете на юг. Я люблю самолет, как в юности любил яхту и лодку.

Ну до скорого свидания

Ваш К. Чуковский

[1]Речь идет о рассказе «Батько та матерь» из сборника «Слово предоставляется детям».

[2]Ольга Павловна *Мишакова* (1912—1970), секретарь ЦК ВЛКСМ.

[3]Николай Корнеевич получил отпуск на несколько дней, ездил в Молотов к семье и повидался с отцом в Москве.

225. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

31 января 1943. Куйбышев обл.[1]

Едем хорошо. Радуемся березам, соснам, снегу, морозу. Чуть приеду в Москву, возьмусь за устройство твоих дел. Хочу добыть для тебя комнатенку. Скажи Тихонову, чтобы двигал мою книгу[2]. Я забыл тебе сказать, что Родичева Н. С.[3] очень просила тебя зайти. Привет Люше. Не поселишь ли ты временно в квартире на Жуковской Валю Берестова[4]? Поклон Жуковой и Юфит.

Твой КЧ

Адрес на открытке: Ташкент, ул. Гоголя 56

[1]Почтовые штемпели: Куйбышев обл. 31.1.43; Ташкент 13.2.43. Письмо написано по дороге из Ташкента в Москву. Чуковский с семьей возвращался домой из эвакуации. В дневнике К. И. пишет: «*26/1.* Вчера ночью — двинулись в путь в Москву, вместе с М. Б. и Женичкой. Прощай, милый Ташкент» (Дн.-2, с. 163).

[2]А. Н. *Тихонов* (см. о нем примеч. 5 к письму **10**) во время войны руководил ташкентским отделением издательства «Советский писатель». Там была издана сказка К. Чуковского «Одолеем Бармалея» (1943).

[3]Нина Степановна *Родичева* (1905—1979), жена Сергея Дмитриевича *Родичева* (1905—1987), в то время заместителя председателя Совнаркома УзССР. Н. С. Родичева, как и Л. К., работала в Комиссии помощи эвакуированным детям и сама усыновила двоих ребят.

[4]Валентин Дмитриевич *Берестов* (1928—1998), поэт, в те годы одаренный подросток, которому К. И. помогал в Ташкенте.

226. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Февраль 1943. Москва

Мой телефон: К.5.11.19

Дорогая Лидочка.

Дела твои таковы: рассказы взял «Огонек». Книжка твоя выходит, хотя «Библиотека Огонька» прекратила свое существование. С трудом выцарапал я у этих людей корректуру. Книжка все же называется «Дети обвиняют», и к ней присобачено банальное безымянное предисловие, дезориентирующее читателя. Я заявил протест, но боюсь, что пошлость восторжествует. Корректуру продержал я тщательно, восстановил *ближче* вместо *ближе*, но это — все, что я мог сделать. Шрифт очень мелкий, все напечатано сплошняком, деньги вышлют дней через пять. Но слава у этой книжки очень хорошая. На днях было заседание женского комитета Информбюро, и на нем Ел<ена> Дм<итриевна> Стасова[1] в восторженных выражениях отзывалась о вашей книжке. Ее поддержала Ек<атерина> Павл<овна> Пешкова[2], кот<орая> и сообщила мне об этом. После сего Машенька Тарасенкова[3], кот<орая> является деятельным и влиятельным работником женск<ой> секции Информбюро, прислала за книжкой, чтобы вновь взять оттуда кое-какие отрывки. Адрес И<нформбюр>о: Собиновский пер. 5.

Сценарий я решил назвать киноповестью и отдал в «Знамя»[4]. Там теперь заведует литерат<урным> отделом Вера Вас<ильевна> Смирнова, кот<орая> относится к тебе с самыми теплыми чувствами. Адрес «Знамени» тот же, что и Гослитиздата.

Кланяйся Жуковой. Я ее поручение выполнил. Как-то ты там живешь? Я живу неплохо. Сказка моя в Детгизе печататься *будет*. У нас в квартире тепло, чисто, хорошо. Встречаюсь с Квитко, Фединым, Ольгой Форш, Алексеем Николаевичем[5]. Вчера бродил по Москве с Маршаком, он читал мне новые свои переводы, и в конце концов мы *заблудились*.

Что сделать, чтобы улучшить твой быт? Теперь, когда мне живется легче, чем в Ташкенте, я чувствую себя в силах оказать тебе и Люше реальную помощь. Но в чем она должна выразиться? Целую Люшеньку. Как хотелось бы, чтобы она отдохнула от кастрюльных дел и разговоров.

Твой Отец

[1]Елена Дмитриевна *Стасова* (1873—1966), партийный деятель, в это время — член интернациональной Контрольной комиссии Коминтерна и редактор журнала «Иностранная литература».

[2]Екатерина Павловна *Пешкова (*1878—1975), первая жена А. М. Горького.

[3]*...Машенька Тарасенкова* — Мария Иосифовна *Белкина* (р. 1916), писательница, жена критика Анатолия Кузьмича Тарасенкова.

[4]Сценарий «Аист на крыше» основан на рассказах детей о войне. Л. Чуковская записывала эти рассказы в ташкентских детских домах. Сценарий не был напечатан, но сохранился в ее архиве.

[5]*Алексей Николаевич* — Толстой.

227. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

1 апреля 1943. Москва

1 апреля

Дорогая Лидочка!

Почему Ты не отвечаешь на мои письма? У меня для Тебя никаких радостных вестей, к сожалению, нет. Киносценарий мне регулярно возвращают изо всех журналов. Смирнова долго мариновала его в «Знамени», теперь по совету Фадеева я сдал его в «Октябрь». Большинцов[1] говорил мне, что Вы вносите в сценарий какие-то поправки. Какие? Может быть, с этими поправками вещь могла бы пройти.

С «Огоньком» дело обстоит так: книжка «Дети обвиняют» (заглавие оставлено это) сверстана. Я держал ее корректуру. Хотя библиотека «Огонька» закрыта, решено эту книжку издать. Но — нет бумаги. И верстка лежит праздно. И они не могут выслать тебе деньги, т.к. им дается право платить гонорар лишь по напечатании вещи. Звоню им постоянно.

Об остальном сообщу ниже. Теперь сообщу Тебе об одном загадочном неприятном эпизоде. Получив твое письмо из рук Алянского[2], я, не дочитав его, оставил его на столе — т.к. меня позвали к телефону, и когда я вернулся к столу, письма исчезли. Я ищу их повсюду и нигде не нахожу. Какая-то мистика. Я посвятил специально весь день поискам писем и не нахожу их нигде. В них мне удалось только прочитать, что ты хочешь мою комнату передать Геше[3]. С радостью иду тебе навстречу. Посылаю тебе соответствующую бумагу, при сем прилагаемую.

Теперь о деньгах. Я считал так, что ты получила в Узгизе две с половиною тысячи, следуемые мне за мою сказку, что ты получила мою доверенность в Госбанк на получение тысячи рублей, что кое-какую помощь оказали тебе Родичевы[4], коим я написал об этом специальное письмо, но теперь боюсь, что все это (почему?) не осуществилось. Вообще, что с моей сказкой? Не имею понятия, хотя и послал Тихонову триста тридцать три письма.

Сейчас звонил снова в «Огонек». Эти подлецы мне ответили:

— Ничего не можем вам сказать ни про рассказы, ни про книжку. Позвоните через несколько дней.

Результаты протелеграфирую тебе.

Мне страстно хочется, чтобы Ты приехала в Москву. Работы здесь по горло. Я сижу без денег, потому что сразу на меня налетели Марина, Коля, Гуля и Тата, чудесные люди, особенно Тата, но — требующие усиленного питания. Почему ты не шлешь мне рецепта на очки?

С выставкой детского рисунка все устроено[5]. Солодовников[6] поддержал нас. Храпченко[7] сейчас нет в Москве, но самое мудрое — немедленно ехать сейчас и везти выставку. Если бы ты знала, милый Лидок, как мне хочется тебе помочь. Я сейчас продаю словарь, и все вырученные деньги посылаю тебе. А сейчас я сговорился с Алимджаном[8] (он был у меня), чтобы он тебе помог. Он обещал непременно...

Прилагаю письмо к Ломакину[9], который является хозяином дома № 56.

Твой отец

Адрес на конверте: Ташкент, ул. Гоголя 56, кв. 23

[1]По-видимому, речь идет о кинодраматурге М. В. *Большинцове* (1902—1954).

[2]Самуил Миронович *Алянский* (1891—1974), основатель издательства «Алконост», издательский работник.

[3] *Геша* — Герш Исаакович Егудин.

[4] *Родичевы* — см. примеч. 3 к письму 225.

[5] Речь идет о выставке детских рисунков, собранных в Ташкенте. Эту выставку привозили для показа в Москву.

[6] Александр Васильевич *Солодовников* (1904—1990). В 1938—45 годах — начальник Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР и зам. председателя Комитета.

[7] Михаил Борисович *Храпченко* (1904—1986), председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР (1939—48).

[8] Хамид *Алимджан* (1909—1944), председатель Союза писателей Узбекистана, поэт, публицист, критик. О встрече К. И. с Алимджаном в Москве см. Дн.-2, с. 163.

[9] Николай Андреевич *Ломакин* (1913—1975), второй секретарь ЦК КП(б) Узбекистана (по идеологии) в 1941—49 годах.

228. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Май—июнь 1943. Москва

Дорогая Лидочка! Получив твое тревожное письмо о сказке, я послал телеграмму Ломакину. Оказалось, ложная тревога. Но странно: я так захвачен работой о Чехове, что совсем не думаю о сказке, и мне очень неприятно, что сказка выходит. Из этого я вижу, что по природе я — критик, а совсем не детский писатель. Сейчас читал отрывки своей книги у Пешковых: слушал Федин и очень хвалил. Федин написал изумительные воспоминания о Горьком (часть 2-я). Вчера я был в редакции журнала «Знамя» — на банкете в честь нашего посла Майского[1]. Он рассказывал интересные вещи. Сели за стол, надо было провозгласить в его честь тост. Но встала пьяная Сейфуллина и неожиданно заявила:

— Поднимаю бокал за здоровье Вас<илия> Ив<ановича>Лебедева-Кумача.

Почему Кумача, неизвестно. Здесь присутствовали и Пастернак, и Твардовский, и Леонов, и Федин, и Игнатьев[2], и Исаковский.

Никто тоста не поддержал. Кумач покраснел как кумач.

Сейфуллина пояснила:

— Я пью за Кумача, «Катюшу» которого сейчас распевает весь фронт.

А «Катюшу» написал Исаковский. Я ушел. Твои рассказы для Вокса[3] (сделанные с Жуковой) *приняты*. Книжка *будет*. Но как это все медленно. Пришли мне телеграмму, сколько тебе

нужно денег, чтобы уплатить все долги и поправить хозяйство, я постараюсь прислать. Кажется, мои финансы *улучшаются*. Таточка уехала на железнодорожные работы. Гуля — в детском лагере, в Переделкине. Научи меня, что делать с тобою. Чем помочь тебе — коренным образом? Здесь работы у тебя было бы по горло. Жаль, что в письме ничего не скажешь. Сейчас ко мне обратилась мать Марины Расковой, разбирать письма и дневники Марины. Очень интересно. Я привлек к этому делу Шурочку. Это дает ей хорошее вознаграждение. *Рецензии* нужны всем журналам и «Литгазете». Пришли, если хочешь, что-н<и>-б<удь> для «Литгазеты». Например, об *ужасных* детских книжках, издаваемых на периферии. Строк на 300. Или о переводах с узбекского. О какой-н<и>б<удь> книжке Узгиза. Как я благодарен Евг. В. Рачинской[4], что она взяла это письмо. Кланяйся Соничке Журавской[5]. Получил ли мою телеграмму Борис Ник<олаевич>[6]? Почему не воспользовался ею? Валичке[7] написал о его великолепных стихах. Здесь бывает у меня Семынин, пишет чудесную поэму. Бедного Квитко очень ждут. Маршак уехал в Алма-Ату за своей семьей. Целую Люшеньку. Когда мы увидимся? Если я кончу книгу к 1-му сентября, с восторгом прилечу к тебе (вернее: за тобою) в Т<ашкен>т. Толстой только что прилетел из Краснодара. Видел виселицы. Был в суде[8]. Ну вот. Целую тебя крепко. Прости, что послали тебе так мало одежды. Авось достанем еще.

Твой отец

[1]Иван Михайлович *Майский* (1884—1975), историк, дипломат, в 1932—43 годах посол СССР в Великобритании.

[2]Граф Алексей Алексеевич *Игнатьев* (1877—1954), дипломат, писатель.

[3]ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

[4]*Евг. В. Рачинская* — ответственный секретарь ташкентской Комиссии помощи эвакуированным детям.

[5]Софья Андреевна *Журавская*, сотрудница Наркомпроса, работавшая в ташкентской Комиссии помощи эвакуированным детям. В этой Комиссии работали также К. И. и Л. К.

[6]*Борис Ник<олаевич>* — неустановленное лицо.

[7]*Валичка* — В. Д. Берестов.

[8]Речь идет об А. Н. Толстом, который в 1943—45 годах занимал пост Председателя Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Краснодар был освобожден от немцев в феврале 1943 года.

229. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Январь 1944. Москва

Дорогая Лида. Я не люблю *себя* во время споров и потому предпочитаю писать[1]. Как-то так случилось, что в литературе ты — мой единственный друг; я верю, что тебе дорого (дороже, чем другим) мое литературное дело, мои лит<ературные> замыслы, моя литерат<урная> судьба. Я горячо люблю твои писания и верю в них. Мне очень нравятся твои (вместе с Жуковой) записи детских рассказов, я знаю, что они созданы творчески, знаю, что и в них сказался твой талант, но все же твои стихи, твои повести, твой Шевченко, твои статьи мне дороже. В них гораздо рельефнее сказалась твоя огромная индивидуальность, — и за них я готов биться всегда и везде. Ты знаешь, что ни одна из моих творческих книг не дошла до читателя в сколько-н<и>б<удь> подобающем виде. В «Бармалее»[2] Тихонов допустил больше *сорока* опечаток. «Некрасов», «Воспоминания о Репине», «От двух до пяти», «Чудо-дерево» — изгажены, исковерканы черт знает как, и я ни разу *за всю свою жизнь* не огорчался из-за их оформления так интенсивно и бурно, как ты огорчаешься будущим оформлением нескольких записей. В чем пафос твоего огорчения? Ведь книга будет на редкость изящна и красива. Ни одна моя сказка не была издана так. Когда я подписывал договор, ВОКС сказал мне: «Книжка очень пессимистична. Она отражает настроения 1941 года». Я сказал: «Мы поправим дело рисунками. Внесем несколько оптимистических рисунков, отражающих 1943 год». Только на этом основании и согласился ВОКС печатать книгу.

Никакого разнобоя я здесь не вижу. Рисунки есть, так сказать, продолжение рассказов. *Нужно в предисловии к книге оговорить, что рисунки не являются иллюстрацией текста* — и дело будет исправлено.

Ведь основное прекрасно: большинство рисунков чудесно исполнены, имеют агитационное значение, книга оформлена отлично, — стоит ли из-за 3—4 рисунков задерживать книгу, причинять мне мучительную неприятность и т.д., и т.д. Если мы уберем те рисунки, о которых ты говоришь, книга приобретет нежелательное лицо, в ней выпятится ее устарелость, — и издана она не будет[3].

[1] В ноябре 1943 года Л. К. вернулась из эвакуации в Москву и жила в московской квартире К. И.

[2]Имеется в виду сказка «Одолеем Бармалея».
[3]Действительно, книга эта выпущена не была.

230. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

1 июля 1944. Ленинград

Дорогой пип. Вчера я весь день провела в типографии, читая подписанную корректуру «Чудо-дерева» и отдельные листы. Поймала 4 опечатки и переставила справа налево и слева направо несколько строк. В общем, книга выглядит прилично. Отпечатать ее всю обещают в течение двух недель.

Теперь я хочу, чтобы ты знал, как обстоят мои дела. Приехав, я сразу поняла, что останусь здесь жить, что тут мое место[1]. Ну, об этом после. Тамара Константиновна Григорьева, мой всемогущий управхоз, встретила меня очень суетливо и шумно, и поначалу я, в потоке ее речей, ничего не могла разобрать. Она утверждает, что квартира моя утрачена безвозвратно, что Вигдорович[2] выселению не подлежит. Между тем вселен он, конечно, незаконно, — он переехал из целого, непострадавшего дома, из роскошной отдельной квартиры, просто потому, что мой район ему более удобен. Таких людей тут сейчас выселяют. Но — Вигдорович крупный чиновник Жилотдела и крупный военный, четырежды раненный, а я, как известно, никто. Если бы ты, а не я, сюда приехал — ты прошел бы к Попкову[3] или Главному прокурору, и квартира была бы свободна в 2 дня, тем более что фактически она пуста: Вигдорович в Армии, а семья его — эвакуирована. Но приехала я, а не ты. Управхозиха, которая, по неведению, меня слегка боится — и очень боится в то же время Вигдоровича, занявшего квартиру не как-нибудь, а по ордеру, — предложила следующую комбинацию: она дает мне 2 комнаты в том же доме взамен утраченных; достанет сама на них ордер; поможет сделать ремонт — а кроме того, напишет Вигдоровичу: не желает ли он приискать другую квартиру, ввиду того, что эта ему мала? Она написала ему, и я тоже. Дело в том, что он, переезжая, рассчитывал, что моя квартира отдельная, но ведь 3-я комната в ней занята военнослужащими, они уже добыли ее себе обратно — и Вигдоровичу остались 2 мои, из которых одна — проходная. Он в них жить, вероятно, не захочет...

Итак, судиться с ним я не стану — нет сил (чтобы подать заявление прокурору, надо простоять в очереди неск<олько> су-

ток), и буду брать те комнаты, которые мне дают; а если Вигдорович сам откажется — перееду к себе.

Теперь о новых двух комнатах, об их плюсах и минусах. Минусы: 5-й этаж вместо 3-го. Это высоко. Нужно делать ремонт — хоть и маленький (белить; ставить печурку), перетаскивать вещи. Людей тут нет совершенно, все заняты на восстановлении города — и эти процессы сложны чрезвычайно. У меня из 3 тысяч осталось 2 тыс. 200 р., а ведь мне надо прожить еще 3 недели и получить билет и пр. Таковы минусы. Кроме того, когда вернутся хозяева (управхозиха, правда, уверяет, что хозяева почти наверняка погибли), они будут мало довольны, что у них отобрали 2 комнаты (в порядке изъятия излишков).

Теперь плюсы: 1) мои прежние комнаты населены для меня самыми мрачными воспоминаниями, 2) новые комнаты более удобно расположены, чем те: обе они непроходные. Таким образом, у Люшеньки будет комнатка совсем отдельная, даже несмежная с моей, и она сможет там быть, звать туда подруг, не беспокоясь постоянно, что она мне мешает.

Вот тебе все жилищные дела.

Сейчас у меня самый неприятный простой: оформляется ордер, и я должна сидеть и ждать, в то время как дни-то ведь у меня считанные. Командировка кончается 25-го — успею ли я так все приготовить, чтобы привезти Люшу в чистую квартиру? В среду мне обещан ордер, затем за 2 недели надо приготовить квартиру, затем добывать пропуск в Москву, билет и ехать; в Москве — менять карточки и писать примечания к Шевченко и запасаться какой-то работой на зиму, заключать какие-то договоры, п<отому> ч<то> тут ведь с работой плохо; затем — снова добывать командировку или вызов и ехать в Ленинград; затем прописываться в Ленинграде, что весьма непросто; затем — рожать дрова, а дальше неизвестно — однако все в том же роде. Месяца два минимум начисто будут вычеркнуты изо всякой осмысленной работы: все будут справки, анкеты, очереди, и все до обморока будут болеть ноги. Потом наконец (если повезет) у меня появится «дом», в котором не на что жить. Таковы перспективы.

Если я пройду в Союз — на союзный паек мы с Люшей проживем вполне сытно. Если нет — я боюсь брать ее сюда: даже если ты будешь посылать деньги — без пайка ни на тысячу, ни на три тысячи прожить нельзя.

А жаль, что я затеяла проходить в Союз в Москве: здесь обстановка для меня лучше, благоприятнее. Но в 41 году меня прове-

ли только по секции, а в Правление не передали — не успели; теперь же, раз мое заявление подано в Москве, неловко подавать здесь... Я послала запрос Алексею Ивановичу[4], как обстоят мои союзные дела, но еще не получила ответа.

Это все я пишу тебе, а не Люше, пожалуйста, не читай ей этого письма. Незачем обрушивать ей на голову весь этот справочно-прописочный ужас. И не говори ей, что я колеблюсь — брать ее сюда или нет. Все выяснится недели через 2—3 — и с Союзом, и с комнатами, — и тогда я решу, как быть.

Город этот грустен необыкновенно и необыкновенно прекрасен. Он прекраснее, чем был: трагический убор ему к лицу. Я сижу в Летнем или на набережной и чувствую себя странным образом дома, наконец-то дома, хотя никогда не была более бездомна, чем теперь. Справочно-анкетная галиматья, при всей ее убийственности, не может заслонить этой реки и этого сада. Стихов не пишу, и поэма остановилась, т.к. город сам расположен строфами и не требует никакого оформления. Кроме того, здесь на улицах я так поглощена смотрением, что не могу сосредоточиться на стихах.

Сплю я здесь отлично, и ноги сами по себе с утра не болят, а болят от ходьбы, п<отому> ч<то> не выдерживает сердце. Если удается днем несколько раз полежать — чувствую себя вполне здоровой. Но удается это редко. Зато сплю вовсю. Комната черная от копоти, сырая, темная — стекол нет, фанера — но тихая, мне не слышно, как приходят и уходят хозяева, да и вообще целыми днями никого нет дома.

Если ты напишешь мне сразу — я, конечно, успею получить письмо. Я буду здесь до 23-го. Адрес на конверте. Я хотела бы знать, как поживают Чехов, Уитман и Репин, особенно Чехов. Читал ли ты отрывки, как собирался? Тут о тебе многие спрашивают, и отношение такое, как *до* — и по существу, и по форме. 10 раз в день мне говорят: «Ну, у Вас-то все выйдет, ведь стоит Вам назвать свою фамилию». И действительно, нужно быть мною, чтобы не выходило.

Напиши, удается ли тебе отдыхать в Переделкино.

Управхозиха польщена твоим письмом и просит *любую* твою книгу *для взрослых* с надписью. (Тамара Константиновна Григорьева.) Так как она действительно всемогуща и я от нее завишу целиком — пришли книжку с оказией (по почте нельзя) непременно.

Жене про игрушки я напишу, когда войду в квартиру и открою шкапы. Я все не вхожу, п<отому> ч<то> нужно для этого ломать замки́, а мне хочется делать это один раз, а не два.

Туфли, присланные мне, я обменяла на другой размер, и теперь мне легко и удобно. Вещи на рынке тут вдвое дешевле, чем в Москве.

Жду письма.

Лида

1/VII 44

[1]Л. К. поехала в Ленинград для того, чтобы получить свою квартиру и переехать домой.

[2]*Вигдорович* — фамилия человека, въехавшего во время войны в ленинградскую квартиру Л. Чуковской на Загородном. О своих попытках вернуться в Ленинград Л. К. рассказала в предисловии ко второму тому «Записок» (см. с. 32—38).

[3]Петр Сергеевич *Попков* (1903—1950), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

[4]...*Алексею Ивановичу* — Пантелееву.

231. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Первая половина июля 1944. Ленинград

[Нет начала] ...твоих романов. Не знаю также, в Переделкино ли ты или в городе и выносимо ли Переделкино. Человеку кроме птичек, травы, леса и неба необходимы стулья, кровати, столы — и возможность о них не размышлять и не замечать их. Поэтому в Переделкино ли ты и отдыхаешь ли там или наоборот?

Все эти вопросы чисто риторические, п<отому> ч<то> я постараюсь приехать в Москву к 15-му и ответить ты не успеешь.

Прилагаю 1 строфу поэмы, которую написала за эти дни.

Ленинград так прекрасен, величав; Блок, Пушкин, Достоевский, Ахматова так в нем слышны, что я улыбаюсь каждой улице и чувствую себя спокойной и почти счастливой. Удивляюсь, что могла поверить, будто буду жить не здесь.

Как смел я подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя[1].

Привет бабе, Женичке, Таточке, Коле, Марине.

Лида

[1]Неточная цитата из стихотворения Н. Гумилева «Я сам над собой насмеялся...».

232. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Весна 1945. Москва

Милая Лида.

Можно ли начинать статью с самого *неинтересного* для нынешнего молодого читателя — со своеобразия формы данного произведения? Детей нигде не учили любить форму, понимать, что в ней душа данной книги, — и вдруг ты с первого же абзаца говоришь о «необычности построения». Это *нужно* в конец или где-нибудь поближе к концу.

Это единственное мое возражение. Остальное прекрасно: вдумчиво, нешаблонно, поэтично, доступно всем думающим подросткам.

Герцен становится близким и дорогим человеком — не схемой, а живым человеком. Дана самая квинтэссенция его личности. Но именно поэтому людям, воспитанным на бревенчатых и топорных изделиях, может не понравиться эта изящная тонкость работы, отсутствие в ней шаблона. Цитаты из Ленина очень уместны. Хотелось бы больше о его любви к России. Кроме того, ты говоришь, что новых путей, открытых Марксом и Энг<ельсом>, Герцен тогда «еще не видел» (стр. 14). Разве потом он увидел их? Здесь он остался слеп навсегда. Не нужно ли сказать 2—3-х слов о его *разрыве* с шестидесятниками? Кое-какие мелочишки я отметил на полях. Но в общем — талантливая, зрелая, умная вещь, написанная прозрачным стилем, вполне доступным для 15-летних читателей[1].

Твой

[1]Речь идет о вступлении к детгизовскому изданию «Былого и дум», которое в свет не вышло. — *Примеч. Л. Чуковской.*

233. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

6 августа 1945. Москва

Лидочка! Мне нравится твоя работа над «Княжной Мери» — до восторга. Это и смело, и ново, и бесконечно талантливо. Ведь, по существу, твоя задача сводилась к тому, чтобы самой превратиться в Лермонтова. Великолепная сцена с покупкой ковра, к<ото>рой у Лерм<онтова> нет, пикник, сцена с Вернером, все

реплики Грушницкого («Вы унесли меня ввысь от низкой существенности», сцена с пением романса, сцена у колодца, сцена с подсвечником у зеркала и т.д.) — все это на лермонтовской высоте, сказано лермонтовским голосом.

И кроме того — это не только роман, но и комментарий к роману. Вкрапленные строки о декабристах, разговор о «будущем нашего поколения» (стр. 60), меткое слово Вернера: «Вы опоздали на каторгу» (36) — весь этот ключ к Печорину, очень тактично и мастерски спаянный с текстом.

Язык и стиль эпохи всюду артистические. «Созвездие брака» (42) находка! Очень хорош юнкер Грушницкий за окном «ресторации». «Карету княгини Лиговской!» — очень выразительный штрих. Я не знаю, что внес Арнштам в это дело, но думаю, что Вы оба достойны друг друга.

Как жаль, что ты пишешь всякие предисловия, примечания и проч., если ты художник чистейшей воды, и мышление твое чисто художническое.

Мелочишки. «Разноцветные барышни» — из Чехова. На 34 стр. хуже, чем в подлиннике: «согласитесь, сударь, что это не меньшая заслуга», — но в общем поздравляю тебя с серьезной победой[1]!

6/VIII 45

И еще поздравляю с днем рождения Люши!!!

Твой отец

[1]Речь идет о сценарии по «Княжне Мери», написанном мною для режиссеров Арнштама и Райзмана с некоторой их помощью. Он был принят, но не поставлен. — *Примеч. Л. Чуковской.*

234. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Первая декада октября 1946. Москва[1]

Милая Лида! По поводу Фадеева ты не права. Посылаю Тебе его вчерашнее письмо. Это человек светлый. Как близко он принял к сердцу дело Алексея Ивановича![2]

Но — снова тучи надо мною[3]. На этот раз у меня хотят «отнять» Некрасова. И отнять с посрамлением. Даже во мне возмутилась по этому поводу гордость. 10-го в час дня в Гослитиздате будет меня заушать Головенченко[4]. Я прошу Макашина и Илю-

шу[5] разведать, по какой линии пойдет заушение и нельзя ли как-нибудь пристыдить Головенченко? Прошу их обо всем доносить тебе. А ты, пожалуйста, уведомь меня. Люше скажи, что книжки «Библиотека “Крокодила”» — в городе. Здесь есть только одна. Что твой Герцен? Даже я — уж на что железный, — а и то не могу в последнее время писать. Денег никаких — ниоткуда. Какой изумительный человек Пантелеев! Часто бывал у меня Борис Леонидович. Посылаю тебе его новые стихи. Сегодня исполнилось 45 лет моей литературной работы. Привет Люше, Тате и Тамаре Гр<игорьев>не!

Твой ОТЕЦ

[1]Датируется по записи в дневнике К. И. (см. примеч. 4 к настоящему письму).

[2]*Алексей Иванович* — Пантелеев (печатался под именем Л. Пантелеев). В 1942 году во время ленинградской блокады Пантелеев был лишен прописки в Ленинграде, и ему было велено немедленно уехать из города. Однако он не уехал, остался в городе «нелегально», не получал продуктовых карточек, голодал, а затем был арестован. О своем освобождении и дальнейших злоключениях он подробно рассказал в книге «Верую...». Там он пишет, что «реабилитировали меня не потому, что “восторжествовала истина”, а потому, что “вмешались сильные мира сего — Маршак, Фадеев”» (См.: Л. Пантелеев. Верую... М.: Сов. писатель, 1991, с. 187—196).

[3]*...снова тучи надо мною* — строка из стихотворения А. Пушкина «Предчувствие». В письме К. И. это намек на травлю, начатую после печально известного Постановления ЦК КПСС от 14 августа «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», ошельмовавшего Зощенко и Ахматову. После этого в каждом журнале или издательстве начали отыскивать и шельмовать в печати «безыдейные» произведения. Под обстрел попала сказка Чуковского «Бибигон», которая была начата печатанием в «Мурзилке». Уже 29 августа в «Правде» появилась статья С. Крушинского «Серьезные недостатки детских журналов».

«Нельзя допускать, — заявлял Крушинский, — чтобы под видом сказки в детский журнал досужие составители тащили явный бред.

С подобным бредом под видом сказки выступает в детском журнале “Мурзилка” писатель Корней Чуковский».

Наспех пересказав некоторые эпизоды из сказки, Крушинский продолжал: «Нелепые и вздорные происшествия следуют одно за другим! А как все это написано! Дурная проза чередуется с дурными стихами...

Натурализм, примитивизм... в этой сказке нет ничего волшебного, а есть только уродливое. В ней нет фантазии, а есть одни только выкрутасы...

Чернильница у писателя большая, а редакция журнала “Мурзилка” неразборчива».

Такая статья в центральной печати закрыла сказкам Чуковского дорогу к читателям почти на 10 лет.

За два года до разгрома «Бибигона» появилась статья П. Юдина в «Правде» (1 марта 1944) против сказки «Одолеем Бармалея». Статья называлась «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского».

[4]Федор Михайлович *Головенченко* (1899—1963), директор Гослитиздата. Чуковский опасался, что после изгнания из детской литературы у него отнимут еще и работу над Некрасовым. 13 октября 1946 года он записал в дневнике: «На этой неделе я пережил величайшую панику и провел несколько бессонных ночей. Дело в том, что я получил за подписью Головенченко (директора Гослитиздата) приглашение на заседание Редсовета, причем на повестке дня было сказано:

1. Решение ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и задачи Гослитиздата.

2. Обсуждение состава сборников избр<анных> произведений Н. Н. Асеева и И. Л. Сельвинского и третьей книги романа В. И. Костылева «Иван Грозный».

3. Обсуждение плана полного собр<ания> сочинений Некрасова.

Таким образом, моя работа над Некрасовым должна будет обсуждаться в качестве одной из иллюстраций к речи тов. Жданова о Зощенко, Ахматовой и проч. Я пришел в ужас. Мне представилось, что на этом митинге меня будут шельмовать и клеймить за мои работы над Некрасовым и в качестве оргвыводов отнимут у меня редакцию сочинений Некрасова, и мне уже заранее слышалось злорадное эхо десятка газет: «Ай да горе-редактор, испоганивший поэзию Некрасова». Это была вполне возможная награда за 35-летний мой труд, и мне представилось, что именно такова должна быть подготовка к юбилею Некрасова. Бессонница моя дошла до предела. Не только спать, но и лежать я не мог, я бегал по комнате и *выл* часами. Написал отчаянное письмо Фадееву и помертвелый, больной, постаревший лет на 10 пришел в Гослитиздат — под шпицрутены. Заседание было внизу в большом зале. Первая, кого я увидел, была Людмила Дубровина, глава Детиздата, которая на прошлой неделе велела вернуть мне без объяснения причин мою работу над Некрасовым, сделанную по ее заказу. К счастью, все обошлось превосходно. И все это было наваждением страха. Я остался редактором стихотворений Некрасова — и Дубровина осталась ни с чем» (Дн.-2, с. 177).

[5]Сергей Александрович *Макашин* и Илья Самойлович *Зильберштейн* — редакторы «Литературного наследства».

235. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

9 октября 1946. Переделкино[1]

Милый друг. «Бибигона» в «Мурзилке» больше не будет: окончание (лучшая часть сказки) выброшено[2].

Я решил завтра приехать на некрасовский разгром. (Если вынесет сердце: я не сплю уже третью ночь.)

Будь милостива — позвони Заславскому[3], Андроникову, попроси их завтра быть на моем чествовании. Все же мне будет легче. И если будет возможность, дозвонись до Фадеева — и попроси его от моего имени придти. Он в Союзе. Хорошо бы, если бы были Зильб<ерштейн> с Макашиным. А может быть, и не хватит у меня сил. Ведь это нарочно подстроено, чтобы вышибить меня из Коми-

тета. Гордость растет у меня не по дням, а по часам. Но — сердце. Но — старость.

Корректуру завтра привезу.

Ваш доброжелатель

[1]Датируется на основе упоминания в письме **234** о дате заседания по Некрасову — 10 октября 1949.

[2]«“Бибигона” оборвали на самом интересном месте, — записывает Чуковский в дневнике. — Главное, покуда зло торжествует, сказка печатается. Но там, где начинается развязка, — ее не дали детям, утаили, лишили детей того нравственного удовлетворения, какое дает им победа добра над злом» (Дн.-2, с. 178).

[3]Давид Иосифович *Заславский* (1880—1965), партийный публицист, сотрудник «Правды», давний знакомый К. И.

236. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Октябрь 1946. Переделкино

Дорогая Лида!

Хочь солдатам чижало,
Между прочим ничаво, —

я ни на один день не прекращаю работы над Некрасовым. Меня очень радует, что все шепоты о злопыхательстве С<амуила> Я<ковлевича> оказались клеветою и ложью. Как твой Герцен? Нужно сказать, что мое предисловие к Некрасову было написано слишком впопыхах. Ты хорошо сделала, что задержала мое письмо к Воробьевой[1], но все же мне хотелось бы получить гонорар и за тексты. Впрочем,

Все на свете пустяки,
Куколки, игрушки.
Гимназисты дураки,
Гимназистки душки.

В Н<екрасов>ский Комитет меня включил покуда один Зильберштейн — по доброте своего ангельского сердца, но увы и т.д.

Ждем Лушу.

У нас был еж. Он умер. Мы похоронили его. А он ушел из могилы через два часа.

Тв<ой>

[1]Ирина Владимировна *Воробьева*, редактор московского Детгиза.

237. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

5 ноября 1948. Кисловодск[1]

Милая Лидочка. Представь себе, что сегодня, 5-го ноября, стоит такая жара, что я вынужден ходить без пиджака. Воздух вкусный, успокоительный, легкий. Летают голуби, сороки, трещат кузнечики. А линия гор — такая мягкая, поразительно кроткая, ласковая. Но я представляю собою яркий контраст всему этому. Не могу найти себе тихого угла. Весь санаторий переполнен. Окна моей комнаты выходили на гараж. Приляжешь днем после ванны — кричат шоферы, стучат молотки, громыхают виллисы, грузовики, мотоциклы. Вчера мне дали новую комнату — еще хуже: она выходит на задворки другого санатория: звякают какие-то шпалы, жужжит автопила, перекликаются шоферы и рабочие — ни секунды отдыха. К утру я убежал и оттуда. Теперь мне дали комнату-погреб, холодную, как гроб, но очень тихую: она выходит на север, и я блаженствую: в ней ни единого звука.

Вот бы поехать тебе в Кисловодск! В декабре он будет прелестен. Народу сравнительно мало. Воздух останется таким же сладким и благостным. Примешь нарзанные ванны, взбодришься. А Малеевка, должно быть, такая тоска.

Здесь Венгров: наянливый, егозливый, хихикающий, извилистый. Все, кто видит его, говорят: фуй, какой противный! Я пытаюсь подавить в себе неприязнь к нему, и это мне иногда удается. Он прочитал мне страниц 60 своего «Николая Островского». Почти никаких образов, герой — отвлеченная схема, но — очень интересно, я слушал с волнением. Будет несомненно хорошая книга, и детям понравится очень. Может быть, эта книга немного улучшит, облагородит автора.

Кланяйся Люшеньке и Тамаре Григорьевне. Здесь Георгий Шторм[2], скучнейший, но очень корректный. Что у тебя с Герценом? С Миклухой[3]?

От мамы никаких писем. Так что я не знаю, чтó делается дóма.

Кончаю это письмо в постели: немного прихворнул. Надеюсь — ненадолго.

Твой Дед
(и всеобщий)

Адрес на конверте: Москва, ул. Горького...

[1]Почтовые штемпели: Кисловодск 6.11.48; Москва 13.11.48.
[2]О *Георгии Шторме* см. примеч. 1 к письму **137**.

[3]Речь идет о двух работах Л. К.: 1) По договору с московским Детгизом она готовила текст «Былого и дум» Герцена для издания в «Школьной серии», писала комментарии и вступительную статью. Из-за возникших разногласий с редакцией книга издана не была. 2) Для Географгиза Л. К. написала очерк «Н. Н. Миклухо-Маклай», который вышел отдельной книжкой в конце 1948 года в серии «Русские путешественники».

238. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После 10 декабря 1949. Москва[1]

Дорогая Лида. Люша чувствует себя неплохо. Завтраки с собою берет. За обедом и ужином проявляет аппетит восхитительный. Недавно я дал ей шуточную пародию Минаева на «Евг<ения> Онегина». Она читала — и так хохотала (взрывами детского смеха), что дрожала люстра. С Женей она (говоря вообще, не вдаваясь в детали) в отношениях хороших; зубрит немецкий и химию *под радио*; съедает горы орехов, вообще бодра и весела.

Меня страшно радует, что ты стала поправляться, и конечно, необходимо тебе продлить свое пребывание в здравнице. Я с удовольствием финансирую это дело, если получу от Детиздата следуемый мне гонорар. Превосходно, что тебе удается там работать, я верю в твою книжку, и так как в 1950 г. юбилей декабристов, то отдельные очерки у тебя несомненно примут журналы[2].

Мои делишки плоховаты (между нами). Здоровье стариковское, голова вялая, хочется отдохнуть, да нельзя, впрягся в проклятую книгу, к<ото>рая не пишется. Не сплю уже которые сутки, кропотливо редактирую XII том[3]. Сдаю однотомник[4].

Но —

Хочь солдатам чижало,
Между прочим ничего.

...Известно ли тебе, что Люша поместила в факультетской стенгазете боевую статью, которая вызвала переполох в университете? Сейчас она готовится... [Текст утрачен]

Мама энергично лечится. Вырвала себе три зуба. Женя увлекается шахматами. Меня продернули в «Литгазете» за мою статью о Слепцове[5]. В статье не найдено никаких криминалов, но как я смел перепечатать статью, написанную в 1934 году? Подумаешь, какое мошенничество! Даже если старая статья хороша — пиши

новую! Очевидно, эта статейка — пролог к дальнейшему зубодробительству.

Кто отдыхает с тобой?
С кем ты водишься?
С кем сидишь за столом?
Много ли написала?

Твой *Дед*

[1]Датируется по упоминанию о статье в «Литгазете», см. примеч. 5 к настоящему письму.

[2]В это время Л. К. отдыхала под Москвой в Малеевке и работала над книгой «Декабристы — исследователи Сибири».

[3]Речь идет о двенадцатом томе Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова, выходившего под общей редакцией В. Евгеньева-Максимова, А. Еголина и К. Чуковского (М.: Гослитиздат, 1948—1953).

[4]Упомянут однотомник: Н. А. Некрасов. Сочинения / Ред. текста и коммент. К. Чуковского. М.: Госиздат, 1950.

[5]В статье В. Померанцева под заглавием «В плену ложных традиций» говорилось о том, что в Гослитиздате выходит «Библиотека русских романов». Однако издательство при подготовке послесловий рассматривает классиков изолированно от нашей советской действительности. «К. Чуковский, — отмечает автор, — просто перепечатал в качестве предисловия к «Трудному времени» свою статью из двухтомного издания сочинений этого писателя, вышедшего в свет еще в 1932—1933 годах! Поправил немного, сократил — и редакция «Библиотеки» напечатала, не задумываясь об интересах читателя, который едва ли намерен перечитывать статьи почти двадцатилетней давности» («Литературная газета», 10 декабря 1949).

239. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После марта 1950. Москва[1]

Дорогая Лида.

Статья — классическая. Тут и поэзия, и страстность, и предельная четкость мысли. Затасканная, казалось бы, тема, а сколько свежести. Изображение восстания и царской расправы — изумительно по рисунку, по краскам. Никогда не перестану жалеть, что не могу обеспечить тебе полную возможность закончить эту работу, не отвлекаясь никакими «Пионерками». Это почище Миклухи и Герцена, хотя здесь есть и Миклуха, и Герцен. На полях я отметил кое-какие недоумения и придирки, которые микроскопические[2].

Прадед

[1]Датируется по содержанию. Подпись «Прадед» могла появиться только после рождения старшей правнучки К. И. — Маши, в марте 1950 года.

[2]По-видимому, речь идет о «Введении» в книгу «Декабристы, исследователи Сибири». — *Примеч. Л. Чуковской.*

240. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Сентябрь 1950. Переделкино[1]

Дорогая Лидочка.

Вот мои докучные дела. В Детгизе у Эсфири Михайловны Эмден выходят мои «Загадки»[2]. Нужно, чтобы мне прислали корректуру. Непременно! У меня нет ее телефона, но тебе скажет ее телефон Анна Семеновна (Б.8.08.03).

От отчаяния и безденежья я предложил Бюро пропаганды литературы (Д.2.22.04) ряд лекций о Репине. Но в последнее время мне так нездоровится, что я могу вынести пять лекций, не больше. Лучше бы поменьше. Бессонница, переутомление, сердце. Позвони им, пожалуйста, чтобы они не размахивались.

У меня все это время не было денег, чтобы послать Маэль*. Если у тебя есть 100 р., пошли ей от меня, мы сочтемся сейчас же[3].

Я часто читаю и перечитываю «Стихи последних лет»[4]. Мне очень по душе стихи про ручеек, про библиотеку, про трамвай, «Каюсь: я уже чужой судьбою», «И маленький глоток свободы на ночь» — особенно последнее (я читаю его чаще всего). Всюду предельный лаконизм, энергия и свежесть выражения, великолепная смелость метафор — и *осердеченность каждого образа.* Все это произведения большого поэта. (Иногда смелость переходит в вычурность: «А клен, наверное, закату брат» и т.д. и еще в двух-трех случаях; чаще же всего и вычурность художественно убедительна.)

Изо всех подарков, какие я когда-либо получал ко дню рождения, этот мне дороже всего. Вот уже сентябрь, а я все еще радуюсь этому подарку — и завидую поэту, который *может* находить для своих чувств *такие* слова.

Дед

---

*Воображаю, как ей нужны деньги.

[1]Датируется по содержанию — месяц сентябрь указан в письме, год — см. примеч. 2 и 4.

[2]«Загадки» с рисунками В. Конашевича вышли в Детгизе в 1951 году.

[3]*Маэль* Исаевна *Фейнберг* (1925—1994), жена пушкиниста И. Л. Фейнберга, помощница К. И.

[4]Речь идет о самодельном сборнике стихов Л. Чуковской, который она подарила отцу в день его рождения. На титуле рукою Л. К.: «Стихи последних лет. Издание автора. 1950».

241. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Начало марта 1951. Малеевка

Дорогая Лида.

Я приехал сюда с гриппом, а здесь простудился еще пуще. Здесь мне очень худо. Третий день лежу: банки, грелки, сульфатиазол. А работы много — без конца. Минна Як<овлевна>[1] безграмотна, как лошадь, хотя и считается старшим редактором, правлю ее глупейшие грам<матические> ошибки. Бессонница. Никого не вижу. Только Фриду и Ник<олая>Павловича[2]. Комната у меня хорошая, но жаркая. Открою форточку — и вновь простужаюсь. Остается одно — помирать.<...>

Дневник Фриды о ее девочках гениален[3].

Скажи милой Маэль, что я не мог не уехать, но, чуть встану на ноги, приеду — и мы вплотную займемся XI томом. Жить здесь я не стану. <...>

[1]*Минна Яковлевна* — Блинчевская, редактор Гослитиздата.

[2]*Фрида* — Фрида Абрамовна *Вигдорова* (1915—1965), педагог, журналистка, писательница. Л. К. познакомилась и подружилась с ней еще в эвакуации, в Ташкенте. Позднее, уже в Москве, подружился с нею и К. И. *Николай Павлович* — Анциферов (1889 —1958), преподаватель Тенишевского училища, историк литературы, автор книги «Душа Петербурга».

[3]«Девочки» — материнский дневник Ф. Вигдоровой о своих маленьких дочках.

242. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Середина апреля 1951. Москва

Милый друг — давно не имел о тебе весточки.

Рапортую о Люше: здорова, весела, хорошо высыпается, сшила себе новое платье, обладает (правда, минимальным) досугом.

Рапортую о себе: корплю над статейкой о Гоголе, которую должен сдать 19-го, но которую дай бог закончить к 30-му[1]. *Очень*

поправился (душевно), ко мне вернулась веселость, иногда сплю без снотворного, много читаю. Недавно даже выступал по радио, где у меня украли шарф.

Женя присмирел, но при разговоре о мальчике, которому Ты по его просьбе дала книгу, глядит мне прямо в глаза и уверяет, что забыл его имя[2].

Кто твои сожители в Малеевке? С кем ты водишься?[3] Пишешь что — кроме статьи Зильберштейна.

Твое письмо от 3-го пришло только сейчас. Учти!

Чуть потеплеет, я попытаюсь приехать к тебе. Кланяется тебе Вит<алий> К<онстантинович> Тренев[4].

Целую

Твой дед

Адрес на конверте: Руза. Санаторий им. Серафимовича

[1]Речь идет о главе в книге «Мастерство Некрасова» — «Гоголь и Некрасов». Глава эта была опубликована сначала в журнале «Знамя» (1952, № 2) и в том же году под тем же названием выпущена отдельной книжкой.

[2]Женя без спроса взял у меня однотомник Пушкина с надписью Матвея Петровича, не вернул его и врал мне и Деду на разные лады. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]Еще пока К. И. был в Малеевке, туда приехала Л. К. и осталась там на месяц после его отъезда.

[4]Виталий Константинович *Тренев* (1908—1953), писатель, сын К. А. Тренева, сосед Чуковских по Переделкину.

243. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

16 апреля 1951. Москва

16/ IV 1951

Дорогая Лидочка. Моя — поистине трагическая — неудачливость продолжается. Мало-помалу я пришел к убеждению, что книгу о Некрасове печатать *нельзя*. Это полный крах — и на этот раз окончательный. Итак: 1) «Одолеем Бармалея», 2) «Бибигон», 3) книга о Чехове, 4) «Некрасов». С этим ничего не поделаешь, никто в этом не виноват, и в 70 лет я имею право на духовную смерть.

Мне не хотелось огорчать тебя этой моей печалью, но ведь, кроме тебя, не с кем и поделиться ею, а я, как ты знаешь, человек без друзей. Это (то есть отсутствие друзей) было трудно, но терпимо, но сейчас уже невмоготу. Не сердись же — и не слишком смущайся этой, в сущности обыкновенной, историей. Неудач-

ничество мое вполне закономерно. Обвинять некого. Болезнь мамы? Душевное одиночество? Необходимость зарабатывать деньги побочным путем? Все это сильный человек должен преодолевать, я же оказался до известной степени слякотью.

Еще два месяца назад я мог поправить все. Но — заболел. И притом заболел очень тяжко, по-стариковски. Наталья Александровна[1] отличная помощница, но она — против своей воли — сыграла здесь очень горькую роль: отнеслась к моим главам с суровой насмешливостью, разрушила во мне последние остатки веры в себя. Она по-молодому фыркала над моими потугами, и, кроме того, она полна предрассудков университетской выучки — она требовала, чтобы статьи мои были наукообразными, построенными иначе (по типу диссертаций), и в этом смысле тянула меня на ложную (по-моему) дорогу. Я не писал бы тебе этого, но узнал, что она собирается к тебе во вторник, и хочу, чтобы ты знала все от меня. Она же порекомендовала мне рецензентку (для главы о фольклоре), которая окончательно доказала мне, что я идиот и бездарность.

С Н<аталией> А<лександровной> как с секретарем я расстался, хотя и сохранил к ней искреннее расположение: это человек благородный и талантливый.

Мама уезжает в Узкое 18-го. За последние 2 недели у нас не было ни одного столкновения, ни одного слова неприязни или досады. Но спит она (как и я) только с наркотиками и теряет в весе — буквально на глазах.

Встает, конечно, вопрос о деньгах. Ведь проклятая книга — в ней были все мои надежды на заработок. Заработок крупный и спасительный. Теперь я опять у разбитого корыта. «Одолеем Бармалея» окончательно разорил меня. «Бибигон» заставил меня распродать по дешевке хранившиеся у меня некрасовские рукописи. «Книга о Чехове» довела меня до того, что я в 65 лет должен был читать по клубам лекции. Сейчас после сегодняшней статьи в «Правде» о детской л<итерату>ре надежды на Детгиз — отпадают[2].

Н<аталия> А<лександровна> предлагает, чтобы я навалил на тебя свою книгу. Это так жестоко по отношению к тебе, что нечего и думать об этом. Мне *страстно* хочется, чтобы ты отдохнула и была бы в Малеевке возможно дольше.<...>

Я собираюсь в Переделкино.

Дед

[1] *Наталья Александровна* — Роскина (1928—1989), помощница К. И., сотрудница «Литературного наследства». В 1980 году в издательстве «ИМКА-Пресс» вышли

воспоминания Н. А. Роскиной об Н. Заболоцком, Вас. Гроссмане, Н. Я. Берковском и Анне Ахматовой («Четыре главы из литературных воспоминаний»). В РГАЛИ (ф. 3120, оп. 1, ед. хр. 2) находятся ее воспоминания «Чуковские», где она пишет о знакомстве с Лидией Корнеевной и о работе у Корнея Ивановича.

[2]*...статья в «Правде»...* — «Детям — хорошие книги» М. Белаховой. — *Примеч. Л. Чуковской.*

...надежды на Детгиз — отпадают. — В этой руководящей статье, большом подвале в «Правде» (16 апреля 1951), посвященном задачам Детгиза и изданиям книг для малышей, имя Чуковского даже не упомянуто. В эти годы его сказки не переиздавались и он был полностью изгнан из детской литературы.

244. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец апреля 1951. Москва

Дорогая Лидочка.

Только теперь я могу ответить на твое милое письмо. Мне не хочется никого обвинять: виноват во всем я сам. Конечно, если бы до́ма была другая атмосфера да не пришлось бы зарабатывать деньги побочным трудом, книга моя оказалась бы несколько лучше. Но главное, конечно, не в этом. Главное: старость, умственная немощь, неумение мыслить широкими планами, которые нужны для этой книги. Коля пишет мне: «Не слушайся дур». Я вообще никогда никого не слушался, ни дур, ни умных, иначе я не написал бы даже «Крокодила». Я знаю одного судью, и этот судья — я сам.

Но довольно об этой скучной материи. <...>

Видел Узина[1]. Он говорит, что твоя книга *почти* вся отпечатана, выйдет в мае.

Видел Макашина и Зильберштейна. У Макашина читал необыкновенно интересные письма Герцена и Огарева. Они — Зильбер<штейн> и Макашин — мечтают о том, чтобы ты впряглась в их работу для Литнаследства!

Хочется верить, что тебе хорошо отдыхается. Привет Коле[2].

Скоро мы с ним увидимся.

Что Мария Алексеевна[3]? Кланяйся ей!

Твой Дед

Адрес на конверте: Ст. Руза. Санаторий им. Серафимовича

[1]С. В. *Узин*, издательский редактор книги Л. Чуковской «Декабристы — исследователи Сибири» (М.: Гос. изд-во географической литературы,1951).

[2]*Коля* — Николай Чуковский, который отдыхал в Малеевке одновременно с Л. К.
[3]*Мария Алексеевна* — медицинская сестра в санатории «Малеевка».

245. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Июль—август 1951. Переделкино

Дорогая Лидочка.

<...>Не пишешь ли ты стихов? Очень хотелось бы прочитать и послушать. Что Георгиевская? Встретила ли ее книга рифы и тайные мели — или входит в гавань Детиздата победно, на всех парусах? То, что мне удалось прочитать, обаятельно[1]. Не пришлешь ли книжечку Шкловского[2]? Есть у тебя деньги на ежедневный прожиток? Несмотря на все свои хвори, я чувствую себя бодро и весело: почти ежедневно встречаюсь с Леоновым, Кавериным, Штоком, Ираклием[3], Фединым, и в этом многолюдстве мне сильно полегчало. Вчера целый день звонил тебе — тщетно.

Любящий тебя Дед

[1]Л. К. подружилась с писательницей Сусанной Михайловной *Георгиевской* (1916—1974), чьи книги издавались в Детгизе. В 1949 году вышло «Бабушкино море», а в 1951 году Георгиевская работала над книгой «Отрочество».

[2]*...книжечка Шкловского* — Виктор Шкловский. О мастерах старинных. М.; Л.: Детгиз, 1951.

[3]*Ираклий* — И. Л. Андроников, о нем см. письмо **132**, примеч. 6.

246. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Август 1951. Переделкино

Лидочка!

<...>Я прочитал рецензию Шкловского (нашел у тебя на столе)[1].

Самое худшее в ней — это ее *видимая* убедительность. Человек непонимающий (напр<имер>, редактор из Детгиза) может подумать, что и в самом деле Шк<ловский> пишет с натуры, и не подозревая, что в его рецензии все *фантастично*. Самое горькое (для характеристики Шк<ловского>) — это развязное высокомерие, с кот<орым> он пишет о молодом (и более даровитом) товарище. А эти уроки, которые преподает Г<еоргиев>ской, эти

рецепты — как уверенно и авторитетно они сформулированы, словно он сам имеет у себя за спиной огромные писательские победы, будто он написал «Мадам Бовари» или «Капитанскую дочку». И что за странный человек. Всякий раз, когда я хочу полюбить или пожалеть его, он отшибает от себя очередным негодяйством.

Люша цветет. Неразлучна с Наташей Кассиль[2], и вообще вокруг нее целая стая молодежи. Вечерами и собираются, и хохочут подряд часа три-четыре: лучший отдых.

Со стороны Жени никаких агрессий — и я, конечно, подчиняюсь необходимости, но мне жаль, что придется ей не доотдохнуть, ложиться под нож.

Спасибо за стихи. Первое — чудесно монолитное, богатое находками, свежее. Второе — беднее, хотя «Своих тихонько призывая» очень многозначительно[3].

Целую тебя

Дед

[1]Вероятно, речь идет о внутренней неопубликованной рецензии В. Шкловского на книгу С. Георгиевской.

[2]*Наташа Кассиль* — племянница Льва Кассиля, дочь его расстрелянного брата Оси. Летом она обычно гостила на даче Льва Кассиля в Переделкине.

[3]Речь идет о стихах Лидии Чуковской. Второе стихотворение «И не в тюрьме, и не в больнице» см.: Соч.-2. Т. 2, с. 328.

247. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

29 ноября 1952. Москва[1]

Милая Лидочка, у меня 4 радости, одна из которых — твое письмо. Оказывается, что здоровье у тебя богатырское и что губят тебя только условия твоего бытия. Сейчас, после того как выпал снег, в Малеевке стало еще лучше. Ты чудесно делаешь, оставаясь там до 20-го. (А может быть, и дольше? Имей в виду, что в Суханове тебя *ждут*.)

2-я моя радость: маме стало лучше. Приехала она в Узкое изможденная многомесячной бессонницей, аритмией сердца и т.д. Речь ее становилась невнятной, настроение — ужасным, отчаянным[2]. В Узком [она] целый месяц провела в постели на дигиталисе. Ни аппетита, ни сна. Я выхлопотал ей продление на две недели — и она встала с постели, много гуляет, много читает, речь

яснее, настроение умиротворенное, радостное. Я не видал ее такою уже года 4.

Третья радость — Марина ценой героических усилий достала для Люши отличную материю на пальто. Синюю, пушистую. Так что на каникулы у Люши будет новая шубка.

Четвертая радость. Я читал Маршаку, с к<ото>рым жил в Узком, большие куски своей книги[3], и он — человек гениального вкуса — одобрил их без всяких оговорок. Даже по поводу Предисловия высказался, как нынче говорят, положительно.

Но есть у меня и печали. 1-я: как сделать, чтобы ты не только в Малеевке, но и в Москве жила сносно? В Москве тебе будет легче несомненно, так как мы будем в основном жить в Переделкине, — но все же как сделать твою московскую жизнь менее тягостной? (Напиши мне об этом.) <...> Самое же большое мое горе-злосчастье: загруженность работой. Я сейчас редактирую Юбилейный трехтомник Некрасова для Гослита, заканчиваю XII том, пишу статьи о Н<екрасо>ве в «Литгазету», в «Новый мир», в «Октябрь», готовлю доклад для Академии наук (по текстологии Некрасова), правлю свои переводы из Уитмена (для нового издания) и свой перевод «Принца и нищего», а в театре Ермоловой идет мой перевод «Тщетных усилий любви»[4], и у меня нет времени даже посмотреть репетицию. По поводу моей книги: в ней есть неплохие места, но вся в общем она — сырая, недоделанная, так как все свои силы я отдал проклятому 12-[му] тому. 4-я печаль — безденежье. Как это ни смешно, денег нет ниоткуда, и у меня кризис — уже 2-й месяц. Никто ничего не платит. Все платежи впереди.

Люша — прелесть. В доме полный мир. Женя явно выравнивается. Сегодня посылаю Фриду в Литфонд оплатить твою путевку.

Твой Дед, целующий тебя от души

Адрес на конверте: Московская область, п/о Старая Руза. Дом писателей

[1]Почтовые штемпели: Москва 29.11.52; Старая Руза Моск. обл. 7.12.52

[2]У М. Б. Чуковской произошел второй удар, после которого у нее отнялась речь и наступил паралич правой руки.

[3]Речь идет о рукописи «Мастерства Некрасова».

[4]Этот перевод см.: В. Шекспир. Бесплодные усилия любви: Комедия / Пер. в стихах К. Чуковского. М.: Всесоюз. Упр. по охране авт. прав, 1945. Свой перевод К. И. подверг остроумной и беспощадной критике в статье под тем же названием «Бесплодные усилия любви» (Собр. соч. Т. 3).

Надпись на книге:

Корней Чуковский. Мастерство Некрасова. М.: Гослитиздат, 1952:

В насмешливом и дерзком нашем веке
Великое святое слово *Дочь*[1].

К. Ч.
Февраль 1953

[1]Для этой надписи К.И. взял строки из поэмы Некрасова «Мать», заменив в них одно слово — другим. Приводим подлинный текст:

В насмешливом и дерзком нашем веке
Великое, святое слово: *мать*.

248. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Июль—август 1953. Переделкино

Дорогая Лида! По поводу «Огонька». В будущем году «Огонек» намерен дать «Полное собр<ание> стихотв<орений> Некрасова». Меня попросили составить для них план издания. Я составил и послал. По моим вычислениям выходит, что все издание уложится в три тома (90 листов). Каковы должны быть сроки, я не знаю. Договора со мною еще не заключили. Через неделю это дело выяснится. Во всяком случае, если я возьмусь за это издание, то *не раньше, чем через 1 $^{1}/_{2}$ месяца.* До той поры буду занят.

В чем должны быть функции предполагаемого коллектива? *Первая*: ведаться с издательством. (В крайнем случае посредником может быть мой секретарь.) *Вторая*: держать специальную, ответственнейшую корректуру текста. (Сверяя с последними прижизненными изданиями, с изданием Гослита и т.д.) *Третья* и самая трудная (которую могла бы выполнить ты лишь одна): сопоставить несколько написанных мною вступительных статей (для разных изданий) — и составить из них одну; перечитать в ряде изданий мои комментарии и взять отовсюду лучшее. Больше ничего. Мое общее руководство останется, но только общее.

249. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Июль 1953. Москва[1]

Дорогая Лида!

Мне *до зарезу* нужно быть в квартире. Ради этого я приехал. Очень жалею, что не повидался с тобой.

Дела такие:

1. Я обещал Ел<изавете> Гр<игорьевне> Гуревич[2] 1500 р. Достал их для нее. Привез. Ради бога, скажи ей об этом. Хотел оставить их у тебя. Если она может, пусть приедет за ними. А если нет, скажи ей: я пришлю.

2. Как тебе показалось мое о Житкове[3]? Я писал больной — я не перечитывал, ожидая твоего суда. Если *очень* дрянно, уничтожу.

3. Прочитал Огаревско-Герценовский том[4]. Поразительное совершенство редакционной работы. Потрясли меня многие стихи Огарева — некоторые великолепной, чисто пушкинской формой («Развратные мысли»), некоторые лирической осердеченностью («Настоящее и Думы», «Мой русский стих» и др.) — а все вместе гениальным благородством пусть и негромкого голоса. Честь и слава Черняку, давшему такой любовный, такой проникновенный комментарий. О Николае Павл<овиче> Анциферове и говорить нечего. Его «Письма к Рейхель» — вершина текстологического мастерства.

Том наполнен Натальями[5]. И конечно, я не мог не думать все время о нашей Н. А., которой, пожалуйста, передай мой сердечный привет. Если бы не проклятая хворь, я непременно повидался бы с ней — очень, очень соскучился.

Письмо это изорви. Оно только для тебя. Моя болезнь вещь неинтересная, как все болезни, но, к сожалению, реальная.

Твой Дед

Тата будет у нас жить. Люше привет.

[1]Датируется по упоминанию «Тата будет у нас жить». Старшая внучка К. И. со своей дочерью Машей жила в Переделкине с середины июля 1953 года.

[2]Елизавета Григорьевна Веллер-*Гуревич* (ок. 1896 — ок. 1971), жена расстрелянного в годы ежовщины Александра Иосифовича *Гуревича* (1896—1937), заместителя Орджоникидзе по Наркомтяжпрому и начальника ГУМПА (Главного управления металлургической промышленности СССР). После приговора мужу Елизавета Григорьевна, как все жены расстрелянных, была выслана в лагерь, а после лагеря — в ссылку. С семьей Гуревичей К. И. познакомился и подружился в 1930 году в Кисловодске. «В 1937 году нас обоих забрали, — вспоминает Елизавета Григорьевна в письме к Л. К. от 27 апреля 1970 года. — От дочки (9-ти лет) отвернулись все (родственники, друзья,

жившие у нас годами, знакомые и пр.). Не отвернулся лишь Корней Иванович. Разыскал Валюшу. В 1939—40 г. ходил с нею в Прокуратуру. В 1940 г. ходил один в ЦК... Писал мне в лагерь, обнадеживал...» (Архив Л. К. Чуковской).

[3]Воспоминания К. И. о Борисе *Житкове* сначала были опубликованы в журнале «Пионер» (1954, № 3), а затем вошли в детгизовский сборник «Жизнь и творчество Б. С. Житкова» (М., 1955).

[4]Речь идет о первой книге 61-го тома «Литературного наследства» (М., 1953), в редактировании которого участвовала и Л. К. Чуковская.

[5]Намек на Наталью Александровну Герцен, Наталью Алексеевну Тучкову-Огареву и Наталью Александровну Роскину, которая работала в «Литературном наследстве».

250. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

30 октября 1953. Переделкино[1]

Дорогая Лида!

Посылаю Комментарии к 1 тому «Огонька» и три тома Некрасова. Сделай милость, посмотри.

В субботу (завтра) я хотел бы сдать.

Маме совсем худо.

Дед

[1]Датируется по записи в дневнике Л. К.: «*30/X. 1953.* К. И. прислал мне примеч<ания> к Н<екрасо>ву, кот<орые>, конечно, я должна “посмотреть” в один вечер».

251. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После 17 ноября 1953. Переделкино[1]

Лидочка. Я достал подпись Федина. Будь добра, позвони Елене Яковлевне[2] и передай ей прилагаемое при сем письмо. Н. С. Тихонова я не застал.

Здесь, на даче, я работаю над «Доктором Айболитом», Уитмэном,«Житковым». Завтра принимаюсь за Некрасова. Если у тебя что готово, вручи Кл<аре> Изр<аилев>не[3]. А если нет, сговоримся по телефону, и я приеду. Привет Люше!

Твой *Дед*

[1]Датируется по записи в дневнике Л. К.: «*17/X.* Приезжал Киселев. Он хлопочет, чтобы его восстановили в адвокатуре: его отовсюду 2 года назад выгнали. Он был у меня дважды, ездил к К. И. в Переделкино — К. И. напишет письмо и обе-

щал добыть подписи Федина и Тихонова. Старость почти не коснулась его: ловко сидит костюм, строен, прилично сед, только лицо обложилось жиром и на руках видны вены... Рассказывал много интересного и умного» (Архив Л. К. Чуковской).

[2]*Елена Яковлевна* — Ильина-Прейс, сестра С. Я. Маршака. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]*Клара Израилевна* — Лозовская (р. 1924), секретарь К. И. Чуковского.

252. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Середина ноября 1953. Переделкино[1]

Милая Лида! Черт меня дернул захворать так несвоевременно, ничего серьезного нет: насморк, тяжелая голова, небольшой радикулит, 37^0 (чаще 36.9), слабость. Работаю я непрерывно. «Огонек» вернул мне рукопись «Комментариев», и так как Кл<ара> Изр<аилевна> опять обманула меня, не пришла, уже вторые сутки корплю над приведением «Ком<ментар>иев» в порядок. «Поправки» мелкие и близкие к идиотизму.

Меня очень волнует мамино здоровье.<...>

Я так и не дозвонился до Тамары Григорьевны. Мне хотелось убедить ее написать Су<рко>ву письмо. Письмо представлялось мне приблизительно в таком виде:

Дорогой А<лексей> А<лександрович>.

Мои товарищи... говорившие с Вами по поводу предоставления мне жилплощади, сообщили мне, что Вы очень внимательно и сердечно отнеслись к моей просьбе. Искренне благодарю Вас за это. Положение мое действительно катастрофично. Тяжелее всего в таком положении — неопределенность. Между тем никто из моих друзей не мог добиться в ССП конкретных сведений, какую же квартиру (очищающуюся) после декабрьского переселения писателей Союз намерен предоставить мне. И т.д.

Слог письма корявый, но содержание именно такое, какое необходимо в настоящую минуту. Проси Т<амару> Г<ригорьевну> исправить слог, проредактировать письмо и отправить его Суркову *сейчас.* Иначе ничего не выйдет[2].

Ну, вот и все! <...>

Дед

[1]Датируется по записям в дневнике Л. К.: М. Б. в Москве, а К. И. в Переделкине.

[2]Хлопоты К. И. о квартире для Т. Г. Габбе перед Союзом писателей, в лице Суркова, успехом не увенчались. Алексей Александрович *Сурков* (1899—1983), поэт

и общественный деятель, в то время первый секретарь Правления Союза писателей. Вот что вспоминает о хлопотах Л. К.:

«Я рассказала Анне Андреевне (Ахматовой. — *Сост.*), как Корней Иванович ходил когда-то к Суркову просить, чтобы Союз предоставил квартиру Тамаре Григорьевне, она жила тогда со своими стариками... в двух крошечных... комнатушках большой коммунальной квартиры с полуразрушенной лестницей. Теснота была в обеих комнатушках немыслимая... Не только стряпали и стирали — мылись в общей коммунальной кухне, потому что ванной не было. И вот что примечательно: не успел Корней Иванович рта открыть... как Сурков все перечислил сам: и все Тусины заслуги, и все Тусины беды — с сочувствием и возмущением. А потом не сделал *ничего*... Тамаре Григорьевне Союз не только не предоставил квартиру, но почему-то в течение долгого времени не разрешал даже вступить в кооператив, то есть купить квартиру на собственные деньги». («Записки». Т. 2, с. 549).

253. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Ноябрь—декабрь 1953. Переделкино[1]

Это я пишу тебе в постели: заболел. <...> Дважды прочел твой «Экзамен»[2]. Отлично написано. Цитаты из его писем превосходно отобраны[3]. Только я не начинал бы с музыки, о которой ты все равно потом забываешь. Я начал бы с третьей страницы, где он говорит о «самом главном». А первое из приведенных писем перенес бы туда, где ты говоришь, что он исходил весь юг. И подал бы это письмо как свидетельство его тяготения к псковитянам, новгородцам, орловцам. О музыке слишком много и как-то ни к чему. В общем же прелестная статья. На полях я отметил микроскопические мелочи.

У меня, должно быть, воспаление легких.

Бедный Коля! В «Знамени» ему перешибли дорогу Леонов и Панферов, и его роман повис в воздухе — после трех лет анафемски трудной работы. Эту сволочность «Знамени» я переживаю как личное горе[4].

Ни доктора, ни лекарств, ни душевного уюта, ни сна.

Был у меня милый Арнштам. Бродя с ним по Переделкину, я вконец простудился и, чуть он ушел, ощутил свою хворь.

[1]Отрывок. Начала нет. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[2]*«Экзамен»* — название воспоминаний Лидии Чуковской о Борисе Житкове, написанных для сборника «Жизнь и творчество Б. С. Житкова» (М., 1955).

[3]В воспоминаниях цитируются письма Б. Житкова к Л. Чуковской.

[4]Речь идет о романе Н. Чуковского «Балтийское небо», который был опубликован в 1954 году в журнале «Знамя» № 6—9.

254. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После 28 декабря 1953 г. Переделкино[1]

Лидочка. Прочти это письмо (на обороте) — еще один лавр в твой победный венок[2]. Я говорил с Д<ементье>вым о Шурочке. Статья будет заказана (не Нечаеву[3]). Я воспел «Калевале» громкий дифирамб. — Дементьев[4] умоляет тебя дать в «Новый Мир» *развернутую* статью о детской литературе. «Вся редакция, — говорит он, — прочла ее с восторгом».

Дед

[1]Письмо К. И. написано на обороте письма к нему Б. Бухштаба от 28 декабря 1953 года.

[2]Б. Бухштаб пишет К.Чуковскому о статье Лидии Чуковской «О чувстве жизненной правды», только что опубликованной в «Литературной газете» (24 декабря 1953): «Передайте, пожалуйста, мое поздравление Лидии Корнеевне, — не только с Новым годом, но и с прекрасной статьей в «Литературной газете». Не одного меня она порадовала своей смелостью, прямотой, остроумием и горячим чувством. На фоне многих статей, авторы которых только симулируют борьбу с лакировкой, статья Лидии Корнеевны естественно привлекла большое и сочувственное внимание читателей» (Письмо от 28 декабря 1953 года. Архив Л. К.Чуковской).

[3]Александр Николаевич *Нечаев* (1902—1986), фольклорист, с 1932 года собирал и исследовал фольклор Беломорья, опубликовал «Сказки Карельского Беломорья».

«Калевала» — карело-финский эпос, который только что вышел в пересказе А. И. Любарской.

[4]Александр Григорьевич *Дементьев* (1904—1986), в это время занимал пост заместителя главного редактора журнала «Новый мир».

255. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Около 10 марта 1954. Переделкино[1]

Дорогая Лида. На днях у Всеволода Иванова видел Анну Андреевну — впервые после ее катастрофы. Хотя она, как всегда, много смеялась и говорила обо всяких житейских бытовых мелочах, но торжественное, благоговейное чувство, которое я привык испытывать в ее присутствии с 1912 года (выходит, что мы познакомились с нею сорок два года назад), и теперь не покинуло меня. Она нисколько не заботится о том, чтобы производить впечатление величавости — напротив! — охотно злословит и шутит, но ее маестатность остается ненарушенной. Очень смешно расска-

зывала о Жене Шварце. Когда она сообщила ему, что не бывает в театре, Женя сказал: «Да, от Вашей организации бывает один только Зощенко». Читала свои китайские переводы. Ни Федину, ни Всеволоду не понравились, а мне они показались прекрасными, — такой благородный и прозрачный язык. Женя уже вышел из больницы[2]. Много работает над уроками. Люша специально приходит к Марине рано утром, чтобы помочь ему по алгебре. Занимается Люша зверски — до позднего вечера. Как ей живется, не знаю. В воскресенье ее не было у нас. Улучшились ли твои дела с глазами? Очень ли шумят в коридоре? Хороши ли врачи? Что они говорят о перспективах твоего выздоровления? Удастся ли тебе выхлопотать продление путевки? С кем ты там встречаешься? Был ли у тебя Ваня Халтурин? (Он был у меня, собирался к тебе.)

Сегодня, в воскресенье, по телевизору мы смотрели постановку Образцова «Кошкин дом» Маршака. Чудесный, гениально поставленный спектакль, а какие дивные стихи — упругие, с большой мускулатурой. Даже рифмы — такие свежие, молодые, незатасканные, радуют всякий раз как счастливые находки. И сколько вкуса, сколько остроумия. Вещь сработана на тысячу лет.

Читала ли ты — или читали тебе — в третьей книге «Нового Мира» дальнейшую «Даль» Твардовского. По-моему, она не хуже предыдущей.

Я корплю на<д> своим бедным «Мастерством». Потребуется не меньше тысячи больших и малых поправок, чтобы эта книга хоть отчасти понравилась мне.

Маме было худо. Острый грипп. Она задыхалась. Сейчас лучше. В городе я хотел пожить недели полторы, но так как маме город запрещен категорически, я ретировался в Переделкино.

Голосовала ли ты?

Еще раз: что говорят врачи?

Твой Дед

Адрес на конверте: Ярославская ж. д., станция Болшево. Санаторий «Сосновый бор», корпус 3, к. 11

[1] Почтовый штемпель получения 13.3.54.

[2] ...*Женя уже вышел из больницы.* — Речь идет о Жене Чуковском, который с начала февраля по начало марта находился на исследовании в детской клинике.

256. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 апреля 1954. Москва

Деду в честь

4/IV 54 г.

Хоть кровообращение
Нарушено в мозгу —
Но дедов день рождения
Забыть я не могу.

И головокружение
Не помешает, нет —
Плясать от восхищения,
Что народился дед.

Врачей освобождение,
Природы пробуждение
И дедово рождение —

Прекрасен белый свет!

Л.

257. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Последняя декада июня 1954. Переделкино

Дорогая Лидочка. Я заболел очень некстати. Даже как-то невежливо вышло. Не то что отвечать на письма, но даже читать их не мог. Несколько дней t^0 была 37,8. И только в последние 2—3 дня снизилась до 37,1. А по утрам 35^0.

Сейчас утро. Попытался впервые подойти к письменному столу и первое письмо пишу тебе.

Федин еще не вернулся. По крайней мере, таковы мои вчерашние сведения. Он в Карлсбаде. Чуть вернется, я попрошу его придти ко мне, и мы напишем нужную бумажку Суркову.

Теперь о Твоей статье. Я прочитал ее дважды, и лучшим эпиграфом для нее кажется мне такой:

Конечно, ум дает права на глупость,
Но лучше сим не злоупотреблять[1].

Статья отличная, но чем она лучше, тем она бесцельнее, бессмысленнее. Ты пришла в публичный дом и чудесно, красноречиво, убедительно доказываешь девкам, как хорошо быть благородными девицами и не продаваться солдатне по полтиннику. Девки только захохочут визгливо — и запустят в тебя кто туфлей, кто рюмкой. А хозяйка публичного дома прикажет спустить тебя с лестницы. И прежде были такие *неуместные* проповедники, они шли в тюрьмы к бандитам и дарили им молитвенники с бантиками или иконки Варвары-великомученицы — и всегда это были патетически-смешные фигуры; а в салонах про них говорили, что они — «трогательные».

Ты приходишь к растленным писакам и заклинаешь их Чеховым быть благородными. Это «трогательно», потому что безумно.

Не сердись на меня за резкость. Ты знаешь, как я люблю тебя и твое. И мне больно, что такие громадные силы тратятся на такие бесцельности. Больно, что ты своим золотым пером выводишь эти плюгавые имена и фамилии, больно, что ты тратила время на изучение их скудоумной продукции.

Я думал, что своей последней статьей в «Литгазете» ты ушла из этого вредного цеха*, а ты снова идешь на рожон[2].

В эти дни, когда я *буквально* был при смерти, я много думал о тебе по-стариковски, прощально, и надеюсь, что хотя бы поэтому ты простишь мне мою отцовскую правду.

Через три-четыре месяца будут отмечать 50-летие 1905 года. Не заняться ли тебе этой эпохой? Например, журналами вроде «Сигнала», «Пулемета» и пр. Сделать хрестоматию из литературы тех лет? Написать очерк, а впоследствии книжку? Я дал бы тебе кое-какой материал.

Нашла свою сберкнижку?

Ах, как хотелось бы мне показать тебе, Фридочке и Там<аре> Гр<игорьевне> новую версию своей книжки «От двух до пяти». Кланяйся им. От Фриды так и не получено обещанной книги[3].

Твой дед — полуживой

---

*Ушла очень умно, победоносно.

[1]Строки из стихотворения Владимира Соловьева «Три свидания».

[2]В качестве критика детской литературы Лидия Чуковская опубликовала несколько статей в «Литературной газете». Речь идет о ее статье «Гнилой зуб» с раз-

бором произведений В. Осеевой и А. Алексина. Статья была напечатана 24 декабря 1953 года под заглавием, данным редакцией: «О чувстве жизненной правды». Публикация вызвала споры и возражения. 29 мая 1954 года газета поместила статью Сергея Михалкова, Николая Томана и Юрия Яковлева «По поводу критики: в порядке обсуждения». Авторы писали: «Прочитаешь статью Л. Чуковской — и покажется, что жизненная правда состоит в изображении лишь теневых сторон жизни». Отстаивая свою точку зрения, Лидия Чуковская возразила им в новой статье «Истина рождается в спорах». Статья была опубликована в «Литературной газете» 19 июня 1954 года, причем редакция вновь заменила название. Сделали: «Во имя главной цели». Вот об этой-то последней статье и пишет Корней Иванович.

[3]Вероятно, речь идет о книге Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь», вышедшей в 1954 году.

258. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 декабря 1954. Москва[1]

Обожаемая Лидия Корнеевна.

Звонили из «Нового мира» — просили Тебя написать рецензию о книге «Ленинградские детские писатели» [2]. Дай, пожалуйста, «Новому миру» ответ по телефону.

О твоей путевке говорил с Рудянским [нрзб.]

Он обещал.

Дед

[1]Письмо написано на обороте письма Ф. А. Вигдоровой к Л. К. от 22—23.12.54. Почтовый штемпель отправления: 24.12. Москва.

[2] Речь идет о сборнике литературно-критических статей и публикаций «Ленинградские писатели — детям» (М.; Л., Детгиз, 1954). Рецензия Лидии Чуковской на этот сборник — «Зеркало, которое не отражает: Заметки о языке критических статей» была напечатана в седьмом номере «Нового мира» за 1955 год.

258 а. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

21 июля 1955. Москва[1]

Дорогой дед.

Клара Израйлевна просит передать, что с Уитменом все благополучно: статья заказана другому. *Не беспокойся.*

А я не сплю и никогда уже кажется не буду.

В Дубултах утонул Вовочка Смирнов, сын Вани и Веры Васильевны.

Я никогда не видела мальчика лучше, чем он.

Случилось это на глазах у Фридиной Гали: она каталась с ним на лодке.

Его нашли только через двое суток, и то потому лишь, что Сурков (он там) добился посылки военного катера.

Вера Вас. в Дубултах. Фрида тоже (уже 2 недели). Ваня вылетел туда — еще не зная (ему телеграфировали, будто больна Вера Васильевна).

Я не в силах послать телеграмму, т.е. не могу найти слова ни одного на самом деле.

Я бы взяла билет и полетела бы туда к ним, но здесь ходят слухи, что они привезут хоронить мальчика сюда.

[1]Письмо вклеено в дневник Корнея Ивановича — в запись от 21 июля 1955 года.

[2]Речь идет о гибели сына Ивана Игнатьевича Халтурина и Веры Васильевны Смирновой. *Фрида* — Вигдорова. *Галя* — ее старшая дочь.

259. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

После 30 июля 1955. Ленинград [1]

Дорогой дед, третьего дня вечером я была у М. М. Зощенко. Разыскать его мне было трудно, так как он по большей части в Сестрорецке.

Наконец мы встретились.

Кажется, он похож на Гоголя перед смертью. А при этом умен, тонок, великолепен.

Получил телеграмму от Каверина (с сообщением, что его «загрузят работой») и через два дня ждет В<ениамина> А<лександровича> к себе.

Говорит, что приедет — если приедет — осенью. А не теперь. Болен: целый месяц ничего не ел, не мог есть. Теперь учится есть.

Тебя очень, очень благодарит. Обещает прислать новое издание книги «За спичками».

Худ страшно, вроде Жени. «Мне на все уже наплевать, но я должен сам зарабатывать деньги, не могу привыкнуть к этому унижению»[2].

[1]Датируется по записи в дневнике Л. К.: «*30 июля 1955.* А сейчас иду от М. М. Зощенко. Я его не видела лет 25. Описать его трудно. Маленький, худой, глазастый, возраста нет. М<ожет> б<ыть>, Гоголь? Перед смертью? Да, во всяком случае перед смертью. Хоть он и говорит, что ему лучше, что он психотехникой вылечил сердце. Но вид страшный».

[2]Письмо вклеено в дневник К. И. 1 августа 1955 года. В это время К. И. очень тревожился о судьбе Михаила Михайловича. Их дружеские отношения сложились еще в 20-е годы. В 1955 году Зощенко подвергался новой травле после встречи с английскими студентами. В дневнике К. И. находим такую запись: «*17 июля*. Был у Каверина. Лидия Николаевна показала мне письмо от жены Зощенко. Письмо страшное. «В последний свой приезд в Сестрорецк он прямо говорил, что, кажется, его наконец уморят, что он не рассчитывает пережить этот год. Особенно потрясло М. М. сообщение ленинградского «начальства», что будто бы его вообще запретили печатать, независимо от качества работы... По правде сказать, я отказываюсь в это поверить, но М. М. утверждает, что именно так ему было сказано в Л<енинград>ском союзе. Он считает, что его лишают профессии, лишают возможности работать, и этого ему не пережить... Выглядит он просто страшно... по утрам страшно опухают ноги» и т.д. Прочтя это письмо, я бросился в Союз к Поликарпову. П<оликарпо>в ушел в отпуск. Я к Василию Александровичу Смирнову, его заместителю. Он выразил большое сочувствие, обещал поговорить с Сурковым. Через два дня я позвонил ему: он говорил с Сурковым и сказал мне совсем неофициальным голосом:

«Сурков часто обещает и не делает; я прослежу, чтобы он исполнил свое обещание». Вот мероприятия Союза, связанные с Зощенковским делом: позвонили Храпченко и спросили его, почему он возвратил из редакции «Октябрь» 10 рассказов Зощенки, написали М. М-чу письмо с просьбой прислать рассказы, забракованные Храпченкой, написали вообще одобрительное письмо Зощенке и т.д.

Я поговорил с Лидиным, членом Литфонда. Лидин попытается послать М. М-чу 5000 рублей. Я с своей стороны послал ему приглашение приехать в Переделкино погостить у меня и 500 рублей. Как он откликнется, не знаю» (Дн.-2, с. 229—230).

С этим приглашением в Переделкино и приходила к Зощенко Л. К. Чуковская 30 июля 1955 года, когда приезжала в Ленинград. Зощенко ответил таким письмом: «Дорогой Корней Иванович. Я получил Ваше письмецо и деньги. Очень смущен этим и благодарю Вас.

Дела мои и в самом деле сейчас нехороши.

Вот уже год, как журналы не печатают меня. Издательства отказывают даже в самой малой работе (переводы, правка рукописей — что я всегда выполнял в хорошем качестве).

Если добавить, что такому же азиатскому наказанию я подвергался в течение 5 лет (с 46 г. по 50), то картина получается неприглядная.

Главное, у меня преступлений-то нет, а есть (по-моему) естественное поведение человека, который возражает, когда его бранят. Но возможно, что я устарел и потерял способность ориентироваться на сложных путях нашей жизни. Выходит, что нехорошо долго жить. В молодые годы у меня не было таких происшествий.

Зимой я полагал, что у меня, как у всех порядочных людей, будет инфаркт, но, увы, этого не случилось. Однако здоровье мое все же весьма плохое. Меланхолии (как в молодости) нет, но по утрам встаю не без труда и с неохотой.

Из дома выхожу редко. По-стариковски сижу на бульваре. И нигде почти не бываю. Так что путешествие в Москву для меня сейчас задача невыполнимая. Очень, очень благодарен Вам за приглашение в Переделкино, но пока этого даже и мысленно не могу себе представить. Видимо, я одичал, и на людях быть мне сейчас трудно.

Конечно, такое неподвижное состояние, надо полагать, у меня временное, но оно уже длится полгода. И мне иной раз даже из комнаты нелегко выйти.

Но все это нездоровье не от душевной слабости, а от некоторой безнадежности выйти из того глупого положения, в котором я пребываю уже 9 лет.

С литературой я бы охотно порвал и ушел бы куда-нибудь в рыболовецкий колхоз, но постарел для таких перемен. Буду рассчитывать на то, что любовь моя к литературе восторжествует и я снова буду писать— хотя бы для себя.

Извините, дорогой Корней Иванович, что я засылаю Вам (до неприличия) грустное письмецо. Не хотелось вовсе писать, но Ваше доброе отношение ко мне заставило меня подойти к столу.

Еще раз благодарю Вас.

М. Зощенко. 14 VII 55».

Это письмо М. Зощенко опубликовано. См.: Бенедикт Сарнов, Елена Чуковская. Случай Зощенко // Юность, 1988, № 9, с. 80.

260. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

7 ноября 1955. Переделкино

7 ноября 1955 г. Переделкино

Дорогой Лидок. Спасибо за письмо. Здоровье мое так себе, но настроение сильно улучшилось, так как в доме творчества много очень милых людей: 1) Бонди, 2) Фридочка, 3) Александр Борисович, 4) Михаил Лифшиц, 5) его жена, 6) Мария Карловна Куприна. Есть также Бруштейн и Нариньяни[1]. Словом, вечернее препровождение времени у меня очень приятное. Пишу я мало. Латаю и штопаю свои «Воспоминания о Репине», раскладываю пасьянсом новые материалы о Слепцове и т.д.

Очень хотел поехать к тебе, а Геннадий[2] покинул меня на все праздники, и я прикован к Переделкину.

Уверен, что Ты уже поправилась. Хорошо ли Тебя лечат? Достаточно ли умен врач? Понимает ли он Твою болезнь?

У Жени рука заживает. Его интенсивно лечат в Костно-туберкулезном Санатории. После праздника он будет делать специальную гимнастику для того, чтобы вернуть своей руке оперативность. Приехала сюда Сусанна[3] — вместе с Сергеем. Будут у меня сегодня вечером. Я читаю ее «Серебряное слово» — перечитываю, — это смелая, густая, ни на что не похожая поэма, которую читаешь, как стихи.

...Я прервал писание письма, так как пришла Мария Карловна Куприна, и мы с нею стали вспоминать людей, которых уже не вспоминает никто: Батюшкова, Иорданского, Ясинского, Потапенко[4], виолончелиста Давыдова и т.д. Чуть только ушла Ма-

рия Карловна, пришла Фрида Наппельбаум с вдовой Михоэлса — Потоцкой. Они обедали у меня, выпили много водки и ушли к Ираклию. И тогда пришел Александр Борисович с Сашей. Саша будет сегодня у нас ночевать. Я дал ей почитать «За спичками» Лассила[5]. Через час придет Георгиевская, а вечером мы с Лифшицем хотим съездить к Твардовскому, что́ вряд ли удастся.

Список литературы, о котором Ты пишешь, мы непременно попытаемся составить. Здесь, в Доме Творчества, очень плохое питание. Хорошо ли кормят Вас — в санатории им. Горького? Познакомилась ли Ты наконец с кем-н<и>б<удь> из «отдыхающих»? Движется ли Твой капитан[6]?

Твой Дед

Писал бы еще, но пришла Сусанна Михайловна.

Адрес на конверте: Московская обл. Щелковский район, п/о Кашинцево, санаторий им. Горького, комната 311

[1]Названы Сергей Михайлович *Бонди* (1891—1983), пушкинист, историк литературы; *Фрида* Абрамовна Вигдорова и ее муж — *Александр Борисович* Раскин (1914—1971), писатель-сатирик; *Михаил* Александрович *Лифшиц* (1905—1983), философ, критик; его жена, Лидия Александровна; *Мария Карловна Куприна*-Иорданская (1879—1966), издательница журнала «Мир Божий» (с 1906 года «Современный мир»), первая жена А. И. Куприна; Александра Яковлевна *Бруштейн* (1884—1968), писательница; Семен Давыдович *Нариньяни* (1908—1974), писатель, журналист.

[2]*Геннадий* Матвеевич Белов, шофер К. И. Чуковского.

[3]Речь идет о *Сусанне* Михайловне Георгиевской.

[4]Упомянуты: Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920), критик, историк литературы, сотрудник издательства «Всемирная литература», в котором работал и К. Чуковский; Николай Иванович *Иорданский* (1876—1928), публицист, редактор журнала «Современный мир»; Иероним Иеронимович *Ясинский* (1850—1931), журналист, редактор журналов «Беседа» (1903—08), «Новое слово» (1908—14); Игнатий Николаевич *Потапенко* (1856—1929), прозаик, драматург.

[5]Речь идет о книге в переводе М. Зощенко.

[6]*Движется ли Твой капитан?* — Сценарий о лейтенанте Шмидте. — *Примеч. Л. Чуковской.*

261. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

11 ноября 1955. Санаторий им. Горького. Подмосковье

11/XI 55

Дорогой дед. Вот будет хорошо, если ты сюда приедешь. На всякий случай вот тебе два ценных указания:

1) ехать следует по Щелковскому шоссе,

2) поворачивать на санаторий приблизительно на 31 км.

А третье — не указание, а мольба: если приедешь — то приезжай, пожалуйста, один!

Грипп прошел. <...>

С людьми здешними я пока не познакомилась и не имею никакого аппетита. (Они тоже.) Люди, даже хорошие, сразу разрушат все вышеописанное, с трудом завоеванное. Жду к себе гостей из города (Анну Андр<еевну> [1], Наташу Ильину), но и то без радости; пока, кроме Шмидта и леса, я ничего не хочу. От людей же сразу устану.

Люди где-то — очень далеко от меня, на других этажах в другом крыле здания — смотрят телевизор, танцуют, играют на бильярде, играют в карты. Не понимаю, для какого употребления они мне могут понадобиться.

А вот к тебе стали ходить, ты пишешь, люди из Дома Творчества — это, м<ожет> б<ыть>, и хорошо. Лучше видеть Фриду, Сашу и Лифшица, чем Павла Нилина. Но смотри, как бы и они тебя не слишком утомляли, пускай не ходят скопом и не сидят позже восьми.

От Лели[2] из Болгарии пока нет никаких вестей, и я немного беспокоюсь.

Да, я вспомнила несколько книжек, которые, по-моему, могут быть полезны для Жени — на разных стадиях его «*исторического* развития»:

Л. Савельев. Охота на царя.

Л. Савельев. Немые свидетели.

М. Муратов. Юность Ломоносова.

Две первые очень увлекательны, он не оторвется.

Привет Ел<ене> Мих<айловне>[3]. Будь здоров и приезжай.

Целую тебя

Лида

[1] *Анна Андреевна* — Ахматова; Наталия Иосифовна *Ильина* (1914—1994), писательница, журналистка.

[2] *Леля* — Лев Оскарович Арнштам.

[3] *Елена Михайловна* — Тагер (1895—1964), писательница; после освобождения из лагеря Чуковский хлопотал о ее реабилитации, и она некоторое время гостила на его переделкинской даче.

262. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

20-е числа ноября 1955. Переделкино

Дорогая Лида.

Посылаю за Тобою «Победу».

Приехать к Тебе не могу, т.к. не могу подчиниться твоему суровому требованию: непременно приехать без спутников. Ехать в машине около 50 километров в одиночестве для меня невыносимо — заедает тоска. Мне очень приятно было видеться с тобою в Малеевке, но сделать двести километров в одиночестве — это такой ужас, такое томление, что хоть черта возьмешь себе в спутники, лишь бы не реветь всю дорогу. Прежде я не знал такого мучительного сиротства, а теперь я каждый день хожу в Дом Творчества и якшаюсь там с любым обитателем, потому что горше всего для меня оголтелая скука (особенно в вечернее время)[1].

Посылаю машину раньше назначенного срока, чтобы ты заранее знала, что она в твоем распоряжении. Шофер — другой, специально взятый для тебя, так как по нечетным дням Ген<надий> Матв<еевич> у меня не работает.

Я в большом огорчении: Алексей Васильевич[2] болен, и не с кем познакомиться насчет Жени. Между тем рука у него не разгибается. Зажила, но не разгибается в локте. Боюсь, что так и останется. А посоветоваться с путным хирургом не могу: времени нет, нет нужных знакомств.

Был я с Женей на «Гамлете». Но больше семи минут не выдержал, убежал. А Женя просидел целых три действия — подвиг.

Он вообще *очень* хорошо занимается. Уже стал самостоятельно читать небольшие рассказцы по-английски.

Люше сказано, что ты сегодня приедешь.

Оправдала ли себя твоя новая шуба?

Целую!

Дед

[1]В феврале 1955 года умерла жена К. И. — Мария Борисовна, и весь уклад дома резко переменился.

[2]*Алексей Васильевич* — Бургман, врач, лечивший М. Б. Чуковскую. — *Примеч. Л. Чуковской.*

263. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

24 августа 1956. Москва [1]

Дорогой дед. Я сама каждый день мечтаю приехать повидаться с тобой. Но меня измочалила Люшина неспособность сообщать о себе, ожидание ее (я ее ждала вчера — а она приедет в воскресенье), отсутствие Маруси[2], необходимость написать как можно больше Шмидта к Лелиному отъезду (он уезжает на днях) и очень скверное самочувствие с постоянными болями в сердце. Сегодня к этому прибавились гранки «Чалдонки»[3], которые надо срочно сдать, — а ведь в книге 12 листов.

По утрам, до 2, а то и до 3 сижу в Ленинской, потом сплю, а вечерами часто езжу к Леле — вчера была у него с 6 до 12 и вернулась в полном отчаянии: ничего у меня со Шмидтом не выходит[4], сколько я ни пыжусь. Срок — 1 ноября, а работы хватит лет на пять.

Вот почему я никак не могу выбраться, но выберусь, конечно, непременно.

Женя пока ведет себя не худо, послушен, тих, мил. Мытью сопротивляется, в остальном покорен. Очень рада я его успеху. (Я ему послала в подарок Дрезд<енские>репродукции — в честь пятерки по истории, — а Ел<ена> Мих<айловна> их ему не передала! Я ей сейчас написала открытку.) Беспокоит меня его страшная худоба. Кормить его стараюсь, но сейчас ведь у меня даже плохих Марусиных обедов — и тех нет, кормлю его бутербродами и вареньем по преимуществу.

Он что-то мне говорил об общежитии. Если бы знать, какие там будут порядки! *За* общежитие — отсутствие езды; *против* — буфет вместо питательной еды и неизвестность надзора. Как бы это все разузнать?

Постараюсь скоро приехать.

Л.

[1]Датируется по записи в дневнике Л. К.: «*24/VIII.* Позвонила Карманова из Детгиза, принесли гранки “Чалдонки”».

[2]*Маруся* — Мария Степановна Климкина, домашняя работница.

[3]«Моя Чалдонка» — повесть, которую Л. К. редактировала для Детгиза. Автор повести — Оскар Адольфович Хавкин (1912 —1993).

[4]*...со Шмидтом не выходит* — сценарий о лейтенанте Шмидте писался по заказу кинорежиссера Льва Оскаровича Арнштама. Л. К. работала над сценарием на протяжении всего 1956 года, но в сентябре отказалась завершать работу.

264. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

29 октября 1956. Переделкино [1]

29.X.56

Дорогой Лид.

Я счастлив, что Тебе хорошо.

Мое здоровье тоже как будто улучшилось, но вся история с Венгрией болит у меня, как зуб, и мне страшно читать свежие газеты. Надежных друзей русскому народу приобрели мы в Польше и в Венгрии[2].

Получила ли Ты корректуру[3]?

Как обстоит дело со Шмитом?

Встречаешься ли Ты с Твардовским?

Поздравила ли ты Женю Шварца[4]?

Мне чертовски не пишется. Надо писать о Блоке, об Алексее Толстом, о Квитко, надо сильно переделать старую статью о Николае Успенском, а я, как идиот, корплю над «Томом Сойером». Коля в Жениной комнате, внизу, и меня мучает совесть, так как это самая холодная комната. Была у меня вчера Люша с Наташей Леоновой. Мы читали вместе стихи Киплинга (по-английски). Люша ими сильно увлекается. Я почему-то назначен редактором журнала «Москва», и это терзает меня, потому что я не вправе тратить свои последние силенки на вздор, мне нужно готовить «Собрание Сочинений», а меня уже теребят и взваливают на меня чтение рукописей. Гости меня одолевают по-прежнему: третьего дня были даже Майские! Начинающих поэтов, драматургов, некрасоведов, блоковедов, детских стихотворцев не счесть! Корнелий Зелинский, Ник<олай> Степанов, Татьяна Тэсс, Ник<олай> Атаров, Гидаш, Каверин — это один только день! Я начинаю жалеть, что не остался в Узком, и все мечтаю о *тихой* санатории с хорошими врачами.

Марина устроила в<се> дела Гули: ему предоставлена возможность учиться; но учиться он, конечно, не будет.

Говорят, в «Вопросах философии» в последней книге есть изумительно резкая правда о советском театре[5].

Ну вот и все!

Целую Тебя.

Адрес на конверте: Московская обл., п/о Старая Руза. Дом писателей, комната 29

[1]Почтовые штемпели: Москва 30.10.56; Старая Руза 31.10.56.

[2]*...история с Венгрией.* — Народнос восстание в октябре 1956 года с требованиями демократических свобод, которое было жестоко подавлено вооруженными силами СССР.

[3]Речь идет о статье Лидии Чуковской «Рабочий разговор», которая готовилась к изданию во втором сборнике «Литературной Москвы».

[4]Драматургу Евгению *Шварцу*, с которым Л. К. была знакома еще с юности, 21 октября 1956 года исполнилось 60 лет.

[5]Имеется в виду статья Б. А. Назарова и О. В. Гридневой «К вопросу об отставании драматургии и театра» («Вопросы философии». 1956. № 5, с. 85—91). Авторы пишут, что с 1936 года «началась настоящая вакханалия снятия спектаклей — классических, на современные темы, исторических». Осуществлялась политика ликвидации или слияния театров. Все это отражало изменения в стиле руководства искусством. Происходившее с театрами объяснено воздействием «культа личности».

265. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

2 ноября 1956. Малеевка

Дорогой дед. Ты спрашиваешь насчет моей статьи[1]. Нина Ивантер[2] привезла мне сюда корректуру, я прочла, она в тот же день вечером вручила ее З. Никитиной[3]. Там все в порядке, не изменено ни слова. Бек уверяет (он в Малеевке), что альманах выйдет к празднику. Поглядим.

У меня тоже мучительно болела Венгрия, теперь полегче. Зато теперь болит Египет[4].

Здесь продолжаю жить хорошо и плодотворно. Непременно продлю себе путевку еще на целый месяц.

Количество гостей (твоих) меня ужасает. Что бы такое изобрести? Думаю, тут нужны часы, а не только дни. Вывесить такой плакат:

Радуюсь гостям по вторникам и пятницам от 5 до 7.

И баста!

Я тоже слышала о статье в «Вопросах философии», но еще не читала ее. Тут добыть трудно.

Иногда мне удается дозвониться Люше по телефону, но редко. А меня беспокоит, как и что там у них. И как (и где) они переживут праздники? Не слыхал ли?

Айви Вальтеровна[5] очень мила и умна, и добра, и интересна, но так шумна и экспансивна, что я через минуту изнемогаю. Твардовский — в соседней комнате; его не слышно; не пьет; работает — и почему-то смотрит на меня волком. Я спросила Риту Райт[6]:

— Не знаете ли, почему меня так ненавидит Твардовский? Здоровается, не улыбаясь, никогда словечка не скажет...

Она ответила так:

— Его ненависть относится не к вам, а ко всем немолодым и интеллигентным дамам. Они его раздражают.

Быть может, это так и есть. Но ведь интересны же ему пожилые интеллигентные мужчины? Маршак, Лифшиц, Сац? Чем же мы хуже?

(Разумеется, ты этого вопроса при встрече ему не задавай.)

Ты спрашиваешь о Шмидте.

Я послала письмо на Киностудию, Чекину[7], месяц назад. С просьбой расторгнуть договор и указать сроки возврата денег. Ответа нет. Думаю, ждали Лелю. Он вернулся — но мы разминулись.

Твой рабочий план меня ужасает. Зачем себя так терзать? Я твердо уверена, что работа создана не для того, чтобы ее «кончить», а чтобы извлекать из нее счастье. Всего все равно не напишешь — ни ты, ни кто. «Поэт всегда должник Вселенной»[8]. Лучше ходил бы ты побольше гулять.

Целую тебя.

Л.

2/XI 56

[1]Речь идет о статье Лидии Чуковской «Рабочий разговор (Заметки о редактировании художественной прозы)» — для второго сборника «Литературной Москвы».

[2]*Нина* Абрамовна *Ивантер* (р. 1910), писательница.

[3]Зоя Александровна *Никитина,* секретарь альманаха «Литературная Москва».

[4]*...болит Египет.* — В 1956 году президент Египта Насер национализировал Суэцкий канал, так как ему нужны были деньги для строительства Асуанской плотины. Соединенные Штаты и Великобритания отказали ему в обещанных средствах из-за его сближения с Советским Союзом. Израильские войска, а затем британские и французские вооруженные силы атаковали Египет, но под давлением Соединенных Штатов и Советского Союза война быстро закончилась. Суэцкий канал остался в руках Египта.

[5]*Айви Вальтеровна* — Литвинова,

[6]*Рита* Яковлевна *Райт* (1898—1989), переводчица.

[7]Игорь Вячеславович *Чекин* — заместитель директора Мосфильма.

[8]Строка из стихотворения Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии».

266. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

30 ноября 1956. Москва

Дорогая Лида. Знаешь ли ты, что я похитил у тебя стол? Сим обязуюсь, чуть ты вернешься, купить Тебе новый, купил бы сейчас, да не знаю, какой Тебе по вкусу. Же́не я выдал на покупку ложа соответствующий капитал. Он ездил уже в мебельный магазин с Геннадием, но еще не добыл подходящей узкой «укушетки». Обещает добыть.

О Луначарском я действительно написал, но бледновато, без изюминки. Жалею о потраченном времени. Кроме того, вещь шершавая. Не знаю, напечатают ли. Машину постараюсь прислать.

Люша, по-моему, в полном порядке. Приезжала сюда с Наташей Леоновой. Страшная радикалка, стихийная поклонница левой живописи. С Женей как будто ладит.

У Жени скоро экзамены, я боюсь, что он запустит свое лечение. ГИКом[1] увлечен до лунатизма.

Колю приглашают в Болгарию. Сейчас он прочно живет у меня.

Сильно огорчила меня смерть Котова. Он был лучший из всех возможных директоров ГИХЛа.

С Альманахом такие передряги, что Маргарита[2], Казакевич и Каверин превратились в истинных мучеников. Моя статья о Чехове опять оказалась на мели. Третий Альманах вряд ли выйдет[3].

Журнал «Москва». Это крохотная комнатенка в Союзе Писателей, наполненная до потолка смазливыми девицами, которые мешают друг дружке работать. Но энергия Атарова[4] несокрушима, и журнал выйдет непременно. Там будет статья Кетлинской о романе «Не хлебом единым». Статья эта побывала в пяти редакциях — и наконец нашла себе пристанище[5].

О чем Ты пишешь, я так и не знаю. Если не уехала Айви, передай ей привет. Беку тоже.

Дед

30 ноября

[1]*ГИК* — Государственный институт кинематографии, где учился Евгений Борисович Чуковский.

[2]*Маргарита.* — Маргарита Иосифовна Алигер (1915—1992), член редколлегии «Литературной Москвы».

[3]Действительно, третий том «Литературной Москвы» в свет не вышел. О разгроме альманаха см. «Записки». Т. 2, с. 684—687, 692—694.

[4]Николай Сергеевич *Атаров* (1907—1978), писатель, главный редактор журнала «Москва». Журнал начал выходить в 1957 году.

[5]В связи с усилившейся кампанией против Дудинцева статья не была напечатана.

267. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

9 декабря 1956. Малеевка

Дорогой дед.

Это письмо, в отличие от предыдущего, будет чисто деловое.

1) Алексей Иванович Пантелеев с прискорбием сообщает, что какая-то неизвестная ему женщина по телефону выпытала у него твой адрес. Он опасается, что она — «опытный стрелок», и просит тебя не считать, что это он ее к тебе направил. Он ее не знает.

2) Я очень прошу, чтобы Геннадий Матвеевич, когда поедет за мною (13/XII, в 10—11 утра), захватил с собою какой-нибудь большой пустой чемодан, п<отому> ч<то> у меня тут набралось многое множество книг, и их будет без лишнего чемодана не увезти.

3) Тут Б. С. Квитко[1], которая очень интересуется, пишешь ли ты предисловие к книжке Л<ьва> М<оисеевича>[2]? Если можешь — ответь и на это.

Оказия — я тороплюсь.

Целую тебя. Жду № твоего телефона...

А где у тебя эта машина стоит[3]?

Лида

9/XII 56

[1]Берта Самойловна *Квитко*, вдова поэта Л. М. Квитко.

[2]*Лев Моисеевич* — Квитко. К. Чуковский написал о нем статью «Светлый талант» («Литература и жизнь», 7 декабря 1960) и воспоминания, вошедшие в сборник «Современники» (1962).

[3]*...эта машина...* — имеется в виду телефонный аппарат.

268. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После 7 декабря 1956. Переделкино

Дорогой Лидок.

Неужели ты не получила открытку с моим телефоном? Вот он: Г.9. 60. 00 доб. 252.

У меня большая неприятность. Оказывается, 3-й альманах выйдет не 1—7 января, как было обещано мне Казакевичем, а дай бог, чтобы к 20 апреля. Поэтому я попросил К<азакеви>ча возвратить мне рукопись. Он не согласен. Между тем журнал «Москва» берется напечатать «Чехова» в январском номере. Дело осложняется тем, что я очень люблю Казакевича, и мне трудно спорить с ним. Между тем дело мое правое, и так хочется, чтобы «Чехов» вышел скорее. Для этого у меня есть особые причины — очень важные. Пожалуйста, убеди Бека, что рукопись не может принадлежать им, так как она была взята для 2-го сб<орни>ка.

Целую.

Дед

268 а. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 декабря 1956. Москва[1]

Дорогой дед, сейчас — ночью — мне звонила Алигер в отчаянии, до нее дошли слухи, что ты опять волнуешься Чеховым и сроками. Она прямо плачет в телефон — и, по правде сказать, я думаю, что тебе пора перестать терзать их и терзаться самому. Несомненно, что они сделают все, чтобы напечатать скорее и почетнее, а так как сейчас это лучшее место и лучшие люди (из действующих), то мой тебе совет — смирись. И успокойся.

За советы не серчай,
Лучше пей горячий чай.

Адрес Бременера[2] прилагаю.

[1]Вклеено в дневник К.И. в запись 25 декабря 1956.
[2]О писателе М. *Бременере* см. примеч. 1 и 2 к письму № 269.

269. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

28 декабря 1956. Москва

28/XII 56

Дорогой дед.

Посылаю тебе свою бременериану[1]. Для забавы. Если будут у тебя силы и будет время — покажи Фриде и Ивичу. Но это необязательно, а так — если тебе захочется.

Как бы это назвать?

Впрочем, никто не напечатает.

Завтра отправлю Атарову. Но не надеюсь. А тебя очень прошу с ним об этом *не* говорить и *не* знать ничего. Пусть как хочет[2].

Я ему написала (еще из Малеевки) о новой повести Хавкина, которая для меня гораздо существеннее, чем эта ерундишка. Но Атаров отнесся как-то холодно — и вот это меня огорчило. Вежливо, но холодно.

К тебе дела:

1) Посылаю 50 р. сдачи. Нет! Пошлю после!

2) Звонила Анна Караваева со всякими новогодними и литературными восторгами.

3) Календарь Рос... пром... и т.д. напечатал твое «Федорино горе» и по этому случаю просит сообщить № паспорта и Сберкнижки и пр.

4) Очень прошу тебя потребовать от Жени две вещи:

а) не ходить по квартире без штанов,

б) не отвечать грубо по телефону.

Когда я вернулась из Малеевки, по крайней мере, 10 человек мне жаловались: без вас мужской голос очень грубо отвечает. Когда я звоню из Москвы в Переделкино, с трудом дозваниваясь (занят коммутатор), Женя нарочно отвечает еле-еле, нагло-бесстрастным голосом, и нельзя понять — занят ли ты, спишь ли, подойдешь ли? Сегодня мне сказала Таня Литвинова: «Я дозвонилась на дачу, подошел Женя. Я спрашиваю, как здоровье К. И.?» Он отвечает: «У меня экзамены, и я ничего этого не знаю».

Но у меня каждый день экзамены, я 25 раз в день должна отвечать его мальчишкам — где он, когда приедет. И отвечаю, и спрашиваю, что передать.

Он ходит по квартире в подштанниках, не стесняясь меня, и когда я сержусь и обижаюсь, отвечает:

«Ведь я у себя дома, в своей квартире».

— Но и в своей квартире нельзя быть хамом, — говорю я.

Мудрая Люша стоит на таких позициях: «Не стоит себе портить нервы». «Себе дороже стоит».

Оно так, но Женино хамство тоже дорого обходится.

Он считает нормальным, что я ему должна подавать, а он не должен *ничего* — даже надевать штаны. Притворяется дураком: «Митька[3] совсем голым бегает».

Женя развращен безнаказанностью, тем, что от него никто *ничего* не требует. (Единственный способ жить с ним мирно — не требовать. Тогда он снисходителен.)

Я тебя очень прошу: не веди психологических разговоров, а скажи, что если он будет ходить без штанов — ты не позволишь жить в городе, и если он будет грубить или уклоняться по телефону — ты не позволишь ему подходить к телефону. Он *должен* отвечать внимательно и учтиво, и толково, а не отделываться. Если занят — пусть не подходит совсем.

Альманах вышел[4]. Скоро пошлю тебе экземпляр.

Будь здоров.

Л.

[1]*...бременериана* — статья Лидии Чуковской в защиту повести М. Бременера «Пусть не сошлось с ответом!». На эту повесть о школьниках и учителях ополчилась советская казенная педагогика. Под шапкой «Не сошлось с жизненной правдой» газета поместила письма учителей, в которых они обвинили автора в том, что он «наложил черного лака на жизнь школы», а журнал «Юность», опубликовавший повесть, «воспитывает у молодежи пренебрежительное отношение к учителям, к их трудной и почетной профессии» («Учительская газета», 19 декабря 1956 года).

Макс Соломонович *Бременер* (1926—1983), автор повестей и рассказов для юношества.

[2]Статья Лидии Чуковской, предложенная редактору журнала «Москва», не была напечатана. Отрывки из этой статьи позже вошли в книгу «В лаборатории редактора» (М., 1963, с. 118—119).

[3]*Митька* — Дмитрий Николаевич Чуковский (р. 1943), младший внук К. И.

[4]*Альманах вышел* — имеется в виду альманах «Литературная Москва», сборник второй (М., 1957).

270. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

9 января 1957. Переделкино

9.1.57

Возвращаю.

Прочитал с восхищением.

Вот образец рецензии[1].

Зорко и свежо — всюду самостоятельная мысль.

К. Ч.

[1]Речь идет о моей рецензии на «Трех толстяков» Олеши, напечатанной в 1940 году в журнале «Детская литература», № 8. — *Примеч. Л. Чуковской.*

271. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Первая декада февраля 1957. Москва[1]

Дорогой дед!

Я погребена под версткой книги Нины Ивантер — 35 листов[2] — и версткой своего предисловия к однотомнику Житкова[3], пришедшими одновременно. К тебе очень рвусь; верстку Житкова должна сдать в понедельник; постараюсь вырваться либо в понедельник, сдав, либо, в крайнем случае, во вторник. Хочу поговорить о Жене, о Барвихе, о больнице.

Леля (с которым я хочу посоветоваться) был неуловим (был в Болгарии); теперь он обещал придти ко мне сегодня или завтра. От этого тоже будет зависеть мой приезд.

Целую тебя и рвусь.

Л.

[1]Датируется по записи в дневнике Л. К.: *«10/II 57.* Верстка книги Ивантер. 35 листов».

[2]Я редактировала для издательства «Молодая гвардия» повесть Н. Ивантер «Жил-был мальчик». — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]Речь идет о предисловии к сб.: Борис Житков. Избранное: Морские истории. Рассказы о животных. Что бывало. М.: Детская литература, 1957. Предисловие Лидии Чуковской называлось «Творчество Бориса Житкова». «Это предисловие, да еще документальные свои воспоминания «Экзамен», — писала Л. К., — я считаю единственно ценным, что написано мною о Житкове» (Соч.-2, с. 197).

272. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Февраль 1957. Москва[1]

Дорогой дед.

Недели через две Женя вернется домой из больницы. Я считаю, что сейчас — последний срок, когда можно, после перерыва, попытаться привести в порядок эту запущенную и погибающую жизнь. Зависит это в первую очередь от тебя и во вторую от всего коллектива взрослых, окружающих Женю. От нашей согласованной воли.

Вот мои «конструктивные предложения»:

I. Когда он вернется, потребовать (безгневно, нераздраженно, но твердо) ответа на 2 вопроса:

1) Почему он 5 дней скрывался перед тем, как лечь в больницу? У кого он жил и что там делал?

2) На какие деньги он жил 5 дней?

Я подозреваю, что жил он на те 1700 р., которые взял у Ан<астасии> Ив<ановны> на резину. Мы ведь не знаем, сколько стоила резина в действительности, — м<ожет> б<ыть>, 1000, м<ожет> б<ыть>, 800, м<ожет> б<ыть>, 1200. Во всяком случае, маловероятно, что кто-то почему-то держал его у себя безвозмездно. И почему? зачем? ведь известно, что Жене есть, где жить. Что же он лгал тому человеку, который его приютил?

И кто приезжал за ним в больницу?

Думаю, что Женя на эти вопросы отвечать откажется. Пусть. Но их все же надо задать ему, чтобы он понял, что он «на учете».

II. Я сказала бы ему: тебе 20 лет. У тебя есть паспорт. Ты можешь жить, где хочешь и как хочешь. Но если ты хочешь продолжать жить с нами и у нас — то вот условия, на которых я тебе разрешаю остаться:

1. Ты будешь с утра до вечера учиться (об этом будет сказано подробно в разделе III).

2. Ты не будешь иметь никакого отношения к машинам и мотоциклу — до перехода на 2-й курс, до полного излечения руки, до «прав». Никакого, ни в какой мере. Ни к машинам, ни к гаражу, ни к бензину, ни к резине. Гараж и бензин и резина — дело Ген<надия> Матв<еевича>. Тебе запрещается вход в гараж.

Когда будет нужно, тебя посадят в машину, но как пассажира, а не за руль.

Это — наказание за все проступки. (Кроме того, это единственный способ спасти руку.)

3. Ты обязан приходить вовремя к столу, 3 раза в день, в общее для всех время. Ан<астасии> Ив<анов>не запрещается подавать тебе отдельно, п<отому> ч<то> у тебя нет никаких дел, требующих нарушения порядка. К столу выходить, вымыв руки.

4. Ты обязан приходить домой не позднее 11 часов. Если надо позднее (театр, кино), обязан предупредить. К 10 утра надо быть готовым — т.е. выспавшимся, вымытым, одетым; кровать застлана, комната прибрана и проветрена. (Только пол натирать и стекла мыть у Жени в комнате должна Маруся, остальное — он сам.)

5. Категорически запрещается ночевать вне дома. (Меня очень удивило, что, когда я тебе в первый раз сказала «Женя не пришел ночевать», — ты отнесся к этому вполне равнодушно.) Между тем если разрушен ночной сон, то разрушается самое главное:

распорядок дня. В Жениной жизни самое главное наладить именно распорядок, ответственность за каждый час. Как можно днем работать, если ночью где-то валандаешься? Это — раз. И два: занятые, работающие, тесно живущие хорошие люди не станут ни с того ни с сего оставлять у себя ночевать чужого, вполне благоустроенного мальчика. Зачем? почему? Значит, он либо что-то лжет им на нас, либо он ночует у каких-то людей весьма сомнительных, нечистых. (Недаром он скрывает — где? у кого?)

6. Необходимо отстранить Женю от всяких покупок (толкую об этом я лет 10). Он склонен к денежным махинациям, жаден к деньгам и вещам. Зачем в нем развивать это? Если в хозяйстве нужен холодильник или ковер, то ведь есть и без Жени кому позаботиться. Жене надо давать деньги только на его нужды и притом требовать отчета до копеек, притворяясь скупым и мелочным. Отчета и сдачи. Совершенно непонятно, почему после вранья, исключения из Института и пр. гадостей Женя был премирован роскошными ботинками и замшевой курткой. Он должен быть одет, и одет *хорошо* — т.е. *опрятно*. Если же на грязные ноги и рваные носки надевать бальные ботинки и в этих ботинках ходить по грязи и снегу, — ничего, кроме омерзения, это ни в ком не вызывает. Ведь есть башмаки и за 180 р. и за 250 — почему 400? Если же покупать роскошные предметы, то, во-первых, после каких-нибудь успехов, а во-вторых, требуя, чтобы он берег их, чтобы на каждый день у него были обыкновенные вещи, чтобы он учился быть чистым, аккуратным, а то нарядность при неряшестве — гадость.

7. Надо предупредить Ан<астасию> Ив<ановну>, что ты запрещаешь ей:

1) кормить Женю на кухне или у него в комнате не вовремя. Опоздал к обеду — пусть ждет ужина.

2) открывать ему дверь позднее положенного часа.

3) давать ему деньги. (Пусть дарит свои, если хочет, ты его долгов платить не будешь.)

8. Предупредить Ген<надия> Матв<еевича>, что у Жени нет больше никаких машин, что вход в гараж ему запрещен, что о всякой Жениной попытке нарушить это правило он, Ген<надий> Матв<еевич>, должен докладывать тебе.

9) И теперь самое главное — исполнение. «Проверка исполнения».

Кто будет этот человек, который следит за всеми этими *не*?

Только коллектив взрослых — весь, целиком и совершенно неуклонно, непреклонно, согласованно. Тот, кто первый заметит, что у Жени грязные руки или что он встал не вовремя. Каждый. Катя и Маруся, я и Ан<астасия> Ив<ановна>[2], ты и Ген<надий> Матв<еевич>. Только один человек был в силах взять это целиком на себя, служить для Жениной разболтанности каркасом: Марина. К сожалению, ее помощь утрачена. Теперь остается одно: все. Разумеется, ты не в силах заниматься контролем, но каждый раз, как ты столкнешься с нарушением заповедей или кто-нибудь при тебе укажет Жене на их нарушение, ты не должен молчать или переводить разговор на другое, а должен, как Верховная Власть, подтвердить справедливость. Каждый, кто жалуется тебе на Женю, должен быть уверен (и Женя!), что ты не отменишь принятого, установленного решения.

III. Все это запреты. А вот положительные требования, без которых запреты бессильны и бессмысленны.

Основа всех Жениных вывихов — полное, постоянное безделье.

Ему нужен учитель или два учителя. Часов с 10.30 до 3—4 он должен с кем-нибудь заниматься. Учитель должен быть не только знающий, но и волевой, требовательный, точный. Ничего кустарного. Он должен много задавать — часа этак на два. Предметы: 2 языка, история, литература, м<ожет> б<ыть> — марксизм. У Жени — как у всех людей — д<олжен> быть свободен только вечер.

При таком режиме он за лето может многое успеть, многому научиться, выработать в себе навыки труда, режима. Тогда и в Институте, есть надежда, он станет вести себя иначе.

Вот комплекс мероприятий, предлагаемых мной.

Л.

Не думаешь ли ты, что до его прихода надо сбыть мотоцикл? Продать, отдать. Во имя сохранения руки.

[1]Датируется по записи в дневнике Л. К.: «*20/II. 1957.* Я собираюсь написать деду письмо-проект о Жене. Последняя попытка. Он сейчас в больнице. Надо добиться того, чтобы он был отрешен от машины и чтобы ему дед взял учителя. Он опять негодяйствовал и барствовал... Как объяснить деду, что машина губит Женю? Что он потеряет руку и всю жизнь будет паразитом?» (Архив Л. К. Чуковской).

[2]*Анастасия Ивановна* Турло, домашняя работница.

273. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

2 сентября 1957. Переделкино[1]

Лидочка, Ты осыпаешь меня благодеяниями. Спасибо за «Phanodorm»[2]. Я выпил его и запил warmes Zuckerwasser und warmen Tee[3]. Немножко поспал, но голова разболелась зверски. Проклятые капиталисты! Печатают в своих рекламах, что счастливец, принявший фанодорм, будет наверняка чувствовать «körperlicher und geistiger Frishe»[4]!!

Теперь я прошу у тебя еще одного благодеяния. Прочти, пожалуйста, прилагаемую рукопись о Репине, состоящую из двух частей:

1) «воспоминания о нем» и

2) «Репин как писатель».

Мне нужен Твой язвительный и пронзительный отзыв. Вещь кажется мне неуклюжей, громоздкой, дурно построенной, и единственное мое спасение — Ты!

Дело не к самому крайнему спеху.

Для Люши уже куплены туфли, но я боюсь, что оправдается стих Маршака:

Дали туфельку *слону*[5].

Дед

[1]Дата рукою Л. К.: 2.IX.57

[2]Снотворное.

[3]теплой сладкой водой и теплым чаем (*нем.*).

[4]физическую и умственную свежесть (*нем.*).

[5]Строка из стихотворения С. Маршака «Слон».

274. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

13 октября 1957. Переделкино[1]

Лида!

В журнале «Районная фабрично-заводская печать», 1940, № 7—8 Б-ка им. Ленина

XX 454/206

напечатана статья Я. Лурье «Литературная правка».

Вообще весь этот журнал интересен для тебя: там есть целые списки ляпсусов *в газетах и журналах*[2].

Дед

Закажи его не раньше среды.

[1]Дата рукою Л. К.: 13/X.
[2]По-видимому, К. И. сообщает мне материал для книги «В лаборатории редактора», которую я начала писать в 1957 году. — *Примеч. Л. Чуковской.*

275. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому
23 октября 1957. Москва

23/X 57

Дорогой дед.

Я хочу завтра приехать. Постараюсь пораньше, до завтрака. Потом ты ляжешь, я погуляю. А с 1 до 2 мы опять побудем вместе. Хорошо? Я могла бы вечером, но боюсь тьмы.

Позвони, если этот план тебе неудобен.

Дел у меня никаких нет, просто так. <...>

Итак, ехать — нет?

Целую тебя.

Очень охота поговорить о Пастернаке!

Л.

276. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому
5 ноября 1957. Дубулты

5/XI 57

Дорогой дед. Был ли ты когда-нибудь на Рижском взморье? Нет? Это совершеннейшее Куоккало — самое взморье. Пляж точь-в-точь куоккальский, то же серовато-беловатое море, тот же песок, те же сосны — только вот Кронштадта нет на горизонте. Сам же городишко чистенький, аккуратненький, нарядный... В Риге я еще не была (только проездом); собираюсь туда после праздников.

Устроена я здесь отлично, сплю, работаю и гуляю вовсю. Накачиваюсь сном и воздухом. Звукопроводность в здешних домишках полная, но т.к. сейчас «не сезон», то и звуков нет никаких, и мне ничего не мешает.

Напиши, пожалуйста, про себя. Определились ли денежные перспективы? Неужели ослы так и не будут переиздавать «Мастерство»? А детские?

Пишешь ли о Маршаке? О чем пишешь?

Как дела на ул. Горького? Была ли у тебя в воскресенье Люша? Взялась ли она за «Чукоккалу»? Как Женины дела? Поступил ли он в ГИК?[1] Изводит ли Марусю?

Пожалуйста, напиши мне про все — и — не хворай. <...>

Л.

5/XI 57

[1]Женя был исключен из ГИКа, а потом принят туда снова.

277. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

25 ноября 1957. Переделкино[1]

Лидочка дорогая. Женя поступил в ГИК. Надолго ли, не знаю. Ведет он себя благопристойно — покуда. Юбилей Маршака отложен. Я буду говорить ему довольно длинное приветствие — от всей души. Из-за смерти Запотоцкого[2] Колонный зал был занят 18 ноября, и юбилей перенесен на 2 декабря[3]. Был у меня Твардовский. Я читал ему свою статью (об С. Я.), он вполне одобрил. Вчера была у меня Фрида. Как мне показалось, она почему-то (чуть-чуть) сердится на меня.

Я рад, что ты здорова и пишешь. Пожалуйста, оставайся там возможно дольше. Люша в хорошей форме. Завтра будет у меня: весела, деятельна. Переписывает «Чукоккалу».

Когда же будет напечатан отрывок из твоей статьи?

Я пишу воспоминания об Ал. Толстом и, как всегда, проклинаю свою бездарность.

Целую Тебя!

Дед

[1]Почтовые штемпели: Москва 25.11.57; Майори Латв. ССР 29.11.57

[2]Антонин *Запотоцкий* (1884—1957), председатель правительства (1948—53), президент Чехословакии с 1953 года.

[3]3 ноября 1957 года Маршаку исполнилось 70 лет. Празднование юбилея происходило в Колонном зале Дома союзов 2 декабря под председательством А. А. Суркова.

278. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

1957. Переделкино

Лидочка!

Посылаю тебе книжку Макашина, а также «Горький и Короленко», где на стр. 195 есть нужные тебе строки (возможно, ты их знаешь).

Тебе также нужны «Письма» Щедрина (они у меня есть). Там его редакторские принципы выступают полностью.

Неужели Люшенька больна? Кто ее лечит и лечит ли? Я видел ее снимки — на полу, на столе — и еще раз позавидовал ей.

Привет!

Л.

279. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

15 марта 1958. Москва

15/III

Дорогой дед.

Посылаю тебе бумагу о Бабенышевой[1]. В новом доме Литинститута скоро начнется распределение квартир, надо поспеть. План такой: подписываешь ты, просишь подписать Федина и Иванова и посылаешь мне. Я устраиваю некоторые подписи (Ю. Либединский, Щипачев, Смирнова и пр.) и даю Наташе Ильиной, которая идет к Соболеву[2]. Вот.

Будь здоров и подавай вести.

Л.

[1]Сарра Эммануиловна *Бабенышева* (р. 1910), критик, преподавательница Литературного института.

Письмо датируется на основании устного сообщения ее дочери: в это время С. Э. Бабенышева была уволена из Литературного института, и ее хотели выселить из ведомственной квартиры в Переделкине.

[2]Леонид Сергеевич *Соболев* (1898—1971) был тогда председателем правления Союза писателей РСФСР.

280. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец 1959. Переделкино

Дорогая Лида!

Поздравляю тебя с *шедевром*. Все превосходно, умно, общедоступно и — тонко. Здесь найдется материал и для элементарного читателя, и для высококвалифицированного. Очень научная, широкая книга[1].

Стр. 70 — сказать, какой из двух Алексеев Толстых

не куют

78 указать, что по-латыни — «memoria» память
«memoro» — напоминаю
из Горнфельда прелестно
95 из Брюсова «дымы», «топоты»
есть специальная работа о словах-времянках: Н. И. Фельдман. «Окказиональные слова» (Вопросы языкознания, 1957, № 4, стр. 64—73)
100 очень хорошо о Пшк. и Гого[2].
Вообще же: нужно больше абзацев. Ты пишешь сплошняком. Напрасно. Нужно все сделать, чтобы книга была доходчивее.

77 выкинуть «когда-нибудь»
«Сибирская повесть» — (я перечел ее еще раз) *должна быть* сокращена[3]. Такое мое ощущение. На чем оно основано, не знаю. Твои суждения о ней на последних страницах — отличны.

Написал бы еще, но Коля ждет. Когда приедешь, дам тебе немного денег — я получил.

Твой Дед

[1]Речь идет о рукописи «В лаборатории редактора». — *Примеч. Л. Чуковской.*
[2]...*о Пшк. и Гого* — о Пушкине и Гоголе.
[3]*«Сибирской повестью»* К. И. называет «Месяц Диких Коз» О. Хавкина (М., 1959). Л. К. пересказывает и цитирует отрывки из повести в главе «Основной материал всякой книги» (Лидия Чуковская. В лаборатории редактора. 2-е изд. М., 1963, с. 85 —97).

281. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Август 1960. Барвиха[1]

Лидочка! Здесь бедлам. Лучший способ вызвать новый сердечный приступ. *Нечего и думать лечь в постель раньше 12-ти.* Между 8 вечера и 12-ю ночи самый большой галдеж. Принимаю снотворные в утроенной дозе. Писать *ничего* не могу: голова задурманена. Врачиха — ординарна, равнодушна, затуркана. Даже читать мне трудно. Больше десяти дней такой жизни я не выдержу. *Постоянная* головная боль. Добро бы мне прописали какие-нибудь особые процедуры, но даже зубного врача я до сих пор не видал. Вынужден ежевечерне ходить в кино — гнуснее времяпрепровождения и представить себе не могу. Маршак очень мил, работящ, в колее работы — не думаю, чтобы он был болен, — он весел, много шутит, и как я завидую ему, что он глуховат; за глухоту я

отдал бы все на свете! Но я слышу каждый шорох в третьей комнате, и это убивает меня.

Жаль, что я в августе бесприютен: на даче ремонт — деваться мне некуда. Но нельзя ли ускорить ремонт? Нельзя платить мастерам от себя, чтоб они работали и после пяти? Конечно, если это не помешает ни Тебе, ни Люше.

Свою «Гимназию»[2] видеть не могу. Все, написанное нынче летом, кажется мне написанным в состоянии маразма.

Об Ольге Васильевне откладываю[3] со дня на день.

Привет Марине и Коле! Люшеньку целую. Спасибо ей за приезд. То была моя единственная радость!

Я забыл попросить, чтобы Ген<надий> Матв<еевич> привез мне термос.

Пожалуйста, не принимай этого близко к сердцу. Может быть, и обойдется: подождем еще дня три. Во вторник (или в воскресенье?) у тебя будет машина. Приезжай, поговорим[4].

[1]Датируется по записи в дневнике Л. К.: *«17/VIII 60.* Вчера я была у него [у С. Я. Маршака] в Барвихе. Пока мы были втроем с К. И., он был весел, легок, быстр. Мы втроем ходили гулять».

[2]*«Гимназия».* — Воспоминания детства, впервые напечатаны в 1938 году. В 1961 году повесть вышла под новым названием «Серебряный герб» и в новой авторской редакции.

[3]*Ольга Васильевна* Румянцева — заведующая переделкинской детской библиотекой, построенной Чуковским в 1957 году.

[4]Во время следующей болезни 20 октября 1960 года К. И. прислал дочери такие стихи:

Я выписал дочку
    В рассрочку.
Она мне меняла
    Сорочку.
И ставила дивный компресс,
Как ангел, сошедший с небес.

20 октября 60

282. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Конец марта 1961. Переделкино

Лидочка, как твое здоровье? Наладилась ли жизнь в Малеевке? Черкни хоть два слова? С кем ты водишься? Есть ли у тебя деньги?

Помнишь, ты рассказывала мне о даме, которую ты видела «*на пляжэ»,* — она казалась тебе Венерой, покуда не сказала что-то вроде того, что «*я взопрела*», и сразу все обаяние пропало. Черкни мне подлинный текст ее слов. Пожалуйста!

Рина Зеленая имела шумный успех. Но Ольга Васильевна вдруг заперла библиотеку (третьего дня), и, как нарочно, приехало из Апрелевки много детей, и вообще у дверей библиотеки скопилось до 30 человек. Я должен был пригласить кое-кого из них к себе и дать им свои книги. С Марьямовым[1] *не* говорили, но вывесили афишу о его выступлении и т.д., и т.д., и т.д.

Ну, приедешь, разберемся.

Дед

Как глаза?

[1]Александр Моисеевич *Марьямов* (1909—1972), писатель, сотрудник «Нового мира». Он отдыхал в переделкинском Доме творчества и часто бывал у К. И. Детская библиотека вывесила афишу о его выступлении, не спросив его согласия.

283. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец августа 1961. Москва[1]

Дорогой дед, Кларочка мне сказала, что ты хвораешь. Написал бы хоть строчечку — как ты и что.

Надеюсь, ты лежишь и будешь лежать, пока t^0 не установится на 36.4.

Если ты почувствовал себя лучше, то не можешь ли написать одно письмо? Тевекеляну? Дело в том, что Соне, уборщице, отказали в приеме ее детей в Детский Сад. Это, говорят, сад для писательских детей. Но тут надо сделать исключение, п<отому> ч<то>мальчики ее погибнут, а она не может работать. Вот и надо написать Тевекеляну, что случай исключительный, что положение трагическое.

Отец, пьяница и негодяй, — сантехник Ипатов, Дмитр<ий> Дмитриевич.

Мать — уборщица в Библиотеке — Софья Васильевна Ипатова.

Дети: Саша, 5 лет; Вова, 3 г<ода> 8 мес<яцев>.

Они всегда голодны. Отец все пропивает и бесчинствует у них на глазах.

Мать вынуждена ходить на работу с детьми. Работать она хочет, человек добросовестный, но связана детьми, а дети (этого не пиши!) просто на улице подбегают и просят хлеба.

Отовсюду слышу восторги по поводу твоих статей[2]. Мне говорят и пишут о твоем «героическом подвиге». Что-то еще будет, когда пойдут статьи друг за другом в «Литературке»! Все выпрямится, разъяснится, само станет на свое место. А «ЛиЖи»[3] подла, как ей и положено: недаром это софроновский орган. Смотри, как они учтивы с тобой (и в каждом номере все учтивее, ибо ты защищен славой и возрастом) и как грубы с Долининой[4].

Ты знаешь, я «Литературку» не люблю, но при теперешнем отчетливом расслоении (в «ЛиЖи», «Октябре», «Москве» — черная сотня) — «Литературка» кажется верхом благородства, п<отому> ч<то> все-таки противопоставлена им.

Все идет отлично — одно только худо, что тебе это стоит нервов. Люди, тебя не знающие, не верят этому, не верят, что ты можешь всерьез огорчаться Астаховым[5]. «Да ну! Да не может быть! Да вам это кажется!» Но я-то знаю, что ты огорчаешься — и понапрасну.

Конечно, письма учителей тоже сфабрикованы («организованы») редакцией[6], но учителя все-таки люди, хоть и малограмотные. А Астахов и Ашот — это просто подонки, софроновские прихвостни.

Очень хорошо, что «ЛиЖи» относительно «Литературки» и по ведомственной линии занимает подчиненное место — в наше время и это имеет значение.

Ну, черт с ними.

Я все еще вожусь со своей книжкой, со 2-м изданием[7]. Теперь дело идет успешно, но из-за отъезда Маруси — медленно. Очень мешает хозяйственная суета.

Дед, мы хотим, пока тебя нет, сделать у тебя ремонт — у тебя в комнате. Напиши — разрешаешь ли?

Тевекелян, Варткес Арутюнович, директор Литфонда.

Фамилию и имя проверила.

Целую тебя.

Л.

[1]Датируется по записям К. И.: «*28 августа 1961.* Я в Барвихе» (Дн.-2, с. 303). «*3 сентября 1961.* Всю эту неделю я хвораю» (Дн.-2, с. 304).

[2]Речь идет о статьях, которые позже вошли в книгу «Живой как жизнь: О русском языке». Статьи печатались в «Неделе» («Правильно ли мы говорим?», 22 августа — 2 сентября), в «Известиях» («От споров — к делу», 24 августа 1961) и в «Литературной газете» («Нечто о лабуде», 12 августа; «Канцелярит», 9, 16 сентября 1961). Особенно бурную полемику вызвала статья «Нечто о лабуде», где К. И. пи-

сал о «Звездном билете» В. Аксенова и о школьном жаргоне. Дискуссия по поводу статей Чуковского шла в конце августа — сентябре 1961 года.

[3]«ЛиЖи» — так называли газету «Литература и жизнь».

[4]Н. *Долинина* вступила в полемику с «Литературой и жизнью» и поддержала статью К. Чуковского (см. ее статью «Легкий способ спорить», 26 августа 1961). В «Литературе и жизни» (30 августа 1961) Ашот Гарнакарьян одернул ее: «В статье Долининой удивляет ее неуважение к собственной профессии. Она не верит в то, что педагог может действительно воздействовать на воспитание речи юношей и девушек, легко соглашается с утверждением, что оголтелой вульгарщине среди учащихся способствуют сами педагоги. Может, тов. Долинина имеет в виду свой собственный педагогический опыт, но ведь есть еще опыт большинства наших учителей».

[5]И. *Астахов* напечатал в «Литературе и жизни» свои возражения Чуковскому по поводу его статьи «Нечто о лабуде» («Не по-горьковски!», 23 августа 1961).

[6]30 августа 1961 года «Литература и жизнь» поместила под общим заглавием «За чистоту русского языка» статью Ашота Гарнакарьяна и подборку «Строки из писем» с возражениями Чуковскому.

[7]Речь идет о книге Лидии Чуковской «В лаборатории редактора».

284. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

25 апреля 1962. Барвиха[1]

Милый Лидок. Я ужасно рад, что Ялта пришлась и Тебе и Шурочке по вкусу. Мне весело было читать Твое письмо. Я ожидал, что в нем будут жалобы на жару, на крутизну дорог, на невыносимых соседей. Так что твое письмо явилось приятным сюрпризом. Все рассматривают мою награду как огромную нравственную победу над хулиганьем и хамьем[2].

[Продолжение на обороте] Целую Шурочку, надеюсь, нарыв у нее уже прошел, и она уже хоть чуть-чуть отдыхает от своей ленинградской тоски. У Веры[3] я целую руку — Шурочку *просто целую.* У нас все благополучно, но я так истомлен, что решил не ездить в Оксфорд.

Дед

Адрес на конверте: Ялта. Ул. Кирова, 9. Дом писателей. *Обратный адрес:* Москва К-9, Горького...

[1]Почтовые штемпели: Москва. 25.4.62; Ялта. 27.4.62.

[2]*...моя награда...* — Ленинская премия за «Мастерство Некрасова». — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]*Вера* — быть может, Вера Федоровна Панова, жившая в Ялте в Доме писателей в то же время. — *Примеч. Л. Чуковской.*

285. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

28 апреля 1962. Ялта[1]

Дорогой дед.

У меня к тебе просьба — мне кажется, легко исполнимая. Здешние энтузиасты во главе с Елизаром Мальцевым (не путать Елизара и Ореста[2]! Орест — прохвост, а этот — нет) послали тебе телеграмму. Кажется, коллективно. (Вера Федоровна[3] отдельно.) И вот оный Елизар меня каждый день спрашивает, получил ли ты (она была послана в Барвиху прямо), и я так понимаю, что было бы хорошо, если бы ты что-нибудь ответил. Получил ли ты ее? Не можешь ли ответить? Адрес: Крым, Ялта, Дом Писателей, Мальцеву. Напиши два слова и дай Кларочке. Это будет *прулично*, как говорит Ардов.

Твой привет Пановой я передала.

Очень огорчаюсь, что тебе расхотелось в Оксфорд. Надеюсь, это всего лишь минутная хандра и ты все-таки поедешь.

А когда ты вернешься в Переделкино?

Увы, наша с Шурой поездка обернулась весьма неудачно. Только первые 3 дня Шура чувствовала себя хорошо, веселилась и радовалась, гуляла, строила планы. На 4-й день у нее сильно (185/125) подскочило давление, ее уложили в постель, и она лежит до сих пор с сильными болями в голове и в сердце. <...>

Видел ли ты сочинение Паперного о «Мухе-Цокотухе», напечатанное в «Московском Литераторе»?[5] Ужасно смешно.

Да, конечно, твоя премия многих обрадовала. Я здесь наблюдала, как жадно слушали сообщение по радио, как радовались — и за тебя, и против негодяев. И эта *радость против* была очень сильна.

Напиши, пожалуйста (не спеша, когда время будет), над чем ты работаешь и как чувствуешь себя? Люшенька мне писала, что вы вместе ездили смотреть Жениных мальчиков[6] — ну, как ты их нашел?

Целую тебя. Будь здоров.

Лида

28/IV 62

Адрес на конверте: Москва К-9. Ул. Горького... *Обратный адрес:* Крым, Ялта, ул. Кирова, 9. Дом писателей.

[1]Почтовые штемпели: Ялта. 29.4.62; Москва. 2.5.62.

[2]*Елизар* Юрьевич *Мальцев* (р. 1917) и *Орест* Михайлович *Мальцев* (1906—1972), писатели-однофамильцы, принадлежавшие к разным полюсам общественных настроений.

[3]*Вера Федоровна* — Панова.

[4]11 апреля 1962 года газета «Московский литератор» поместила шуточное произведение З. Паперного «Писатели — Корнею Чуковскому». Паперный пародирует А. Софронова, К. Симонова, С. Баруздина, В. Шкловского, И. Астахова, изображая, как бы они написали сочинения на темы К. Чуковского. А. Софронов пишет пьесу «Муха-Цокотуха замужем» (в это время в театрах шла пьеса А. Софронова «Стряпуха замужем»). В пьесе «появляется группа передовиков — трудолюбивые муравьи, знатные букашки, кузнечики своего счастья, светлячки нового». У Симонова действуют «Комарик не с фонариком, а с трубкой, и Паук, которого он испугался на всю жизнь». Сочинение Баруздина: «Начинается так повестушка / У меня зазвонила вертушка». В. Шкловский пишет книгу: «Муха. Размышления и разборы». И наконец, И. Астахов, постоянный оппонент Чуковского, называет свое сочинение «Мушиная возня». Он упрекает Чуковского в лакировке действительности («позолоченное брюхо»), в проповеди крупного приобретательства («и купила самовар») и т.п.

[6]Речь идет о правнуках К. И. — Андрее (р. 1960) и Коле (р. 1961), сыновьях его внука Жени.

286. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Вторая половина сентября 1962. Барвиха[1]

Дорогая Лида.

Больше всего на свете я хотел бы написать об Анне Ахматовой. Но мозги у меня такие вялые, что выходит какой-то тусклый и бессмысленный набор слов. Мне стыдно даже показывать эту жалкую дребедень. Но — стараюсь.

У меня нет *всей* поэмы, и я не знаю, что предназначено для «Нового мира»[2]. В первый раз было самоубийство влюбленного в Судейкину.

И кто такая царица Авдотья? И какой дом модерн — на Литейном?

Дед

[1]Датируется по записи Л. К.: «*19 сентября 62.* В промежутке многое, связанное с «Поэмой». «Новый мир» от имени Твардовского обратился к Деду с просьбой написать предисловие. Я, от имени Анны Андреевны, тоже «обратилась». Редакции Дед ответил: «Да, да, конечно, это для меня большая честь», мне же стал жаловаться на бессонницу, склероз. Затем уехал в Барвиху, сказав мне на прощанье: “Вот кончу о языке и возьмусь за Ахматову”» («Записки». Т. 2, с. 508).

[2]Речь идет о вступлении к «Поэме без героя», которое Анна Андреевна, через меня, просила К. И. написать для «Нового мира».

К. И. написал — но «Поэма» напечатана не была, а статья его появилась в журнале «Москва», 1964, № 5 — отдельно. — *Примеч. Л. Чуковской.*

287. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Между 10 и 12 октября 1962. Барвиха[1]

Дорогой Лид.

Статья об Анне Андреевне вышла не вдохновенная, склеротическая. Но мысли в ней верные. Нужно один экземпляр послать Марьямову, а другую со страхом и трепетом — А<нне> А<ндреев>не.

Хотя ты и «помнишь» мою статью о Нагродской[2], я ее никогда не писал. Статья о Чарской перепечатана в кн<иге> «От 2 до 5» (1937), статья о Вербицкой в «Книге о совр<еменных> писателях» (у Клары есть).

Самый сердечный привет Наташе[3].

Видала ли Фрида статью об ее Карабанове «В мире книг» № 9?[4]

Удалось ли устроить Фину?[5]

Люшу обнимаю.

Твой КЧ

[1]Датируется по записи Л. К.: «*10 октября 62.* Утром звонила Анна Андреевна, не прислал ли мне Корней Иванович статью после машинки... *12 октября 62.* Сегодня я отвезла статью Корнея Ивановича Анне Андреевне... » («Записки». Т. 2, с. 529). См. также следующее письмо.

[2]Евдокия Аполлинарьевна *Нагродская* (1866—1930), писательница, автор нашумевшего романа «Гнев Диониса», дочь Авдотьи Панаевой. Статьи, специально ей посвященной, у Чуковского нет, однако он упоминал о ней в своих статьях об Авдотье Панаевой и в своем дневнике (Дн.-1, с. 403; Дн.-2, с. 436—437).

[3]*Наташа* — Наталия Иосифовна Ильина.

[4]Речь идет о письме в редакцию А. Могилькова «Семен Карабанов трудится у нас» («В мире книг», 1962, № 9).

[5]*Фина* — дочь писателя О. А. Хавкина. В это время она работала на текстильной фабрике, откуда ее не отпускали учиться в вуз (подробнее см. следующее письмо).

288. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 октября 1962. Москва

Дорогой дед. Вот уже два дня ходят слухи, что ты нездоров; сегодня утром я звонила, но толку никакого не добилась, ибо ты спал. <...>

Пользуясь оказией, пишу тебе о двух делах — *но не с тем, чтобы ты сейчас* что-нибудь предпринимал; предпримешь, *когда совсем выздоровеешь.*

1. Ахматова.

Я была у нее, привезла твое предисловие. Она очень волновалась, читая. Я не меньше. Ей *очень, чрезвычайно нравится*. Знаю, что она уже всем показывает или сама читает вслух. Мне она говорила так:

«Это первозданно и основополагающе... Этого еще никто не писал... Это — опровержение всех обычных представлений о моих стихах, опровержение спокойное, веское — без задора, — но совершенно неопровержимое. Ново, убедительно, неопровержимо». «Это — по-европейски, умно, точно».

И т.д. и т.п. без конца — мне и не мне.

Однако у нее есть несколько возражений; два — существенных, два мелких.

1) «Зачем К. И. так конкретизирует образ О. А. [Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной]? Будут говорить: Ахматова написала поэму о любовных приключениях одной актрисы, своей подруги. Это ведь только внешне Ольга, а на самом деле это и я, и Андроникова...[1] Это обобщение, а не личность... Путаница-Психея — это не только О. А. в костюме, но и сама жизнь, и душа... Мне бы хотелось, чтобы К. И. затушевал конкретности... подробности... Может быть, он отнесет их в примечания? Или оставит на месте, но потом скажет: «Однако автор имеет в виду не только О. А. Глебову-Судейкину, но некое обобщение, соответствующее эпохе...» Ну, Чуковский сам найдет, что сказать».

2) Нельзя ли подчеркнуть, что лишь та часть поэмы, которая посвящена 13 году, *дана в виде бреда, гофманианы*; а следующая — о 40, 41 — ясна, реальна, как день? Сказать это в одной строке.

3) Ольга Аф<анасьевна> только училась в школе Алекс<андринского> театра, а служила потом у Суворина[2].

4) На портрете «Путаницы» нет никаких цветов. А<нна> А<ндреевна> показала мне фотографию портрета — в самом деле нет[3].

Вот и все ахматовское. Она просила кланяться, благодарить, приветствовать. Если ты пришлешь ей когда-нибудь использованные тобой материалы, — будет признательна.

И мне предисловие очень нравится. Какое же оно невдохновенное! Оно просто очень строгое, сдержанное по тону — и таким оно и должно быть: внутренне-сокрушительное, внешне спокойное[4].

Теперь о Фине.

Делом этим активно занимаются человек 7 — и все-таки опять нужен будешь ты (когда встанешь).

Хочу, чтобы ты знал его суть и ход.

1) Фрида отнесла твое письмо в «Известия».

2) Там, на бланке, написали просьбу в Совнархоз, директору Жигалину — на основе твоего письма освободить Фину.

3) С этой просьбой пошел к Жигалину поэт Панченко[5], ее тарусский знакомый, участник «[Тарусских] Страниц», с большой бородой — по отзыву окружающих, спец по уламыванию начальства. Он пробыл там вчера 3 часа. Жигалин принял его, вник и позвал к себе Шибанова — заведующего всей текстильной промышленностью (!). Тот объяснил поэту, что с текстильных фабрик все бегут, нет рабочей силы, Фина нужна и пр. Разговор шел долго и по-всякому. Наконец Шибанов сказал, что, конечно, как не уважить просьбы К. И., они так чтут К. И., но знаете... письмо... мало ли как бывает... большие люди любят подмахивать добрые письма и т.д. Что вот, если бы К. И. им позвонил и сказал сам два слова о Хавкиной... тогда бы они знали, что она в самом деле человек стоящий и пр.

Я понимаю, что тебе легче написать 10 писем, чем 1 раз позвонить по телефону. Особенно из Барвихи. Но что же делать с дураками? И я очень прошу тебя позвонить, *когда ты совсем выздоровеешь*. Если надо для этого мне приехать и тебе помочь — приеду с удовольствием, только напиши когда.

Зовут этого текстильщика Борис Иванович Шибанов. Тел. Б 169—82. (Бывает на месте часов в 9 — 9 ч. 30 м. утра.)

Панченко говорит, что разговор должен быть такой:

«Мне сказал товарищ, который ходил к Вам с моим письмом о Хавкиной, что Вы и т. Жигалин обещали подумать о ее судьбе. Меня это очень тревожит, и я с нетерпением жду Вашего ответа, т.к. сам занимаюсь подготовкой этой девушки в ВУЗ, хочу, чтоб она скорее могла поступить на Курсы готовиться и очень жду ее освобождения [от работы], которая ей к тому же физически не по силам».

Что-нибудь в этом роде. «Чуковский сам знает», как говорит А<нна> А<ндреевна>.

Главное, чтобы они поняли, что ты в ее освобождении и образовании действительно заинтересован и веришь в ее «талант».

Как твой Алексей Толстой[6]?

Мой Герцен[7] работается, а наш общий Коротков[8] молчит, отдав мою рукопись какой-то Померанцевой и 2 недели назад обещав позвонить мне через 2 дня.

Зато «Софья Петровна» начала как-то странно двигаться. Я ведь ее отнесла в «Советский Писатель», в тот самый отдел прозы, который я обругала в газете. Ее (разумеется, не читая!) послали на рецензию Злобину[9]. Он написал рецензию сугубо положительную. Гм. Теперь ее посылают, кажется, Атарову. Не знаю, что напишет он, но после его рецензии они уже будут обязаны читать сами... На напечатанье я не надеюсь, но пусть почитают, — а там и обсудить можно... и вещь затеплится, начнет жизнь.

Вчера мне позвонила секретарша Эренбурга[10] и сказала, что Илья Гр<игорьевич> хочет меня видеть и просит придти к нему в среду или в четверг. Поэтому в среду я не поеду на дачу; съезжу для инспектирования во вторник — и вернусь. Зачем он меня зовет? Я не знаю, я на прием не просилась, и дел у меня к нему никаких нет. Думаю, хочет поговорить о «Софье», которую читал[11].

Вот какие мои дела.

Люшка здорова. Сегодня звонила в Барвиху, но из смутных ответов сделала вывод, что ты никого не зовешь.

Надеюсь получить весть от Кларочки.

Целую тебя.

Будь здоров.

Л.

Воскресенье, 14 октября 62
Москва

[1]*Андроникова* — Саломея Николаевна *Андроникова-Гальперн* (1888—1982), адресат стихотворений Ахматовой и Мандельштама.

[2]Речь идет о Драматическом театре А. Суворина.

[3]*«Путаница»* — пьеса Юрия Беляева (1913), в которой главную роль играла О. А. Глебова-Судейкина. Имеется в виду ее портрет в костюме Путаницы работы С. Судейкина.

[4]Почти то же см. в записи Л. К. 12 октября 62: «Сегодня я отвезла статью Корнея Ивановича Анне Андреевне... Мы сидели с ней одни...

Анна Андреевна слушала с неподвижным лицом, но я чувствовала, что и она волнуется. Потом она очень хвалила: «Первоклассно, по-европейски, точно; опровергает общераспространенное мнение о моих стихах без задора, но несокрушимо».

Одним она недовольна: слишком подробной конкретизацией жизни и быта Ольги Афанасьевны. «Скажут, Ахматова написала поэму о похождениях своей подруги, актрисы». Просит затушевать конкретности. Кроме того, просит упомянуть, что

о 13-м годе говорится сквозь гофманиану, а о 41-м — с полной реалистической ясностью.

Попросила исправить цитату из «Предыстории»: в Дедовой статье пропущена одна строка, как и в сборнике 61 года: “Под желтой керосиновою лампой”» («Записки». Т. 2, с. 529).

[5]Николай Васильевич *Панченко* (р. 1924), поэт; цикл его стихов напечатан в сборнике «Тарусские страницы» (Калуга, 1961).

[6]Речь идет о воспоминаниях Чуковского об Алексее Толстом, вошедших в его книгу «Современники», которая в это время печаталась в издательстве «Молодая гвардия».

[7]*Мой Герцен...* — в это время у Л. К. был договор на научно-художественную биографию Герцена для «Молодой гвардии».

[8]Юрий Николаевич *Коротков*, редактор альманаха «Прометей», издаваемого «Молодой гвардией».

[9]Степан Павлович *Злобин* (1903—1965), писатель. Его рецензия на девяти машинописных страницах сохранилась в архиве Л. Чуковской. С. Злобин пишет: «Повесть оставляет очень тяжкое впечатление. Она настолько проста и реалистична, настолько правдиво-документальна, что переселяет читателя в тяжкие времена, в безнадежную жуть.

Безнадежную? Да — в безнадежную. Именно за это, с точки зрения Берии, автор заслужил бы исчезновения навек без всякой вести. Но я не мог бы понять редактора, который эту безнадежность сочтет сегодня препятствием для публикации повести...

Повесть Л. К. Чуковской заставляет читателя ненавидеть произвол, темноту реакции, бесправия, бюрократическую машину... Она своей правдой возбуждает ненависть не к конкретным «злодеям» из ее повести, а к самому механизму произвола... Несколько слов о художественных средствах: по-моему, простота, которая составляет главное качество этой повести, вполне соответствует понятию художественности».

[10]Секретарем Эренбурга в эти годы была Наталья Ивановна *Столярова* (1912—1984).

[11]В архиве Л. Чуковской сохранился отзыв Эренбурга о «Софье Петровне», написанный после отказа «Нового мира» напечатать повесть. Эренбург писал: «...нужно было мужество, чтобы в 1939 году не только написать и хранить, но попросту глубоко задуматься над происходящим. Хорошо, что Вы показали женщину в футляре, слепо всему верящую, мещанку, именно на ней особенно страшно все. Прекрасны страницы о приемах, окошках, женах, собраниях, они живые, в них чумной воздух эпохи. Очень обидно, что ее не напечатают!» (Соч.-2. Т. 2, с. 457—458).

289. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

21 октября 1963. Барвиха[1]

Дорогой Лидок.

Вот на какой бумаге я пишу тебе это письмо. Во-1-х, поздравляю с тишиной Комарова. Если есть тишина, нам с тобой ничего не надо. У меня в моей келье тоже тихо: оказался очень деликат-

ный сосед. Из-за этого я уже кончил статью о Куприне — вступление к 9-томнику, выходящему при «Огоньке», и наконец-то после четырех вариантов написал статью «Мой ответ». К сожалению, «Лит<ературная> газ<ета>» бездарно изменила концовку, которая в оригинале была такова:

«В своей реплике Сельв<инский> упомянул между прочим гениальное стихотворение Ал. Блока «О Русь моя. Жена моя...»[2] и написал о нем следующее:

«Меня тоже (как и Гребнева) коробит оттого, что моя родина оказывается... женой Александра Александровича».

Во-1-х, едва ли у него есть основания думать, что Н. Гребнева может коробить какое бы то ни было стихотворение Блока. Во-2-х, откуда у С<ельвинского> взялось убеждение, что у него есть какая-то своя особенная родина — не та, что у Ал. Блока, и что Блок называет женой именно эту родину И. С<ельвинско>го, в-3-х, чем мотивирует он свое убеждение, что Блок говорит здесь от своего имени — от имени Александра Александровича?

При этаком критическом методе нетрудно объявить великого поэта — негодяем, так как в Блоковской «Клеопатре» написано:

Я сам, позорный и продажный...

Если этот паспортный метод внедрится в советскую критику, если за каждым писательским *я* мы будем видеть определенного Ив<ан> Ивановича, несдобровать ни одному прозаику, ни одному стихотворцу»[3].

Сельвинский, как оказывается, записался в подонки. Дружит с журналом «Октябрь», якшается с Кочетовым[4]. Отсюда его «*очень русский Медведь*». И «*моя* родина».

Была у меня Люша. Оживлена, здорова, мила.

Я получил письмо от Маршака — чудесное, о переводе[5].

Как здоровье Анны Андреевны[6]. Здесь отдыхает плюгавая, болтливая старуха, которая тоже зовется Анна Андреевна. Я вижу в этом святотатство и кощунство и ни разу не обратился к ней «по имени-отчеству».

Новая наша домработница, по общим отзывам, никуда не годится.

Целую тебя — пора приниматься за работу: 6 часов утра.

Дед

21 октября 63

Адрес на конверте: Ленинградская обл. Финляндская жел. дорога, ст. Комарово. Дом творчества писателей

[1]Почтовые штемпели: Москва. 22.10.63; Комарово, Ленинград. обл. 25.10.63.

[2]*«О, Русь моя! Жена моя!»* — цитата из первого стихотворения в цикле «На поле Куликовом»— «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...».

[3]См. статью К. Чуковского «Мой ответ: [К итогам дискуссии по вопросам художественного перевода]» («Литературная газета», 29 октября 1963).

[4]Всеволод Анисимович *Кочетов* (1912—1973), писатель, главный редактор журнала «Октябрь».

[5]Это письмо теперь опубликовано. Маршак отзывается на новое издание книги Чуковского о проблемах художественного перевода «Высокое искусство». Он пишет: «Ваша книга «Высокое искусство» сейчас особенно нужна... я на своем личном опыте вижу, что из всех жанров, в которых я работаю, перевод стихов, пожалуй, самый трудный» (С. Маршак. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1972, с. 502—503).

[6]*Анна Андреевна* — Ахматова.

290. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Начало марта 1964. Москва[1]

Дорогой дед, посылаю тебе, как ты просил, переводы Бродского. По трагическому звуку мне очень нравится Галчинский[2].

О тебе знаю мало. Т<атьяна> М<аксимовна> и Кл<ара> Изр<аилевна> уверяют, что «все отлично». Так ли?

Целую тебя Л.

Выпустили скульптора Нетова[3]! За которого хлопотал ты и Солженицын.

[1]Датируется по упоминанию о переводах Бродского из Галчиньского. Об этих переводах К. И. писал в своих письмах, посылаемых в инстанции, накануне второго суда над И. Бродским, который состоялся 13 марта 1964 года.

[2]Константы Ильдефонс *Галчиньский* (1905—1953), польский поэт.

[3]Речь идет о скульпторе Георгии Ивановиче *Недове*. А. Солженицын поминает его в «Архипелаге ГУЛаг». Г. И. Недов — один из тех, кто предоставил ему свое свидетельство о пережитом.

291. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 мая 1964. Переделкино[1]

Милая Лида.

Пожалуйста, приезжай!

Чудесная погода. Кукушка.

И ей-богу, я не в стачке с Марусей[2]. Ей-богу, я сильно ругаю ее, когда она не слушает твоих распоряжений. Очень больно,

что ты могла хоть на минуту подумать, что я могу желать Тебе неудобств и неприятностей. Я знаю, как Ты вся зависишь от мелочей, что для тебя это не мелочи, а вопросы жизни и смерти.

Приезжай.

Твой Дед

[1]Датируется по содержанию следующего письма.
[2]*Маруся* — сторожиха и истопница на даче Чуковского.

292. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

24 мая 1964. Москва

24 мая 1964

Дорогой дед.

Мании преследования у меня пока нету, и твоя «стачка с Марусей» (как ты пишешь в письме) мне никогда не приходила на ум.

Ты перестал со мной разговаривать и даже к столу спускался с явной неохотой.

Когда хозяин — учтивейший и деликатнейший — перестает разговаривать с гостьей, то гостья — если она не Катя — должна уезжать.

Я и уехала.

Я приеду, конечно, дорогой дед. И приеду с удовольствием, потому что я по тебе очень соскучилась и, как всегда, — о тебе тревожусь. Приехать мне надо, и повидаться надо, и погулять с тобой надо, и просто побыть — надо, и часто приезжать — надо, но надо ли мне регулярно жить в Переделкине? Вот об этом мне хочется сказать несколько слов.

Для всякого писанья всякое кочевье — вредно. Это ты великолепно понимаешь сам. Особенно для моего, которое требует десяток и сотен бумаг и бумажек и множества книг.

Для моего подло устроенного организма — тоже неполезно. Я каждый раз — безо всяких исключений — приезжаю с дачи простуженная, с ангиной, радикулитом, ноющим ухом и пр. Нет ни одного шанса, что научусь когда-нибудь переносить жару и разницу температуры в разных комнатах. Задыхаясь от жары, я открываю окна — сейчас же начинается ухо, горло и пр. Я бы наплевала на простуду, но каждые десятые повышенной температуры

прекращают лечение глаз — отменяются уколы, капли... Я возвращаюсь в город в пятницу и ложусь; в субботу мне лучше; в воскресенье к вечеру я встаю; в понедельник — живу в свое удовольствие. Во вторник я еду на дачу. Среду я выдерживаю, в четверг перемогаюсь, в пятницу заболеваю.

И так — каждый раз.

Ты пишешь, что пустяки для меня не пустяки, а «жизнь или смерть».

Нет, больше. Жизнью мне дорожить не для чего, и бороться за нее я бы не стала. Борюсь я за зрение, за которое иначе чем режимом и покоем, т.е. «пустяками», — бороться нечем... Ты сделал maximum: и городская квартира, и «Пиво-воды»[1] — это от тебя. Благодаря этому, т.е. возможности быть много в одиночестве и покое, и жить своим темпом, на свой манер, — у меня еще сохранилась четвертушка зрения в *одном глазу*. За нее я и воюю — за нее и за возможность написать еще 1—2 книги.

Но и воевать мне нельзя. Потому что всякая *мелкая* война убивает зрение.

Кроме того, война безнадежна. Во вторник вечером я, при тебе, сильно тебя огорчив, накричала на Марусю.

В среду утром Маруся встала пораньше и затопила котел пожарче, хотя сияло солнце и не было дождя. В 12 я открыла окна; в 2 полоскала горло календулой и клала в ухо вату со спиртом.

Организм у меня, увы! тоже упрямый. Не гибкий, не приспосабливающийся. Как Маруся.

Ты можешь построить дом, но сделать так, чтобы человек, который не переносит звука, не переносит жары, не переносит суеты, не переносит больше двух-трех человек в комнате, не переносит одновременного разговора, чтобы такой урод мог жить с людьми вместе, не доставляя страданий себе и неудобства всем, — этого и ты не можешь.

Такой человек должен жить один.

Я это давно понимаю и давно говорю.

Подойдем к делу с другого конца.

Моя жизнь в Переделкине, в общем доме, неудобна решительно всем.

Утром я работаю. Нельзя вволю говорить внизу по телефону, как привыкли О<льга> В<асильевна>, Валя[2] и мн. др. Они говорят, но стесняются. А я не пишу.

Обедаю я в 2 ч 30 — для меня это обязательно, п<отому> ч<то> если я позже ложусь — я не сплю, а не сплю днем — не сплю ночью, а не сплю ночью — худо вижу и т.д.; но всем остальным это неудобно. Кухарке трудно к этому часу сделать обед. Ты в это время, после тяжкого труда, хочешь идти гулять. Кларочка и Коля привыкли обедать позже.

После обеда я ложусь спать. Это отнимает у всех столовую, где ты мог бы принимать посетителей, куда кухарка должна придти поставить посуду, где находится общий телефон. Все должны помнить о моем сне, ходить тихонько. Это не может не раздражать — всех.

Между тем, когда я ложусь спать в городе, это не мешает никому.

И потому в городе, без воздуха, я сплю гораздо лучше, чем на дивном воздухе в Переделкине.

Тут я никого не угнетаю. («Вы боитесь Лиду?», как ты любишь говорить.) Тут я вижу очень мало людей и только тогда, когда я *в силах* их видеть, когда я «в форме», и только тех, для кого я не принудительный ассортимент, чье трехдневное пребывание надо уж как-нибудь перетерпеть в угоду хозяину дома, а для кого я — и общение со мной — радость.

Не стану хвастать, таких людей очень немного. Но тем сильнее я ими дорожу.

И наконец, самое главное.

Жить в Переделкине, у тебя в доме, надо, разумеется, прежде всего не чтобы нам было хорошо и удобно гулять и работать, а чтобы *помогать тебе*. Так, собственно, я и задумывала свои регулярные приезды в Переделкино. Жить в Переделкине, у тебя в доме, для себя — бессовестно и безобразно. Я же тебе ничем не помогаю. Читать тебе я не могу (как Кларочка, Марина, Люша, Т<атьяна> М<аксимовна>). Разбирать твои письма — тоже. Встречать твоих гостей — тоже. Помогать в библиотеке — тоже. Вот и выходит, что, ничем не помогая тебе, я всем в то же время мешаю.

Вот и подумай, зачем со вторника по пятницу я живу в Переделкине?

Конечно, «Пиво-воды» многое облегчают. Там я меньше мешаю всем, и мне меньше мешают все (только дети, собирающие цветы и грибы и поющие под окнами). Мне там, конечно, гораздо лучше, чем в доме, но для дома толку от меня все равно нет.

Какой же вывод из всего этого?

Сейчас я самом разгаре писания четвертой главы, которая долго не двигалась, а теперь наконец двинулась. Снимать ее со стола и волочить на дачу — мне не хочется. Думаю, что между 3 и 5 июня (а м<ожет> б<ыть>, и раньше) она придет в такое состояние, что я буду иметь дело только с рукописью. Тогда я приеду на несколько дней в «Пиво-воды», устроюсь там и летом буду ездить в зависимости от работы, здоровья, погоды.

До тех же пор приеду как-нибудь в свой выходной — повидать тебя, послушать статью об Англии и о Зощенко.

Целую тебя.

Лида

Я тебе позвоню, и мы сговоримся.

[1]*«Пиво-воды»* — шутливое прозвище маленького домика, выстроенного Корнеем Ивановичем мне в подарок в самой глубине лесного участка. Размером он чуть больше вагонного купе: там помещается только столик, кресло и койка. Прозвище свое этот ярко-зеленый дощатый домик получил за сходство с пивными ларьками. Это скорее беседка, чем дом, у него нет фундамента, и жить в нем можно только в жару летом. — *Примеч. Л. Чуковской* («Записки». Т. 2, с. 461).

[2]*Валя* — Валентина Сергеевна Хлыстова, сотрудница переделкинской детской библиотеки.

293. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

17 июля 1964. Переделкино

17 июля 1964

Милая Лида. Я рад, что Твои дела идут на поправку[1]. Чуть только разрешат врачи — приезжай в «Пиво-воды», здесь чудесно, — благо жара спала.

Когда я говорил по радио об Анне Андреевне, я чувствовал, что говорю скандально плохо, и мне было стыдно перед нею. И вдруг получаю целый ворох писем, образчики которых прилагаю[2].

Сейчас получил № «Таймса», где рассказана история Бродского, сообщено о ходатайствах Шостаковича, моем и С. Я., а также сказано (по поводу реквиема), что Ахматова — великий поэт[3].

Вот.

Дед

[1]Я лежала после того, как на меня наехал велосипед. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[2]«5 июля Дед выступал по радио — в честь семидесятипятилетия Анны Ахматовой, — пишет Л. К. — Откликов посыпалось множество — и он поручил мне отправить их Анне Андреевне. Я отправила» («Записки». Т. 3, с. 237).

[3]К. И. имеет в виду статью Патрисии Блейк «Быть советским литератором все еще опасно», опубликованную 21 июня 1964 года в «Нью-Йорк Таймс Ревю».

294. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 октября 1964. Москва

Пятница, 23/X 64

Дорогой дед.

Дозвониться тебе нет возможности, потому пишу.

Сегодня приехала из Ленинграда Фрида — счастливая, веселая, глазастая, совсем не такая почерневшая и заплаканная, какой она дважды возвращалась после суда.

Бумага подписана всеми ленинградцами во главе с А<нной> А<ндреевной>.

Приятель Бродского послан к нему с копией нашего поручительства и всякими наставлениями.

Подписанная бумага сегодня отправлена прокурору Малярову — тому, с которым говорила Грудинина[1].

Теперь остается только ждать. Впервые за 8 месяцев можно ничего не делать, а только ждать.

Я звонила Орлу[2]. Он — в больнице все еще. Прилагаю его домашний телефон... Эммануил Влад<имирович>; пусть Кларочка звонит ему иногда; чуть он выздоровеет — он к тебе, конечно, приедет.

Я напустилась на Люшу за то, что она не вернула тебе твой чемодан. Оказалось: она никогда никакого чемодана у тебя не брала. Кто-то что-то спутал.

Люб<овь> Эм<мануиловна> благодарит за книгу и стихи. Очень.

Я еду завтра вечером. Шура уехала вчера.

Мой адрес: Ленингр<адская> Область. Ст. Комарово. Дом Писателей.

Устроившись — напишу.

Будь здоров. Целую тебя.

Лида

Привет Юлиану Григорьевичу, Ване, Вере Васильевне, Кл<аре> Изр<аилевне>, Леониду Николаевичу, Тане, Шаскольским[3].

Посылаю «Лит<ературную> Газету» со статьями о языке[4].

[1]В этом письме — один из эпизодов борьбы за освобождение из ссылки поэта Иосифа Бродского, в которой Л. К. участвовала в течение нескольких лет. Подробнее обо всех перипетиях этой борьбы см. «Записки», Т. 3 и Соч.-2. Т. 2, с. 268—305.

Фрида — Вигдорова; *Анна Андреевна* — Ахматова; *приятель Бродского* — Анатолий Найман; Михаил Петрович *Маляров* — Генеральный прокурор СССР; Наталья Иосифовна *Грудинина* — ленинградская поэтесса, переводчица, руководительница литературного объединения при заводе «Светлана».

Комментарием к письму может служить запись в дневнике Л. К. от 22 октября:

«Сдвиг по делу Бродского — большой, счастливый. Миронов — тот самый Миронов, который накануне суда так гнусно говорил с Корнеем Ивановичем, который дал ход всему беззаконию, — так вот, тот самый Миронов 3 октября позвонил в Ленинград Грудининой и сообщил, что он передал дело снова в Прокуратуру СССР, куда ее, Грудинину, и вызовут. 19 октября эта Жанна Д'Арк была на приеме у исполняющего обязанности прокурора СССР Малярова. Решено: мы, хлопотавшие, 15 человек (число назвал он) берем Иосифа на поруки, срок сокращается до 8 месяцев. Вечером девятнадцатого у Фриды — я, Гнедин, Грудинина написали соответственную бумагу. 20-го утром я, Шура и Грудинина съездили к Корнею Ивановичу; он подписал; затем Грудинина поехала к Паустовскому, а от него прямо в Ленинград. Туда же — Фрида, чтобы не потерять ни минуты; там подпишут Анна Андреевна, Дар, Вахтин, Долинина, Эткинд, Адмони, и тогда письмо будет представлено Малярову. А к Иосифу поедет Толя (из Ленинграда), с которым Фрида посылает ему для осведомления наше поручительство».

[2]Эммануил Владимирович *Орел*, врач-невропатолог в поликлинике Литфонда.

[3]*Юлиан Григорьевич* — Оксман, который в это время отдыхал в переделкинском Доме творчества; *Ваня* — Иван Игнатьевич Халтурин; *Вера Васильевна* — Смирнова, его жена. Халтурины жили в Переделкине по соседству от Чуковского; *Леонид Николаевич* — Радищев (1905—1973), ленинградский писатель, который в это время отдыхал в переделкинском Доме творчества; *Таня* — Т. М. Литвинова; *Шаскольские* — Марианна Петровна Шаскольская (1913—1983), физик-кристаллограф и ее дочери Вера (р. 1947) и Майя (р. 1948). М. П. Шаскольская помогала К. И. в его работе.

[4]22 октября 1964 года «Литературная газета» на двух полосах под общей шапкой «Спор идет...» поместила несколько статей, посвященных, в частности, предстоящей реформе орфографии.

295. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 октября 1964. Комарово[1]

Комарово, 27/X 64

Дорогой дед.

Я живу хорошо, в тишине и покое. Конечно, все в любую минуту может измениться — стены тут весьма проницаемые, но пока соседи мои беззвучные.

Я гуляю часа 3—4 в день, преимущественно вдоль берега моря по асфальтовой дорожке, которая тебе неведома.

Новостей пока никаких. С Ленинградскими друзьями я общалась пока только по телефону. 3/XI отсюда поедет машина, утром, в город — и прямо в тот дом, где живет Анна Андреевна. Тогда я поеду и постараюсь увидеть АА, Шуру, Гешу и Лилю, Алексея Ивановича[2].

Очень хочу поскорее получить от тебя письмо. Здоров ли ты? Не простужен ли? Спишь ли? Как Зощенко[3]? Выздоровела ли Клара Израйлевна? Как поживает и как работает Валентина Клементьевна[4]?

Здесь я познакомилась с Паничем[5], который тебе усердно кланяется. Человек, по-видимому, милый и умный. К сожалению, он завтра уезжает.

Ничего не знаю о Юлиане Григорьевиче[6] и очень беспокоюсь. В каком состоянии он уехал?

Люшеньке я написала в первый же день приезда. Буду ей писать завтра. Была ли она у тебя в воскресенье?

Где Ваня и Вера Васильевна? Не знаешь ли ты, отдал ли им Ю<лиан>Г<ригорьевич> моего Герцена, как я просила?

Будь здоров. Целую тебя и жду письма. Адрес на конверте.

Лида

Адрес на конверте: Москва, К-9. Ул. Горького... *Обратный адрес:* Ленингр. область, ст. Комарово. Дом творчества писателей.

[1]Почтовый штемпель получения: Москва. 28.10.64.

[2]*АА* — здесь и далее Анна Андреевна. *Шура* — А. И. Любарская, *Геша и Лиля* — Егудины, ленинградские друзья Л. К.; *Алексей Иванович* — Пантелеев.

[3]Имеется в виду статья о Зощенко, которую К. И. писал в это время.

[4]*Валентина Клементьевна* — новая домашняя работница.

[5]Михаил Семенович *Панич* (1903—1990), писатель.

[6]У *Юлиана Григорьевича* Оксмана был проведен обыск, а до этого у его знакомой иностранки отобрали его письмо к Г. П. Струве с замечаниями по поводу только что вышедшего за границей тома стихотворений О. Мандельштама.

296. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

1 ноября 1964. Переделкино[1]

Дорогая Лида!

В тот день, когда Ты уехала, начались мои адские муки: кашель удушливый, свистящий, вроде собачьего лая. Температу-

ра 37.2, 37.3. И ни малейшего сна — ни на секунду, несмотря на кучу снотворных. И страшный катастрофический насморк. Благодетельная Марина выбилась из сил: ноги в горчицу, полоскание календулой, банки, тетрац<иклин>, аспирин и черт знает сколько снадобий, и сейчас я кашляю значительно реже, и горло уже не болит.

Передай привет Анне Андреевне. Не знаю, рассказала ли Ты ей о письме, напечатанном в «Supplement»'е, где ссылаются на мою статейку в «Москве» в доказательство того, что «Поэма без героя» не обнародована целиком[2].

Был у меня Джон Чивер[3] — очень милый, бесконечно даровитый писатель. Его сопровождал тов. Брейтборт[4], который сказал мне, что А<нна> А<ндреевна> *непременно* поедет в декабре в Рим. Юрочка Анненков[5] спрашивает меня из Парижа, будет ли А<нна> А<ндреевна> в Италии и в каком городе.

Я ответил, что в Риме, но теперь сомневаюсь. Если не в Риме, черкни; я успею сообщить ему.

Были у меня очень милые комсомольцы одного из кунцевских заводов. Они охотно берут шефство над нашей библиотекой. Все они — инженеры, с высшим образованием, серьезные.

Ольга Васильевна получает другую должность, но не уйдет, покуда мы не подыщем ей замену.

Панич действительно хороший человек и пишет в высшей степени полезные книги. Была у меня Люша, оживленная, милая. Читала мне вслух — догадайся — «Возвращенную молодость» Зощенко. Статья о Зощ<енке>, очевидно, так и останется у меня неконченой. Некуда и девать ее. В Союзе Писателей выступил Друзин[6] и заявил, что пора призвать к ответу этих хрущевцев: Твардовского и Солженицына.

Ю<лиану> Г<ригорьеви>чу предложено уйти из Горьк<овского> Института; все договоры с ним расторгнуты, ссылки на него изымаются (о чем он не знает). Он был у меня пришибленный. Из Перед<елкина> он уехал.

Из-за болезни я не знаю ничего, что творится в мире.

Кланяется Тебе Кларочка.

Я считаю, что требование Гослита, чтобы Ты прибавила о Герцене как о мировом писателе, нелепо. Книга им нравится, пусть печатают, а не ставят добавочных требований[7]. Ради бога, не пиши

и не читай ничего — гуляй 6—7 часов. Гуляй до изнеможения — в этом, мне кажется, смысл Твоего пребывания в Комарове.

Целую Тебя

Дед (К. Чуковский)

Адрес на конверте: Ленинградская область. Ст. Комарово. Дом писателей

[1]Почтовые штемпели: Москва. 1.11.64; Комарово Ленингр. обл. 4.11.64.

[2]«*Supplement*» — «Times Literary Supplement» (США).

Статейка в «Москве» — статья К. Чуковского «Читая Ахматову: (На полях ее «Поэмы без героя»)» («Москва», 1964, № 5). О ней см. также примеч. 1 и 2 к письму **286**.

[3]*Джон Чивер* (1912—1982), американский писатель. К. И. написал предисловие к сборнику его рассказов «Исполинское радио» (М., 1962).

[4]Георгий Соломонович *Брейтбурд* (1921—1976), сотрудник Иностранной комиссии Союза писателей СССР.

[5]*Юрочка Анненков* — художник Юрий Павлович Анненков (1889—1974), которого К. И. знал еще по Куоккале. Позже Ю. Анненков иллюстрировал его «Мойдодыра», прославился своими рисунками к «Двенадцати» Блока, в конце 20-х годов уехал в Париж. В 60-е годы К. И. возобновил с ним переписку.

[6]Валерий Павлович *Друзин* (1903—1980), главный редактор журнала «Звезда», назначенный на эту должность в 1946 году после печально известного Постановления ЦК КПСС «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». В 1957 году переведен в Москву — заместителем главного редактора «Литературной газеты». В 60-е годы — один из главных деятелей Союза писателей РСФСР.

[7]Гослит (издательство «Художественная литература») готовил к выпуску книгу Л. Чуковской «“Былое и думы” Герцена». Книга вышла в начале 1966 года.

297. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

5 ноября 1964. Комарово

Дорогой дед.

О приложенном к сему письме кинорежиссера Бруссе[1] — после, а сейчас о более существенном.

Твое письмо вообще довольно огорчительно. Ты и хвораешь, и печалишься. Но самое плохое, на мой взгляд, то, что ты перестал писать о Зощенке.

Или, м<ожет> б<ыть>, это было мгновенное затмение и сейчас ты опять пишешь?

Непременно пиши про него. Ведь, кроме тебя, никто не может сделать эту важнейшую работу: «Не листай страницы, воскреси!» [2] И тебе уже не так много осталось. И насчет напечатанья я

уверена — все будет благополучно: не в «Новом мире» он пройдет — так в «Москве», не в «Москве» — так в «Звезде» — был бы написан.

А<нну>А<ндреевну> я еще не видала. Я должна была ехать к ней — в Ленинград — 3/XI, но заболела ангиной (ночью ветер открыл окно) и не поехала, слегла. Теперь надеюсь ее увидеть на праздник: она обещала на 3 дня приехать в Комарово в свою «будку». Тогда я ей все доложу и все у нее узнаю и тебе отпишу.

Ангина была у меня тяжкая только 2 дня, а сегодня я уже на ногах.

Теперь насчет Г. А. Бруссе. Он здесь живет. Очень настойчив, очень ждет твоего ответа. Я его не знаю толком, но впечатление порядочности он производит. Пожалуйста, ответь ему — прямо или через меня. Фильм его о Лермонтове хвалят. Но бог его знает.

Он старый человек, моего возраста.

То, что ты пишешь о Ю<лиане> Г<ригорьевиче>, — грустно, конечно. А впрочем, все это уже было. Главное сейчас: есть ли у него деньги? Хоть какой-нибудь запас? И — работа «для себя»? Чтобы пережить полгода, год. А дальше — видно будет.

За Алекс<андра> Исаевича[3] я не боюсь совсем. Он все равно будет писать, его не сломишь. Ведь и «Ивана Денисовича» он написал безо всякой надежды на напечатанье. Что бы ни случилось с Тв<ардовским> — он свое дело сделает и будет весел, силен, бодр. Да и с Тв<ардовским> ничего не случится, вопреки матерым спекулянтам, вроде Друзина.

Был областной подонок Друзин,
Стал ныне Друзин всесоюзен —

это все, что от него останется — о нем останется, и очень скоро... «Ему поставлен бюст» в виде этих двух строк.

Рецензий на Герцена я еще не получила. А и получу — торопиться не стану. Замечаний редактора я не боюсь: у меня был с ним один разговор по телефону, и я поняла, что настаивать он ни на чем не будет.

Я бы очень хотела, чтобы ты прочел моего Герцена[4]. Но это, конечно, после того, как ты кончишь Зощенко.

Я ничего не делаю. Гуляю и сплю. Мне кажется, это помогает. Т.е., во всяком случае, исчезло ощущение ежедневного «хуже».

Мне сказал один врач: «Глаза — отросток мозга». Значит, надо дать — и впредь давать — отдых мозгу и нервам.

Пока что мне здесь очень везет на соседей — в смысле тишины. Мертвый час тихо намертво, и с 10 ч. вечера тоже тихо. Не знаю, как будет на праздники, а пока очень хорошо. И погода отличная.

Были бы от тебя и Люши хорошие вести!

Целую тебя.

Лида

5/XI 64

Переехала ли в Переделкино Фрида?

[1]Георгий Артурович *Бруссе* (1907—1975), режиссер, сценарист, оператор. Среди его фильмов — «Художник Маяковский» (1965), в котором участвовал Корней Иванович.

[2]«*Не листай страницы! Воскреси!*» — из поэмы Владимира Маяковского «Про это» (последняя часть поэмы, «Прошение на имя...»).

[3]*Александр Исаевич* — Солженицын.

[4]Речь идет о рукописи книги Л. Чуковской “Былое и думы” Герцена».

298. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

8 (или 9) ноября 1964. Комарово[1]

Дорогой дед, я надеюсь, ты получил мое большое письмо (с Бруссе) и на него ответил. А это так, сведения об А<нне> А<ндреевне>, которые тебя интересовали.

Она едет в Италию, в Рим, из Москвы 2 декабря. Дальнейший ее маршрут ей не совсем известен. Будет в Сицилии.

Очень просит, чтобы ты подарил ей свою радиоречь, произнесенную 5 июля. Пришли мне, я доставлю.

Знаешь ли ты, что она получила степень доктора Оксфордского Университета? На днях?

Ю<рий> П<авлович>[2], по ее мнению, хочет иллюстрировать «Поэму без героя», а она этому не рада.

Жду писем. Целую тебя.

Лида

А<нна> А<ндреевна> тебе очень кланяется, расспрашивает о Зощенко.

Адрес на конверте: Москва, К-9. Ул. Горького...

[1]Почтовый штемпель получения: Москва. 10.11.64.

[2]*Юрий Павлович* — Анненков. Вот как передает Л. К. свой разговор с Ахматовой об Анненкове в ноябре 1964 года: «Я ей сказала... что... Анненков в письме к Деду спрашивает из Парижа, когда и где Ахматова будет в Италии. — Он хочет меня видеть потому, что давно уже собирается иллюстрировать «Поэму без героя». Думаю, вот причина расспросов. Но это не он должен делать. — Кто же? — Тот, кто понимает, что «Поэма» не «Мир Искусства». Шире... — Но ведь иллюстрировал же Анненков «Двенадцать», — сказала я. — Тоже не «Мир Искусства». А рисунки в самую точку. — Тогда он был здешний и понимал; из Парижа понять нельзя» («Записки». Т. 3, с. 244).

299. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

11 ноября 1964. Переделкино

11 ноября 1964

Милая Лидочка, я выздоровел, но не совсем. Все еще покашливаю. Авось это пройдет к Твоему приезду. Здесь приятные люди: Илья Зверев[1] и Радищев (он опять здесь). Был у меня Володя Глоцер[2], вернувшийся из своей поездки на Урал. Он посетил 3-х мальчиков Павловых, пишущих прелестные стихи. Это тем более замечательно, что деревня, в которой они живут, — это скопище пьяных кретинов, не знающих в жизни никаких услад, кроме водки. Писать стихи им приходится тайно. Они очень начитанны, очень интеллигентны, с интенсивно-умными лицами. Володя привез их фотокарточку.

По его словам, подписка на мое собрание сочинений откроется в Москве в этот четверг. О, зачем я сунул туда «Серебряный герб»!

Вышло (но еще не продается) мое «Высокое искусство». О, зачем я дал эту книгу «Искусству». Они мариновали книгу *ПОЛТОРА года* и выпустили ее 15-тысячным тиражом.

Здесь Фрида и Ал<ександр> Борисович. Он обещает завтра придти.

Сегодня я с маху написал целую главу о Зощенко. Боюсь перечитать. Дошел до 65 страниц, а всех страниц будет 75, не больше. Хотел дать в «Новый Мир», но там — статейка Каверина о Зощенко, очень хорошая. Придется обратиться в «Москву»[3].

Я рад, что твоя ангина так скоро прошла.

Я ответил режиссеру Бруссе решительным (но необидным) отказом.

Конечно, «глаза — отросток мозга». Ради бога, отбрось все мысли, все заботы и живи, как и полагается жить в санаториях. Было бы хорошо, если бы ты пренебрегла требованием Гослита насчет европейского значения Герцена, поелику такое значение равно нулю, если иметь в виду зарубежные народы, а не «горстки» специалистов.

Наша Валентина Клементьевна готовит неплохо. Маруся с ней ладит, и вообще в доме у нас тишь-благодать. Но погода сердится: ветер, мороз, снег, имеющий тенденцию стать мокрым.

Хотел приписать еще несколько строк, но Геннадий Матвеевич торопится в город.

Поэтому я целую Тебя — и умоляю еще раз: гуляй, развлекайся и помни:

Хочь солдатам чижало,
Между прочим ничего.

Дед

[1] *Илья Зверев* (1926—1966), писатель.

[2] Владимир Иосифович *Глоцер* (р. 1929), педагог, специалист по детской литературе.

[3] Статья К. Чуковского о Зощенко была напечатана в журнале «Москва» (1965, № 6).

300. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Около середины ноября 1964. Переделкино

Дорогая Лида, я вдруг вспомнил, как Зощенко цитировал А. А.:

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу — зренье...

И еще:

Ведь где-то есть простая жизнь и свет...

и т. д

Я пишу об этом в своей несуразной статье.

Меня очень обрадовала весть об Оксфорде. Если перед Италией А. А. заедет в Москву, я постараюсь повидаться с нею и как старый «Оксóниан»[1] предложить ей несколько «ума холодных наблюдений»[2]. А если мы не увидимся, я попрошу ее передать привет (в Лондоне) Саломее Николаевне Андрониковой — Соломинке. Мне не удалось по-настоящему побеседовать с Сал<омеей> Ник<олаевной>, и я об этом очень жалею. Как-то встретится А. А. с красавицей тринадцатого года[3]? Я разыскал ту нескладицу, к<ото>рую я экспромтом сказал по радио в день ее юбилея. Я был застигнут врасплох — в этом все мое оправдание. Сегодня пятница, а Кларочка будет у меня только в понедельник, тогда и перепишет статейку и пошлет ее тебе для А. А.

Было бы очень хорошо, если бы А. А. стала в Лондоне гостем Британского Совета. У нее была бы своя машина, своя гостиница, и жизнь ее была бы облегчена совершенно. Ее встретил бы на вокзале (на аэродроме, в аэропорту) проф. Питер Норман[4], прекрасно говорящий по-русски, — ее почитатель, и она встретилась бы с молодыми поэтами и т.д. Кто будет ее сопровождать в Италию? Когда у меня был Джон Чивер, его спутник говорил мне, что ее сопровождает жена Ардова[5], но я знаю, что это не так.

Вчера я встретил во время прогулки Александра Борисовича. Он был оживлен и весел. Со мною был Радищев[6]. Мы хохотали до упаду его экспромтам и «зоилиадам». Он обещал придти ко мне в пять часов. Но пришел в три и сказал, что не придет, так как у него поднялось давление. Он считает, что ему вредно находиться в обществе — и смеяться.

Радищев пробудет здесь еще месяц, так что ты застанешь его.

«Зощенко» я не даю в «Новый мир»: там есть отличная статья Каверина. Да и Твард<овский> относится к Зощ<енке> почти отрицательно. (Кстати сказать, так же относится и Александр Исаевич...)

Сегодня суббота. М<ожет> б<ыть>, приедет Люшенька.

Целую тебя

Дед

Писал бы больше, да боюсь пропустить оказии.

[1]«*Оксóниан*» — русская транскрипция «Oxonian», житель Оксфорда (*англ.*). К. И. называет себя так, т.к. он ездил в 1962 году в Оксфорд, где получил звание доктора литературы.

[2]Строка из вступления к «Евгению Онегину».

[3]...*красавица тринадцатого года* — строка из ахматовского стихотворения «Тень», посвященного Саломее Андрониковой.

[4]*Питер Норман* (р. 1921), английский славист, переводчик русской литературы. В частности, он перевел «Реквием» Анны Ахматовой.

[5]...*жена Ардова* — Нина Антоновна Ольшевская (1908—1991), актриса, режиссер, близкий друг Анны Ахматовой.

[6]О Л. Н. Радищеве см. примеч. 3 к письму 294.

301. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 ноября 1964. Комарово

17/XI 64 Комарово

Дорогой дед.

Я совершенно понимаю Ал<ександра> Борисовича. Когда я говорю: «я устала от людей», «мне плохо от людей», — со мной происходит нечто не психологическое, а физическое. М<ожет> б<ыть>, повышается давление.

Здесь сейчас я хуже себя чувствую, чем в начале, именно потому, что замелькали люди. И здесь уже много знакомых, и из Л<енингра>да приезжают. И все хотят, чтобы я что-нибудь читала. Если я говорю о глазах, получаю в ответ: «Я вам прочту». А моей голове, когда читают, — еще труднее, чем когда я читаю сама.

Но ведь этого никому не растолкуешь.

Даже А. А. меня не пощадила: требует, чтобы я *срочно* (до ее отъезда из Л<енингра>да в Москву) прочла воспоминания о Мандельштаме.

Ей я отказать не могу. И вот они завтра на меня обвалятся. А я до такой степени не хочу ничего читать, что, получив вчера пакет из Гослита — 2 рецензии, мою рукопись с пометками р<едакто>ра и письмо, — до сих пор не могу заставить себя все это как следует прочитать[1]. Поглядела, что очень хвалят, — и все. А вникать в замечания и пожелания еще нету сил.

Я сама не знаю, что с моим бедным мозгом, — сотрясение это еще действует? Не думаю, п<отому> ч<то> и раньше, до велосипеда, мне бывало (особенно если сплю меньше 8—9 ч.) очень трудно работать и общаться, и, пожалуй, общаться труднее, чем работать. Меня спасало и спасает только, если я сама режиссирую своим днем, т.е. между одной встречей и другой прокладываю отдых тишины, покоя. Хаотическое же общение — вдруг кто-то пришел! — меня просто валит с ног.

А Фридочку ты не видел еще?

Я читала твое письмо к Бруссе — чудесное письмо, доброе — и решительное. Я думаю, ты прав. И злодейски предупреждаю: он, кажется, собирается ехать в Москву и настаивать. Держись твердо: в самом деле, не стоит тебе тратить силы на эту довольно посредственную затею.

А. А. вчера уехала отсюда в Ленинград, а дней через 5 будет в Москве. Едет с ней в Италию Ирина Ник<олаевна> Пунина[2] — (у Ардовой инсульт) — человек болезненный, беспомощный, совсем не то, что надо. Поедет ли А. А. в Лондон, и когда — неизвестно... Она хорошо выглядит, пока сидит; но вчера она попросила, чтобы я с ней погуляла, и я увидела, как она больна: через 3—4 шага остановка, синие губы, задыхается... Ее бы туда и обратно нужно нести в кресле, на руках.

В Москве она остановится у Люб<ови> Дав<ыдовны> Большинцовой (бывшей Стенич); телефон — [оставлено место для номера, но он не вписан. — *Ред.*]; это четвертый или пятый этаж *без лифта*. Позвони ей непременно, а увидеться с ней — будешь ли ты в силах подняться?

Вообще-то, что она будет именно там, для нее хорошо: Люб<овь> Дав<ыдовна> — человек умелый, практический, толково снарядит ее в дорогу.

(Телефон ее записан у меня в домашней красной книжке; либо на Б — Большинцова; либо на С — Стенич; либо на Л — Люб<овь> Дав<ыдовна>. Если там нет — пусть Кл<ара> Изр<аилевна> позвонит Ардовым, там знают.)

Ты не совсем точно цитируешь ее строки. Надо:

[слов чувства простоту][3]
Нам свежесть чувств и мыслей *остроту* —

(кажется; проверь).

На отдельном листке прилагаю ее новые стихи[4].

Обнимаю тебя.

Л.

Куда же ты даешь «Зощенку»?

Приготовил бы мне особый экз<емпляр> — я хочу прочесть, но привольно, не торопясь. И целиком.

Привет Кл<аре> Изр<аилевне>. А Люшеньке буду писать завтра.

[1]*...пакет из Гослита* — речь идет о рукописи книги Лидии Чуковской «“Былое и думы” Герцена».

[2]Об И.Н.Пуниной см. примеч. 3 к письму **316**.

[3]Поправки сделаны рукою К. И.

[4]В архиве К. И. сохранилась отдельная папка, куда он складывал стихи Анны Ахматовой, переписанные рукой Л. К. Установить, какие именно стихотворения были посланы с этим письмом, не представляется возможным, поскольку в этой папке собрано много ахматовских стихов.

302. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 ноября 1964. Переделкино[1]

Дорогая Лида. Спасибо за письмо и за стихи.

Очень жаль, что Тебе прислали рукопись с пометками редактора — ради бога, не читай их, не исправляй, не напрягай зрение. Не вникай в пометки — успеется. Если бы я знал, что редакция намерена послать Тебе рукопись, я воспротивился бы этому.

Ручаюсь Тебе, что я цитирую верно.

«Нам свежесть слов и чувства простоту».

«Зощенку» я кончил. 78 страниц на машинке, а многого не сказал. Концом я более доволен, чем началом. Дам в «Москву». В «Новом Мире» идет статья Каверина о Зощенко[2]. Я читал ее. Отличная. Не мемуары, а пылкий и благородный протест. У меня же — мемуары с подспудным протестом.

Вчера в сильнейший мороз я добрел до дачи Ивановых — и ужинал у тамошних поселенцев[3]. Все четверо были в сборе. Боюсь, что я помешал им работать, но они простили мне мое вторжение. У Ор<ловой> вышла книжка в «Сов. Писателе»[4]! К<опелев> прочитал чудесный отрывок из своей «Софьи Петровны»[5], — и я, о ужас! пришел домой в десятом часу.

Была у меня Люша. Ночевала. Мороз разрумянил ее. Она получила приглашение в Прагу, на симпозиум химиков — в сентябре 1965 года.

Чуть я кончил Зощенко, навалилась куча неотложных дел. Статья о языке. Предисловие к книге Зверева. И другая вермишель.

В воскресенье был Алянский[6] и прочитал очень длинные и очень ценные воспоминания о Блоке.

Ну. God bless you![7]

Дед

24/XI 1964 г.

Адрес на конверте: Ленинградская обл. Ст. Комарово. Дом писателей. Обратный адрес: Москва К-9. Ул. Горького...

[1]Почтовые штемпели: Москва. 25.11.64; Комарово Ленингр. обл. 28.11.64.

[2]Речь идет о статье В. Каверина «За рабочим столом» («Новый мир», 1965, № 9). Каверин, вспоминая юность и «Серапионовых братьев», нарушает укоренившееся после травли 1946 года замалчивание М. Зощенко. «Нашлись критики, — пишет он,— поставившие знак равенства между Зощенко и его героем — мещанином, которого он беспощадно высмеивал» (с. 155). Напомнив, что в этом году Михаилу Зощенко исполнилось бы 70 лет, Каверин настаивает: «Эта дата должна быть отмечена новыми изданиями его книг, неповторимо оригинальных, исполненных русского юмора и глубоко нравственного понимания жизни» (с. 156).

[3]*Поселенцы* на даче Ивановых — Ф. Вигдорова, А. Раскин, Р. Орлова и Л. Копелев. — *Примеч. Л. Чуковской.*

«Раиса Давыдовна Орлова (1918—1989), писательница, критик, специалистка по американской литературе... и ее муж, германист, писатель Лев Зиновьевич Копелев... — пишет о них Лидия Чуковская, — были друзьями Фриды Абрамовны Вигдоровой; благодаря ей с ними познакомилась, а потом подружилась и я» («Записки». Т. 2, с. 759).

[4]*У Орловой вышла книжка в «Сов. Писателе».* — Речь идет о книге «Потомки Гекльберри Финна: Очерки современной американской литературы» (1964).

[5]*Копелев прочитал чудесный отрывок из своей «Софьи Петровны».* — По-видимому, Л. З. Копелев (1912—1997) прочел отрывок из воспоминаний, в которых он рассказывал о заблуждениях своей комсомольской юности — о своем участии в насильственной коллективизации и раскулачивании; затем о войне, об аресте в конце войны, о лагере. Под названием «Хранить вечно» мемуары Льва Копелева были опубликованы в 1975 году за границей.

[6]С. М. *Алянский*, основатель издательства «Алконост». В издательстве вышли «Двенадцать» А. Блока и его стихи. Воспоминания Алянского о Блоке см.: С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1972.

[7]Да хранит тебя Бог (*англ.*).

303. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

26 ноября 1964. Переделкино[1]

Дорогая Лида!

Только сегодня урвал время вспомнить свое выступление по радио об А<нне> А<ндреевне>. Первые две страницы слабы, банальны, с дешевыми слова [нрзб.], но последние четыре — лучше, содержательнее, без поросячьего визгу.

Представь себе, был у меня редактор «Недели», я предложил ему эту статью, он сказал: «Напечатаю с большим удовольствием». Посмотрим[2].

Получил письмо от Анненкова[3]. Просит прислать ему твою фотографию. Он в восторге от «Лаборатории редактора».

Наша стряпуха с фанабериями — терпимыми и выносимыми.

Получил письмо от В. В. Виноградова[4]. Пишет, что орфографическая комиссия будет продолжать свою работу.

Целую.

Дед

Адрес на конверте: Ленинградская область. Ст. Комарово. Дом писателей

[1]Почтовые штемпели: Москва. 26.11.64; Комарово Ленинград. обл. 27.11.64.

[2]А. А. через меня просила К. И. прислать ей свое выступление по радио; он прислал. Впоследствии напечатано в «Неделе» (1964, № 5) под названием «Малиновые костры». — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]*Получил письмо от Анненкова... Он в восторге от «Лаборатории редактора»* — см.: Письмо Ю. Анненкова К. Чуковскому от 12 октября 1964 г., РГБ, ф. 620.

[4]Виктор Владимирович *Виноградов* (1894/95—1969), языковед, литературовед, академик АН СССР, директор Института русского языка.

304. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

19 апреля 1965. Москва

Дорогой дед! Средний возраст декабристов — на 2—3 года старше Пушкина. Люди рождения 1796, 7, 8 годов.

Так сказал Ю<лиан> Гр<игорьевич>.

Он тебе сильно кланяется и спрашивает — не получал ли ты к<акой>-н<ибудь> журнал со статьею Рива о нем[1]? Он — Ю<лиан> Г<ригорьевич> — получает из-за границы письма, но никаких книг и журналов. А статья такая была.

Худо мы с тобою делаем, что не читаем журнала «Октябрь». В «Известиях» сообщение: в «Октябре» напечатано стихотворение Анны Ахматовой за подписью Василия Журавлева!!!![2]

«Перед весной бывают дни такие». Все целиком. Без изменений. Только в строке: «Шумят деревья весело сухие» — он сделал: нагие.

Он — известный подонок, алкоголик, член С<оюза> П<исателей>, кочетовец — и преподаватель Лит<ературного> Института.

Воспитатель юношества.

А каково невежество редакции!

Сейчас приехал Ген<надий> Матв<еевич> и с огорчением сообщил, что ремонт будет стоить 100 р.

Жду от тебя вестей.

Дозвонилась ли Кл<ара> Изр<аилевна> — Ротштейну[3]?

Привет Т<атьяне> М<аксимовне>.

Целую тебя.

Л.

19/IV 65

[1]Франклин *Рив* (р. 1924), американский славист, прозаик.

[2]Василий Журавлев напечатал под своим именем в журнале «Октябрь» (1965, № 4) стихотворение Анны Ахматовой «Перед весной бывают дни такие...». Статьи в «Известиях» по этому поводу см. 17 и 27 апреля 1965 года.

[3]Эндрю *Ротштейн* (1898—1994), историк, публицист, автор книг о Советском Союзе, член английской компартии, знакомый К. И.

305. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 (или 25) апреля 1965. Загородная больница. Кунцево[1]

Дорогая Лида!

Поздравляю Тебя с неслыханной победой[2], в возможность которой я, признаться, не верил. Говорят, Ты была гениальна, что́ я и предвидел. Кларочка пересказала мне все: и вонючую речь нанятого олуха, и поведение судей, и твою — божественно благородную речь. Неужели Тебе предстоит получить с них эту сумму?

Очень буду рад преподнести Раисе Давыдовне «Герцога»[3]. Пусть Кларочка вручит ей эту книгу.

Как здоровье Фриды Абрамовны? Очень интересно повернулось дело Б<родско>го. Клара рассказала мне о запросе Сартра и о выступлении Тендрякова[4].

Мое здоровье загадочно. Уже хотели меня выписать, когда вновь началась вся музыка снова, но в увеличенной степени. Ночь на 25-е я провел в слезах от сильнейшей боли. А сейчас опять ничего. У меня, как Ты знаешь, рай. Я сразу подготовил новое издание «Живого как жизнь», «Мастерства», «Искусства перевода».

Привет Копелевым!

И Люше. Неужели у нее так много дедов, что она махнула на меня рукой.

Чуть мне станет полегче, я буду очень рад погулять с ней в здешних пропилеях.

Целую тебя

Твой должник

Дед

[1]Датируется по содержанию: судебное разбирательство, о котором идет речь (см. примеч. 2), состоялось 24 апреля 1965 г.

[2]*...неслыханная победа* — выигранный мною процесс против «Советского Писателя» по поводу «Софьи Петровны». — *Примеч. Л. Чуковской.*

Вся история «Софьи Петровны» в издательстве «Советский писатель» подробно описана в книге Лидии Чуковской «Процесс исключения» (Соч.-2. Т. 2, с. 10—13).

[3]*«Герцог»* («Herzog», 1964) — роман американского писателя Сола Беллоу (р. 1915), лауреата Нобелевской премии (1976).

[4]*...запрос Сартра...* — Известно письмо Сартра к А. И. Микояну от 17 августа 1965 года. См.: Елена Якович. «Дело» Бродского на Старой площади // «Литературная газета», 1993, № 18, с. 6. Какой его «запрос» был послан в апреле 1965 года, установить не удалось.

«Что же касается Тендрякова, — пишет Л. К., — то 22 апреля на собрании в Доме журналистов, посвященном теме «Мораль и суд», он заявил: “Дело Бродского волнует людей во всех уголках нашей страны; я прочел запись Вигдоровой, и если это правда, то надо судить суд”» («Записки». Т. 3, с. 450).

306. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

26 апреля 1965. Москва

26/IV

Дорогой дед,

Кларочка говорит, что твои ночные боли — это было острое отравление... Неужели так — в *таком* месте?

Напиши мне, пожалуйста, понравились ли тебе Галчинский и Альберти[1]. А дело стоит на мертвой точке: Смирнов[2] зажат «между законом и обкомом» и ни мычит ни телится. И Сартр, и Бажан, и Тендряков, и ты, и Наровчатов[3] — пока толку нет.

Не податься ли к Микояну? Чтоб нажал на Смирнова *сверху*?

В № 12 Иностр<анной> Лит<ературы> 1964 — попроси Клярочку достать тебе — изумительные переводы испанца Филипе Леоне, сделанные молодым переводчиком Гелескулом[4]. Тебе для книги они непременно нужны. <...>

Целую тебя.

Л.

[1]О переводах Бродского из Галчиньского см. письмо **290**. Рафаэль *Альберти* (р. 1902—1999), испанский поэт. В архиве Л. К. сохранились переводы И. Бродского из Галчиньского и Альберти с пометкой «лучшее из переводов». Очевидно, об этих переводах и идет речь.

[2]Лев Николаевич *Смирнов* (1911—1986), председатель Верховного суда РСФСР в 1962—72 гг.

[3]Сергей Сергеевич *Наровчатов* (1919—1981), поэт. О его письме к Л. Н. Смирнову в защиту И. Бродского см. «Записки». Т. 3, с. 274—276.

[4]*Леон Фелипе* (1884—1968), испанский поэт. В № 12 «Иностранной литературы» было напечатано его стихотворение «Дознание» в переводе А. Гелескула. Анатолий Михайлович *Гелескул* (р. 1934), эссеист, поэт, переводчик. Этим переводом восхищалась Анна Ахматова (см. «Записки». Т. 3, с. 446—447).

307. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 мая 1965. Москва

4/V 65 Москва

Дорогой дед.

Так и приходится мне уезжать, не повидав тебя.

А мне непременно хотелось перед отъездом повидать тебя и получить письмо от Люши.

Ехать к тебе на такси я не решилась, п<отому> ч<то> назад пришлось бы садиться в автобус, а я, выходя, не вижу ступенек и падаю, выпадаю — как Абрамчик (со мной это уже бывало).

Не очень хорошо поступил милый веселый, красивый Митя, не отпустивший ко мне Г<еннадия> М<атвеевича>.

А от Люшеньки ничего нет. Т.е. была 2/V телеграмма от Веры[1]: «живем хорошо» — но *где*? *как*? ни слова, даже адреса нет... Сегодня утром я послала телеграмму наобум, до востребования.

Ответа еще нет.

Посылаю тебе записочку от Солженицына, принесенную мне Копелевыми. Ответь ему, пожалуйста, насчет журнала[2].

Посылаю также Камоэнса — принес Левик[3].

Посылаю тебе в подарок запись, которую Р<аиса> Д<авыдовна> сделала на суде. (Фридочка называет по этому поводу Р<аису> Д<авыдовну>: «Моя эпигонка»[4].) Не знаю, как тебе это понравится. Покажи Кл<аре> Изр<аилевне> и Т<атьяне> М<аксимовне>. Они оценят.

Посылаю также I том твоего собрания: Копелевы просят сделать надпись.

Завтра еду. Надеюсь, Г<еннадий> М<атвеевич> отвезет меня на вокзал.

Буду жить у Шуры. Ее адрес: Ленинград, П-183, Сестрорецкая... Конечно, я тебе оттуда напишу. Позвоню также непременно Кл<аре> Изр<аилевне>, чтобы узнать о тебе. А ты черкни хоть открытку.

В «Литературке» статья Шкловского о Герцене, о книжной торговле — неожиданно связная и толковая («Кто виноват?»). Посылаю ее тебе[5].

Обнимаю тебя, моего дорогого и любимого. Скоро я в Пиво-воды.

Л.

[1] *Вера* — Дулова, студенческая подруга Е. Чуковской.

[2] В своей записке А. Солженицын благодарил К. И. за какой-то неназванный журнал и писал: «Не совсем понял, могу ли я Вам его не возвращать?»

[3] Вильгельм Вениаминович *Левик* (1907—1982), поэт-переводчик. Луиш ди *Камоэнс* (1525—1580), португальский поэт. В 1964 году вышла книжка переводов его стихов с предисловием В. Левика.

[4] Р. Д. Орлова записала выступления на суде между Л. Чуковской и издательством «Советский писатель» по поводу «Софьи Петровны», как Вигдорова до этого сделала запись суда над И. Бродским. Запись Р. Д. Орловой опубликована в «Политическом дневнике» в отделе «Разные новости» без подписи (Т. 1. № 9, Амстердам, 1972, с. 51—57).

[5] Упомянута статья В. Шкловского, напечатанная в «Литературной газете» 4 мая 1965 года.

308. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

20 сентября 1965. Переделкино[1]

Лидочка!

Так как Бродского отпустили на волю из-за его «психической неполноценности», у его врагов всегда будет возможность посадить его в сумасшедший дом. Поэтому мнение его здешних друзей таково, что ему в Ленинграде очень опасно показываться, а ехать ему нужно в Тарусу, и в другой какой-нибудь околоток Москвы.

Надеюсь, завтра увидимся.

К. Ч.

[1]В конце письма рукою Л. К.: 20/IX 65.

309. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 октября 1965. Барвиха[1]

Лидочка, милая, как Твое здоровье? Говорят, что Ты уехала вся замученная. Я здесь, как в раю. Меня никак не лечат, но комната тихая, на отшибе, и я (не сглазить бы) уже третью ночь сплю без снотворных. Публика здесь симпатичная: из литераторов Ажаев, Щипачев, был Анисимов[2], да уехал. Я кропаю помаленьку статью о «Евгении Онегине»[3], пишу письма, коих накопилось штук двадцать, и все требуют ответа. Привет Добину [нрзб.], Радищеву. Надеюсь, что Тебе полегче. Посылаю два письма — одно адресовано тебе и вскрыто по ошибке, а другое — просто любопытное. Видела в «Неве» статью Коли о Заболоцком?[4]

Очень печальное известие: у Поликарпова инсульт[5].

Говорят, что в «Литгазете» будет новый редактор.

Сейчас я получил японскую книгу, сказки, где и Маршак, и я — герои сказки. И там дан прелестный штриховой портрет С. Я.

Сегодня вернулась с юга загорелая Таня.

Люша — прелесть. Жду ее завтра.

Ее работа над «Чукоккалой» колоссальна.

Целую тебя

Дед

Прости, что пишу красным, — испортилась, сломалась моя японская.

Адрес на письме: Ленинградская область. Ст. Комарово. Дом писателей

[1]Почтовые штемпели: Москва. 24.10.65; Комарово Ленинград. обл. 26.10.65.

[2]Названы Василий Николаевич *Ажаев* (1915—1968), писатель; Степан Петрович *Щипачев* (1899—1979), поэт, и Иван Иванович *Анисимов* (1899—1966), литературовед, директор Института мировой литературы. Они отдыхали в санатории «Барвиха» одновременно с Чуковским.

[3]Чуковский начал писать статью о переводах «Евгения Онегина» на английский. Статья не была закончена и опубликована посмертно (см.: Онегин на чужбине // Дружба народов, 1988, № 4).

[4]Речь идет о статье: Н. К. Чуковский. Встречи с Заболоцким // Нева, 1965, № 9, с. 186—191.

[5]Дмитрий Алексеевич *Поликарпов* (1905—1965), в 1955—65 гг. заведующий отделом культуры ЦК КПСС, секретарь правления СП СССР.

310. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

2 ноября 1965. Комарово

2/XI 65
Комарово

Дорогой дед,
мне так хотелось, чтобы ты прочитал эти стихи — одни, как видишь, Кушнера, а другие, как видишь, Бродского, что я переписала их и вот посылаю. Жаль, конечно, что не на машинке, но я очень старалась, писала ежедневно по 10 строк.

Мне кажется так:

Стихотворение Кушнера очень хорошее, умное, прекрасно написанное.

А стихотворение Бродского какое-то упоительное[1].

Не знаю, как покажется тебе.

Я чуть-чуть начала входить в работу. Предусмотрительно продлила путевку еще на 13 дней. Не знаю, хватит ли.

Будь здоров. Целую тебя.

Лида

[1]Не удалось установить, какие стихи Кушнера были приложены к этому письму. А о Бродском есть в дневнике Л. К.: «... дивные стихи Иосифа — о Малой Охте, которыми я просто заворожена, которые я послала к Деду» (Соч.-2. Т. 2, с. 296). «Стихи о Малой Охте» — «От окраины к центру» (1962), которыми Л. К. неизменно восхищалась.

311. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

3 ноября 1965. Барвиха[1]

3 ноября

Дорогая Лидочка!

У меня кризис писательский: *сломалась японская ручка* и — ни клочка бумаги.

Надеюсь, что Тебе лучше, что гнусный сосед уехал, что сердце пришло в норму и т.д. Я здесь — в раю. Тихая комната, сон *почти* без снотворных, писать никто не мешает, но есть одно горе — хуже зубной боли — это неприкаянность, бездомность, сиротливость Ал<ександра> Ис<аеви>ча. Это не дает мне ни жить, ни работать[2]. Есть у меня один маленький и слабенький план, но, к сожалению, нет Паустовского, а я хотел посоветоваться с Константином Георгиевичем[3]. Здесь мне продлили путевку до 9-го, и я с грустью думаю о возвращении в свой шестикомнатный дом.

Для Люши (только секрет) я приготовил приятнейший сюрприз к Новому году. У нас с нею отношения не сентиментальные, но деловые, и в этом их главная для нее ценность и для меня прелесть. Она умница — и вносит много конструктивных идей в печатание «Чукоккалы».

Насчет И[4]. К сожалению, разговор велся через третье лицо. Я сказал: ведь Лида больная, доехать ей до Переделкина и пускаться в новый путь — опасно. Это вовсе не значило, что я не был бы рад повидаться с ним в этот день. Я даже приготовил для него в подарок полное собрание его любимого Джона Донна — в одном томе. Но голова у меня болела чертовски — и я чувствовал себя (ты помнишь) не в форме.

Посылаю Тебе «Пиво-воды», чтобы Ты хоть изредка вспоминала родительский дом[5]. Известно ли тебе, что Сильва[6], как я и предсказывал, вышла замуж, и что Таня[7] к марту будет бабушка.

За вырезку о «Как я велик» — благодарю. И все же считаю, что это — миф. Лемке соврал[8]. Привет Паничу, Бухштабу, Лидии Яковлевне[9]. Шуру целую — и только по болезни не мог до сих пор по-настоящему поблагодарить ее за мыло.

Адрес читателя остался мне неизвестен.

Целую тебя

Дед

Адрес на письме: Ленинградская область. Ст. Комарово. Дом писателей. *Обратный адрес:* Москва К-9. Ул. Горького...

[1]Почтовые штемпели: Москва. 3.11.65; Комарово Ленинград. обл. 5.11.65.

[2]Намек на недавний (11 сентября 1965 года) арест архива А. И. Солженицына на квартире у Теуша. Беспокоясь о положении Александра Исаевича в Рязани, К. И. пригласил его пожить у него в доме в Переделкине. Подробнее об этом времени см.: А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. М.: Согласие, 1996, с. 125—126.

[3]*Константин Георгиевич* — Паустовский. К. И. затеял хлопоты о квартире в Москве для Солженицына. Он написал письмо в соответствующие инстанции, его просьбу поддержали своими подписями под письмом С. С. Смирнов, один из руководителей СП СССР, К. Г. Паустовский и П. Л. Капица. Однако квартиры в Москве Солженицыну не дали. В срочном порядке ему предложили улучшенную квартиру в Рязани.

[4]*И.* — Иосиф Бродский. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[5]К письму была приложена фотография «Пиво-воды» с надписью К. И.: «Переделкино. Июль 1964.

Пиво-воды имени Л. К. Чуковской».

[6]*Сильва* — Рубашова, подруга Е. Чуковской.

[7]*Таня* — Татьяна Максимовна Литвинова.

[8]История с полемикой Чуковского и Лемке по поводу рукописи «Как я велик» рассказана в дневнике Чуковского и в комментариях к нему. «Чтобы окончательно посрамить меня как некрасоведа, Лемке заявил, не совсем грамотно, что найденная мною рукопись Некрасова, которую я условно назвал «Каменное сердце», есть только малая часть того текста, который известен ему весь целиком. Этот текст будто бы называется «Как я велик!» и издан на правах рукописи в Перми. Все это, конечно, очень странно: зная огромный интерес к Достоевскому и Некрасову, нельзя не удивляться тому, что в необъятной литературе, посвященной обоим писателям, эта публикация осталась никому, кроме Лемке, неизвестна... Если бы Лемке привел хоть три строчки из пермской книги, если бы он хоть в общих чертах сообщил о содержании тех глав, которые не найдены мною» (Дн.-2, с. 422).

В 1974 году профессор-некрасовед Александр Миронович Гаркави (1922—1980) подготовил и издал в Калининграде сборник: «Корней Чуковский. Несобранные статьи о Н. А. Некрасове». В этом сборнике рассказана история полемики Лемке и Чуковского по поводу «Как я велик!». А. М. Гаркави отмечает, что «полный текст этой рукописи так и не найден, хотя в поиски включилось большое число научных и библиотечных работников», и приводит суждения нескольких некрасоведов, которые, как и Чуковский, вообще сомневаются в ее существовании (Дн.-2, Комментарии, с. 511).

[9]*Лидия Яковлевна* — Гинзбург.

312. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 ноября 1965. Комарово

27/XI 65
Комарово

Дорогой дед,

мне было бы здесь сейчас совсем хорошо, если бы не постоянная тревога о тебе. Люшенька, правда, пишет часто, но как-то я не очень ясно представляю твое житье-бытье. А хотелось бы знать, спишь ли ты, и работаешь ли, и как тебя лечат.

Если Конст<антин> Георг<иевич> возле тебя — передай, пожалуйста, ему и Татьяне Алексеевне мой большой привет[1].

Здесь морозы — 20°. Все кругом голубое и розовое. Чуть устав от работы, я выхожу и гуляю минут 30—40. Возвращаюсь такая прокислороденная, что, кажется, мне за эти минуты привинчивают на плечи новую голову.

Странное дело, здесь все подряд спрашивают меня о твоем Зощенке. Странное потому, что в Москве и Переделкине меня о нем никто не спрашивал. А здесь все прочли. Потому ли, что Зощенко — ленинградец и здесь им больше дорожат? не знаю. Гриша Дрейден, Геша, Дар, Панич, Будогоская и множество незнакомцев.

Работа моя (послесловие к Фридиной книге) в таком состоянии: вчерне я написала все до конца. Три главы, а сколько страниц — непонятно (до машинки). Теперь переписываю. Нахожусь на середине первой главы. Писала я без оглядки на размер и теперь боюсь, что превысила его. Но теперь, когда иду уже не по целине, мне легче, хотя работы еще туча.

Люшенька пишет, что «Чукоккала» подвигается, и я радуюсь за Люшу, и за «Чукоккалу», и за будущих читателей.

Конашевич в № 9 «Нового мира» был, по-моему, скучен, а в № 10 сделался поинтереснее[2]. В № 10 замечательные переводы Гребнева из Кулиева — видел ли ты их[3]? Просто не переводы, а стихи.

Целую тебя. Продиктуй Кл<аре> Изр<аилевне> или Т<атьяне> Макс<имовне> (коим кланяюсь) хоть строчечку.

Лида

Я думаю, ты в такие морозы не выходишь?

[1]*Константин Георгиевич* — Паустовский, *Татьяна Алексеевна* — его жена.

[2]Упомянуты воспоминания Владимира Конашевича «О себе и своем деле», напечатанные в «Новом мире» (1965, № 9, 10).

[3]«Новый мир» № 10 открывается подборкой «Из новой книги стихотворений» Кайсына Кулиева в переводе Н. Гребнева.

313. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

1 декабря 1965. Загородная больница. Кунцево

1 дек<абря>1965

Дорогая Лидочка,

Очень счастлив, что Ты ввела в свою диету виноград, морковь и другие витаминозы. Надеюсь, что они и сейчас входят в состав Твоей пищи.

Люша говорила мне, что «Былое и Думы» уже прокорректированы Тобою. И вообще мне кажется, что перемена обстановки сильно уменьшила Твою *«инвалидность»*. О Фриде[1] — чем больше Ты напишешь, тем лучше. Уверен, что Тебе отлично пишется.

Мое здоровье удовлетворительно. Склероз делает свое черное дело, но я все же пытаюсь, наперекор ему, ежедневно работать по нескольку часов. Из больницы меня выпустят не скоро: смерть Коли была для меня слишком сильным ударом[2].

Работаю я теперь исключительно «для Люшеньки»[3]. В работе над «Чукоккалой» она обнаружила столько вкуса, инициативы, тонкой литературности, что работать с ней — одно удовольствие.

Расскажу Тебе о ней один секрет. Пожалуйста, не пиши ей об этом. Мы пошли с ней гулять вечером — и оказалось, что за это время дверь в больницу заперта. Нужно сделать с четверть километра, чтобы дойти до общего входа. Не успел я оглянуться, как Люша сорвалась с *обледенелого* карниза, прыгнула на другой обледенелый карниз (на высоте третьего этажа), чтобы постучать в освещенное окно. Можешь представить себе, что пережил я перед тем, как она прыгнула обратно. Это героическая натура, и мне показалось, будто я впервые познакомился с ней.

Еще месяца два Переделкино просуществует без хозяина. Лечат меня здесь очень усердно.

Целую Тебя —
единственную —

Твой Дед

Привет Дрейдену, Геше, Паничу, Будогоской, Пантелееву.

[1]*О Фриде...* — я писала послесловие к трилогии Ф. Вигдоровой, выходившей после ее смерти в Детгизе. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[2]Николай Корнеевич Чуковский внезапно скончался во сне 4 ноября 1965 года.

[3]К. И. писал комментарии к листам своего рукописного альманаха для издательства «Искусство».

314. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

8 декабря 1965. Комарово[1]

8/XII 65 Комарово

Дорогой дед.

У меня дрогнуло сердце, когда я прочитала о Люшином прыжке. Но раз все окончилось хорошо — то и хорошо. А Люша, конечно, существо «высокой душевной квалификации». Она умна,

тонка, самоотверженна. Для меня в ней два недостатка: рассеянность (ну, это я прощаю легко) и, иногда, резкость. Второй мне прощать труднее, но я понимаю, что это у нее от больных нервов.

Могу тебе, тоже по секрету, сообщить: вот уже во втором письме она рассказывает, без всякого вопроса с моей стороны, что в лаборатории ей удается очень интересная работа и что сейчас она нисколько не куксится, а живет весело и хорошо. И о «Чукоккале» пишет с большим аппетитом.

Работу над статьей о Фридочке я кончаю. До отъезда окончу. На днях буду читать близким Фридиным друзьям — Наташе Долининой и Эткинду[2]. М<ожет> б<ыть>, читая вслух, и сама увижу, что и как.

От своего гослитовского редактора я получила известие, что в конце декабря или начале января мне дадут сверку. А выйдет книга «в первом квартале»[3].

Я пытаюсь здесь держаться очень строгого кислородного режима, т.е. не позволяю себе утром садиться за работу, не погуляв хотя бы 20 м<инут>. Начинаю день с гулянья — и до трех часов все время то работаю, то гуляю. А вечером, после ужина, уже только гуляю. Кажется, это мне хорошо. Попробую держаться того же и дома.

Тут друзья свели меня с оптиком, который сулит чудеса: сильные очки, лупа-станок. Начнет делать, чуть только я из Москвы пришлю ему все врачебные обозначения. Так что, вернувшись в Москву, я сейчас же кинусь к Гельмгольцу[4]. Боюсь, оптические приборы будут стоить уйму денег. Но все хвалят этого человека. Надо попробовать.

Люшенька пишет, что тебе лучше. Пожалуйста, старайся изо всех сил, помни, что ты у меня тоже единственный.

Целую тебя.

Лида

Адрес на конверте: Москва, К-9. Ул. Горького...

[1]Почтовые штемпели: Ленинград. 9.12.65; Москва. 10.12.65.

[2]Ефим Григорьевич *Эткинд* (1918—1999), литературовед, переводчик, профессор.

[3]Лидия Чуковская. «Былое и думы» Герцена. М., 1966.

[4]Глазная клиника им. Гельмгольца.

315. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

31 мая 1966. Переделкино[1]

Дорогая Лида. Вчера я получил письмо из США, где сказано, что в тамошнем русском журнале напечатана «Софья Петровна» (первая часть) с примечанием от редакции, что повесть печатается без ведома и согласия автора[2]. Очевидно, в то время как вещь была в какой-нибудь редакции или издательстве «Советский писатель», какой-нибудь ловкач снял с нее копию и послал за рубеж.

Вот и дождь пошел. Тебе бы переехать в Переделкино в самый раз — погода по твоему вкусу.

Твой ДЕД

[1]На конверте рукою Л. К.: «31/V 66 из Переделкина».
[2]См.: «Новый журнал» (Нью-Йорк), 1966, № 83, с. 5.

316. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

2 ноября 1966. Москва

Дорогой дед, за неимением ничего более интересного посылаю тебе выдержку из письма В. М. Жирмунского ко мне, где он приводит свое письмо к Пуниной. Оно не то чтобы было чем-нибудь замечательно, но написано толково. Он просил, чтобы я его тебе показала[1].

Пушкинский Дом, которому Лева пожертвовал весь архив АА[2], подал в суд на Пуниных[3]. Главным свидетелем обвинения будет Толя[4], который составил по памяти полный список тетрадей, блокнотов, папок. Разумеется, И<рина> Н<иколаевна> уже сейчас говорит, что архив АА надо искать у Толи...

Часть архива (не очень существенную) она продала за большие деньги в Библ<иотеку> им. Салт<ыкова>-Щедрина; три тетради — «1001 ночь», «Лермонтов» и тетрадь с заметками об Италии продала в ЦГАЛИ. Где все остальное (6 больших тетрадей и около 25 блокнотов) — неизвестно.

Мне удалось дозвониться Суркову. Я сказала, что нам, Комиссии, д<олжно> быть все равно, *в каком* из государственных архивов будет архив А. А. (хотя, вероятно, *она* предпочла бы Пушк<инский> Дом), — важно одно: чтобы из рук Пуниной был

вырван, бесплатно или за деньги, *весь* архив, а то она еще 10 лет будет им приторговывать. Сурков был устрашающе любезен и все обещал[5].

Я читала роман Булгакова в 42 г. в Ташкенте, мне дала его вдова[6]. Очень хочу перечесть, хотя *спеху в этом нету.*

Я чувствую себя получше. <...>

Дед, мне говорили, что ты огорчаешься. Пожалуйста, не огорчайся, ибо — *нечем*[7]. Все пустяки, и все будет отлично.

Целую тебя. Главное — не огорчайся. Нечем.

Л.

2/XI 66
Москва

P. S. Сегодня пришла телеграмма тебе из Тбилиси, подписанная Айви, Таничкой[8] и еще кем-то. Я ее приняла, вскрыла и в один миг — потеряла. Но там не было ничего, кроме привета и поцелуя. Извини!

Ума не приложу, куда она делась.

[1]Это письмо академика Виктора Максимовича *Жирмунского* (1891—1971) сохранилось в архиве Л. К. Чуковской. Вот что писал В. М. Жирмунский: «Мой последний разговор с И<риной> Н<иколаевной>, о котором я Вам уже докладывал, был достаточно прямой (хотя, разумеется, вежливый), и И<рина> Н<иколаевна> сочла нужным послать мне обиженное письмо, смысл которого заключался в том, что мне следует заниматься «подготовкой научного издания» (дополняю от себя: а не вмешиваться в чужие дела!). «Рукописи А. Ахматовой», написала мне И<рина> Н<иколаевна>, «являются только *ее собственностью*, а теперь они должны храниться по *существующим законам и согласно с ее пожеланиями*».

Это письмо заставило меня ответить ей еще более прямо и поставить все точки над i. Я повторил ее приведенные выше слова и написал: «...к сожалению, все это совершенно не так. Вы распоряжаетесь рукописями А. А., как будто бы это была *Ваша* личная собственность, не считаясь ни с законом, ни с волей А. А. По закону и по воле А. А. ее наследником является Л. Н. Гумилев — распоряжаясь архивом, вы не спрашиваете его совета и не считаетесь с его волей (как и с рекомендациями Комиссии). Вы разделили по непонятным причинам архив на две части, разрознили его, что совершенно не соответствует желаниям А. А., на которую Вы ссылаетесь, и ничем не может быть оправдано. Помимо всего прочего, А. А. никогда не могла предполагать и одобрить, что ее архив полностью или частично будет передан в Москву: Вы знаете, что Ленинград всегда был для нее «мой город» и что с Пушкинским Домом она была связана — через Пушкина.

Не могу не добавить, что Вы очень напугали меня и всех друзей А. А., отрицая существование в ее архиве автографов с ее стихами, в том числе и неизданны-

ми, тогда как А. А., как мне, так и другим, всегда читала свои стихи не наизусть, а по своим записным книжкам. Не понимаю, почему при составлении описей и передаче архива в общественное хранение Вы систематически отказывались от помощи друзей А. А., которые хорошо знали состав ее архива, как видно по двум спискам ее творческих тетрадей, которые они мне передали.

В последнем разговоре со мной Вы отрицали наличие в архиве конверта с отрывками трагедии «Сон во сне», переписанными А. Г. Найманом. Ирина Николаевна, если это или другое из поэтического наследия Анны Андреевны, известного ее друзьям, в архиве не окажется, то отвечать за это будет не Найман, а будете *Вы* — я говорю об ответственности не перед судом, а перед общественным мнением, перед историей, перед человечеством, потому что Вы сами отказались от помощи и от контроля общественности, который, как я Вам говорил уже при нашей первой встрече, в таких случаях абсолютно необходим и был бы Вашей лучшей защитой от всяких нареканий, независимо от степени их справедливости.

Ведь поймите, что речь идет действительно не о Вашей частной собственности, а о наследии большого поэта...».

[2]*АА* — Анна Андреевна.

[3]*Пунины* — семья искусствоведа Н. Н. Пунина (1888—1953), третьего мужа Ахматовой, с которым она разошлась в 1938 году. Ирина Николаевна Пунина (р. 1921), дочь Н. Н. Пунина; Аня Каминская (р. 1939), его внучка, дочь И. Н. Пуниной.

[4]*Толя* — Анатолий Генрихович *Найман* (р. 1938), исполнял обязанности секретаря Ахматовой в последние годы ее жизни.

[5]Алексей Александрович *Сурков* (1899—1983), поэт, председатель Комиссии СП СССР по литературному наследию Анны Ахматовой. В эту Комиссию входили также Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский, И. Н. Пунина, Л. Н. Гумилев, М. В. Ардов (секретарь) и др.

[6]В эвакуации, в Ташкенте, Л. К. и *вдова* М. А. Булгакова — Елена Сергеевна Булгакова (1893—1970) — жили в одном и том же флигеле на ул. Жуковской.

Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» был впервые опубликован с купюрами в журнале «Москва» (1966, № 11; 1967, № 1).

[7]По иностранному радио читали открытое письмо Л. К. к Шолохову по поводу суда над Синявским и Даниэлем («Михаилу Шолохову, автору «Тихого Дона». См.: Соч.-2. Т. 2, с. 149—153). В Америке в «Новом журнале» была напечатана «Софья Петровна». К. И. беспокоили возможные последствия этих событий.

[8]*Айви, Таничка* — Айви Вальтеровна и Татьяна Максимовна Литвиновы.

317. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

5 ноября 1966. Переделкино[1]

Дорогая Лидочка. Вчера у меня был тяжелый день: я сразу — в душе — хоронил и Колю, и Бобу, и Муру, и себя[2].

Сегодня полегче, — но ни читать, ни писать не могу. К сожалению, у меня как-то разладились отношения с Таней, и я нахожусь в грустях.

Лев Зиновьевич[3] делает чудеса на лесорубках. Приятно видеть его доброе лицо, когда на спину ему карабкается кто-нибудь из лесорубов, чтобы спилить высокую ветку. Его статья в «Лит<ературном> Наследстве» — прелесть.

«Чехов» у меня *не первый экземпляр*[4]. Чуть получу первый, пришлю.

Я рад, что тебе лучше, это показывает, что у Тебя богатые ресурсы здоровья, но надо лежать, лежать и лежать — не до 12-го, а до двадцатого.

Гальпериным[5] напишу после праздников. Сейчас почта чересчур загружена — и письмо может пропасть.

«Джека»[6] у меня нет. Последний экземпляр послал в «Литгазету».

Да здравствует Дигоксин!

Привет и поцелуй Люше!

Тороплюсь. Пожалуйста, подделывай мою подпись на всех документах. Вышла лингвистическая книга Б. Головина[7], где в указателе рекомендуемых книг «Лаборатория редактора».

Целую.

Будь весела и счастлива

Дед

[1]Датируется по содержанию — см. примеч. 2.

[2]4 ноября 1966 — год со дня смерти Николая Чуковского, старшего сына К. И.

[3]*Лев Зиновьевич* — Копелев.

[4]Речь идет о рукописи книги «О Чехове», подготовленной К. И. для издательства «Художественная литература». Книга вышла в 1967 году.

[5]*Гальперины* — доктор филологических наук, лингвист Илья Романович Гальперин и его жена Надежда Михайловна, близкие друзья С. Я. Маршака. Гальпериным посвящено его шуточное стихотворение «Как прежде, я Надежде верен...» (С. Я. Маршак. Стихотворения и поэмы. Л., 1973, с. 425. Б-ка поэта. Большая серия).

[6]*«Джек»* — сказка «Джек, покоритель великанов» в пересказе Чуковского. Сказка вошла в его сборник «Чудо-дерево» (М.: Детская литература, 1967).

[7]Упомянута книга Б. Н. *Головина* «Введение в языкознание» (М.: Высшая школа, 1966).

318. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 ноября 1966. Москва

Дорогой дедище.

Спасибо за хлопоты о глазном лекарстве.<...> Был у меня Юл<иан> Гр<игорьевич>. Вот кому худо! С минуты на минуту он

ждет, что его лишат возможности преподавать в Горьком, тогда он останется на одной пенсии, на которую двум больным старикам не прожить[1]. И с глазами худо, и с диабетом худо... Он хочет писать какое-то письмо Семичастному[2]; я его отговариваю: это не адрес.

А есть ли какой ответ на Ваше письмо[3]?

Хотелось бы знать о тебе поподробнее. Прошла ли простуда? Ходишь ли ты гулять? С кем? Что пишешь? (Я хочу прочитать «Чехова» и получить в подарок «От двух до пяти» — новое[4].) Замазали ли у тебя окно?

А 22-го в Переделкино на месяц едет Галич[5]! Это специально для тебя, я считаю.

<...>

Целую тебя.

Л.

14/XI 66

[1]16 ноября 1966 года Л. К. пишет в дневнике: «Был у меня Ю. Г. — постарел, пожелтел. Мрачен. У него, по-видимому, отнимут последний заработок — в Горьком. (Уже запретили там печатанье его статей)» (Архив Л. К. Чуковской).

[2]Владимир Ефимович *Семичастный* (1924—2001), председатель КГБ при Совете министров СССР.

[3]В архиве К. Чуковского сохранился черновик письма в защиту Ю. Г. Оксмана. Куда было послано письмо и какие оно имело последствия, установить не удалось. Письмо гласит: «К известному советскому ученому Юлиану Григорьевичу Оксману применена жестокая казнь: замалчивание. Очевидно, по распоряжению свыше его имя систематически вычеркивается из статей, помещаемых в повременной печати.

Вместо того, чтобы патриотически гордиться тем, что в нашей стране есть такой ученый, нам предлагают считать это имя постыдным и скрывать его от советских читателей.

Мера эта чрезвычайно мешает плодотворной научной работе замечательного исследователя, и здесь большой убыток для нашей культуры. Скрыть его фактически невозможно, так как без знания фундаментальных работ Ю. Г. Оксмана нельзя обойтись никому, кто вздумает серьезно изучить историю русской культу́ры. Нельзя понять восстание декабристов, революционную поэзию Рылеева, творческий путь Белинского, историю «Записок охотника»... не изучив исследований Оксмана. Оксман — один из первых, применивший к своим исследованиям подлинный марксистский метод, очень далекий от вульгарного социологизма, который свирепствовал в те годы, когда Оксман начинал свою деятельность. Именно эту особенность оценил в его работах А. М. Горький, избравший его своим заместителем в Пушкинском Доме.

Вычеркнуть такого крупного ученого из истории советской науки невозможно. У него есть своя школа, есть десятки учеников и последователей, к которым причисляем себя и мы, — и, конечно, его имя не умрет для потомства.

Вообще сомнительна целесообразность таких насильственных замалчиваний того или иного из заслуженных наших писателей. Подмечено, что всякий писатель, которого обрекали на эту гражданскую казнь, приобретает вследствие этого удесятеренную славу. Замалчивали Бунина, Ахматову, Куприна, Сашу Черного, Зощенко, Булгакова, Бабеля, Заболоцкого, — и от этого их имена стали особенно дороги советским людям, которые патриотически гордятся, что в недрах нашей русской культуры возникли такие большие таланты. Пора бы убедиться, что эти методы расправы с писателями не оправдали себя. Замалчивание хороших писателей и раздувание плохих...» [здесь рукопись обрывается. — *Е.Ч.*]. Теперь это письмо опубликовано. См.: Ю. Г. Оксман — К. И. Чуковский. Переписка. 1949—1969 / Предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. М.: Языки славянской культуры, 2001, с. 148.

[4]Упомянута рукопись книги Чуковского «О Чехове» (М.: Худож. литература, 1967) и «От двух до пяти» (изд. 19-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1966). «От двух до пяти» с надписью К. И.: «Лидочке — от Деда с любовью. 25 ноября 1966» — сохранилось в библиотеке Л. К.

[5]Александр Аркадьевич *Галич* (1918—1979), поэт, драматург, автор песен, которые он сам исполнял под гитару.

319. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 ноября 1966. Москва

Дорогой дед.

Посылаю тебе в подарок книгу Френкеля — там есть о Мите. Хоть и переврано, хоть и ужато, но все же[1].

Мне лучше. Но раза 2—3 в день, если перехожу или переразговариваю, — хватает острая, сильная боль, какой раньше не бывало. Доктор велел держать валидол и сахар во всех комнатах. Пока помогает.

Понемногу работаю.

Сейчас жду шофера с «От двух до пяти», вечером — Люшу с докладом о тебе.

Между прочим — написал ли ты маршаковским Гальпериным[2]? Ты не хотел накануне ноября, п<отому> ч<то> «поток писем»; а скоро начнется Новый Год.

Жирмунский прислал мне копию своего письма к Пуниным и просил показать его только. тебе. Я перепишу и пришлю тебе — в следующий раз[3].

Целую тебя.

Л.

25/XI 66

[1]Речь идет о книге: В. Я. Френкель. Яков Ильич Френкель. М.; Л., 1966, где на многих страницах (см. по Указателю имен) пишется о М. П. Бронштейне.

[2]...*маршаковские Гальперины* — см. примеч. 5 к письму **317**.

[3]Эта копия в архиве К. И. не сохранилась.

320. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

16 декабря 1966. Москва

Дорогой дед.

Кто о чем, а я об ахинее.

1) Снова звонила Гольдман, Дина Марковна. Ее адрес: Москва Д-56, ул. Климашина...

(Мне говорила Люша, что ты написал ей письмо, но не знаешь адреса.)

2) Слышу краем уха про воскресенье. Знаю, что ты позвал Рыбу[1]. А не забыл ли ты Елену Сергеевну Вентцель (И. Грекову)[2], она ведь соавтор Галича и приятельница Рыбы. На всякий случай, если забыл, сообщаю ее телефон...

И еще одно.

Ты дал ей и Рыбе великолепный ужин, был с ними ласков и добр, дарил Рыбе — рыбу и пр. Все это чудесно, но я потом подумала: все же ведь Елена Серг<еевна> дама, гостья — надо было и ей что-нибудь подарить... Тем более что сооружал-то пюпитр Рыба под ее руководством[3]... Так вот: М<ожет> б<ыть>, ты подаришь ей какую-нибудь свою книжку с надписью? Для нее или для ее внуков? Затем: она тебе подарила свою книгу «Под фонарем» (там новый рассказ[3] — «Под фонарем»). М<ожет> б<ыть>, ты ей что-нибудь скажешь?

Все это так, галиматья, она — человек умный и необидчивый, но я — для порядку.

Целую тебя.

Радуюсь, что у тебя будет праздник. Галича стихи Б<орису> Л<еонидовичу> — прелесть[4]. Будь здоров.

Лида

16/XII 66

Огромные победы на ахм<атовском> фронте! Но об этом после[5].

[1]К. И устроил у себя в доме концерт А. А. Галича, на который созвал много народу. *Рыба* — домашнее прозвище школьного товарища и близкого друга А. А. Галича, полковника В. Б. Соколовского. На концерт Галича в доме Чуковского Рыба

привез магнитофон и записал все песни, исполненные А. Галичем. Он стоял над Галичем с микрофоном в полной военной форме, это пугало и смешило пришедших гостей.

[2] *Елена Сергеевна Вентцель* (псевд.: И. Грекова, 1907—2002), писательница, доктор технических наук. Ее воспоминания о «соавторстве» с А. Галичем см. в сб.: Заклинание добра и зла. М.: Прогресс, 1992, с. 494—497.

[3] В. Б. Соколовский своими руками сделал для Л. К. пюпитр, которым она пользовалась несколько лет. Пюпитр был ей необходим из-за плохого зрения.

[4] Имеется в виду стихотворение Галича «Памяти Б. Л. Пастернака» («Разобрали венки на веники...»).

[5] 22 декабря Л. К. пишет в дневнике: «На ахматовском фронте события большие и победные. Главное — Сурков признал Толю. Собрал нас, здешних, все выслушал (я ездила без ведома врачей и Люши), овладел списками и послал в Л<енингра>д — действовать. Там гл<авные> герои — Жирм<унский> и Толя. Они и юристы, и представитель Пушк<инского> Дома, и Библ<иотеки> Салт<ыкова>-Щедрина, и Миша Ардов пробились в крепость — в кв<артиру> И<рины> Н<иколаевны> — и составили-таки почти насильно опись всего для Пушк<инского> Дома. Кое-что нашли ценнейшее; многое уже продано в ЦГАЛИ и Библ<иотеку> Салт<ыкова>-Щедрина. Нашли «Сон во сне», все наработанное (И<рина> Н<иколаевна> кричала раньше: ищите это у Наймана); «1001 ночь» и «Лерм<онтов>» уже в ЦГАЛИ. Пушк<инские> статьи — в Библ<иотеке> Салт<ыкова>-Щедрина, остальное невесть где — напр<имер>, штук 15—25 блокнотиков и большая тетрадь «Хардж<иев>».

Жирм<унский> и Толя ведут себя умно и властно; Сурков — толково. Сейчас Толя командирован в ЦГАЛИ, глядеть, *в каком виде* «Лерм<онтов>» и пр.

И<рина> Н<иколаевна> показала себя лгуньей...» (Архив Л. К. Чуковской).

321. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

28 декабря 1966. Москва

28/XII 66

Дорогой дед! Что-то очень давно я тебе не писала. Звонить — не звоню, п<отому> ч<то> ваш коммутатор непробиваем, да к тому же ты лежишь... А очень хочется знать о тебе побольше, т.е. вглубь: чем ты себя довел до очередного изнеможения? и как теперь? и над чем трудишься?

Люша мне все толково докладывает, но все-таки это не то, что видеть самой.

Однако ты сейчас наверное завален письмами сверх головы и потому, пожалуйста, не отвечай мне. Я надеюсь все понять, допрашивая Люшу и Кл<ару> Изр<аилевну>.

У меня дело шло на поправку, уже был мне обещан выход на улицу, но вдруг я снова почувствовала себя хуже.<...>

Мне хотелось бы когда-нибудь написать тебе письмо без единой просьбы, но это никогда не удается.

Константин Петрович Богатырев[1], которого ты похвалил в «Высоком искусстве» (т. III), робея, и стесняясь, и извиняясь, все-таки спрашивает меня: не можешь ли ты подарить ему этот том? Если есть — пришли с Г<еннадием> М<атвеевичем> мне, я доставлю, а нет — ответь нет.

В подарок к Новому Году посылаю тебе два стихотворения Ахматовой, которых ты не знаешь. См. отдельный листок[2].

Прочел ли ты Шарова о Корчаке[3]? Пантелеева о Маршаке[4]? Нашу Машу[5]?

На эти вопросы *сейчас* не отвечай, а через неделю после Нового Года, когда схлынут телеграммы и пр. <...>

Лида

См. листок с Ахматовскими стихами.

[1]*Константин Петрович Богатырев* (1925—1976), поэт, германист, переводчик Райнера Марии Рильке. О нем см.: К. Чуковский. Собр. соч. Т. 3, 1966, с. 474.

[2]См. примеч. 3 к письму **301**.

[3]См. статью А. *Шарова* «Януш Корчак и наши дети» («Новый мир», 1966, № 10).

[4]Речь идет о воспоминаниях Л. *Пантелеева* «Маршак в Ленинграде». См. сб.: Л. Пантелеев. Живые памятники. М.; Л., 1966, с. 363—442). Воспоминания печатались в «Новом мире» («О Маршаке», 1966, № 10).

[5]*«Наша Маша»* — название книги Л. Пантелеева.

322. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

24 января 1967. Переделкино[1]

Лидочка!

Звонила Зоя Никитина, что Познер[2] привез для тебя глазное лекарство.

Портрет Маршака отдан в окантовку.

Не нужны ли Тебе деньги?

Ах, если бы ты видела, как чудесно оформлен уголок Габбе и Маршака в нашей детской библиотеке! И сама библиотека — прелесть!

Дед

[1]На письме рукою Л. К.: 24/I 67.

[2]Владимир *Познер*, французский писатель, в юности уехавший из России. В начале 20-х годов он был членом литературной группы «Серапионовы братья», куда входил и Н. Никитин. См. также примеч. 3 к письму **117**.

323. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

2 февраля 1967. Москва

Дорогой дед.

Редко бывают такие сложные положения, как с Лениздатом.

Месяца два назад у меня был редактор Друян[1]. Он клялся, что они, мол, не знали, каковы Пунины, а теперь поняли и в ужасе; что они отставят Аню от составительства, поручат составление кому-нибудь пристойному, а потом пришлют тексты стихов мне на проверку.

С тех пор — молчание.

Им устроила скандал комиссия. Все равно. Молчание.

Я так и не знаю и узнать не могу — снята ли Аня Каминская как составитель или нет.

Положение такое:

1) Если все (кроме Поэмы) соорудила Аня, то это все глупо и с ошибками. Грамотно составить она и Ирина *не могут*; помогать же им в Л<енингра>де некому, п<отому> ч<то> все друзья А<нны> А<ндреевны> перестали с ними водиться... В этом случае ты своею статьей как бы прикроешь их неграмотность. А ведь это первый посмертный сборник, его будет изучать весь мир.

Поэтому, м<ожет> б<ыть>, тебе следует сделать так, пойти на хитрость:

послать им письмо примерно такое —

«Я хочу согласовать свою статью с текстами сборника (цитаты). Пришлите мне, пожалуйста, *сборник*...»

Затем *я* посмотрю состав и тексты, и мы с тобой решим, давать туда статью или нет.

Это один путь.

2) С другой стороны, *мешать* выходу этого сборника, тормозить, задерживать — тоже неохота. Ведь как-никак там имеет шансы выйти впервые почти целиком «Поэма»! Упускать эти шансы — грех... Пунины не Пунины, а Ахм<атова> остается Ахм<атовой>.

М<ожет> б<ыть>, следует поступить так:

Послать статью и сопроводить ее просьбой: дескать, посылаю, как обещал, но прошу прислать мне сборник, — хочу взглянуть, как он составлен. И, в зависимости от ответа, идти на скандал (если тогда не поздно будет).

Вот между какими мыслями я мечусь. Э<мма> Гр<игорьевна> и Толя за первый путь[2]. Жирмунского нет. Э<мма> Гр<игорьевна> и Толя говорят: «Не только А<нне> А<ндреев>не, но и К<орнею> И<вановичу> невместно выходить под редакцией невежественной и вредной Ани. Пусть К. И. сошлется на то, что ему известны разногласия по поводу сборника между Комиссией и изд<атель>ством и возьмет свою статью, *если* они не отстранят Аню Каминскую от составительства»[3].

Но у издательства с ней договор! Может ли оно это сделать? И — я опять — как же «Поэма»? Отсутствие твоей статьи поставит весь сборник под удар... Хорошо ли это?

Вот я и мучаюсь.

(А черт их знает, м<ожет> б<ыть>, и я напрасно дала им «Поэму»? Там редакция темная, при их манере не отвечать — испортят текст, а ведь подготовка-то моя...)

Вот тебе все нутро этого тухлого дела.

Сегодня вечером позвоню в Л<енингра>д кому-нибудь из членов Комиссии и постараюсь что-нибудь понять.

Нет, не дозвонилась — ни Орлову, ни Адмони[4].

Так что вот, я тебе изложила ситуацию, и придется самому решать...

Я, пожалуй, так: по уму — за I, а по чувству — за II путь.

Сегодня вышел «Новый Мир»; я звонила Кл<аре> Изр<аилевне> — ты уже читал.

Белкин хорош — т.е. умен и по существу[5]. Я не знаю, как полагается в таких случаях: должна ли я ему что-нибудь писать?

И хорошо, что они вступились за «Козлотуров»[6].

Я чувствовала себя сносно, но обвалилась на меня *срочная* корректура из «Прометея» — и сразу свалила с ног... Мелкий шрифт! 8 листов! Сидишь за пюпитром долго — сердце болит от сидения без опоры; ляжешь — не хватает света для глаз.

Сдам завтра и полежу.

А ты, говорила Кл<ара>, сдал «Чехова». И по 6 ч<асов> сидишь с Ясиновской[7]... Опять загонишь себя.

Посылаю переводы Богатырева из Рильке. Ты, наверное, не любишь Рильке; но перевод — редкой виртуозности: особенно Портал, I.

Кажется, все.

Если у тебя есть сейчас деньги — пришли как-нибудь рублей 30 *без отдачи*, не для меня... Со всех сторон беды...

Будь здоров. Целую тебя крепко.

Л.

2/II 670

[1]Борис Григорьевич *Друян*, редактор Лениздата.

[2]*Эмма Григорьевна* — Герштейн (1903—2002), литературовед, мемуаристка; о ней и ее дружбе с Ахматовой см. «Записки» (по Указателю имен).

[3]А. Г. Каминская была вскоре отстранена от составления сборника Ахматовой. Стихотворную часть книги издательство поручило Л. К. Чуковской, отдел прозы — Э. Г. Герштейн. См. письмо **334.**

[4]Владимир Николаевич *Орлов* (1908—1985) и Владимир Григорьевич *Адмони* (1909—1993), ленинградские члены Комиссии по литературному наследию Анны Ахматовой.

[5]Речь идет о рецензии А. *Белкина* на книгу Лидии Чуковской «“Былое и думы” Герцена» (см. «Новый мир», 1966, № 12).

[6]Упомянута повесть Фазиля Искандера «Созвездие козлотура» («Новый мир», 1966, № 8). На публикацию отозвался Лев Гольдинов статьей под выразительным заглавием «Вопреки правде жизни» (газета «Советская Абхазия», 18 ноября 1966). Редакция «Нового мира» вступилась за своего автора, поместив «Письмо в редакцию» народного судьи М. М. Шамба, которого «возмутил злобный характер критики». Напечатано также письмо группы абхазских читателей в защиту повести Ф. Искандера («Новый мир», 1966, № 12).

[7]Анна Викторовна *Ясиновская*, детгизовский редактор «Вавилонской башни» — книги пересказов для детей библейских сюжетов, которую редактировал К. Чуковский.

324. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

7 февраля 1967. Переделкино[1]

Дорогая Лида!

Вчера я получил для Тебя прилагаемую кофточку.

Кроме того, посылаю Тебе сердце[2]. Жаль, что не могу послать ни самогона, ни грибочков[3].

Насчет Анны Андреевны отделался учтивой открыткой. Кажется, «Литгазета» берется напечатать мои первые страницы об А. А.

Я работаю над пятым томом.

Поздравляю Тебя с рецензией в «Новом Мире» и с окончанием корректуры для «Прометея»[4].

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: 7 февраля 67.

[2]*Сердце* — коробка конфет в форме сердца. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]*...самогон* и *грибочки* — намек на подарок от корреспондента Л. К. из Белоруссии, машиниста по фамилии Тарашкевич. Его травили, он приезжал в Москву и рассказывал Л. К. о своих бедах. Отзвуки его истории находим в «Процессе исключения»: «...старого рабочего, высокой квалификации, пенсионера, обучавшего молодых, отвезти на машине из постели в милицию, из милиции в КГБ и там четыре часа орать на него: «Ты зачем вчера в столовой сказал: ребята, вы ругаете Солженицына, а сами его не читали?» — «Да ведь они не читали, товарищ полковник, а ругаются». — «Вот дадим тебе срок за хулиганство, тогда будешь знать!» — «Какое же хулиганство? Я же только сказал: не читали». — «А ты Яковлева в «Литгазете» читал? Там все написано. Изменников родины советским людям читать нечего...» (И нет ведь иностранных корреспондентов при этом интимном разговоре... и делай с человеком, что хочешь... Некому теперь будет с любовью обучать железнодорожную молодежь — машинистов — эка беда! Другой найдется, благонадежный...)». (Соч.-2. Т. 2, с. 85).

[4]*Рецензия* [А. Белкина] *в «Новом Мире»* — на мою книжку о «Былом и думах». *Корректура* — моих глав из книги о Герцене — «Начало». — *Примеч. Л. Чуковской.*

325. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Февраль 1967. Переделкино[1]

Дорогая Лида!

Прочитал Булгакова. Здорово! Но чувствуются купюры. Особенно замечательна судьба Мастера, который вынужден бросить свою обруганную рукопись в огонь. Но эксцентрический стиль немного утомляет.

Очень интересно, как Твое здоровье.<...>

Я кончил «Чехова», проклиная свою стариковскую вялость и негибкость фразеологии. Чуть Афанасьевна[2] кончит перепечатывать рукопись — пришлю Тебе первый экземпляр.

Перелистала ли Ты «От 2 до 5»?

Кончила ли работу над Ахматовой[3]?

Целую Тебя

Дед

[1]Датируется по времени публикации романа Булгакова — см. примеч. 6 к письму № 316.

[2]Антонина Афанасьевна *Чернева*, соседка К. И. по Переделкину.

[3]Речь идет о подготовке текста «Поэмы без героя» для однотомника стихотворений Анны Ахматовой в Лениздате.

326. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12 февраля 1967. Москва

12/II

P. S. Дорогой дед, сегодня я узнала, что 14/II, то есть послезавтра вечером, в Союзе празднуется 60-летие Атарова. Я пошлю ему письмо домой, но, конечно, не во мне дело, а надо непременно, чтобы ты послал ему поздравление. Во-первых, он хороший литератор и хороший человек, а во-вторых, он очень обидчив.

О чем и сигнализирую.

Л.

Радуюсь, что ты пишешь о Грековой[1]. Над ней Бог знает как измываются.

[1]*И. Грекова* — Елена Сергеевна Вентцель; статья К. Чуковского в защиту ее повести «На испытаниях» называлась «К спорам о “дамской повести”» и напечатана в 6-м томе его собрания сочинений (М., 1969). В статье Чуковский полемизирует с Л. И. Скворцовым, который причислил повесть И. Грековой к произведениям «дамского жанра».

327. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Около 20 февраля 1967. Москва[1]

Дорогой дед, посылаю тебе свою маленькую Библиотечку Поэта — всего 6 штук.

О каждом пишу на отдельной бумажке; у каждого — среди хорошего много плохого, а мне хочется, чтобы ты скорее попал на хорошее...

Когда кончится надобность в этих книжках — пришли их сразу назад, я их люблю и не хочу, чтобы они затерялись.

Целую тебя.

Л.

[1]Дата установлена из следующего письма.

328. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

27 февраля 1967. Переделкино[1]

Дорогая Лида!

Спасибо за стихи. Самойлов и Гитович — подлинные классики. Очень хорош Коржавин. Я, очевидно, прочту их троих[2].

Пожалуйста, дай Ген<надию> Матв<ееви>чу «Октябрь» 1943, № 8 — для проверки одной цитаты из Зощенко.

Люша, по-моему, *очень* переутомлена. Что сделать, чтобы она отдохнула?

Дед

Разреши книжки ПОЭТОВ возвратить послезавтра!!!

[1] На письме рукою Л. К.: «Получено 27/II 67».

[2] *Спасибо за стихи.* — К. И. готовился говорить по радио о современной поэзии, и я послала ему книжки стихов. — *Примеч. Л. Чуковской.*

329. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

28 февраля 1967. Москва

28/II 67

Дорогой дед!

От тебя требуется маленькое письмецо...

Вот уже более года ведутся Сашей[1] и Комиссией переговоры с изд<атель>ством «Просвещение» о напечатании лучшей Фридиной книги — ее Дневников.

С самого начала изд<атель>ство просило, чтобы ты дал предисловие хоть 2—3 странички! — и мы отвечали: да, конечно, К. И. эти Дневники любит и не откажет, он часто на них ссылается в «От двух до пяти».

И вот теперь настал решающий и счастливый час.

Вчера в издательстве была Наташа Долинина, специально для этого приехавшая на день из Ленинграда.

Они решили:

1) заключить с Сашей договор на тексты, 2) со мной на редактирование (так и Ф<рида> хотела).

Книга вставляется в план на выход в 69 году, на сдачу — лето 1968, т.е. более чем через год!

И все эти прелести при условии, что ты *сейчас* пришлешь им маленькую записочку.

Наташа продиктовала мне примерный черновик:

«Уважаемый (дорогой?) Валентин Григорьевич! В ответ на предложение издательства подтверждаю, что я с удовольствием напишу предисловие к Дневникам Ф. Вигдоровой, которые я всегда высоко ценил. Уважающий Вас К. Чуковский».

Написав, положи в конверт, и пусть Г<еннадий> М<атвеевич>, Кл<ара> или Мирон[2] опустят в почтовый в ящик. Адрес:

Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. № 41, изд<атель>ство «Просвещение», Редакция Педагогики. Валентину Григорьевичу Бейлинсону.

Итак, писать странички предисловия тебе придется только через лето, а записку надо посылать сейчас, чтобы они заключили договор с Сашей («авторский») и со мной («редакторский») и вставили книгу в план.

Если тебе тогда не захочется почему-либо писать — я напишу за тебя. И уж во всяком случае дам тебе весь материал: цитаты, соображения и пр.

Целую тебя.

Л.

За *сно*[3] спасибо.

См. на обороте!

Говорила с тобой по телефону.

Чувствую, что тебе очень не хочется вынимать Ахм<атову> из «Современников», и меня тянет написать: делай, как тебе *хочется*. Но так написать не могу.

Ты отдал статью давным-давно в Лениздат. Они приняли и объявили о ней в печати.

Потом — недавно — ты снова им ее отдал (см. свою открытку Герштейн).

Как она попала в Мол<одую> Гв<ардию> — мне непонятно.

Ты говоришь — важно, что А. А. пройдет в рубрике «Замеч<ательных> людей». Но это гораздо *менее* важно, чем выход в свет «Поэмы» (впервые целиком) и статей о Пушкине, — важнее, с помощью твоей статьи выпустить *ее* сборник — важнее всего. Я колебалась, пока подозревала, что сборник будет неграмотен, — теперь это отпало. (Расторгли договор с Пуниными.)

Таково мое мнение.

Ты собирался написать Э<мме> Г<ригорьевне> В самом деле, напиши ей — она там, ей все виднее.

Посылаю тебе мацу.

Маленькая просьба: мне не хотелось бы, чтобы относительно Фр<идиного> дела ты говорил бы с М. Мне это было бы *больно*. Читай, делай, думай — сам.

Л.

28/II 67

А если с ахм<атовским> сборником в Ленинграде случится к<акая>-н<ибудь> беда — так ведь твоя статья в столе у тебя не останется, ты ее напечатаешь немедля в газете или журнале.

[1]*Саша* — Раскина, дочь Ф. Вигдоровой.

[2]Упомянут *Мирон* Семенович *Петровский* (р. 1932), литературовед, автор «Книги о Корнее Чуковском» (М., 1966). Петровский жил в Киеве и, приезжая в Москву, постоянно бывал у Чуковского.

[3]*сно* — снотворное.

330. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

11 марта 1967. Переделкино[1]

LX[2]

Дорогой друг Лидочка!

Нежно обнимаю Тебя и поздравляю с днем рождения.

Сколько я ни думал о подарке, мне показалось, что умнее всего преподнести Тебе прилагаемую при сем сумму. Сообщи мне, пожалуйста, № Твоей Сберкнижки, я позволю себе пополнить и ее более обширной же суммой.

О своей ахматовской статье я написал Эмме Григорьевне в Питер в гостиницу «*Дружба*».

Если Эмма Григорьевна уже в Москве, пожалуйста, сообщи об этом.

По заказу Люши я достал инсуфляторы (против насморка) — пришлю их в следующий раз. Не могу найти в квартире.

Очень хотелось бы, чтобы Ты посмотрела нашу Детскую Библиотеку теперь. Очень хорош уголок Габбе и Маршака, украшенный цветами. Скоро приедут художники расписывать фасад. А

внутри — красота неописуемая. В воскресенье в Библиотеке выступит Тарковский.

Дед

[1]Датируется на основании записи Л. К.: «Получено через Геннадия Матвеевича 11/III 67».

[2]24 марта (11-го по старому стилю) 1967 года Л. К. исполнялось 60 лет.

331. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

23 марта 1967. Переделкино

23 марта 67

Дорогая Лидочка!

Торжественно поздравляю Тебя с Днем Рождения. 60 лет назад молодой Сергей Городецкий написал у нас на Коломенской ул. на белой двери — тушью:

О сколь теперь прославлен род Чуковский,
Родив *Девицу* лучше всех *Девиц*, —

и это оказалось очень верно угаданной истиной[1].

Спасибо за статью о Фриде. Мне прочли ее вслух. Вся она отлично написана, особенно ее вторая часть. Вообще Детиздат — молодец, напечатал такую огромную трилогию в 100 000 экземпляров, и какой прелестный приложен к книге портрет.

Сейчас был у меня Сима Дрейден.

Деньги я не перевел на твою книжку по одной идиотской причине: я написал доверенность Белову Корнею Ивановичу. Естественно, денег мне не выдали, когда выдадут, мы постараемся добыть для Тебя безопасный камин.

Будь здорова. И скорее переезжай в «Пиво-воды»!

Целую тебя

Твой Дед

Прости, что задерживаю книжки поэтов. С ними я потерпел фиаско. Работник радио, приехавший меня записать, просил меня прочитать другое, а «день поэзии» отложить до апреля.

[1]В своих воспоминаниях о Корнее Чуковском «Памяти детства» Л. К. приводит вариант стихотворения Сергея Городецкого, который запомнился ей со слов родителей: «Родив девицу *краше* всех девиц» (Соч.-2. Т. 1, с. 185).

332. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 марта 1967. Москва

25/III 67

Дорогой дед,
я купила сразу 2 добавочных тома к Герцену, исходя из предположения, что у тебя этого тома нет, а он необходим — в нем указатели.

Тебе кланяется и тебя благодарит Володя Корнилов, который был сегодня и читал прекрасные, сильные стихи.

Пишу удивительной ручкой, подаренной мне Люшей. Итальянская. Тебе бы такую.

Скоро приеду полюбоваться на КАМИН!

Целую тебя

Л.

В Доме Творчества сейчас молодой переводчик, автор книги о Гомере, Симон Перецович Маркиш — сын поэта. Рекомендую тебе его, он мне нравится. <...>

P. S.

Рада, что тебе не не понравилось послесловие к Фридиной книге[1]. Мне было его очень трудно писать, п<отому> ч<то> оно не о главном во Фриде и не о лучшем в ее работе. Я очень этим мучилась и только «Памяти Ф<риды>» меня успокоило[2].

Не прислать ли экземпляр книги для Библиотеки? Не дать ли фотографию под стекло?

Л.

Детгиз и не думал переиздавать трилогию — не от хорошего вкуса, конечно, а по интригам — давним — Прилежаевой[3] и из ненависти к Калабалину[4]. Но незадолго до конца[5] друзья стали хлопотать об этой книге, п<отому> ч<то> Фриду, как всегда, мучило безденежье, а эта — самая толстая. Узнав, что будет заключен договор, Фридочка, не знавшая о закулисных хлопотах, радовалась и наивно говорила:

— Вот, мы всегда ругаем Детгиз. А смотрите, как они благородно поступают: даже, без моей просьбы, *сами* прислали договор...

Л.

[1]*Фридина книга* — речь идет о сборнике повестей Ф. Вигдоровой, выпущенном издательством «Детская литература» в начале 1967 года. В сборник вошла трилогия:

«Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка». Послесловие к сборнику под названием «Сколько станет сил» написано Лидией Чуковской.

[2]*«Памяти Фриды»* — воспоминания Лидии Чуковской о Фриде Вигдоровой. Двадцать два года спустя Л. К. сделала такую запись:

«“Памяти Фриды” имеет большой недостаток: тут все правда, но не вся правда. Я писала эту книгу, обязавшись перед Галей и Сашей не писать ничего, что могло послужить помехой для переиздания Фридиных книг. И обещав не распространять написанное. Поэтому в этой книге отсутствует происходившая на моих глазах — и не без моей помощи — линия Фридиного освобождения от казенных лжей. *15/II 89*».

В 90-е годы книга «Памяти Фриды» опубликована (Соч.-2. Т. 1, с. 357—429).

[3]Мария Павловна *Прилежаева* (1903—1939), писательница, «автор историко-революционных книг, рисующих жизнь и деятельность В. И. Ленина, Н. К. Крупской, М. И. Калинина, их сподвижников» (Краткая лит. энциклопедия. Т. 5, 1968, с. 975).

[4]Семен Афанасьевич *Калабалин* — воспитанник А. С. Макаренко, выведенный в «Педагогической поэме» под именем Карабанова. Фрида Абрамовна посвятила педагогической деятельности Семена Афанасьевича и его жены Галины Александровны, вместе работавших в детских домах, свою трилогию: «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка». — *Примеч. Л. Чуковской.*

[5]*...незадолго до конца...* — т.е. незадолго до смерти Ф. Вигдоровой, которая скончалась 7 августа 1965 года..

333. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Начало апреля 1967. Переделкино[1]

Лидочка, родная, прости меня, окаянного. Ищу во всех карманах, не могу найти номера твоей Сберкнижки. Будь великодушна, напиши его вновь. Благодарю Тебя за бесценный подарок — «Записки об А.»[2]. Их историческая ценность огромна. Я читаю и перечитываю эти с виду такие простые, но такие художественные — и в своей совокупности — такие драгоценные строки.

Я раздавлен телеграммами и письмами — не только ответить на них, но даже прочитать их немыслимо.

Как-то странно и совестно быть объектом такой горячей любви[3]. И главное, вполне бескорыстной. Ты ничего не пишешь о своем здоровьи. Мое — ничего себе. Но я переутомляюсь. Проредактировать в несколько дней 3 тома Некрасова для «Б<иблиоте>ки поэта», правя косноязычного Рейсера и Гаркави, — это значит заболеть от усталости и презрения к самому себе, взявшемуся за такую никчемную и безнадежную работу[4].

У нас грязища!!!

Целую.

Дед

Рукопись во славу интеллигенции — написана талантливо[5].- Кем?

[1]Датируется по дню рождения К. И. — см. примеч. 3.

[2]*Записки об А.* — «Записки об Анне Ахматовой», над которыми работала Л. К.

[3]1 апреля Чуковскому исполнилось 85 лет, и он получил множество поздравлений.

[4]Речь идет об издании: Н. А. Некрасов. Полн. собр. стихотв.: В 3 т. / Общ. ред. и вступ. ст. К. Чуковского. Л.: Сов. писатель, 1967. (Б-ка поэта. Большая серия).

[5]О какой рукописи идет речь, установить не удалось.

334. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12 апреля 1967. Москва

Дорогой дед! Мой номер 70457.

Рада, что тебе понравились мои ахматовские выписки.

Скоро получу у машинистки и пришлю тебе продолжение.

До конца I тома еще далеко. Он будет кончаться нашим с нею приездом в Ташкент[1].

Теперь дальше: приезжал Друян — редактор Лениздата. Представь себе, они просят, чтобы я взяла на себя всю стихотворную часть книги (вместо Ани!) и согласны дать «Бег времени» с добавлениями. Я согласилась; по существу мне это очень легко; трудны корректуры, но их за меня будет держать Ника[2].

Теперь меня вдвойне интересует твоя статья — не пришлешь ли? Если нет первого экземпляра — пришли любой, а я дам его для себя перепечатать, и мне сделают первый.

А проза в книге поручена Э<мме> Г<ригорьевне>.

Ответить всем, кто тебе написал, ты, конечно, не можешь, но если — через газету? И не обычным официальным способом, а более любовно.

Будь здоров. Мечтаю приехать и приеду.

Целую тебя.

Л.

12/IV 67

[1]Речь идет о «Записках об Анне Ахматовой», которые Л. К. по мере написания посылала по частям отцу.

[2]*Ника* Николаевна *Глен* (р. 1928), переводчица, близкий друг Анны Ахматовой. С 1958-го по начало 1963-го Ника Николаевна была литературным секретарем Анны Андреевны.

335. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

26 мая 1967. Загородная больница. Кунцево[1]

Милая Лида. Я в раю. Врачи всей оравой накинулись на мою болезнь, как охотники на зверя. <...> Читаю дневник (об А. А.), но с трудом. Голова никуда не годится. Жду Люшеньку.

Дед

Напиши о своем здоровье.
См. на обороте.

Все думаю о твоих ахматовских записях. В них очень рельефно встает твой необыкновенный характер, твоя способность ненавидеть и любить. До каких необычайных вершин доходила Твоя любовь к А. А. Я не способен к такой интенсивной многолетней любви и очень завидую Тебе. Это не любовь, а влюбленность. Я помню, какой больной и усталой Ты была в 1940 году — до операции, — и все же не было такой просьбы А. А., которой Ты не исполнила бы. А ведь в 40-м году все главные испытания для А. А. были еще впереди, и мне страшно интересно прочитать Твой дневник, относящийся к послевоенному времени.

У меня оказалось *очень* высокое РОЭ, но голова свежее, чем прежде: я могу и писать (чуть-чуть), и читать.

О Съезде я не слушаю и не читаю, чтобы зря не волноваться. Чуть только я подумаю о нем, у меня делаются спазмы (мозговые). Сегодня доктор сказал, что выступал Ш<олохов>, вот и все, что я знаю о Съезде[2].

Еще раз

ДЕД

[1]На конверте рукою Л. К.: 26 мая 1967 г.

[2]Выступление Шолохова на IV Съезде Писателей 25 мая. — *Примеч. Л. Чуковской.*

336. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23—24 августа 1967. Москва

Дорогой дед. Спасибо за газету и особенно за «Современников»[1]. Я сразу накинулась и прочла про Ахматову. Статья прекрасная, точная, очень музыкальная; очень много сказано необходимого и много опровергнуто клевет. С удовольствием мечтаю, как

она будет выглядеть в сборнике и как спасет и убережет его от всяких бед.

Но есть и ошибка, которую умоляю исправить. И кое-что, что необходимо добавить, — что просится само из твоего же текста.

Ошибка вот какая (см. стр. 316, в самом низу): «гость из будущего» — вовсе не Маяковский. Гость из будущего, проходящий через всю «Поэму» (человек, что не появился и проникнуть сюда не мог; неужели ты придешь сюда в самом деле, повернув налево с моста; он не станет мне милым мужем, но мы с ним такое заслужим, что смутится XX век, — т.е. постановление 46 г.; но в руке его теплота и пр., и т.д., и пр.). Гость из будущего — это герой цикла «Шиповник цветет», известный тебе ее оксфордский приятель[2]. Хоровод теней приходит к ней в 41 г., а он пришел в 45-м — вот почему он «гость из будущего». Маяковский же — полосатой наряжен верстой, размалеванный пестро и грубо, — это в Поэме переход *к самому главному месту*, к декларации, к манифесту о поэзии и поэте:

Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы, —

и т.д. и

Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество, —

и т.д.
(цитирую по памяти, не сверяясь).

Вот почему это не лично Маяковский, а Поэт вообще.

Мысль о победе поэта очень важная — тебе не хочется о ней сказать?

Мне кажется, она точно ложится в конец твоей IV главы и более важна, чем ее любовь к Маяковскому, о кот<орой> можно сказать и мельком. Но если тебе не захочется развивать тему поэта (хотя, по-моему, это вершина «Поэмы» и соль ее мысли), то, во всяком случае, убери «гостя из будущего», ибо это адрес неверный, это *не* Маяковский, и ты окончательно собьешь с толку читателя.

Далее: раз ты говоришь об историзме Ахм<атовой> — не хочешь ли ты написать о «Путем всея земли» — ведь это тоже историческая вещь и притом совершенно неразгаданная. Многое и останется загадкой, но кое-что разгадать можно и должно.

Вот, например, хочу с тобой посоветоваться насчет Форта Шаброль. Когда будет свободная минута — вникни (стр. 287—288)[3].

Сначала я поняла дело так, что в форте Шаброль, связанном с бурской войной, погиб какой-то старый калека, которого стерегли буры... Выписка из энциклопедии, присланная тобой и Кл<арой> Изр<аилевной>, сначала мне показалась совершенно неподходящей. При чем тут какой-то Герен, улица в Париже, антисемитская лига? А теперь я думаю так — и, пожалуйста, подумай, может ли это быть:

В главке 5-й (287—288) она дает приметы конца одного века и начала другого: Цусима, буры и форт Шаброль. И в «форте» Шаброль сидели антисемиты, протестовавшие против пересмотра дела Дрейфуса. Итак — Цусима, дело Дрейфуса, буры. А кто же калека, ослепший в склепе? Мне пришло на ум: это не человек, а век — XIX век... Как ты думаешь, верно ли это[4]?

И третья вещь, о которой, мне кажется, ты должен сказать, говоря об историзме, — это «Русский Трианон». (В «Беге» нет, в нашем сборнике — есть; я тебе посылала.) Это сделать просто, там ничего загадочного: «В тени елизаветинских боскетов» и т.д. «Кровь заливала горло Дарданелл» и пр. Еще есть «Античная страница», «Библейские», но это уж из другой оперы.

Если бы ты это добавил — был бы к книге осмысленный аппарат. Потому что, сколько бы я ни делала примечаний, — примечаниями (этой формой) ахматовского историзма не взять. Они могут явиться мелким подспорьем к статье — и только. Понять же *суть* каждой исторической вещи Ахм<атовой> читатель должен из статьи. (Между прочим, было бы хорошо, если бы, говоря о Предыстории, ты сказал о Старой Руссе и Оптиной в связи с Достоевским.)

Мелочь у тебя на стр. 320 — любовь, конечно, *интимное* чувство и *камерное*, что не мешает ей быть всенародной.

Я кончаю примечания — это не только трудно, но и никчемно. Тут нужны статья и комментарии. Только.

Твоя статья о Глоцере хороша и удивительна[5]: сочетание хлесткости со спокойствием — большая редкость. Были ли отклики?

Целую тебя. Не надо болеть!

Л.

23/VIII 67

P. S. Между прочим, о Маяковском А. А. говорила так:

«Хлебников писал до революции плохо, а после революции прекрасно; Маяковский же наоборот — до революции дивный поэт, божественный юноша, а после революции совсем не поэт».

Продолжение

Дорогой дед.

Сегодня — на другой день — прочитала статью еще раз. Хорошая статья — особенно хорошо — и совершенно ново — о «Поэме».

Сегодня напишу о мелочах, которые — м<ожет> б<ыть>, не все! — тебе пригодятся, если ты будешь работать. (А я так ясно, при втором чтении, поняла, где что можно естественно, без ломки, вставить.) Но сейчас о мелочах:

<...>

307, цитата из «Трех осеней».

К сожалению,

Но эт*а* бывает,

а не эт*о*, как хотелось бы. Я видела у Ники машинописный текст, где было *о* — и рукой А. А. *исправлено* на *а*: эта бывает... И я вынуждена давать в сборнике *а*.

Насчет ее отношения к вещам и чемоданчика... (Стр. 299). В общем, ты прав. Но не совсем точен... В чемоданчике были не только (в папке) шершавые клочки рукописей, но и красиво переплетенные толстые тетради, а также блокнотики и школьные тетради со стихами (из-за которых сейчас идет суд с Пуниной). И не все вещи исчезали, не все она раздаривала: десятилетия была на ней знаменитая шаль, подаренная ей Цветаевой и воспетая Мандельштамом («Ложно классическая шаль»); ожерелье из черных агатов; перстень, подаренный Шилейко; брошка с Клеопатрой и т.д. Модильяни на стене. Русский ларь XVI в. в углу. (То

есть уникальное, «ахматовское»). Знаменитый гребень, изображенный на портрете Ю. Анненкова.

Она берегла вещи, но уникальные, ахматовские, а не «вообще», а «вообще», хоть и самые красивые и дорогие и нужные, действительно раздавала, раздаривала, как ты и пишешь: дорогие элегантные шарфы из Парижа, духи, сумки, ручки, *книги* — хоть и самые редкие... Получив премию Таормино, она накупила одежки для трудно живущих своих друзей — Бродского, Наймана, Эммы и т.д., а себе привезла, кажется, только белье. Она говорила: «Я приехала в Москву под Новый Год как Дед Мороз, нагруженная подарками».

Ну, это я пишу просто так. А вот еще мелочи. <...>

Кажется, накарябала все.

Целую тебя.

Л.

[1]К. И. прислал только что вышедшее четвертое издание своей книги «Современники. Портреты и этюды», в которой впервые была напечатана его статья об Анне Ахматовой.

[2]*...оксфордский приятель* — намек на оксфордского профессора, дипломата, философа, историка литературы — сэра Исайю Берлина (1909—1997).

[3]Указаны страницы «Бега времени» (М., 1965), последнего прижизненного сборника Ахматовой.

[4]«*Форт Шаброль*, — писала Л. К. в своих примечаниях для Лениздата, — намек на дело Дрейфуса, такая же примета рубежа между двумя веками, как Цусима и буры. «Форт» — это дом на ул. Шаброль в Париже, где в конце девяностых годов собирались члены антисемитской лиги, бурно протестовавшие против пересмотра дела. Насмешливое прозвище «форт» дом получил после того, как осенью 1899 года там заперлись президент лиги и пятеро его единомышленников, в течение 35 дней с оружием в руках сопротивлявшиеся попыткам полиции арестовать их».

Много лет спустя, в 1986 году, возвращаясь к проделанной работе, Л. К. вспоминала:

«Примечания к стихам Ахматовой, сделанные мною для сб<орника> Лениздата, стоили мне большого труда. (Например, раскрыть «форт Шаброль».) Я подарила их В. М. Жирмунскому (как и любую цитату из первого тома «Записок», не напечатанного тогда), — сб. Лениздата должен был выйти гораздо раньше, чем ББП, и, конечно, Виктор Максимович сослался бы на мою работу. Но В. М. Жирмунский умер, мое имя запретили, Эткинд и Н. А. Жирмунская «не имели возможности» сослаться на меня — и в новом сб<орнике> Лениздата все [т.е. текстологию] присвоил Друян, а в ББП — новые составители» (Лидия Чуковская. Заметки текстолога. Архив Л. К. Чуковской).

ББП — Библиотека Поэта. Большая серия.

[5]Речь идет о статье К. Чуковского «Ложка дегтя» («Учительская газета», 5 августа 1967), в которой он защищает книгу В. Глоцера «Дети пишут стихи» от нападок Н. Побединой (журнал «Детская литература», 1967. № 6).

337. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

13 сентября 1967. Москва

13/IX

Дорогой дед! SOS — у меня не осталось ни одной ручки, кроме красной, а ею мне писать нельзя. Пришли хоть какую-нибудь другого цвета.

И еще: я потеряла «Двух королев»[1], не прочитав их!

Посылаю рецензию из «Morning Star». Пожалуйста, потом верни.

И еще: В. Ф. Панову перевезли из больницы домой. Ей лучше, — она сидит в кресле, которое на колесиках, врачи говорят, что нога и рука со временем вернутся, но глаза — нет! (Она видит людей и предметы, только сильно скосив глаза, а читать так нельзя. Поражен какой-то нерв.) Так вот — не напишешь ли ты ей какое-нибудь хорошее, приветливое письмецо — не о болезни, а так, вообще, — ей прочтут, и она обрадуется.

Целую тебя крепко.

Лида

P. S. Сейчас узнала, что 27 августа 67 г. появилась статья о моей книге в «Observer Review»[2]. Как бы достать?

[1]«Две королевы: Страницы воспоминаний» — статья К. Чуковского, напечатанная в «Литературной России» 1 сентября 1967 года.

[2]*...статья о моей книге в «Observer Review»* — т.е. статья о «Софье Петровне». См.: Stephen Wall. Kafka's world come true // The Observers Review, 27 aug., 1967 (Стефен Уолл. Мир Кафки становится реальностью // Обзервер Ревью, 27 августа 1967).

338. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

15—16 сентября 1967. Москва

Дорогой дед. Вот какие у меня к тебе просьбы насчет ахматовской статьи. О каких добавлениях:

1) Ты пишешь о «Предыстории» (см. «Бег времени», 441). Пишешь очень хорошо и подробно. Однако не хватает — будет не хватать читателю — объяснения, почему и что такое:

Оптина

Старая Русса

и *может быть*: омский каторжанин, Семеновский плац. *Если захочешь*, скажи тут же о «женщине с редчайшим именем» — Инне Эразмовне, матери АА. (Если не ложится — не надо.)

2) Далее: «Путем всея земли» — поэма, написанная в марте 1940 г<ода>, — это ведь как бы преддверие к «Поэме без героя», тоже попытка написать историю. («Бег времени», 283.) Тут есть главы чисто автобиографические (1, 3, 6), которые — особенно 3 — так и останутся неразгаданными; но 2, 4, 5 — это история, и о них нужно сказать. Имей в виду, что предпоследняя строка в главке 4 (стр. 287) не «За новой утратой», а «Столицей распятой» — то есть речь идет, по-моему, о блокадном Ленинграде. (Я эту строку восстановлю.)

Теперь дальше я буду говорить о вещах, которых в «Беге времени» нет; это — отрывки из поэмы «Русский Трианон»; стихотворение «Из цикла «Юность» («Мои молодые руки») и стихотворение «Петроград, 1919». О последнем А. А. говорила мне и писала, что это — пророчество о Ленинградской блокаде. Ляжет ли оно в твою историческую тему — не знаю; не ляжет — оставь в стороне; но вот «*Юность*» и «*Русский Трианон*», мне кажется, ложатся безусловно.

Теперь перехожу к «Поэме без героя». О первой части буду говорить по «Бегу времени»; для понимания дальнейшего тебе надо положить перед собой экземпляр «Поэмы», подаренный тебе А. А.

Итак:

1) как я уже тебе писала, мне кажется необходимым раскрыть ее манифест о поэте *вообще*, т.е. слова «*Существо это странного нрава*» и дальше («Бег времени», 317) до слов на 318 стр. — «Лучше сами сказали стихи».

2) Хорошо бы объяснить, что такое серебряный век («Бег», стр. 329).

Дальнейшие мои пожелания см. рукопись.

3) На стр. 323 «Бега», в ремарке, говорится о портрете Козлоногой — не думаешь ли ты, что там, где ты говоришь о Путанице и Психее — ролях, — надо сказать и об этой роли? И тут же, в этой же ремарке, — Блок, Шаги Командора, Донна Анна. Скажешь ли ты об этом попутно, говоря о Блоке, или мне сказать отдельно в примечаниях?

4) На стр. 324 — речь идет о балерине Анне Павловой («Ты, наш лебедь») и о Шаляпине. О Шаляпине ты сказал — не скажешь

ли тут же зараз и о Павловой — что это, мол, Анна Павлова, великая балерина? (У А. А. когда-то было примечание под строкой, но она его злостно сняла.)

Теперь перехожу к *рукописи* «Поэмы».

Открой, пожалуйста, «Решку». Не хочется ли тебе сказать о III строфе, что тут названы три героя:

Маяковский

Блок

Вс. Князев?

Это тоже необязательно, а если ляжет.

О «госте из будущего» писать еще не следует, хотя он и будет непонятен (см. «Третье посвящение», стр. 311 в «Беге»; и много раз в «Поэме»; и ему же цикл «Шиповник цветет» — «Бег», 382).

А что делать с проклятой античной страничкой? (Стр. 428—29)? Я ее так не люблю... Объяснять? Не объяснять? Считать общеизвестной? М<ожет> б<ыть>, ты о ней мельком — не растолковывая — просто упомянешь? И о библейских? — вот, мол, как ее тянуло в историю?

Но если тебе это очень будет не по дороге, то лучше брось эти стихи, чем ломать статью.

Мерзавцы из Гослита сделали тебе еще одну пакость: под фотографией А. А. написали: фото!

(«Ты поглядишь на это фото
И сразу вспомнишь оргинал», —

как надписывают управдомы). Ну, как же это ни ты, ни Кл<ара> Изр<аилевна> не видели подписей[1]?

Теперь совсем о другом. О кинофильме Чукоккала.

Есть такой Толя Найман — ты с ним знаком — секретарь АА, поэт, переводчик. Так вот, он прислал мне письмо, что он и другой приятель АА и его, поэт Евг<ений> Рейн (я его не знаю), предлагают Студии документальных фильмов заявку на фильм о Чукоккале — «десятые годы в Чукоккале». (Они, через АА, знают и любят эти годы.) Так вот, Толя Найман просил меня спросить у *тебя* (не у Люши!), как *ты* отнесешься к такому предложению? Если хорошо, то они попросят (потом), чтобы ты их рекомендовал студии; если ты вообще не хочешь такого фильма — то они и заявки посылать не станут.

Ты подумай и напиши мне.

(А я думаю, что это будет для тебя утомительно... Если делать, то их руками; но, м<ожет> б<ыть>, вообще не делать?)

Устала писать. Посылаю стихи. Целую тебя.

Л.

15/IX

P. S. Дорогой дед, с утра пишу снова.

Вот что мне пришло на ум: в твоем разборе «Поэмы» ты говоришь только о десятых годах. О них и надо говорить более всего; но ведь там есть и 41-й, война; есть и последняя строфа, героическая, которой кончается наш вариант «Поэмы»:

И себе же самой навстречу,
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву, —
Ураганом с Урала, с Алтая,
Долгу верная,
молодая,
Шла Россия спасать Москву.

М<ожет> б<ыть>, этой строфой кончать статью даже лучше, чем «Мужеством», которое общеизвестно?

[1] Речь идет о книге К. Чуковского «Современники» (М.: Молодая гвардия, 1967). Книга издана не в Гослите, а в издательстве «Молодая гвардия». 22 августа 1967 года К. И. подарил эту книгу дочери с надписью «Лидочке книжка-калека. Дед». Экземпляр сохранился в библиотеке Л. К. После страницы 512 помещена фотография Анны Ахматовой. Подпись под фотографией гласит: «На обороте фото дарственная надпись...». Слово «фото» подчеркнуто красным и на полях восклицательный знак. Л. К. считала такой оборот речи совершенно безграмотным.

339. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 сентября 1967. Москва

17/IX 67. Утро

Дорогой дед.

Я положила возле себя бумагу и ручку, ложась спать. И кое-что за ночь об АА накапало, что спешу для тебя записать. См. следующие страницы. А сначала главная новость, чрезвычайно

важная для нашей книги: на Западе напечатали Поэму «целиком»! Аманда[1]. И мне теперь необходимо ее увидеть, п<отому> ч<то> там утверждается, будто это последний вариант — 1965 г. Напиши всем своим друзьям, чтоб прислали:*«Slavonic and East European Review» London, July, 67.*

Опередили нас. И что я теперь буду делать с текстом?

Но я не унываю — надо взглянуть.

Ты вчера сказал, что не любишь «Путем всея Земли». Ладно, не пиши о ней. Но ты ничего не сказал о посланных мною стихах

Из цикла «Юность»

«Русский Трианон» — восхитительных. И еще я бы прибавила к ним («Бег времени», 433) «Царскосельскую оду» — совершенно новую для Ахм<атовой> и вообще —

Драли песнями глотку

и т.д.

Теперь перехожу к ее шуткам. Не знаю, сгодятся ли. [Нет конца]

[1]*Аманда* — Amanda Haight (1939—1989), английская славистка, исследовательница творчества Анны Ахматовой.

340. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

20 сентября 1967. Переделкино[1]

Лидочка!

Откуда это:

Как же мне душу скудную
Богатой тебе принести? —

и —

Помолись о нищей, о потерянной
О моей живой душе.

Я бросил все и строчу об Ахматовой[2]: но мозги мои скудны и очень медлительны.

Написал и про Оптину, и про Старую Руссу, и про «непришедшего» Исайю, и даже про «Александра у Фив».

Получил письмо от Жени Лунц[3]. Она просит меня передать Тебе ее *восхищение*. И спрашивает о твоих глазах.

Рецензию возвращу на днях.

Дед

[1]На письме рукою Л. К.: «Получено 20/IX 67».

[2]*...строчу об Ахматовой...* — вступительную статью для Лениздата. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[3]*Женя Лунц* — школьная подруга Л. Чуковской, сестра писателя Льва Лунца. В начале двадцатых годов семья Лунцев уехала из России. В 1962 году, когда К. И. был в Лондоне, он возобновил знакомство с Е. Лунц (по мужу Горнштейн). *Ее восхищение* относится к «Софье Петровне», которую она только что прочитала.

341. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20-е числа сентября 1967. Москва[1]

Дорогой дед.

Посылаю тебе снова Указатель к «Бегу времени» — уверена, что он тебе пригодится.

Теперь вот что я думаю о «Русском Трианоне», «Юности» и «Царскосельской оде» («Бег», 433). Объяснять их тебе, видно, не с руки — и не надо. Но мне кажется, говоря об исторической теме в поэзии А<хматовой>, надо их назвать, упомянуть, указав при этом, какому времени они посвящены.

Теперь — как ты думаешь? — что означают в «Русском Трианоне» строки (стихотворение III):

«И не считали умерших людей» —

почему умерших, если речь идет о войне? и почему — ниже — сказано про звезды:

Совсем не те, что будут через год.

Это, по-твоему, просто так или намек на какой-нибудь определенный год?

Если тебе нужны те два стихотворения из «Четок» — я могу их переписать и прислать. Они маленькие. Беда в том, что «Чет-

ки» у меня повреждены — на них нет титульного листа — и я не могу сделать ссылку на издание.

Жду ответа.

Л.

[1]Датируется по предыдущему письму К. И. с вопросами о двух стихотворениях Ахматовой.

342. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

5 октября 1967. Москва

5/X 67

Дорогой дед. Я задним умом крепка и всякие мелочи о твоей статье надумала уже в машине. Микроскопические — но все-таки сообщаю.

1) Не через 25 лет рассказывала она о «дикой девочке», а лет через 35. Разговор был в конце тридцатых, когда ей было 49 лет.

$$\begin{array}{r} -\,49 \\ \underline{13} \\ 36 \end{array}$$

2) Ты меня называешь современницей. Так-то оно так, но ведь между ею и мной 17 лет, почти поколение. М<ожет> б<ыть>, сказать — одна из *младших* ее современниц?

3) «Постучи кулачком — я открою» — «Бег», 341—342. Старшему мальчику, Вале, было лет 8 (школьник; она ему читала Вальтер Скотта), младшему — 1 г<од>, полтора (Вова).

Валя умер от голода. Вова вырос и стал бандитом[1].

3) Я рада, что ты пишешь об «окаянной коммунальной квартире». Очень точное слово — окаянная. Но вот «пыток» и пр. не надо; что-нибудь точнее — скромнее, ведь твоя статья станет первоисточником для всего мира. Было пьяное рычание и битье — заурядное.

А из другой комнаты (от Пуниных) несся патефон.

4) Когда ты говоришь об эпиграмме и о ее последних двух строках, я бы добавила вот что (по смыслу, не словесно).

На страницы журналов хлынули женские стихи — темные, откровенные, истерические, не поднимаясь на высоту искусства (как у Ахм<атовой>), они оставались ненужным откровенничаньем.

П<отому> ч<то>, мне кажется, дело было не в одной или двух подражательницах, а в *потоке* женских признаний, безвкусных, лишенных чувства меры и стиля. То, что под ее пером было искусством, у них стало просто женской вульгарной исповедью. (См., напр<имер>, Елизавету Стырскую[2].)

Хотела писать дальше, но приехал шофер — посылаю. Спасибо за дивную ручку. Сегодня с 10 до 12 непрерывно звоню тебе, чтоб узнать, как прошла ночь, но, когда прорываешься сквозь коммутатор, *никто не подходит.*

Л.

[1]*«мальчики» Вова и Валя* — дети Смирновых, довоенных соседей Анны Ахматовой по коммунальной квартире.

[2]*Елизавета Стырская* — современница Анны Ахматовой, автор стихотворного сборника «Мутное вино» (М., 1922).

В своей книге «Дом поэта» Л. К. сопоставляет стихи Стырской и Ахматовой: «Ахматова:

О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

А не надо, так зачем и ходить-то без надобности. И вопросы задавать. То ли дело Елизавета Стырская. Вот там воистину дельные, роковые вопросы:

И отчего у женщин ноздри
Дрожат от близости мужчин?»
(Сб.-2, с. 147).

343. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

9 октября 1967. Переделкино[1]

Лидочка!

Марина переписала все 50 страниц «Ахматовой». Но — перечитывая статью заново, я стал вписывать еще кое-какие строки.

Кларочка сегодня вечером принесет тебе весь текст, после чего хотелось бы показать его Эмме Григорьевне. Пожалуйста, проредактируй мой текст, тогда я с гордостью скажу, что меня проредактировал лучший редактор в СССР.

Если какие комментарии нужны Тебе — бери их.
Посылаю еще одно перо.

Дед

[1]На письме рукою Л. К.: 9/X 67.

344. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

10 октября 1967. Москва

10/X 67

Дорогой дед.

Я прочла статью дважды со вниманием и интересом. Перемен много и все — к лучшему. Образ значительно углубился и расширился. А о стихах — о стихах и раньше было чудесно.

Недостаток, на мой взгляд, один — и *сейчас* непоправимый: «Поэма» для тебя только 13 год. Нету «Решки». Нету 37 года.

За тебя я заплатила
Чистоганом
Целых 10 лет ходила
Под наганом...

Нету — «мой двойник на допрос идет»; нету беженцев 41 г., блокады и победы. «Шла Россия спасать Москву».

Конечно, для читателя важнее, что ты объяснил 13 год; другие года они сами поймут; но для анализа «Поэмы» — анализ не полон.

Это я говорю *просто так*; м<ожет> б<ыть>, *когда-нибудь* тебе захочется сделать.

Перехожу к мелочам. <...>

Ты все-таки одолел эту статью — с чем и поздравляю!

Целую тебя.

Сейчас Саша[1] повезет статью Э<мме> Гр<игорьевне>.

Лида

10/X 67

А эта записка поедет с шофером. *См. на обороте!*

Ты перечисляешь стихи, тобою любимые, — их первые строки — и среди них строки Полонского и Мандельштама, поэтов, чьи имена тобою выше не названы. Поймет ли читатель?

Теперь о другом: Сара Эм<мануиловна> сидит целые дни на Переделкинском процессе[2]. Она утверждает, что мальчики явно неповинны, что сознаться их заставил следователь. В общем — темное дело, темные бабы, темная деревня — «Мужики» + «В овраге»[3]. Пишу, чтобы ты был осторожен в суждениях.

Ну вот и все.

Л.

[1] *Саша* — Осповат, молодой филолог, в те годы помощник Л. Чуковской.

[2] *Переделкинский процесс* — суд над местными мальчиками-подростками по делу об убийстве Марины Костоправкиной, талантливой девочки, выступавшей на детских переделкинских «кострах».

[3] *«Мужики», «В овраге»* — названия рассказов А. Чехова.

345. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 октября 1967. Москва

14/X 67

Дорогой дед,
сообщаю тебе то, что сказал мне Сима[1]:

«Козлоногие» — балет И. Саца, поставленный на сцене Театра Миниатюр (на Литейном) в октябре 1912 года. Сима еще будет проверять, играла ли там О. А. Г<лебова>-С<удейкина>, но если АА пишет — стало быть, играла.

Продолжаю думать о статье. Насчет чемоданишки — надо его непременно оставить; кофр, о котором пишет Э<мма> Г<ригорьевна>, появился в последний год. Брала ли АА с собой чемоданишко в Бежецк, я не знаю, но это неважно.

Насчет Таормино[2] и подарков Э<мма> Г<ригорьевна> не права. Ручек АА действительно не привезла, и вообще ничего «на память», никаких пустяков. Она мне сказала: «Я привезла подарки только тем друзьям, кто сам ничего себе купить не может и у кого ничего нет». И она привезла — Иосифу теплую зимнюю куртку. Толе — тоже, Э<мме> Г<ригорьевне> — материал на зимнее пальто, Нине[3] (больной) халат и т.д., и т.п.

Еще что бродит у меня в голове: ты говоришь, что грозный витийственный голос появился у нее во время войны — Отечественной. Нет, гораздо раньше — см. ее ответы эмигрантам:

Не с теми я, кто бросил землю —

и

Мне голос был. Он звал утешно

(а потом — «Родная земля»).

А теперь у меня вопрос к тебе и Тат<ьяне> Максимовне, знатокам Библии. Где, в какой книге там рассказывается о Дамаске? Об Иоанне Дамаскине[4]? Я могу взять Библию у Копелевых, но перелистывать ее всю мне неохота. А сказать об этом надо — ты прав.

Осмелюсь надоедать нужными мне лекарствами, о которых я уже просила. <...>Целую тебя.

Л.

P. S. Чего бы я очень хотела — это чтобы Т<атьяна> М<аксимовна>, пока гостит в Переделкине, прочитала мои «Записки об АА» — но при условии: не распространять злоречие.

[1]*Сима* — Симон Давыдович Дрейден, театровед.

[2]*Таормино.* В декабре 1964 года Анна Ахматова ездила в Италию, в Таормино, где ей вручали премию. Об этом см. «Записки». Т. 3, с. 442—444 и статью Ганса Вернера Рихтера «Эвтерпа с берегов Невы, или Чествование Анны Ахматовой в Таормино» (Там же, с. 498—504).

[3]*Нина* — Нина Антоновна Ольшевская.

[4]Вопрос этот относится к следующим строкам «Поэмы»:

...Стройная маска
На обратном «пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!

В своем комментарии Л. К. приводит «дамасские» строки из стихов Брюсова и Князева и далее пишет:

«Образ “пути в Дамаск”, встречающийся... в стихах Вс. Князева, восходит к евангельскому преданию: Савл, жестокий гонитель христиан, на пути в Дамаск пережил обращение, “прозрел”.

“Путь в Дамаск” — один из мираклей (средневековых религиозно-назидательных представлений), которые ставились в “Бродячей Собаке” при участии О. А. Глебовой-Судейкиной».

К этому можно добавить, что Савл, обратясь в новую веру, стал проповедовать христианство под именем апостола Павла.

346. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

27 октября 1967. Переделкино[1]

Лидочка!

Мне нужна «Ахматова», если она Тебе не нужна. Я хочу ее шлифовать. От издательства ни слуху ни духу. Боюсь, что моя статья им не нравится.

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: 27/X 67.

347. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

29 октября 1967. Москва

Дорогой дед.

Посылаю тебе выписки из моего Дневника 1962 года, где приводятся слова АА о твоем предисловии к «Поэме»[1].

Возвращаю экземпляр статьи. Огорчена очень — боюсь, что она ушла в набор, а люди там безграмотные, в смысле поправок ненадежные. И что бы было дать мне статью *перед* отправкой в издательство! На один день, первый экземпляр... Как я умоляла и тебя, и Клару.

Этот вариант, который возвращаю, явно не последний. Не исправлены даже опечатки в стихах Ахм<атовой>, которые я уже исправляла собственной рукой, когда ты посылал статью мне и Э<мме> Г<ригорьевне>: опять «туча над скорбной Россией», когда «темной»; «в каждом слове был твой приговор» — когда «бился» и т.п., и т.д. Опять «Поэма» называется «1913 год», когда она «Поэма без героя», а подзаголовок — Триптих... Я не сомневаюсь, что статья прекрасна, но я боюсь путаницы в мелочах, ведь это издание на весь мир, оно д<олжно> быть безупречно. К тому же — первое посмертное издание.

Думаю вот о чем: если тебе не по дороге, не по течению — «Петербург в 13 г.» или «В парке» — то их *объяснять* не надо, я их объяснила в примечаниях (у тебя они замедляют ход, развитие

мысли). Надо только *назвать* среди исторических вещей «Царскосельскую оду» и «Отрывки из царскосельской поэмы Русский Трианон», которые в этом экз<емпляре> статьи перепутаны.

Затем мне хочется исправить один *свой* текст, а именно фразу в конце, где мне противно слово «фигура». Не надо «всей фигурой», а просто осанкой и т.д.[2]

Затем ты пишешь о «Поэме» 1940—65. А у нас стоят годы 1940—62. (Дальше она изменяла только мелочи.)

Итак, жду последнего варианта.

Целую тебя.

Л.

29/X 67

[1]Л. К. имеет в виду свою запись от 23 ноября 1962 года: «Днем я привезла Анне Андреевне из Переделкина от Корнея Ивановича новый, с учетом всех ее замечаний и просьб, вариант предисловия... Она хочет вручить Дедову статью... для «Знамени», а если «Поэма» не пойдет в «Знамени» — передать в «Москву».

— Это — шедевр Корнея Чуковского, — сказала она. — Вот увидите, как его работа будет оценена. Статья написана громко. У нас совсем утрачено это искусство» («Записки». Т. 2, с. 554).

[2]Л. К. имеет в виду свои строки, цитируемые К. Чуковским в статье об Ахматовой — от имени ее «младшей современницы»: «Я уже не раз замечала — с ребенком на руках она сразу становится похожей на статую мадонны — не лицом, а всей осанкой, каким-то скромным и скорбным величием» («Записки». Т. 1, с. 167).

348. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Конец 1967. Москва[1]

«Наибольшую эмоциональную силу каждому из образов поэмы придает ее неблагополучный, тревожащий ритм, органически связанный с ее неблагополучной и тревожной тематикой.

Это прихотливое сочетание двух анапестических стоп то с амфибрахием, то с ямбом можно назвать ахматовским. Насколько я знаю, такая ритмика (равно как и строфика) до сих пор были в русской поэзии неведомы. Построена поэма симфонически» и т.д.

Дорогой дед! Этот кусок, точно переписанный мною из твоей статьи, необходимо подвергнуть маленькой операции. Дело в том, что один молодой человек установил и напечатал нечто, давно мне известное: что строфика и ритмика ахматовской поэмы *до* нее существовала у Кузмина в книге «Форель разбивает лед»[2]. В са-

мом деле оно так, хотя и не совсем так. Книги этой у меня нет, помню строки:

Тяжело от парадных спален,
А в камин целый лес навален —

или

Не богемских лесов вампиром,
Смертным братом пред целым миром
Ты назвался — так будь же брат.

Таким образом, нельзя утверждать резко, прямо, что Ахм<атова> *изобрела* эту строфу. Надо сказать как-то уклончивее. Я предлагаю *либо*:

1) просто убрать «всю фразу»: от слова «Насколько» до «неведомы»,

либо

2) после *ахматовским* вместо твоей фразы о неведомости написать так: «С таким победительным очарованием зазвучала и утвердилась эта ритмика и эта строфика именно в поэме Ахматовой. Построена поэма симфонически» и т.д., тогда выйдет, что хоть и было раньше, но победой стало — у нее. И никому не подкопаться.

[1]Датируется по содержанию: осенью 1967 года Корней Иванович перерабатывал, дополнял, обогащал свою статью для лениздатского сборника.

Оригинал письма утрачен, печатается по машинописной копии.

[2]Речь идет о статье: Р. Тименчик. К анализу «Поэмы без героя» Анны Ахматовой // Материалы студенческой научной конференции, XXII, ТГУ. Поэтика. История. Лингвистика. I. Тарту, 1967.

349. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Осень 1967. Москва

Дорогой дед,
посылаю Примечания — они написаны так, что их надо читать *вместе с текстом* — см. стр. на полях! — страницы «Бега» или заглавия стихов.

Еще слово: ты объясняешь в «Русском Трианоне» внучек, а м<ожет> б<ыть>, лучше сказать, что эта поэма о кануне 17 г.?

[1]Датируется по времени работы Л. К. над примечаниями к лениздатскому сборнику.

350. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 ноября 1967. Москва

Дорогой дед.

Очень хотела приехать к тебе, когда ты болел, но сама распалась на составные части и полеживаю.<...>

Посылаю Фридин Дневник. Когда захочешь посмеяться и порадоваться — читай. Пропусти только начало — а дальше за интересность ручаюсь[1]. Там и про тебя есть[2], и приводится твое письмо к Саше.

Если что, по-твоему, скучно или плохо — пиши на отдельном листе, указав страницу: «Долой!»

Если же тебе недосуг, то и не читай сейчас. Пусть лежит.

Из Лениздата пока ни звука.

Целую тебя.

Л.

30/XI 67

Когда прочту о Бунине[3]? Жду.

[1]Речь идет о рукописи Ф. Вигдоровой «Девочки. Дневник матери», которую Л. К., по договору с издательством «Просвещение», а главное — по завещанию автора готовила к печати. «По завещанию», т.к. накануне операции Ф. Вигдорова сказала Л. К.: «Если со мной что случится... Вам детские Дневники» (см.: Соч.-2. Т. 2, с. 281). В феврале 1970 года издательство известило Лидию Корнеевну о расторжении договора. Книга не опубликована до сих пор.

[2]Вот запись в «Дневнике матери»: «*21 ноября 46*. Вчера к нам приходил Корней Иванович. У Саши был испуганно счастливый вид, до сих пор она хоть и расспрашивала о Чуковском, но, кажется, не очень-то верила, что он существует. Поэтому вчера она дотрагивалась до него осторожно, а смотрела почти набожно и взобраться на колени осмелилась только под конец. Напоследок она совсем распоясалась и даже задавала Корнею Ивановичу загадки:

— Что это такое — зимой и летом — одним цветом?

— Платье, — деликатно говорит Корней Иванович. Хохот, визг, восторг — Галка радуется не меньше, чем Саша.

— Занавеска? — спрашивает Корней Иванович.

— Ничего вы не догадались!! А вот догадайтесь полегче, я сама придумала, что такое: красивое, начинается на «сы».

— Самовар?

— Нет!

— Собака?

— Нет!

— Что же это?!

— Светок! (цветок).

Корней Иванович тоже был на высоте: жонглировал стульями, тарелками, куклами. «Мойдодыра» он читал на такой манер:

— Я хочу напиться молока,
К самовару подхожу,
Но пузатый от него
Убежал, как от воды.

Это привело Сашу в отчаяние, она долго убеждала Корнея Ивановича, что он читает неправильно, объясняла, как надо читать, удивлялась:

— Ведь вы же сами написали, как же вы забыли? Или, может быть, вы не Чуковский?

Сегодня я спросила:

— Понравился тебе Корней Иванович?

Она ответила кратко, но выразительно:

— Ура!»

[3]*...о Бунине* — К. И. работал над статьей «Ранний Бунин» (см. «Вопросы литературы», 1968, № 5, с. 83—101).

351. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

2 декабря 1967. Переделкино[1]

Дорогая Лида! Спасибо за Фридин детский дневник. Читать его сейчас я не могу, так как все вожусь с Буниным, который у меня не вытанцовывается, — и все из-за того, что я не слишком его люблю. Клею, переклеиваю, перетасовываю главы[2], ничего не выходит. У меня была отчаянная мысль — дать этот жалкий черновик в переписку и послать его Тебе, но, к сожалению, черновик слишком еще сырой.

Люшенька хоть и утомлена, но бодра. Поздравляю ее с покупкой стола. Ботинки, которые она купила для меня, превосходны. Вчера я гулял в них с Марианной Петровной по снегу — и убедился, что они вполне заменяют валенки — при небольшом морозе.

Клара заболела. Я пригласил к себе Семячкина (т.е. Симу Дрейдена), вернее, он нам предложил свою помощь — и мы оба возьмемся с ним за работу над 6 томом. Но вот статьи, которые не вошли в мое Собрание:

1) Книга о Блоке.
2) Две души М. Горького.
3) Жена поэта.
4) Кнутом иссеченная Муза.

5) Формалист о Некрасове.

6) Достоевский в кругу «Современника».

7) Л. Пантелеев.

8) Литература в школе (приложение к «От двух до пяти», изд. 1937 г.) и еще несколько.

Все это должно составить 7-й том[3].

Целую Тебя. Надеюсь, что Тебе легче.

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: 2/XII 67.

[2]Речь идет о статье «Ранний Бунин» — отредактированном варианте дореволюционной статьи К. И. о Бунине (см.: Смерть, красота и любовь в творчестве И. А. Бунина // Нива. 1914, № 49, с. 947—950). В это время Чуковский готовил к печати 6-й том своего Собрания сочинений, куда входили дореволюционные критические статьи.

[3]Чуковского угнетали цензурные требования к его Собранию, и в особенности то, что ему запретили включить многие статьи. Он составил оглавление так называемого «Седьмого тома» — тех статей, которые он хотел бы видеть в своем Собрании. Из перечисленных — статьи «Л. Пантелеев» и «Литература и школа» помещены в шестом томе, а «Седьмой» вышел лишь в 1990 году, через 33 года, под названием «Критические рассказы» (К. Чуковский. Соч.: В 2 т. Т. 2 (Б-ка «Огонек»).

352. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

8 декабря 1967. Москва

Дорогой дед, рада слышать от Кл<ары> Изр<аилевны>, от Люши, от Ивича[1], что тебе получше, что ты гуляешь, работаешь и пр.

Сегодня я тоже здорова. Если так продержится несколько дней — приеду поглядеть на тебя здорового. Держись!

Пишу, чтоб сказать, что звонил Атаров и коленопреклоненно благодарил за письмо, говорил, что потрясен, что в Переделкино не мог дозвониться и пр.

Я тоже прочла книжку Атарова[2]. Не знаю, что ты писал ему, а мне кажется — он квалифицированный литератор. Многое интересно: Сережа, Школьная тетрадь, Как любить детей и пр.

Будь здоров. Целую тебя.

Л.

8/XII 67

P. S. Моя книжка[3] вышла в Цюрихе по-немецки. В аннотации ее сравнивают с «Первым днем» и «Реквиемом».

[1]Игнатий Игнатьевич *Ивич* (1900—1978), писатель, историк литературы.

[2]Речь идет о кн.: Николай Атаров. Не хочу быть маленьким. М.: Молодая гвардия, 1967. Книга сохранилась в библиотеке Чуковского с дарственной надписью автора.

[3]*Моя книжка...* — «Софья Петровна». «*Первый день*» — «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына.

353. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12 декабря 1967. Москва

12/XII

Дорогой дед! Посылаю тебе телеграмму из Дании — по поводу предстоящего суда над Гинзбургом и др.[1] Кретинство датчан не имеет предела... Впрочем, от них не отстают и норвежцы...

А у меня к тебе маленький вопрос. Звонил Юлиан Григорьевич. Просит совета насчет издания «Петербурга» Белого — кто бы мог написать предисловие? Для всяких научных комментариев люди имеются, а вот нужно предисловие о том, что такое этот город в русской литературе — поэзии и прозе. Он очень просил тебя подумать, кто бы мог написать увлекательно.

Целую тебя.

Л.

[1]Приложена телеграмма: «Датская интеллигенция обеспокоена сообщением недопущения прессы на суд над Добровольским, Галансковым, Гинзбургом, Лашковой 11 декабря тчк Требуйте и вы и другие русские писатели открытого суда и милосердия. Датский комитет SMOGO».

По-видимому, SMOGO — это СМОГ, то есть Самые Молодые Гении. Так назвали свое объединение в шестидесятые годы несколько молодых московских поэтов, а датский комитет, возможно, на самом деле не существовал.

354. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

18 декабря 1967. Переделкино[1]

Дорогая Лидочка!

Посылаю Тебе чудо-конверты и чудо-бумагу. По поводу прилагаемой открытки дай знать в Домоуправление, которое почему-то зовется ЖЖ (очевидно, «Живой как жизнь»), что я болен — уезжаю в больницу — и явиться в ЖЖ не могу.

Я вожусь с VI томом, который нужно сдать к 1 января, и поэтому откладываю Фриду — на февраль, предвкушая удовольствие!

А из Ленгиза ни слуху ни духу. Я вообще не верю в эту книгу.

Библия («Вавилонская башня») наконец-то выходит. Но потребовали убрать слово «Иерусалим»...

Я рад, что Люша оживлена и бодра.

Я потерял Твое последнее письмо. Искал целый час — не нашел. Пожалуйста, напомни мне о его содержании.

Целую тебя

Дед

Напиши о здоровье.

[1]На конверте рукою Л. К.: «От деда, 18/XII 67».

355. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

18 декабря 1967. Москва

Дорогой дед.

Спасибо за дивные писчпринадлежности!

Вот уже два дня чувствую себя хорошо, встав в 10, а не в 1 час (!!!), и мечтаю в среду приехать, наконец, поглядеть на тебя.

8 декабря [января. — *Е. Ч.*] в Л<енингра>де суд по поводу архива Ахматовой. Пишу показания и очень мучаюсь — во всех смыслах. Их надо будет официально заверить в Союзе.

В последнем моем письме я писала, кажется, что мне многое очень понравилось в книжке Атарова и что моя «Софья» вышла в Цюрихе по-немецки (извещено в газете «Die Zeit»)[1].

Целую тебя.

Л.

18/XII

По-моему, никакой беды, если ты отложишь Фриду, не будет.

[1]Повесть вышла в издательстве «Diogen» в переводе Евы Матей (Eva Mathay). Заглавие «Софья Петровна» было заменено на «Ein Leeres House», имя героини тоже заменено (вслед за первым русским изданием в Париже в издательстве «Пять континентов», 1965).

356. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

27 декабря 1967. Переделкино[1]

С Новым Годом, с Новым счастьем.

Дед

[1]Открытка с портретом Шолохова. Почтовый штемпель получения: Москва 27.12.67.

357. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

29 декабря 1967. Москва

Дорогой, хотя и феноменально ехидный дед, в отместку за Шолохова мне бы следовало послать тебе портрет твоей любимой Лидии Чарской или двух Раппопортов, но увы! ты спасен: их нет в продаже[1].

А Михаил-то Александрович выглядит старше тебя лет на 15. Что значит водка. И какое пустое лицо. И попытка глубокомыслия.

Вот тебе новости: звонил Друян из Лениздата. С книгой, говорит, все в порядке. Движется. На днях пришлет мне оттиски фотографий, с просьбой установить время. Меня это страшит — это значит: звонить людям, встречаться и пр.

Но волнуешься за книгу ты все же зря.

От Жирмунского получаю сейчас новые стихи АА, которые он нашел. Он молодец, у него работа идет отлично. И он всем со мною делится. Как и я с ним...[2]

(Но вот увидеться не пришлось: он был здесь 2 дня, а я заболела.)

К Новому году желаю тебе одного: хорошо спать! Весь 1968! Без снотворных, а просто ложиться и спать. И мне пожелай того же.

Целую тебя.

Лида

29/XII 67

[1]Посылая новогоднее поздравление на открытке, на обороте которой помещена фотография М. Шолохова (V/O «Mejdounarodnaia kniga», Moscou), К. И. намекает на открытое письмо Л. К. «Михаилу Шолохову, автору “Тихого Дона”». В ответ Л. К. напоминает статьи самого К. И. о Лидии Чарской (Собр. соч. Т. 6) и его полемику с «двумя Раппопортами» (отцом и сыном) в книге «От двух до пяти» (Собр.

соч. Т. 1, с. 554—559). Завсдующий школой А. Раппопорт и его сын в 1934 году послали в редакцию журнала «Еж» протест против пересказа К. Чуковского «Храбрый Персей», не догадываясь, что перед ними древнегреческий миф. Они заявили, что «Персей» наносит ущерб ленинизму. См. также примеч. 1 к письму **108**.

[2]Академик В. М. Жирмунский готовил к печати том стихотворений Анны Ахматовой в Большой серии «Библиотеки поэта». Л. К. передавала ему известные ей варианты ахматовских стихов и знакомила его с рукописью своих «Записок».

358. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

2 января 1968. Москва

Дорогой дед.

Спасибо за воспоминания о Блоке. Я их когда-то слышала от АА и вот теперь читаю...

Недавно Жирмунский прислал мне в подарок новонайденные стихи Ахм<атовой> к Блоку (август, 21).

Не странно ли, что знали мы его?
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного поэта своего.

Уверена я, грешным делом, что ему посвящены строки:

Прекрасных рук счастливый пленник,
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы, —

Вы, приказавший мне: довольно!
Поди, убей свою любовь! —

и т.д.

Но — но — но...

Посылаю тебе свои показания в ответ на запрос Пушкинского Дома[1].

Целую тебя.

Л.

2/I 68

[1]К письму приложен ответ на запрос Пушкинского Дома:

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЧЛЕНУ-КОРР. АН СССР В. Г. БАЗАНОВУ

Глубокоуважаемый Василий Григорьевич!

В ответ на Ваше письмо от 12 декабря 1967 г., в котором Вы предлагаете мне высказать свои соображения о судьбе архива Анны Ахматовой, считаю своим долгом изложить следующее:

I

Анна Андреевна Ахматова, как известно, скончалась под Москвой, в Домодедове. Ахматова — национальная гордость России, могила ее — национальная святыня. Можно было похоронить ее в Москве, на Новодевичьем кладбище. Тем более, что в последнее десятилетие Ахматова каждый год многие месяцы проводила в Москве. Однако ни у кого ни на минуту не возникло сомнений, что печальная честь принять ее прах принадлежит именно ленинградской земле. И это вполне естественно. В ахматовской поэзии Петербург, Ленинград обрели новую жизнь. Свою неразрывную связь с Ленинградом Ахматова запечатлела с совершенною ясностью:

А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду...

И в знаменитых строках «Поэмы без героя»:

Разлучение наше мнимо,
Я с тобою неразлучима.

Какие же могут быть у нас основания разлучать архив Ахматовой с Ленинградом после ее смерти? По моему убеждению, ахматовский архив следует хранить в Ленинграде, и именно в Пушкинском Доме, куда и пожертвовал его после кончины Анны Андреевны Лев Николаевич Гумилев.

С Пушкиным Ахматову соединяет не менее прочная связь, чем с Ленинградом.

Напомню, что она — видный пушкинист, исследователь творчества Пушкина, деятельная участница работ Пушкинской Комиссии.

Пушкинский Дом не раз видел Ахматову в своих стенах.

К тому же имена Пушкина и Ахматовой навеки связаны и в истории нашей литературы: «на многих ее страницах незримо присутствует Пушкин» — это сказано об ахматовской поэзии уже давно.

Таким образом, раздробление ахматовского архива по двум городам и по нескольким хранилищам представляется мне актом необоснованным, противоречащим смыслу поэзии Ахматовой и ее биографии; центром ахматоведения должен, на мой взгляд, стать Пушкинский Дом, где следует собрать ее бумаги, ее портреты, вещи, воспетые ею (связанные с ее собственным обликом или с героиней «Поэмы», О. А. Глебовой-Судейкиной): венчальные свечи, гребень с Анненковского портрета, ожерелья, перстни и т.д., а также шаль и шкатулку, которую Ахматовой подарила Цветаева.

Со мною Анна Андреевна о будущей судьбе своих бумаг и вещей никогда не говорила. Но однажды, показывая тетрадку, дорогую ей по особым причинам, произнесла:

— Этому место в Музее. В Пушкинском Доме.

Вот почему, когда стало известно, что Л. Н. Гумилев пожертвовал архив своей матери в Пушкинский Дом, я сочла это совершенно логичным. Таким же логичным, вытекающим изо всей жизни и поэзии Ахматовой, как и то, что похоронили ее под Ленинградом. Правда, был момент, когда я заколебалась между Пушкинским Домом и ЦГАЛИ. В архивах я никогда не работала, с ними незнакома, а видные знатоки, литературоведы, историки стали объяснять нам, что качество хранения в ЦГАЛИ выше, чем в Пушкинском Доме. Довод этот показался мне веским, и я на некоторое время заколебалась...

II

На пути в государственное хранилище ахматовский архив постигла катастрофа. Она оказалась настолько серьезной, что перед нею вопрос о том, в каком именно из наших государственных хранилищ должен находиться архив Ахматовой, отступил на задний план.

Имя этой катастрофы — Ирина Николаевна Пунина и ее желание распоряжаться бумагами Ахматовой по собственному усмотрению, бесконтрольно и с материальной выгодой для себя.

Когда, после смерти Ахматовой, архив ее оказался в руках Пуниной, меня это несколько удивило: Ирина Николаевна не принадлежала к числу душевно близких Анне Андреевне людей. Но поначалу мне представлялось и не особенно существенным, где именно побудет архив до передачи его на государственное хранение. У Пуниной так у Пуниной. Лишь бы скорее была произведена полная опись и бумаги переданы в Музей.

Первым сигналом тревоги явилось для меня отстранение Наймана.

Анатолий Генрихович Найман, литературный секретарь и большой друг Ахматовой, поэт и переводчик, переведший вместе с нею книгу стихов Леопарди, явился к И. Н. Пуниной, чтобы исполнить свою прямую обязанность: совершить опись. Пронумеровать каждую страницу.

Но не был допущен к архиву, лучшим знатоком которого бесспорно является.

Потому, видимо, и не был допущен, что очень уж хорошо знал его содержимое: тетради, рукописи, папки, письма.

Сначала я объяснила это происшествие личной неприязнью И. Н. Пуниной к А. Г. Найману.

Однако с каждым днем замысел И. Н. Пуниной становился все яснее. Стало известно, например, что Ирина Николаевна утверждает, будто в тетрадях Ахматовой нету неопубликованных стихов. А все мы знали: они есть, и в большом количестве... Затем произошел такой эпизод: незадолго до своей кончины, Анна Андреевна сказала мне, что пишет мне одно деловое письмо. Я не получила его. Обратилась к Ирине Николаевне с просьбой мне отдать. Та подтвердила, что такой документ есть и что она мне его непременно пришлет. И действительно прислала фотокопию. В промежутке один из друзей объяснил мне, что это «письмо» написано не на отдельных листках, как я предполагала, а в последней тетради Анны Андреевны.

— Зачем же вы мне прямо не сказали, что письмо «для Лиды» вписано в тетрадь? — спросила я у Ирины Николаевны при встрече. — Я сейчас же, разумеется, перестала бы настаивать, чтобы мне переслали его! Мы столько раз говорили с вами об этом по телефону — и вы ни слова!

— Я вообще не хотела называть наименования тетрадей, — ответила Ирина Николаевна.

Она хотела темнить. И темнота сгущалась.

Не имея возможности, по болезни, приехать в Ленинград на заседание ахматовской комиссии, я написала туда (в июне 1966 г.) специальное заявление о необходимости срочно, не откладывая, во что бы то ни стало произвести опись архива.

Оно было прочитано на заседании. Вот что я тогда написала:

«Те из друзей Анны Андреевны, которых она сама, в разные периоды своей долгой жизни, приглашала себе в помощники для отбора стихов и вариантов, для составления журнальных циклов и сборников; те, с кем она изо дня в день советовалась о своих стихах и о своей прозе, те, кто по ее просьбе читал ее тетради, переписывал ее произведения, держал корректуры, те, кому знаком почерк ее руки и почерк ее мысли — те и должны иметь честь, право и обязанность разобрать ее бумаги и привести их в надлежащий, то есть удобный для хранения и изучения, вид».

Сделать это, объясняла я, необходимо как можно скорее.

Далее я предлагала Комиссии поручить эту работу старому другу Анны Андреевны, литературоведу, Эмме Григорьевне Герштейн; Нике Николаевне Глен (переводчице, составительнице ахматовского сборника для Болгарии, одно время исполнявшей при Анне Андреевне обязанности секретаря и потому хорошо знающей ее бумаги) и, конечно, А. Г. Найману.

Предложение мое исполнено не было. И. Н. Пунина желала распоряжаться архивом бесконтрольно.

И распорядилась.

А мы теперь так никогда и не узнаем с должною точностью, каково было содержимое архива Ахматовой ко дню ее смерти.

Когда-то Ахматова показывала мне, например, три синие школьные тетрадки, куда ею от руки была переписана «Поэма без героя». Что сталось с этими тетрадками впоследствии? Существовали ли они в архиве до 5 марта 1966 г.? Если да — то где они теперь? Если нет — то куда и когда они исчезли? Из-за отсутствия своевременно сделанной описи каждый из нас таких вопросов может задавать десятки.

Задавать — без ответа.

III

Ирина Николаевна Пунина прожила возле Ахматовой, вместе с Ахматовой много лет. Однако поэзии Ахматовой, ее творческому труду она была и осталась чужда. Анна Андреевна была очень памятлива на суждения о своих стихах: очень их собирала и ценила, исходили ли они от специалистов или от так называемых рядовых — но одаренных чуткостью — читателей. Мне — как, вероятно и другим — часто приходилось слышать из ее уст: «Про эти стихи Борис Михайлович говорил... Про «Поэму» интересно сказал Николай Иванович... Это стихотворение мой Левушка считает лучшим... Об этом мне написал моряк с Балтики... Мария Сергеевна радовалась этим стихам... Эмма говорит... Школьник из Лодейного Поля пишет мне о “Беге времени”». Ценила она и суждения своих молодых друзей — Иосифа Бродского, Анатолия Наймана, но я ни разу не слышала в подобном контексте упоминаний об И. Н. Пуниной.

Напротив, Анна Андреевна жаловалась, бывало, что она нисколько не интересуется ее стихами.

Помню такой случай. В конце 1963 г. в Ленинграде вышел очередной сборник «Дня Поэзии». Там впервые полностью была опубликована поэма Ахматовой «Путем всея земли», написанная в марте 1940 г. Анна Андреевна никогда не делала из этой вещи никакого секрета, часто при мне и без меня читала ее друзьям в Ленинграде и в Москве, отрывки из этой поэмы появлялись в печати. Когда в 63 г. поэма была опубликована целиком, Анна Андреевна рассказывала мне с обидой:

— Ира поглядела и спрашивает: ты это сейчас написала?

У Ахматовой поэм не очень много. Двадцать три года Ирина Николаевна не удосуживалась прочесть одну из них.

Случай это очень характерный. Доказательств неосведомленности Ирины Николаевны в творческом пути Ахматовой я могу привести множество и не привожу только, чтобы не удлинять письмо.

Неосведомленность, однако, не помешала Ирине Николаевне после кончины Анны Андреевны почувствовать себя вправе предлагать свои услуги издательствам в качестве публикатора ахматовских текстов, самостоятельно разбираться в бумагах Ахматовой и самостоятельно решать: куда продавать какую тетрадку и на сколько лет следует объявить ту или иную тетрадь запечатанной.

Планы Ирины Николаевны относительно архива раскрывались постепенно; она искусно сбивала с толку и друзей Анны Андреевны, и членов ахматовской Комиссии.

Приведу один пример.

Теснимая со всех сторон требованиями описи, Ирина Николаевна вдруг объявила, что она над ней работает вместе со специалистами и, окончив, пошлет ее Алексею Александровичу Суркову в Москву. В один прекрасный день мне позвонила секретарша А. А. Суркова и сообщила радостную весть: Пунина прислала опись! Я попросила перечислить по телефону хоть несколько номеров, рассчитывая услышать знакомые наименования тетрадей. И услышала перечисление рукописей, полученных Анной Андреевной на отзыв с разных концов страны, а также перечисление полученных ею читательских писем! И подстрочников. То есть опись *чужих* бумаг в архиве Ахматовой.

Через некоторое время меня навестила Ирина Николаевна. Тогда степень ее лживости была неясна мне, я считала своим долгом тратить силы на переписку и беседы с ней.

— Как же так, — спросила я, — в вашей описи не зарегистрирована ни одна тетрадь Анны Андреевны и ни одно стихотворение! Какая же это опись ахматовского архива?

— Лидия Корнеевна, — ответила Ирина Николаевна, ясно глядя мне в лицо, — собственные стихи Ахматовой не могут считаться ее архивом.

Комментировать, по-моему, излишне.

IV

Скажу несколько слов об отношениях между Пуниными и Ахматовой.

Анна Андреевна безусловно была в какой-то мере привязана и к Ирине Николаевне, и к Ане, в особенности к Ане и в особенности в последние годы. Любила рассказывать о том, как обучала маленькую Иру французскому языку. Она беспокоилась о здоровье Ирины Николаевны, радовалась Аниным успехам, делала обеим

подарки, хлопотала об Анином муже... С благодарностью вспоминала о том, как Аня секретарствовала при ней в Лондоне.

И Пунины по-своему были безусловно привязаны к Анне Андреевне. Анна Ахматова всю их жизнь, с детства и одной и другой, была для них человеком привычным, домашним, «своим».

Однако совместная жизнь Пуниных и Ахматовой хоть и складывалась в разное время по-разному, хоть и менялась то к худшему, то к лучшему — никогда не протекала идиллически. Анна Андреевна много, не по силам, работала, много болела, с каждым годом становилась в быту все беспомощнее. За ней требовался постоянный, внимательный уход — такой, каким она была окружена в Москве, в доме у Н. А. Ольшевской (Ардовой), или хотя бы у М. С. Петровых, или у Н. Н. Глен, или у Л. Д. Большинцовой (список этот можно продлить). Тут не спускали любящих глаз с ее работы, занимались ее врачами, ее лекарствами, ее диетой, ее гостями, ее одеждой, и она чувствовала себя среди родных. И любила приезжать в Москву. Ни от кого из нас она не скрывала, что «дома», в Ленинграде, ей неприютно, неудобно, одиноко, что там не умеют или не хотят как следует о ней заботиться.

Здесь я должна сделать одну оговорку, то есть строго указать периоды личных своих наблюдений.

Живя в Ленинграде, я познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой осенью 1938 г.; виделась с нею регулярно, 2—3 раза в неделю, с осени 38 по май 41. Тогда она только что разошлась с отцом Ирины Николаевны, Николаем Николаевичем Пуниным, хотя и оставалась жить в той же квартире. Для Анны Андреевны это были особенно тяжелые годы. Она жила в заброшенности, бедности, горе, поглощенная хлопотами о Льве Николаевиче. Изредка соседка, Таня Смирнова, давала ей какой-нибудь суп или ходила для нее в магазин. Никакого общего быта, общего хозяйства тогда, в те годы, у Анны Андреевны с семьей ее бывшего мужа не было; *тогда* это были просто соседи по квартире, и притом — неприязненные. Анна Андреевна горько жаловалась мне, что Пунины заняли своими дровами весь сарай, и ей свои поместить негде, что они запрещают своей домработнице покупать для нее продукты, и т.д. Нести бремя тюремных очередей Пунины тоже ей не помогали... В то время я вела дневник и регулярно записывала все, касающееся Ахматовой. Перечитывая его теперь, обнаруживаю: я встречала Ирину Николаевну в кухне, в коридоре, на лестнице, но в комнате у Анны Андреевны не видела ее ни разу.

Таковы были отношения Анны Андреевны с Пуниными на моих глазах между 1938 и 1941 годом.

Почему и при каких обстоятельствах, вернувшись из эвакуации в Ленинград в июне 1944 г., Анна Андреевна через некоторое время снова воротилась в ту же квартиру и снова поселилась в Фонтанном Доме вместе с Пуниными, и какие возникли между ними отношения — я рассказать не могу, п<отому> ч<то> с 1943 г. сама обосновалась в Москве, не виделась с Анной Андреевной чуть ли не 10 лет, а с чужих слов рассказывать не хочу.

В пятидесятые годы в Ленинграде я виделась с Анной Андреевной лишь однажды — когда она жила с Пуниными на улице Красной Конницы. Застала я ее нездоровой и при этом в полном одиночестве: ни Ирины Николаевны, ни Ани, ни Романа Альбертовича, ни домашней работницы не было дома. Анна Андреевна встретила меня словами:

— Как я рада, что вы пришли. Я дичаю в этой пустыне.

В пятидесятые и шестидесятые годы мы постоянно виделись с Анной Андреевной в Москве, но две осени подряд я жила, кроме того, в Комарове, в Доме Творчества — в октябре 63 и в ноябре 64 г. — и каждый день ходила на дачу к Анне Андреевне. Не могу сказать, бывали ли там в ту пору Ирина Николаевна или Аня; если и бывали, то мельком; я их не запомнила. Жили там и обслуживали Анну Андреевну с заботой и любовью в 1963 г. Ханна Вульфовна Горенко, а в 64 — Сарра Иосифовна Аренс.

В мае 1965 г. — то есть за 10 месяцев до кончины Анны Андреевны — я приехала к своей приятельнице в Ленинград с намерением навестить в Комарово Ахматову. Чтобы не явиться некстати, я позвонила в городе Ирине Николаевне, попросила ее сообщить Анне Андреевне о моем приезде и узнать, когда нам удобно увидеться. Ирина Николаевна была со мной, как всегда, очень любезна, записала мой телефон, сказала, что завтра по делам поедет к Анне Андреевне в Комарово, заодно передаст мой вопрос и привезет ответ.

Однако звонка от нее не последовало.

Прождав дня три, 10 мая я взяла такси и отправилась в Комарово.

Анна Андреевна очень мне обрадовалась, увидев меня у калитки — вышла встречать на крыльцо, привела в комнату, усадила. Но была при этом удивлена:. «Каким это вы здесь чудом, каким ветром вас занесло?» Оказалось, Ирина Николаевна позабыла сказать ей о моем приезде. Это, разумеется, сущие пустяки, не стоящие упоминания, но примечательны слова, в гневе произнесенные тогда Анной Андреевной и в тот же день, как и весь наш тогдашний разговор, записанные мною:

— Они никогда не помнят ничего, что меня касается. Они хотят жить так, будто меня не существует на свете... И им это удается виртуозно!

Лидия Чуковская

27/XII 67
Москва

359. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

13 января 1968. Москва

13/I 68

Дорогой дед.

Слышала, что у тебя вышли две книги — да еще какие![1]

Становлюсь на них в очередь. Жду их. Обе. Не знаю, которую больше.

«Мне нравятся очень обои», —
Сказал он и выбежал вон[2].

Целую и поздравляю.

Л.

[1]Речь идет о книгах: «О Чехове» (М.: Худож. литература, 1967); Собр. соч. Т. 5, куда вошли: «Люди и книги», а также статьи об Анне Ахматовой и о Борисе Пастернаке.

[2]Неточная цитата из стихотворения Козьмы Пруткова «Доблестные студиозусы» («Фриц Вагнер, студьозус из Иены...»).

360. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

15 января 1968. Переделкино[1].

Лидочка!

Я никак не могу привыкнуть к хамству и тупоумию издательств. Для своей книжки о Чехове я разыскал редкостный портрет Чехова, вполне подходящий к моему тексту. И вот вышла книжка с истасканным официозным портретом: Чехов сидит накрахмаленный у стола, на коем пошлейший альбом. О том портрете ни гугу!

Есть ли какие-н<и>б<удь> сведения о суде над семейством Пуниных?

Как однотомник Ахматовой?

Вышел мой 5 том, откуда изгнаны мои лучшие вещи, — «Кнутом иссеченная муза», «Достоевский в кругу “Современника”» и т.д.

Бабенышева написала хорошую рецензию о Пантелееве в «Новом Мире»[2].

ДЕД

[1]На конверте дата рукою Л. К.: 15.1.1968.

[2]Речь идет о рецензии С. Бабенышевой «Растет душа человека... (Л. Пантелеев. Живые памятники: Рассказы. Путевые заметки. Дневники. Воспоминания; Л. Пантелеев. Наша Маша: Книга для родителей)» («Новый мир», 1967, № 11).

361. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

16 января 1968. Москва

16/I 68

Дорогой дед.

Несколько дней тому назад я написала тебе письмецо — и послала с шофером: поздравление по поводу выхода в свет Чехова и т. V и просьбу поставить меня на очередь.

В ответ — вчера — я получила от тебя известие, что у тебя вышел т. V и Чехов...

Значит ли это: ты не получил моего письма? Или ничего не значит?

Но это, разумеется, неважно.

А важно вот что: надо понять навсегда, что все, что в изд<а-тель>стве делаем не мы сами, выходит чудовищным, иногда нарочно (убрать лучшие статьи), иногда не нарочно, по отсутствию вкуса в сочетании с чувством полной безнаказанности. Вот этого чувства такие могучие высокопоставленные литераторы, как ты, должны их лишать — во-первых, контролем, беспрерывным, постоянным, во-вторых — взысканием *после всякой пакости.* По поводу Чехова, т.е. портрета, советую тебе написать в «Лит. газету» или в «Известия», где твое письмо прочтут все читатели твоей книги во всем мире, что этот портрет вклеен *вопреки твоей воле*, что это такая же пошлость, как вагон для устриц, в котором везли его тело... Будет звонкая затрещина, и в следующий раз они тебя станут спрашивать о каждой букве... Ты же им спускаешь (не могу забыть искажений в ахматовской статье в «Современниках». И подпись под фотографией... Накричал ли ты тогда на редактора? Хотя бы? Думаю — нет).

Что делать с вынутыми лучшими статьями? Я их помню и люблю. Подумай, не предложить ли их «Прометею» — «*Из литературного архива*» или с к<акой>-н<ибудь> еще рубрикой. Надо их воскресить.

У меня радость: вышел том Тусиных сказок! Толстый, большой[1]. Все-таки *этот* долг мы с Шурой выполнили, успели. (Теперь у меня остался один главный: Фрида.) Так вот о Тусиной книге, которую ты скоро, конечно, получишь: текст — безупречный, рисунки пышные, но плохие (мы их не видали); на титуле нет имени автора послесловия В. Смирновой (мы не видали титула) — наши же имена написаны аршинными буквами, как на афише; на корешке «Тамара Габбе», хотя она всегда писала Т.

Суд Пунины — Гумилев отложен на 12/II — и бедная Э<мма> Г<ригорьевна> снова съездила зря. Отложено по случаю неявки представителей ЦГАЛИ. Следующий раз будет решаться в любом составе.

И<рина> Н<иколаевна> уже клевещет вовсю — но черт с ней.

Кто ее свидетель? Ну конечно же Н. К. Бруни[2]! Которую АА ненавидела, не пускала на порог! Все закономерно.

С Ахм<атовской> книгой пока происходит *обычная* тягомотина: она в типографии.

Целую тебя.

Л.

[1]Речь идет о книге: Т. Габбе. Быль и небыль: русские народные сказки, легенды, притчи. [Новосибирск]: Западно-Сибирское книжное издательство, [1968].

[2]Нина Константиновна *Бруни* (1900—1989), жена художника Л. А. Бруни, дочь поэта Константина Бальмонта.

362. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

17 января 1968. Переделкино[1]

Лидочка

Anna Akhmatova, Andreae filia[2], получила почетное звание Доктора Литературы Оксфордского Университета 5 июня 1965 года.

Очень бы хотелось мне сейчас же взяться за Фридочкины дневники, но я гоню VI том к 1 февраля и должен отречься от всего «постороннего».

Не нужны ли Тебе деньги?

Наша удмуртка вечно пьяна, цинична, готовит *невозможные* обеды, и завтра я намерен дать ей отставку.

Целую

Дед (Люши)

[1]На конверте дата рукою Л. К.: 17.1.1968.

[2]Анна Ахматова, дочь Андрея (*лат.*).

363. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

25 января 1968. Москва

Дорогой дед.

Спасибо за книгу о Чехове. Читаю и, прочитав, дам отчет. Пока скажу только, что портрет оказался совсем не страшным; ну просто фотография *того* времени. Переплет же мне нравится.

Теперь просьба к тебе.

Посылаю тебе оттиск Оксфордской фотографии А. А. Мне нужно к ней сделать подпись. Самая лучшая: «похороны» или «казнь». У АА совершенно искаженное лицо. Я хотела эту фотогра-

фию изъять, но изд<атель>ство настаивает. Надо сделать подпись. А я не знаю как. Я не понимаю, какой это именно *момент церемонии*! Как написать?

«5 июня 1965 г., Оксфорд.

Один из моментов (!) церемонии присуждения (!) степени доктора литературы». Как вылезти из этих родительных падежей? Если бы я знала, *какой* это момент, — я бы, м<ожет> б<ыть>, сообразила. Но я не знаю, а ты знаешь. Пожалуйста, помоги.

Нет ли тут сэра Исайи? Это я для себя.

Будь здоров.

Л.

25/I 68

Пожалуйста, верни фотографию с шофером в субботу — если не успеешь раньше с Люшей.

И еще вопрос: из изд<атель>ства позвонили, что они решили вставить фотографию АА с Пастернаком! Сами. И просят подпись. Я знаю дату: 2 апреля 46 г. Но как, по-твоему, писать:

Анна Ахматова и Борис Пастернак

Анна Андр<еевна> Ахм<атова> и Борис Леон<идович> П<астерна>к

или

А. А. Ахматова и Б. Л. Пастернак.

Затем: вот тебе фотография А. А. с кем-то. Десятые годы. С кем?

Денег мне не надо, спасибо.

Чувствую я себя не худо — только встаю поздно. Если будет не хуже, я скоро приеду.

Целую тебя.

Л.

364. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

27 января 1968. Переделкино[1]

Лидочка!

Мне кажется, нужно подписывать под фотоснимком

АННА АХМАТОВА И БОРИС ПАСТЕРНАК.

Это их литературные имена. Из-за того, что они попали на фотопленку, они не утратили своих прав называться именами,

которые они завоевали для себя своим творчеством. Когда я видел в газетах: «А. Ахматова», мне казалось, что это опечатка или что дело идет о другом человеке.

Сэра Изайи на оксфордском снимке нет. Рядом с ней идет Public Orator (ударение на первом о́), который читал похвалу Анне А<ндреев>не во время ее увенчания — на латинском языке. Сзади — бедный больной Зигфрид Сассу́н, получавший степень доктора вместо с Анной А<ндреев>ной. Это хороший поэт, который тоже вскоре после получения почетной степени умер. Тут же и третий, получивший степень в тот день. Вообще вся церемония кончилась. Не идут ли они на прием к вице-канцлеру университета?

Сказки Габбе — большое событие. Молодец Новосибирск. «Тамара» меня не шокирует. Без этого даже неясно, мужчина она или женщина. Жаль, что нет ее фотопортрета. Так как у нас в библиотеке есть уголок Маршака и Габбе, мне нужен для библиотеки еще один экземпляр. Пишу в Новосибирск.

У меня обычная январская простуда. Клара уложила меня в постель.

Дед

[1]На конверте дата рукою Л. К.: 17.1.1968.

365. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

2 февраля 1968. Переделкино[1]

Лидочка, вот письмо в Твою «Ахматиану»; сохрани.

Если увидишь Люшу, скажи ей, что купленный ею проигрыватель — чудо. Я овладел им вполне и слушаю Уолта Уитмена комфортабельно[2].

Очень хотелось бы, чтобы Люша приехала на воскресенье. Обещал показать свои номера Райкин-Младший[3].

Дед

А «Быль и Небыль» вся написана жемчугом[4]!

[1]На конверте дата рукою Л. К.: 2.2.1968.

[2]К. И. получил в подарок коробку с тремя пластинками. На коробке — большой портрет Уолта Уитмена, а на пластинках — запись фрагментов его «Листьев травы» в чтении Williama L. Moore. Пластинки выпущены японской фирмой.

[3]Константин *Райкин* (р. 1950), актер, сын Аркадия Райкина.
[4]«*Быль и Небыль*» — сказки для взрослых Т. Габбе, вышедшие в Новосибирске. — *Примеч. Л. Чуковской.*

366. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 февраля 1968. Москва

4/II 68

Дорогой дед.

Посылаю тебе мои два письма к М. И. Алигер[1]. Раз уж ты про них знаешь, то прочти. Если захочешь, покажи своим друзьям, но *не выпускай из рук*, чтоб никто не переписывал. А то, упаси Бог, залетит куда не надо[2]. И отдай Люше.

За вклад в Ахматовиану — спасибо. АА всем всегда направо и налево говорила, что у нее никогда не было романа с Блоком. Я же всегда думала (просто по стихам), что она была в него влюблена. Иначе нельзя понять, к кому обращены стихи:

Прекрасных рук счастливый пленник,
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели вы.
Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь... —

и т.д.

Другого адресата не придумаешь.

И еще несколько стихотворений, кажется мне, — ему.

Таким образом, очень углубляется «Поэма без героя». Ольга Судейкина — роковая женщина не только для Вс. Князева[3] и др., но и для самой АА.

АА любила Блока — а он любил Судейкину.

АА была влюблена в Вс. Князева (да, да, оказывается, так!), а он любил Судейкину.

Затем, кажется, А. А. и Ольга Афанасьевна поссорились из-за Артура Лурье[4].

Вот.

А на фотографии, которую посылала тебе, в самом деле — Судейкина. У друзей нашлась такая же с надписью рукой АА: «Это

я и Ольга». Лето, 1924, Фонтанка, 2... Наверное, просто плохой, непохожий снимок.

Очень рада, что тебе нравится проигрыватель. Теперь, хочешь — не хочешь, придется покупать — или выписывать! — пластинки... И я бы хотела послушать Уитмена.

Целую тебя. Жду твоего суждения о письмах.

Л.

Посылаю также очередную статью о «Софье». На этот раз я в паре с Гинзбург[5].

[1]Приложены два письма Лидии Чуковской к М. И. Алигер. Эти письма легли в основу статьи «Не казнь, но мысль. Но слово» (Соч.-2, с. 154—159). Очевидно, до К. И. дошли слухи об этой полемике, он дружил с Алигер и часто виделся с ней в Переделкине. Л. К. старалась не тревожить его заранее своими общественными выступлениями, но раз уж слухи дошли, она послала К. И. эти письма. Приводим их лишь частично, чтобы читателю была ясна суть спора:

«Глубокоуважаемая Маргарита Иосифовна!

Меня, как и многих, оскорбило Ваше стихотворение, напечатанное в № 9 «Нового мира».

Начинается оно тревожным вопросом:

Несчетный счет минувших дней
Ужели не оплачен? —

и завершается утешением:

И он с лихвой, тот длинный счет,
Оплачен и оплакан.

Итак, в нашем нравственном балансе все обстоит благополучно: концы сведены с концами...

Стихотворение Ваше написано голосом искренним, потому и мне захотелось столь же искренне высказать Вам свое несогласие.

Прежде всего, мне хочется узнать: по какому прейскуранту рассчитан Ваш счет? Какой ценой оплачены Норильск и Потьма, Караганда и Магадан, подвалы Лубянки и Шпалерной? Почем платили за муки и гибель каждого из невинных — а их были миллионы! — почем с головы? и *кто* имеет право, говоря о подобном счете, заявить: он оплачен?

Бывают счета неоплатные, Маргарита Иосифовна, и уж лучше бы, вспоминая о прошедшем, не браться за счеты... Оплатить *такой* счет — это вообще никому не под силу по той простой причине, что человечество не научилось воскрешать мертвых...

Нет, Маргарита Иосифовна, я не предлагаю зуб за зуб. Месть не прельщает меня.... Не перечеркнуть надо счет, поставив на нем успокоительный штемпель

«уплачено», а распутать клубок причин и следствий — общих и частных — серьезно и тщательно его разобрать... Миллионы крестьянских семей, тружеников, выгнанных на Север, на гибель, под рубрикой «раскулаченные». Целые народы, выгнанные с родных мест на чужбину... Тут огромная работа для историка, для социолога, для философа. Для каждого, кто умеет разбираться в конкретных фактах и в то же время обобщать. Стало быть, прежде всего — для писателя. Это главная сегодняшняя работа. Горе тому и тем, кто пытается сейчас мешать необходимому разбору. Они совершают новый, ничем не искупаемый грех.

Не участвуете ли и Вы в нем, в этом грехе, — разумеется, невольно? Ну хотя бы смешением понятий, приятием равно добра и зла? Игрою слов: мрак, свет — вне их конкретной наполненности человеческими судьбами? Миллионами судеб?

Дивясь, вероятно, собственному великодушию и мужеству, Вы, от имени своего поколения, принимаете на свою ответственность не только победы, истину, почет, свет, но и мрак, и горечь, и ложь, и утраты. И даже «срам» прошедших десятилетий:

Уж раз мы выжили...
Ну, что ж!
Судите, виноваты! —

восклицаете Вы не без надменности, словно на самом деле люди, каждый человек, не имеют права судить.

Все наше: истина и ложь,
Победы и утраты,
И срам, и горечь, и почет,
И мрак, и свет из мрака...
И он с лихвой, тот длинный счет,
Оплачен и оплакан.

Ах, какая в этом перечислении широта! Какие всепонимающие строки! Но вдумайтесь в них поглубже. Не кроется ли под ними кощунственная попытка убаюкать едва пробудившуюся общественную совесть?

Неправда. Истина и ложь не близнецы, они в постоянной вражде. Неправда. Нельзя одновременно признавать себя и мраком, и светом. Это значит заблудиться самому и сбивать с дороги других. Нельзя валить всех и все в одну кучу — делать равно ответственными или равно ни за что не отвечающими — всех. Неправда. Всегда кто-то светил, а кто-то гасил огонь. Кто-то был жертвой, а кто-то окаянным злодеем.

Распутать надо этот клубок. Произнести над каждой ниткой — Слово.

Главная задача нашей литературы сегодня — научиться отличать ложь от истины, достоинство от срама. Надо звать людей, старых и молодых, на великий труд осознания прошедшего, тогда и настоящее станет яснее: надо бередить память, а вместе с нею совесть и мысль. Стихотворением же своим, вольно или невольно, Вы зовете к другому: перечеркнуть счет, забыть.

Память — драгоценное сокровище человека, без нее не может быть ни чести, ни совести, ни работы ума. Большой поэт — сам воплощенная память. Приведу строки из стихов того поэта, который не пожелал расстаться с памятью не только при жизни, но и за порогом смерти:

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,
Забыть, как постылая хлопала дверь.
И выла старуха, как раненый зверь.

Строгая память любит истину и не прощает ложь. Она служит порукой чистоте Будущего.

Уважающая Вас Лидия Чуковская

29/XI 67»

Второе письмо:

«Глубокоуважаемая Маргарита Иосифовна!

...Вы говорите: слова «счет оплачен и оплакан» не означают в Ваших стихах счет оплачен и оплакан.

Вы говорите: такое письмо как мое — грех.

И кто мне дал право судить прошедшее?

И зачем мое письмо написано не от руки, а на машинке?

«Мне кажется, — замечаете Вы в заключение, — что частные письма следует писать от руки и в одном экземпляре».

Частные — да. Но мое письмо к Вам не частное, и написано далеко не по частному поводу. Стихотворение Ваше напечатано стосорокатысячным тиражом. Это не мои какие-то 4 экземпляра. Отчего же Вы должны говорить громко, а я шепотом? Отчего в Вас нету чувства равенства?

Но оставим это. Меня интересуют не колкости и личные выпады, содержащиеся в Вашем ответе, а суть разговора.

Вокруг каждого из нас бродит юность и у каждого спрашивает: «Вы ведь жили тогда... Вы видели... Вы современники... очевидцы, участники... свидетели... Ну и скажите... по правде... как это все было? по совести... на самом деле?» И «мы», строками из тех же Ваших стихов, отвечаем:

Сначала — не без самодовольства:

Мы были молоды, горды,
А молодость — из стали.
И не было такой беды,
Чтоб мы не устояли,
И не было такой войны,
Чтоб мы не победили...

Потом — со скрытым негодованием по адресу спрашивающих:

И нет теперь такой вины,
Что б нам не предъявили.

Какая несправедливость! Теперь! После всех наших заслуг, «нам» еще смеют предъявлять счеты, вины!

Среди процитированных мною строк есть одна, оканчивающаяся сталью. Здесь у Вас эта сталь появилась хоть и подсознательно — а совершенно на месте. Говоря о бедах, перед которыми «мы» устояли, Вы, вероятно, имеете в виду самые разные беды. И все же слово *сталь* тут недаром. Потому что есть изо всех пережитых нами бед одна такая беда, перед которой «мы» не устояли в действительности — чума, от которой в действительности мы не защитили страну — и имя этой беды, этой чумы привычно рифмуется со словом *сталь*: это Сталин, сталинщина.

Отношением к этой «беде», к этому чудовищному прошедшему, держащему в своих когтях наше настоящее, а быть может, и будущее, — отношением к этой беде, говорю я, измеряется сегодня человеческое достоинство писателя и плодотворность его работы.

Каждое слово о нашем прошедшем — ответственное слово. Нельзя допускать, чтобы прошедшее зарастало бурьяном путаницы, недомолвок, недомыслий.

А между тем в том же номере «Нового Мира» напечатано еще одно Ваше стихотворение, по своей ядовитой мутности превосходящее, пожалуй, даже стихи об оплаченном счете.

«Два старика в Париже». Эпиграф из Н. Заболоцкого: «Так они и шли в своих бушлатах / Два несчастных русских старика».

Это в эпиграфе. А в Вашем стихотворении речь ведется о старых русских эмигрантах. Тоскуя в разлуке с родиной, они устало бредут по парижским улицам «меж бистро́, машинами, ажанами»:

Шли они, по-своему свободные,
Неразутые и неголодные...
. . . .
Шли они убогие, усталые,
Люди старые, — ребята малые,
Что нелепо намудрили смолоду,
По совсем-совсем чужому городу.

Бедняги! В самом деле, пришлось-таки им, наверное, хлебнуть горького на чужой стороне. Жаль их.

Однако постепенно, читая эти стихи, от сочувствия к старикам переходишь к изумлению перед автором. Вы не можете не помнить целиком те стихи Заболоцкого, из которых Вами взяты две строчки. Про кого они, про что они? Вы ведь помните — зачем же Вы именно оттуда прихватили эпиграф? Стихотворение Заболоцкого называется «Где-то в поле возле Магадана». Далековато от Парижа, неправда ли? И бредут там совсем, совсем не те старики, что «нелепо намудрили смолоду» (то есть бросили родную страну), а те, которые вообще не мудрили, а попросту сеяли хлеб и бессмысленной волей Сталина были вышвырнуты из своих изб на Север — умирать. Какое же Вы обнаружили сходство между судьбами тех двух стариков, двух смертников, двух заключенных, погибающих в родной стране от голода, холода, от зверств бандитов и охраны, — и этих, свободно бредущих по чужому Парижу? Что толкает Вас на сопоставление, ничего не проясняющее в нашем прошедшем, но все перепутывающее?

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.

Это Вам не бистро́, Маргарита Иосифовна. Тут речь идет о смерти.

Вот они и шли в своих бушлатах —
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
....
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

Устами Заболоцкого кричит правда. Ваши плетут кощунственную путаницу.

Читаешь оба стихотворения рядом и думаешь: что же это с Вашей стороны — ханжество или издевка?

И Вам — не грех?

Лидия Чуковская

17/XII 67»

[2]...*залетит куда не надо* — т.е. попадет в Самиздат.

[3]О поэте Всеволоде Гавриловиче Князеве (1891—1913) см. специальное исследование Р. Д. Тименчика «Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой» («Даугава», 1984, № 2).

[4]Артур Сергеевич *Лурье* (1891—1966), композитор.

[5]Упомянута Евгения Семеновна *Гинзбург* (1904—1977), автор книги «Крутой маршрут».

367. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

10 февраля 1968. Переделкино[1]

Лидочка!

Письмо М<аргарите> И<осифов>не — шедевр. Жаль, что ты не приложила ее ответов.

На меня свалилась корректура «Высокого искусства»; очень скучно держать корректуру устарелой и чуждой книги.

Говорят: был в Москве Эткинд; жаль, что мы не повидались.

Я наверное узнал, что К. Федин хлопотал о напечатании «Корпуса»[2]. Вот.

Будь весела и здорова. Главное: сон.

Целую.

Дед

[1]На конверте дата рукою Л. К.: 10.2.1968.

[2]Речь идет о солженицынском «Раковом корпусе».

368. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

10—11 февраля 1968. Москва

10/II 6

Дорогой дед.

Тебе хочется прочитать ответы Алигер? Пожалуйста, прилагаю копии ее ответов. Прилагаю также один мой не посланный ответ ей[1].

Никакой возможности прочесть и понять ее стихотворение иначе, чем прочла я, — нет. Оно написано от имени ее поколения партийных деятелей, которые говорят:

И не было такой войны,
Чтоб мы не победили.
И нет теперь такой вины,
Чтоб нам не предъявили.

Они всегда были хорошие, делали великое дело, а *теперь* (после смерти Сталина) их какие-то бяки обвиняют.

Никаких личных претензий к Алигер у меня нет и не было; она человек порядочный, доносов не писавший. Но она — как и

все ее милые друзья — тупорожденная, звука времени они не слышат, это — интеллигентные бревна. Они не черносотенцы, как Шолохов или Кочетов, но глухие. Я убеждена, что Мар<гарита> Иос<ифовна> так же не слышит 60-х, как не слышала 30-х. Интересно было бы спросить ее о судах над Бродским, Синявским и Даниэлем, Гинзбургом. Наверное, ответит какую-нибудь пошлую чушь. Она тоже в своем роде Софья Петровна, ее даже самоубийство Фадеева не вразумило. Она по-прежнему вспоминает 30-е годы с умилением

Мы были молоды, горды,
А молодость — из стали... —

и т.д.

Ей уже все насильно объяснили про Сталина — не помогает. Конечно, она против убийств. Но все-таки он был великий человек, выдающийся марксист или еще что-нибудь. Как будто если человек — палач по профессии, то стоит изучать какие-нибудь другие его свойства.

Начальство не решилось открыто реабилитировать Сталина, но запрещает поминать в печати о его злодействах. Именно поэтому так важно сейчас о них напоминать всеми средствами.

Ну да ты все это и сам знаешь.

Твоя строчка о Федине, который хлопотал, по твоим словам, о «Раковом корпусе», меня заинтриговала. Когда же? Сначала он его погубил. Добился на секретариате решения, что если С<олженицын> не напишет письмо с отречением от своего «Письма Съезду»[2] — не печатать. Это факт. Но ведь С<олженицын> не Галина Серебрякова и не Андрей Вознесенский. Он отказался. Вещь вынули из номера. Твардовский написал письмо Федину. Что же было дальше? Федин начал хлопотать?

Теперь, значит, «Раковый корпус» и «В круге первом» будут напечатаны там, где они никому не нужны, а не у нас, где они нужнее хлеба. Для нашей страны это равно национальному крушению, как если бы мы проиграли Сталинградскую битву... Я не преувеличиваю. Эти две вещи создали бы в России новые поколения людей.

А Федин вел себя (до сих пор) как Сальери, как лично ущемленный существованием С<олженицы>на — человек. Его можно

понять — проза С<олженицын>а уничтожает все ихние картонные сооружения — Федина и других «хороших» писателей.

Я радуюсь «Высокому искусству» и не понимаю, почему эта книга тебе кажется устарелой и чужой. Для доказательства мыслей вовсе не требуется каждый раз *новый* материал. Мысли-то верные.

Целую тебя.

Л.

11/II 68

[1]К письму приложены копии двух писем М. И. Алигер к Л. К. и вариант неотправленного письма Лидии Чуковской. Приводим полностью все три письма.

«Уважаемая Лидия Корнеевна!

Ваши упреки и разоблачения не имеют и тени отношения к моему стихотворению. Вы судите его не как стихи с их вечным правом на многозначность и даже зашифрованность, на внутренний смысл и подтекст, а как лобовую и весьма элементарную декларацию совсем другого смысла. Я такой декларации не писала и не смогла бы ее написать. Вы решительно не поняли моего смысла слова «счет», моего смысла строки «оплачен и оплакан». Впрочем, мне бы хотелось удержаться от полемики. Неестественная для частного письма громогласность, неуместное красноречие, прокурорский тон Ваш исключают для меня возможность вступать в обсуждение смысла, сути моего стихотворения.

От неверного и оскорбительного восприятия наших стихов мы никогда не защищены и постоянно должны быть внутренне готовы к такой горькой возможности. Надо учиться не тратить силы хотя бы на полемику. Мне приходилось в свой адрес выслушивать всякое, но, прямо Вам скажу, легче было промолчать, когда меня называли космополитом и декадентом, когда меня обвиняли в пессимизме за то, что я все время думала, говорила, писала о серьезных вещах. Так что мне не впервой. Я знаю, что такое клевета. Ваше письмо вызвало у меня давно знакомые ощущения. Но страшно слышать те же, давно знакомые интонации, видеть те же запрещенные приемы с противоположной стороны.

Тон Вашего письма оскорбляет меня, — этого Вы хотели. Но он оскорбляет и самый предмет разговора, существо вопроса. Великая скорбь, вечная боль не допускают громких слов и громкого голоса. Они пронзают глубже в тихом разговоре. Тон Вашего письма немыслим между людьми. Не знаю, кто имеет право на такой тон. Может быть, праведники, если они существуют. Хотя истинные праведники никогда не выступали в роли судей столь упоенно и самонадеянно. А Вы не праведник, Лидия Корнеевна. И раз уж я отвечаю на Ваше письмо, то считаю себя вправе сказать, что такие письма писать — грех. Грех едва ли оправданной гордыни.

Ответ свой я пошлю по почте и, рискуя показаться старомодной, не стану перепечатывать его на пишущей машинке. Уж лучше перепишу еще раз, как можно разборчивей. Мне кажется, что частные письма следует писать от руки и в одном экземпляре.

Маргарита Алигер

Москва. 7 декабря 1967 года»

Непосланный ответ Л. К.:

«Многоуважаемая Маргарита Иосифовна!

Прилагаю несколько строк от руки.

Прежде чем написать Вам свое первое письмо, я прочитала Ваши стихи, по отдельности, наверное, человекам 15[-ти].

О стихах говорили разное, но смысл их был понят всеми однозначно: итоги.

29/XI Вы получили мое письмо. А я принялась ждать — звонка, слова — лично или через друзей — знака, который показал бы мне, что я ошиблась.

За неделю ожидания ни один экземпляр моего письма не вышел из моего дома.

6/XII из дому ушли 2 экземпляра.

7/XII Вы написали мне свое письмо. Я получила его 8-го вечером.

К сожалению, оно ничего не объяснило мне и не властно переменить восприятие стихов. Если слова «счет», «оплачен» и «оплакан» имеют для Вас какой-то свой, не общий, поэтически-зашифрованный смысл, то, по-видимому, эти стихи Вам следовало читать в интимном кругу, а не печатать.

Попробуйте почитайте их разным людям и спросите, как поняли. О чем идет речь? Какой вы задаете вопрос и какое преподносите решение?

Особенно меня возмущают строки:

И нет *теперь* такой вины,
Что б нам не предъявили.

Теперь — после того как «мы» все так дивно устроили! Да и что, кому, кто предъявляет? Где?

Письмо Ваше полно упрекоь, колкостей, насмешек. Имею ли я право судить, не имею... Ровно такое же, как Вы: ведь Вы же судите о прошлом. Да еще публично... Но это пустое. Отвечу только на один Ваш упрек, близкий к предмету спора, — Вы пишете: «Великая скорбь, вечная боль не допускают громких слов и громкого голоса. Они пронзают глубже в тихом разговоре». Вам все представляется, что речь идет не о всенародной чуме, а о какой-то *интимной боли* — Вашей, моей, Марьи Петровны... И почему вообще боль, скорбь — а где другие чувства? Представьте себе, что о Бухенвальде или Освенциме мы бы все говорили: как больно! И далее — ни звука, ни в душе, ни в слове. Ни в *мысли*.

Вы лирический поэт, я не поэт вообще, я публицист. Каждый работает в том жанре, которым лучше владеет. Впрочем, и лирические поэты писали иногда не только скорбные, тихие, но и грозные, громкие стихи. Когда испытывали гнев.

Прощайте.

Уважающая Вас

Лидия Чуковская

13/XII 67
Москва»

Второе письмо М. Алигер:

«Уважаемая Лидия Корнеевна!

Я получила Ваше второе письмо. Следовательские изыскания Ваши касательно слова «сталь» и стихотворения «Два старика в Париже» глубоко безнравственны и окончательно убедили меня в том, что Вы по меньшей мере перестали слышать и понимать стихи.

Очень жалею, что в первом своем письме пыталась разговаривать с Вами почеловечески.

Переписку нашу считаю на этом законченной. Не утруждайте себя ответом. Я читать его не стану.

Маргарита Алигер

Москва 26 декабря 1967 г.»

[2]Речь идет о письме Солженицына IV съезду писателей СССР (16 мая 1967) с требованием упразднить цензуру над художественными произведениями, а также с требованием защитить его от клеветы и преследований.

369. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 февраля 1968. Москва

14/II 68 Утро

Дорогой дед,

сыплю тебе на голову нечто, отчего ты легко можешь уклониться — но я-то все же обязана передать.

Я получила письмо из Ленинграда от писателя Виктора Конецкого, с просьбой ко мне и к тебе прочесть сценарий Малюгина о Чехове, напечатанный в журнале «Искусство кино»; сценарий, мол, пошлый, возмутительный и пр. Я прочла. В самом деле сценарий пошлый. Посылаю его тебе. Я писала Конецкому, что ты занят, болен, не интересуешься кино и пр. Так что ты можешь поступить как угодно. А если захочешь — погляди. Если захочешь написать Конецкому, то имей в виду, что адрес в писательской книжке НЕ верен, а такой...

Я в самом деле думала, что Малюгин интеллигентнее. Мне его хвалили.

Ну, вот и все.

Целую тебя.

Л.

Ленинградский ахматовский суд снова отложен! Эм<ма> Гр<игорьевна> *второй* раз съездила зря.

370. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

10 марта 1968. Переделкино

Дорогая Лидочка,

Уезжаю в больницу.

Со мною делается то самое, что со всеми дряхлыми стариками: быстрая утомляемость, мозговая вялость и вдобавок ко всему

ослабели ноги. Мои дальние прогулки относятся к тому далекому прошлому, когда мне было 75—85 лет. Теперь добреду до Дома Творчества — и хоть ложись в снег!

К великому сожалению, я не прочитал Фридочкиных дневников. Страшно много работы — и 6-й том, и новое издание Уитмена, и новое издание «Высокого искусства», а голова как пятка — никакого фосфора!

Написал я краткую отповедь Скворцову... К моему удивлению, «Новый мир» взял это вымученное сочинение[1].

Что поделываешь Ты? У меня впечатление смутное. Напиши хоть две строки.

Я должен доделывать 6-й том — а мозгов никаких.

Движется ли в Ленгизе Ахматова?

Был [ли] суд над Пуниными?

Дед

Если что со мной случится, — все деньги тебе и Люше. Английские книги — Тане и в Библиотеку иностранной литературы. Русские книги в Библиотеку Союза писателей, Мите кое-что из мебели. Кларочке 1500 р. и какой захочет сувенир. Марине ты дашь, что ей захочется. Жене тоже 2000 р.

Корней Чуковский

10 марта 1968

[1]Речь идет о статье «К спорам о “дамской повести”». Статья не была напечатана в «Новом мире» и опубликована в шестом томе Собрания сочинений К. Чуковского.

371. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

13 марта 1968. Москва

Дорогой дед, твое письмецо меня огорчило. Когда я была у тебя в последний раз, мне показалось, что ты в отличном виде, — да и Люша меня уверяла, что давно уже ты не был таким хорошим, как в эту зиму. И даже не простудился ни разу. И колоссально работал... А вот оказывается, сам-то ты собой недоволен... Ходьба вещь не показательная, чтобы хорошо ходить — сравнительно далеко и не уставая, — надо непременно ходить каждый день. А ты-то ведь иногда неделями не выходишь из дому (например, в морозы).

Вот, может быть, теперь, в санатории, где будет у тебя режим и надзор, ты снова разработаешь свою ходьбу.

Как ты и сам понимаешь, читать твое завещание мне было горестно. Но раз ты счел нужным его написать, то, не ломаясь, спешу тебя уверить, что, хотя оснований писать его я не вижу, в случае несчастья я все исполню в точности. За это будь спокоен.

Ты спрашиваешь, над чем я работаю.

Во-первых, я довела до конца новую редакцию Фридочкиного дневника — заново его сократив, написала примечания, вставки от редакции пр. В этой книге 400 страниц.

Во-вторых, я почти кончила «Ключи» ко *всему* ахматовскому Дневнику. Прежде чем создавать новые части этой книги — 1941—42 Ташкент; 1952—1966 — Москва — Комарово — Москва, — необходимо было обозреть и как-то систематизировать весь материал, чтобы отдать себе отчет в том, что у меня есть. Я и сделала «Ключи» — нечто вроде конспекта — *всех* тетрадей, выписав кратко даты, варианты и пр. Дней через 10 «Ключи» будут кончены, и я пойму, что делать дальше. За какую часть браться. М<ожет> б<ыть>, начну писать историю текста «Поэмы» — материал огромный. М<ожет> б<ыть>, — для сборника Герштейн — «Ахматова о литературе»; м<ожет> б<ыть>, просто подряд с 1952 г. Еще не знаю. Подскажут «Ключи».

В-третьих, я сделала из писем к Алигер статью (по-видимому, для Самиздата) под названием «Не казнь, но мысль», там цитируются ее стихи, но уже без обращения к ней и без ее имени, просто как мысли, которые я опровергаю.

Ты спрашиваешь, чем кончился Пунинский суд: ничем. Снова отложили по новым крючкотворским причинам — на неопределенное время... Но вот что интересно: Н. Б. Волкова, директорша ЦГАЛИ, вдруг заявила, что, несмотря на запрещение Пуниной, она согласна распечатать последние (главные) тетради АА для тех лиц, которых укажет Лева. Он указал: Жирмунский, Эмма Гр<игорьевна> и Харджиев. Это хорошо — не хватает только Толи, который мог бы проверить, все ли страницы целы. Но главное — Жирмунский, т.е. Большая Библ<иотека> Поэта.

Таким образом, ЦГАЛИ перестало слушаться Пунину. Это большой сдвиг.

Я прочитала письмо Каверина Федину — эпистолярный жанр процветает[1]. Прекрасное письмо, сжатое, сильное, умное. Конеч-

но, можно было бы перечислить еще кое-что: дело Бродского, дело Оксмана, книгу Ахматовой, зарезанную Книпович, при его нежелании вступиться... Но того, что написал Вен<иамин> Ал<ександрович>, вполне достаточно... Говорят, и Твардовский написал ему письмо на 17 стр<аницах>, и оно поступило в Самиздат — но я увы! не читала[2].

Но вот что интересно: говорят, читатели по почте посылают Федину обратно его книги...

Вот дожил старик. А ведь мог жить спокойно и почтенно, сажая вишни, пописывая романы и ни во что не мешаясь. Он болен, стар. К чему же такая энергия злости? Деньги есть, живи и радуйся. Так нет же, надо добивать Солженицына и позорить себя. Как добивал Пастернака.

Я прочитала твою Реплику Скворцову[3] (мне попал в руки пакет из «Нового Мира», и я залезла туда — он был не запечатан). Замечательно написанная вещь. Скворцов уничтожен, высмеян, растоптан *виртуозно* — чем ты недоволен, не пойму... Мне там не хватает абзаца о самой повести Грековой — но это уж дело другое и, м<ожет> б<ыть>, тактически, *тут*, это и не надо.

Хотела бы прочесть твою статейку для собрания — ту, которую ты дал Вергасову[4].

Кстати, Елена Сергеевна[5] тебе нежно кланяется. У нее завтра решающий день: забаллотируют ли ее по конкурсу? (Уйдет-то она все равно.)

Теперь и у меня к тебе есть вопрос. И даже два.

Первый: я не поняла, почему ты вернул мне Фридин дневник. Ты обещал — мне, Саше и изд<атель>ству «Просвещение» — написать 3—4 стр. предисловия. *Никто тебя не торопил и не торопит.* Я сдаю книгу 1 апреля, и, конечно, она еще после этого месяца 1 $^{1}/_{2}$ проболтается в редакции. Но все-таки, чтобы написать — надо прочитать. А ты вернул рукопись мне, не читая... И главное, чего я тут не пойму, почему тебе *не хочется* читать эту веселую и очаровательную книгу? Ты работаешь, измучен, занят — но при этом всегда что-нибудь читаешь. Вот я и думала, что ты потихоньку перед сном и это прочтешь. Там скучноваты, м<ожет> б<ыть>, первые 30 стр., а дальше — объедение. Почему же тебя не тянет?

И второй вопрос: когда можно к тебе приехать? Хоть на час? Мне очень хочется на тебя поглядеть.

Как же ты без радио? Вполне ли оно заменяется паровозом, который тоже хочу увидеть непременно.

Целую тебя.

Л.

13/III 68

Спасибо за чудесные смешные стихи. Чьи это?

Прилагаю Ахматовские, которые мне прислал Жирмунский.

Те, кого и не звали, — в Италии.
Шлют с дороги прощальный привет.
Я осталась в моем Зазеркалии,
Где ни Рима, ни Падуи нет.
Под святыми и вечными фресками
Не пройду я знакомым путем
И не буду с леонардесками
Переглядываться тайком.
Никому я не буду сопутствовать,
И охоты мне странствовать нет.
Мне пристало повсюду отсутствовать
Вот уж скоро четырнадцать лет.

(Был такой случай в 58, 59 или 60 г., что ее пригласили в Италию — наши послали вместо Ахм<атовой> кого-то, — кажется, Алигер.)

[1]Речь идет об открытом письме В. А. Каверина — К. А. Федину по поводу запрета на печатание в России «Ракового корпуса» А. Солженицына (см.: Слово пробивает себе дорогу: Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962—1974. М.: Русский путь, 1998, с. 311—313).

[2]А. Т. Твардовский — К. А. Федину (Там же, с. 299—310).

[3]*Реплика Скворцову* — статья К. Чуковского «К спорам о “дамской повести”», написанная в защиту И. Грековой с возражениями лингвисту Л. И. Скворцову. Статья вошла в Собрание сочинений Чуковского.

[4]Илья Захарович *Вергасов* (1914—1981), писатель.

[5]*Елена Сергеевна* — И. Грекова.

372. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

3 апреля 1968. Загородная больница[1]

Лидочка, ничего страшного. Все закономерно. У меня очень легкая «желтушка», и я пью «Ессентучки».

Хотя я и не имею права советовать, но мне очень хочется думать, что Ты не поддашься на провокацию последних дней —

и не сделаешь того, чего хотят провокаторы, — не доставишь им этой радости. Не выступишь с обличительным памфлетом[2].

Вишь, как я был прав, набрасывая завещание. Я предчувствовал, что еду на гибель. Давай повидаемся в конце недели.

Дед

[1]Датируется на основании записи Л. К. в конце страницы: «3/IV 68. Из Кунцевской больницы».

[2]Под *провокацией последних дней* К. И. подразумевал полосы в «Литературной газете» с «Ответом читателю» А. Чаковского и «Выступление на XIX конференции Московской городской организации КПСС С. Михалкова. (См. «Литературную газету» от 27 марта и 3 апреля.) Оба выступления посвящены процессам Гинзбурга и Галанскова.

...*Ты не поддашься на провокацию* — речь идет о выступлении Михалкова, который, в частности, заявил: «Советский суд осудил двух политических клеветников и двурушников [А. Синявского и Ю. Даниэля]. Как ни странно, нашлись среди наших литераторов добровольные адвокаты, выступившие на защиту пособников враждебного нам лагеря... Спустя полтора года советский народный суд осудил трех уголовников, на этот раз вообще не имеющих никакого касательства к литературе и провокационно произведенных в ранг писателей разными зарубежными «голосами» и «подголосками» [Гинзбург, Галансков, Добровольский]...

Справедливости ради следует отметить, что если не считать трех-четырех известных писательских имен, большинство подписавших эти письма ничем не прославили нашу литературу... Уместно напомнить этим литераторам, что такое гуманизм в понимании Максима Горького. Великий сын великого народа считал, что подлинный гуманизм — это воинствующий гуманизм непримиримой борьбы против лицемерия и фальши тех, кто заботится о спасении старого мира».

373. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

3 апреля 1968. Москва

Дорогой дед.

Пишу на твоей феноменальной бумаге и положу в феноменальный конверт.

Вот это да!

Жаль, ты ничего не написал мне о Шаляпине, — водятся ли там путные пластинки? Я-то ведь их не слыхала.

Насчет окружающего, т.е. газет, Михалковых и пр.

Очень все это скучно, ибо было уже 1000 раз. Те же слова, те же люди, тот же синтаксис.

Ты пишешь о провокации. Я не думала, чтоб она была целью, — материала и так накопилось для кар достаточно. Я думаю, это не провокация, а психическая атака. Они хотят испугать. А

наше дело маленькое: не пугаться. Быть такими, как всегда, быть самими собой. Вот и все. Они хотят, чтобы люди начали отрекаться, каяться, клепать друг на друга и пр.

Писать я ничего не собираюсь, не чешутся руки, по совершенной обыденности всего происходящего.

К тому же их интерес — не мы, не я, а члены партии.

А что мною написано — т.е. месяца 2 назад, Алигер в новом виде — то написано. И точка.

Умер Лева Ландау. Оно и хорошо — и очень все же будит память[1].

Из Политехнич<еского> Института в Ленинграде (где работал Митя) я получила просьбу прислать им Митин портрет. Они вешают 19 портретов наиболее выдающихся физиков, работавших у них. И его.

Все идет своим чередом.

Распорядись, когда мне приехать. Я очень хочу. А главное — выздоравливай... Но я не настырничаю (как Диана, Будберг[2] и пр.). Могу и не ехать, а ждать Переделкина.

Целую тебя.

Л.

3/IV 68.

См. на обороте.

P. S. Сейчас я получила письмо от Пантелеева: Детгиз собирается выпустить трехтомное собрание его сочинений. Это, конечно, радость. Он спрашивает — не согласился бы ты дать в виде вступления свою статью о нем? «Мускулатуру таланта» (которую ты, вероятно, собираешься печатать и у себя в Собрании)? Если ты согласен — Ал<ексей> Ив<анович> даст знать в Детгиз — и Детгиз к тебе обратится.

Черкни мне про это.

Л.

[1]Лев Давыдович *Ландау* (1908—1968), физик-теоретик, академик, лауреат Нобелевской премии. В 30-е годы дружил с М. П. Бронштейном и даже писал вместе с ним учебник. В апреле 1938-го был арестован и год провел в тюрьме. Освобожден в результате хлопот П. Л. Капицы после замены Ежова на Берию. Пришел к Л. Чуковской и рассказывал, как его били на допросах. В своей книге «Прочерк» Л. Чуковская вспоминала: «Показался он мне таким же, как прежде, хотя и упомянул, что на следствии повредили ему два ребра. Впрочем, он быстро оборвал свой рассказ об избиениях, щадя то ли меня, то ли себя самого, более о себе не говорил» (Сб.-1, с. 249—250).

После реабилитации М. П. Бронштейна «Солнечное вещество» было переиздано (М., 1959). Предисловие к книге написал академик Л. Ландау.

В середине 60-х годов Ландау попал в тяжелую автомобильную аварию и долго, мучительно болел перед смертью.

[2]Мария Игнатьевна *Будберг* (1892—1974), секретарь М. Горького, гражданская жена Г. Уэллса. Приезжая в Россию, Мария Игнатьевна бывала у Чуковского в Переделкине. Они были знакомы со второй половины 10-х годов. Именно Чуковский и познакомил ее с Горьким.

374. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

28 апреля 1968. Москва

28/IV 68

Дорогой дед,
возвращаю тебе Бахнова[1] с благодарностью и хохотом. Прелесть!

Прочитала Белова[2]. Замечательный писатель. Хороша повесть, и хороши некоторые рассказы: «Весна». «На излучине». Я думаю, в чем его сила? Он пишет о людях, преимущественно дурных — но всегда как о людях, т.е. о существах с духовной жизнью. Деревня у него такая или сякая, но одухотворенная. Потому *его* вещи, посвященные деревне, я хочу читать, а, напр<имер>, Абрамова[3] — очень резкие и левые — не хочу.

Беспокоюсь и беспокоюсь о твоем здоровье <...>.

Очень хочу снова к тебе приехать — когда позовешь.

Целую тебя.

Л.

[1]Владлен Ефимович *Бахнов* (1924—1994), писатель-сатирик.

[2]Василий Иванович *Белов* (р. 1932), писатель.

[3]Федор Александрович *Абрамов* (1920—1983), писатель, его роман «Две зимы и три лета» был только что напечатан в «Новом мире» (1968, № 1—3).

375. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 мая 1968. Москва

14/V 68

Дорогой дед.

Посылаю тебе корректуру статьи[1].

Прочитала ее из-за каторжного шрифта с болью и резью — оттого натворила такую мазню.

Пожалуйста, контролируй меня.

Цитат на этот раз НЕ проверяла. Пусть бы Кл<ара> Изр<аилевна> по «Бегу» проверила.

Мои замечания, вопросы и пр. ты увидишь в тексте.

Перечисляю их в этом письме. <...>

Стр. 31 — Тут тебе придется обдумать примечание заново. Тут все сложнее, чем мы полагали. Это посвящение формально относится к Князеву — а в глубине — к О. Мандельштаму, т.е. к обоим[2]. В первоначальных вариантах «Поэмы» оно было посвящено О. М. (и мне так читалось, есть у меня запись), и от этого первоначального варианта остались 2 следа в тексте:

1) дата написания — 27 декабря — день смерти О. М<андельштама>; и слова — «Я к смерти готов»[3] — его слова (она их цитирует в воспоминаниях о нем). Что тут сделать? А сделать что-то надо, п<отому> ч<то> о двойном смысле уже говорено в печати!

А м<ожет> б<ыть>, оставить как есть, но с моей добавкой, п<отому> ч<то> иначе выходит, будто она *в посвящении* цитирует его двустишие? А оно ведь к IV главе эпиграф[4].

М<ожет> б<ыть>, выкинуть из твоего текста слова — «Я к смерти готов»? Раз они были сказаны не В<севолодом> К<нязевым>?

Стр. 32 — Нельзя сказать — «первые части поэмы».

Частей в поэме три.

В первой части (единственной, увы! о которой ты пишешь!) четыре главы.

Почему «*все* повествование» проникнуто «чувством конца»? Не все; в III части — Эпилог — говорится не о конце, а о 37 годе, о войне и о великой Победе. Во II части — «Решка» — о творчестве и мн. др. Почему же *все* повествование? Одна лишь I часть...

Стр. 36

Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста, —

почему это *невозможная* надежда?

Это ведь Гость из будущего, сэр Исайя, который пришел в 45 г., повернув налево с моста (Симеоньевского). Надежда осуществилась... Он

Человек, что не появился
И проникнуть сюда не мог —

верно (в 41 году); а вот

С тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год —

это уж<е> не о нем, о ком-то прежнем, кого в 41 г. «собирались простить».

Стр. 4

Как на грех, именно старинные подсвечники и ларец XVI века остались при ней до конца жизни, до последнего дня. В ларе она держала книги, между подсвечниками сидела за столом в Комарове. Надо другое.

Стр. 5

Что значит: близкие и дальние друзья? М<ожет> б<ыть>, сказать:

для близких и друзей

Стр. 8

Что значит

— Он пишет так, как будто у него за спиной была жизнь?

Т.е. была эта жизнь? Нет? Он тщится так писать? М<ожет> б<ыть>:

— Он пишет так, будто у него за спиной *и в самом деле* была жизнь?

Иначе непонятно, чем она недовольна. Ведь это хорошо, когда была жизнь.

Стр. 11

«Четки» ведь не первая книга

Первая — «Вечер»

Стр. 24

Фет ужасен «весь сердца *пыл* к нему летит, раскинувши *объятья*»[5]? Что за чушь? И почему «Но»? Нельзя ли из этих стишков взять только 2—3 строки — про шуршанье?

Вот, кажется, все.

Пожалуйста, не спеши, п<отому> ч<то> ведь и я, и Э<мма> Г<ригорьевна> будем еще долго читать книгу насквозь.

Прочитав свое, пришли *мне*, а не им — я отошлю вместе.

Книга абсолютно изгажена вульгарными, глупыми картинками, изображающими «красоты Л<енингра>да». Я буду протестовать (показав их тебе)[6].

Холод спас мне жизнь. Я от жары помирала.

Но ты не простудись гляди.
Целую тебя.

Л.

Еще: не пожертвовать ли на стр. 24 реакционностью Достоевского? Нужна ли она?

Стр. 39. Почему VI глава единственная без названия?

[1]Речь идет о вступительной статье К. И. для сборника стихотворений Анны Ахматовой, издаваемого Лениздатом. Постраничные замечания Л. К. сделаны по рукописи (указаны страницы машинописного текста). Эти замечания можно разделить на три группы: 1. Мелкие, постраничные исправления опечаток (они исключены). 2. Замены, смысл которых понятен непосредственно из письма. 3. Принципиальные поправки, которые нуждаются в пояснениях (см. ниже).

[2]Л. К. имеет в виду первое «Посвящение» к «Поэме». Оно было написано в самом начале, и сперва над стихами стояло «О. М.» (т.е. Осипу Мандельштаму). В середине 50-х годов Ахматова вместо О. М. поставила В. К. (Всеволоду Князеву). Однако после этой замены в самóм посвящении остались строки, относящиеся к Мандельштаму. Как считала Л. К., «там и ресницы — его, и черновики — его, и снежинка, думаю,— тоже его» (См.: Лидия Чуковская. Дом поэта // Сб.-2, с. 205).

[3]*Я к смерти готов* — слова О. Мандельштама, которые вошли в «Поэму» (Ч. I. Гл. 1).

[4]*...будто она в посвящении цитирует его двустишие* — речь идет о двустишии Вс. Князева, которое стало эпиграфом к «Главе четвертой и последней».

[5]*Фет ужасен...* — Речь идет о строках из поэмы «Студент» (строфа XXII), которые цитирует К. И.:

О сладкий, нам знакомый шорох платья
Любимой женщины, о как ты мил!
Где б мог ему подобие прибрать я
Из радостей земных? Весь сердца пыл
К нему летит, раскинувши объятья,
Я в нем расцвет какой-то находил.
Но в двадцать лет — как несказанно дорог
Красноречивый, легкий этот шорох!

(См.: Корней Чуковский. Анна Ахматова // Собр. соч. Т. 5, с. 741.)

[6]Письмо с таким протестом было послано, и картинки сняты (см. письмо **415**).

376. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

17 июля 1968. Москва

Дорогой дедище, ты напрасно беспокоишься — мне не хуже, а лежу как в раю. Мы потому тебе не звонили и не писали, что еще ничего не ясно. Люша гениально организовала анализы, но ответов еще нет — и писать нечего. Надеюсь, что ответы будут завтра, и врачи. Тогда и прояснится (если не затемнится).

Сердце побаливает, но не остро. t^0 нормальная днем, вечером 37.4.

Прочла тебя о Паустовском в «Лит<ературной> Газете» и подумала: как хорошо написал дед! [1] Как сердечно, точно, тонко и умно. А оказывается, было еще лучше. Вот скоты. Всегда скоты. И в некрологи лезут руками.

Привет Кл<аре> Изр<аилевне>, Тане, Ане, Мите и Феофилакту Косичкину[2] («ты уже выздоровела»)?

Увидишь Лидию Як<овлев>ну[3] — поклонись ей.

Пожалуйста, не беспокойся. Я уверена, что все это — обострение аритмии, не более, а с этим я справлюсь.

Не бо-лей!

Как Пантелеев? Хотелось бы прочесть — очень.

Написал ли ты Друяну. О Бродском[4]?

Обнимаю тебя.

Л.

17/VII 68 Москва

[1]Речь идет о статье К. Чуковского «Горькая утрата: [Памяти К. Паустовского]» («Литературная газета», 17 июля 1968).

[2]*Аня, Митя* — Анна Владимировна *Дмитриева*, многократная чемпионка СССР по теннису, впоследствии спортивный комментатор телевидения, жена внука К. И. — Дмитрия Николаевича Чуковского. Аня и Митя с детьми жили на переделкинской даче.

Кого Л. К. шутливо именует Феофилактом Косичкиным, установить не удалось. (Может быть, это правнучка К. И., двухлетняя Мариночка, которая ходила со смешными косичками.) Пушкин подписывал этим именем свои антибулгаринские статьи.

[3]*Лидия Яковлевна* — Гинзбург.

[4]22 июня Лениздат направил такое письмо: «...мы сочли необходимым снять четверостишие «За такую скоморошину» (Из «Вереницы...»), эпиграф Иосифа Бродского «Вы напишете о нас наискосок...» к стихотворению «Последняя роза», три строки из X строфы «Решки» и кусок из «Эпилога», начиная со строки «А за проволокой колючей» и кончая строкой «А за мной худая слава шелестела». Протесты против этих купюр см. примеч. 2 к письму **378** и примеч. 1 к письму **415**.

377. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

18 июля 1968. Москва

Суббота, 18/VII 68

Дорогой дед.

Раз ты о нем знаешь, посылаю тебе свой последний опус. Он имеет успех, хотя, на мой взгляд, не удался и болезнь сказалась

на нем. Он растянут и нестроен. В нем несколько тем сразу, и я не справилась с узлом.

Однако, я думаю, он полезен, п<отому> ч<то> сообщает необходимые сведения, в противовес Литературкиной брехне[1].

Люша привезет тебе также письмо Твардовского к Федину. Написано оно не очень, без полета, но содержательно и задушевно. Обрати внимание в конце на один из последних абзацев: оказывается, у него остановлен V том Собрания Соч<инений> из-за упоминания о Солженицыне!

Мне только не нравится его *елейность* в обращении с Конст<антином> Ал<ександровичем>. Тон письма Каверина мне гораздо более по душе. Но тут цели разные, я понимаю. Твардовский надеялся его уговорить, умаслить.

Получил ли ты наше вишневое варенье? Оно без косточек и, по-моему, очень вкусное.

Теперь просьбы и вопросы:

1) Попроси, пожалуйста, Зою Семеновну[2], *когда она у тебя будет*, выписать мне Digoxin. Она сама мне предложила, а я, по дурости, отказалась. Я думала, его у меня запасы, а он уже кончается.

2) Не ответил ли тебе чего-нибудь Друян насчет твоей просьбы сохранить в книге эпиграф из Бродского?

3) Получила ли Мария Сергеевна мое письмо? Стихи ее просто чудо, мне говорили про них С. Я. и А. А., но сама я убедилась только теперь. И у такого поэта ни одной книги до 60 лет! Какое изуверство, зверство, какое обкрадывание читателя[3].

Между прочим, если она еще не сразу уезжает и будет дней 5 в Переделкине — дай ей прочесть мои «Записки об Ахматовой». Мне это очень важно — но в городе никак не удается «по техническим причинам».

О моем здоровье расскажет тебе Люша. Писать скучно.

Люшенька уезжает — ура! ура! ура!

Целую тебя

Л.

[1]Речь идет о статье Л. Чуковской «Ответственность писателя и безответственность “Литературной газеты”» (См. сб.: Слово пробивает себе дорогу. М., 1998, с. 359—370). Эта статья в защиту А. Солженицына — ответ на редакционную статью в «Литературной газете» от 26 июня 1968 года под названием «Идейная борьба. Ответственность писателя».

[2]*Зоя Семеновна* — Пермякова, лечащий врач К. И. из Кремлевской поликлиники, куда Л. К. не была прикреплена.

[3]Мария Сергеевна *Петровых* (1908—1979), поэт, переводчик, друг Анны Ахматовой. Одну из своих книг А. А. надписала так: «Другу в радости и в горе, светлому гостю моей жизни, Марии Сергеевне Петровых. Ахматова с любовью...» («Записки». Т. 2, с. 681).

378. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

25 июля 1968. Переделкино[1]

Прости меня, Лидочка, я нечаянно вскрыл письмо, адресованное тебе.

О Бродском написал лишь вчера[2].

Лекарство добудем, чуть приедет Зоя Семеновна!

Целую!

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: «Дед. 25/VII 68».

[2]*О Бродском написал лишь вчера* — протест в Лениздат против снятия эпиграфа из стихов Бродского к стихотворению Ахматовой «Последняя роза». — *Примеч. Л. Чуковской.*

К этому времени свой протест против снятия эпиграфа из Бродского и против цензурных купюр в «Поэме» Л. К. уже послала и уже получила ответ от издательского редактора Б. Друяна от 8.7.68:

«Редакция сознательно пошла на то, чтобы сделать некоторые купюры в «Поэме без героя», — писал Б. Друян. — Лениздат — не частное издательство, а орган Ленинградского ОК КПСС, проводник политики нашей партии, которая справедливо считает, что в создавшейся ситуации (особенно после апрельского Пленума ЦК) острая и больная тема сталинских лагерей не может эксплуатироваться до бесконечности. Да, те страшные годы не выкинешь из истории, но не они определяют смысл и содержание нашего тревожного времени.

Вот почему редакция сочла необходимым снять лагерные строки в поэме Ахматовой. Это вопрос не столько поэтический, сколько политический.

Теперь по поводу снятия эпиграфа к стихотворению Анны Ахматовой. Этот вопрос тесно связан с первым. До тех пор, пока Вы нам не разъяснили, кто скрывается под инициалами «И. Б.», мы не думали снимать эпиграф. Теперь, когда авторство установлено, издательство решительно не может оставить его. К Бродскому в Ленинграде совершенно определенное отношение. Он настолько скомпрометировал себя публичным чтением антисоветских стихов, что партийное издательство, каковым является Лениздат, совершило бы политическую ошибку, если бы не сняло его эпиграф. Даже высокое мнение Анны Андреевны о стихах Бродского не может служить в данной ситуации пропуском для него в книгу, выпускаемую нашим издательством.

Я понимаю причины Вашего беспокойства по поводу решения редакции снять некоторые строки в книге Ахматовой. Однако другого выхода нет, компромисса быть

не может, поскольку, повторяю, наши расхождения имеют не литературную, а политическую основу.

Вы проделали большую работу по подготовке текстов А. А. к печати. Но окончательное решение публикации тех или иных текстов принимает издательство. Позицию Лениздата я и хотел Вам разъяснить» (Архив Л. К. Чуковской).

Вмешательство К. Чуковского не помогло: эпиграф Бродского и лагерные строфы Ахматовой были сняты.

379. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

29 июля 1968. Переделкино

29/VII 68

Дорогая Лида!

Шестой том — это моя рана, которая кровоточит день и ночь. Выбросили даже статью о Короленко, даже «Жену поэта», даже обзоры за 1907, 1908 и 1911 годы[1].

В среду ко мне приедет Бонецкий[2] из Гослитиздата (вместо Софы); если я не столкуюсь с ним, я прибегну к той мере, какую рекомендуешь Ты[3].

Очень волнует меня твое нездоровье. Температура 37.7 и РОЭ 69 — откуда это? Неужели у врачей нет даже гипотезы о причинах этой напасти? Хорошо ли осветил тебя рентген?

Ваня Халтурин поправляется. Речь чистая, начинает ходить и читать.

Мое «Высокое искусство», моя «Чукоккала» и «Вавилонская башня» — заморожены.

Целую Тебя!

Дед

Посылаю Тебе увеличительное стекло от Айви.

[1]24 июля Чуковский пишет в своем дневнике: «Пришла Софа Краснова [издательский редактор Собрания сочинений. — *Е. Ч.*]. Заявила, что мои «Обзоры», предназначенные для VI тома, тоже изъяты. У меня сделался сердечный припадок. Убежал в лес. Руки, ноги дрожат. Чувствую себя стариком, которого топчут ногами.

Очень жаль бедную русскую литературу, которой разрешают только восхвалять начальство — и больше ничего» (Дн.-2, с. 452).

[2]Константин Иосифович *Бонецкий* (р. 1914), зав. редакцией литературоведения издательства «Художественная литература».

[3]*...прибегну к той мере, какую рекомендуешь Ты.* — Я советовала с протестом против цензурного разбоя в Собрании Сочинений обратиться к Брежневу или Косыгину. — *Примеч. Л. Чуковской.*

380. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

2 августа 1968. Переделкино

2 авг.

Лидочка!

Я безумно рад, что температура упала. Надеюсь, что и РОЕ (или РОЭ) поведет себя более учтиво. И снова пристаю к Тебе с вопросом: не нужны ли тебе деньги? <...>

Бонецкого жду сегодня в полном вооружении[1]. Ни «Вавилонская башня», ни «Высокое искусство», ни « Чукоккала»[2], ни VI том не сдвинулись с мертвой точки.

Если знаешь результаты нового анализа крови, сообщи, пожалуйста.

Целую

Дед

[1]Визит Бонецкого описан в дневнике Чуковского: «Подготовили 6-ой том к печати — вместе с Вл. Ос. Глоцером и ждем Бонецкого вместе с Софой. Они прибыли ровно в 4. Я разложил на столе все статьи изувеченного тома. И тут Бонецкий произнес потрясающий монолог: оказывается, я обязан написать предисловие о том, что я долгим, извилистым, «сложным и противоречивым» путем шел в своей писательской карьере к марксизму-ленинизму и, наконец, пришел к этой истине, что явствует из моих книг «Мастерство Некрасова» и т.д.

А в этом томе я печатаю статьи, ошибки коих объясняются тем, что марксизм-ленинизм еще не осенил меня своей благодатью.

Эта чушь взволновала меня. Сердце мое дьявольски забилось. И я, наговорив всяких глупостей, прочитал написанное мною предисловие к VI тому, над которым мы столько трудились вместе с Марианной Петровной и Глоцером. К моему изумлению, приверженец Маркса и Энгельса вполне удовлетворился моим предисловием и сказал:

— Это как раз то, что нам нужно!

«Обзоры» мои остались неприкосновенны, нужно только выбросить из них упоминание о горьковской «Матери»,— maman, как игриво выразился Бонецкий.

Дальше оказалось, что многого в этом томе он не прочел и говорит лишь понаслышке. Мою статью «Литература в школе», забракованную Софой, теперь признали вполне пригодной. Вообще оказалось все зыбким, неясным, но «Короленко», «Кнутом иссеченная Муза», «Жена поэта» полетели теперь вверх тормашками.

Потом Бонецкий стал рассказывать анекдоты, подали закуску и коньяк, и мы благодушно отправились гулять по Переделкину, встретили Нилина, посмотрели здание строящегося Дома творчества и — двоица отбыла, вполне удовлетворенная и собою, и мною» (Дн.-2, с. 454—455).

[2]«Вавилонская башня» была задержана в Детгизе из-за упоминаний о Боге и Иерусалиме, «Высокое искусство» задержано в «Советском писателе» из-за упоминания имени А. Солженицына, «Чукоккала» задержана в «Искусстве» из-за упоминания имени Н. Гумилева.

381. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

3 августа 1968. Москва

3/VIII 68

Дорогой дед.

Вот тебе полный отчет

1) медицинский

2) финансовый

I. Медицина

Температура нормальная три дня.

РОЭ 60. (А было 67.)

Коневский[1] велел продолжать пенициллин и стрептомицин. И ты знаешь, кто меня колет?

Люша! <...>

II. Финансы

У меня на книжке лежат деньги, которых, по моим расчетам, может хватить еще месяца на 2—3. Дальше — обрыв; п<отому> ч<то> мне ниоткуда (кроме Лениздата) никаких денег не следует — и не будет следовать, — п<отому> ч<то> кроме ахматовских дневников я сейчас не делаю ничего, а за них будут платить Мариночке[2] в 2006 году, да и то вряд ли.

Вот и все.

Целую тебя.

Л.

P. S. О твоем свидании с Гослитом не спрашиваю, т.к. надеюсь, что ты мне уже написал.

[1]Виктор Абрамович *Коневский*, врач-кардиолог, сотрудник поликлиники Большого театра.

[2]*Мариночка* — Марина Дмитриевна Чуковская (р. 1966), правнучка К. Чуковского.

382. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

16 августа 1968. Переделкино

Авг. 1968

Лидочка!

Был у меня на днях детский писатель Жак из Ростова-на-Дону. Войдя в комнату, он торжественно сказал:

— К тому чувству уважения, которое я с детства привык питать к вам, теперь прибавляется чувство благоговения перед вашей дочерью: какой талант! какое благородство!

Я выпятил губу и важно сказал:

— Это *я* научил ее азбуке. Когда ей было четыре года, *я* учил ее писать.

Примазался к твоей славе.

Слышу, что тебе полегчало. Температура будто бы спáла. А как РОЭ?

Пожалуйста, черкни мне два слова.

Целую Тебя и Люшу.

Дед

Никак не удается написать что-нибудь путное о «Нашей Маше»[1].

Ване Халтурину лучше.

[1]*«Наша Маша»* — книга Л. Пантелеева.

383. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

6 сентября 1968. Москва

6/IX 68

Дорогой дед.

Когда я заметила на столе конверт со штампом «Сов. Писатель», я — вспомнив о твоих словах мне, что ты будешь требовать «предписания», — схватила и прочла письмо[1]. (Оно было не запечатано.)

Узнаю свою любимую гадину Карпову[2]! Как я счастлива, что больна и не вынуждена ее видеть!

Разве это предписание? Это соловьиная песнь любви и дружбы!

Письмо составлено так, будто ТЫ всю жизнь мечтал заменить страницы — и вот, наконец, дождался этой возможности.

Нету главного: объяснения причины, ПОЧЕМУ надо заменить страницы? И *кто* настаивает на замене?

Нету главного: *если* Вы не замените — мы *не* выпустим книгу...

Гнусная, продажная, хищная, хитрая сволочь. Все вывернула наизнанку.

Всегда с улыбкой. Она и яд в рюмку подсыпала бы с улыбкой.

Письмо написано так, что даже догадаться нельзя, о чем и о ком идет речь. Большое искусство!

Для больницы у меня все готово <...> Ровно ничего не делаю, даже почти не читаю. Теперь слушать бы — но и слушать нечего: оккупация эфира[3].

Я рада была бы, если бы у меня оказался tbc: по крайней мере, все стало бы понятно. (Кроме одного, разумеется: как быть? Впрочем, говорят, существуют какие-то лекарства.) <...>

Л.

[1]В книгу К. Чуковского «Высокое искусство» входила главка о переводах «Одного дня Ивана Денисовича» на английский (см.: Соч. Т. 3. 1967, с. 379—383). По мере того, как травля А. Солженицына набирала обороты, все шире распространялся запрет на упоминание его имени в печати. То, что удалось напечатать в 1967 году, в 1968-м оказалось невозможным. В Дневнике К. И. появилась запись: «*23 мая*. Вечером приехала Елена Ник. Конюхова от «Советского писателя» уговаривать меня, чтобы я выбросил из своей книги упоминание о Солженицыне. Я сказал, что это требование хунвейбинское, и не согласился». К. И. предложил издательству прислать ему «предписание», заявить свое требование в письменном виде.

Очевидно, в письме Л. К. речь идет именно о таком «предписании».

[2]Валентина Михайловна *Карпова* (р. 1915), главный редактор издательства «Советский писатель». Она сыграла весьма неприглядную роль в ходе суда Л. К. с издательством по поводу «Софьи Петровны». Подробнее см.: Лидия Чуковская. Процесс исключения // Соч.-2. Т. 2, с. 9—10.

[3] Намек на глушение западных радиостанций, которое резко усилилось после вторжения в Чехословакию войск Варшавского договора 21 августа 1968 года.

384. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

12—13 сентября 1968. Больница МПС[1]

12/IX 68

Дорогой дедище, у тебя было живое письмо от меня — Люша, — но на всякий случай пишу и сама.

Пока ничего нового, повторяют те же анализы, что делали дома, а результаты мне пока неизвестны. <...>

Про тебя здесь спрашивают решительно все — врачи, сестры, сиделки; все мои аналитические процедуры идут под расспросы о тебе: берут кровь из пальца — о тебе, из вены (другая сестра) — о тебе; изучают зрение — о тебе; считают пульс — о тебе. Я сообщаю это с гордостью, п<отому> ч<то> спрашивают сердечно,

уважительно, с добротой, с хорошими улыбками, как о каком-то своем человеке — родственнике, что ли. И как о чем-то счастливом для них, веселом.

Я думаю, это оттого, что они сами тебя полюбили, их никто не заставлял. Сами нашли и полюбили. И потом, думая о тебе, они одновременно думают о своих детях.

Вот. Живи и радуйся.

И напиши мне о своих трудах.

И о Ване. И о Копелевых. И о девочке.

Кланяйся Кл<аре> Изр<аилевне>.

Если утром будут новости — припишу.

Л.

13/IX Утро

[1]Письмо написано из 2-й Железнодорожной больницы, куда Л. К. положили на обследование.

385. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Около 12 сентября 1968. Переделкино[1]

Дорогая Лида.

Я рад, что наконец-то началось Твое настоящее лечение. Спасибо тем, кто поместил Тебя в отдельной палате с тамбуром! Мало-помалу я привык к судьбе моей « Чукóккалы», «Библии», VI тома и прочих книг — и мне стало легче. «Сижу и околеванца жду»[2] — самая приятная позиция. Я, кстати, простудился: горло, насморк. О тебе думаю день и ночь. Верю Твоим врачам. Убежден, что они найдут причину Твоей хвори — и поставят точнейший диагноз. А диагноз — половина лечения.

В Дом Творчества я не хожу, вижу только Леву, Раису и Марию Сергеевну.

Предлагал Люше денег, она говорит: *«пока не нужно»*. Виктор Федорович[3] вчера устроил себе выходной, и я не получил Твоего письма.

Знаю, что в понедельник Тебе предстоит операция, и очень прошу, чтобы мне сейчас же позвонили — о твоем самочувствии. Говорят, что во вторник уже будут известны результаты операции. *Пожалуйста, не уезжай из больницы, живи там возможно дольше.* Я очень жалею, что не могу навестить Тебя.

Дед

Получил Твое письмо! Привет всем врачам и сестрам!

[1]Датируется по содержанию и по дате предыдущего письма.
[2]Слова Лебедева в чеховской пьесе «Иванов» (действие второе, картина IV).
[3]*Виктор Федорович* — Емельянов, шофер К. И.

386. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

После 16 сентября 1968. Переделкино[1]

Лидочка!

С нетерпением жду диагноза. Все говорят, что операцию Ты вынесла героически — словно ее и не было. Выяснила ли Ты имена *детей* санитарок, сестер, врачей, коим я должен прислать «Мойдодыров»? А также имена тех взрослых, которых надо отблагодарить «Чеховым», «От двух до пяти» и т.д.

Я написал статейки о Тургеневе, об «Алисе в волшебной стране», о Туманяне[2], — довольно склеротические. А сейчас — впервые — у меня опустились руки, и я ничего не пишу, ничего не читаю. Послал в Гослит гневное письмо по поводу Шестого тома — и забросил перо. Нянчу правнучку. Навещаю Ваню Халтурина. Он поправляется, гуляет в саду. Принимаю гостей — Гребнева, Берестова, Бахнова.

Есть ли какие-нибудь сведения об однотомнике Анны Андреевны?

Изредка заходит ко мне Мария Сергеевна. Она шлет Тебе горячие приветы.

Клара просит передать тебе поклон. Передаю.

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: «Мне в больницу после операции, т.е. после 16/IX 67».
[2]...*о Тургеневе* — «Тургенев в Оксфорде» («Литературная Россия», 11 октября 1968); об *«Алисе в волшебной стране»* — «Победителей не судят...» (там же, 20 сентября 1968), о *Туманяне* — «...И первой первая любовь» (там же, 25 апреля 1969).

387. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

18 сентября 1968. Больница МПС

18/IX 68

Дорогой дед.

Пишу несколько наспех.

Имена, отчества и имена детей *собираю* и скоро пришлю тебе «список награжденных» — кого чем.

Я чувствую себя сносно. Операция длилась 35 м. <...> Хирург был виртуоз.

Не верю, что ты надолго забросил перо. А на время — отдохни.

Привет маме Кларе, Ване и М<арии> С<ергеевне>.

Целую тебя.

Л.

388. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 сентября 1968. Больница МПС

23/IX 68

Клиника, палата 205

Дорогой дед.

Сегодня у меня большой день. Вот и пишу тебе сразу отчет.

Первое — сняли швы. Пришли хирургические сестры ко мне в палату и с ними хирург и тут же, в кровати, сняли швы. Теперь только наклеечка, которую, говорят, я через 3 дня сама могу выкинуть.

Второе — пришла Евг<ения> Петровна, мой лечащий врач, сказала, что ответ получен и что обнаружен tbc. <...>

По всему по этому, я думаю, пора начинать разворот с книгами.

На обороте прочитай список награждаемых. <...>

389. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

23 или 24 сентября 1968. Переделкино

Дорогая Лида. Поздравляю Тебя на этой чудесной бумаге с великолепным и счастливым диагнозом. У меня камень свалился с души. Да здравствует профессор Кассирский и вся руководимая им славная когорта врачей!

Ты спрашиваешь меня о моих микроскопических делах и делишках. Увы, 6-й том все еще у меня на столе. Издательство обязано дать подписчикам 35 листов, но оно же изъяло 8 и требует, чтобы злосчастный автор заменил их каким угодно барахлом. Потребовали «Чукоккалу», причем отказались от моих статей о Мандельштаме, Гумилеве, Евреинове, Замятине, входящих в эту книгу, а требую<т> все того же Горького, Куприна, Маяковско-

го. Возникло предложение дать мои переводы из Киплинга, О. Генри, Уайльда. Это требует новой работы: сверки всех переводов с подлинниками.

Требует работы и «Вавилонская Башня». Сижу и порчу свое предисловие к ней.

Внезапно Гослитиздат затребовал мои переводы из Walt Whitmana'a. Сижу и сверяю с подлинниками. Невеселая канитель.

С «Высоким искусством» все по-старому. На змеиное письмо К<арповой> я не ответил. Говорят, что решено рассыпать набор. Я пробовал внести требуемые ими поправки, но рука не повернулась, и вместо этого я написал к тургеневскому юбилею «Тургенев в Оксфорде».

О тебе слышал, что Ты сочинила статью о Цветаевой (versus Orloff[1]). Я никак не могу заставить себя читать эту поэтессу. Сразу попадаю в атмосферу ненавистного мне неряшества. Очевидно, больница очень уж хороша, если Ты (*после операции*) можешь заниматься здесь литературой. Какое счастье, что такая больница существует — единственная на весь Советский Союз!!!

Житье с Митей и Аней очень облегчило мою душу. Оба они отличные люди. Маринка радует меня ежечасно. В Доме Творчества не был три недели. Жду списка врачебных детей и внуков. Целую Тебя и очень хочу знать, какой курс лечения назначат Тебе врачи.

Дед

[1]*versus Orloff* — через Орлову (*лат.*). Вероятно, речь идет о Раисе Давыдовне Орловой, которая навещала Л. К. в больнице.

390. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Около 28 сентября 1968. Переделкино[1]

Дорогая Лида!

Всем сестра́м по серьгам. Я готов обслужить своими книгами всех сторожей и судомоек больницы за то добро, какое она принесла Тебе.

Не могу писать Тебе подробно, так как сегодня приезжает Софа[1] — по поводу VI тома и мне нужно подготовиться к встрече.

Сижу за столом по 10—12 часов. И благодарю Бога за эту возможность.

Сегодня будет у меня Ася Берзер[2], и я узнаю, что мне делать с «Высоким искусством».

Карпова утверждает в новом письме, что типография намерена рассыпать набор.

Я рад, что ты едешь домой, а не в диспансер.

Всю оплату лечебны<х> расходов я беру на себя.

Дед

[1] *Софа* — Софья Петровна Краснова (1919), издательский редактор Собрания сочинений.

[2] *Ася Берзер* — Анна Самойловна Берзер (1917—1994), заведующая отделом прозы «Нового мира»; о ее роли в печатании «Одного дня Ивана Денисовича» см.: А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. М., 1996, с. 24—25.

391. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

28 сентября 1968. Больница МПС

28/IX 68. Утро

Еще больница.

Дорогой дед, ну вот, больница кончается — дом начинается. Лежу и жду Люшеньку, а пока раздаю твои книги, ко всеобщему восторгу.

Спасибо тебе за эти подарки. Тебе все благодарны, а я больше всех.

Я еще в самом начале раздачи. <...>

Вчера меня вдруг срочно повели снова на рентген: кому-то не понравилось какое-то ребро. Результатов я еще не знаю, вероятнее всего — ложная тревога. Но добросовестны они чрезвычайно.

Кассирский в последний раз меня очаровал — точен, догадлив, памятлив.

Надеюсь, Анна Самойл<овна> дала тебе какой-нибудь дельный совет в этом мучительном деле. Я пробую думать о «Выс<оком> Иск<усстве>», о VI томе, о Библии — но от бешенства не в силах.

О Цветаевой после.

Целую тебя. Привет Кл<аре> Изр<аилевне>, Ане, Мите и правнучке. Спасибо.

Л.

392. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 октября 1968. Москва

4/X 68

Дорогой дед.

Пожмем друг другу руки в общем горе: книга Ахматовой запрещена. Когда, кем — еще не знаю. Но, к счастью, не из-за нас.

Друян позвонил Эмме Григорьевне и сказал:

«Книга снята *без рассмотрения*».

Стало быть, снова неугоден автор.

Анна Андреевна в таких случаях говорила: «Чему удивляться? Это моя биография. Со мной бывает *только так*».

Берясь за эту работу, мы должны были помнить, чьей судьбе вверяли свои труды.

От этих рассуждений, разумеется, твоего предисловия мне не менее жаль.

Постараюсь что-нибудь разузнать. И тогда напишу. Целую тебя.

Не грусти.

Л.

393. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

10 октября 1968. Переделкино[1]

Дорогая Лида.

Я в суете и в чепухе. Сегодня снимают в кино бедные клочки злополучной «Чукоккалы». Кому это нужно? Во всяком случае, не мне и не Люше.

Если теперь есть точные результаты анализов, сообщи, пожалуйста.

Посылаю Тебе очередную притчу[2].

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: «Дед 10/X 68».
[2]Приложена стихотворная «Сказка о короле и барометре».

394. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

10 октября 1968. Москва

10/IX 68[1]

Дорогой дед.

Получила твое письмо. <...>

Насчет «Чукоккалы» ничего не могу тебе сказать: я совершенно ничего про это не знаю. Но если *тебя снимают* — то это верно хорошо.

Я когда-то просила тебя выслушать Толю и Рейна и согласиться или нет, по *своей* воле. Ты согласился. Потом хвалил их сценарий. (Я его не читала.) Вот и все, мне известное. А что ж теперь-то говорить?

Целую тебя.

Л.

[1]Дата на письме указана неверно. Письмо датируется по содержанию предыдущего и по съемкам «Чукоккалы». Запись в дневнике К. И.: «*Четверг 10. Октябрь.* Снимали меня для Чукоккалы. Ужасно, что эта легкомысленная игривая книга представлена из-за цензуры постной и казенной» (Дн.-2, с. 458).

395. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

11 октября 1968. Переделкино

Лидочка! Спасибо за целительный сок. Когда-то в Ташкенте он спас меня от смерти. У меня начиналась дизентерия. Мама пошла в аптеку. Провизор громко произнес мое имя, принимая рецепт. Один из стоявших в очереди встрепенулся:

— Чуковский? Корней Иваныч?

Оказалось, у него скончался когда-то сынишка с моим «Крокодилом» в руках.

Человек сказал, что лекарство мне не поможет, и принес мне гранатовый сок, изготовленный домашним способ<ом>. Через день я был здоров.

Сейчас мне сок не нужен. Но весело знать, что при первом же заболевании он у меня под рукой.

Сегодня я посылаю в Сберкассу приказ перевести 300 рублей на счет № 70457.

Меня бесконечно радует, что температура у Тебя стала нормальной: неужели началось выздоровление?

Позирование для кино оказалось для меня легчайшим делом, не требующим никаких усилий. Я всегда знал, что подлинное мое призвание — актерство. Qualis artifex pereo[1]!

Соскучился без Люши. Жду ее в Субботу, чтобы она рассказала о Среде, Четверге и Пятнице.

Дед

[1] *Qualis artifex pereo!* — Какой артист погибает! (*лат.*)

396. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

15 октября 1968. Переделкино

Лидочка!

Я получил от доктора Кассирского письмо, который поздравляет меня с тем, что ты выиграла 1 миллион — больше: Ты *выиграла жизнь*, так как у Тебя оказался не

лимфогранулематоз.

а всего только

лимфаденит!

Лия Давыдовна, по его словам, тоже радуется счастливому диагнозу.

Вот.

Стрептомицин очень расслабляет, поэтому (это уже я говорю) во время лечения нужно делать возможно меньше движений.

У меня возобновились бессонницы, не поддающиеся *никаким* снотворным.

Дед

Выйдет ли том, редактируемый Жирмунским?[1]

[1] Имеется в виду том стихотворений Анны Ахматовой, который В. М. Жирмунский готовил для Большой серии «Библиотеки поэта». Книга после многих перипетий вышла лишь через восемь лет, в конце 1976 года, уже после кончины В. М. Жирмунского.

397. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

16 октября 1968. Москва

16/X 68

Дорогой дед.

Спасибо за письмецо.

«У меня возобновилась моя бессонница», — пишешь ты, — могу посочувствовать, п<отому> ч<то> у меня тоже. Уже 2 ночи не сплю, и оттого мне худо. <...>

У Жирмунского *пока* все благополучно, но ведь он еще *не* сдал книгу, сидит над ней. (Пусть подольше сидит.)

Я понимаю, что выиграла жизнь, но мне бы, жадине, хотелось и чуточку здоровья. А то сердце изводит, зрение падает, от тубозида мутит. Сегодня придут врачи из тубдиспансера.

Что же делать с *твоей* бессонницей? С кем посоветоваться? Столько врачей — и не с кем... *Этого* они не умеют.

Целую тебя и желаю тебе сна.

Л.

398. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

21 октября 1968. Переделкино[1]

Лидочка!

Стихи Ахматовой приобщил к архиву.

Спасибо!

Бессонницы мои пришли в норму.

Неужели Маруся покидает Тебя?!?

Не наладить ли нам посылку Тебе наших обедов?

Я составляю свой седьмой (наилучший) том!!![2]

О шестом ни звука! Говорят, в производстве.

Вчера была Фл. с Сережей[3]. Жгли костры, бросали шишки в нарисованную кошку.

В «Новом мире» твоя запись разговора с Маршаком! В которой книжке?[4]

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: 21/X

[2]О седьмом томе см. примеч. 3 к письму **351**.

[3]*Фл.* — Флора Павловна Ясиновская, мать Павла Литвинова, *Сережа* — его сын. — *Примеч. Л. Чуковской.*

[4]Речь идет о публикации: Две беседы С. Я. Маршака с Л. К. Чуковской.

399. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

22 октября 1968. Москва

22/X 68

Дорогой дед.

Посылаю подарок от Пантелеевых, промчавшихся из Венгрии в Ленинград, — бумагу, конверты и даже гусиное перо!

Насчет того, что Маруся меня покидает, слышу от тебя первого. Кто тебе сказал? Если это правда, то мне каюк.

В каком № «Нового Мира» пойдет моя запись — не знаю, забыла спросить[1]. Наверное, в близком, п<отому> ч<то> безбожно торопили с корректурой. Мне, как всегда, очень важно, чтоб она не вышла в искаженном виде — нет, важнее, чем всегда, п<отому> ч<то> это слова С<амуила> Я<ковлевича>, за которые я в ответе! — но если она совсем не выйдет — я не огорчусь. Ахматову выкинули, Мандельштама выкинули, поэтов начала XX века (сб<орник>, составленный Орловым[2]) и многое другое драгоценнейшее — и твой VI том искалечили, — до моей ли тут записи? Черт с ней.

Чему я в самом деле рада — так это твоему VII тому. Вот это правильно. Пусть будет готово — не пропадет. Было бы сделано[3].

И еще радость: великолепные и длиннейшие отзывы на книги А<лександра> И<саевича>. С портретами, с биографией и пр. С разбором художественных особенностей, со словами «великий» и пр. Если бы они догадались дать ему премию!

Ахматовские стихи тебе понравились или не понравились? Из твоей записки нельзя было понять.

На этой неделе будут делать новые анализы <...>

Целую тебя. Будь здоров.

Л.

Мне сказал Ивич (у которого зарезали книгу), что в журнале «Детск<ая> лит<ература>» появилось письмо Баруздина против Пантелеева[4]. Не вообще против — а зачем не так ответил на анкету о Горьком.

[1]Запись появилась в № 9 «Нового мира».

[2]Владимир Николаевич *Орлов* (1906—1985), историк литературы, главный редактор Большой серии «Библиотеки поэта». Речь идет об однотомниках Андрея Белого и Владимира Луговского. См. также примеч. 2 к письму **401**.

[4]Речь идет о «Письме в редакцию» С. А. Баруздина. В этом письме Баруздин возмущается ответами Л. Пантелеева на анкету о Горьком, проводимую журналом к его столетию. Баруздин выступает ни больше ни меньше как от имени литературы и заявляет, что Л. Пантелеев и Ю. Коринец «допустили поразительную бестактность по отношению к Горькому, к нашей литературе в целом, к литературе для детей в частности». Затем он напоминает, что «в сложном мире идет идеологическая борьба, нельзя не видеть и не понимать, кто и почему выступает против Горького, кто и почему выступает за Горького». Ответы Л. Пантелеева на анкету журнала, вызвавшие эту отповедь, см.: «Дружба народов», 1968, № 6.

Атаку Баруздина подкрепила еще и статья «От редакции». В статье было сказано, что Л. Пантелеев свел проблему традиции к подражанию, то есть к эпигонству, и высказано удивление, что «не разобрался опытный писатель».

400. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

30 октября 1968. Переделкино

30/X 68

Лидочка.

Болезнь входит пудами, а выходит золотниками.

Есть ли у Тебя эти золотники?

Я поглощен своим седьмым томом: в нем будут лучшие мои статьи. Эх, хорошо мне когда-то писалось, а я и не подозревал об этом. Не было такого дня, когда бы я был доволен собою, своей работой, и только теперь, через тысячу лет, я вижу, как добросовестно и старательно я работал.

Как Твои записи о Маршаке?

Представь себе, что в Тасмании, в тех местах, где жил Миклухо-Маклай, популярна твоя книжка о Миклухо-Маклае![1] Нет ли у Тебя лишнего экземпляра? Мой экз<емпляр> куда-то пропал.

Понравились ли Тебе яства, изготовленные нашей новой кухаркой? Не повторить ли?

Целую Тебя.

Дед

Не нужны ли тебе конверты — из тех, что прислал мне Пантелеев?

[1]У Л. К. было две *книжки о Миклухо-Маклае* — небольшая брошюра: Л. К. Чуковская. Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: Географгиз, 1948; 1950, 1952; 1954; книга:

Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия / Статьи, ред. текста и примеч. Лидии Чуковской. Художник В. Милашевский. М.: Молодая гвардия, 1947. Книга вышла в серии «Библиотека путешествий» и представляет собой отредактированные, а местами и пересказанные Л. К. дневники Миклухо-Маклая. Вероятно, К. И. имеет в виду именно эту книгу.

401. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 октября 1968. Переделкино

30/X 68

Дорогой дед.

Вчера вечером у меня внезапно появился Жирмунский. Он приехал в Москву на один день на заседание в Академии, а вечером, перед поездом, пришел рассказать о наших ленинградских делах.

Перед отъездом сюда он говорил специально с Хренковым[1] — главным редактором Лениздата.

Вопрос В. М. Ж.:

Что значит — «книга отложена на неопределенное время»? На какое именно?

Ответ Хренкова:

Во всяком случае, до столетия Владимира Ильича.

Вопрос:

Заматрицируете ли Вы ее?

Ответ:

Вероятно, да.

Вопрос:

Произошло ли все по инициативе издательства или сверху?

Ответ:

Я специально ездил в Москву и вместе с Сурковым обращался наверх с просьбой разрешить нам эту книгу. Нам отказали.

Далее: по словам Виктора Максимовича, в Ленинграде распространился слух, будто ты написал письмо в ЦК:

«Пусть будут сняты имена мое и моей дочери, если это надо для выхода книги Ахматовой».

Правда ли это?

Я сказала В<иктору> М<аксимови>чу, что, вероятно, неправда — иначе я знала бы об этом.

Со своей же книгой Жирм<унский>поступил мудро: прежде всего просил, по болезни, отложить срок сдачи. Статью сейчас писать не станет, а все силы кинет на окончание подготовки текста и комментариев. Главное — подготовить хороший текст. Если к моменту сдачи книги (летом) погода не улучшится — предложит, чтобы предисловие писал кто-нибудь другой. Если будут придираться к тексту — вернет аванс, расторгнет договор и отдаст подготовленный текст в Пушкинский Дом.

Подробно рассказал, как снимали Орлова[2].

Председательствовал сам Толстиков[3].

Делал доклад о «Библ<иотеке> поэта» крупный ленинградский прохвост — Выходцев[4].

Орудовал надерганными цитатами из предисловий...

Орлов вообще вел дело неправильно, выбирая авторов односторонне: Цветаеву, Заболоцкого, Мандельштама.

Главные преступления: Гумилев в сборниках 1) составленном Эткиндом, 2) составленном Орловым.

Сборник Орлова уничтожается, из сборника Эткинда выдирают кусок предисловия; все переводы Гумилева заменяют Лозинским и Маршаком.

На Эткинда гнев — его велено отставить от профессорства[5].

Для заседания была подготовлена резолюция, более мягкая, где Орлову и его сотрудникам должен был быть дан только выговор. Но Толстикова это не удовлетворило, и он предложил всех выгнать. Сборник Орлова и предисловие Эткинда объявлены идеологической диверсией. Гумилев трактуется как английский шпион (!!!).

Одним словом, снова наступила ночь средневековья — надолго ли? Кто знает! И, как всегда, в Ленинграде страшнее всего.

Виктор Максимович думает, что, быть может, Ахматова запрещена только Лениздату: «не дело партийного издательства выпускать Ахматову» — а в других местах она уцелеет.

Но толком ничего не известно.

М<ожет> б<ыть>, знает Сурков — председатель ахматовской Комиссии и друг Хренкова, — но он сейчас за границей, да и не скажет он.

А как подвигается VII том?

Поблагодари, пожалуйста, Клару Ефимовну[6] за чудесные коврижки, которые она нам послала. Я рада, что ты живешь *вкусно*. Кланяйся ей.

Обнимаю тебя.

Л.

P. S.

Дорогой дед, написав тебе письмо и запечатав его, я получила от тебя письмецо — и вот отвечаю.

Поправляюсь я медленно, но поправляюсь несомненно. Сил больше. t^0 нормальная. Сижу на диване, свесив ноги (ранее лежала). Немного хожу.

Работаю над ахм<атовскими> дневниками. Сделала 52—53 гг. Скоро тебе пришлю.

А пока посылаю тебе Миклуху — экземпляр, вернувшийся ко мне после Тусиной смерти.

В существование Тасмании не верю.

Я совершенно одичала без радио. Какая там Тасмания!

Это верно, что ты в молодости писал хорошо. Но теперь ты пишешь хорошо по-другому.

Ответь, пожалуйста, насчет слухов о письме в ЦК.

Целую тебя.

Яствам и конвертам всегда буду рада. Обожаю дары.

[1]Дмитрий Терентьевич *Хренков*, главный редактор Лениздата, в мае 1966 года дважды письменно просил К. И. написать вступительную статью к готовящемуся сборнику стихотворений Анны Ахматовой. При этом он утверждал, что «пригласить Вас к участию в сборнике рекомендовала мне Анна Андреевна» (письмо от 17 мая 1966). Через двадцать лет в статье «Уроки добра и мудрости» (после того как имена Л. К. и К. И. Чуковских исчезли со страниц лениздатского сборника Анны Ахматовой) Д. Т. Хренков напечатал, что изо всех встреч с Анной Ахматовой ему особенно памятна «та, когда Анна Андреевна попросила *меня* написать предисловие к будущей книге» («Нева», 1987, № 10, с. 199).

[2]Владимир Николаевич *Орлов* был не сразу снят с поста председателя редакционной коллегии «Библиотеки поэта». 22 октября произошло заседание бюро Ленинградского обкома с грозной резолюцией. Подробнейшим образом эта история рассказана на страницах книги проф. Е. Г. Эткинда «Записки незаговорщика» в главе четвертой «Дело о фразе» (London: Overseas Publications Interchange, 1977; книга переиздана в России в 2001 году). Суть этого дела в том, что в своем предисловии к составленному им двухтомнику «Мастера стихотворного перевода» Е. Эткинд написал: «В советское время перевод достиг небывалого прежде уровня. Общественные причины этого процесса понятны. *В известный период, в особенности между XVII и XX съездами, русские поэты, лишенные возможности выразить себя до конца в ориги-*

нальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гёте, Орбелиани, Шекспира и Гюго». Фраза, выделенная курсивом, и была объявлена идеологической диверсией.

[3]Василий Сергеевич *Толстиков* — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

[4]Петр Созонтович *Выходцев* (р. 1923), докторская диссертация посвящена вопросам народности в литературе. Автор вузовского учебника «История русской советской литературы», профессор Ленинградского университета. Как пишет Эткинд в своем выступлении на бюро обкома, Выходцев «не пожалел политических нападок и бранных слов» (с. 203).

[5]В ходе скандала из-за фразы Эткинд написал покаянное письмо, фраза была выдрана из всего тиража. В постановлении бюро обкома записали: «Редакцией “Библиотеки Поэта” в 1968 г. был издан двухтомник “Мастера русского стихотворного перевода”, в котором во вступительной статье ленинградского литературоведа доктора филологических наук Эткинда наряду с тенденциозными оценками творчества отдельных поэтов-переводчиков содержится политически вредная концепция, утверждающая, что якобы общественные условия в нашей стране, особенно в годы между XVII и XX съездами, не давали возможности русским поэтам до конца высказать себя в оригинальном творчестве. Такие утверждения автора статьи представляют собой не что иное, как фальсификацию литературного процесса в нашей стране, желание протащить ложное мнение об отсутствии свободы художественного творчества в СССР, исказить объективную картину развития социалистической культуры, бросить тень на советскую действительность... Обязать руководство Педагогического Института им. Герцена обсудить эту грубую политическую ошибку Эткинда на заседании Ученого совета».

Однако звания профессора Эткинда тогда все же не лишили. Это произошло позже, в апреле 1974 года, когда ему среди других прегрешений снова припомнили и всю эту историю.

[6]*Клара Ефимовна* — домашняя работница.

402. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

1 ноября 1968. Переделкино[1]

Нет, Лидочка, никаких я заявлений никуда не делал, ибо понимал, что самум есть самум, и с ним не разговаривают. Бурю не утихомиришь словами. Если бы книга А. А. благополучно прошла, я изумился бы. Это было бы ненормально.

И совсем не случайность, что ни одна из моих самых ходких книг не идет: ни «От 2 до 5», ни «Живой как жизнь», ни «Современники», ни «О Чехове» не включены ни в какие планы 1969 года. Ни «Мастерство Некрасова».

Твой «Миклуха» — прелесть. Изящно, любовно — целый гимн во славу гуманности.

Вчера встретил Евтушенко. Впечатление обаятельной силы. Он придет ко мне на днях.

Конверты, бумагу — и сласти пришлем.

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: «Дед. 1/ XI 68».

403. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

1 ноября 1968. Москва

1/X 68[1]

Дорогой дед, я очень рада, что ты *не* писал письма об Ахматовой и слух, привезенный В. М. Ж., — ложен. М<ожет> б<ыть>, и следует написать письмо об Ахм<атовой>, но еще не сейчас, ибо все непонятно, и уж, во всяком случае, не так, что, мол, снимите наши имена, а ее оставьте... Наши имена ничем не плохи, и нечего подавать такие идеи... Словом, я рада, что ты НЕ писал в ЦК об А. А.

Но я не согласна, когда ты пишешь мне, что это стихия. Какая там стихия, какая буря! Бюрократическая мертвечина, идиотские выдумки, высосанные из пальца от нечего делать.

Я заметила, что стоит мне тебе написать: «у меня установилась нормальная t^0» — как она немедленно повышается. <...>

Будь здоров, целую тебя.

Л.

[1]Дату Л. К. поставила неверно: на самом деле 1.XI.68.

404. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

20 ноября 1968. Переделкино[1]

Лидочка.

Жду рапорта о здоровье.

Посылаю дивную бумагу.

Спасибо за голос А. А.[2].

Дед

[1]На обороте листа рукою Л. К.: «От Деда 20/XI 68».
[2]*...голос А. А.* — пластинка с записью голоса Ахматовой (куски из «Поэмы без героя»). — *Примеч. Л. Чуковской.*

405. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 ноября 1968. Москва

Дорогой дед!

Рапортую наскоро.

Мне лучше. <...>

1) Если тебе уже не нужны бумаги, привезенные Люшей, — пожалуйста, пришли обратно. Если нужны — не присылай, но пусть не потеряются, других нет (письмо Каверина, моя статья в «Лит<ературную> Газ<ету>» и пр.).

2) Известно ли тебе и твоим друзьям и знакомым, что 11 декабря 68 г. А. И. С. <Александру Исаевичу Солженицыну> исполняется 50 лет? Напоминаю тебе об этом столь загодя, чтобы ты говорил всем хорошим людям и давал адрес (а то в книжке неверный) для телеграмм:

Рязань, 12. Проезд Яблочкова, 11, кв. 1.

«Далекое близкое» скоро верну. Перечла с восхищением.

Хороша ли пластинка А. А.?

Целую тебя.

Л.

20/XI 68

Спасибо за бумагу, конверты, картонки!

406. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Поздняя осень 1968. Москва

Дорогой дед.

Посылаю тебе одну выписку из Маршака. М<ожет> б<ыть>, тебе пригодится либо цитата, либо мысль. См. соседнюю страницу!

«Страшные люди в поэзии — фальшивомонетчики. Неумелые не опасны. Опасны искусные. Рославлев писал почти как Блок, а Бенедиктов почти как Пушкин. Обезьяны совсем похожи на лю-

дей, двигаются, как люди; а попугаи и говорят, как люди. Все, как у людей, но не люди. Вот это страшно».

Две беседы С. Я. Маршака с Л. К. Чуковской
«Новый мир», 1968, № 9, стр. 181

Целую тебя.

Л.

P. S. Я думаю, что и каждый *сам в себе* должен бояться обезьяны и попугая!

407. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

4 декабря 1968. Москва

4/XII 68

Дорогой дед!

Посылаю тебе в дар продолжение моих «Записок». Буду твой экземпляр пополнять. А ты прочти пока это и напиши мне.

Знаю, что Юл<иан> Гр<игорьевич> был счастлив получить твое письмо. Его необходимо как-нибудь радовать.

Целую тебя.

Л.

408. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

6 декабря 1968. Переделкино[1]

ПИШУ ЛЕЖА

Лидочка, спасибо за второй том! Несмотря на кажущуюся непринужденность, безыскусственность, это чрезвычайно *искусная* книга, написанная большим художником. Все краткие дневниковые записи, сливаясь воедино, воссоздают *ее* характер, *ее* голос, *ее* мимику, *ее* жесты. Ни одна книга о ней не дает и не может дать и сотой доли того, что дают твои «Записки». Для будущих биографов это клад. Богатство материала огромное.

Сейчас мне трудно писать. Очень устали одряхлелые мозги. Могу только сказать, что Ты *воскресила* Анну Андреевну, и мне кажется, будто я только что расстался с нею — сегодня, час назад.

Теперь мелкие заметки. Где-то ты говоришь «плечей». Нужно «плеч».

На стр. 58 украинское «позавчера». Нужно: «третьего дня».

На стр. 83 «мы прошли вместе». Кажется, нужно: «мы прожили вместе».

На стр. 90 «Златокудрый юноша с золотыми кудрями».

Забавно: я своим умом дошел до того, что «Смерть Чертопханова» — одна из лучших вещей Тургенева.

Еще раз спасибо!

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: «6 декабря 68 г. О “Записках”».

409. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

3 января 1969. Москва

3/I 69 Москва

Дорогой дед,
не зная, чем тебя развлечь, посылаю продолжение «Записок об Анне Ахматовой». Может быть, пригодятся для чтения. Там и про тебя есть — как мы едем в Переделкино и не можем проехать из-за встречи Неру, а потом, благодаря Жене, прорываемся, и А. А. читает «Поэму». Помнишь этот день? (См. 8 июня 55 г.)

Мне все кажется, что на каком-то месте это должно стать скучным.

Но пока что пишу и пишу.

Впервые в жизни не сплю, как ты когда-то не спал в молодости: целую ночь, потом день, потом ночь. Снотворные принимаю. <...>

Пожалуйста, выздоравливай — но осторожно, не торопясь.

Говорят, ты кончил заново Чехова. Вот бы прочесть!

Целую тебя.

Л.

[Надпись на бумажной обложке:]

Продолжение «Записок об Анне Ахматовой».

Попроси, пожалуйста, Клару Израилевну положить в соответствующую папочку — там, где начало.

410. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 января 1969. Москва

20/I 69

Дорогой дед!

Посылаю тебе корректуру твоей статьи. Я ее перечла — отличная статья, совершенно такая, какая нужна в *данном* случае[1].

Прилагаю свои микроскопические придирки.

Редактор просил всех, кроме меня, править *карандашом*!

Главное: *не торопись*, потому что и у меня, и у Эм<мы> Гр<игорьевны> еще уйдет очень много времени на чтение — книга огромная. Читай свое, когда будешь себя чувствовать бодро, а то пусть лежит.

Целую тебя.

Л.

стр. 25

Тебя не смущает — в сравнении «Предыстории» с «Возмездием», что

1) А. А. терпеть не могла «Возмездия» (кроме Вступления и Варшавы), считала неудачей и пр.

2) В «Предыстории» нет характеристики XX века.

3) «*Здесь* та же густота» — не совсем понятно, где *здесь*: у Ахм<атовой> или у Блока? М<ожет> б<ыть>, сказать: «в Предыстории» или «у Ахматовой»?

4) М<ожет> б<ыть>, в конце абзаца, сказать не «эту поэму», а «эту элегию», п<отому> ч<то> ведь «Предыстория» — одна из «Северных элегий»?

Стр. 37

Разве можно сказать: тема о том? М<ожет> б<ыть>, так: оставив все как есть ввести слово *мысль*:

«На этих же страницах оживает и другая заветная тема Ахм. — *мысль* о том, что...».

Стр. 44

Рифмуется чаянья — молчание. М<ожет> б<ыть> — надежды? вместо чаяний?

Стр. 5

Все-таки в Москве она не жила — «где придется». М<ожет> б<ыть>, чтоб не разрушать ритм фразы, сделать так:

«жила у разных друзей, то под одним, то под другим потолком».

И еще:

На стр. 17 ты говоришь о геометрически точных постройках Ахматовой, и среди перечисленных — «Поэма без героя». Эта «Поэма» — классика в смысле высоты качества, но построена она вовсе не геометрично и не классично, наоборот, все флигельки, затеи, пристроечки — то отступления, то Intermezzo и т.д. Много

несовершенств именно в постройке. Взял бы ты для примера геометрии что-нибудь другое, напр<имер> хотя бы «Три осени».

Я сделала большой промах, не показав тебе статей, печатающихся в этой же книге. Там есть гениальные 1 $^1/_2$ страницы, называющиеся «Слово о Пушкине», — «не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними», то есть о полной победе поэзии и Поэта над всеми Николаями Павловичами, Полетиками, Строгановыми, Нессельроде и пр., — что их дворцы интересны только тем, что здесь «бывал» или здесь «не бывал» Пушкин, что их Петербург ныне — «Пушкинский Петербург». Хорошо бы *назвать эту статью* в том месте, где ты говоришь об ахматовской вере в победу поэзии. То есть просто ее упомянуть.

[1]Л. К. записывает в дневнике: «*17 января 69, пятница*. Событие: позвонил из Л<енингра>да Друян, что высылает сверку... Формулировка такая: «Как вы знаете, книга отложена на неопределенное время. Это значит — м<ожет> б<ыть>, через год, а м<ожет> б<ыть>, и через 3 дня...»

Теперь задача: не заболеть, не сорвать себе снова сон от ощущения спешки.

Я хочу, чтобы кроме меня, К. И. и Э<ммы > Г<ригорьевны> прочли Ника и М<ария> С<ергеевна>».

411. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

20-е числа января 1969. Переделкино

Милая Лида.

Я прокорректировал свою статейку и лишь *потом* узнал, что нужно корректировать простым карандашом. Теперь уж не поправишь. Напишу несколько слов о Твоем вступлении.

Вторая фраза не понятна: когда автор менял датировку? Почему не была сохранена его воля в «Беге времени»? Не лучше ли сказать: «Даты некот<орых> стихотв<орений> изменены, в соответствии с позднейшими указаниями автора. По его указаниям некот<орые> тексты изменены и дополнены.

«*расположены* в конце книги». Не лучше ли «помещены»?

«Расшифрует с помощью словаря». Не лучше ли «найдет в словаре»?

Стр. 25. сравнение с «Возмездием» меня не смущает. Я переименовал «Предысторию» в элегию, хотя сама по себе вне других

элегий она не элегия: слишком много собственных имен и исторических реалий.

Стр. 38 у меня сказано «одностопным ямбом». Это опечатка. Не знаешь ли, какая? На той же странице я прибавил 2 строки о «Слове о Пушкине».

Спасибо за поправки!

Понравилась ли Люше — сорочка?

Дед

Сестра Лунца прочла Твою книгу о «Былом и Думах» и шлет тебе нежный привет.

412. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

27 января 1969. Москва

27/I 69

Дорогой дед.

Коневский очень меня на твой счет утешил. Он сказал, что сердце работает исправно, ритмично. <...>

Ты получил из Мельбурна книгу Гришина «Дневник писателя». Я ее немного поглядела. Сам Гришин не ахти, а цитаты и проблемы интересные. Только странно, что он не сопоставляет «Дневник» с «Колоколом» — ведь это родственно. И Герцена цитирует не по изд<анию> А<кадемии> Н<аук>, а по какому-то однотомнику Гослита 46 г. — экое неприличие И, *кажется*, не поминает ни Долинина, ни Бахтина.

Послал он тебе 2 экземпляра: один тебе, другой — я прочла надпись — «Великому Писателю Земли Русской, глашатаю истины» и пр. Ну, в общем, понятно кому[1]. Этот экземпляр я оставила дома и при случае отдам по назначению. А ты, если будешь Гришину писать и благодарить его, — упомяни, что, мол, 2-й экз. тоже доставлен.

(Я его пока сама читаю. Мне так всегда хотелось написать о Герцене и Достоевском, о «Дневнике» и «Колоколе». Об этом писал Долинин, чего Гришин не ведает.)

Целую тебя. Привет обеим Кларам.

Л.

[1]Речь идет об А. И. Солженицыне.

413. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

30 января 1969. Москва

30/I 69

Дорогой дед!

Посылаю тебе маленький подарок: 2 ленинградские элегии А. А., посланные мне Жирмунским. Я о них тебе говорила. Вот они.

Прочтя их, если тебе станет интересно, возьми в ручки «Бег времени» и открой стр. 441 — цикл «Северные Элегии». Первая — «Предыстория» — тобой любимая. Она в самом деле первая. Вторая же, как теперь ясно, не та, что в «Беге» на стр. 444, а та, которую я тебе сегодня посылаю:

И никакого розового детства, —

это о детстве и юности. Третья — тоже не та, что в «Беге» на стр. 445, а еще одна, из мною тебе посылаемых.

В том доме было очень страшно жить, —

это молодость, Царское Село, Гумилев. Затем IV — та, что в «Беге» на стр. 444 и называется «Вторая» — на самом деле, значит, «Четвертая», — это ее уход от Пунина.«Третья» и «Четвертая» — 445 и 446 — на самом деле, значит, — «Пятая» и «Шестая». Всего их, как она всегда говорила, Семь. О «Седьмой» сказано в потаенной части «Поэмы»:

А со мною моя «Седьмая»,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухою землей набит.

Так вот эта таинственная «Седьмая», найденная недавно Жирмунским, имеет подзаголовок: «Последнее слово подсудимой». У меня ее еще нет. (По-видимому, ВМЖ [Виктор Максимович Жирмунский] хочет привезти мне ее сам, — а он болен, у него воспаление легких.)

Таким образом, как ты видишь, «Северные Элегии» в полном составе — это автобиография Ахматовой от «до рождения» — че-

рез детство, юность, молодость — до похорон памяти («Есть три эпохи у воспоминаний», «Бег», 446) — и до заключения, «Последнего слова подсудимой», еще неизвестного нам.

Сюда еще имеют касательство «Эпические мотивы» («Бег», 224) — но какое? Точно еще не понимаю. Думаю, и она их не очень отделяла от «Элегий».

Целую тебя. Я СПЛЮ БЕЗ СНОТВОРНЫХ!!!

Хоть бы тебе такое счастье.

Л.

414. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

3 февраля 1969. Переделкино[1]

Дорогая Лида. Спасибо за кавычки и за «победительное очарование». Обе поправки благодатны и мудры.

Что касается семи элегий — это открытие делает честь В. М. Ж. Весь богатый замысел всего цикла проясняется вполне. Я прочитал элегии в указанном Тобою порядке — и вижу, что и для биографов Ахматовой, и для исследователей ее творчества знание о последовательности всех семи элегий — немаловажное знание. Но Виктор Максимович и сам отлично понимает, что никакого права печатать все семь элегий подряд у нас нет, потому что найденные элегии — черновики, наметки — и по сравнению с густой и прочной фактурой «Предыстории» кажутся первоначальными набросками.

Как-то ты справляешься без Маруси? Я чуть встану на ноги, попытаюсь организовать доставку Тебе супа и пирожков, и жаркого. Моя болезнь как будто позади. Я страшно слаб — и бездеятелен. Я понял, что случилось со мной во время болезни. Я на самом деле, не для красного словца, *впервые стал стариком.* На меня нападает стариковское оцепенение, стариковская апатия (которой я никогда не испытывал). И чувствую, что это процесс необратимый. Н. И. Харджиев напечатал в «Дне поэзии» статью, задевающую мою литературную честь[2], умалчивая о письме Маяковского ко мне (1920), где Маяковский, называя меня «прямым и простым человеком», убеждает, что «Гимн Критику» написан не обо мне[3]. В другое время мне захотелось бы поговорить об этом с Николаем Ивановичем, которого я сердечно люблю (еще со вре-

мен Шкловских), а сейчас я читаю его напраслину, словно она напечатана на луне, и даже не удивляюсь, почему Н. И. предпринял такой демарш.

Ну, устал. Целую тебя.

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: 3 февраля 69.

[2]Речь идет о статье Н. Харджиева «Из материалов о Маяковском» (сб.: День поэзии. 1968. М.: Сов. писатель, 1968, с. 159). Харджиев установил, что в 1915 году должна была выйти книга стихотворений Маяковского с предисловием Чуковского. Книга, однако, опубликована не была. Харджиев обнаружил верстку книги и утверждает: «Отсутствие предисловия в сверстанном первом листе объясняется, по всей вероятности, тем, что в самом конце июня у Маяковского произошла размолвка с Чуковским, который, по его словам, был «горько обижен» стихотворением «Гимн критику»... 9 июля «Гимн критику» был напечатан в «Новом Сатириконе». Какие же обстоятельства воспрепятствовали изданию сборника «Для первого знакомства» — ссора Маяковского с автором предисловия или внезапный отказ издателя-«мецената»? Точного ответа на этот вопрос не дает даже великолепная память К. И. Чуковского».

[3]Об этом письме Маяковского и обстоятельствах, его вызвавших, рассказано в воспоминаниях Чуковского: «Как-то в 1920 году Маяковский приехал на несколько дней в Петроград... Тогда же сочинил он стишки обо мне... и эти стишки озаглавил «Окно сатиры Чукроста»... Кто-то из присутствующих не без ехидства заметил, что в этих строках ядовитый намек на «Гимн критику», написанный Маяковским года четыре назад и направленный будто бы против меня. Маяковский промолчал и ни словом не возразил говорившему. Вначале я не придал этому обстоятельству никакого значения, но, придя домой и перечтя «Гимн критику», почувствовал себя горько обиженным. «Гимн критику» очень злые стихи, и, если Маяковский не отрицает, что в них выведен я, нашим добрым отношениям конец. В тот же вечер я послал ему письмо, где говорил, что считаю его прямым и простым человеком и потому настаиваю, чтобы он без обиняков сообщил мне, верно ли, что в «Гимне критику» он изображает меня. Если это так, почему он ни разу за все эти годы даже не намекнул мне, что питает ко мне такие неприязненные чувства? Маяковский ответил мне тотчас же:

«Дорогой Корней Иванович!

К счастью, в Вашем письме нет ни слова правды.

Мое «окно сатиры» это же не отношение, а *шутка*, и только. Если б это было — отношение, — я моего критика посвятил бы *давно и печатно.*

Ваше письмо чудовищно по не основанной ни на чем обидчивости.

И я Вас считаю человеком искренним, прямым и простым и, не имея ни желания, ни основания менять мнение, уговариваю Вас — бросьте!

Влад. Маяковский.
бросьте до свидания».

Цитируется по «Современникам». — Собр. соч. Т. 2, с. 268—269. «Окно сатиры Чукроста» см.: Чукоккала, с. 447.

415. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

5 февраля 1969. Москва

5/II 69

Дорогой дед.

Я рада, что элегии заинтересовали тебя. В. М. Ж. в самом деле молодец — но он и не собирается печатать их в основных текстах — он их дает в комментарии. (*Если* вообще вся эта книга состоится.) Я же ему советую выступить в «Новом мире» и напечатать эти черновики — места́ в них, куски — потрясающие. По моему Дневнику точно устанавливается, когда она написала (т.е. прочла мне, написав):

«И длилась пытка счастьем», —

18 июля 55 г.

Теперь несколько слов о тебе и о Харджиеве.

Я кончаю работу над сверкой *завтра*. Т.е. кончаю я ее сегодня, через час (ее прочли, задавая мне вопросы, Мария Сергеевна, Ника и Толя, все по очереди болея гриппом, — потому так долго) — кончаю я сегодня, а отправлять буду завтра, п<отому> ч<то> сегодня должна написать — и где-то перепечатать — руководящее письмо Друяну по поводу всяких путаниц. Завтра все от меня уйдет[1].

И тогда я возьмусь вот за какое дело:

1) прочту статью Харджиева (найду — не знаю, где она).

2) если он там безобразничает — вызову его на дуэль и убью. Доложу об исполнении.

Вот. А тебя умоляю *пока* об этом не думать, совсем. И я не буду — до завтра. Завтра же начну заниматься *только* этим, пока не пойму и не решу.

А. А., которая очень любила Н. И., говорила о нем: «умница, добряк, светлая голова — но как только дело доходит до Маяковского или Хлебникова — теряет ум и сердце».

Ах, какая получилась Ахматовская книга! Точная, толстая. Если бы вышла! (Толя нашел целую строку, выпавшую в «Беге» и мной не восстановленную!) Но рядом с ее стихами, даже над-

гробными, стоят розочки... Картинки, благодаря нашему письму, сняты, а розочки остались. Ну и всякое.

Целую тебя.

Л.

[1]Копия этого письма сохранилась. Приводим отрывки из него: «На стр. 497 я восстанавливаю эпиграф из И. Б. Он был избран автором. Стихотворение с этим эпиграфом печаталось в «Новом мире», 1963, № 1. Эпиграф был поставлен Анной Андреевной в «Беге» и снят вопреки ее воле. Я его обязана восстановить и восстанавливаю — в полном соответствии с 1) советским авторским правом, разрешающим автору выбирать эпиграфы для своих произведений по собственному усмотрению, с 2) советской конституцией, охраняющей права граждан — и в частности, поэта И. Бродского — от всякой дискриминации. Я не знаю, кем запрещено упоминать его имя в печати, но твердо знаю, что это запрещение противоречит закону...

На стр. 559 я восстанавливаю снятый издательством кусок: я уже писала о том, что из истории нашей страны и всего человечества сталинщины все равно не выкинешь и из наследия великого поэта изображения этой поры — тоже. «Поэма без героя» посвящена Истории — для нее всякие изъятия особенно вредны... Замечено оно все равно будет, потому что «Поэма без героя» с этим куском уже печаталась за границей. Да и у нас многие знают ее целиком. Чести такая утайка ни Вам, ни мне не принесет...

Общее желание, просьба, мольба, мечта — снять виньетки. Вдумайтесь: никак нельзя понять, почему рядом с серьезными, иногда трагическими, а иногда надгробными стихами должны стоять веселые розочки? Рядом со стихами «Памяти такого-то» или «Распятием»? Эти виньетки противоречат смыслу ахматовских стихов и их стилю...»

416. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

5 февраля 1969. Москва

Февраль. 5.69

Лидочка.

Посылаю Тебе материалы по поводу заметки Харджиева[1]. Хуже всего то, что я и в самом деле болен и не умею четко излагать свои мысли. Харджиева я всегда считал рыцарски благородным. Зачем же он задевает такую щекотливую тему — именно сейчас, — играя на руку подонкам[2] и зная, что у меня нет возможности ссылаться на мою статью «Ахматова и Маяковский»[3]?

Впрочем, бог с ним!

Целую тебя.

Дед

[1]Эти материалы сохранились в архиве Л. Чуковской. Среди них чье-то письмо (подпись не указана, даты нет; по-видимому, это письмо В. А. Катаняна, от

которого К. И. и узнал о статье Н. Харджиева). Автор задает Чуковскому вопросы по поводу некоторых утверждений Н. И. Харджиева — об адресате «Гимна критику» и о том, почему предисловие Чуковского не появилось в задуманном, но невышедшем сборнике Маяковского в 1915 году.

Приводим полностью ответ Чуковского на вопросы этого письма:

«Я не читал заметки Харджиева, и так как считаю его очень внимательным исследователем, меня удивляет зыбкость его отношения к фактам.

Он указывает дату нашей «размолвки» с Маяковским — лето 1915 года, то есть тот самый период времени, когда, судя по всем документам, Маяковский гостил у меня по нескольку дней, дарил мне свои рисунки, нарисовал ряд моих портретов, охотно участвовал в «Чукоккале», фотографировался рядом со мною и т.д.

«Гимн критику» он написал за моим столом для «Сатирикона». Конечно, ни Маяковскому, ни мне не пришло в голову, что найдутся люди, которые увидят в «Гимне критику» намек на меня. Н. И. Харджиев невольно подтасовывает цитаты. Я в своих воспоминаниях ясно говорю, что на «Гимн критику» я впервые обиделся не в 1915 году, а в 1920-м, когда при Маяковском кто-то ехидно заговорил об этом «Гимне». Это значит, что и в 1915, и в 1916, и в 1917, и в 1918, и в 1919, и в 1920 годах «Гимн критику» не играл никакой роли в наших отношениях. Когда же Маяковский в 1920 году узнал, что меня оскорбила мысль, будто он мог написать анонимный пасквиль на меня, он отчетливо заявил, что мои подозрения неверны, что, если бы он посвятил мне «Гимн критику», он посвятил бы его не за спиной у меня, а печатно.

Сборник «Для первого знакомства» был задуман тогда, когда трусливые издатели не хотели печатать стихов Маяковского без моего предисловия. Но сборник долго был в производстве, Маяковский за это время нашел издателя О. Брика, который горячо уверовал в его дарование, и вопрос о чьем бы то ни было предисловии, очевидно, сам собою отпал.

Впрочем, это было так давно, что память моя не сохранила всех деталей, относящихся к этому мелкому эпизоду.

Возможно, что предисловие было мною написано и что без всякой «размолвки» оно не понравилось Маяковскому. Я вообще ни разу в жизни не писал критических отзывов, чтобы понравиться тому, кого я критикую. Как литературный критик я всегда превыше всего ценил и ценю свободу литературных суждений. Только в рабьем обществе могут слагаться фальшивые мнения, будто репутация критика зависит от его отношений к официально признанным литературным кумирам.

Меньше всего я притязаю на то, чтобы выставлять себя другом Маяковского; конечно, наши литературные взгляды были слишком различны. Но я никак не могу понять, зачем Николаю Ивановичу понадобилось выдать 1920-й год за 1915-й и скрыть от читателя письмо Маяковского, прямо указывающее, что он продолжает и в 1920 году считать меня «прямым и простым человеком», совершенно не похожим на того «критика», которого он изобразил в своем «Гимне». *Корней Чуковский*».

[2]3 июня 1968 года К. И. пишет в своем дневнике: «Сегодня прочитал клеветнический выпад со стороны бандитов в «Огоньке» по поводу Маяковского... я боюсь, что это начало той планомерной кампании, какую начали эти бандиты против меня в отместку за мою дружбу с Солженицыным, за «подписанство» (Дн.-2, с. 445).

В этой записи Чуковского речь идет о статьях в «Огоньке», № 16 и № 23 за 1968 год — «Любовь поэта» и «Трагедия поэта». А. Колосков видит трагедию поэта в травле и непонимании со стороны критиков и возвещает прокурорским тоном: «...пи-

сатель Евг. Замятин, вскоре после этого эмигрировавший за границу, печатает злобную статейку «Я боюсь», где плачет о гибели русской литературы после Октября... Корней Чуковский в книге, вышедшей в 1922 году, определял Маяковского, как «поэта катастроф и конвульсий», утверждал, что «чувства родины у него нет никакого», что «его пафос — не из сердца», «каждый его крик — головной, сочиненный», «его пламенность — деланная. Это Везувий, извергающий вату... Все это отзывается выдумкой, натугой, сочинительством». Жадно схватывая брань, ложь, клевету, которыми враги и недоброжелатели революции забрасывали поэта, троцкист Л. Сосновский начал против поэта кампанию под лозунгами "Довольно Маяковщины"» и т.п.

Все факты в этой тираде перевраны. Статья Замятина «Я боюсь» напечатана в журнале «Дом искусств», № 1, в январе 1921 г., а эмигрировал он не «вскоре», а в 1932-м. Чуковский никакой книги о Маяковском в 1922 году не выпустил, а в том же номере «Дома искусств» в январе 1921 года поместил статью «Ахматова и Маяковский». Мысли, изложенные в этой статье, не соотносятся с теми надерганными обрывками фраз, которые приводит Колосков. Другие несуразицы и натяжки в статье Колоскова, позволившие ему поставить в ряды истинных ценителей поэзии Маяковского — Ленина, Куйбышева и Луначарского, вполне укладываются в общую методологию этого автора.

[3]Статья «Ахматова и Маяковский» находилась в спецхране, как и весь журнал «Дом искусств», № 1 за 1921 год, и поэтому ее нельзя было обсуждать в печати. Чуковский включил эту статью в свой невышедший «Седьмой том», и она была переиздана лишь в 1988 году в «Вопросах литературы» № 1 и в двухтомнике: Корней Чуковский. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990 (Б-ка «Огонек»).

417. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

12 февраля 1969. Переделкино[1]

Лидочка!

Спасибо, что ты отдала столько сердца этому пасквилю. Твое письмо великолепно[2]. Хуже всего то, что сам Николай Иванович, хороший человек, мог поверить, будто в моих критических писаниях есть хоть одна черта, которая шельмуется в «Гимне критику». Маяк<овский> вовсе не был сторонником моих литературных работ, но отсюда очень далеко до морального осуждения их. Вместе с Репиным и Маяковским я в Куоккале выступил и после этого выступил вместе с ним и с Крученыхом в Ленинграде на Бестужевских курсах, где читал своего «Крокодила». Это было либо в 1916 или в 1917 году.

Летом Н. И. был у меня — и ни словом не сказал, что он готовит такую злую передержку — выдаст 1920 г. за 1915 г.

Из-за его злого и *оскорбительного* выступления мое выздоровление пошло насмарку. Ведь если в 1920 г. под живым впечатлением моей статьи «Ахм<атова> и Маяк<овский>» — В. В. все же

написал, что считает меня искренним и прямым человеком и что «Гимн Критику» не имеет отношения ко мне, нужна особая звериная злоба, чтобы выступить в печати с такой дикой напраслиной.

Твое письмо возвратило мне некоторую долю спокойствия — и я от души благодарен тебе.

Целую

Дед

[1]На конверте рукою Л. Чуковской: 12/II 69.

[2]Копия письма Л. Чуковской к Н. И. Харджиеву сохранилась в архиве. Письмо занимает 6 страниц на машинке. На этих страницах Л. К. доказывает, что Харджиев кладет в основу своего утверждения совершенно произвольные датировки и толкования. Л. Чуковская, в частности, пишет: «Я утверждаю, что никакой ссоры из-за «Гимна критику» не только не было, но и не могло быть, и исхожу при этом из живой действительности и характеров действующих лиц. Главная моя улика — сам поэт, которого Вы изучаете, пред которым преклоняетесь, его общественный и человеческий облик...

«Гимн критику» — это сатира, обобщенный образ критика-пролазы, хапуги, образ, написанный ненавидящей, презрительной, брезгливой рукой. Стихи могут писаться быстро, но обобщенный образ выкристаллизовывается не сразу. Дружелюбие, приязнь Владимира Владимировича к Корнею Ивановичу зафиксированы не только воспоминаниями Чуковского, но и обильными документами, о наличии которых Вам, специалисту, я не стану напоминать. И Вы, поклонник великого поэта, этого благородного правдолюбца, дерзкого до отчаянной грубости, можете допустить, что Маяковский, такой, каким мы все его знаем, увидя в Чуковском хотя бы единую черточку проходимца и хапуги — и запечатлев эти черточки в «Гимне критику», — продолжал бы годами якшаться с ним? Позволил бы именам их рядом стоять на афишах, рисовал бы его портреты, читал бы ему стихи, фотографировался вместе, ходил к Репину? Публично диспутировал бы с ним? И все это вместо того, чтобы попросту спустить с лестницы продажного репортеришку, проникающего всюду, по определению «Гимна», без мыла, и «носиком хорошеньким, как подстрочный пятачок, обнюхивающим приятное газетное небо»?

Нет, Николай Иванович, выдвинутая Вами гипотеза оскорбительна не только для Корнея Ивановича. Но и для самого поэта.

Несвойственно было ему годами двоедушничать и лицемерить».

418. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

14 февраля 1969. Москва

Дорогой дед, я видела случайно В. В. Жданова[1], он спрашивает, можно ли тебе послать монтаж из твоих работ о Уитмене, чтобы ты подписал — для Энциклопедии? Или ты сделаешь сам? Без тебя они не хотят.

Пожалуйста, пусть Кл<ара> Изр<аилевна> ему позвонит или ответь мне.

Еще звонил кто-то с выставки Григорьева и Судейкина[2] — не дашь ли ты чего. Я им дала Кларин телефон.

Целую тебя. Желаю выбраться из снотворных.

Л.

14/II 69

[1]Владимир Викторович *Жданов* (1911—1981), критик, литературовед, заместитель главного редактора редколлегии Краткой литературной энциклопедии, автор статьи о К. Чуковском для 8-го тома этой энциклопедии.

[2]Названы художники: Борис Дмитриевич *Григорьев* (1886—1939) и Сергей Юрьевич *Судейкин* (1882—1946). Оба они эмигрировали, и долгое время их работы не выставлялись. В доме Чуковского в Переделкине хранилось несколько рисунков Бориса Григорьева, которые он и предоставил для выставки.

419. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

16 марта 1969. Больница МПС[1]

Дорогая Лидочка.

Мне совсем запрещено писать и читать. Врачи так и заявили, что это главнейшее их предписание. Поэтому я пишу тебе тайком. Здесь тебя помнит няня Никитична и сестра Абгаровна[2]. Никитична, к<ото>рая пострадала «от культа», говорит: «У нас с Лидией Корнеевной одинаковая судьба».

Получил книжку Добина. Аккуратная книжка. Хорошая. Вдумчивая. Но ее появление *невероятно.* Человек свободно говорит о Гумилеве, о Мандельштаме и цитирует «Реквием»!!!! Что за чудо!!! Чего смотрит тов. Толстиков?[3]

Поздравляю Тебя с днем выборóв.

Ко мне здесь все хороши. Пришел один пенсионер, дочь которого, ныне 48-летняя, дружила с Мурочкой!

Все надеюсь на приход Марины, чтобы она мне почитала, а то хожу как слепой.

Может быть, к концу будущей недели увидимся?

Первый раз в жизни я ничего не пишу (а тайком читаю детектив) — и только теперь вижу, какая благодать наша профессия.

Будешь писать Шурочке, Пантелееву, классику[4] — привет от меня самый задушевный. И Копелевым. Книга Добина (я дочитал ее) прочная книга, написанная умело, любовно и неотразимо

доказательно. Если будешь писать ему, поблагодари его от меня дружески. Он прежде писал хорошо, вдумчиво, но темы были узкие (напр<имер>, о кино). Здесь Бог послал ему первоклассную тему, и он достойно выполнил ее. Очень хороши побочные главы: о Вяч<еславе> Иванове, об акмеистах. Нет ли у тебя дальнейших дневников об А. А.?

Надеюсь, что твое здоровье не хуже. На будущей неделе меня выпустят в коридор гулять, и я немного боюсь этого, ибо все население больницы — все подряд состоит из стадных людей, без собственных мыслей, есть даже служанка министра, сломавшая руку. Вся эта мелюзга чувствует, что она здесь по праву, а А. А. А. [Анна Андреевна Ахматова] должна была ложиться в городскую больницу в переполненную палату.

Ну, целую Тебя

Дед

[1]На конверте рукою Л. К.: «Из больницы ж. д. 16/III 69 (день выборов)».

[2]Письмо написано из той же больницы, где незадолго до этого лежала Л. К.

[3]Из книги Добина, уже после напечатания всего тиража, были вырваны два первых листа — как раз из-за тех имен, которым дивится К. И. Добин послал К. И. экземпляр, уцелевший от этой операции. — *Примеч. Л. Чуковской.*

Речь идет о книге: Е. Добин. Поэзия Анны Ахматовой. Л.: Советский писатель, 1968.

[4]...*классик* — так называли А. И. Солженицына.

420. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

21 марта 1969. Больница МПС[1]

Лидочка.

Новые страницы великолепны. Особенно *твои* портреты Зощенко и Пастернака[2].

— Разве Женя красивый? — Это бессмертно и освещает всего Б. Л. как молнией.

И А. А. во всем разнообразии ее любвей и пристрастий.

Живу я ни шатко ни валко. Сейчас 21-е — день М. Б.[3], — но мешают сосредоточиться — врачи, няни, профессора, наянливые посетители.

Надеюсь, что Ты так же ясна и «здорова», как при нашем последнем свидании.

Дед

[1]Письмо датируется по содержанию: «Сегодня 21-е...» — и по надписи на конверте рукою Л. К.: «1969, конец марта, больница».

[2]*...портреты Зощенко и Пастернака* — имеются в виду их литературные портреты в «Записках». Т. 2, с. 156—157 и с. 178—181.

[3]*...день М. Б.* —М. Б. Чуковская умерла 21 февраля 1955 года.

421. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 марта 1969. Москва

23/Ш 69

Дорогой дед.

У меня к тебе превеликая просьба. Дело в том, что старый мой друг, Зоя Моисеевна Задунайская, тяжело заболела и оказалась в больнице. По-видимому, почти наверное, у нее инфаркт. Мне звонила Шура: Зоя лежит в коридоре, боли лютые, внимания к ней никакого. Шурочка считает, что если бы ты написал в больницу с просьбой вдумчиво и серьезно отнестись к больной — это имело бы большое значение. Вот кому и куда надо писать:

Ленинград, Литейный, 56. Больница имени Куйбышева, I терапия.

Заведующей отделением Надежде Степановне Коточиговой (sic!).

Напиши, что, мол, ты очень тревожишься, что был бы благодарен, если бы тебе сообщили о состоянии больной; что ты с ней дружен 30 лет; что она — прекрасный литератор (фольклористка, редактор), что она вдова писателя, погибшего во время блокады. Что ты заинтересован, волнуешься и пр.

Шура уверяет — твое письмо заставит их заняться З<оей> М<оисеевной> как следует. А то ведь Зоя — не член Союза, и заниматься ею решительно некому, и кротка и безгласна.

Рада, что тебе понравилось мое продолжение. Много еще написано, но не перепечатано.

Прочла я Добина. Впечатление сложное. Конечно, хорошо, что пишет об АА человек любящий, умелый, хороший, не подонок. Но все-таки он неумен, и ошибок — множество. Я ему напишу благодарно, однако ошибок не скрою.

Целую.

Л.

422. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

1 апреля 1969. Москва

Дорогой дед.

Посылаю тебе не тот подарок, о котором все время мечтала, но тоже, кажется, хороший; надеюсь, он тебя обрадует[1].

Это ручка из Японии с золотым пером.

Чтобы она не портилась, надо: 1) наливать в нее только иностранные синие чернила (у меня они есть, лондонские, и я их тебе налила),

2) не оставлять ручку открытой — закрывать!

3) научиться накачивать чернила при помощи рычажка — как? это поняла даже я, стало быть, и ты поймешь с помощью ученой Люши,

4) писать гениальные произведения.

Правда, меня несколько смущает, что пишет она жирно, толсто — но тут уж ничего не поделаешь! Чем богаты, тем и рады.

Целую тебя и хочу придти.

Л.

Посылаю также письмо Питера Нормана. Он у меня был. Кажется, он славный.

[1] 1 апреля — день рождения К. И.

423. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

6 апреля 1969. Москва

Дорогой дед.

Я говорила по телефону с Шурой: она говорит, что твое письмо о Зое имело магическое действие, и просит поблагодарить тебя от Зоечки и от себя самой. Зою перенесли из коридора в палату — правда, в палате 6 человек, но тут уж ничего не поделаешь... И начали ее лечить.

Спа-си-бо!

Я опять очень хочу тебя видеть, но предоставляю это твоему усмотрению. Как только пригласишь — приеду.

Целую тебя.

Л.

6/IV 69

424. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

13 апреля 1969. Больница МПС[1]

Дорогая Лида!

Пишу Тебе толстым, но великолепным пером. Благодаря этому перу я переменю свой скаредный мелкий почерк — и стану писать щедрым, размашисто, что более соответствует моей натуре! Целую Тебя — и от души радуюсь, что Ты не нашла плотника, ибо для моего возраста единственное плотничье изделие — гроб[2].

Мне опять муторно: температура, слабость, безумная борьба с бессонницей.

Держу корректуру своего шестого тома с зубовным скрежетом, ибо здесь собраны мои худшие статьи и тщательно выброшены лучшие. Хотелось бы получить новую порцию дневников Ахматовой...

Еще раз целую тебя.

Спасибо!

Ручка такая аппетитная, что хочется подарить ее Тебе.

Дед

[1]На обороте листа рукою Л. К.: «из ж. д. больницы 13 апреля 69».

[2]*...радуюсь, что Ты не нашла плотника...* — Я заказала для К. И. ко дню рождения полки на колесиках (он часто менял место работы), но столяр не сделал, подвел, и я с опозданием, вместо полок, подарила ему японскую ручку. — *Примеч. Л. Чуковской.*

425. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Около середины апреля 1969. Москва

Дорогой дедище. Если угодила ручкой — то рада. На всякий случай посылаю синие лондонские чернила в пузырьке, хотя Кл<ара> Изр<аилевна> говорила, что у тебя такие есть.

Об Ахм<атовой> чуть приостановилось. Когда накопится — пришлю. Не могу там распутать один узелок, и это меня держит. Кроме того, для отвлечения занялась переделкой одной моей старой повести[1]. Кроме того, опять сбилась со сна, стала принимать отраву, и от этого чувствую себя вялой.

Я полюбила Питера Нормана, потому что он сказал:

«Если бы не Швеция, а моя страна дала премию Шолохову, — я бы эмигрировал».

Вот гордый бритт!

Понравился ли тебе его «Гамлет»?[2] Или это только подстрочник? не берусь судить.

Как ты упорно продолжаешь простуживаться! Отчего это?

Конечно, просьба: звонил Ю<лиан> Г<ригорьевич>, спрашивал, получил ли ты его письмо... Ему, ослепшему, больному, мне кажется, следовало бы ответить...

А когда же мне можно придти к тебе? (Я обретаю настырность некоторых твоих знакомых дам...)

Целую тебя.

Л.

[1]Вероятно, речь идет о повести «Спуск под воду».

[2]Речь идет о стихотворении Пастернака «Гамлет» в переводе Питера Нормана.

426. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

20 апреля 1969. Москва

20/IV 69

Дорогой дед.

Слышу от Кл<ары> Изр<аилевны> и Люши, что ты не очень-то хороший: t^0 повышена. А почему — непонятно.

Теперь вот у меня какая просьба — отрицательного порядка. Ты был когда-то столь великодушен и щедр, что выстроил и подарил мне «Пиво-Воды». Пожалуйста, не лишай меня и дальше этого поместья! Я не знаю, удастся ли мне там *жить* (Люша и доктор говорят, что тамошний микроклимат мне не годится!), но ведь в сухое жаркое летнее время я все-таки буду *приезжать* в Переделкино — видеть тебя и дышать НЕ бензином. Буду сидеть в саду, преимущественно, но и свой угол, хотя бы величиной 3х3, чтобы побыть одной, переодеться, почитать, полежать, — мне тоже нужен. Я намерена просить Люшу и послать специально Марусю восстановить в «Пиво-Водах» все, как было у меня устроено, — печку, пюпитр, лампу, кресло, столики, постель — словом, все, вплоть до коробочек со скрепками, кнопками, вплоть до фотографий, чтобы «Пиво-Воды» стояли и ждали меня, приспособленные ко мне, хоть и пустые, но *мои*.

Почему я тебе это пишу?

Потому что начинается лето, охотников пожить в моем домике найдется много — я, по слухам, куда-то еду, — и я очень боюсь, чтобы там не завелся кто-нибудь путем самозарождения. Мне кажется, на вещи и деньги я не скупа, но на жилье *очень*. Объясняется это, вероятно, тем, что нет на свете существа, более зависимого от жилья, чем я. Сон, работа, отдых, нервы — все для меня зависит от жилья; от приспособленности жилья ко мне; делиться жильем я могу — и хочу — только с самыми близкими; я могу подарить все вещи не моргнув глазом, но не выношу, когда они кочуют; и мою совесть нисколько не будет мучить, если «Пиво-Воды», снаряженные для меня, простоят пол-лета пустые... Возьму да и приеду — буду приезжать утром и уезжать вечером, сидеть на своем крыльце и чувствовать себя *дома*. Т.е. лечиться покоем и воздухом.

Такова моя скупость. Ничего не поделаешь. Пожалуйста, не сердись на меня за это маленькое предупреждение.

Целую тебя.

Л.

Дала наконец Ахм<атову> в машинку. Скоро пришлю кусочек.

427. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

21 апреля 1969. Больница МПС[1]

Дорогая Лида!

Конечно, у меня и в мыслях не было — покушаться на «Пиво-Воды». Чуть только в лесу подсохнет, в этот домик (не без содействия Люши) будут перенесены и установлены на прежних местах все прошлогодние вещи. Я хотел бы только там при помощи кирпичей, сделать у домика помост, чтобы под ногами у тебя не было сырости.

У меня обычная триада: насморк, грипп, воспаление легких. <...>

Твоя ручка — прелесть. Я совсем выбился со сна. Буду рад дневнику об Ахматовой.

Дед

[1]На обороте листа рукою Л. К.: «из ж. д. больницы 21/IV 69».

428. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

30 апреля 1969. Больница МПС [1]

Дорогая Лида.

У меня все время теплится какая-то хворь. Вот уже три месяца, как я ничего не пишу. Читаю только детективы. Мне стыдно показаться тебе на глаза — до того я опустился нравственно и умственно. Спасибо Тебе за страницы об А. А. Самые горячие страницы о самом горячем времени. В то время Ты удивлялась, откуда у тебя, несмотря на счастливую ситуацию, грусть[2]. Теперь можно дать точный ответ. Я рад, что Люша уехала в Питер. Когда она вернется, она восстановит прежний порядок в «Пиво-Водах». Здесь меня преследует музыка, как и тебя на ул. Горького.

Дед

[1]На обороте листа рукою Л. К: «30/IV 69. Из Л. К. ж. д. больницы».

[2]*...страницы об А. А.* — Речь идет о «Записках», относящихся к 1956 году, к речи Хрущева на XX съезде. — См. «Записки». Т. 2, с. 188—199.

429. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

23 мая 1969. Руза

23/V 69
Руза

Дорогой дед.

Каждый день благословляю Митю, тебя и Хренникова[1]. «Здесь преступно хорошо», как говорила Анна Андреевна. Конечно, вы не предусмотрели погоду, но это уж я вам, так и быть, прощаю.

Композиторы содрали с меня крупную сумму не зря. Я живу в отдельном домике из трех комнат. Посреди большой комнаты самая необходимая для меня вещь — рояль. Но письменный стол, две постели, три дивана, ванная, веранда, ковер, лампы, коврики тоже в наличии. Кресла. Шкафы. Имеются также большие печи, которые топят каждый день, и в печах золотые угли. К моему великому удивлению, истопница приходит тогда, когда я не сплю и не работаю.

До сих пор, кроме истопницы, никто не переступал порога моего дома. Меня здесь никто не знает, я живу неопознанная.

Беседую только с дамой, сидящей за моим столиком, но она часто ездит в город, и потому фактически я сижу одна. Да еще одна старушка-пенсионерка за соседним; мы не знаем друг друга ни по имени, ни по фамилии, но снабжаем друг друга советами о талонах на телефон и меню.

Кругом, за соседними столиками, кипят разговоры, но я сижу и слушаю, как в шапке-невидимке.

Да и не очень-то сижу: мне некогда, у меня много дела.

1) Работаю.

2) Слушаю радио.

3) Обучаю себя ходить по парку 45 м<инут> подряд, 2 раза в день.

4) Читаю с карандашом II том, который у меня наконец есть[2].

5) Самое трудное: хочу научиться засыпать в 11 и вставать в 9.

Я надеюсь, в эти холодные дни ты не сидишь в саду, а если сидишь на воздухе, то только на балконе. Даже тут, на горé, — и то я хожу только по благоустроенному парку. Сунулась один раз в лес, но он слишком густой, то есть совершенно мокрый. У тебя в саду тоже, наверное, сейчас сыро и холодно.

Если будешь посылать мою книжку своему оксфордскому коллеге — напиши ему, пожалуйста, что стоит прочесть всего одну главу: о языке[3]. Остальное банально.

Вопросов не задаю, потому что ответить ты не успеешь. Вернусь 31-го, сразу позвоню тебе и попрошу аудиенции... А прочел ли ты в «Новом мире» кроме Дедкова «С миру по нитке»[4]? Не худо.

Целую тебя.

Л.

[1]Упомянуты *Митя* (Д. Н. Чуковский, внук К. И.) и председатель Союза композиторов Т. *Хренников*, у которого К. И. выхлопотал путевку для Л. К. в Дом композиторов под Рузой.

[2]Имеется в виду 2-й том Собрания сочинений Анны Ахматовой, выпущенный за границей (Inter-Language Literary Associates, 1968).

[3]Вероятно, речь идет о книге Лидии Чуковской «“Былое и думы” Герцена». Последняя глава «Это горит и жжет» — о языке.

[4]Л. К. пишет о «Новом мире», № 3, в частности о статье И. Дедкова. «Страницы деревенской жизни (Полемические заметки)» и о письме в редакцию учителя В. Канашкина «С миру по нитке...». В. Канашкин обличает во «всестороннем плагиате» Виктора Шишова, автора очерка «Михаил Алексеев».

430. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

11 июня 1969. Переделкино[1]

Дорогой Лидок! Не писал Тебе, так как надеялся, что Ты приедешь в «Пиво-воды», — кроме того, так переутомился, что не имел силы (в самом деле не имел) взять в руки перо. Замучила меня корректура 47 печ<атных> листов VI тома и другие работы, в числе которых совершенно никому не нужная статья о Репине (для «Юности»)[2], большая внутренняя рецензия о восьмом томе Кони[3], позорно отредактированном в Юриздате, и т.д., и т.д., и т.д.

Слышал стороною, что процесс выиграли Пунины. Нисколько не удивился. Было бы странно, если бы иначе. Эпоха монолитная, цельная.

Приезжай!! Я сукинсынски работаю до 5—6 часов. А потом свободен до вечера. Что ты знаешь о Ване Халтурине? Говорят, его окончательно разбил паралич.

Дед

[1]Письмо случайно опущено шофером в почтовый ящик. — *Примеч. Л. Чуковской.*

Почтовые штемпели: Москва 11.6.69; Москва 17.6.69.

[2]Эта статья в «Юности» не появилась.

[3]К. И. был одним из редакторов восьмитомного Собрания сочинений Анатолия Федоровича Кони, выходившего в Юриздате.

431. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

15 июня 1969. Москва[1]

Лидочка!

Очень жалко бедную Любарскую[2]! Я хотел бы послать ей 20 рублей по рублю, чтобы она могла обеспечивать благосклонность нянь, но не знаю, где она, на каком этаже и т.д. Сообщи ее точный адрес Виктору Федоровичу.

Ее докторше я написал. <...>

Дед

[1]На обороте листа рукою Л. К.: «15/VI 69 из Переделкина».

[2]Речь идет о Любови Эммануиловне *Любарской*, давней знакомой К. И. и Л. К.

432. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

Июнь 1969. Москва

Дорогой дед,
спасибо за деньги, но особо за письмо. Деньги-то я уже ей и раньше свезла, а вот письмо только теперь начинает действовать. (Бедняга попала туда под субботу и воскресенье; сегодня первый день можно добиться толку).

Тебе привет.

Состояние среднее, держится великолепно, острит, шутит, ни одной жалобы, — хотя обстановка черная: при мне подали яйцо и соль на обрывке грязной газеты... Нет звонков; нет посуды; 1 няня на 30 тяжелобольных.

Врачи хорошие, ухода нет. Ухаживать — кормить и пр. — должны родные и нянькам платить за каждую услугу. <...>

Целую тебя. Л<юбовь> Э<ммануиловна> горячо благодарит. Что с ней будет, когда она выйдет на костыле?

Л.

У Л<юбови> Э<ммануиловны> перелом шейки бедра — самый тяжелый.

433. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому

9 августа 1969. Москва

Суббота, 9 августа 69 г.

Дорогой дед.

Завтра — в воскресенье — приезжает Люшенька; я задержалась в городе и хотела с нею вместе приехать в Переделкино. Но *не* приеду: опять хуже с сердцем, и в таком виде ехать в Пиво-Воды нельзя. Надо перележать очередной приступ одышки и пр. *дома.*

А у меня к тебе просьба, и притом *срочная,* и т.к. я не знаю, поедет ли завтра к тебе Люша (в виду моего состояния), то на *всякий случай* вручаю это письмо моему большому другу Нике Николаевне Глен, которая едет завтра — в воскресенье — в Переделкино.

Дело в том, что мерзавцы вдруг заявили, что выпишут Люб<овь> Эм<мануиловну> около 12-го числа, потому что у них не полагается лежать более 2 месяцев... Ей лучше; кость *срастается*;

ее учат стоять, и если бы не торопили выписывать — м<ожет> б<ыть>, она с костылями и научилась бы ходить... Поэтому я прилагаю черновик письма к директору больницы, которое *умоляю* превратить в беловик и затем поручить шоферу в понедельник *с утра* отвезти

1) твое письмо к Лапченко в административный корпус <...>

Л.

Очень прошу, чтобы шофер поехал в больницу *раньше* других дел (а то врачи уйдут). Если Лапченко нет на месте — пусть оставит заму.

434. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

11 августа 1969. Переделкино[1]

Дорогая Лидочка!

Все сделано по глаголу Твоему. Я чуть-чуть проредактировал твое письмо к Лапченко, Митя переписал его очень красиво на красивой бумаге — и Виктор Федорович поехал в больницу спозаранку. В твое письмо вложена копия этого письма. <...>

Какою приехала Люша? Хоть немного отдохнула? Очень хочу ее видеть. Из моей книги, из 21-го издания выбросили большие куски (глава «Борьба за сказку»). Словом, изгадили даже «От двух до пяти», чтобы не оставить ни одной книги без своего отпечатка.

Целую Вас обеих!

Люшу с Тезоименитством!

Дед

Твое письмо к Лапченко[2] воспроизводим в *точности*, но 2-й абзац читается так:

«Л<юбовь> Э<ммануиловна> Л<юбарская> человек одинокий. Она врач. Всю свою жизнь отдала медицине. Ей 88 лет. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой...» и т.д.

[1] На конверте рукою Л. Чуковской: 11.8.69.

[2] *Лапченко* — директор Боткинской больницы; я послала К. И. черновик обращения к Лапченко с просьбой продлить пребывание Л. Э. Любарской в больнице на месяц. — *Примеч. Л. Чуковской.*

435. К. И. Чуковский — Л. К. Чуковской

Около 20 октября 1969. Загородная больница[1]

Дорогая Лида. Я не просто не могу стоять на ногах, а я просто перестаю существовать, чуть сделаю попытку приподняться. Желудок у меня так же отравлен, как и почки, почки — как печень. Две недели тому назад я вдруг потерял способность писать, на следующий день — читать, потом — есть. Самое слово *еда* вызывает во мне тошноту.

Нужно ли говорить, что все права собственности на мой архив, на мои книги «Живой как жизнь», «Чехов», «Высокое искусство», «Мой Уитмен», «Современники», «От двух до пяти», «Репин», «Мастерство Некрасова», «Чукоккала», «Люди и книги», «Некрасов» (1930), «Книга об Александре Блоке» я предоставляю тебе и Люше. Вам же гонорар за Муху Цокот

[1]Предсмертное письмо К. И. ко мне, неоконченное и вклеенное им в Дневник, написано в Кунцеве, в Кремлевской Загородной больнице, в боксе 93, во второй половине октября 1969 г. (Думаю, незадолго до 20/X). — *Примеч. Л. Чуковской.*

28 октября 1969 года К. И. Чуковский скончался в этой больнице.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

[1] Составила Ж. О. Хавкина.

Цифры, набранные прямым шрифтом, соответствуют номерам писем.

Полужирным шрифтом выделены номера тех писем, в примечаниях к которым приводятся краткие сведения о данном лице.

Фамилии без инициалов принадлежат неустановленным лицам.

Имена из вступительной статьи и из подписей к иллюстрациям в Указатель не включены.

СОДЕРЖАНИЕ

Корней Чуковский — Лидия Чуковская

ПЕРЕПИСКА:
1912—1969

Редактор
Е. А.Шкловский
Корректор
Л.Н. Морозова
Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

На форзацах:

Рисунки Бориса Григорьева (Лида Чуковская, 1915);
Владимира Маяковского (портрет Чуковского
в «Чукоккале», 1915);
Н. Войтинской (портрет Чуковского, 1909)
Фотографии А. Лесса и В. Веселовского

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»
Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (095) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlo.magazine.ru

Формат 60x90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 37. Заказ № 774

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Новое литературное обозрение

Теория и история литературы, критика и библиография
Периодичность: 6 раз в год

Первый российский независимый филологический журнал, выходящий с конца 1992 года. «НЛО» ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устарелых категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте.
В «НЛО» читатель может познакомиться с материалами по следующей проблематике:
— статьи по современным проблемам теории литературы, охватывающие большой спектр постмодернистских дискурсов; междисциплинарные исследования; важнейшие классические работы западных и отечественных теоретиков литературы;
— историко-литературные труды, посвященные различным аспектам литературной истории России, а также связям России и Запада; введение в научный обиход большого корпуса архивных документов (художественных текстов, эпистолярия, мемуаров и т.д.);
— статьи, рецензии, интервью, эссе по проблемам советской и постсоветской литературной жизни, ретроспективной библиографии.
«НЛО» уделяет большое внимание информационным жанрам: обзорам и тематическим библиографиям книжно-журнальных новинок, презентации новых трудов по теории и истории литературы.

Подписка по России:

«Сегодня-пресс»
(в объединенном каталоге «Почта России»):
подписной индекс 39356

«Роспечать»:
подписной индекс 47147 (на полугодие)
48947 (на весь год)

Неприкосновенный запас

Дебаты о политике и культуре
Периодичность: 6 раз в год.

«НЗ» — журнал о культуре политики и политике культуры, своего рода интеллектуальный дайджест, форум разнообразных идей и мнений.

Среди вопросов и тем, обсуждаемых на страницах журнала:

— идеология и власть;
— институции гуманитарной мысли;
— интеллигенция и другие сословия;
— культовые фигуры, властители дум;
— новые исторические мифологемы;
— метрополия и диаспора, парадоксы национального сознания за границей;
— циркуляция сходных идеологем в «правой» и «левой» прессе;
— религиозные и этнические проблемы;
— проблемы образования;
— столица — провинция и др.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2002-2003 гг. вышли:

Серия **«Научная библиотека»**

Д. Токарев. **КУРС НА ХУДШЕЕ**
Абсурд как категория текста у Д. Хармса и С. Беккета

Исследование Д. Токарева посвящено сравнительному анализу двух интереснейших писателей XX в. — Д. Хармса и С. Беккета, в творчестве которых автор обнаруживает поразительные аналогии, позволяющие прояснить смысл таких ключевых для современной эстетики понятий, как «абсурд» и «алогическое», «нонсенс» и «бессмыслица». Хармс-прозаик сумел выразить то же ощущение ужаса перед неизбывностью неорганического, аморфного, бессознательного бытия, что и Беккет. Автора интересует не исторический контекст творчества обоих писателей, а то, каким образом зародилась литература, видящая единственный смысл своего существования в самоуничтожении, в достижении молчания белой страницы.

Н.А. Фатеева. **ПОЭТ И ПРОЗА: КНИГА О ПАСТЕРНАКЕ**

Исследование посвящено творчеству Б.Л. Пастернака. Акцент в книге делается на феномене сосуществования двух форм языкового выражения — стиха и прозы — в рамках единой творческой системы, которая у Пастернака отличается именно чередованием двух форм словесности, что позволяет описать явление литературного «билингвизма» в эволюционном аспекте. В результате параллельного анализа стихотворных и прозаических текстов определяются инварианты индивидуальной системы Пастернака и дается по возможности полное описание его художественной картины мира. В заключительной части книги художественная система автора «Доктора Живаго» сопоставляется с некоторыми другими системами (Пушкин, Лермонтов, Набоков). Книга предназначена для филологов — литературоведов и лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами художественной коммуникации.

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в следующих магазинах:

«Ад маргинем» - 1-й Новокузнецкий пер., 5/7;
тел.: 951-93-60
«Библио-глобус» - ул. Мясницкая, 6; тел.: 924-46-80
«Гилея» - Нахимовский просп., 51/21; тел. 332-47-28
«Гнозис» - Зубовский бульвар, 17, стр. 3, к. 6;
тел.: 247-17-57
«Графоман» - 1-й Крутицкий пер, 3; тел.: 276-31-18
Книжная лавка писателей при Литфонде -
ул. Кузнецкий мост, 18; тел. 924-46-45
Книжная лавка при Литинституте -
Тверской бульвар, 25; тел. 202-86-08
«Ломоносов» - ул. Трофимова, 18-А; тел. 279-38-86
«Молодая гвардия» - ул. Большая Полянка, 8;
тел. 238-50-01
«Москва» - ул. Тверская, 8; тел. 229-64-83
Московский Дом книги - ул. Новый Арбат, 8;
тел.: 290-45-07; 290-35-80
О.Г.И. - Потаповский пер., 8/12, стр. 2;
тел. 927-56-09
«Пироги» - ул. Пятницкая, 29; тел. 136-74-33
«Пресс-торг» - ул. 2-я Тверская-Ямская, 54;
тел. 978-60-22
«Русский путь» - ул. Новая Радищевская, 2/1;
тел.: 915-10-47
«Фаланстер» - Б. Козихинский пер., д 10;
тел. 504-47-95
«У кентавра» - Миусская пл., 6; тел.: 250-65-46

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2002-2003 гг. вышли:

Серия «HISTORIA ROSSICA»

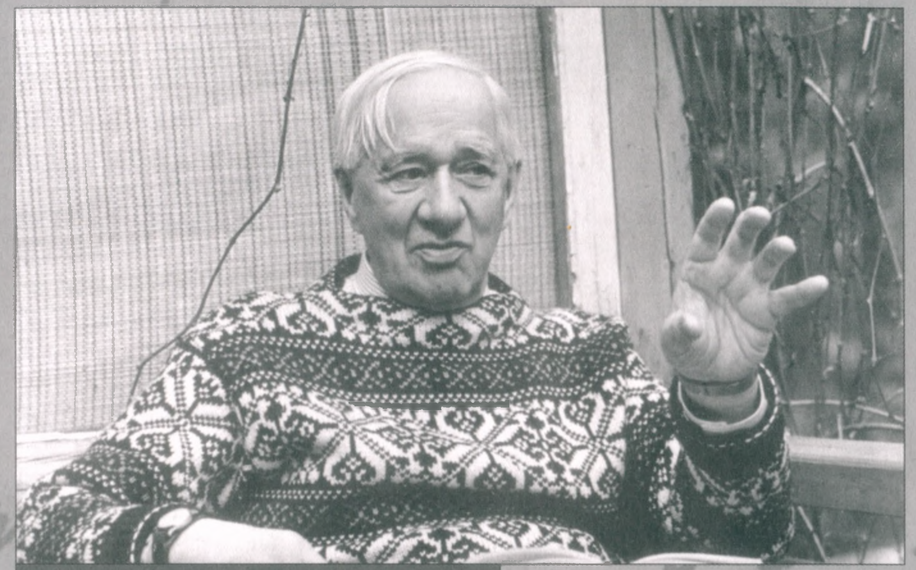
Исабель де Мадариага. **РОССИЯ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ**

Автор книги — почетный профессор Лондонского университета, один из наиболее авторитетных в мире специалистов по истории России XVIII столетия, глава британской школы историков-славистов. Предлагаемая книга является наиболее фундаментальным, основанным на сотнях разнообразных источников исследованием одного из важнейших периодов российской истории. Уже вскоре после своего выхода книга получила статус «классического» труда и обрела общемировое признание.

Ларри Вульф. **ИЗОБРЕТАЯ ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ:**
Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения

В своей книге, ставшей обязательным чтением как для славистов, так и для всех, стремящихся глубже понять «Запад» как культурный феномен, известный американский историк и культуролог Ларри Вульф показывает, что нет ничего «естественного» в привычном нам разделении континента на Западную и Восточную Европу. Вплоть до начала XVIII столетия европейцы подразделяли свой континент на средиземноморский Север и балтийский Юг, и лишь с наступлением века Просвещения под пером философов родилась концепция «Восточной Европы». Широко используя классическую работу Эдварда Саида об Ориентализме, Вульф показывает, как многочисленные путешественники — дипломаты, писатели и искатели приключений — заложили основу того снисходительно-любопытствующего отношения, с которым «цивилизованный» Запад взирал (или взирает до сих пор?) на «отсталую» Восточную Европу.

Дорогой Эд.

1968 Переделкино Снимал В. Веселовский

Становлюсь на

Жду их. Обс.

50-е годы. Москва

Переписка Корнея Чуковского (1882–1969) с дочерью Лидией Чуковской (1907–1996) продолжалась более полувека. В переписке отразилась даже не эпоха, а многие эпохи XX века, преломленные в судьбах большой семьи. Но особенность этой переписки в том, что наряду с обстоятельствами семейными, бытовыми, письма изобилуют литературными событиями. Они принадлежат литераторам и поэтому содержат портреты многих современников и отзываются на литературные дискуссии тех лет. Большинство писем публикуется впервые.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ISBN 5-86793-231-1
9 785867 932312 >